

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

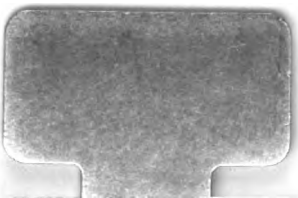
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P 51a v 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

МАРТЪ1881

ДѢЛО

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 5

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ГОРЕ ПОВѢЖДЕННЫМЪ. Романъ въ трехъ частяхъ. (Окончаніе второй части).	А. ШАВЕЛЬСКАГО.
2. ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ПО СТАРОМУ.	С. С. ШАШКОВА.
3. СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА. Романъ. (Главы I—XIII).	УЙДА.
4. СВРЕЧЕННАЯ. Стихотвореніе.	А. П. БАРЫКОВОЙ.
5. НОВЫЙ. (Изъ хроники южно-русскаго села).	И. Н. ПОТАПЕНКО.
6. ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО. (Окончаніе).	Л. МВЧНИКОВА.
7. СПАРТАКЪ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Глава XIII).	РАФАЭЛЯ ДЖИОВАННОЛИ.

(См. на оборотѣ).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

8 НОВЫЕ ТИПЫ „ЗАБИТЫХЪ ЛЮ-

ДЕЙ“. (Статья вторая). Ф. Б—А.

„Братья Карамазовы“. Ром. въ 4-хъ частяхъ, съ эпилогомъ, соч. Ф. М. Достоевскаго. С.-Петербургъ. 1881 г.

9. ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА. Н. РУСАНОВА.

Robertъ Овенъ. Объ образованіи человѣческаго характера. Сиб., 1881 г.—

Dr. E. Dühring, Die Judenfrage, als Racen-Sitten und Kulturfrage. Leipzig, 1881.

10. НОВЫЯ КНИГИ.

О дѣлахъ житейскихъ. Разсказы Старога учителя. Сиб., 1881 г.—

Ю. Э. Якобиъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Томъ II, отд. I. Статистика сельскаго хозяйства. С.-Петербургъ, 1880 г.—

О компромиссѣ Джона Морли. Переводъ съ второго изданія, съ предисловіемъ и статьею „о духѣ компромисса въ Англіи“, М. Цебриковой. Сиб., 1881 г.

11. „ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА“. В. КРЕТОВСКАГО.

(Псевдонимъ).

12. ВОИНСКАЯ ПОВИННОСТЬ ВЪ МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМЪ УѢЗДѢ.

(1874—1879 г.г.). И. К.

13. ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ. Ф. РЪШИЦОВА.

Журналъ безъ всякаго направленія. — Возможенъ-ли такой журналъ?—

Заявленіе редакціи „Полярной Звѣзды“.—Наши читатели и ихъ требованія. — Первая книжка новаго журнала. — „Импровизаторъ“ — „негибноть“ въ

прозѣ. Д. Литошенко. — „Вольнодумцы“, графа Салиаса. — Изъ дальнихъ дѣтъ, Т. Пассекъ. — Переводный романъ Юкаля. — Новый романъ г. Всеволода Кретовскаго — „Египетская тьма“, или „Жидъ идетъ“. — Продолженіе

„Египетской тьмы“, мною составленное. — Образчики газетной публицистики.

14. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. И. Ш.

I. Люди мысли и люди дѣла. — II. Практическія послѣдствія переходныхъ

мѣръ „Положенія“ объ освобожденіи крестьянъ. — III. Шестидесятые и восьмидесятые годы.

15. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕН- НАЯ ХРОНИКА. Ж—Бл.

Англійскія затрудненія и ирландскія дѣла.

При этомъ № разсылается городскимъ и иногороднымъ подписчикамъ объявленіе отъ фортепіанной фабрики К. М. Шредера.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1881 г.

(ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ).

„ДЪЛО“ издается по той-же программѣ и въ томъ-же направ-
леніи, какъ оно издавалось въ прежнія 14 лѣтъ, при томъ-же
составѣ постоянныхъ сотрудниковъ, подъ общою редакціею Н. В.
Шелгунова и при непосредственномъ участіи въ редакціон-
ныхъ работахъ Н. Ф. Бажина и К. М. Станюковича
(Откровеннаго Писателя).

Объемъ, форматъ и срокъ выхода книжекъ остаются прежніе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНИЮ ЖУРНАЛА «ДЪЛО».

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ Петербургъ	16 » — »
Съ пересылкою иногороднымъ	17 » — »
Съ пер. за-границу во всё государст. и страны .	19 » — »

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редак-
ціи журнала «ДЪЛО», по Надеждинской ул., домъ № 39.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ, живущихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ ближайшее почтовое мѣсто, въ которое можно было-бы адресовать прямо книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція не можетъ ручаться за исправную доставку журнала и за удовлетвореніе жалобъ на неполученіе книжекъ журнала, на томъ основаніи, что Газетная Экспедиція петербургскаго почтамта не принимаетъ отъ редакціи подобныхъ жалобъ и не входитъ въ ихъ разсмотрѣніе, отзываясь, что не имѣетъ возможности собирать справки и требовать объясненій изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ правильного почтового приѣма и отвѣтственнаго почтового учрежденія.

2) Когда книга журнала не получается подписчикомъ своевременно или вовсе не доходитъ по своему назначенію, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобъ, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ не позже полученія слѣдующей книжки журнала. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ почтовымъ вѣдомствомъ правилъ, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не принимаетъ.

3) При перемѣнахъ адреса необходимо сообщать старый печатный адресъ бандероли или-же номеръ билета. При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса редакція проситъ прилагать три почтовыхъ семи-копѣчныхъ марки за напечатаніе новаго адреса.

4) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р. 50 к.; при перемѣнѣ-же иногородняго на городской уплачивается 1 р.

5) Жалобы и перемѣны адресовъ адресуются исключительно въ контору редакціи журнала „Дѣло.“

6) Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, благоволятъ прилагать почтовые марки, если желаютъ получить отвѣты.

7) Рукописи, признанныя редакціею неудобными для помѣщенія въ журналъ „Дѣло“, а равно и рукописи напечатанныхъ статей, хранятся въ конторѣ редакціи не болѣе года и затѣмъ, по истеченіи этого срока, уничтожаются, если не будутъ вытребованы обратно. Мелкія статьи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція не входитъ ни въ какія письменныя объясненія, хотя-бы и были приложены для этого почтовые марки.

8) Высылка рукописей иногороднимъ возможна только въ томъ случаѣ, когда на почтовые расходы будутъ представлены въ редакцію деньги соразмѣрно стоимости пересылки.

9) Для личныхъ объясненій съ редакціею просятъ обращаться въ главную контору журнала „Дѣло“ по субботамъ отъ 2—5 часовъ, по Надеждинской ул., № 39.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 3

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ Е. А. ВЛАГОСВѢТЛОВОЕ, НАДЕЖДИНСКАЯ, Д. № 39

1881

Рслан 236-4 (1881, 10-3)

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „ДѢЛА“ за прошлые года можно пріобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1871 годъ съ пересылкою	10	р.
” 1872 ” ” ”	10	”
” 1876 ” ” ”	8	”
” 1877 ” ” ”	10	”
” 1880 ” ” ”	12	”

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ. 13 марта 1881 года.

1-го марта, около двухъ часовъ дня, распространилось по городу потрясающее извѣстіе о покушеніи на жизнь Государя Императора, а къ 3-мъ часамъ явилось нижеслѣдующее правительственное сообщеніе, подтвердившее тревожные слухи:

Сего 1-го марта, въ 1³/₄ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, по набережной Еватеринскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало объявленіе г. министра внутреннихъ дѣлъ, оповѣстившаго о кончинѣ Государя Императора Александра Николаевича:

«Воля Всевышняго свершилась. Въ 3 часа 35 минутъ дня сего 1-го марта Онъ призвалъ къ Себѣ Государя Императора Александра Николаевича.

За нѣсколько минутъ до кончины Его Императорское Величество изволилъ приобщиться Святыхъ Таинъ».

Утромъ послѣ роковаго дня войска и гражданскіе и придворныя чины явились къ своимъ мѣстамъ для принесенія присяги на вѣрность и службу Его Величеству Императору Александру Александровичу, а въ 2 часа сто одинъ выстрѣлъ съ Петропавловской крѣпости возвѣстилъ столицѣ о воцареніи Императора Александра III.

Восшествіе на престолъ обнаружено нижеслѣдующимъ Высочайшимъ манифестомъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,
ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на Его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смирясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устройенію счастья всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту нашихъ предковъ всю жизнь нашу попеченіямъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Мы призываемъ нашихъ вѣрноподданныхъ соединить ихъ молитвы съ нашими мольбами предъ Алтаремъ Всевышняго и повелѣваемъ имъ учи-

вить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 1-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія-же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
«АЛЕКСАНДРЪ».

Государь Императоръ Александръ Александровичъ ознаменовалъ свое вступленіе на престолъ двумя нижеслѣдующими государственными актами. Первый актъ есть Высочайшій указъ Правительствующему сенату, которому повелѣно:

«Манифестомъ 19-го февраля 1861 года блаженные памяти Родитель Нашъ Государь Императоръ Александръ II, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, предоставилъ имъ права свободныхъ сельскихъ обывателей. Съ распространеніемъ, согласно сему манифесту и дополнительнымъ къ оному законоположеніямъ, на крестьянъ дѣйствія общихъ законовъ, повелѣваемъ привести и крестьянъ наравнѣ со всѣми вѣрными Нашими подданными къ присягѣ въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу.

«Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего указа Нашего надлежащія распоряженія.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
1-го марта 1881 года.

Затѣмъ, 4 марта въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» сообщенъ переводъ циркулярной депеши Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Гирса, къ Россійско-Императорскимъ представителямъ за-границею:

«Его Величество Государь Императоръ, вступая на Прародительскій Престолъ, приѣмлетъ въ наслѣдіе преданія, освященные временемъ, дѣяніями Его предшественниковъ, трудами и жертвами поколѣній, созидавшихъ прошлое Россіи.

«Его Величество, принимая это наслѣдіе всецѣло, ставитъ Свѣ въ священную обязанность передать его ненарушимо Своимъ преемникамъ.

«Россія, какъ всѣ другія государства, должна была, для созиданія своего, выносить борьбу, въ которой выработались ея силы и народный духъ.

«Нынѣ она достигла своего полнаго развитія. Чувства зависти и недовольства ей одинаково чужды. Ей остается только упрочить свое положеніе, оградить себя извнѣ и развить свои силы, свои богатства, свое благосостояніе. Такова цѣль, которую поставляетъ Себѣ Нашъ Августѣйшій Монархъ, и Его Величество твердо рѣшился неуклонно идти къ ней.

«Государь Императоръ посвятить Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и социальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ.

«Внѣшняя политика Его Величества будетъ вполнѣ миролюбовою. Россія останется вѣрною своимъ друзьямъ и неизмѣнною въ чувствахъ, освященныхъ преданіями, отвѣчая въ то-же время взаимностью на дружественный образъ дѣйствій всѣхъ государствъ. Сохраняя принадлежащее ей въ средѣ другихъ державъ положеніе и заботясь о поддержаніи политическаго равновѣсія, согласно съ ея интересами, она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ.

«На Россіи лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы.

«Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастья ея и безъ вреда другимъ.

«Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ Своей политикѣ.

«Его Величество поручаетъ вамъ довести объ этомъ до свѣденія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитатъ настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ».

Надъ преступниками, покусившимися на жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича, по Высочайшему повелѣнію учрежденъ судъ Особаго Присутствія Сената съ сословными представителями, который и начнетъ свои дѣйствія 18-го марта.

ГОРЕ ПОБѢЖДЕННЫМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VIII.

Опять стали поговаривать о томъ, что Леденевъ намѣренъ отказаться отъ трудной обязанности управлять городомъ. Въ газетахъ стали появляться статьи, въ которыхъ расхваливались новые кандидаты. „Охранитель“, вѣрный Крагину, указывалъ на него, какъ на единственнаго человѣка, способнаго занимать столь трудный постъ. Въ „Вѣстникѣ“ же Хорзая, напротивъ, гласные приглашались обратить серьезное вниманіе на тотъ фактъ, что вотъ уже второй городской голова отказывается отъ исполняемой имъ обязанности; тутъ-же приводились слова, сказанныя Парфеновымъ: „я стремился, я хотѣлъ быть полезенъ городу, но если мнѣ это не совсѣмъ удалось, то причины тому лежали не во мнѣ одномъ“... „Не худо было-бы, говорилось далѣе въ этой статьѣ,— подумать о причинахъ, которыя мѣшаютъ также и Леденеву приносить пользу городу. Въ комъ лежатъ эти причины!?“ Далѣе трактовалось о томъ, „съ какой ясностью излагались при Леденевѣ доклады о городскихъ нуждахъ, какъ въ основу всякаго его дѣйствія ложилась непосредственно выгода города, а не отдѣльныхъ лицъ или кружка. Вспомните только продажу казенныхъ зданій на вѣрнопостной площади, потомъ мостовое дѣло. Леденеву удалось въ самое короткое время поставить его такъ, что подрядчикъ не

снѣлъ уже мостить улицы гранитомъ, вмѣсто рѣчного булыжника, и двадцатирублевую разницу между этими двумя породами камня класть въ карманъ себѣ или, можетъ быть, кому-нибудь другому. О, какъ невыгодно быть подрядчикомъ при Леденевѣ, у котораго строгость въ отчетахъ по всѣмъ дѣламъ доходитъ до щепетильности! У него никогда ни одна копѣйка не расходовалась на то, что не было ясно оговорено въ предварительныхъ засѣданіяхъ“... „Берегитесь, предостерегала газета,—выбирать такого городского голову, который не живетъ въ городѣ, не занимается городскими дѣлами и потому не несетъ отвѣтственности за дѣла, производимыя его именемъ. Можетъ быть, это выгодно для нѣкоторыхъ лицъ, но очень убыточно для города“.

Картавцевъ приписалъ эту статью Лебедѣ; Мандену она была передана въ видѣ инсинуаціи на Крагина; самъ-же Крагинъ былъ увѣренъ, что ее написалъ Билибинъ.

Когда слухи объ отказѣ Леденева перешли въ дѣйствительный фактъ, старый Гавриловъ поднялъ свою сѣдую голову и сказалъ: „хочу быть городскимъ головой: я не хуже ихъ!“ И эти слова взволновали все Побережье,—начались толки и совѣщанія. Смутный вопросъ о бѣдныхъ, возникшій въ душѣ Гаврилова, отошелъ на задній планъ. Онъ убѣдился, что заботы о нихъ могутъ совсѣмъ не входить въ кругъ обязанностей новаго городского управленія. Онъ сталъ группировать около себя всѣхъ мелкихъ купцовъ и мѣщанъ; зажиточныхъ не нужно было приглашать,—они сами чувствовали потребность сойтись около своего давнишняго представителя; зато среди мелкихъ гласныхъ шла дѣятельная пропаганда, поддѣрживаемая виномъ. Вино лилось щедро, до такой степени щедро, что въ день выборовъ нѣкоторые изъ мѣщанъ перепились и даже ползкомъ не могли доползти до зданія, гдѣ происходили выборы. Когда приступлено было къ баллотировкѣ, Гавриловъ окинулъ зоркимъ окомъ гласныхъ, и сердце его ёкнуло. Онъ мысленно сталъ считать тѣхъ, на кого вѣрно рассчитывалъ, и не досчитался десяти мѣщанъ.

Крагинъ тоже агитировалъ передъ выборами, но онъ хлопоталъ въ пользу Парфенова, а самъ рѣшительно отказался даже отъ баллотировки. Его примѣру послѣдовали Картавцевъ и Манденъ. Первымъ кандидатомъ былъ опять избранъ Леденевъ. Базалось, гласные во что-бы-то ни стало хотѣли имѣть его своимъ предста-

вителемъ, но, послѣ упорныхъ просьбъ съ одной стороны и упорнаго отказа съ другой, выборъ палъ на Парфенова. Гавриловъ получилъ пятью шарами меньше своего соперника. Голоса, видимо, раздѣлились. У Гаврилова оставалась, такимъ образомъ, слабая надежда на то, что Парфеновъ, можетъ, откажется. Нѣкоторые положительно утверждали, что онъ не приметъ на себя этой обязанности. И вотъ, когда была получена телеграмма отъ Парфенова, въ которой онъ выразилъ свою благодарность и согласіе, съ Гавриловымъ чуть не сдѣлалось дурно.

Въ слѣдующее за тѣмъ засѣданіе, Крагинъ, объявивъ гласнымъ о согласіи Парфенова, присовокупилъ, что онъ, какъ старшій членъ управы, долженъ поневолѣ заступать мѣсто городского головы, но, какъ только послѣдуетъ утвержденіе Парфенова, онъ попроситъ думу освободить его отъ обязанности, которую несъ онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ и которая иногда черезчуръ усложнялась, вслѣдствіе того, что никто не хотѣлъ оставаться въ званіи городского головы. „Въ настоящее время, присовокупилъ онъ,—у меня прибавилась новая забота по управленію банкомъ, и эта забота требуетъ немалого напряженія силъ съ моей стороны“.

— Благородный человѣкъ! говорили нѣкоторые.

— Вретъ! утверждалъ Лебеда.—Никогда онъ не откажется.

— Почему ты такъ думаешь? спросилъ его Герке.—Зачѣмъ же было ему говорить объ этомъ?

— Зачѣмъ было говорить? Да чтобъ всё чувствовали, какія онъ усилія дѣлалъ надъ собой для блага города. Теперь ему только лафа начнетъ управлять за спиной Парфенова. Леденевъ не даромъ отказался. Управьтесь-ка съ такимъ гусемъ, когда вся управа за него: Блинышъ, Картавцевъ...

— Однако, онъ устранился отъ баллотировки...

— Великую проницательность нужно имѣть для этого, нечего сказать! Онъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понять выгоды отступленія. Хочешь держать пари, что когда прійдетъ Парфеновъ, онъ не только не откажется, но даже и не заикнется о своей сегодняшней просьбѣ?

Герке задумался и ничего не отвѣтилъ.

— Не рѣшаешься? спросилъ его Лебеда.

— Да Богъ его знаетъ! лѣниво процѣдилъ онъ и зѣвнулъ.

— Тебя уже больше не интересуютъ подобныя дѣла?

— Я въ нихъ извѣрился, отвѣчалъ Герке.

— Люблю я это выраженіе: „извѣрился!“ заговорилъ Лебеда.— Благородно и высокихъ помысловъ знаетъ; а главное, покойно, покойно до того, что можно игнорировать всѣ призывныя колокола, кромѣ одного,—звущаго обѣдать...

— Ты все это ко мнѣ относишь? спросилъ его Герке, улыбаясь.

— Къ тебѣ и къ другимъ. Вонъ тоже, указалъ онъ на трехъ господъ, стоящихъ у дверей:—они рѣшили, что съ сегодняшняго дня носа не покажутъ въ думу, потому-что думой будетъ управлять quasi-голова—Брагинъ.

— И хорошо дѣлаютъ! замѣтилъ Герке.

— Не знаю, хорошо-ли они дѣлаютъ, но это чисто по-русски. Дадутъ намъ что-нибудь—первый актъ: мы возликуемъ; второй: ничего не сдѣлаемъ, и третій: извѣримся и отдадимъ себя на създеніе тѣмъ, которые понаглѣе насъ.

Бывшіе пріятели разстались.

— Получилъ свою долю пирога и успокоился, говорилъ Лебеда женѣ своей.—Этотъ будетъ салазки подавать тѣмъ, которые его посилятъ.

— И охота тебѣ говорить ему „ты!“ сказала Софья Александровна.

— Я, знаешь, какъ-то трудно мирюсь съ тѣмъ, что люди мѣняются.

— Мѣняются... вѣдь это ты съ братомъ вообразилъ себѣ, что онъ нѣчто, а мнѣ онъ всегда казался саломъ, да еще дряннымъ. Всегда онъ мнѣ былъ противенъ, добавила она.

„А этотъ Лебеда вѣчно пустяками занятъ, думалъ о немъ Герке.—Самъ себѣ создаетъ волненія... Все это такъ скучно!!!“

Возвратясь домой, онъ плотно покушалъ и безмятежно заснулъ. Ничто его не волновало; ему казалось, что вездѣ тишь и гладь и Божья благодать.

ГЛАВА IX.

— Куда это вы собрались? спрашивалъ Поватиловъ, входя въ домъ Лебеды и сталкиваясь съ Софьей Александровной въ передней.

— Я хочу ѣхать на набережную. Не хотите-ли со мной? пригласала она его.

— На набережную? Что я тамъ буду дѣлать?

— Будешь смотрѣть на суету. Сегодня утромъ сорвались барка на Подховарицѣ, и ихъ затерло льдомъ недалеко отъ большого моста.

— А я хотѣлъ попросить вашего мужа одолжить мнѣ какую-нибудь книжку почитать.

— Что такъ неопредѣленно? Какую-нибудь...

— У меня нѣтъ охоты въ настоящее время читать что-нибудь опредѣленное. Одолжите мнѣ Байрона или кого-нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ.

— А Шевченко хотите?

— Боже сохрани! Я зналъ въ Петербургѣ малоросса, который постоянно гнусилъ: „По диброви витерь віе, гуляе по долу“.

— И потому вы возненавидѣли Шевченко?

— Не возненавидѣлъ, а мало понимаю по-малорусски.

Софья Александровна достала ему томъ стихотвореній Байрона.

— Прескверный вашъ городъ! говорилъ Покатиловъ, выходя съ ней на улицу.—Грязь! Скуча!

— И чѣмъ виновать нашъ прелестный городъ, что у васъ на душѣ и скверно, и скучно?

— Виновать, конечно...

— Почему вы не составите себѣ кружокъ знакомыхъ по душѣ?

— А вы имѣете такихъ знакомыхъ? спросилъ онъ.

— Конечно. Но относительно васъ я-бы никогда не могла сказать, какое общество можетъ васъ удовлетворить.

— Почему-же вы такъ думаете?

— Да потому, что, мнѣ кажется, вы никогда не подходите къ человѣку прямо, безъ предварительно-составленнаго о немъ мнѣнія. У васъ для каждаго есть своя собственная мѣрка, причѣмъ вы иногда не только вершки, но и цѣлыя четверти упускаете изъ виду.

Она умоляла.

— Продолжайте, продолжайте, поощрялъ ее Покатиловъ. — Вашими устами говорить сама истина.

— Вы разсердились? спросила она.

— Нисколько.

Софья Александровна посмотрѣла на него: глаза его свѣтились, и онъ, видимо, едва удерживался отъ смѣха.

— Хотите, я буду продолжать? предложилъ ей Покатиловъ.

— Ненужно; я и сама могу. Итакъ, я сказала, начала она невозмутимо, — что вы стараетесь не узнать человѣка, а прилѣпить къ нему, во что-бы-то ни стало, извѣстный ярлыкъ. Относительно самого себя вы поступаете такимъ-же образомъ: вы вѣчно заняты тѣмъ, что желаете втиснуть себя въ извѣстную раму; но это вамъ не всегда удастся. И, мнѣ кажется, что чѣмъ болѣе вы объ этомъ будете хлопотать, тѣмъ болѣе шансовъ, что съ вами можетъ случиться что-нибудь совсѣмъ для васъ необычное. Вы, если можно такъ выразиться, саморазвѣдатель. Потому, вы чрезвычайно какъ стараетесь скрыть ваши внутреннія побужденія. Быть непроницаемымъ, это ваша любимая мечта.

Она замолчала.

— Вы кончили? спросилъ ее Покатиловъ.

— Кончила, отвѣчала она.

— Все это вы вычитали у Мартина Задеки?

— Нѣтъ, въ васъ самихъ, сказала она просто.

— Почему вы такъ много занимаетесь мною?

— Потому, что вы для меня интересны.

— А я думаю, существуетъ другая причина.

— Какая-же это?

Она быстро повернула къ нему голову.

— Вы — женщина праздная, отвѣчалъ онъ холодно.

— Вотъ какъ! Почему вы такъ думаете?

— Васъ это задѣло?

— Я — женщина, и потому могу сознаться, что меня это задѣло; а вотъ вы не сознались-бы въ этомъ!

— Но вамъ и не удастся задѣть меня.

— Въ самомъ дѣлѣ? Теперь я знаю еще одно ваше свойство.

— Какое-же это?

— У васъ есть, кромѣ большого самолюбія, и маленькое.

— Пожалуйста, прекратимъ этотъ разговоръ: такъ скучно говорить постоянно о самихъ себѣ!

Софья Александровна посмотрѣла на него сбоку: глаза его не свѣтились больше. „Сердится“, подумала она.

— А все-таки вы праздная женщина, упрямо повторилъ онъ, поймавъ ее взглядъ.

— Будемъ говорить лучше о постороннихъ вещахъ... Только у насъ съ вами никакой другой разговоръ не завяжется: вы будете думать о томъ, что я вамъ сказала, и наоборотъ.

Поватиловъ пожалъ плечами. Онъ начиналъ, дѣйствительно, сердиться, тѣмъ болѣе, что не могъ не сознаться, что въ ее словахъ была доля правды. „Откуда у нея берется такая пронипательность? думалъ онъ въ свою очередь.— Она, безспорно, умна; но у нея злой, отталкивающій умъ, совсѣмъ не женскій!“ И вотъ теперь онъ чувствовалъ, что не можетъ не думать о томъ, что она говорила. Неужели у него есть маленькое самолюбіе? Какъ онъ не любилъ, когда женщина осмѣливалась говорить о свойствахъ его натуры; а она такъ безцеремонно коснулась самой болѣзненной черты его характера: саморазъданія. Онъ всегда сильно боролся противъ этого свойства и скрывалъ его. На ее сторонѣ было преимущество: она открыто признавалась во всѣхъ своихъ недостаткахъ.

Они молча сѣли на извозчика и молча доѣхали до рѣки.

Это было въ понедѣльникъ на страстной недѣлѣ; былъ свѣтлый апрѣльскій день. Вдоль набережной толпилось множество народа. Маленькіе мальчики озабоченно переговаривались и, цѣпляясь другъ за друга, суетливо проталкиваясь, спѣшили внизъ, не соображая, что сверху гораздо лучше видѣть, что происходитъ на рѣкѣ, особенно для такихъ маленькихъ людей, какъ они. А по срединѣ рѣки, надвинутыя одна на другую, съ торчащими вверхъ мачтами, стояли десять или пятнадцать барокъ. Онѣ были до такой степени стиснуты надвинувшимся на нихъ льдомъ, что края нѣкоторыхъ накренились до уровня воды. У берега держался еще ледъ, но на разстояніи сажени образовались прогалины. Предстояло спасти людей, находившихся на баркахъ, обрубить мачты, для предохраненія моста отъ разрушенія, въ случаѣ если барки опять двинутся внизъ отъ напора льда, какъ это случилось сегодня утромъ. У самаго берега работало нѣсколько крестьянъ надъ проведеніемъ каната.

— За что зацѣпить канатъ? кричали голоса.

— Цѣпляйся за ракиту! раздавалось сверху.

Нѣсколько мужиковъ схватили конецъ веревки и полѣзли

вверхъ на высокій берегъ, чтобъ отыскать годное дерево; но ни одного такого не оказалось. Они остановились въ недоумѣніи.

— Цѣпляй за камни! кричалъ чей-то звучный басъ.

На берегу лежала сажень сложенного булыжника. Одни мигомъ обвили веревку нѣсколько разъ вокругъ камней, другіе взяли свободный конецъ ея и пошли по льду. Всѣми командовалъ здоровенный дѣтина съ курчавой всклокоченной головой; теперь онъ, съ длиннымъ шестомъ, предводительствовалъ кучкой храбрецовъ, пробуя толщину льда и указывая куда слѣдуетъ идти. Въ одномъ мѣстѣ ледъ затрещалъ, и вожакъ окунулся по поясъ въ воду; онъ быстро выкарабкался и пошелъ впередъ. Изъ кучки стоявшихъ на берегу евреевъ тоже выдѣлился одинъ. Онъ засучилъ свои желтые панталоны, приподнял полъ лапсердака и съ отчаянной храбростью зашагалъ по льду.

— Посмотрите, посмотрите! вскричала Софья Александровна.— Что должна чувствовать жидовская душа, чтобы пуститься въ такой опасный путь!

Въ это мгновеніе еврей провалился по колѣни въ воду.

— О, вей миръ, вей миръ! слышались отчаянные крики его собратьевъ.

Публика, видимо, слѣдила за нимъ. Его желтые панталоны потемнѣли, шапка упала въ воду; онъ кидался то въ одну, то въ другую сторону, и каждый разъ, когда проваливался, внизу слышался отчаянный крикъ „вей миръ“, а наверху жестокій смѣхъ.

Мужики, между тѣмъ, дотащили канатъ до барокъ; его тотчасъ подхватили находящіеся тамъ люди и стали прикрѣплять. Полиціи нигдѣ не было видно. Вдругъ примчался верховой, оглашая воздухъ пронзительнымъ крикомъ. Толпа шарахнулась къ берегу, нѣкоторые съ трудомъ удержались за перила, а недалеко отъ Софьи Александровны изгнившій деревянный барьеръ отъ натиска публики рухнулъ и увлекъ за собой неосторожныхъ. Примчался губернаторъ, за нимъ полиціймейстеръ, и не прошло и пяти минутъ какъ около нихъ образовалась цѣлая свита полицейскихъ чиновъ. Дѣло подвигалось, однако, кучкой храбрецовъ: они подхватили еще нѣсколько концовъ каната и потащили ихъ къ берегу, держась за предварительно протянутую веревку.

— Видите, Софья Александровна, подошелъ къ ней господинъ, по имени Александръ Ивановичъ,—какъ полиція группи-

руется около начальства. А барки съ шести часовъ стоятъ среди льда, и никого не было!

— Вы не видали-ли моего мужа? спросила его Софья Александровна.

— Онъ сидитъ вонъ тамъ, на бревнахъ, съ Галкой. Можетъ быть, пойдете къ нему?

— Что это? спросила его Софья Александровна, указывая налѣво отъ барокъ.

Поперекъ дороги черезъ ледъ, по которой обыкновенно ходили пѣшеходы на другую сторону рѣки, виднѣлось что-то громадное, черное, плоское. Издали можно было принять это что-то за развалившуюся досчатую стѣну.

— Это плотъ, отвѣчалъ Александръ Ивановичъ.— Вы видите, его приподнало и надвинуло на барку. Эта барка непременно должна потонуть; смотрите, съ нея уже выкачиваютъ воду.

— Неужели можно еще спасти грузъ? спросилъ Покатиловъ.

— Не думаю. Я-бы запретилъ людямъ оставаться на баркахъ,—ихъ можетъ сразу подхватить и разбить о мостъ.

— Что-же станется тогда съ людьми? спросилъ Покатиловъ.

— Бросятся на ледъ. Конечно, многіе потонутъ.

Вдругъ нѣсколько полицейскихъ замахали руками, закричали и побѣжали по направленію дороги черезъ ледъ, прорѣзанной плотомъ. У берега показался человекъ съ длинной палкой; онъ хотѣлъ, по всей вѣроятности, пройти на погибающую барку, но, увидя бѣгущихъ полицейскихъ, вернулся назадъ.

Отъ начальства отдѣлились еще нѣсколько человекъ, съ приказаніемъ охранять дорогу, которая уже значительно потемнѣла. Полицейскіе окликнули своихъ товарищей: тѣ остановились, и между ними начались переговоры. Тогда изъ толпы выдѣлилась женщина въ ватной ситцевой кофтѣ и короткой юбкѣ. Она что-то громко проговорила толпѣ и отправилась безо всякой палки по потемнѣвшей дорогѣ къ плоту. Въ публикѣ слышались неистовые возгласы. „Назадъ! Назадъ!“ кричали ей. Полицейскіе бросились бѣжать, начальство заволновалось, отъ него отдѣлилось еще нѣсколько человекъ и, размахивая руками, побѣжали къ дорогѣ. А баба шла впередъ твердо, смѣло, не оглядываясь. Толпа точно замерла и, притавивъ дыханіе, слѣдила за ней. Когда она ступила на конецъ плота, у всѣхъ, точно изъ одной

грудь, вырвался радостный крикъ облегченія. Многіе думали, что она, вѣроятно, связана чѣмъ-нибудь съ погибающей баркой. Но вдругъ она обернулась къ берегу, проплыла на плоту трепака, замахала руками и пустилась въ обратный путь. Этому никто ужъ не ожидалъ; раздался громкій неудержимый смѣхъ.

— Экая проклятая баба! говорилъ сѣдой мѣщанинъ впереди Софьи Александровны, добродушно улыбаясь.

Другой, по-моложе, держался за бока и покатывался отъ смѣха.

— Смотри, смотри! Ее въ полицію берутъ! завопилъ онъ.

— За что въ полицію? возражалъ старикъ.— Благополучно дошла и народъ посмѣшила.

— Берутъ! Ей-Богу, берутъ! закричалъ молодой и опрометью пустился внизъ, гдѣ полиція дѣйствительно схватила бабу и тащила ее куда-то.

— Пусть храбрости не показываетъ! внушительно проговорилъ старикъ, поглядывая на окружающихъ.

Сѣрая публика, видимо, была довольна этимъ представленіемъ. Софья Александровна направилась къ мужу; Покатиловъ послѣдовалъ за нею. Лебеда сидѣлъ на большой кучѣ сваленныхъ бревень, надъ самымъ спускомъ къ берегу. Софья Александровна запагала по этимъ бревнамъ, а Покатиловъ по землѣ. Не успѣлъ еще Лебеда замѣтить ихъ, какъ она надвинула ему сзади шапку до самаго носа.

— Кто это? вскричалъ онъ.

Онъ поймалъ ее и, быстрымъ движеніемъ руки схвативъ ее за талию, посадилъ около себя.

— Конечно, это ты, добавилъ онъ нѣжно, и, все еще съ нахлобученной шапкой на глаза, ему удалось поцѣловать ее въ самыя губы.

— Тебѣ и потемки помогаютъ, замѣтилъ Александръ Ивановичъ. А Покатиловъ смотрѣлъ и думалъ: „Вотъ обрадовались другъ другу! Неужели можно такъ долго сохранить свѣжесть во взаимныхъ отношеніяхъ?“

— Иванъ Семеновичъ Покатиловъ! отрекомендовала его своему мужу Софья Александровна.

Лебеда поздоровался и пригласилъ его сѣсть рядомъ. Покатиловъ отказался.

Было какъ-то странно видѣть его здѣсь, очень тщательно одѣтаго, въ цилиндрѣ и перчаткахъ, среди этой толпы, состоящей преимущественно изъ мѣщанъ и рабочихъ. Александръ Ивановичъ и Лебеда были одѣты, сравнительно съ нимъ, какъ сапожники, а на господинѣ, сидѣвшемъ рядомъ съ Лебедой и извѣстномъ подъ именемъ Галки, была надѣта какая-то коричневая, мохнатая, коротенькая чамарка. Покатилова ни съ кѣмъ не знакомили; ему было неловко и досадно, зачѣмъ онъ попалъ сюда. Онъ прищурился и съ небрежнымъ видомъ сталъ всматриваться въ даль, которая въ настоящую минуту не возбуждала въ душѣ его никакихъ пріятныхъ ощущеній.

Повернувъ голову, онъ поймалъ взглядъ Софьи Александровны, вопросительно устремленный на него. Непріятное расположеніе духа еще болѣе усилилось сознаниемъ, что она, пожалуй, понимаетъ причину его недовольства.

Вдругъ она улыбулась и кивнула ему головой. Это его окончательно взбѣсило, и онъ опять отвернулся.

— Познакомъ, шепнула она мужу, толкнувъ его локтемъ.

Лебеда представилъ своимъ пріятелямъ Покатилова, какъ своего гимназическаго товарища.

Покатиловъ церемонно протянулъ свою тонкую руку сначала Александру Ивановичу; но, когда пальцы его очутились въ рукѣ Галки, онъ невольно воскликнулъ:

— Покажите мнѣ, ради Бога, вашу руку!

Галка добродушно развернулъ передъ нимъ ладонь своей ко-лоссальной мозолистой лапы.

— На медвѣдей ходите? спросилъ Покатиловъ, смотря на громадную, красивую фигуру Галки, лицо котораго по самымъ глазамъ заросло курчавой черной бородой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Галка, — мирнымъ занятіямъ преданъ. — Это отъ веселья и инструментовъ, добавилъ онъ, проводя пальцемъ по своей мозолистой ладони. — А вы, Софья Александровна, вы въ бурнусъ или въ шубѣ? обратился онъ къ ней.

— Въ бурнусъ, отвѣчала она.

— Ну, такъ если вашъ мужъ объ васъ не заботится, я позабочусь. Встаньте, пожалуйста.

Онъ разостлалъ на бревнахъ большую сѣрую свиту съ запла-тани.

Въ это время, со стороны, противоположной той, откуда пришли Софья Александровна и Покатиловъ, послышался глухой, мѣрный стукъ отъ множества ногъ, ударяющихъ подборами о камни, и скоро изъ-за угла показались солдаты. Они шли скорымъ маршемъ, держа въ рукахъ топоры и кирки. „Стой!“ командовалъ офицеръ, поворачивая лошадь. Солдаты остановились, вонзили топоры въ деревянные стропила и застыли на мѣстѣ.

— Вотъ и саперы пришли, сказалъ Лебеда.

— А кой имъ чортъ! замѣтилъ Галка.—Постоять, постоять, посмотреть да и уйдуть; все-жъ начальству легче будетъ!

А на рѣвѣ продолжалась дѣятельная работа. Сначала рухнула одна мачта, потомъ другая, третья; стукъ падающаго дерева смѣшивался съ раздающимися возгласами. Вверхъ по теченію, за глыбами льда, рѣка вдругъ сильно потемнѣла. Поднялся вѣтеръ.

— Быть бѣдѣ! сказалъ Галка.

— Отчего вы такъ думаете? спросилъ его Покатиловъ.

— Видите, вонъ темная точка вдаль? отвѣчалъ Галка.—Мнѣ кажется, что эта точка движется. Софья Александровна, ваше зрѣніе острѣе моего, посмотрите, точка стоять или движется?

Софья Александровна встала и начала всматриваться.

— По моему, это плыветъ какой-то домъ, сказала она.

— Значить, сорвало лободовскія мельницы!

Все принялись смотрѣть на движущійся предметъ. Но точка, сначала быстро увеличивавшаяся, вдругъ точно остановилась.

— Зацѣпилась за косу, сказалъ Галка;—теперь она можетъ тамъ простоять и до завтра.

Въ эту минуту передъ ними, точно изъ земли, выросъ здоровый дѣтина съ курчавой головой; мокрое бѣлье облѣпило его мощное тѣло; онъ дрожалъ, зубы стучали отъ холода.

Галка взялъ разостланную на бревнахъ свиту и накинулъ ему на плечи. Гигантъ ослабился, кивнулъ головой и быстро направился къ строенію, гдѣ виднѣлась надпись: „распивночно и на выносъ“. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ вдругъ круто повернулся.

— А вы что? спросилъ онъ саперовъ, которые какъ автоматы смотрѣли на все происходившее.

— Видишь что! отвѣчалъ кто-то изъ солдатъ.

— Штаны боитесь замочить, а туды-же, куда люди!

Въ толпѣ послышался смѣхъ. Гигантъ махнулъ рукой и быстро пошелъ въ кабакъ.

— Плыветъ! закричалъ вдругъ Галка.— Плыветъ!

Нѣсколько голосовъ повторили это страшное слово: всѣ взоры устремились на рѣку. Галка быстро сбѣжалъ внизъ; тамъ, при его появленіи, произошла паника. Всѣ полицейскіе закричали, замахали руками и безцѣльно заметались вдоль берега.

— Еще веревокъ! Еще! раздавалось со всѣхъ сторонъ.

Нѣсколько смѣльчаковъ бросились съ берега и пустились вилавъ, держа концы канатовъ. А посреди рѣки, гонимое подвигающимися льдомъ, быстро приближалось чудовище.

— Долой съ барокъ! Долой! кричали отчаянные голоса.

Спасительные сваряды!.. Но какъ ихъ переправить? Спустили лодку, но ее тотчасъ затерло льдомъ. А чудовище надвигается, надвигается... Вдругъ раздался оглушительный трескъ. Софья Александровна вскрикнула, закрыла лицо руками и заплакала. Чей-то молодой голосъ позади нее ревѣлъ во всю мочь; какая-то баба громко причитывала: „голубчики, голубчики мои, потонутъ!“ „Помяни, Господи, Давида и всю кротость его!“ гнусилъ чей-то голосъ, и все вдругъ точно замолкло. Когда Софья Александровна рѣшилась открыть глаза и взглянуть на рѣку, ей показалось, что ничего особеннаго не произошло; барки занимали тоже пространство, что и прежде, только плотъ и мельница исчезли. Она оглянулась: никого изъ мужчинъ не было около нея, всѣ сбѣжали внизъ; только саперы невозмутимо стояли, вонзивъ топоры въ барьеръ, и по тому спокойствію, которое царило послѣ общаго смятенія и ужаса, можно было предположить, что никто изъ людей не пострадалъ.

Прежде всѣхъ возвратился Покатиловъ.

— Ну что? спросила его Софья Александровна.

— Никто не потонулъ, отвѣчалъ онъ.

— Когда я открыла глаза, я думала, что ничего уже больше не увижу на рѣкѣ.

— Вы, кажется, плакали. Я не думалъ, что вы такъ чувствительны.

Онъ былъ пріятно удивленъ, и голосъ его звучалъ мягко.

— Больше отъ страха, оправдывалась она.— Отчего произошелъ такой страшный трескъ?

— Мельница разбилась о плоть, потопила барку и сама пошла ко дну. Однако, какъ свѣжо! говорилъ онъ, ёжась въ своемъ ватномъ пальто.

Офицеръ скомандовалъ саперамъ въ обратный путь; въ то-же время изъ кабака показался курчавый мужикъ.

— Вы куда? спросилъ онъ солдатъ.

Нѣкоторые изъ нихъ улыбались, но никто не удостоилъ его отвѣтомъ. Они забрали топоры и кирки и готовились по приказанію тронуться съ мѣста—спасать мостъ отъ разрушенія.

— Ой дай лихо! Ой дай лихо! заговорилъ на-распѣвъ курчавый мужикъ. Онъ дѣлалъ видъ, что идетъ, между тѣмъ топтался на мѣстѣ около солдатъ. „Не подойдутъ, не подойдутъ, голубчики, продолжалъ онъ,—положатся, ей-Богу, положатся,—уморились! Охъ, какъ уморились!

Солдаты фыркали, а нѣкоторые изъ нихъ громко смѣялись. Сѣрая публика помирала отъ смѣха.

— Пошелъ вонъ! закричалъ офицеръ, отворачиваясь, чтобы скрыть улыбку.

Мужикъ ахнулъ, сдѣлалъ перепуганную фізіономію, отшатнулся, подобралъ свитею и, улепетывая въ припрыжку, такъ, что только пятки мелькали, при новомъ взрывѣ смѣха кричалъ: „отъ великихъ трудовъ, отъ великихъ трудовъ!“ Наконецъ, онъ скрылся въ кабакъ; восторгъ былъ всеобщій. Софья Александровна и вся компанія смѣялись.

— Напойте насъ чаемъ, обратилась Софья Александровна къ Галкѣ.

— Это прекрасная мысль! отвѣчалъ онъ.—Васъ тоже можно пригласить? обратился онъ къ Покатилову.

— Къ сожалѣнію, я долженъ отказаться, отвѣчалъ Покатиловъ.—Теперь пять часовъ, а въ шесть мнѣ нужно быть въ госпиталѣ; меня тамъ будутъ ждать студенты. Право, мнѣ очень жаль, что я не могу принять вашего приглашенія.

И это была не фраза. Покатилову понравился Галка; все въ немъ было такъ просто, такъ гармонировало одно съ другимъ: и громадный ростъ, и ручищи, и мужественное, смуглое, красивое лицо, и необыкновенная зоркость и сила, и, ко всему этому, добродушіе и мягкость. Все обличало въ немъ человѣка темперамента, человѣка близко стоящаго къ природной безыскусствен-

ной жизни. Покатилону онъ сразу понравился; ему дѣйствительно жаль было проститься съ этимъ интереснымъ человекомъ. Когда онъ шелъ рядомъ съ нимъ по берегу, ему опять стала близка и дорога и эта рѣка, и туманная понизовая даль, что раскидывалась по ту сторону Хозары, и незатѣйливая жизнь бѣдняковъ Побережья.

— Кому горе, а кому и радость, что барки потонули, сказала Галка.

— Кому-же горе? спросилъ Покатилонъ.

— Жидамъ и барышникамъ. Нужно жить на нашемъ Побережьѣ, чтобъ знать, какъ они заѣдаютъ нашего брата. Скоро насъ совсѣмъ вытѣснятъ изъ этой части города; нѣкоторые приходы даже упразднили за неимѣніемъ прихожанъ; вся почти торговля, всѣ лавки жидовскія. Я какъ узналъ, что барки сорвало, такъ даже обрадовался: во-первыхъ, нѣсколько жидовъ разорятся, а, во-вторыхъ, бѣднота хоть что-нибудь да выудить. Есть такой народъ, что только тѣмъ и живетъ, что собираетъ разбитыя барки да плоты; здѣсь, посреди рѣки, пожива будетъ плоха; а вотъ съ тѣхъ барокъ, что у косы потонули, можно много, много выудить.

— Неужели товаръ остается не проданнымъ до весны? спросилъ Покатилонъ.

— Весной всего выгоднѣе продавать, а зимовка на баркахъ ничего не стоитъ, отвѣчалъ Галка.

— Ну-те, и позволительно вуживать, какъ вы говорите?

— Да вѣдь что въ воду упало, то пропало! Какъ доказать что это ваше? Бревна не мѣчены, а насчетъ всего прочаго и говорить нечего.

— Скажите, спросилъ Покатилонъ, — вы живете здѣсь, на Побережьѣ?

— Какъ-же? Я инспекторъ техническаго отдѣленія реального училища.

— Какъ странно! Я именно думалъ, что вы должны быть или техникомъ, или чѣмъ-нибудь подобнымъ.

— То-же самое сказала мнѣ Софья Александровна при нашемъ первомъ знакомствѣ.

— Что Софья Александровна? обернулась она.

— Иванъ Семеновичъ, подобно вамъ, опредѣлилъ сразу мою профессію.

Покатилову не понравилось, что онъ придаетъ такое значеніе тому, что о немъ говорятъ. „Неужели, подумалъ онъ,—въ немъ есть неискренность?“

— На дняхъ, вѣрно, можно будетъ устроить прогулку на лодкѣ по улицамъ Низовья. Въ этомъ году разливъ будетъ громадный, сказалъ Галка.

— И каждый годъ заливаются? спросилъ Покатиловъ.

— Каждый годъ. Есть мѣста, куда съ незапамятныхъ временъ свозится навозъ для поднятія уровня почвы, и домики тамъ построены на сваяхъ. Впрочемъ, лучше приходите ко мнѣ; мы съ вами покатаемся, заключилъ онъ.

— Галка! Галка! слышался за ними голосъ Александра Ивановича.

— Что за странная у васъ фамилія! замѣтилъ Покатиловъ.

— Это не фамилія, это прозвище.

— Ну - те, проговорилъ Покатиловъ, останавливаясь и съ удивленіемъ глядя на него.—А вы-же что?

— Я? Ничего—отзываюсь, добродушно отвѣчалъ Галенковскій.

Покатиловъ широко открылъ глаза. „Что за удивительный человѣкъ!“ подумалъ онъ.

Въ это время съ ними поравнялся Александръ Ивановичъ.

— Куда вы зашли? обратился онъ къ Галкѣ.—Вѣдь вы обѣщали гувернантку напоить чаемъ. Задасть-же она вамъ теперь, батюшка!

— Оттуда! завопилъ Галенковскій и схватился за голову.—Хорошъ хозяинъ!

— Какая гувернантка? спросилъ Покатиловъ, съ недоумѣніемъ глядя на испуганную фигуру Галенковского.

— Да Софья-жъ Александровна; она меня манерамъ и приличію обучаетъ. Видите, какой внимательный ученикъ?

Покатилову онъ сталъ по-прежнему нравиться.

— Я пойду съ вами и попрошу прощенія у вашей гувернантки, предложилъ онъ.—У меня осталось еще десять минутъ, и встать узнаю, гдѣ вы живете.

Галенковскій зашагалъ такъ, что Покатилову и Александру Ивановичу пришлось чуть не бѣжать за нимъ. Они нагнали его

у воротъ большого дома. Софья Александровна со строгой миной, сложивъ руки, ждала своего ученика.

— Да не смотрите-жь на меня такъ грозно, упрасивалъ ее Галка.

Онъ отворилъ калитку.

— Ну, хотите, обернулся онъ къ ней,—я за наказаніе перенесу васъ черезъ дворъ?

Это было сказано такъ мило и наивно, что всѣ расхохотались.

Покатиловъ распрощался со всѣми и пошелъ на лекцію.

— Приходите покататься на лодкѣ! закричалъ ему вслѣдъ Галенковскій.

Покатиловъ приподнялъ слегка шляпу и продолжалъ свой путь. Всю дорогу онъ, не переставая, думалъ о своемъ новомъ знакомствѣ. Онъ рѣшилъ, что непременно придетъ покататься, чтобъ ближе съ нимъ познакомиться. Даже воспоминаніе о Софьѣ Александровнѣ не раздражало его въ настоящую минуту; онъ не упрекалъ ее ни въ чемъ, а только удивлялся, какъ это онъ не отгадалъ сразу, что именно она должна быть гувернанткой Галки,—это такъ естественно... Какую тотъ испуганную фізіономію скорчилъ!.. Дѣйствительно, въ ней есть что-то гувернантское: она постоянно резонируетъ: „Позвольте я за наказаніе перенесу васъ черезъ дворъ“... Покатиловъ едва громко не разсмѣялся, вспоминая эту фразу. „Вѣдь это прелесть! думалъ онъ.—Какъ много было этимъ сказано! Онъ весь природа, непосредственность. Все лежитъ въ немъ самомъ, въ его душевныхъ свойствахъ; онъ живетъ какъ думаетъ; въ немъ разлада нѣтъ съ самимъ собою,—это рѣдкость, большая, завидная рѣдкость! А какъ создаются подобныя натуры? Что ихъ воспитываетъ? Ну, пусть другой кто напуститъ на себя эту простоту: выйдетъ что-то ужасное! А онъ, ужъ видно, родился такимъ. Интересно знать: женатъ-ли онъ? Вѣрно, нѣтъ. Такому человѣку на комъ жениться! Ему женщины не придумаешь: или гувернанткой будетъ, или не пойметъ, не оцѣнитъ. Такой человѣкъ не долженъ жениться; да и вообще, продолжалъ онъ думать,—жениться не слѣдуетъ: женщина всегда всему помѣшаетъ. Болтливость, во-первыхъ; капризы, во-вторыхъ; мелочность, въ-третьихъ. А юбки, юбки женскія! Крахмальныя, шумяція юбки! Куда отъ нихъ убѣжать! А потомъ апломбъ! Что можетъ быть ужаснѣе женскаго апломба! Есть-ли возможность убѣдить женщину, что

она чего-нибудь не понимаетъ? Никогда! Если она знаетъ съ макового зерна, то готова будетъ низвести весь свѣтъ до этого маковаго зерна. Никакого величія душевнаго! Нѣтъ, связаться съ женщиной—сказать прости всякому серьезному, упорному труду. Мелочами изъ тебя душу вытянуть, если глупа и необразована; а сколько-нибудь умна и начитана—резонерствомъ доѣсть, а доѣсть непремѣнно. Я никогда не встрѣчалъ женщины естественной, женщины, которая-бъ мнѣ могла понравиться. Нѣтъ, Галенковскій навѣрное не женать!“ заключилъ Покатиловъ свои размышленія.

ГЛАВА X.

На другой день жители Побережья, проснувшись рано утромъ, ничего не увидѣли на рѣкѣ: барки унесло. Двинулись онѣ разомъ отъ напора льда; мостъ хотя и успѣли развести, но два устоя его сильно пострадали. Къ вечеру Подхозарица, а равно и Хозара, совершенно освободились ото льда. Рѣка разлилась по Побережью, сокрушая на ходу все, что осмѣливалось сопротивляться ей. А сопротивлялись могучей сѣдой Подхозарицѣ бѣдныя лачуги, построенныя на бревенчатыхъ сваяхъ; ихъ было много, даже слишкомъ много для такого неудобнаго мѣста. Она безъ труда проникала въ окна, двери, межъ стѣнъ среди бревенъ, черезъ крышу, обгладывая и облизывая эти нищенскія постройки. Конечно, здѣсь она не такъ сердилась. Но на вѣковомъ навозѣ, который изъ году въ годъ свозился на берегъ, для поднятія уровня почвы, она ревѣла отъ бѣшеной злобы, потому что, какъ ни сильно напирала ея волны на эту бурозеленую грязь, она сжималась и ежилась подъ напоромъ ихъ, твердыя частицы сѣплялись еще крѣпче, и Подхозарица могла только подхватить бурую, зловонную жидкость и съ яростью разнести ее по улицамъ Побережья.

Спадетъ вода, и вся эта унавоженная почва представляетъ точно каучуковую мягкую перину. Ступишь ниже и чувствуешь, что погружаешься глубоко, почва пищитъ подъ ногами, но на сапогахъ нѣтъ и слѣда жирной навозной грязи. Дивисься только, какъ могутъ жить здѣсь люди. А когда наступать жары и верхній слой навоза высохнетъ, вѣтеръ подхватываетъ его и разно-

ситъ далеко, далеко по Побережью, проникая въ легкія и отравляя ими кровь. Это мѣсто служитъ разсадникомъ всѣхъ инфекціонныхъ болѣзней, какія только появляются въ Хорзаѣ. „Побережье, говорятъ жители,—это ужасная часть города, это наша зараза, наша отрава“. „А что, спрашиваютъ обыкновенно докторовъ, живущихъ на Побережьѣ,—у васъ все благополучно?“ Если благополучно,—ничего, жить можно. Всякая болѣзнь выплзаетъ оттуда.

Хозара была еще въ полномъ разливѣ, когда Покатиловъ получилъ записку отъ Галенковскаго, приглашавшаго его ѣхать кататься. Былъ свѣтлый, прелестный день первыхъ чиселъ мая. Покатиловъ много гулялъ все это время, и совершалъ свои прогулки всегда одинъ. Никто изъ его товарищей не изъявлялъ ни малѣйшаго поползновенія вдругъ, ни съ того ни съ сего, отправиться странствовать. Ёхать можно было еще отыскать охотниковъ, но ходить ни за что! Извѣстно, что русскіе образованные люди, не желающіе себя показывать, никогда не ходятъ гулять, особенно въ провинціи. Перенесите какой-угодно Булонскій лѣсъ и Елисейскія поля хоть-бы въ Хорзаѣ, напряміръ,—ихъ тотчасъ загадать и никто не станетъ ими пользоваться.

У большинства товарищей Покатилова были какія-то постоянныя спѣшныя дѣла. Всѣ куда-то торопились, всѣ были завалены практикой, точно каждый изъ нихъ находился на краю могилы и спѣшилъ какъ можно поскорѣй кончить дѣла свои. Куда-бы онъ ни пришелъ, его тотчасъ засыпали вопросами: „Ну-те, Иванъ Семеновичъ, какъ ваши дѣла? Удобная-ли квартира? Хорошо-ли устроились?“ точно задача всей жизни состояла въ томъ, чтобы найти удобную квартиру и хорошо устроиться.. И по какому-то внутреннему противорѣчію съ большинствомъ, окружающимъ его, онъ каждый разъ по возвращеніи съ каникулъ долго жилъ въ гостинницѣ, не устраивался и не открывалъ докторской лавочки. Одни называли его Донъ-Кихотомъ и говорили, что онъ сражается съ вѣтранными мельницами, а болѣе снисходительные глубоко уважали его, считали оригиналомъ и человѣкомъ принципа. Сиве, Люгеръ и компанія, конечно, его ненавидѣли. Они поняли, что этотъ человѣкъ не пойдетъ ни на какіе компромисы, что для него не можетъ быть „нашихъ“ и „вашихъ“, въ смыслѣ помогающихъ намъ пріобрѣтать или ничего не дѣлать. Для

него „наши“ будутъ тѣ, которые работаютъ, которые стоятъ на высотѣ своего призванія, за которыми есть извѣстныя научныя заслуги. Эта натура, гордая, полная сознанія своихъ обязанностей, строгая, неумолимая по отношеніи къ самому себѣ, а равно и другимъ, не могла не возмущаться тѣми изъ профессоровъ, за которыми не было никакихъ заслугъ, прошедшее которыхъ было темно, настоящее безславно, въ смыслѣ отсутствія ученыхъ работъ, пониманія своихъ высокихъ обязанностей и желанія научить чему-нибудь молодежь. Онъ презиралъ фразы, какъ-бы красивы онѣ ни были; онъ любилъ только дѣло.

Ровно въ два часа Покатиловъ входилъ въ ворота дома, гдѣ помѣщалось техническое училище. Посреди двора нѣсколько мальчиковъ играли съ собаченкой. Они бѣгали, а она гналась за ними, лаяла, кувырчалась и хватала ихъ за панталоны.

— Гдѣ живетъ инспекторъ? спросилъ Покатиловъ.

— Вонъ тамъ, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ прерывающимся отъ бѣготни голосомъ.—Идите вонъ туда. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и указалъ ему узенькую лѣстницу.

— А знаете, какъ его зовутъ? спросилъ онъ Покатилова.

— Кого его? Покатиловъ остановился и посмотрѣлъ на мальчугана.

— Звѣря, отвѣчалъ тотъ.—Его зовутъ Нептунъ.

Въ это время налетѣли на говорившаго другіе мальчишки, и всѣ они помчались въ противоположную сторону. Покатиловъ подумалъ: „не относится-ли это объявленіе имени къ ихъ собаченкѣ?“ Онъ поднялся на лѣсенку. Двери въ маленькія сѣни были открыты; изъ нихъ былъ только одинъ ходъ въ довольно просторную комнату. Покатиловъ быстро вошелъ и приблизился къ столу. Вдругъ послышалось тихое рычаніе; онъ обернулся: передъ нимъ, устремивъ на него свѣтлоголубые холодные глаза, стояла собака, но какаа?! Первымъ невольнымъ желаніемъ его было бѣжать при видѣ этого громаднаго чудовища съ темнокоричневыми разводами, но едва онъ сдѣлалъ шагъ, какъ песь оскалилъ зубы и опять зарычалъ. Покатиловъ остановился и постарался овладѣть собой. Сердце его сильно билось. Ясно было, что собака его не выпуститъ. Онъ сѣлъ на первый попавшійся стулъ; звѣрь отошелъ, легъ у двери и сталъ наблюдать его, готовый тотчасъ вскочить при его малѣйшемъ движеніи. Покатиловъ вспомнилъ, что одинъ изъ

мальчиковъ назвалъ имя этого звѣря, но въ настоящую минуту онъ никакъ не могъ его припомнить. Ему надоѣло сидѣть въ осадномъ положеніи. Онъ всталъ, собака тоже встала; онъ началъ ходить по комнатѣ, она наострила уши и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за нимъ. Покатилова охватило какое-то еще никогда не испытанное имъ чувство, — ему было и жутко, и пріятно, онъ точно ходилъ на краю пропасти. Онъ чувствовалъ, что это чудовище однимъ прыжкомъ повалитъ его и перегрызетъ ему горло, и ему хотѣлось помѣряться съ нимъ. Почти не давая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, онъ быстро подошелъ къ письменному столу и взялъ какую-то книгу, — собака не кинулась, но медленно, съ достоинствомъ взяла его за конецъ сюртука и держала. Онъ положилъ книгу, она выпустила его сюртукъ, отошла къ дверямъ и продолжала слѣдить за нимъ, причемъ глаза ея сверкали какимъ-то бѣлымъ металлическимъ свѣтомъ, коротко остриженные уши и мускулы на шеѣ слегка вздрагивали. Покатиловъ направился къ выходу, песь зарычалъ и снова взялъ его за платье. Покатиловъ опомнился, онъ узналъ все, что можетъ продѣлать это прекрасное животное и, нѣсколько разочарованный, усѣлся на мѣсто. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ зовутъ собаку.

— Нептунъ! Сюда, Нептунъ! крикнулъ онъ.

Нептунъ замоталъ хвостомъ, глаза его подернулись влагой, но онъ все-таки улегся у дверей, какъ-бы желая этимъ сказать: „хотя ты и знаешь мое имя, но человекъ ты мнѣ незнакомый, и я тебя не выпущу“. Дѣйствительно, Покатиловъ взялъ книгу, — собака не двинулась съ мѣста; онъ сталъ ходить, она покойно продолжала лежать и, повидимому, даже не смотрѣла на него, но едва онъ подошелъ къ двери, какъ она загородила ему путь и зарычала. „Чудесное животное! думалъ Покатиловъ, останавливаясь передъ Нептуномъ и разсматривая его. — Неужели его воспиталъ этотъ добродушный Галенковскій, который позволяетъ называть себя „Галкой“?

Вдругъ Нептунъ вскочилъ и съ радостнымъ лаемъ кинулся на грудь своему входящему хозяину.

— А вы уже пришли, привѣтствовалъ Галенковскій Покатилова.

— Я явился ровно въ тотъ часъ, въ который вы меня приглашали.

— Извините, пожалуйста. Мнѣ нужно было сходить выручать свою лодку. Какъ-же звѣрь мой велъ себя?

— Съ большимъ достоинствомъ, отвѣчалъ Покатиловъ. — Но послушайте, продолжалъ онъ, — что если какая-нибудь женщина войдетъ безъ васъ въ вашу квартиру, и онъ продѣлаетъ съ ней всѣ тѣ штуки, какія продѣлалъ со мною.

— На женщинъ онъ не обращаетъ никакого вниманія или, лучше сказать, онъ относится къ нимъ съ полнѣйшей снисходительностью. Однажды одна барыня, увидавъ его, надѣлала такого крику, что онъ испугался, поджалъ хвостъ и спрятался подъ диванъ. Вѣдь онъ женскій воспитанникъ.

— Женскій воспитанникъ, быть не можетъ! вскричалъ Покатиловъ.

— Увѣряю васъ; у меня съ нимъ одна гувернантка, — Софья Александровна Лебеда.

— Я никакъ не думалъ, что женщина можетъ воспитать собаку, да еще такую, какъ эта.

— Но вы, вѣрно, думаете, что женщина должна воспитать мужчину, и хорошаго мужчину.

Покатиловъ разсмѣялся; ему это показалось очень забавнымъ.

— Онъ кротокъ, какъ дитя, и твердъ, какъ камень, говорилъ Галенковскій. — Сколько у насъ мальчишекъ на дворѣ, чего они только съ нимъ не дѣлаютъ, а онъ ни разу не вышелъ изъ терпѣнія; только спрячется, если ужъ черезчуръ надоѣдаютъ ему. Нептунушка, а Нептунушка! ласково приговаривалъ Галенковскій, хлопая его по бокамъ, причемъ Нептунушка визжалъ и продѣлывалъ самыя неуклюжія антраша отъ радости.

— У него характеръ воспитательницы нашей. Она тоже добра, какъ ребенокъ и мужественна... не могу, впрочемъ, сказать какъ мужчина, потому, что немногіе изъ насъ мужественны.

Покатиловъ чувствовалъ, что начинаетъ понимать Софью Александровну. Женщина, которая могла воспитать такое прекрасное животное, должна имѣть характеръ.

— Послушайте, обратился онъ къ Галенковскому, — у васъ въ квартирѣ есть что-то прескверное, — Я сразу не могу опредѣлить что именно, но въ ней есть что-то давящее.

— Это видъ изъ моихъ оконъ. Неправда-ли? Софья Александровна находить, что даже для одиночныхъ заключенныхъ

худшаго вида придумать нельзя. Ничего, кромѣ слѣпыхъ строений да кусочка красной крыши... ни кустика, ни былинки. Посмотришь и сразу упрешься въ стѣну... дальше конецъ. Какъ вы думаете, если-бъ я былъ подверженъ меланхоліи?..

— Вамъ пришлось-бы плохо, отвѣчалъ Покатиловъ.

— Знаете, весной, какъ теперь, когда я чувствую въ себѣ приливъ какой-то двойной жизни, и въ воздухѣ разлита сила и крѣпость, я не могу сидѣть въ этой комнатѣ. Видъ этихъ стѣнъ душитъ меня. Удивляюсь, продолжалъ онъ,—что за страсть у людей жить въ этихъ тѣсныхъ городахъ и загоразживаться этими высокими строениями. Пошли стѣны, начались преступленія; не было стѣнъ, не было преступленій.. Мнѣ вотъ кажется, продолжалъ онъ,—какъ начнешь смотрѣть въ такую стѣну, такъ невольно явится мятежное желаніе прошибить ее. Я, знаете, совершенно равнодушенъ ко всему, что воздвигается руками человѣческими, потому-что высочайшая прелесть и наслажденіе заключаются только въ томъ, что дается человѣку даромъ. Для меня въ извѣстное время самая захудалая природа лучше города: смотришь,—ни во что не упираешься; идешь,—ни на что не натыкаешься. А здѣсь эти закоулки, эти переулки, стѣны, замки... Дома свѣтъ заслоняютъ, мысль давятъ, сердце суживаютъ и въ душѣ человѣческой воздвигаютъ столько-же разныхъ закоулковъ и переулковъ. У иного такую стѣну вывести, за которую ужъ ни одинъ лучъ свѣта не проникнетъ.

„Что за странный человѣкъ!“ думалъ Покатиловъ.

Они вышли на улицу и направились къ рѣкѣ, не переставая разговаривать, причемъ говорилъ больше Галенковскій, а Покатиловъ слушалъ.

— Такъ во что-же вы вѣрите? спрашивалъ Покатиловъ, усаживаясь съ Галенковскимъ въ маленькую лодку.

— Я вѣрю въ вѣру, отвѣчалъ Галенковскій.—Я думаю, что только путемъ горячей вѣры во что-нибудь человѣкъ можетъ обновиться, потому-что все зависитъ оттого, какъ мы къ чему относимся. Все въ насъ самихъ заключается. Я лично, напримѣръ, не могу жить безъ вѣры во что-нибудь, только одна вѣра смѣняетъ во мнѣ другую.

— Вотъ вы каковы, сказалъ Покатиловъ.—Что-жъ, вы жде-

те рая на землѣ и думаете, что онъ явится вслѣдствіе душевнаго обновленія?

— Непремѣнно. Что можно создать или сказать больше того, что уже сказано и создано? Суть въ нашемъ душевномъ обновленіи, въ томъ, какъ мы къ чему отнесемся. Меня обвиняютъ, напримѣръ, что я мало читаю, но я могу читать только то, что не расслабляетъ моей души противорѣчіями. Притомъ-же, развѣ книжки создаютъ человѣка? Никогда! Мнѣ случалось сталкиваться съ людьми, которые прошли всякую мудрость, начиная съ санскритской и кончая славянской, и это не помѣшало имъ быть тупыми трусами.

— Но вы смѣшиваете науку съ самимъ человѣкомъ. Если-бъ вы ближе присмотрѣлись къ такимъ людямъ, вы-бы увидѣли, что наука здѣсь не причемъ.

— Что „они одѣлись въ ея красивую мантию, перебилъ его Галенковскій,—для своихъ личныхъ цѣлей; раздѣньте ихъ, и вы поразитесь ихъ духовной наготой“. Такъ говоритъ всегда Лебеда, но для меня это не убѣдительно. Что-же это за наука такая, съ которой можно якшаться всю жизнь и не очиститься? Между тѣмъ, кто разъ, всѣмъ существомъ своимъ, понялъ эти простыя истины „не убей, не украдь, не пожелай чужого“, тотъ никогда не пойдетъ на то, чтобъ убить кого-нибудь для своей личной выгоды; тотъ почувствуетъ, что величайшее наслажденіе духа человѣческаго, это отрѣчься отъ всѣхъ своихъ желаній и даже отъ самого себя.

Онъ бросилъ весла и пустилъ лодку по теченію.

— То-же самое можно сказать о наукѣ, началъ Покатилловъ.— Кто разъ почувствовалъ наслажденіе познать истину, кто полюбить ее и станетъ къ ней стремиться, тотъ непременно очистится отъ всякія скверны и не проѣмняетъ этого служенія истинны ни на какія блага міра. Наконецъ, я думаю, что только путемъ знаній человѣкъ узнаетъ: за что бороться должно, за что душу свою положить можно и должно. Вы меня такъ вдохновили, смѣясь прибавилъ онъ,—что я заговорилъ совсѣмъ не свойственнымъ мнѣ языкомъ.

— Такъ почему-же, спросилъ Галенковскій,—изъ всѣхъ людей, соприкасающихся съ наукой, выходитъ такъ мало жрецовъ ея?

— Потому, что не всякій способенъ быть жрецомъ и увѣрывать въ то, что истины науки непреложны.

— Значить, я правъ, если говорю, что вся суть въ насъ самихъ, въ нашемъ душевномъ обновленіи, въ нашей способности увѣрывать во что-нибудь до конца.

— Пожалуй, отвѣчалъ Покатиловъ;—я только думаю, что такая способность приобрѣтается знаніемъ.

— А я думаю, что знанія здѣсь не причемъ, что это должно произойти въ силу самой невозможности жить такъ, какъ теперь живемъ. Уже теперь люди дошли до того, что имъ нужно сожрать другъ друга или обновиться...

— И вы думаете, что произойдетъ послѣднее?

— Я убѣжденъ въ этомъ.

— А сколько вамъ лѣтъ? спросилъ Покатиловъ.

— Мнѣ 25; зачѣмъ вы меня объ этомъ спрашиваете?

— Вы слишкомъ молоды, и ваша вѣра ребяческая. Никогда люди не увѣруютъ въ то, что для нихъ невыгодно.

— Отчего, отчего вы такъ думаете? горячо заговорилъ Галенковскій. — Помимо нашихъ личныхъ ощущеній, голодные могутъ такъ страдать, что эти страданія отразятся на сытыхъ и здоровыхъ. Невозможно станеть до сыта наѣдаться, когда сто голодныхъ глазъ будутъ устремлены на васъ. И вотъ тогда, въ комъ душа не разслабленная, найдутъ то, что должно обновить человѣка. Мнѣ кажется, это должно явиться по вдохновенію, какъ новая религія, и все способные увѣрывать сомкнутся во-едино...

— И будетъ на землѣ царствіе небесное. Аминь! сказалъ Покатиловъ. — Какъ, вы однако увлекаетесь! добавилъ онъ. — Я мало способенъ предаваться какимъ-нибудь отвлеченнымъ утопіямъ. Но вотъ вы меня очень интересуете. Въ васъ много простоты и искренности. Скажите пожалуйста, при какихъ обстоятельствахъ вы росли?

— Отецъ мой былъ уѣзднымъ учителемъ, а съ двѣнадцати лѣтъ я осиротѣлъ и жилъ постоянно въ семьѣ Лебеды. Они все чистые люди. Потому мнѣ постоянно приходится возиться съ дѣтьми, и это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что обновленіе въ самомъ человѣкѣ. Иногда приведутъ ко мнѣ какого-нибудь ученика, и просятъ: „порите, ради Бога, порите; нигуда не годится!“ Смотришь, ни разу не выпоролъ,—исправился. Когда я

только-что поступилъ, былъ этакъ у меня мальчишка... Ужь какъ я его убѣждалъ исправиться!.. Теперь я знаю, что съ дѣтми не слѣдуетъ много разглагольствовать, а въ ту пору я распинался передъ нимъ... Наконецъ, потерялъ терпѣніе и оставилъ его въ покоѣ. Вдругъ, замѣчаю, — исправляется. Да вѣдь какъ! Сталъ любить именно то, къ чему прежде принуждать нужно было. И что за мальчикъ сдѣлался! Я даже не хвалилъ его, — вижу, въ самомъ себѣ находить удовлетвореніе. Даже фвізіономія перемѣнилась: красивъ сталъ.

— Вы очень любите дѣтей? спросилъ Покатиловъ.

— О, конечно! Вы-бы когда-нибудь пришли ко мнѣ послушать, какъ у меня идутъ уроки. Я вхожу, — все смолкаетъ. Что-бъ я ни говорилъ — меня слушаютъ. Они чувствуютъ, что я ихъ всёхъ знаю и люблю; нѣтъ между нами никакихъ непонятныхъ преградъ.

Покатиловъ давно не испытывалъ такого пріятнаго душевнаго настроенія, какъ теперь, сидя противъ этого юноши и слушая его рѣчь, которой вторили мѣрные взмахи весель и тихій плескъ воды. Галенковскій не дѣлалъ ровно никакихъ усилій, — онъ ворочалъ веслами, точно перышками. Иногда онъ совсѣмъ бросалъ ихъ и пускалъ лодку по теченію, но даже, когда усиленно гребъ, то голось его былъ умѣренно звученъ и дыханіе ровное.

Они плыли нѣсколько минутъ молча. Покатиловъ любовался берегами Хозары.

— Видите, вонъ та бесѣдка на горѣ? спросилъ онъ Галенковскаго. — Это, должно-быть, садъ чей-нибудь.

— Да, отвѣчалъ Галенковскій, — это было подгородное имѣніе одного польскаго магната, и тамъ, почти съ неприступной стороны его, росла яблоня съ прекрасными яблоками. Эти яблоки очень соблазняли насъ, мальчишекъ, и со мной однажды было приключеніе.

Теперь они плыли по рѣкѣ. Покатилову стало неловко сидѣть сложа руки и смотрѣть, какъ другой безъ остановки работаетъ.

— Позвольте мнѣ весла, попросилъ онъ.

Галенковскій молча уступилъ ихъ ему. Покатиловъ началъ быстро, усиленно грести, но лодка подвигалась медленно.

— Захватывайте глубже, училъ его Галенковскій, — глубже. У васъ весла скользятъ по водѣ.

Покатиловъ скоро выбился изъ силъ, но онъ не хотѣлъ со-

зваться въ этомъ и начиналъ сердиться на себя. Галенковскій добродушно смотрѣлъ на него.

— Здѣсь дѣло не въ силѣ, а въ привычкѣ, сказалъ онъ.— Я за зиму тоже отвыкаю грести и устаю подобно вамъ. Дайте мнѣ весла; вы надсадите себѣ руки, а онѣ вамъ нужнѣе чѣмъ мнѣ...

Покатиловъ упрямылся; ему хотѣлось побѣдить себя.

— Испортите руки, говорилъ Галенковскій. Онъ видѣлъ, что Покатиловъ гребетъ изо всей мочи и удивлялся его упрямству. Лодку постоянно тянуло къ берегу. Вдругъ до слуха ихъ сталъ доноситься мѣрный стукъ отъ двигающихся колесъ парохода.

— Держите правѣе, правѣе, командовалъ Галенковскій.— Гребите сильнѣе лѣвнымъ весломъ. Налегайте на лѣвое весло!

Покатиловъ гребъ съ остервенѣніемъ. Стукъ колесъ слышался все ближе и ближе. Пароходъ точно догонялъ ихъ.

— Берегитесь! закричалъ Галенковскій и, выхвативъ у него весла, онъ такъ сильно взмахнулъ ими, что лодку отнесло на нѣсколько саженой. Налегая всей грудью на нихъ, онъ гребъ съ ожесточеніемъ, и вдругъ ихъ такъ сильно закачало на волнахъ, гонимыхъ промчавшимся пароходомъ, что они невольно схватились за края лодки. Галенковскій бросилъ весла, и челнъ ихъ потянуло внизъ по теченію къ берегу. Покатиловъ былъ блѣденъ. Они только-что избѣжали серьезной опасности.

— Вы умѣете плавать? спросилъ его Галенковскій.

— Очень плохо, отвѣчалъ Покатиловъ.

Голосъ его былъ глухъ и глаза не свѣтились какъ обыкновенно. Первый разъ въ жизни очутился онъ въ положеніи, въ которомъ почувствовалъ себя бессильнымъ и ничтожнымъ.

— А вы, конечно, плаваете? спросилъ онъ Галенковскаго, превозмогая себя.

— Я выросъ на этой рѣкѣ, и потому было-бы непростительно съ моей стороны не умѣть плавать и грести.

Въ тонѣ, какими были сказаны эти слова, слышалось точно извиненіе. Галенковскій, въ свою очередь, почувствовалъ себя неловко въ присутствіи этого нахмурившася профессора.

— Такъ вы говорите, началъ Покатиловъ, стараясь овладѣть своимъ голосомъ,— что этотъ садъ наверху принадлежалъ одному польскому магнату.

— Да, принадлежалъ магнату, отвѣчалъ Галенковскій.

Покатиловъ быстро посмотрѣлъ на него. Видъ этого человѣка, который за минуту спасъ его отъ вѣрной смерти, а теперь сидитъ точно пристыженный чѣмъ-то, до глубины души тронулъ его. Онъ почувствовалъ себя совсѣмъ побѣжденнымъ, и ему захотѣлось наговорить Галенковскому много лестныхъ вещей.

— Вы упомянули, началъ онъ уже совсѣмъ задумчиво-мягко, — о какомъ-то приключеніи съ вами.

Галенковскій, въ свою очередь, поднялъ голову; глаза ихъ встрѣтились, и ощущеніе неловкости смѣнилось теперь полнымъ довѣріемъ другъ къ другу.

— Да, началъ Галенковскій, — приключеніе было слѣдующее: Я уже говорилъ вамъ, что жилъ у Лебеды. Вотъ, однажды, сестра Михаила, Оксана, возьми да и посмѣйся мнѣ, что я не достану яблоковъ, которые росли надъ крутизной. Конечно, я тотчасъ полѣзъ по обрыву, достигъ рѣшетки, и только занесъ руку, какъ оборвался и упалъ въ садъ. Меня подхватилъ садовникъ и у насъ завязалась драка. Оксана, стоявшая внизу, громко плакала. Я сдѣлалъ отчаянное усиліе и бросился къ рѣшеткѣ, но тутъ чья-то сильная рука схватила меня за плечо. Это былъ князь. „Оставь, собака! закричалъ онъ на садовника. — Ты видишь, если онъ упадетъ, то убьется до смерти!“ И пока садовникъ говорилъ ему что-то по-польски, онъ посмотрѣлъ внизъ, гдѣ стояла Оксана и плакала. „А, для коханки? обернулся онъ ко мнѣ. — Молодецъ, молодецъ! Я самъ лазилъ на эту крутизну для своей коханки и купилъ ей потомъ этотъ садъ. Купи и ты у меня; я тебѣ продамъ“. Онъ велѣлъ Оксанѣ спустить корзину цвѣтовъ, а меня торжественно провели воротами.

— Что-жъ случилось съ этимъ магнатомъ? спросилъ Покатиловъ.

— Я видѣлъ потомъ, какъ его везли въ сопровожденіи жандармовъ.

— А садъ этотъ? поспѣшилъ спросить Покатиловъ.

— Достался съ аукціона одному канцелярскому взяточнику. Я влѣзъ ночью на крутизну и срубилъ эту яблоню...

Покатиловъ улынулся.

— Сколько-же вамъ было тогда лѣтъ? спросилъ онъ Галенковского.

— Мнѣ 16, отвѣчалъ онъ.

— А коханкѣ вашей?

— Ей 13.

— Я видѣлъ ее ребенкомъ, когда старикъ Лебеда уѣзжалъ изъ изгнанія. И такъ, для нея кто-то другой купилъ садъ съ яблочками? Вѣдь она, кажется, замужемъ?

— Она вышла замужъ за племянника этого князя.

Покатиловъ зорко взглянулъ на него и умолекъ. Онъ понялъ, что воспоминаніе о ней и объ этомъ эпизодѣ можетъ быть столько-же тяжело, сколько пріятно для него. Они плыли нѣсколько времени молча и вскорѣ высадились на берегъ.

— Когда вы ѣдете за-границу? спросилъ Галенковскій Покатилова.

— Право, не знаю; на дняхъ, вѣроятно.

— Жаль, что вы не можете въ точности опредѣлить время. Я-бы пришелъ проводить васъ.

Покатиловъ улыбнулся.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ,—это было-бы слишкомъ большой любезностью съ вашей стороны.

Они подошли къ воротамъ училища.

— Что вамъ привезть изъ за-границы? спрашивалъ его Покатиловъ.

— Мнѣ ничего не нужно.

— Нѣтъ, право, скажите. Мнѣ-бы очень хотѣлось что-нибудь привезть вамъ. Подумайте.

— Увѣряю васъ, говорилъ Галенковскій,—у меня нѣтъ ровно никакой привязанности къ вещамъ.

— Можетъ-быть, видъ какой-нибудь? Напримѣръ, виды Швейцаріи? Я тамъ буду.

— Виды меня всего менѣе удовлетворяютъ. Въ нихъ нѣтъ самаго лучшаго, — это воздуха, которымъ мы дышемъ, и протвора.

— Такъ я привезу вамъ видъ острога какого-нибудь, за-снѣвался Покатиловъ.

— Да, да, быстро проговорилъ Галенковскій.—На картинкѣ они всего лучше. Вообще дома нарисованные хороши: въ нихъ никто не живетъ, и все кажется чистымъ и прекраснымъ.

Они расстались.

Галенковскій, встрѣтившись потомъ съ Софьей Александровной, сказалъ ей:

— Вы меня однажды спрашивали, что влечетъ меня къ По-
катилову... Отъ него рублемъ не пахнетъ.

ГЛАВА XI.

Отдѣленіе одного ученаго общества въ Хорзаѣ вошло въ думу съ предложеніемъ произвести однодневную перепись и просило ассигновать на это дѣло отъ четырехъ до пяти тысячъ рублей. Лебеда и еще нѣкоторые члены общества горячо доказывали, что однодневная перепись дастъ вѣрныя свѣденія о матеріальномъ положеніи немущихъ классовъ, о состояніи окраинъ города. Эта перепись, утверждали они,—послужитъ программой новому управленію для будущихъ затратъ городскихъ суммъ на оздоровленіе. Она укажетъ гласнымъ тѣ слабыя стороны городской жизни, на которыя прежде всего нужно обратить вниманіе. Леденевъ, бывшій въ то время городскимъ головой, отнесся къ этому дѣлу совершенно равнодушно. Картавецъ двусмысленно намекнулъ на что-то, чего никто сразу не понялъ. Брагинъ горячо доказывалъ, что нѣтъ для этого дѣла свободныхъ суммъ. Тогда ученое общество обратилось съ ходатайствомъ ко вновь прибывшему губернатору, и, при его содѣйствіи, дума, послѣ многочисленныхъ преній и дебатовъ, рѣшила удѣлить на это „ненужное“ дѣло четыре тысячи рублей серебромъ. Итакъ, въ 187* г., въ ночь на 8-е сентября, предполагалось произвести въ Хорзаѣ однодневную перепись. Брагинъ, исполнявшій въ это время, за отсутствіемъ Парфенова, должность городского головы, отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ: ему было, конечно, некогда. Картавецъ принялъ озабоченный и необыкновенно серьезный видъ. Какъ привилегированный блюститель общественнаго спокойствія, онъ долженъ былъ зорко слѣдить, чтобы никакая антигосударственная интрига не легла въ основаніе этого дѣла и чтобы общество, надъ которымъ онъ простеръ свое всевидящее око, не было введено въ соблазнъ. Ничто не ускользало отъ его бдительности: кажется, что можетъ быть невиннѣе переписи,—даже для науки она нужна. „Но кто камертонъ? восклицалъ онъ.—Такое-то общество!.. Это притонъ всѣхъ вольнодумцевъ; тамъ сидитъ Лебеда, а у Лебеды изъ-подъ скюртука видна мужицкая сорочка, его видѣли въ смазныхъ сапо-

гахъ!“ „Мужицкая сорочка!“ гремѣлъ Бартавецъ. „Мужицкая сорочка!“ пищали разныя Вичи и Манн. Федоръ Карловичъ, какъ человѣкъ, работающій по статистикѣ, находилъ это дѣло прекраснымъ въ принципѣ и, можетъ быть, если-бъ за него принялись люди во главѣ съ нимъ или Бартавецъ, или Крагинымъ, онъ могъ-бы рассчитывать на хорошее веденіе его; а теперь онъ сомнѣвался и недовѣрчиво покачивалъ головой. Но Федоръ Карловичъ не раздѣлялъ опасеній Бартавцева насчетъ антигосударственной интриги: онъ не считалъ себя къ этому призваннымъ.

Тѣ-же, которые принялись за это дѣло, мало заботились о томъ, что скажетъ Бартавецъ: имъ казалось, что само дѣло постоятъ за себя, и больше всего заботились, чтобы совершить перепись наилучшимъ образомъ и съ наименьшей затратой общественныхъ средствъ.

Небо въ эту ночь хмурилось. Регистраторы, по большей части, конечно, студенты, съ истиннымъ самоотверженіемъ шагали подъ проливнымъ дождемъ въ непроходимыхъ мѣстахъ города.

Въ одномъ изъ самыхъ населенныхъ кварталовъ, близъ базара, въ маленькой, душной комнатѣ, которая составляла нѣчто среднее между конторой и преддверіемъ большого трактира, при свѣтѣ тускло-горѣвшей лампочки сидѣлъ Лебеда. Противъ него пощипался человѣкъ, глядя на котораго, трудно было опредѣлить, сколько ему лѣтъ. Некрасивое лицо его было покрыто рывинами отъ оспы, глаза безпокойно бѣгали.

— Такъ вы говорите, спрашивалъ Лебеда, — домъ приноситъ очень мало дохода?

— Какіе доходы! отвѣчалъ хозяинъ. — Взять хоть ночлежники: есть деньги — заплатятъ, а нѣтъ — и такъ пустить нужно: не почевать же бѣдному человѣку на дворѣ. Вы вотъ думаете: на бойкомъ мѣстѣ — значить, не вѣсть-что получается!

Лебеда старался увѣрить его, что онъ ничего объ этомъ не думаетъ, но тѣмъ не менѣе хозяинъ продолжалъ жаловаться на свою бѣдность. Онъ говорилъ безсвязно, съ разстановкой, слова его точно цѣплялись за зубы, — было чрезвычайно непріятно его слушать; онъ смотрѣлъ на Лебеду изподлобья, недовѣрчиво, какъ на соглядатая, и мысленно проклиналъ эту барскую затѣю „переписывать“. „Кому это нужно!“ думалось ему. Онъ разжился копѣй-

ками и полушами, которыя собирались съ голога мужика чистыми и нечистыми средствами, и потому на всё увѣренія Лебеды въ томъ, что перепись не будетъ имѣть ровно никакого дурного вліянія на его дѣла, онъ покачивалъ только головой: онъ зналъ по опыту, что всякое соглядатайство влекло за собою отдачу нѣсколькихъ рублей въ бездонный карманъ соглядатаевъ. Тутъ, въ этой переписи, было что-то непонятное для него, что-то новое: оно щемило его скардную душу своей полной неизвѣстностью.

— А на счетъ паспортовъ будете записывать? спросилъ онъ Лебеду.

Лебеда его вполне успокоилъ. Тогда хозяинъ всталъ, помялся на одномъ мѣстѣ и вдругъ, не глядя на Лебеду, брякнулъ:

— А нельзя-ли такъ, ничего не осматривать?.. Я-бъ поблагодарилъ васъ.

— Никакъ нельзя, улыбаясь отвѣчалъ Лебеда: его забавляла эта тревога алчнаго человѣка.

Онъ въ десятый разъ собрался успокаивать его, какъ вошелъ молодой человѣкъ, одинъ изъ регистраторовъ, и объявилъ, что двоимъ никакъ нельзя произвести перепись въ ночлежннкѣ. Лебеда попросилъ хозяина дать ему знать, если его кто станетъ спрашивать, а самъ отправился помогать регистраторамъ.

Спустившись во дворъ, онъ не успѣлъ еще открыть зонтика, какъ его сильнымъ порывомъ вѣтра вырвало совсѣмъ изъ его рукъ. Дождь падалъ рѣдкими холодными каплями.

Это былъ заѣзжій домъ, гдѣ обыкновенно останавливались крестьяне, пріѣзжавшіе къ базару. Большой темный дворъ былъ весь вплотную загроможденъ повозками, которыя своими приподнятыми оглоблями точно угрожали отколотить всякаго, кто осмѣлится къ нимъ приблизиться; налѣво, въ углу, виднѣлась какая-то тускло-свѣтящаяся точка: это былъ фонарь, висѣвшій надъ входомъ въ ночлежннкѣ. Регистраторы спустились съ нѣсколькихъ мокрыхъ ступенекъ въ такой узенькій корридорчикъ, что имъ пришлось идти гуськомъ. Когда открылась дверь, всё они невольно попятнулись назадъ: ихъ обдало невѣроятнымъ зловоніемъ; слышался запахъ застарѣлаго пота, этого неминуемаго спутника всѣхъ нищенскихъ жилищъ, какого-то стараго тряпья и еще чего-то ѣдкаго, гниющаго. Подвалъ, куда они вошли, представлялъ собой длинное помѣщеніе, устроенное глаголемъ, до такой

степени низкое, что одинъ изъ регистраторовъ, блѣдный, тонкій юноша, могъ выпрямиться во весь свой большой ростъ только по срединѣ его. По обѣимъ сторонамъ этого подвала, который имѣлъ не болѣе семи аршинъ въ ширину, были устроены нары, и на этихъ нарахъ спали люди. Ихъ было такъ много, что всѣ они представляли какую-то массу тряпокъ, сѣрыхъ свить, клочковъ нагольныхъ тулуповъ, старыхъ потертыхъ пальто различныхъ цвѣтовъ.

Въ срединѣ между нарами, въ узкомъ проходѣ, съ трудомъ можно было двигаться отъ торчащихъ челоуѣческихъ ногъ. Нигдѣ не было видно никакихъ признаковъ окна или вообще какой-нибудь вентиляціи. Когда вошли переписчики, все было объято крѣпкимъ сномъ. Это были единственные люди въ эту ночь, которые спали.

— Господа! закричалъ громкимъ голосомъ регистраторъ, который, въ противоположность своему длинному, худому товарищу, былъ приземистъ и широкоплечъ. — Господа, просыпайтесь!

Нѣсколько челоуѣкъ приподнялись и, согнувшись, такъ-какъ невозможно было выпрямиться, протирали глаза.

— А, это регистраторы? сказалъ чей-то голосъ.

— Мы и есть! отвѣчалъ Лебеда. — Не бойтесь, долго безпокомъ не станемъ.

— Чего бояться! отвѣчалъ говорившій. — Здѣсь такой народъ, что перестаетъ бояться даже этого ночлежника.

— Вотъ съ васъ мы и начнемъ, подошелъ къ нему Лебеда.

— Я—артиллерійскій офицеръ, слившійся съ круга. Такъ и запишите: „артиллерійскій офицеръ, слившійся съ круга“.

— Занятіе ваше? спросилъ Лебеда.

— Мое занятіе! — Онъ разразился неистовымъ смѣхомъ. — Мое занятіе — самое почетное: я ничего не дѣлаю и живу насчетъ общества, т. е. на счетъ тайнаго присвоенія чужой собственности или, попросту... онъ сдѣлалъ выразительный жестъ челоуѣка, желающаго залѣзть другому въ карманъ.

Послышался смѣхъ между проснувшимися.

— Шутникъ! замѣтилъ его ближайшій сосѣдъ.

— Можетъ быть, помочь вамъ? спросилъ артиллерійскій офицеръ. — Когда-то я самъ писать умѣлъ. А насчетъ моего знанія

общества, такъ всѣхъ здѣшнихъ посѣтителей формуляры у меня въ головѣ: могу отрекомендовать ихъ съ наилучшей стороны.

Онъ слѣзъ съ нарѣ и сталъ сопровождать регистраторовъ.

Записавъ нѣсколько незначительныхъ личностей, все болѣе по-денныхъ рабочихъ, они остановились около спавшаго человѣка.

— Mademoiselle, а, mademoiselle! говорилъ поручикъ, дотрогиваясь до массы какого-то темнаго тряпья.— Des cavaliers sont arrivés!

Спавшая женщина приподнялась, обвела всѣхъ мутнымъ взглядомъ и опять повалилась спать.

— Чѣмъ вы занимаетесь? спрашивалъ ее одинъ изъ регистраторовъ.

Женщина закутала голову платкомъ и не хотѣла ничего говорить.

— Скажите только, какъ ваше званіе... Мы васъ не будемъ беспокоить, упрасивалъ ее регистраторъ.

Молчаніе... Тогда капитанъ вытянулся, точно передъ начальствомъ, взялъ подъ козырекъ и громко отрапортовалъ:

— Званія дворянскаго. По занятіямъ—свободная проститутка, или, по просту...

Тутъ послѣдовало такое словечко, что регистраторы невольно попятились, а остальная публика разразилась неистовымъ смѣхомъ.

Блѣдный высокій юноша старался держаться на самой серединѣ: ему трудно было дышать въ этой густой атмосферѣ грязи и нравственнаго паденія.

Они прошли дальше и остановились около сѣдого, какъ лунь, старика. Подперши правой рукой голову, старикъ грустно смотрѣлъ на нихъ; какая-то нравственная боль, точно подавленное отчаяніе, свѣтилась въ его большихъ ввалившихся глазахъ.

— Что, дѣдушка? обратился къ нему съ участіемъ Лебеда.

— Да вотъ смотрю на васъ: молодцы какіе! Братья, что-ли?

— Чужіе, отвѣчали они.

— И родители есть у кого? спросилъ онъ.

— Есть у меня, отвѣчалъ одинъ изъ регистраторовъ.

— У меня тоже было трое молодцевъ, и всѣхъ троихъ Богъ прибралъ...

Старикъ оборвалъ рѣчь, махнулъ рукой и вытеръ глаза рукавомъ рубашки.

Регистраторы не рѣшались обратиться къ нему съ разспросами. — Двое умерли отъ холеры, шепнулъ на ухо Лебедѣ поручикъ, — а послѣдняго вчера на кладбище отвезъ, — съ крыши свалился — маларомъ былъ.

Въ ночлежницѣ водворилась глубокая тишина, точно всѣ пережили въ это мгновеніе горе, разразившееся надъ старикомъ.

Когда регистраторы пошли дальше, поручикъ мрачно кусалъ ноготь на большомъ пальцѣ и не рѣшался больше шутить.

Была здѣсь довольно молодая, сильно истощенная женщина съ двумя ребятишками. Она жаловалась, что ее съ дѣтьми не хотятъ пускать въ ночлежницѣ, что ей не разъ приходилось ночевать подъ заборомъ въ холодныя осеннія ночи; ей все казалось, что переписываютъ для того, чтобы потомъ оказать имъ какую-нибудь помощь.

— Пожалуйста, упрасивала она регистраторовъ, — когда будете докладывать по начальству, скажите, что хуже всего приходится бѣднымъ женщинамъ съ дѣтьми, — хоть убей ихъ! Наниматься — никто не принимаетъ; оставлять — негдѣ и не съ кѣмъ; топись, да и только! Пожалуйста, доложите о насъ начальству!

Регистраторы переписали всѣхъ, лежавшихъ на верхнихъ нарахъ...

— А это что? спросилъ Лебеда, останавливаясь передъ маленькой дверью, запертой изнутри.

— Это наша аристократія, отвѣчалъ поручикъ. — Они платятъ по десяти копѣекъ за то, чтобъ вся вонь шла къ нимъ. Я предпочитаю ложиться у двери: тамъ хоть изрѣдка, да пахнетъ тебѣ въ носъ свѣжимъ воздухомъ.

Лебедѣ пришлось долго стучаться, пока дверь открылась; на него пахнуло теплымъ сиродомъ. Здѣсь помѣщалась семья, состоящая изъ мужа, жены и двоихъ дѣтей; это были единственные люди, обладавшіе имуществомъ, состоящимъ изъ запертаго сундука; у всѣхъ-же остальныхъ не было ровно ничего.

Теперь имъ предстояло переписывать спавшихъ подъ нарами. Это былъ, что называется, народъ отпѣтый. Въ углу лежалъ оборванный, до невозможности грязный субъектъ: когда его разбудили и онъ приподнялся, бокъ у него былъ весь выпачканъ... Когда онъ увидалъ, куда завалился съ пьяна, то изъ устъ его посыпалась такая ругань, отъ которой волосы становятся дыбомъ и кровь

стынетъ въ жилахъ. Досталось и вчерашнему нанимателю логовища, и хозяину ночлежника, и всѣмъ присутствующимъ, особенно регистраторамъ. Блѣдный юноша уже готовъ былъ обратиться въ бѣгство, какъ случилось обстоятельство, сразу превратившее трагическое настроеніе собранія въ смѣшное: Лебеда нагнулся, чтобы разбудить спавшихъ; вдругъ изъ-подъ наръ нѣсколько мальчишекъ, всѣ разомъ, стремительно выскочили, едва не опрокинувъ его самого. Они выстроились въ рядъ, приложили руки подъ козырекъ и отрапортовали:

— Здравемъ желаемъ, ваше высокоблагородіе! Видно было, что убѣдившись въ томъ, что господа не страшные, они рѣшились, что называется, распотѣшить публику. Это были совершенные чертенята, чумазые, оборваные, всклооченные. На вопросы регистраторовъ, каждый изъ нихъ бойко отвѣчалъ: „лѣтъ—положимъ, тринадцать или двѣнадцать“. — Занятіе: „карманный ворюшка!“ или „базарный ворюшка!“ На вопросъ, какое у кого имущество, одинъ отвѣчалъ: „собственный ротъ!“ другой: „брюхо, которое постоянно жрать просить!“ третій показалъ на свою шелудивую голову и отвѣтилъ, что все имущество его—парши, и такъ далѣе въ томъ-же родѣ. Смѣху, смѣху было столько, точно ночлежники присутствовали на представленіи какой-нибудь комической балаганной пьесы; даже сѣдой старикъ улыбался. Никто не спалъ, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и хохотали, освѣщенные тусклымъ мерцаніемъ двухъ свѣчъ, готовыхъ ежеминутно погаснуть въ этой смрадной атмосферѣ, пропитанной мѣзмами.

Регистраторы съ трудомъ держались на ногахъ. Перепись была уже кончена, и они спѣшили къ выходу. „На чаекъ, на чаекъ!“ вдругъ взвизгнули всѣ мальчишки разомъ, подскакивая около регистраторовъ и чуть не цѣпляясь за ихъ фалды. „Милые господа, добрые господа, дайте бѣднымъ мальчишкамъ на чаекъ!“ Приходилось расплачиваться за даровое представленіе... Поручикъ былъ въ восторгѣ; онъ тутъ-же общалъ, при первой возможности, угостить мальчишекъ пивомъ. Всѣхъ ночевавшихъ оказалось сто человекъ, и каждый платилъ за ночлегъ три копѣйки. Регистраторы удалились, напутствуемые различными пожеланіями, взрывомъ неистоваго смѣха со стороны мальчишекъ и разглагольствованіями поручика, который, въ концѣ-концовъ, попросилъ у нихъ двугривенный на угощеніе дѣтямъ.

Когда регистраторы, наконецъ, выбрались на чистый воздухъ, блѣдный молодой человѣкъ прислонился къ стѣнѣ: у него пошла кровь носомъ. Лебеда уговорилъ его идти въ наблюдательскую, а самъ отправился переписывать: имъ предстояло осмотрѣть жилища, лѣпившіяся къ горамъ, окружавшимъ большой базаръ съ южной стороны.

Это была трущоба, населенная самымъ разнообразнымъ народомъ; это былъ тотъ-же ночлежникъ, только раскинутый маленькими избами по склону горы; здѣсь-же гнѣздились и блѣдный людъ, производящій торговлю по мелочамъ. Избы находились въ самомъ жалкомъ состояніи: у нѣкоторыхъ изъ нихъ было всего по три стѣны, а четвертую составляла гора, вслѣдствіе чего сырость была невозможная. У одной избы, на подобіе погреба, были сходцы внизъ; Лебеда оборвался съ первой ступени и едва не сломалъ себѣ шею. Деревянный срубъ этого жилища выходилъ наружу всего на нѣсколько четвертей,—вся остальная часть находилась въ землѣ. Здѣсь жилъ работникъ съ женой и двумя дѣтьми; кромѣ того, тутъ-же помѣщалось двое другихъ рабочихъ и нищая съ провалившимся носомъ. Въ хатѣ стоялъ точно туманъ, въ которомъ плавали частички чего-то сѣраго: оказалось, что здѣсь занимаются набивкой матрацовъ. Дышать этимъ, густо-насыщеннымъ, воздухомъ свѣжему человѣку не было никакой возможности, — приходилось ежеминутно чихать и кашлять.

Были и такія жилища, что регистраторы, послѣ долгихъ бесплодныхъ отыскиваній, вдругъ, къ величайшему удивленію, узнавали, что они все время топтались по крышамъ, не подозрѣвая, что подъ ногами у нихъ жилье. Имущество большинства обитателей этихъ и подобныхъ жилищъ состояло изъ простой глиняной посуды, ветхой одежды и дырявой обуви; дѣти почти всѣ были лишены даже и этого.

Совершенную противоположность съ этими землянками представляли жилища такъ-называемой рыбацкой слободки, раскинувшейся по берегу Подхозарицы. Здѣсь маленькія хатенки, во избѣжаніе несчастій отъ наводненія, были всѣ построены на бревенчатыхъ сваяхъ, причемъ вѣтеръ безпрепятственно гулялъ въ пространствѣ между землей и дырявымъ досчатымъ поломъ. Въ иныхъ, болѣе достаточныхъ избахъ, пустое пространство было или загорожено кое-какъ шилевкой, или просто заплетено хворостомъ, и въ немъ

помѣщались обыкновенно свиньи, а иногда и овцы. Можно себѣ представить, какой воздухъ былъ въ жилищѣ, гдѣ миазмы свободно проникали черезъ полъ, почти вездѣ гнилой и дыривый. Скученность была здѣсь самая ужасающая; иногда маленькій домикъ дѣлился на три конурки, принадлежащія различнымъ хозяевамъ; входъ въ каждую изъ такихъ конуръ былъ прямо со двора, безъ всякихъ сѣней.

Положеніе рыбаковъ, населявшихъ эту слободку, становилось годъ отъ году печальнѣе и печальнѣе, съ тѣхъ поръ, какъ Гавриловъ отдалъ рыболовство на откупъ. Галенковскій, которому достался этотъ участокъ для описи, былъ пораженъ потрясающей бѣдностью этихъ жалкихъ тружениковъ, которые когда-то составляли свободныя артели и могли жить припѣваючи. Трудъ рыбаковъ былъ тѣмъ болѣе ужасенъ, что онъ, не давая имъ возможности просуществовать сколько-нибудь по-человѣчески, неминуемо влекъ за собой множество болѣзней, связанныхъ съ этимъ ремесломъ, какъ-то: острые ревматизмы отъ долгаго стоянія въ водѣ, особенно въ осеннюю пору, — раненія и нарывы, производимыя уколами извѣстныхъ сортовъ рыбъ, которые очень цѣнятся на рынкѣ. Но всему этому за послѣдніе годы прибавилось еще новое горе, грозящее положительнымъ голодомъ рыбацкой слободѣ: крестьяне-собственники изъ сосѣдней губерніи устремлялись толпой на рыбный промыселъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Они, имѣя у себя дома надѣлы, могли довольствоваться самымъ ничтожнымъ заработкомъ. Между тѣмъ рыбаки, искони живущіе этимъ промысломъ и не имѣющіе никакихъ надѣловъ, не могли существовать съ семьями тѣми ничтожными крохами, которыхъ едва хватало на прокормленіе одного человѣка. Рыбный промыселъ былъ отданъ на откупъ всего за тысячу рублей.

— Жить нельзя! говорили рыбаки Галенковскому съ отчаяніемъ. — Пропадомъ пропадать приходится!

Они упрашивали Галенковскаго ходатайствовать въ думѣ о дозволеніи имъ работать вольными артелями, говорили, что могутъ уплачивать больше тысячи, лишь-бы не отдавали животы ихъ на съѣденіе откупщикамъ.

Вообще, окраины Хорзая, вслѣдствіе ежегоднаго разлива Подхозицы и еще другого притока, который частью высохъ, частью превратился въ заросшія водорослями болота, представляли весьма

нездоровья для жизни мѣста. Вредъ этотъ увеличивался грязью и скученностью нищенскаго голоднаго населенія. Никто, конечно, не вѣлъ статистики смертности въ этихъ мѣстахъ; но все вѣстѣ пріобрѣло Хорзану славу нездороваго города. Лихорадки свирѣпствовали здѣсь съ такою силой, что не поддавались иногда никакимъ медицинскимъ ухищреніямъ.

ГЛАВА XII.

Билибинъ, бывшій тоже въ числѣ наблюдателей, возвратился домой въ четыре часа утра. Онъ, подобно Лебедѣ и другимъ, никакъ не могъ довольствоваться ролью сидѣть гдѣ-нибудь въ душевной комнатѣ и ждать сообщеній отъ регистраторовъ. Хотя взялся онъ за это дѣло нехотя, уступая просьбамъ Галки и своего зятя, но какъ скоро онъ столкнулся ближе съ нищетою во всей ея яркой дѣйствительности, на него напало лихорадочное желаніе стать лицомъ къ лицу съ жизнью, о которой онъ зналъ теоретически, и близко съ которой никогда не соприкасался.

Съ первыхъ-же шаговъ онъ почувствовалъ себя совершенно выбитымъ изъ той колеи пріятнаго довольства, въ которой онъ начиналъ находить успокоеніе за послѣднее время. „Неужели я не зналъ этого?“ задавалъ онъ себѣ нѣсколько разъ вопросъ въ тревожные промежутки времени между сномъ и бодрствованіемъ, такъ-какъ онъ непрерывно просыпался и зажигалъ свѣчу. Онъ сердился, что позволилъ уговорить себя принять участіе въ переписи, а еще болѣе на то, что, столкнувшись съ ужасной дѣйствительностью, раскись, да, именно раскись, какъ баба; потому-что человѣкъ съ его развитіемъ и образованіемъ долженъ понимать, что жизнь для бѣдняковъ некрасна, а, главное, что иначе и быть не можетъ. И вотъ, всѣ разсужденія политико-экономовъ о желѣзномъ законѣ, въ силу котораго заработная плата непременно будетъ останавливаться на minimum'ѣ, едва хватающемъ на поддержаніе жизни работника, въ эту ночь ничуть не успокоивали его; напротивъ, законъ этотъ казался ему драконовскимъ.

Пришелъ онъ въ банкъ поздно и очень не въ духѣ.

— Ну что? обратился къ нему Крагинъ съ неизмѣнно любезной улыбкой. — Какъ нашли вы наши окранны?

Билибинъ, сдѣлавшись товарищемъ Крагина, относился къ нему съ холодной сдержанностью. На этотъ разъ видъ Крагина, его вѣчно-улыбающаяся физиономія разсердили его. Ему стоило большихъ усилій подавить въ себѣ желаніе наговорить ему неприятныхъ вещей.

— Жилища, отвѣчалъ Билибинъ, — въ томъ видѣ, въ какомъ должны находиться при новомъ городскомъ управленіи.

Крагинъ не зналъ, какъ понять этотъ отвѣтъ и, видя, что Билибинъ принялся за дѣло, отошелъ отъ него прочь. Онъ смотрѣлъ на всю эту переписку какъ на пустую забаву праздныхъ людей.

Возвратясь изъ банка домой, Билибинъ долго боролся между желаніемъ идти къ Лебедѣ и остаться дома; сегодня у его зятя должны были собраться наблюдатели. Начнутся разговоры, толки, соображенія, предположенія: не такого сорта будутъ эти разговоры, чтобъ вернуть его опять на лоно мирнаго переливанія русскихъ финансовъ изъ пустого кармана въ порожній. „И все это благодаря моему бабьему характеру“, рассуждалъ Билибинъ самъ съ собою. А что характеръ у него бабій, такъ этому есть множество доказательствъ, хоть, наприимѣръ, то, что онъ любилъ самъ себя язвить, и даже находилъ подъ-часъ неизъяснимое наслажденіе въ этомъ саморазвѣданіи. Вотъ Герке, наприимѣръ, — интересно было-бы посмотреть на него, какъ онъ себя чувствуетъ! И Билибинъ все-таки отправился къ своему зятю.

Войдя въ переднюю, онъ съ удивленіемъ увидалъ, что тамъ нѣтъ ни одного чужого пальто. Изъ столовой доносился голосъ Софьи Александровны: она о чемъ-то съ жаромъ говорила.

„Неужели я одинъ такъ глупъ, что пришелъ послѣ безсонной ночи?“ подумалъ Билибинъ и направился въ столовую.

— Сегодня никто не придетъ, объявила ему тотчасъ Софья Александровна.

— Отчего-же меня не предупредили? спросилъ Билибинъ и подумалъ: „Это родственная безцеремонность“.

— Я просилъ Герке передать тебѣ, оправдывался его зять; онъ былъ сегодня, видимо, не въ духѣ.

Билибинъ усѣлся къ столу и занялся своимъ крестникомъ.

— У тебя рубашка хорошо пахнетъ, тараторилъ Викторъ, припадая къ нему на грудь и обнявая его.

— Не приставай, замѣтилъ ему отецъ довольно сурово.

Раздался звонокъ, и Галенковскій, держа маленькую Оксану на плечѣ, быстро вошелъ въ столовую.

— Ради Бога, закричалъ Лебеда,—не проходи съ ребенкомъ въ дверяхъ; у меня сердце болитъ, когда я вижу ее на плечахъ твоихъ! Ну, вдругъ ты не рассчитаешь нагнуться,—что тогда?

— Да развѣ я сумасшедшій, что-ли? говорилъ Галенковскій. — Вотъ нѣжный папенька! Мать ничего, а онъ точно баба.

— Мать, по легкомыслію, ничего не говоритъ, а я не могу видѣть ребенка въ опасности...

— Ну, ну, довольно! махнулъ на него рукой Галенковскій.— Софья Александровна, онъ у васъ киснетъ сегодня.

— Можетъ быть потому, что совсѣмъ не ложился спать, сказала она.

— Вотъ и я не ложился, а все-же не получилъ нервовъ. У него-же нервы точно у старой дѣвицы.

Лебеда разсмѣялся.

— Я видѣлъ сегодня Герке... Вотъ голова! вскричалъ Галенковскій, обращаясь къ Билибину.—Вѣдь онъ просилъ меня предупредить тебя... Ну, все равно! Такъ вотъ, Герке рассказывалъ, какъ его не пускали въ Ипатьевскій монастырь. „Для меня, говорить настоятель,—нѣтъ свѣтской власти. Не пушу соглада-таевъ и конечно!“ Насилу уломали...

Разговоръ на этомъ и оборвался.

Лебеда сидѣлъ согнувшись; всѣ чувствовали себя утомленными. Софья Александровна говорила за всѣхъ: она ничуть не смотрѣла уставшей и съ жаромъ рассказывала о томъ, какъ онѣ переписывали женскій монастырь.

Когда она кончила, Галенковскій подсѣлъ къ ней и шепнулъ:

— Я получилъ письмо отъ Оксаны.

Софья Александровна тревожно посмотрѣла на мужа.

— Онъ о ней очень беспокоится, шепнула она Галенковскому.— Мы давно ничего не получали; что она пишетъ?

— Она опять находится въ состояніи отчаянія. Вамъ-бы слѣдовало къ ней съѣздить, Софья Александровна.

Онъ сунулъ ей письмо въ руку, всталъ и взялся за шляпу.

Раздался звонокъ, и на порогъ явился Покатиловъ. Всѣ не

вѣсть какъ ему обрадовались. Онъ выводилъ ихъ изъ натянутого положенія.

— Давно-ли пріѣхали? Отчего не заходили? поспались вопросы со всѣхъ сторонъ.

— Какъ не заходилъ? оправдывался Покатиловъ. — У васъ, — онъ обратился къ Галенковскому, — былъ одинъ разъ; у васъ, Михаилъ Ивановичъ, — два раза.

— Мнѣ никто ничего не говорилъ объ этомъ.

— Я даже оставилъ у васъ свою карточку.

— Улыяна! закричала Лебеда. — Поди сюда!

На порогъ показалась хорошенькая дѣвушка лѣтъ восемнадцать; она смѣло подошла къ нему.

— Почему ты мнѣ не говорила, что вотъ этотъ господинъ былъ у меня два раза? Я велѣлъ тебѣ обо всѣхъ докладывать.

— Забыла, сударь, произнесла она уже не такъ смѣло, изъ подлобыя поглядывая на Покатилова, который показался ей страшно грознымъ.

— Смѣй только у меня забывать!.. Уходи себѣ!..

— Это онъ невѣсту такъ третируетъ! замѣтила Софья Александровна.

— Очень радъ, что хоть замужество избавляетъ меня отъ этой противной дѣвчонки: цѣлый день хихикаетъ... несчастный будетъ мужъ...

Покатиловъ засмѣялся.

— Я долженъ сказать, въ защиту этой молодой особы, что ни разу ее не видалъ.

— Я, сударь, отворяла имъ двери, вмѣшалась нянюшка своимъ монотоннымъ голосомъ; — а Витенька разорвалъ билетикъ; барынь я докладывала, что приходилъ высокій такой...

— Я отворяла двери... Витенька скушали билетикъ... Барыня забыли сказать... повторялъ нараспѣвъ Лебеда.

При этомъ онъ такъ безнадежно замахалъ руками, что всѣ засмѣялись.

— Вы имѣете удивительно трагическій видъ сегодня, говорилъ Покатиловъ: — точно вамъ цѣлую недѣлю ѣсть не давали. Софья Александровна, обратился онъ къ хозяйкѣ, — кормите его хорошенько, а то, смотрите, каковъ онъ!

Самъ Покатиловъ былъ въ духѣ и весело смѣялся.

— Я собрался бѣжать, заговорилъ, въ свою очередь; Галенковскій,— да остался потому только, что вы пришли.

— Ну, какъ-же вы поживаете? спрашивалъ Лебеда Покатилова.— Хорошо-ли вамъ ѣздилось?

— Ёздилось мнѣ очень хорошо, а поживаю я такъ себѣ; все-же не имѣю такого свирѣпаго вида, какъ вы.

— Свыклись-ли вы теперь съ Хорзаемъ? спросилъ его Билибинъ.— Помню, въ послѣдній разъ, когда я васъ видѣлъ, вы жаловались, что у васъ нѣтъ знакомыхъ.

— У меня и теперь ихъ нѣтъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ домовъ товарищей.

— А у прочихъ профессоровъ развѣ вы не бываете? спросила Софья Александровна.

— Они меня не приглашаютъ, отвѣтилъ Покатиловъ съ напускнымъ сожалѣніемъ.— Я бываю очень счастливъ, если кто пригласитъ меня, но увы, меня не зовутъ!

— Это потому, что вы строптивый молодой человѣкъ, заговорилъ Лебеда.— Вы не чувствуете должнаго почтенія и уваженія къ старшимъ. Доценты обязаны съ благоговѣніемъ относиться къ тѣмъ, которые будутъ власть имѣть бѣлые или черные шары: одного призвать на консилиумъ, другому уступить практику въ богатомъ домѣ, деликатно намекнувъ на свою неподготовку...

Бывать, гдѣ дочки есть,
 Позвать на завтракъ или обѣдъ,
 Ихъ трюфелями угостить,
 Виномъ отличнымъ напоить,
 А главное хвалить, хвалить!
 Всѣхъ ординарныхъ, экстраординарныхъ.
 Въ комъ нѣтъ ума,
 Въ томъ эрудиція большая,
 Въ трудахъ провелъ всю жизнь,
 Въ познаньяхъ мозгъ изсякъ.
 Въ комъ нѣтъ ужъ ничего,
 Въ томъ сила воли есть:
 Съ ничтожества попалъ онъ въ корифей.
 Тотъ геній практики,
 Тотъ въ спорахъ побѣдитель!
 Другой-же просто лишь строитель.
 Доценты-же затѣмъ, благоговѣвныя чтобъ чувства

Предъ знаньемъ каждаго хранить,
Хоть было-бъ знанье то—сапожное искусство!

— Bravo! Bravo! захопали ему всё трое.

— Лебеда злится, говорилъ Билибинъ: — когда онъ злится, то всегда импровизируетъ.

— Повторите еще, просилъ Покатиловъ.

— Нѣтъ, сегодня не повторю. Завтра, если захочу, могу вспомнить, а сегодня нѣтъ!

— Я удивляюсь, сказалъ Билибинъ,—почему ты не печатаешь своихъ стиховъ: у тебя они бывали иногда прекрасны.

Лебеда махнулъ рукой.

— Прежде, началъ онъ, — стихи мнѣ дѣйствительно легко давались. Впрямь я изъ нихъ, что-ли, только теперь на меня рѣдко нападаетъ вдохновеніе; жизнь меня заѣла... проговорилъ онъ съ притворно-горькой фізіономіей.

— На этотъ разъ импровизація ваша пропала даромъ, сказалъ Покатиловъ, — меня представили въ профессора.

— Это отлично! Кто-же? Добрынинъ?

— Нѣтъ, Сойкинъ.

— Винте-ль... мать моя родная! Да кто-жъ ефто надоумилъ его?

Лебеда шутилъ, потому-что одно воспоминаніе о Сойкинѣ, котораго онъ зналъ хорошо, всегда способно было привести его въ игривое настроеніе духа.

Покатиловъ поморщился: ему непріятно было предположеніе, что Сойкина кто-нибудь заставилъ представить его.

— Я сказалъ вамъ объ этомъ, началъ онъ, дѣлая на словѣ „сказалъ“ удареніе, которое замѣтила только одна Софья Александровна, — а вамъ потому сказалъ, что вы черезчуръ скептически относитесь къ университету.

— Сомнѣнья духъ васъ не проникъ,
Жрецовъ науки вы въ нихъ мните,

невозмутимо продолжалъ декламировать Лебеда.

— Пожалуйста замолчите,
А то кого-нибудь расердите,

перебила его Софья Александровна.

Покатиловъ горько взглянулъ на нее: она улыбалась.

— Боже мой, воскликнулъ Лебеда, — что за бѣдныя рифмы!

Вы знаете, сударья, что всё эти „ите“ и „ете“ означаютъ бездарность?..

Софья Александровна махнула рукой и пригласила всѣхъ въ гостиную.

— Ну какъ тутъ сдѣлаешься поэтомъ? жаловался Лебеда, идя рядомъ съ Покатиловымъ.— Только нападетъ вдохновеніе — тебя тотчасъ ушатовъ холодной воды и окатать. Хотя женщины имѣютъ претензію быть нѣжными и вдохновенными, но въ душѣ онѣ менѣе всего поэты. Не женитесь, Иванъ Семеновичъ: женщина сейчасъ убьетъ въ васъ священный огонь. Впрочемъ, вѣдь это насъ, хохловъ, легко осѣдлать, а русскій самъ норовитъ какъ-бы съѣсть женѣ на шею!

Покатиловъ изумленно поглядѣлъ на него, а Софья Александровна смѣялась и думала: „вѣдь я тебя съ твоими проблесками талантовъ не промѣняю ни на кого въ мірѣ, ни на какого ученаго!“

— Я готовъ поспорить съ вами объ отношеніяхъ русскихъ къ женамъ.

— Ахъ, только не спорить! Сегодня я рѣшительно не могу полемизировать.

Въ гостиной они разиѣстились у маленькаго стола, на которомъ вскорѣ явились яблоки и всевозможные варенные фрукты.

— Неужели вы сами приготовляли все это? спросилъ Покатиловъ.

— Сама, отвѣчала Софья Александровна. — Конечно, это не входитъ въ кругъ тѣхъ свойствъ, которыми вы надѣлили меня, какъ либералку.

Всѣ разсмѣялись; Покатиловъ больше другихъ. Онъ и Софья Александровна уже не интересовались другъ другомъ: онъ считалъ ее ушной, но бездушной и неестественной, она его — сухимъ и одно-стороннимъ, что не мѣшало имъ уважать другъ друга и испытывать необыкновенное наслажденіе, если одному удавалось уколоть или уязвить другого. Покатиловъ, бережно относившійся къ каждой женщинѣ, не чувствовалъ ничего подобнаго къ Софьѣ Александровнѣ; по крайней мѣрѣ ему казалось, что это единственная женщина изъ всѣхъ извѣстныхъ ему, которой-бы онъ никогда не простилъ ничего и съ которой онъ всегда считался.

Разговоръ за десертомъ все больше вертѣлся около свойствъ присутствующихъ: Лебеда смѣялся надъ страстью Галенковскаго

катать всёхъ по Хозарѣ и разсказалъ при этомъ, какъ какой-то жуликъ, котораго онъ изъ сожалѣнія взялся перевести на другую сторону Подхозарицы, едва не утопилъ его, чтобъ завладѣть часами и сюртукомъ.

— И съ тѣхъ поръ, добавилъ Билибинъ, — онъ далъ себѣ слово не носить сюртука.

Галенковскій махнулъ только на это рукой; онъ сѣлъ поодаль и не принималъ участія въ разговорѣ, который сначала вертѣлся на иѣстномъ обществѣ вообще и на барышняхъ въ особенности.

— Съ тѣхъ поръ, сказалъ Лебеда, — какъ я попалъ подъ башмакъ своей жены, я совсѣмъ пересталъ танцовать. Теперь общество разучилось веселиться, молодежь изъ него изгнана; во время моего студенчества насъ принимали съ распростертыми объятіями.

— Чего захотѣли! сказалъ Покатиловъ. — Я вотъ и доцентъ, да если прихожу въ общество не своихъ товарищей, чувствую, что стоитъ явиться какому-нибудь банковскому чиновнику, и онъ меня затмитъ, совсѣмъ уничтожитъ. Ужъ какъ я стараюсь быть умнымъ и любезнымъ, — говорю о высокихъ предметахъ, хвалю живопись и женскую красоту, нѣтъ, чувствуется, что вся цѣна нѣтъ тысяча двѣсти рублей и что всякій получающій четыре или шесть тысячъ умнѣе и добродѣтельнѣе меня! Тутъ ужъ никакія совершенства не вывезуть.

Все это Покатиловъ говорилъ шутя: въ нему опять вернулось его оживленіе.

— Да, сказалъ Лебеда, — прежде спрашивали — каковъ человѣкъ, а теперь — сколько получаетъ.

— И что за блаженное состояніе, сказалъ Покатиловъ, — стоять у самаго святилища рублей!

— Какъ мой братъ, наприимѣръ, прибавила Софья Александровна, — который ни больше, ни меньше какъ директоръ банка.

— Вы директоръ банка? вскричалъ Покатиловъ съ напусеннымъ паесомъ. — Какъ-же я этого ни разу не почувствовалъ! Вѣдь вы первый женихъ, на васъ обращены взоры всёхъ красавицъ Хорзая! Вы можете играть въ любовь, а мы, несчастные, только облизываться, глядя на васъ.

Билибинъ натянута улыбался.

— Я не замѣтилъ, сказалъ онъ, — чтобъ барышни особенно

благоволили во мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ директоромъ.

— Вы, значить, черезчуръ скромны, если этого не замѣчаете. Вчера, представьте, слышу: эта маленькая Мансурова, на которую съ усиленіемъ смотрѣли многіе, и я въ томъ числѣ, вышла замужъ за какого-то банковскаго чиновника, да еще съ неприличной нѣмецкой фамиліей,—за какого-то Гознера. Ну что такое Гознеръ? Въ прежнее время его бы за такую фамилію на порогъ не пустили.. Гознеръ—это значить, что у себя дома...

— Занимался починкой или покупкой старыхъ штановъ, извини, пожалуйста, Соня, пояснилъ Лебеда.

— Конечно, конечно, добавилъ Покатиловъ.—И чѣмъ можемъ утѣшиться мы, дѣти столбовыхъ русскихъ дворянъ, учившіеся въ русскихъ университетахъ?

Онъ смѣялся.

— А если-бъ это былъ какой-нибудь Ольденбургъ, вы бы утѣшились? спросила Софья Александровна.

— Непремѣнно, отвѣчалъ Покатиловъ. Если-бъ этотъ Ольденбургъ былъ дуракъ изъ дураковъ, если-бъ онъ смѣшивалъ Калькутту съ Петербургомъ, и тогда-бъ онъ передалъ дѣтямъ своимъ длинныя ноги и горбатый носъ нѣмецкихъ дворянъ. А Гознеръ что такое? Гознеръ, ѣдущій въ Россію наживаться?.. Ему нужно не менѣе двухъ поколѣній умственного труда, чтобъ согнуть носъ, потому-что онъ представляетъ изъ себя желудокъ на короткихъ ногахъ съ алчнымъ взглядомъ, съ копѣйкой вмѣсто сердца, и трухой въ мозгу. Что, скажите, связываетъ его съ Россіей, съ русской жизнью? И вдругъ образованная русская барышня, дворянка, выходитъ за него замужъ...

— Да можетъ быть, этотъ Гознеръ—красавецъ на длинныхъ ногахъ, съ орлинымъ носомъ, сказала Софья Александровна.

— Не можетъ быть Гознеръ красавцемъ! воскликнулъ Покатиловъ съ такимъ жаромъ, что всѣ, даже Галенковскій, расхохотались.

Гости разошлись очень поздно. Когда Лебеда легъ спать, Софья Александровна вышла въ гостиную, зажгла лампу и вынула изъ кармана письмо Оксаны.

Итакъ, она находится опять въ состояніи отчаянія. Три года замужества потрачены на то, чтобъ сжиться съ человѣкомъ, въ

которомъ она ошиблась. Полно, ошиблась-ли она? Она его просто не узнала, ее обошла эта очаровательная женщина, мать его, да и не ее одну: сама Софья Александровна была очарована этой красавицей. Но развѣ она могла предположить, что сынъ ея пьяница? Одинъ Лебеда не желалъ этой свадьбы.

Письмо Оксаны заключало слѣдующее: „Другъ мой, писала она, — всѣ мои иллюзіи исчезли, цвѣты мои завяли, весь мой мірокъ, который я такъ тщательно созначала больше года, обаялся, какъ всегда, безъ всякаго фундамента. Грачи прилетѣли изъ срубленнаго лѣса въ нашъ садъ и оглашаютъ воздухъ пронзительнымъ крикомъ; на меня нападаетъ бѣшеное желаніе кричать самой и звать васъ всѣхъ. Зачѣмъ никто не придетъ вырвать меня изъ этой жизни? Я хочу быть съ вами! Хочу кататься по Хозарѣ, хочу, хочу! Я погибаю, понимаешь-ли, я погибаю!.. А вы тамъ всѣ счастливы...

Слѣдовало нѣсколько зачеркнутыхъ строкъ: письмо, повидимому, здѣсь оборвалось, а слѣдующія затѣмъ строки были написаны гораздо спокойнѣе:

„Не говори ничего моему брату: я не хочу, чтобъ онъ зналъ, какъ мнѣ тяжело, — вѣдь ничѣмъ мнѣ помочь нельзя! Почему каждое мое пробужденіе бываетъ все ужаснѣе и ужаснѣе? Чѣмъ тщательнѣе создаю я себѣ свой собственный міръ, тѣмъ неожиданнѣе и безпощаднѣе онъ разрушается отъ прикосновенія грубой руки. Моя свекровь заболѣла недавно, я ухаживала за нею и, однажды, помимо воли, у меня мелькнула мысль: „если она умретъ, мнѣ будетъ легче, нѣжная цѣпь порвется“. Представь, она въ ту-же минуту сказала мнѣ: „тебѣ не будетъ лучше: ты не уйдешь отъ себя...“ Но я уйду, я хочу уйти; я думаю, что если слѣдующее мое пробужденіе будетъ таково, я уйду!“

Софья Александровна свернула письмо и закрыла лицо руками. Ей было ужасно жаль свою золовку; въ этомъ чувствѣ было тѣмъ болѣе горечи, что она считала себя нѣкоторымъ образомъ виноватой въ несчастіи Оксаны. Оксана, молоденькая дѣвушка, находилась подъ ея вліяніемъ: быть подъ чьимъ-нибудь вліяніемъ лежало въ самой ея природѣ. Конечно, Софья Александровна не предполагала, что онъ человѣкъ мелкой души, что онъ — грязная эгонистическая тряпка, къ которой роковымъ образомъ прикованы двѣ женщины: мать и жена. „Боже! думала она, — что я за не-

счастливая женщина! Я любила Прасковью: та погибла отъ любви къ моему брату; я люблю брата, и онъ такъ способенъ мучить меня; а теперь Оксана! Я столько-же терзаюсь невозможностью помочь ей, какъ когда-то радовалась ея мнимому счастью. Можетъ быть, и ребенокъ мой, умершій годъ тому назадъ, погибъ отъ моей оплошности. Нѣтъ, во мнѣ есть что-то фатальное, что-то роковое!..“

Когда Лебеда, сильно нежелавшій этой свадьбы, узналъ о несчастии сестры своей, онъ бросилъ женѣ упрекъ въ томъ, что она ее погубила. Черезъ минуту онъ раскаялся и пришелъ извиниться: она такъ горячо сама себя упрекала, была такъ глубоко потрясена, что ему долго пришлось успокаивать ее и утѣшать. Это была первая и послѣдняя несправедливость, выказанная имъ своей женѣ. Софья Александровна заплакала; то были тихія, тяжелыя слезы, которыя не успокаивали ее. Мысль ея все возвращалась къ тому времени, когда Оксана была невѣстой. Какое веселье царило въ ихъ домѣ! Только Галка стала куда-то пропадать; онъ не явился даже на свадьбу: уѣхалъ совсѣмъ изъ города. Софья Александровна догадалась, что происходило въ душѣ этого юноши и, чтобъ какъ-нибудь его утѣшить, она подарила ему свою собаку, съ которой никогда не разставалась.

Когда Галенковскій вышелъ отъ Лебеды, на дворѣ повисъ теплый туманъ, сквозь который тускло прорѣзывались рогатые лучи фонарей. Онъ отдѣлился отъ Покатилова и Билибина и зашагалъ въ противоположную сторону. Онъ шелъ медленно, весь отдаваясь грустными мыслямъ.

Итакъ, Оксана была несчастлива! Какъ далеко ни заглядывалъ онъ въ свое прошлое, онъ постоянно помнитъ себя рука объ руку съ этой дѣвочкой. Дружба ихъ была самая нѣжная; какъ подкралась любовь—онъ созналъ это только тогда, когда она сдѣлалась невѣстой, а до тѣхъ поръ онъ жилъ мыслью о ней. Онъ окружалъ ее цвѣтами, которые она такъ любила. Не было такого сада въ Хорзаѣ, откуда онъ не принесъ-бы ей букета; не было потомъ магазина въ Москвѣ, гдѣ-бъ онъ не купилъ ей сѣмянъ; и среди всѣхъ этихъ цвѣтовъ она была его лучшая роза!

Размышляя такимъ образомъ, онъ дошелъ до павильона, который стоялъ на самомъ высокомъ мѣстѣ Хорзая и откуда от-

кряввался чудный видъ на Хозару. Тутъ онъ сѣлъ на деревянную скамейку и опять сталъ думать все о томъ-же.

„Она пишетъ, думалъ онъ, — почему никто не придетъ вырвать ее изъ этой жизни? Зачѣмъ она не позоветъ его? Онъ вынесетъ ее на своихъ собственныхъ плечахъ. Чего-бы онъ для нея не сдѣлалъ! Но она не зоветъ его: она зоветъ „всѣхъ“. Никогда она его не любила, и онъ давно сталъ чувствовать, что она никогда и не полюбитъ его, если даже освободится: она полюбитъ кого-нибудь другого, а его — никогда. До сихъ поръ не зналъ онъ ни одной женщины, — это она царила надъ его душою; мысль о ней успокаивала кровь его.

Туманъ разсѣялся, и мгла затянула широкой горизонтъ. Въ саду прокричала какая-то птица, и все замерло передъ разсвѣтомъ. Галенковскій облокотился о спинку скамьи: какая-то истома одолѣла его; мысль безсвязно, безформенно переходила съ предмета на предметъ и иногда точно совсѣмъ останавливалась. Онъ машинально всматривался въ силуэты далекихъ зданій и чувствовалъ какую-то нѣгу, смѣшанную съ горечью пережитыхъ страданій. Такъ просидѣлъ онъ нѣсколько времени, и это время показалось ему долгими часами. Ему захотѣлось прилечь, но скамейка была и холодна, и тверда, и мокра. Онъ снялъ шляпу и сталъ медленно спускаться съ каменныхъ ступеней маленькой лѣстницы. На востокѣ появилась красноватая зыбь. Онъ шелъ медленно; на поворотѣ въ одну изъ улицъ его едва не задѣлъ промчавшійся извозчикъ.

— Что летишь? закричалъ Галенковскій.

— Стой! послышалось въ свою очередь женское густое контраalto, и барыня быстро соскочила съ дрожекъ и подошла къ нему.

— Откуда? спросила она.

— Гуляю, отвѣтилъ Галенковскій и покраснѣлъ. — А вы откуда?

— Видите, она указала на свой мѣшокъ съ инструментами, — была на практикѣ. — Пойдемте, намъ по дорогѣ.

Ему было совсѣмъ не по дорогѣ.

— Отчего это вы бродите? спросила она, идя рядомъ съ нимъ.

— Не спится, отвѣчалъ Галенковскій.

— И мнѣ тоже не спится; знаете отчего? Я о васъ думаю, сказала она густымъ шепотомъ.

Галенковскій вздрогнулъ и ничего не отвѣтилъ.

Они молча подошли въ дому, гдѣ она жила; женщина первая вошла на ступеньки.

— Зайдите, обернулась она къ нему не то повелительно, не то грустно.

Какая-то особенная нота прозвучала въ ея голосѣ, и при свѣтѣ загорающагося дня можно было видѣть, какъ вспыхнули ея глаза и щеки покрылись яркимъ румянцемъ: она была хороша...

Галенковскій испытывалъ необычайное волненіе; онъ все еще медлилъ.

— Не хотите, такъ Богъ съ вами, сказала она и повернула ключъ въ замкъ.—Богъ съ вами! еще разъ повторила она, и въ голосѣ ея послышался тяжелый вздохъ. Галенковскій понялъ то, чего онъ прежде упорно не понималъ при встрѣчахъ съ ней и, съ поникшей головой, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ взошелъ на крыльцо.

Балибинъ тоже не спалъ въ эту ночь. Его мучило всегдашнее недовольство собой, постоянное сознаніе своей неустойчивости и неопредѣленности.

„Почему, думалъ онъ,—Лебеда, Поватиловъ, Галенковскій всегда могутъ быть самими собой?“ Ему всегда казалось послѣ свиданія съ ними, что это единственные живые люди, а все остальное мертво, заковано въ непреодолимое желаніе наживаться и богачѣть. „Какое завидное состояніе быть такими, какъ они! Поватиловъ, напримѣръ: на него клеветаютъ, его раздираютъ, а онъ идетъ себѣ своей дорогой, несокрушимый... Почему-же я не могу быть такимъ? Во что я вѣрю?“ задавалъ онъ себѣ вопросъ и чувствовалъ, что ни во что, все понимаетъ и ни во что не вѣрить. Это ужасно! Отсутствіе преобладающей силы во всѣхъ его ощущеніяхъ губить его. Какъ понималъ онъ всѣхъ этихъ людей! Этотъ Поватиловъ, безконечно искренній и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ; а Галенковскій съ дѣтской душой, со своей вѣрой, что люди могутъ обновиться; а Лебеда живой, добрый, вѣчно борющійся... Да, я не пара имъ, совсѣмъ не пара!

ГЛАВА XIII.

Общественное мнѣніе Хорзая было недовольно городскимъ управленіемъ; то тамъ, то сямъ раздавались голоса противъ заступающаго мѣсто городского головы, — Крагина. Парфеновъ почти постоянно жилъ въ Петербургѣ, и потому все недовольство обращалось на старшаго члена управы. Особенно много говорили о неудовлетворительномъ состояніи мостовыхъ. Прежняя дума тратила на нихъ до шести тысячъ въ годъ, теперешняя — до шестидесяти; а между тѣмъ нѣкоторыя улицы, даже такая, какъ Малая Московская, представляли очень волнистую поверхность, несовсѣмъ удобную для ѣзды. Чувствовалась потребность въ болѣе независимомъ органѣ, чѣмъ какой представлялъ изъ себя „Охранитель“, который то и дѣло печаталъ панегирики новому городскому управленію и изобличалъ какія-то интриги, замышляемыя противъ него на Побережьи представителями старой думы, а наверху доморощенными Гамбеттами. Впрочемъ, послѣдняя зима была особенно благоприятна для „Охранителя“: во-первыхъ, какая-то барыня убѣжала отъ мужа, потомъ одна извѣстная всѣмъ особа устроила балъ въ пользу студентовъ. Эти два происшествія послужили матеріаломъ для цѣлаго ряда статей, причѣмъ былъ сообщенъ подробный адресъ бѣжавшей барыни, а вечеръ былъ названъ Spitzbal'омъ, даннымъ для сводничества амушеровъ со студентами; и хотя на этомъ балѣ присутствовали жены и дочери многихъ почтенныхъ гражданъ, никто изъ нихъ не заступился за честь оскорбленныхъ женщинъ, — всѣ такъ и помирились на томъ, что присутствовали на Spitzbal'ѣ, устроенномъ съ такой благородной цѣлю.

Готовилось очень интересное и очень бурное засѣданіе: комиссія должна была представить проектъ большаго займа, предполагали обсуждать вопросъ, — куда дѣвать „капиталь бѣдныхъ“, точно всѣ бѣдные въ городѣ разбогатѣли. Кроиъ того, гласный Лещинскій приготовилъ докладъ о мостовыхъ. Всѣ эти вопросы сильно занимали нѣкоторую, небольшую, но впечатлительную, часть публики; другая-же, наибольшая, какъ и всегда, интересовалась только своими личными дѣлами, а всѣ другія разсматривала съ точки зрѣнія благоприятности и неблагоприятности ихъ для собственнаго кармана.

Собравшаяся публика, раздѣлившись на небольшія кучки, шепталась о чемъ-то...

И о чемъ только не шушукуются русскіе культурные люди! Все-то они знаютъ, всему причины нашли и всѣ раны залечить могутъ, только-бы позволили; но стоитъ ткнуть на нихъ, и душа въ пятки, — сейчасъ готовы донести на пріятеля, съ которымъ еще вчера такъ интимно шушукались: „мы-съ ничего, ваше благородіе, а вотъ онъ такъ вредныя мысли имѣеть“. И пойдутъ, и пойдутъ на всѣхъ перекресткахъ злословить: до тѣхъ поръ будутъ указывать на кого-нибудь, пока, наконецъ, начальство не найдетъ необходимымъ удалить вреднаго члена общества. Это называется на русскоиъ языкѣ „дружеское соболѣзнованіе“.

Засѣданіе, котораго съ такимъ интересомъ ждали, началось чтеніемъ доклада финансовой комиссіи подъ предсѣдательствомъ Федора Карловича Мандена. Въ докладѣ говорилось о необходимости для города занять пятьсотъ тысячъ, изъ коихъ двѣсти или триста должны пойти на изысканіе лучшихъ способовъ для замощенія улицъ, потому-что всѣ прежніе оказались неудобопримѣнимыми; сто двадцать или полтораста тысячъ употребить на созданіе постоянного источника дохода, именно на постройку большого дома, низъ котораго можно отдавать подъ магазины, а верхъ подъ банки и такъ-же помѣстить управу. Сильное увеличеніе торговли въ городѣ и невѣроятное возвышеніе цѣнъ на магазины даютъ право надѣяться на полученіе большихъ доходовъ. Домъ навѣрное окупитъ себя въ нѣсколько лѣтъ.

— Конечно, конечно! слышалось изъ разныхъ угловъ.

А подрядчики, присутствовавшіе въ думѣ, трепетали отъ радости.

— Домъ можетъ давать, заключилъ докладчикъ, — двадцать семь тысячъ годового дохода.

— Даже больше, гораздо больше! послышались голоса.

— Что-же касается „капитала бѣдныхъ“, который существуетъ съ 1843 года, то его можно употребить на постройку больницы, въ которой будетъ десять даровыхъ кроватей для немущихъ.

Бѣдные совсѣмъ отсутствовали въ думѣ, и потому никто не выразилъ одобренія.

Когда докладъ былъ конченъ и представленъ на обсужденіе гласнымъ, съ мѣста поднялся господинъ маленькаго роста, вскло-

коченный, съ добродушно-лукавымъ выраженіемъ лица. Онъ сталъ говорить ровнымъ, звучнымъ, слегка даже пѣвучимъ голосомъ:

— Прежде, чѣмъ приступить къ займу, началъ онъ,—и употребить отъ двухъ до трехъ сотъ тысячъ на изысканіе лучшихъ способовъ замощенія улицъ, разсмотримъ вопросъ, почему прежніе способы оказались неудовлетворительными. Я, въ качествѣ бывшаго члена управы, считаю себя обязаннымъ указать на тѣ причины, которыя изслѣдованы мною со всею тщательностью.

„Никто тебя не просилъ объ этомъ“, шепнулъ одинъ гласный другому на ухо; а этотъ, глядя на говорившаго подумалъ: „лучше-бъ ты тщательнѣе расчесывалъ свою бороду, а то она у тебя всклокочена, точно...“ Но зѣвокъ сосѣда помѣшалъ ему подѣлывать приличное сравненіе. Ораторъ между тѣмъ продолжалъ:

— Я льшу себя надеждой, что изслѣдованія мои послужатъ предостереженіемъ для будущихъ членовъ думы. За эти три года мостовныя стояли городу сто-шестьдесятъ-одну тысячу семьсотъ-одинъ рубль восемьдесятъ-три копейки, — цифра очень почтенная, если принять во вниманіе, что прежняя дума не тратила въ годъ и шести тысячъ.

— Не хотите-ли вы защищать старую думу? выкрикнулъ чей-то голосъ, но такъ и остался гласомъ въ пустынь.

— Неудовлетворительность мостовныхъ произошла главнымъ образомъ оттого, что подрядчикъ не соблюдалъ условій контракта, заключеннаго съ думою. Подрядчикъ обязался мостить булыжнымъ камнемъ, а между тѣмъ производилъ замощеніе гранитомъ, причемъ господинъ Крагинъ даже самъ хлопоталъ о скорѣйшей доставкѣ ему этого камня. Между тѣмъ кубическая сажень булыжника стоитъ семьдесятъ-пять рублей, а гранита только пятьдесятъ, слѣдовательно, у подрядчика оставалась въ карманѣ разность между стоимостью этихъ двухъ породъ камня, помноженная на число саженей употребленнаго въ дѣло гранита. Въ думу былъ поданъ протестъ, который остался безъ всякихъ послѣдствій.

— Я помню, возразилъ Федоръ Карловичъ,—кто-то заявлялъ о томъ, что слѣдуетъ уменьшить сумму денегъ, отпускаемую подрядчику на покупку камня; какъ тогда, такъ и теперь я заявляю, что несогласно съ достоинствомъ думы уменьшить цѣну, вслѣдствіе того, что подрядчикъ имѣетъ возможность достать камень по болѣе выгодной цѣнѣ.

— Но не должно забывать, продолжалъ невозмутимо первый ораторъ, — что подрядчикъ обязанъ былъ мостить булыжникомъ, а отнюдь не гранитомъ: здѣсь разница не только въ цѣнѣ, но и въ качествѣ камня. Какъ только вступилъ въ управленіе городомъ гласный Леденевъ, всѣ просьбы подрядчика о дозволеніи мостить гранитомъ были безусловно отклонены. При Леденевѣ была избрана комиссія, дѣятельность которой, главнымъ образомъ, направилась къ тому, чтобы подрядчикъ въ точности соблюдалъ контрактъ. Но, къ сожалѣнію, г. Леденевъ скоро отказался отъ занимаемой имъ должности, и новая комиссія подъ предсѣдательствомъ г. Крагина допустила употребленіе гранита; она только изобрѣла для него новое названіе „рѣчной гранитъ“.

Послышался смѣхъ въ публикѣ и среди гласныхъ.

— Я полагаю, началъ Федоръ Карловичъ, — что подобныя пренія ни къ чему существенному повести не могутъ, а только затануть засѣданіе: всякая критическая оцѣнка распоряженій думы или отдѣльной комиссіи всегда прилагается къ протоколамъ для свѣденія публики. Я не вижу причины, почему-бы г. Лещинскому, собравшему такія до щепетильности вѣрныя данныя о мостовомъ дѣлѣ, не помѣстить ихъ въ какой-нибудь газетѣ, тѣмъ болѣе, что товарищъ мой, гласный Крагинъ, по всей вѣроятности, въ настоящее время не имѣетъ подъ рукою фактовъ для опроверженія взводимыхъ на него обвиненій. Потому я нахожу лучшимъ прекратить подобныя пренія: они вредятъ достоинству думъ.

— Продолжайте, продолжайте! послышались такіе убѣдительные голоса, что Федору Карловичу ничего больше не оставалось какъ сѣсть на свое мѣсто.

Лицо Крагина выражало полнѣйшее безстрастіе. Онъ откинулся на спинку кресла и, когда Лещинскій началъ опять говорить, Крагинъ вторилъ ему мѣрными, тихими ударами руки по столу.

— Я не взвожу обвиненій на г. Крагина, продолжалъ Лещинскій, — я только излагаю факты, добытые мною изъ докладовъ комиссій въ думѣ. Цѣль моя, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, чтобы предостеречь будущую думу отъ повторенія подобныхъ ошибокъ. Я желаю только показать, какъ ведутся у насъ дѣла. Когда я дѣлалъ заявленіе о томъ, что гранитъ дешевле булыжника, мнѣ отвѣчали, что это невѣрно; когда-же я требовалъ отношеніе губернатора о стоимости гранита, г. Крагинъ объ-

явилъ, что у него нѣтъ этого документа. Между тѣмъ мостовая комиссія, избранная при г. Леденевѣ, доказывая невозможность за-мѣнить булыжники гранитомъ, ссылалась именно на свѣденія, доставленные губернаторомъ. Исчезновеніе изъ дѣла такой важной бумаги лишаетъ меня возможности опредѣлить точную разницу въ стоимости двухъ породъ камня, но, принимая минимумъ, допущенный даже г. Крагиннымъ, а именно десять рублей на сажень, мы получимъ за три года сорокъ-пять тысячъ. Итакъ, городъ безкорыстно отдалъ подрядчику сорокъ-пять тысячъ и получилъ вза-мѣнъ этого подарка дурныя мостовыя, по которымъ въ иныхъ мѣстахъ совѣтъ нельзя ѣздить. Достойно вниманія еще и то, что подрядчикъ въ одно и то-же время является и безконтроль-нымъ поставщикомъ камня, и мостовымъ мастеромъ. Ясное дѣло, что онъ стремился замостить наибольшее количество квадратныхъ саженей наименьшимъ количествомъ камня.

Лещинскій сѣлъ.

Крагинъ поднялся лѣнливо: фигура его выражала полное утом-леніе и ничего больше.

— Я терпѣливо выслушалъ гласнаго Лещинскаго, началъ онъ.

— Не вамъ однимъ онъ говорил! [послышались возгласы.

Крагинъ невозмутимо продолжалъ:

— Всѣ обвиненія г. Лещинскаго могли-бы бросить очень не-выгодную тѣнь на мою дѣятельность въ думѣ, но, къ счастью, засѣданія наши происходятъ гласно, въ присутствіи немалочи-сленной публики; ничто у насъ не рѣшается однимъ голосомъ, но всегда большинствомъ, послѣ предварительныхъ горячихъ преній, которыя не лишены бывають иногда даже личныхъ намеговъ и колкостей. Оправдываться въ тѣхъ ошибкахъ, которыя могли вкратъся во всякое новое дѣло, я не берусь, да и не имѣю права, потому-что никогда не возьму на себя отвѣтственности за дѣйствія думы и избранныхъ ею комиссій. Дума всегда, во всѣхъ дѣлахъ, является первой и послѣдней инстанціей; всѣ мы только приказчики ея и исполнители ея коллективныхъ заявленій. Если дума выбираетъ однихъ, а не другихъ лицъ въ комиссію, значить—она довѣряетъ однимъ больше, чѣмъ другимъ. Притомъ-же гораздо легче уже разъ сдѣланное подвергнуть критической оцѣн-кѣ; всѣ трудности, какія существуютъ при исполненіи какой-ни-будь работы, всѣ непредвидѣнныя обстоятельства, помѣшавшія вы-

полненію въ точности контрактовъ, на бумагу не заносятся, — иначе привелось-бы писать доклады цѣлыми томами... На бумагѣ остается только разница между контрактомъ и его выполненіемъ, и вотъ почему критиковать гораздо легче, чѣмъ дѣйствовать. Тѣмъ не менѣе, нельзя не пожелать и прочимъ членамъ управы такой-же щепетильности въ отношеніи къ общественнымъ дѣламъ, какою отличается докладъ гласнаго Лещинскаго: лучше быть не въ мѣру ретивымъ, чѣмъ индифферентнымъ.

„Ишь, заговариваетъ зубы, лисица!“ подумалъ Лещинскій и даже покраснѣлъ отъ досады. Никто изъ гласныхъ не возражалъ; а Крагинъ пригласилъ думу приступить къ обсужденію проекта займа.

Леденевъ, Лебеда, Лещинскій и еще нѣкоторые высказались противъ займа; Манденъ настаивалъ на необходимости его; Крагинъ и Картавцевъ отъ него не отставали. Много было толковъ о постройкѣ дома. Какой-то старожилъ города, маленький человѣчекъ, заикаясь заявилъ, что мѣсто, гдѣ предполагается постройка дома, было когда-то занято прудомъ или чѣмъ-то подобнымъ, — сосѣдняя улица даже до сихъ поръ называется „овечья тряси-на“. Заявленіе было сдѣлано такъ робко, такимъ тоненькимъ голоскомъ, что строгіе члены думы послали его мысленно къ чорту, а болѣе снисходительные разсмѣялись. Лебеда доказывалъ, что площадь, на которой предполагается постройка дома, даетъ и безъ того восемь тысячъ дохода; кромѣ того, съ застройкой этой площади, цѣлая громадная часть города останется безъ базара и, наконецъ, исчезнетъ единственное мѣсто, гдѣ по праздникамъ можно устраивать народныя гулянья. На это заявленіе Крагинъ, снисходительно улыбаясь, отвѣтилъ, что не видитъ, почему нужно устраивать народныя гулянья непременно въ центрѣ города, что подобныя гульбища влекутъ за собою множество неудобствъ для прочихъ жителей и потому желательно удалить ихъ по возможности изъ густо-населенныхъ частей. Онъ нашель, что вопросъ достаточно исчерпанъ и потому слѣдуетъ подвергнуть его баллотировкѣ. Вопросъ этотъ прошелъ большинствомъ всего одного голоса, причеиъ одинъ изъ гласныхъ тутъ-же заявилъ, что не понялъ, что именно баллотировалось: заемъ-ли или постройка дома. Вообще настроеніе думы было печальное; члены грустно покачивали головами, пожимали плечами, шептались между собою. Кра-

гинь зорко окинулъ собраніе своими пронипательными глазами: предстояло рѣшить еще множество вопросовъ.

— Господа, обратился онъ къ гласнымъ, голосомъ сладкимъ, какъ патока, — въ будущемъ мѣсяцѣ предполагается въ Парижѣ съѣздъ гигиенистовъ и финансистовъ; туда явятся ученые со всѣхъ концовъ Европы. Какое важное значеніе приобрѣла въ последнее время гигиена, вамъ всѣмъ хорошо извѣстно; для насъ-же въ особенности интересно знать, какіе лучшіе способы существуютъ для оздоровленія города, въ стѣнахъ котораго, вслѣдствіе его экономическаго роста, съ каждымъ годомъ скопляется все болѣе и болѣе жителей. Не найдетъ-ли городъ возможнымъ послать на этотъ съѣздъ нашего молодаго ученаго, Валерьяна Петровича Лепехина, который обратилъ на себя вниманіе своей статьей „Успѣхи гигиены въ связи съ экономическимъ развитіемъ“. Для этой цѣли потребуется не вѣсть какая большая сумма, всего пятьсотъ рублей.

Всѣ взоры обратились на Валерьяна Петровича, который самъ своей собственной особой представлялъ слѣды успѣховъ гигиены въ связи съ экономическимъ улучшеніемъ жизни. Онъ былъ чистенькій, бѣленькій, жирненькій, точно распускающійся бутонъ будущаго финансоваго и гигиеническаго развитія Хорзая. Сиве съ умиленіемъ смотрѣлъ на него и думалъ: „милій вьюноша“. Федоръ Карловичъ находилъ, что такъ и слѣдуетъ быть, — онъ того достоинъ, — и Валерьянъ Петровичъ двумя шарами получилъ пятьсотъ рублей, что составляло недѣльный доходъ его супруги. Настроеніе думы смягчилось, однако, на одинъ только голосъ. Крагинъ вздохнулъ и предложилъ приступить къ обсужденію вопроса: на что употребить „капиталъ бѣдныхъ?“ По его мнѣнію, этотъ капиталъ слѣдовало-бы отдать на устройство городской больницы.

Лебеда возражалъ противъ обращенія этого капитала на больницу. Ему отвѣчали: Крагинъ, Мандень, Картавецъ. Лебеда горячился, и, когда онъ всталъ, чтобъ представить свои послѣднія возраженія, Картавецъ сдѣлалъ гримасу, — лицо его ясно выражало нетерпѣнье. Крагинъ слегка повелъ плечомъ и чуть замѣтно зѣвнулъ. Лебеда между тѣмъ началъ:

— Я вполнѣ готовъ согласиться съ необходимостью больницы для города; я только не понимаю, зачѣмъ для этого нужно взять „капиталъ бѣдныхъ“. Городъ долженъ найти другія средства

для этого. Мнѣ рѣшительно непонятно упорное желаніе управы во-что-бы то ни стало отнимать средства, предназначенныя для удовлетворенія нуждъ бѣднѣйшей части городского населенія. Три года назадъ теперешній городской голова пожертвовалъ сто тысячъ для бѣдныхъ; какъ ни убѣждалъ онъ управу употребить эти деньги согласно ихъ назначенію, она осталась непоколебима. Почему господинъ, заступающій мѣсто городского головы, находитъ, что теперь капиталъ этотъ не соотвѣтствуетъ своему прежнему назначенію? Вѣроятно потому, что полагаетъ, будто капиталъ предназначенъ для украшенія города. Между тѣмъ во всемъ узаконеніи объ этомъ капиталѣ нигдѣ не сказано „для украшенія“, но за-то очень опредѣленно оговорено: „для устройства, а именно для ссудъ на постройки бѣднѣйшимъ членамъ общества“. Это подтверждается и выдачею долгосрочныхъ ссудъ на четырнадцать и двадцать-семь лѣтъ, и незначительностью взимаемыхъ процентовъ, отъ трехъ до четырехъ... Наконецъ, въ доказательство того, какъ человѣчно отнеслось къ этому дѣлу начальство, служить слѣдующій 27 § узаконенія: „а тѣмъ, которые по бѣдности или беспорядочному поведенію, пьянству и т. п., не могутъ сами себѣ выстроить помѣщенія, строительная комиссія обязана нанять рабочихъ и купить матеріалъ для постройки“. Сколько гуманности! Даже люди, предающіеся пьянству, имѣли право рассчитывать на заботливость о себѣ! Теперь однодневная перепись показала, въ какомъ ужасномъ состояніи находятся окраины Хорзая, который такъ богатъ, что считаетъ себя въ правѣ, подобно рачительному барину, не унижаться до требованія отъ подрядчика уменьшенія платы за несоблюденіе контракта, даря ему такимъ образомъ сорокъ пять тысячъ. Городъ такъ богатъ, что желаетъ имѣть собственный домъ для помѣщенія управы, который ему обойдется отъ ста до двухъ сотъ тысячъ, такъ богатъ, что предполагаетъ сдѣлать заемъ въ полмилліона, и изъ этого займа двѣсти, триста тысячъ пойдутъ только на одинъ опытъ замощенія. А отдача рыбнаго промысла на откупъ за тысячу рублей, вслѣдствіе чего шестьдесятъ семействъ находятся въ состояніи близкомъ къ голодной смерти, это не унижаетъ достоинства думы? А отнятіе у бѣдныхъ пятидесяти тысячъ, которыя далъ не городъ и которыя существуютъ съ 1843 года,—это тоже не унижаетъ ея достоинства?.. Между тѣмъ, если-бъ можно было присутствующимъ

здѣсь гласнымъ представить всю грязь, наполняющую наши ночлежные дома, въ которыхъ мужчины, женщины, дѣти, — всё сучиваются вѣстѣ... если-бъ можно было представить безвыходное положеніе рабочаго люда, помѣщающагося въ жилищахъ, болѣе похожихъ на свинные хлѣва, чѣмъ на людскія помѣщенія!.. Не думаю, чтобъ десять даровыхъ кроватей могли помочь этому люду. Повторяю, если-бъ здѣсь присутствующимъ возможно было видѣть, то, чему мы были свидѣтелями, то у нихъ, право, не хватало-бы духа отнять послѣднія средства у бѣдняковъ. Если у города нѣтъ возможности удовлетворить самую насущную и первую потребность, какъ-то: оздоровленіе цѣлой части города, ежегодно затопляемой водой и служащей центромъ распространенія всѣхъ заразительныхъ болѣзней, то дума не должна слагать съ себя по крайней мѣрѣ нравственной обязанности помогать этимъ людямъ. Это будетъ даже не великодушіе со стороны думы, а простая справедливость... Бѣдняки несутъ на себѣ болѣе тяжелые налоги, чѣмъ люди богаче... Одни лари, открытыя мѣста и лавченки платятъ шестьдесятъ-девять тысячъ въ годъ, и то только благодаря ходатайству Парфенова, который просилъ уменьшить налогъ съ 15 р. на 8; между тѣмъ какъ всѣ дома въ городѣ платятъ шестьдесятъ-четыре, причеиъ нѣкоторые, владѣя чуть-ли не цѣлыми кварталами, вносятъ не болѣе тысячи р. въ годъ. Слѣдовательно, бѣдное населеніе, кромѣ обременительныхъ налоговъ за право копѣчной торговли, должно помѣщаться на окраинахъ города, въ жилищахъ, описаніе которыхъ превосходитъ всякое въроятіе; а средства, собранныя тяжелымъ трудомъ и цѣлымъ рядомъ лишеній, расточаются самымъ непроизводительнымъ образомъ... Тѣ-же, которые всего болѣе нуждаются въ помощи, не имѣютъ права голоса въ думѣ и не могутъ постоять за себя...

Онъ сѣлъ.

Произошла пауза; всѣми, повидимому, овладѣло какое-то подавленное недоумѣніе. Наконецъ, съ мѣста поднялся Картавецъ.

— Для гласнаго Лебеда, заревѣлъ онъ, — составляло тайну то, что для всѣхъ насъ ясно какъ день. Гласному Лебедѣ нужно было самому спуститься въ ночлежники, чтобы узнать какъ живутъ люди, промышляющіе мелкимъ воровствомъ, спившіеся съ круга. Для каждаго образованнаго человѣка не составляетъ тайны, что въ большихъ центрахъ всегда есть контингентъ людей,

живущихъ въ грязи, и что помогать имъ, раздавая деньги и хлѣбъ или заколачивая дырвны стѣны, есть дѣло частной благотворительности, а не общественнаго учрежденія. Всѣ члены общественной корпораціи должны дѣйствовать въ духѣ того государства и общества, которое сдѣлало ихъ своими представителями. Мы всѣ знаемъ, въ какомъ состояніи находятся окраины большого центра; намъ также извѣстно, что всякое общество имѣетъ свои подонки; но мы не затѣмъ здѣсь, чтобъ устраивать поединки между людьми, которые способны только къ жалкимъ словамъ, и тѣмъ, которые чувствуютъ всю важность отвѣтственности за принятыя на себя обязательства передъ государствомъ и обществомъ.

Лицо Крагина сіяло. У Сиве навернулись на глазахъ слезы униженія, и онъ думалъ на ломаномъ русскомъ языкѣ: „Это вѣрно, это вѣрно! Мы должны служить опчеству, которое насъ избралѣ“. А лица нѣкоторыхъ изъ гласныхъ ясно говорили: „Что молодчикъ? Обрѣзали крылышки! Не фияти другой разъ; по дѣломъ!“

Картавцевъ торжественно сѣлъ съ сознаніемъ-свято исполненной обязанности охранителя; и, когда Лебеда все-таки всталъ, даже вздохъ вырвался изъ груди Крагина. Онъ скрестилъ на груди руки и нагнулъ голову; вся его фигура выражала покорность и смиреніе. „О, Господи, ты видишь!“ прошепталъ онъ, однако насколько громко, что Манденъ и Картавцевъ услышали и улыбнулись.

— Я приведу только слова моего учителя, началъ Лебеда, — именно ваши, г. Картавцевъ. „Всегда, говорили вы съ кафедры, будучи профессоромъ, — существовали бѣдствія и страданія человѣческія; не мы открыли ихъ, но заслуга нашего времени въ томъ, что мы поняли причины ихъ и желаемъ имъ помочь. Культурное состояніе всякаго общества измѣняется степенью пониманія страданій и стремленія облегчить ихъ!“

Онъ сѣлъ.

Послѣдовало гробовое молчаніе.

„Уфъ!“ послышалось въ одномъ углѣ, и кто-то зѣвнулъ во весь ротъ.

Раздавшійся звонокъ возвѣстилъ о концѣ засѣданія. Всѣ были недовольны и стали группироваться отдѣльными кучками. Недо-

вольство выражалось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: какой-то толстякъ кряхтѣлъ и старался какъ можно дальше засунуть палецъ въ носъ; другой съ меланхолически повисшимъ носомъ бормоталъ себѣ что-то въ бороду.

— Этого Крагина, говорилъ одинъ изъ гласныхъ тихонько другому, — развѣ проймешь чѣмъ-нибудь? Лебеда горячился; ему бы слѣдовало говорить какъ Лещинскій.

— Но и Лещинскій не достигъ ничего! Вы видите, какая дьявольская увѣренность въ своей непогрѣшимости: „обязаны блисти интересы довѣрителей!“ И мѣтко, и ловко.

Онъ разсмѣялся.

А у окна стояли Манденъ, Картавецъ и Крагинъ.

— Несчастіе! говорилъ Картавецъ сдержаннымъ, патетическимъ голосомъ, который переходилъ въ *bassos profundos* и звучалъ точно отдаленные раскаты грома. — Несчастіе, когда въ думу попадаютъ недоросли и неучи. Наши засѣданія превращаются въ какіе-то турниры на потѣху публики.

— Что-жъ станете дѣлать, отвѣчалъ Манденъ, — если человѣка обуяло желаніе рисоваться?

— Нѣтъ ничего труднѣе, продолжалъ, въ свою очередь, Крагинъ, — какъ бороться съ дешевымъ либерализмомъ! И все это валится на мою несчастную голову. Нѣтъ, слуга покорный! Пусть только прійдетъ Парфеновъ; я больше не желаю за него отвѣчать; съ меня довольно.

— Эти господа, опять заговорилъ Картавецъ, — никакъ не могутъ успокоиться; ихъ мелкія самолюбившики должны находить какое-нибудь удовлетвореніе; они готовы разогнать думу, лишь-бы имъ порисоваться.

— Позвольте вашъ пульсъ, обратился къ Крагину Сиве, поворачиваясь спиной къ публикѣ, чтобъ не всё это замѣтили, потому-что онъ хотѣлъ всѣхъ безъ исключенія стричь, какъ благонамѣренныхъ, такъ и неблагонамѣренныхъ.

Герке стоялъ поодаль, и взоры его были устремлены на великій квартетъ у окна: сегодня всё они должны были осчастливить его своимъ посѣщеніемъ, и онъ, сконфуженный выходкой своего бывшего пріятели и какъ-бы неся на себѣ отвѣтственность за нее, не рѣшился подойти напомнить о себѣ. „Однако, что скажетъ супруга? И потомъ этотъ прекрасный ужинъ, который такъ дорого

стоять... Неужели онъ пропадетъ?" При этой мысли, рѣшимость овладѣла имъ: онъ быстро подошелъ къ стоящимъ у окна.

— Теперь ко мнѣ? сказалъ онъ вкрадчиво сладкимъ голосомъ, какъ-то стараясь глядѣть на всѣхъ четверныхъ разомъ.

— Къ вамъ, отвѣчалъ Картавецъ, — только приготовьте побольше зельтерской воды.

Въ это время къ нимъ подошелъ Лепехинъ: онъ съ видимымъ участіемъ, какъ-бы обращаясь къ людямъ, потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, сталъ предлагать свой экипажъ, если у котораго его не окажется. Всѣ подрядчики и строители съ умиленіемъ повернули головы къ великой плеядѣ: они облизывались. А старый Леденевъ насмѣшливо глядѣлъ на нихъ, — сегодня онъ узналъ, что Крагинъ помѣшалъ ему въ Петербургѣ устроить „Городской долгосрочный кредитный банкъ“, изъ желанія, чтобы побольше притекало денегъ туда, гдѣ онъ самъ служить.

Лебеда остался одинъ: никто не поддержалъ его заявленія, хотя и было условлено отстаивать „капиталь бѣдныхъ“ и вообще хлопотать въ думѣ объ улучшеніи участи бѣдняковъ на нездоровыхъ окраинахъ... Послѣ засѣданія никто изъ гласныхъ даже не подошелъ къ нему. Какое-то чувство холода охватило его, вслѣдствіе неприятнаго сознанія быть оставленнымъ, безъ попытки къ борьбѣ, безъ надежды поднять когда-нибудь вопросъ объ этомъ дѣлѣ при теперешнемъ составѣ думы. Ясное дѣло, никто не рѣшился поддержать его! Заложивъ руки въ карманы, онъ медленно направился къ выходу. Изъ толпы публики выдѣлилась Софья Александровна и быстро подошла къ нему. Въ передней произошла давка. Мужъ и жена молча, одинокіе, стояли рука объ руку, дожидаясь возможности протолкнуться къ вѣшалкѣ. Когда толпа нѣсколько разсѣялась и они подошли взять платье, Софья Александровна быстро нагнулась, движимая непреодолимымъ желаніемъ подать своему мужу калоши. Онъ, улыбаясь, нѣжно отсторонилъ ея руку. Поднявъ голову, она увидала передъ собой Федора Карловича, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ этой нѣмой сцены. Глаза ихъ встрѣтились.

До сихъ поръ они всегда очень вѣжливо и любезно раскланивались; теперь Софья Александровна гордо, презрительно смотрѣла на него и не склонила головы на его почтительный поклонъ.

„Бѣдная, бѣдная! думалъ онъ, смотря вслѣдъ удаляющейся

парѣ.—Любить фанфарона и думаетъ, что онъ герой!“ И горькая улыбка скользнула по его тонкимъ губамъ. Онъ больше не любилъ ее; онъ ее жалѣлъ, какъ отецъ можетъ жалѣть свою обманывающуюся дочь.

Гавриловъ буквально сѣлъ; онъ подкрался къ Хомутову и со всего размаха хлопнулъ его по плечу. Хомутовъ слегка разсердился.

— А что, сказалъ бывший городской голова: — старая дума, старая дума! Чужія деньги переводила, о бѣдныхъ нерадѣла!..

Хомутовъ смѣялся, а Гавриловъ нагнулся къ его уху и прошепталъ:

— Какъ ученые да письменные начнутъ красть, никто ничего не скажетъ, потому-что сама щука своего хвоста не откуситъ, ха, ха, ха!..

ГЛАВА XIV.

Сиве, возбужденный словами Картавцева и желая сослужить службу обществу, которое его избрало, упрашивалъ Сойкина зайти къ нему потолковать о дѣлѣ. Сойкинъ всячески отпѣкивался. Въ другое время онъ былъ-бы очень польщенъ этомъ приглашеніемъ, такъ-какъ Сиве рѣдко звалъ его къ себѣ даже на чашку чаю, но теперь онъ чувствовалъ, что разговоръ будетъ о его представленіи Покатилова. Уже одинъ Люгнеръ совсѣмъ замучилъ его этимъ дѣломъ.

— Можетъ быть, въ другое время, отпѣкивался Сойкинъ, стараясь, какъ дитя, оттянуть неприятный урокъ.

Но такъ-какъ Сиве настаивалъ, онъ, крехтя и вздыхая, натянулъ свою поношенную шубу и сдался.

Сиве не церемонился. Какъ только чай былъ отпитъ и супруга его по данному знаку удалилась, онъ пригласилъ товарища въ кабинетъ и сразу приступилъ къ дѣлу. Услыхавъ имя Покатилова, Сойкинъ вскочилъ и сдѣлалъ движеніе, свойственное чловѣку, который лѣтъ до шестнадцати и больше рисковалъ потерять свои панталоны. Эта характерная черта бѣдныхъ мальчиковъ подтягиваться остается у большинства на всю жизнь, какъ равно и привычка вытирать носъ рукой: нѣтъ, нѣтъ, да и проведетъ указательнымъ пальцемъ подъ носомъ.

Сиве началъ съ того, что разсыпался въ похвалахъ тѣмъ своей-

ствамъ Поватилова, которые ничего не значили въ оцѣнкѣ его, какъ будущаго профессора.

— Почему вы не представили никого изъ учениковъ своихъ? заключилъ онъ.—Почему вашъ выборъ палъ именно на него?

— Да я, винте-ль, отвѣчалъ Сойкинъ,—считаю его человѣкомъ хорошо подготовленнымъ. Онъ знающій, ей-Богу, знающій! Этакъ, понимаете, съ фанаберіей; ну, я думаю, дѣтей мнѣ съ нимъ не крестить, почему не представить? Да и министръ запросъ сдѣлалъ: почему, дескать, до сихъ поръ кафедра не занята? А то, что я написалъ въ представленіи,—все правда: анатомію и физиологію онъ хорошо знаетъ; мы съ вами никогда ее такъ не знали! Ей-Богу никогда!

Онъ даже провелъ при этомъ пальцемъ въ воздухѣ, а потомъ подъ носомъ, въ знакъ неопровержимости своихъ словъ.

„Какой дуракъ!“ думалъ Сиве и мысленно посылалъ его къ чорту. Тѣмъ не менѣе онъ сталъ очень мягко оспаривать Сойкина, понимая, что горячиться тутъ нельзя.

— Я согласенъ съ вами, любезный Алексѣй Сидоровичъ, совершенно согласенъ; я и не касаюсь его научной подготовки, а я говорю только, что, какъ практикъ, онъ нигуда не годится: вся его практическая дѣятельность, это—одинъ непрерывный промахъ. Мнѣ совѣстно становится, когда я слушаю рассказы молодыхъ врачей и тѣхъ немногихъ пациентовъ, которые случайно попадаютъ ему въ руки.

— Молодъ еще, молодъ, батенька! защищалъ Сойкинъ Поватилова.—Винте-ль, я—напримѣръ: кто не знаетъ Сойкина? Государяня меня знаетъ! А бывало, пріѣдетъ на операцію Калачевъ—и душа въ пятки. Разъ, знаете-ль, была у меня *litotomia*, камень знатный; я и захватилъ его, чувствую, что захватилъ... вдругъ, вынимаю—камня нѣтъ!..

Онъ такъ одушевился, что всталъ и подошелъ близко къ Сиве.

— Такъ что-жь бы вы думали? Ажъ потъ меня отъ стыда прошибъ. „Не вынулъ—говорю—сорвалось!“ А Калачевъ смѣется, подходитъ этакъ ко мнѣ, да и говоритъ: „а это что?“ При этомъ Сойкинъ дотронулся пальцемъ до груди Сиве. — Камень у меня тутъ въ складкѣ жилета и сидѣлъ; ей - Богу, такъ и сидѣлъ! Сидѣшно вспомнить теперь, какъ перепужался!..

Разсказавъ залпомъ это происшествіе, Сойкинъ повалился на диванъ и хохоталъ, хохоталъ неудержимо нѣсколько минутъ.

Сиве едва сдерживалъ негодованіе при видѣ этого расхлывшагося старика.

— Вѣдь вотъ уморительная исторія! все еще не совладѣвъ со своимъ смѣхомъ продолжалъ Сойкинъ.—А въ другой разъ... опять началъ онъ, съ наслажденіемъ предаваясь воспоминаніямъ.

— Такъ что-же на счетъ Покатилова? перебилъ его Сиве.— Извините, вдругъ поправился онъ: вы хотѣли что-то сказать, а я перебилъ васъ.

— Ничего, говорите; я буду слушать.

Онъ сторбился, понурилъ голову и казался теперь совсѣмъ дряхлымъ старикомъ.

— Мнѣ кажется, началъ Сиве,—что всѣ старанія людей, которые понимаютъ, какую вы страшную сдѣлали ошибку, до тѣхъ поръ не будутъ имѣть успѣха, пока вы не откажетесь отъ вашего представленія.

— Этого я не могу, быстро ворвался въ его рѣчь Сойкинъ,—никакъ не могу! Представилъ, и вдругъ самъ беретъ назадъ свое представленіе! Не могу этого! Вы тамъ сами какъ знаете, а я этого не сдѣлаю, н-ѣ-тъ!.. протянулъ онъ.

— Точно это не такая вещь, раздражительно замѣтилъ Сиве,—которая касается всякаго изъ насъ... Чего вы такъ испугались? Не вамъ первому и не вамъ послѣдному приходится такъ дѣлать.

Онъ умолкъ.

„Болванъ этакій!“ думалъ Сиве,—даже не умѣетъ говорить по-нѣмецки!“ Ему такъ трудно было объясняться на этомъ варварскомъ русскомъ языкѣ.

— Да какъ-же это, Густавъ Ивановичъ? убѣдительно говорилъ Сойкинъ.—Подумайте вы сами; скажутъ: „Старый дуракъ, самъ рекомендовалъ и самъ отказывается!“ Что-то выходитъ неладно...

Сиве всталъ и велѣлъ принести въ кабинетъ ликеру.

— Что-жъ дѣлать, любезный Алексѣй Сидоровичъ? Намъ всѣмъ приходится дѣлать вещи, которыя, которыя...

Тутъ онъ запнулся окончательно. Русская рѣчь, да еще при душевномъ волненіи, рѣшительно не давалась ему. Тамъ, на лекціяхъ, ему было легче.

— Нужно забыть о своей собственной личности, продолжалъ

онъ;—нужно думать о бѣдныхъ студентахъ, да, о бѣдныхъ студентахъ, уже протянулъ онъ трогательно:—вѣдь мы его выбираемъ на двадцать-пять лѣтъ. Вы спросите Люгнера...

При этомъ имени, Сойкинъ глубоко вздохнулъ: онъ въ послѣднее время даже боялся ходить въ лекторію, гдѣ засѣдала, по выраженію одного стараго филолога, эта гидра-Люгнеръ.

— Вѣдь у него, продолжалъ Сиве,—совсѣмъ практики нѣтъ!

Сойкинъ съ рѣшительнымъ видомъ выпилъ цѣлую рюмочку ликеру. Первый разъ въ жизни находился онъ въ такомъ поистиннѣ затруднительномъ положеніи. Не чувство гадливости мѣшало ему отказать отъ сдѣланнаго по совѣсти, но особенная щепетильность, свойственная нѣкоторымъ натурамъ,—боязнь того, что имъ никогда не приходилось совершать. Если-бъ это можно было сдѣлать тайно... А то явно, явно!

Сиве подлилъ ему ликеру.

— Не знаю, началъ Сойкинъ уже болѣе податливымъ голосомъ.

Вторая рюмка производила свое дѣйствіе: онъ чувствовалъ себя тронутымъ.

— Что скажутъ? добавилъ онъ.

— Здѣсь важно не то, что скажутъ, а кто скажетъ! Бому дороги университетъ и знанія молодежи, тотъ ничего не скажетъ и похвалитъ васъ. Что-же касается Добрынина, то дайте ему только волю: онъ всѣхъ васъ разгонитъ.

— Правда, правда! закричалъ Сойкинъ и опять разразился неистовымъ смѣхомъ.—Всѣхъ, всѣхъ насъ разгонитъ! Всѣхъ разгонитъ и никого по душѣ не подберетъ. Великій вы сердецвѣдъ, Густавъ Ивановичъ, ей-Богу! Какъ вы это хорошо сказали: всѣхъ насъ, стариковъ, такъ-бы и выгналъ, дай только ему волю! Никого-бъ не оставилъ...

И Сойкинъ опять покатывался отъ смѣха. Сиве стиснулъ зубы отъ злости: онъ никогда не считалъ себя старикомъ, а главное, никогда не могъ даже представить, чтобъ его сравнивали съ этимъ Сойкинымъ. Если онъ сказалъ „всѣхъ насъ“, то только изъ деликатности, а этотъ вдругъ такъ наивенъ, что понялъ его слова буквально. Ротъ Сиве искривился презрительной улыбкой, а глаза приняли то жестокое выраженіе, котораго такъ боялась Инна Николаевна; онъ мысленно надѣлялъ своего товарища совсѣмъ не лестными эпитетами. А Сойкинъ смотрѣлъ на него своими добры-

ми маленькими глазами и съ видимымъ удовольствіемъ возвращался къ забавляющей его мысли, что Добрынинъ всѣхъ-бы ихъ выгналъ, дай только ему волю.

Сиве въ этотъ вечеръ такъ и не добился опредѣленнаго отвѣта отъ Сойкина. „Старый дуракъ!“ думалъ онъ, провожая его въ переднюю.

Сойкинъ-же, спускаясь по широкой лѣстницѣ, усталой коврами, въ свою очередь, думалъ: „Ишь какой богачъ! И швейцаръ у него есть!“ Луна только-что вышла изъ-за тучъ и освѣтила фасадъ красиваго дома. „Сколько настроилъ! думалъ Сойкинъ, садясь въ свой фаэтончикъ.—Цѣлый городъ домовъ!“ Онъ добродушно началъ обозрѣвать владѣнія Сиве. „Цѣлый кварталъ! И сады, и пруды, и огороды, и оранжереи; а за ними гора; на горѣ цѣлая улица... И что-бы эту гору да назвать Сивой?.. Куда идешь? На Сивую горку. Откуда пришелъ? Съ Сивой горки. Куда, извоишь? На Сивку, съ Сивки“. И ему, какъ истому москвичу, представились всѣ эти Сивцевы Вражки, Вишневя горки, Гололобовки и Балвановки. Онъ разразился такимъ громкимъ, задушевымъ смѣхомъ, что кучеръ съ недоумѣніемъ обернулся и посмотрѣлъ на своего барина. „Вотъ, продолжалъ онъ думать,—другіе торгуются, а ему безъ торгу все отдаютъ; въ душу больному влѣзеть; а чѣмъ былъ, чѣмъ былъ?.. Лекаремъ въ богатомъ домѣ, что твой лакей. Вотъ и поди справься съ нимъ! Гдѣ тутъ нашему брату съ нимъ справиться? Онъ нами и туда, и сюда помыкаетъ; его и попечитель, и губернаторъ слушаются. Нѣмецъ, одно слово, нѣмецъ; все ему принадлежитъ!“ И Сойкинъ ковырнулъ пальцемъ въ пространство налѣво, направо, впередъ и назадъ. „И какой чортъ меня дернулъ Покатилова представить? Дурное время теперь настало! Бывало, прежде, живи себѣ и практикуй; и другой живеть и практикуеть; а теперь... безпокойно, совсѣмъ безпокойно... другъ другу жить не даютъ... Этотъ Сиве — миллионщикъ; съ нимъ не совладать нашему брату; полгорода захватилъ и то ему мало! Эхъ!!!“

Лошади остановились у подъѣзда оборваннаго дома. Сойкинъ позвонилъ: ему отперла заспанная баба въ резиновыхъ галошахъ на босую ногу.

„Вотъ и швейцаръ мой!“ думалъ Сойкинъ, глядя на нее. Поднявшись на лѣстницу, онъ вдругъ обернулся.

— Аксинья! позоваль онъ ее.—Аксинья, что разхорстанная ходишь?

— Чаго? отозвалась Аксинья, путаясь въ опустившемся съ одного плеча платьѣ, которое она впопыхахъ надѣла подоломъ вверхъ.

— Поди, поди спать, дура! произнесъ онъ и махнулъ рукой.

Придя въ кабинетъ, онъ отперъ ящикъ въ письменномъ столѣ и началъ перебирать пакки ассигнацій.

— „Вотъ, думаль онъ,—Сиве въ ростъ деньги пушаетъ, а я боюсь, боюсь; Богъ съ нимъ, Богъ съ нимъ! Нѣмецъ, одно слово нѣмецъ и баста, все его!!!“

Онъ заперъ столъ и побрелъ къ себѣ въ спальню, напѣвая:

Батюшка мерина купилъ,
Батюшка сиваго продалъ;
Онъ за то его продалъ,
Что телегу поломалъ!

Это была единственная пѣсня, вынесенная имъ изъ прежней жизни, и ту онъ пѣлъ фальшиво.

А Покатиловъ даже во снѣ не давалъ бѣдному старику покоя. Сойкинъ видѣлъ его продолговатое, серьезное лицо, смотрящее на него своими блестящими пронипательными глазами. Но вотъ эти глаза выступаютъ изъ орбитъ, носъ вытягивается на подобіе колоссальнаго клюва, и изъ насмѣшливыхъ губъ раздается пронзительный крикъ: „старый дуракъ, старый дуракъ!“ Сойкинъ дѣлаетъ неимоверное усиліе и просыпается весь въ поту.

„Сатана!“ проговорилъ онъ громко и, набожно крестясь, повернулся на другой бокъ. „Ишь, нѣмчура, ликерчику поддалъ“, шепчетъ онъ, улыбаясь въ подушку, и блаженно засыпаетъ.

ГЛАВА XV.

— Какъ я радъ, что ты, наконецъ, обо мнѣ вспомнила, говорилъ Билибинъ, снимая шубку со своей сестры.

— У меня къ тебѣ есть важное дѣло, отвѣчала она.

— Ты спѣшишь заявить мнѣ объ этомъ, точно боишься, чтобъ я не принялъ твоего визита за желаніе повидаться со мной.

— Какіе пустяки! отвѣчала Софья Александровна.—Я давно

порываюсъ придти къ тебѣ; вѣдь съ тѣхъ поръ какъ ты устроился хорошо, я ни разу у тебя не была.

— Хочешь посмотрѣть мое помѣщеніе? предложилъ ей братъ.

— Какъ-же, непременно, покажи!

— Очень мило, очень мило, говорила Софья Александровна, идя впереди брата, разсѣянно глядя по сторонамъ и почти не замѣчая того строгаго изящества, которое такъ отличало квартиру Билибина отъ безвкусной обстановки другихъ разбогатѣвшихъ тузовъ.

— Теперь, заговорила она, когда они обошли всѣ комнаты и возвратились въ гостиную,—теперь тебѣ недостаетъ одного: одушевить всю эту обстановку и завести себѣ жену.

— Ты такъ сказала, точно дѣло идетъ о покупкѣ кареты какой-нибудь.

— Я невольно поддаюсъ тону, который вокругъ меня господствуетъ; хотя относительно тебя мнѣ почему-то кажется, что никому такъ трудно не жениться какъ тебѣ.

— Представь, я никогда объ этомъ серьезно не думалъ, отвѣчалъ Билибинъ.

Они усѣлись около круглаго стола въ гостиной.

— Пойдемъ лучше ко мнѣ въ кабинетъ, пригласилъ Викторъ Александровичъ.—Гостиная очень мало располагаетъ къ интимной бесѣдѣ.

— А у тебя черннй кабинетъ, замѣтила Софья Александровна такимъ тономъ, точно она это увидѣла въ первый разъ.

Братъ и сестра встрѣтились глазами и засмѣялись.

— Ты осматривала комнату и даже не замѣтила, какого цвѣта въ ней мебель. Это такъ на тебя похоже, Соня, сказалъ Билибинъ.

Въ кабинетѣ они усѣлись на низенькомъ диванчикѣ.

— Мы намѣрены, начала Софья Александровна,—открыть дневной пріютъ для дѣтей рабочаго класса; мысль эту подаль мнѣ Миша. Правда, не дурно будетъ? А главное, въ такомъ пріютѣ чувствуется большая необходимость.

Билибинъ дивился, что обо всемъ этомъ Софья Александровна говорила безъ всякаго одушевленія, точно затверженный урокъ; видно не пріютъ занималъ ее въ настоящую минуту.

— Дѣло хорошее, отвѣчалъ онъ.—Вамъ нужно постараться

привлечь какъ можно больше вліятельныхъ членовъ; наприѣръ, хоть жену Герке: она богата и у нея громадное знакомство.

— Непремѣнно, непремѣнно, поддакивала Софья Александровна.

Но на этотъ разговоръ и оборвался. Они сидѣли нѣсколько минутъ молча; Софья Александровна перебирала шурки бахрамы на диванѣ, а Вилибинъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ слѣдилъ за ней. Въ какомъ-бы настроеніи ни столкнулись они, онъ всегда испытывалъ нервное возбужденіе, и, чтобы прекратить это непріятное состояніе духа, онъ спросилъ, была-ли она въ послѣднемъ засѣданіи думы.

— О, да! отвѣчала она съ живостью.

— Я, къ сожалѣнію, не могъ попасть туда. Что произошло тамъ? Говорятъ, мужъ твой сталъ упрекать Картавцева за его измѣну убѣжденіямъ.

— Тамъ все было... Однимъ словомъ, Миша убѣдился, что въ думу, при теперашнемъ составѣ гласныхъ, и ходить незачѣмъ: не найдется четырехъ-пяти человекъ, которые могутъ постоять за что-нибудь и не испугаются или горячей защиты какого-нибудь дѣла, или изворотливыхъ разглагольствованій Брагина и Картавцева. Это возмутительно! продолжала она горячо:— всѣ говорятъ о томъ, что мостовныя раззоряютъ городъ, что онѣ служатъ предметомъ наживы для нѣсколькихъ лицъ; а между тѣмъ стоитъ Брагину пикнуть, и тотчасъ ассигнуется требуемая имъ сумма, потому-что онъ умѣетъ водить за носъ Мандена.

— Я слышалъ,—Лещинскій разобралъ мостовое дѣло по точкамъ.

— Ну и разобралъ, что-жъ изъ этого? Комиссія осталась все та-же, да еще рѣшили ассигновать отъ двухъ до трехъ тысячъ на различныя пробы замощенія. Это какая-то сплоченная шайка раззорителей, которые думаютъ, что общественныя суммы имъ принадлежатъ. Стоило только Мишѣ заговорить о томъ, въ какомъ ужасномъ полсженіи находятся окранны нашего города, о томъ, что нельзя отнимать послѣднихъ средствъ у бѣдняковъ, тотчасъ Картавцевъ обрушился на него въ такомъ тонѣ, какъ-будто Миша замышляетъ произвести революцію. Ахъ, эти либералы, возвратившіеся вспять! Они были либеральны, пока за либерализмъ получали теплыя мѣста, когда либерализмъ приобрѣталась популярность, а теперь они отстаиваютъ свои личныя дѣлишки, они всѣ

кинулись въ наживу и метутъ съ дороги все, что можетъ помѣшать имъ. Отвратительно было видѣть, какъ они себя держали во все время, пока говорилъ Миша: вздыхали, охали, кашляли. Меня возмущало это не потому, что говорилъ мой мужъ;—все равно, чей бы голосъ ни раздавался въ защиту несчастныхъ, я стану на его сторону;—но они вели себя такъ, какъ-будто говорилось о чемъ-то неприличномъ. Нужно было видѣть физиономіи всѣхъ этихъ подлиналъ; Герке чуть изъ сюртука не выскочилъ... Это ужасное время! воскликнула она.—Это время, когда позвоительно говорить съ одушевленіемъ только о наживѣ, о колоссальныхъ займахъ, которые могутъ обогатить нѣсколькихъ людей и лягутъ бременемъ на бѣдняковъ. Представь, никто не подошелъ даже къ моему мужу послѣ засѣданія, точно его уже намѣтила рука палача!

Она нервно разсмѣялась, переживая въ эту минуту то негодование, которое испытывала въ думѣ.

— Вспомни, опять продолжала она,—какъ мы радовались, что въ думу избрано было такъ много изъ нашей интеллигенціи, и какъ скоро пришлось сознаться, что эта новая дума со старыми традиціями, только обладаетъ большими средствами и большимъ умѣньемъ обставить свои дѣла такъ, что и придраться-то къ нимъ трудно. Мы съ Мишей рѣшили, что нужно имѣть свою газету; нужно создать какой-нибудь противовѣсъ этой коалиціи. Но кто меня больше всѣхъ обѣситъ, это—Манденъ! Что это за человѣкъ, который на весь свѣтъ смотритъ сквозь призму своихъ личныхъ отношеній къ людямъ, и какая только дрянь не подольстится и не завладѣетъ имъ! Я увѣрена, достаточно Крагину зайти передъ засѣданіемъ къ нему и изложить по своему всякое дѣло, чтобъ защитники могли разбить себѣ потомъ голову объ стѣну въ думѣ; онъ не обратитъ на это ровно никакого вниманія... Старъ онъ, вѣрно, становится... Знаешь, въ послѣднее время мнѣ почему-то стало казаться, что женщина никогда не воспитаетъ человѣка съ широкимъ взглядомъ и неподкупнымъ характеромъ. Женщина можетъ воспитать великаго эгоиста, но никогда не воспитаетъ человѣка съ высокой душой.

— А мать Вашингтона? замѣтилъ Билибинъ.

— То была женщина свободной страны и англійской крови. А нѣмка, если она поднимется надъ кухней, она сдѣлаетъ цен-

тронъ міра своего мужа или своего сына. Я могу себѣ представить, какъ воспитывался Манденъ. Ему никогда не говорили: „ты нарушаешь справедливость или принципъ!“ но „ты оскорбляешь себя!.. Ты-ли это сдѣлалъ, прекрасный мой!.. Отъ тебя-ль я это слышу!“ При этомъ если ребенокъ растетъ одинъ, если онъ видитъ въ дѣтствѣ только одно уваженіе и любовь къ себѣ, никогда не сталкивается лицомъ къ лицу съ какими-нибудь серьезными препятствіями, ни съ чѣмъ не борется в жизни развертывается передъ нимъ скатертью, — такой человѣкъ непремѣнно проникнется чрезмѣрнымъ самообожаніемъ, онъ непремѣнно сдѣлается центромъ для самого себя и призмой, сквозь которую станеть смотрѣть на всѣхъ и на все. Нужно, чтобъ духъ подобной воспитательницы былъ высокій, чтобъ общество, среди котораго онъ растетъ, стояло на высокой степени развитія, — тогда изъ такого человѣка выйдетъ Вашингтонъ. А у насъ, въ Россіи... что можетъ у насъ выйти больше Мандена? Ужъ онъ тѣмъ хорошъ, что безкорыстно, не за деньги, преданъ чему-нибудь, — другіе и того даже не имѣютъ!

Она разсѣялась.

— Какъ ты думаешь? обратилась она къ брату. — Если-бъ отецъ могъ насъ теперь слышать, что-бы онъ сказалъ мнѣ? Для него Манденъ былъ идеаль человѣка; онъ смотрѣлъ на него вверхъ! Я не могу равнодушно относиться къ этому Мандену, продолжала она, вставъ съ мѣста и прохаживаясь по комнатѣ. — Я сама считала его когда-то чѣмъ-то недосыгаемымъ; меня порываетъ иногда, когда онъ защищаетъ Брагина, закричать: „остановись Манденъ! Посмотри, какія сомнительныя дѣлишки ты покрываешь своимъ авторитетомъ!“ Я думаю, уже болѣе спокойно прибавила она, — что настанеть время, когда они и его проглотятъ, потому-что пасти у нихъ крокодиловы, а онъ можетъ оказаться и черезчуръ безкорыстнымъ, и черезчуръ либеральнымъ для нихъ.

Она продолжала ходить, а Бижбинъ, со своего низкаго сидѣнья, смотрѣлъ на нее, охваченный ея возбужденіемъ.

— Такъ вотъ, мой милый, начала она, усаживаясь ближе къ нему, — намъ нужно имѣть шесть тысячъ для газеты. Помнишь, ты предлагалъ мнѣ какъ-то взять у тебя деньги?

Она проговорила это и подумала: „какъ просто это сдѣла-

лось!" Когда она шла сюда, ей было неловко отъ одной мысли, что предстоитъ попросить у него деньги, взять которыя она когда-то отказалась; и вдругъ все сдѣлалось само собой, и она не чувствуетъ никакого замѣшательства.

— Тебѣ онѣ сейчасъ нужны? спросилъ Вилибинъ и покраснѣлъ: дѣла его въ настоящую минуту были въ такомъ положеніи, что онъ не могъ располагать ни одной копѣйкой, — онъ велъ биржевую игру на всѣхъ парахъ.

Софья Александровна замѣтила переиѣну, происшедшую въ его лицѣ.

— У тебя нѣтъ денегъ? спросила она просто.

— Какъ тебѣ сказать: и есть, и нѣтъ!

— Ты играешь въ широкую? опять спросила она сдержаннымъ шепотомъ.

Вилибинъ ничего не отвѣчалъ и только ниже опустилъ голову.

— Ахъ, Викторъ, Викторъ! произнесла она.

Къ ней вдругъ вернулась вся ея прежняя любовь къ брату. Она придвинулась къ нему близко и положила руку на его колено.

— Милый мой, вѣдь ты идешь по покатои площади; гдѣ та сила, что можетъ остановить тебя?

— Она — во мнѣ самою, отвѣчалъ Вилибинъ, поднявъ голову. — Я играю не для денегъ; я хочу имѣть власть, хочу имѣть вліяніе: ничѣмъ другимъ не приобрѣтешь его въ нашемъ обществѣ.

Софья Александровна съ сожалѣніемъ, сквозь душевную муку, смотрѣла на своего брата.

— А самый способъ приобретенія... развѣ онъ не унижаетъ человѣка?

— Онъ можетъ принизить людей посредственныхъ, людей, приобретающихъ деньги для удовлетворенія своихъ дешевыхъ потребностей.

— А у тебя, мой другъ, развѣ нѣтъ дешевыхъ потребностей? тихо спросила она, обводя комнату глазами.

— Это все пустяки! Я завтра-же могу поселиться въ студенческой квартирѣ, если представится возможность жить настоящими интересами, если будетъ въ чемъ утопить себя! Ну что можно дѣлать теперь въ нашемъ обществѣ? Ты видишь, какъ относятся къ твоему мужу...

— Но, другъ мой, заговорила опять Софья Александровна, —

и оружіе, повѣшенное на стѣну, ржавѣетъ безъ долгаго употребленія,—самые честные, самые благородные принципы, если отложить ихъ въ сторону, какъ негодные до поры до времени, станутъ не по плечу намъ потомъ. Твоя жизнь это—сцѣпленіе мелкихъ петель, которыя затагиваютъ человѣка, пока, наконецъ, совсѣмъ его не затанутъ. Еще такъ недавно мы говорили съ тобой о необходимости имѣть другую газету, и вотъ, представляется случай купить ее, а у тебя денегъ нѣтъ!..

Софья Александровна собралась уходить.

— Не смѣй закладывать свой домъ, слышишь? Не смѣй! Я достану деньги, говорилъ Билибинъ, укутывая платкомъ голову сестры.

Онъ казался сильно взволнованнымъ и, взявъ ее руку, прибавилъ почти шепотомъ:

— Отчего я не похожъ на тебя? Соя, отчего я не такой, какъ ты?..

— Ты долженъ быть лучше меня: ты умнѣе и образованнѣе, и ты мужчина!

Они стояли другъ противъ друга, такъ сильно похожіе и такъ далекіе одинъ отъ другого!

— Скажи, что мнѣ дѣлать? говорилъ онъ.—Я все брошу и буду дѣлать только то, что ты мнѣ прикажешь!

Въ голосѣ его звучала дѣйствительная готовность послѣдовать за нею. Но она ничего не могла сказать этому горячему, честолюбивому человѣку; она поняла теперь только, что онъ можетъ страдать и что онъ сталъ для нея навсегда дорогъ.

А. Шабельскій.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ВЪ НОВОМЪ СВѢТѢ ПОСТАРОМУ *).

Недавно Литре напечаталъ свои размышленія о будущемъ составѣ человѣчества. По его мнѣнію, всѣ мелкія національности и нѣкоторыя изъ крупныхъ не имѣютъ никакихъ шансовъ на продолжительное существованіе; онѣ будутъ поглощены своими болѣе счастливыми соперницами, у которыхъ много земли для расселенія и распложенія. По Литре со временемъ исчезнутъ такимъ образомъ не только какіе-нибудь голландцы, датчане, поляки, но и нѣмцы. Даже для французовъ и итальянцевъ онъ видитъ единственное спасеніе въ томъ, если имъ удастся завладѣть Африкой, а въ этотъ исходъ онъ вѣритъ. Такимъ образомъ будущими повелителями земли будутъ 400.000,000 китайцевъ, 400.000,000 англичанъ, 400.000,000 русскихъ, 200,000 испанцевъ и постольку-же французовъ и итальянцевъ. Положимъ, это статистическая фантазія, но ей нельзя отказать въ основательности. Англичане и теперь уже владѣютъ чуть не полміромъ и постепенно распложаясь, конечно, будутъ поглощать какихъ-нибудь зулусовъ, афганцевъ, папуасовъ, а не наоборотъ. Въ-стѣ съ тѣмъ, въ обширныхъ англійскихъ колоніяхъ будутъ развиваться тѣ совершенно новыя формы общественной жизни, какія мы видимъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, въ этомъ истиннѣ Новомъ Свѣтѣ, которому и впредь суждено становиться все новѣе и новѣе. Гораздо загадочнѣе будущность Средней и Южной Америки, колонизированной испанскимъ племенемъ. Если Сѣверная Америка стоитъ уже впереди Европы, то Южная находится далеко позади ея, на той ступени развитія, на которой

*) *Hutchinson*, two years in Peru, 2 v.—*Chevalier*, La Mexique.—*Scherzer*, Wanderungen durch die mittelamerikanischen Freistaaten.—*Gerstücker*, Achtzehn Monate in Süd-Amerika, 3 B.—*Burmeister*, Reise durch die La-Plata-Staaten, 2 B.—*Handelmann*, Geschichte des Insel Hayti.

европейцы стояли въ средніе вѣка, съ ихъ кулачнымъ правомъ. Национальность здѣсь только-что вырабатывается, общество еще не сложилось, государственная жизнь не вышла изъ періода разбойничьяго насилія сильнаго надъ слабымъ. Здѣсь передъ нашими глазами разыгрывается социальная трагедія, сильно напоминающая собою эпоху Меровинговъ, и читателю, думаю, небезынтересно будетъ получить понятіе объ общественной жизни этихъ странъ, которыя такъ мало у насъ извѣстны.

Европейцы устремились въ Новый Свѣтъ двумя потоками, изъ которыхъ одинъ направился въ Сѣверную Америку, другой въ Среднюю и Южную Америку. Первые колонисты Сѣверной Америки, за исключеніемъ немногихъ лордовъ и ссыльныхъ преступниковъ, были люди труда и мысли. Когда англійскіе сектанты, преимущественно пуритане, не только отложились отъ римской и англиканской церкви, но и пошли дальше Лютера; когда, опираясь на одну біблію, они организовали свои общины въ духъ братства и равенства,—то имъ не стало мѣста въ аристократической Англій и они устремились за океанъ. Ихъ вѣра была религіей свободы, была либеральнымъ политическимъ ученіемъ въ религіозной формѣ. Они проповѣдывали свободу совѣсти; каждый способный къ тому человѣкъ могъ быть выбранъ пасторомъ, посредствомъ голосованія всѣхъ братьевъ; дѣла рѣшались общемою подачею голосовъ «всей конгрегаціи Христа». «Всѣ мы—люди божіею милостью», говорили эти сектанты. Допуская свободу совѣсти, пуритане устраняли изъ своей религіи все, что задерживаетъ ходъ человѣческаго развитія. Когда въ 1620 г. отправлялась въ Америку первая партія пуританъ, на «Майскомъ цвѣткѣ», то напутствовать ихъ явился пасторъ Робинзонъ, сталъ на колѣни между пилигримами, благоговѣнно сложилъ руки и передъ самымъ отплытіемъ судна сказалъ эмигрантамъ: «Если Богъ какимъ-нибудь путемъ удостоитъ васъ новаго откровенія, то примите его, какъ и тѣ истины, которыя проповѣдывалъ вамъ я. Я убѣжденъ, что Господь допуститъ открытіе еще многихъ новыхъ истинъ въ его святомъ словѣ. Я не могу достаточно выразить свою скорбь о нынѣшнемъ положеніи реформатской церкви. Лютеране хотятъ остановиться на словахъ Лютера; они скорѣе согласны умереть, чѣмъ принять то, что Господь открылъ чрезъ Кальвина. Кальвинисты крѣпко держатся за то, что оставилъ имъ этотъ великій божій человѣкъ, который, однако, постигъ не все. Въ этомъ великое бѣдствіе. Хотя реформаты были въ свое время пылающими и блестящими свѣтильниками, но они не могли постичь всѣхъ опредѣленій божіихъ. Если-бы они жили теперь, то разумѣется, они усвоили-бы больше свѣта, чѣмъ вос-

приняли въ свое время. Помните постоянно—я прошу васъ объ этомъ—ученіе нашей церкви, которое гласитъ: «нужно принимать всякую истину, вытекающую изъ писанаго слова божія; истина пробиваетъ себѣ путь мало-по-малу; она не могла сразу озариться полнымъ своимъ свѣтомъ послѣ антихристіанской тьмы». Изъ этихъ основаній развилась религія, служащая опорой умственного и общественнаго прогресса, свободы слова и совѣсти. Правда, первое время разныя секты враждовали между собою и духъ нетерпимости доходилъ до религіозныхъ гоненій, но эти плевелы, занесенные изъ Европы, скоро исчезли; религія, подъ какимъ-бы названіемъ она ни приносилась на эту новую почву, была дѣломъ прогрессивной демократической мысли и не могла быть эксплуатируема духомъ касты. Люди всѣхъ вѣроисповѣданій бѣжали въ Сѣверную Америку отъ религіозной нетерпимости и политическаго деспотизма и водворяли здѣсь терпимость и свободу. Въ то время какъ пуритане населяли Новую Англію, угнетенные католики основали Мериландъ и въ 1649 г. католическое собраніе впервые провозгласило въ Новомъ Свѣтѣ полную вѣротерпимость. Такъ принципы католицизма, этого синонима нетерпимости, измѣнились и очистились въ демократической общинѣ. Квакеры основали Пенсильванію, и ихъ религія, положенная въ основу общественнаго зданія, служила тѣмъ-же принципамъ прогресса и свободы совѣсти. Несмотря на различіе названій и догматическихъ тонкостей, всѣ американскія секты были прогрессивными въ своей сущности. Французскіе протестанты, даже греки, армяне, евреи, китайцы переселялись въ Америку, чтобы пріобрѣсти здѣсь человѣческія права. Въ южныхъ колоніяхъ преобладала англиканская церковь, но и та сдѣлалась сравнительно либеральною и обходилась безъ іерархіи.

Такимъ образомъ религія въ Сѣверной Америкѣ сдѣлалась чѣмъ-то свободой и развитіемъ. Сектанты были передовыми людьми народной массы. Они сами сознавали это и первые пилигримы говорили о себѣ: «Богъ не только просѣялъ сѣмена трехъ королевствъ для этого святаго предпріятія, но эти сѣмена онъ просѣялъ еще разъ и еще разъ». Совершенно другое было въ Средней и Южной Америкѣ и сѣмена для заселенія ея просѣивалъ уже не Богъ, а самъ дьяволъ. Шайки первыхъ завоевателей ея, вродѣ Пизарро и Кортесса, состояли изъ всевозможныхъ грабителей и разбойниковъ, стремившихся въ Новый Свѣтъ не для трудовой жизни, а для тѣхъ-же грабежей, которыми большею частью они жили и въ Европѣ. Вслѣдъ за ними сюда спѣшили толпы голодныхъ чиновниковъ, разные аферисты, надменные и

глупые раззорившіеся дворяне, фанатическое духовенство, палачи, инквизиторы, всевозможные преступники, высылаемые изъ тюремъ Испаніи и Португаліи. Вся эта тунеядная сволочъ спѣшила нажитья какъ можно скорѣе и превратиться въ богатую, пышную аристократію на счетъ поработенныхъ ею туземцевъ. Рабство послѣднихъ было ужасно. Въ Бразиліи индѣйцевъ взяли подъ свою защиту іезуиты, но рабовладѣльцы справедливо возражали имъ: «гуманныя рѣчи звучать хорошо, но только въ основѣ ихъ лежитъ своекорыстіе; нападая на рабство туземцевъ, іезуиты хотятъ только отнять у колонистовъ рабочія руки, чтобы заставить трудиться для себя; индѣйцы въ миссіяхъ ничто иное, какъ рабы, а самыя миссіи—плантаціи перваго разряда, которыя своими продуктами сильно конкурируютъ съ колонистами». Въ XVI и XVII в. развился даже цѣлый обширный промыселъ охоты за индѣйцами. Извѣстный предприниматель набиралъ шайку и, отправившись съ нею вглубь страны, грабилъ и сожигалъ индѣйскія деревни, а всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ погрома туземцевъ увозилъ въ города и продавалъ здѣсь на рынкахъ. Еще ужаснѣе было положеніе индѣйцевъ въ испанскихъ колоніяхъ, гдѣ они поголовно, не исключая стариковъ и дѣтей, день и ночь работали на своихъ побѣдителей. «Индѣйцы, писалъ извѣстный Ласъ-Казасъ,—по природѣ кротки и мирны, но правители и ихъ помощники обходятся съ ними съ тиранскою жестокостью. Перо отказывается изображать всѣ убійства и разбои солдатъ и чиновниковъ. Имъ достаточно малѣйшаго предлога, чтобы убить туземца, безъ различія состоянія, пола и возраста. Если подать хлѣбомъ уплывается неисправно или обязательныя работы сдѣланы не вполнѣ, то виновные безъ всякихъ формальностей предаются смерти». Въ XVI в. въ Никарагуѣ былъ слѣдующій случай, отлично характеризующій положеніе несчастныхъ туземцевъ. Казначей Перальта вмѣстѣ съ нѣкоторыми патриціями города Леона отправился въ набѣгъ на индѣйскія деревни. Всѣ они погибли безъ вѣсти, но если ихъ убили и индѣйцы, то никакихъ опредѣленныхъ подозрѣній ни на кого не было. Между тѣмъ губернаторъ Давила велѣлъ своимъ солдатамъ захватить 17 индѣйскихъ вациковъ и присудилъ ихъ къ публичному растерзанію собаками на городской площади. При этой чудовищной казни присутствовала масса горожанъ, а чтобы зрѣлище было занимательнѣе, осужденнымъ дали палки для защиты отъ собакъ, которыя въ концѣ-концовъ все-таки растерзали и съѣли всѣхъ 17 человекъ. Своими жестокостями въ Америкѣ испанцы превзошли гунновъ, вандаловъ и монголовъ. На нѣкоторыхъ островахъ шайки этой сволочи, превращавшейся потомъ въ аристо-

кратію, истребили всѣхъ жителей безъ остатка. На островахъ, лежащихъ между Юкатаномъ, Флоридой и устьями Ориноко, они уничтожили до 1.000,000 людей. На Антиллахъ при Колумбѣ, пригласивъ къ себѣ въ гости туземную королеву, испанцы напали на ея свиту, привязали индѣйцевъ къ столбамъ и сожгли ихъ живыми, а королеву повѣсили. При осадѣ Мексики испанцы по самому умѣренному расчету убили 100,000 чел., въ долиинѣ Отувба 20,000 чел.; на Доминго, истребивъ всѣхъ рабовъ, они привезли съ Лувайскихъ острововъ 40,000 чел., которые всѣ скоро перемерли отъ жестокаго обращенія съ ними. На Кубанѣ индѣйцевъ было въ 1508 г. 60,000, а въ 1517 г. только 14,000. Полагаютъ, что испанцы истребили въ Америкѣ до 15.000,000 туземцевъ.

Истребивъ массу индѣйцевъ, испанцы и португальцы начали покупать для рабства болѣе выносливыхъ негровъ. Рабство черныхъ легло въ основу всей жизни колоній, бѣлые граждане которыхъ, въ конецъ развращенные чудовищнымъ угнетеніемъ индѣйцевъ и негровъ и страстною погоней за богатствами, представившимися имъ въ золотыхъ рудахъ и брилліантовыхъ копяхъ, начали въ добавокъ ко всему еще смѣшиваться съ индѣйцами и превращаться въ новую расу, до сихъ поръ еще не опредѣлившуюся окончательно. Чиновничій деспотизмъ, фанатическое духовенство, ужасы инквизиціи, невѣжество массы, частые мятежи, возстанія рабовъ—все это порождало какой-то социальный хаосъ, въ состояніи котораго колоніи жили во все продолженіе испанскаго владычества. Метрополія старалась извлекать изъ колоній какъ можно болѣе денегъ и испанское правительство получило изъ Америки съ 1492 г. до конца XVIII в. болѣе 30.000,000,000 франковъ; да вѣроятно гораздо болѣе этой суммы награбили испанскіе чиновники и патеры. Торговля и промышленность колоній были обставлены такъ, чтобы держать ихъ въ постоянной зависимости отъ метрополіи и съ той-же цѣлью правительство старалось разъединить и обезсилить разношерстные элементы колониальнаго населенія. Каждому сословію, каждой расѣ, каждому учрежденію оно создавало противовѣсъ въ другихъ сословіяхъ, расахъ и учрежденіяхъ; поддерживая маіораты и дворянство, оно мѣшало развитію свободнаго крестьянства; назначая чиновниками исключительно уроженцевъ Испаніи, оно возбуждало къ нимъ вражду въ испанцахъ Америки, а противъ послѣднихъ возбуждало индѣйцевъ; оно вооружало духовенство противъ городскихъ совѣтовъ, словно вездѣ сѣяло рознь, которой и безъ того было уже слишкомъ много. Въ концѣ XVIII в. эта политика вдругъ измѣнилась. Изгнавъ іезуитовъ,

допустивъ свободу торговли и сношеній съ иностранцами, правительство открыло колоніи всѣмъ влияніямъ освободительныхъ идей вѣка. «Съ тѣхъ поръ, какъ колоніи подверглись сильному влиянію заграничныхъ событій, говоритъ Гервинусъ,—освобожденія сѣверной Америки и французской революціи,—событій, начавшихъ собою новый политическій вѣкъ,—идея независимости уже не могла быть подавлена. Съ этихъ поръ вице-короли не переставали доносить о неспокойномъ состояніи головъ и сердецъ, о подстрекательствѣ чужемцевъ, о пропагандѣ республиканскихъ идей. Теперь инквизиціи было повсюду много работы; американцы читали, писали и перепечатывали грубымъ, деревяннымъ шрифтомъ запрещенныя французскія книги; умственные и политическіе интересы питались этими запрещенными плодами. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ той быстротою зрѣлости, которая составляетъ особенность всѣхъ колонистовъ, образовалась восторженная молодежь, павшая потомъ первою жертвою въ передовыхъ битвахъ революціи». Съ воцареніемъ Карла IV, въ 1788 г., либеральная политика вдругъ измѣнилась. Правительство закрывало школы, объявляло, что креоловъ не слѣдуетъ учить ничему, кромѣ библіи, запретило заграничныя путешествія, возстановило инквизицію, отдало колоніи на самое наглое разграбленіе чиновниковъ. Колоніи возстали и отдѣлились отъ метрополіи.

Превратившись въ независимыя государства по образцу Соединенныхъ Штатовъ, эти такъ-называемыя республики сдѣлались какими-то разбойничьими государствами, въ которыхъ идетъ до сихъ поръ самая ожесточенная борьба партій, изъ которыхъ каждая стремится захватить власть и поработить всѣхъ остальныхъ. То-же дѣлается и въ Европѣ, но въ послѣдней все это давно уже приняло мягкія формы, облагородилось, прикрывается благовидными предлогами, въ южной-же Америкѣ борьба имѣетъ крайне грубый, чисто-разбойническій характеръ. Здѣсь политическій интриганъ сплошь и рядомъ дѣйствуетъ въ союзѣ съ мошенникомъ, революціонеръ съ разбойникомъ. Чтобы дать понятіе объ этой социальной борьбѣ, мы остановимся на исторіи Гаити.

Открытый Колумбомъ въ 1492 г., островъ Гаити имѣлъ до 1.000,000 жителей, стоявшихъ на очень низкой ступени развитія и распадавшихся на пять родовъ, управляемыхъ независимыми кадиками. Послѣ перваго военнаго столкновенія съ испанцами въ 1495 г., всѣ захваченные въ плѣнъ индѣйцы были заклеяны желѣзомъ и обращены въ рабство, а значительная часть ихъ отправлена въ Европу для продажи на невольничьихъ рын-

кахъ. Подать золотомъ и хлопкомъ, наложенная на туземцевъ, не привыкшихъ въ своемъ благодатномъ климатѣ къ правильному, постоянному труду, казалась имъ невыносимымъ бременемъ, и, надѣясь выморить своихъ угнетателей, они начали истреблять всѣ пашни и запасы, а сами бѣжали въ неприступныя горы. Но голодъ поразилъ прежде всего самихъ туземцевъ и цѣлая треть населенія острова погибла въ горахъ, а остальные добровольно вернулись подъ иго, которое сдѣлалось еще тяжелѣе. Изъ Испаніи прибывали на Гаити всевозможные авантюристы, мошенники, освобожденные каторжники, фанатики-монахи и европейское общество на островѣ слагалось такимъ образомъ изъ самыхъ дурныхъ элементовъ, характеръ которыхъ гибельно отразился на участи туземцевъ. Ихъ земли были розданы въ собственность испанцамъ, а самихъ ихъ заставили работать на этихъ вновь испеченныхъ помѣщиковъ. Каково было это рабство, можно судить по тому, что туземцевъ было въ 1492 г. 1.000,000 ч., въ 1508 г. всего 60,000 ч., а въ 1517 г. только 14,000 ч.! Истребивъ почти всѣхъ кормильцевъ своихъ, испанцы начали заселять островъ туземцами другихъ острововъ и американскаго материка; въ одномъ только 1508 г. они привезли 40,000 индѣйцевъ, захваченныхъ ими въ рабство. Съ помощью такихъ чудовищныхъ жертвъ испанцы скоро накопили богатство и довели свою культуру до цвѣтушаго состоянія; но и среди ихъ оказались люди, которыхъ возмущало до глубины души ужасное положеніе индѣйцевъ. Таковы были нѣкоторые духовные, по настоянію которыхъ рабы изъ индѣйцевъ были замѣнены болѣе выносливыми неграми. Рабство легло въ основу всей культуры острова и негры составили преобладающее большинство его населенія. Кромѣ испанцевъ островомъ пытались завладѣть англійскіе и особенно французскіе авантюристы. Последніе прочно водворились въ своей колоніи С.-Доминго и довольно успѣшно боролись съ испанцами, найдя хорошихъ союзниковъ въ буканьерахъ и флибустьерахъ. Буканьеры, появившіеся въ концѣ XVI в., жили, главнымъ образомъ, охотою на буйволовъ, кожи которыхъ продавали за границу, имѣли рабовъ, не только черныхъ, но даже бѣлыхъ. Долго боролось съ ними испанское правительство, и только въ концѣ XVII в., послѣ того, какъ испанцы постарались истребить всѣхъ буйволовъ на островѣ, буканьеры остались безъ всякихъ средствъ существованія. Часть ихъ занялась земледѣіемъ, большинство-же пристало къ морскимъ разбойникамъ разныхъ національностей, флибустьерамъ, грабившимъ купеческіе и казенные корабли и европейскія колоніи на Гаити и по берегамъ Америки.

Французская часть Гаити, населеніе которой питалось хлѣбомъ, привозившимся изъ Франціи, часто страдала отъ голода; но за то въ ней быстро развивались богатство и роскошь и колонисты съ гордостью называли свою столицу Капъ-Франсѣ, вѣсть-индскимъ Парижемъ. Колонисты успѣшно воздѣлывали сахарный тростникъ, какао, хлопокъ, кофе, индиго. Богатые владѣльцы сахарныхъ плантацій, имѣвшіе множество черныхъ рабовъ, составляли изъ себя блестящую аристократію. Совершенно противоположную картину представляла собою восточная, испанская половина острова, бѣдная, полудикая, невоздѣланная; все богатство ея заключалось въ стадахъ дикаго рогатого скота, да въ небольшихъ плантаціяхъ. Въ испанской части жителей было въ 1717 г. 18,000 ч., а въ 1790 г. 113,000 ч. во французской-же—въ 1726 г. 130,000 ч., а въ 1790 г. 530,000 ч. Этотъ быстрый приростъ населенія объясняется постояннымъ наплывомъ негровъ, которыхъ ежегодно привозилось до 30,000 ч., частью на смѣну умершихъ рабовъ, частью для воздѣлыванія новыхъ плантацій. Въ 1790 г. во французской колоніи было 480,000 черныхъ рабовъ, 24,000 свободныхъ метисовъ и 30,000 бѣлыхъ; въ испанскихъ-же владѣніяхъ, покупавшихъ рабовъ очень мало, было 75,000 свободныхъ метисовъ, 25,000 чистыхъ креоловъ и только 15,000 негровъ. Рабы испанцевъ служили имъ предметомъ роскоши или были помощниками по хозяйству своихъ патріархальныхъ господъ, и ихъ неволя была еще сносною; напротивъ, во французской колоніи плантаторы для развитія своей блестящей культуры выжимали изъ негровъ послѣдніе соки. Рабы представляли изъ себя грубую, невѣжественную массу, дикость которой поддерживалась постоянными подвозами изъ Африки и ни мало не смягчалась католицизмомъ, воспринимая который, негры смѣшивали его съ языческими понятіями и обрядами своей далекой родины. Третій классъ,—свободные метисы, индѣйцы и негры, въ испанской колоніи былъ довольно зажиточенъ и примыкалъ къ бѣлымъ, во французской-же стоялъ почти на одномъ уровнѣ съ рабами. Въ бѣдной патріархальной пастушеской колоніи испанцевъ жизнь текла ровно и спокойно; въ роскошной-же французской колоніи, съ ея богатыми плантаторами и множествомъ рабовъ, таились сѣмена расовой и сословной вражды, междоусобицъ и переворотовъ. Это была масса горячаго матеріала, ждавшая только искры, чтобы вспыхнуть.

Едва только началась французская революція, креолы завоновались, выбрали депутатовъ въ парижское національное собраніе и составили свое колониальное собраніе. Цвѣтное населеніе, поощряемое, между прочимъ, составившимся въ Парижѣ «Об-

ществомъ уничтоженія работоторговли», тоже заволновалось и требовало равноправности. Высшій, бѣлый классъ Гаити не хотѣлъ и слышать объ этомъ и колониальное собраніе заявило, что оно «готово пожертвовать жизнью, чтобы не допустить до участія въ политическихъ правахъ бѣлыхъ—эту презрѣнную ублюдковую породу». Часть цвѣтныхъ возстала подъ предводительствомъ мюлата Оже, сына богатой плантаторши, воспитаннаго въ Парижѣ. Но вокругъ него собралось не болѣе 300 инсургентовъ. Когда же ему предлагали поднять негровъ, Оже отвѣчалъ, что «кто хочетъ быть равнымъ съ бѣлыми, тому не слѣдуетъ связываться съ черными рабами». Возстаніе было подавлено, Оже колесованъ, а 20 его товарищей повѣшены. Роялисты торжествовали, но скоро изъ Франціи прибыли на островъ два батальона солдатъ, проникнутыхъ уже республиканскимъ духомъ, и въ Портъ-о-Пренсъ произошла революція, во время которой былъ убитъ вождь консерваторовъ, полковникъ Модюи, и провозглашена республика. Остальная колонія, вмѣстѣ съ столицею Капъ-Франсѣ, осталась вѣрною старому порядку и дѣло неизбѣжно дошло-бы до междоусобной войны, если-бы полученные изъ Франціи извѣстія не примирили на время объ партіи. Національное собраніе въ 1791 году признало равноправность съ бѣлыми всѣхъ свободныхъ цвѣтныхъ; это одинаково возмутило и вооружило противъ метрополіи и роялистовъ и республиканцевъ. Плантаторы замыслили даже отдѣлиться отъ Франціи и перейти въ англійское подданство. Было созвано новое колониальное собраніе, но цвѣтныхъ въ него не допустили и декретъ о равноправности не былъ приведенъ въ исполненіе. Цвѣтные вступили въ союзъ съ неграми, тоже мечтавшими о свободѣ. Въ августѣ 1791 г. вспыхнуло страшное возстаніе рабовъ, обнявшее весь сѣверъ острова; въ продолженіи 2-хъ мѣсяцевъ убито 2,000 бѣлыхъ, разграблено и сожжено 1,130 плантацій, раззорено 1,200 плантаторскихъ семействъ. Черные бунтовщики сначала заявили себя рѣшительными роялистами и врагами парижскихъ республиканцевъ, которые, по ихъ понятію, «убили французскаго короля, Христа и Дѣву Марію». «Я, заявляя одинъ изъ ихъ вождей,—нахожусь въ подданствѣ у трехъ королей, у короля Конго, повелителя всѣхъ черныхъ, у французскаго короля—моего отца и у испанскаго—моей матери; эти-же три короля происходятъ отъ тѣхъ, которые, руководимые звѣздою, приходили поклониться богочеловѣку». Несмотря на этотъ суевѣрный монархизмъ, въ 1794 году, комиссарамъ національнаго конвента, благодаря отмѣнѣ рабства, удалось перетянуть негровъ на сторону республики. У инсургентовъ не было единства, но раздѣленные на небольшія шайки

они скрывались въ горахъ и оттуда дѣлали набѣги на плантаціи. Предводители поддерживали между ними желѣзную дисциплину, рубили провинившимся головы, руки, ноги, продавали ихъ въ рабство испанцамъ. У массы возставшихъ было одно желаніе—освободиться отъ рабства, вожаки-же мечтали о равноправности съ бѣлыми, т. е. о возможности занимать высшее общественное положеніе, имѣть чины, ордена, богатство, комфортъ, рабовъ. Одинъ изъ наиболѣе способныхъ вождей, Жанъ-Франсуа, принялъ титулъ «Кавалера королевскаго ордена Людовика, великаго адмирала Франціи и фельдмаршала его католическаго испанскаго величества»; другой-же, Біассу, назывался «вице-королемъ завоеванныхъ земель». Оба они ходили въ орденахъ и мундирахъ, были окружены бѣлыми рабами, а Франсуа держалъ настоящій сераль изъ креоловъ, которыхъ отъ времени до времени онъ раздавалъ своимъ подданнымъ, а себѣ набиралъ новыхъ. Вожди были окружены также разными суевѣрами и шарлатанами, игравшими роль католическихъ священниковъ и вмѣстѣ шамановъ, исполнявшихъ католическіе обряды, наряду съ языческими. Собственная палатка Біассу была наполнена кошками, змѣями, человѣческими костями и другими предметами африканскаго фетишизма; по ночамъ въ его лагерь горѣли громадныя костры, вокругъ которыхъ негры исполняли свои священные танцы, а самъ Біассу въ порывѣ наитія предрѣкалъ имъ побѣду и освобожденіе. Попавшихся въ ихъ руки бѣлыхъ негры замучивали ужаснѣйшими пытками, но и колонисты платили тѣмъ-же плѣннымъ бунтовщикамъ, колесуя ихъ, сжигая на медленномъ огнѣ, перепиливая живыми.

Подъ вліяніемъ паники, овладѣвшей креолами, они уступили требованіямъ свободныхъ цвѣтныхъ и признали ихъ равноправность, но когда съ прибытіемъ на островъ трехъ комиссаровъ правительства, роялисты-креолы увидѣли новое усиленіе революціонной партіи, они рѣшились вступить съ нею въ открытую борьбу. Начались междуусобицы. Комиссары просили помощи у возставшихъ негровъ, обѣщая имъ за то полную амнистію, свободу и разграбленіе столицы, Капъ-Франсѣ. Два главные вождя инсургентовъ, Франсуа и Біассу, съ гордостью отвѣчали, что «какъ офицеры испанскаго короля, они не могутъ имѣть ничего общаго съ революціонными французскими чиновниками», но двое другихъ вождей овладѣли несчастнымъ городомъ. Три дня и три ночи негры жгли и грабили столицу, избивая всѣхъ бѣлыхъ, и только 2,000 послѣднихъ успѣли спастись на корабли, которые немедленно вышли изъ гавани. Это былъ страшный ударъ для бѣлыхъ, большая часть ихъ старалась спастись бѣгствомъ съ

острова. Но и положеніе республиканцевъ было отчаяннымъ: съ запада имъ грозили испанцы и возставшіе негры, съ востока и юга англичане, желавшіе воспользоваться смутами, чтобы утвердиться на островѣ, и креолы-роялисты. Республиканцы, не ожидавшіе никакой помощи изъ метрополи, рѣшились соединиться съ цвѣтными и неграми, и 29-го августа 1793 г., комиссаръ Сонтонъ объявилъ освобожденіе негровъ и дарованіе имъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Это освобожденіе не произвело никакого дѣйствія на сѣверныхъ инсургентовъ, бывшихъ уже фактически-свободными и состоявшихъ въ тѣсномъ союзѣ съ испанцами, но зато все остальное рабское населеніе острова пришло въ неописанный восторгъ. Вѣстники, объявлявшіе объ освобожденіи, были встрѣчаемы всюду съ шумною радостью, толпы негровъ стекались къ нимъ со всѣхъ сторонъ, чтобы лично услышать желанную вѣсть, ихъ дорогу усыпали цвѣтами, черезъ лѣса и рѣвки ихъ несли на рукахъ. Изъ негровъ республиканцы составили себѣ значительную военную силу и въ то-же время на ихъ сторону перешла отъ испанцевъ значительная часть возставшихъ рабовъ сѣвера подъ предводительствомъ Туссена. Этотъ негръ былъ рабомъ вплоть до возстанія, но имѣлъ случай выучиться грамотѣ и читать; извѣстная книга аббата Рейналя внушила ему мысль, что ему суждено освободить свой народъ. Приставъ къ возставшимъ неграмъ, онъ скоро получилъ отъ испанцевъ чинъ полковника, но подчиненное положеніе было не по душѣ ему и онъ перешелъ на сторону французовъ. Борьба послѣднихъ съ испанцами и англичанами пошла успѣшнѣе, зато французскія власти почти ступшевались и Туссенъ, «мессія африканской расы», скоро достигъ такой силы, что почти неограниченно распоряжался всѣмъ на сѣверѣ, между тѣмъ, какъ на югѣ такую-же роль игралъ мулатъ Дессалинъ. Въ 1797 году комиссаръ республики покинулъ островъ, Туссенъ остался почти безъ соперниковъ, обратилъ всѣ свои силы противъ англичанъ и отнялъ у нихъ всѣ захваченныя ими мѣстности. Все повиновалось даровитому негру, кромѣ дѣйствовавшего на югѣ цвѣтного генерала Риго, олицетворявшаго собою интересы цвѣтного населенія, ненавидѣвшаго негровъ. Въ началѣ 1799 г. вспыхнула общая племенная борьба цвѣтныхъ съ черными—пожары, грабежи, убійства, насилія продолжались цѣлый годъ. Наконецъ, Туссенъ покорилъ весь островъ, даже испанскую часть его, и сдѣлался диктаторомъ Гаити.

Даровитый негръ не оказывалъ ни малѣйшаго пристрастія черной кожѣ и пользовался услугами способныхъ людей, какого-бы цвѣта они ни были. Онъ умѣлъ править, но вновь прибывшія

Французскія войска покорили островъ, диктаторъ былъ увезенъ во Францію и тамъ умеръ. Ненависть къ бѣлымъ и намѣреніе Бонапарта, перваго консула, возстановить рабство, произвели новое волненіе среди гаитянъ и въ сентябрѣ 1802 г. мулатъ Петіонъ началъ войну за независимость острова. Обѣ стороны дрались съ звѣрскимъ ожесточеніемъ. Инсургентскій генералъ Дессалинъ окружилъ свой лагерь висѣлицами, на которыхъ цѣлыми сотнями вѣшалъ бѣлыхъ; французскій-же генералъ Рошамбо отдавалъ плѣнныхъ негровъ на растерзаніе собакамъ. Плѣнный черныи генералъ Морепа былъ привязанъ въ Капъ-Франсѣ къ корабельной мачтѣ, причемъ эполеты были прибиты гвоздями къ его плечамъ и пока онъ еще не умеръ, передъ его глазами были перерѣзаны и брошены въ море на съѣденіе акуламъ его солдаты, жена и дѣти. Въ 1803 г. съ начатіемъ англо-французской войны, инсургентамъ начали помогать англичане; французы были вытѣснены съ острова и онъ провозгласилъ свою независимость, признанную парижскимъ трактатомъ 1814 г. Дессалинъ сдѣлался диктаторомъ. Въ противоположность Туссену, это былъ отчаянный негрофилъ и ненавистникъ бѣлыхъ. Желая возбудить противъ нихъ черную массу, онъ въ 1804 г. издалъ манифестъ, въ которомъ говорилось: «все носить у насъ печать происхожденія отъ французовъ и напоминаетъ о жестокости этихъ варваровъ; на островѣ до сихъ поръ живутъ даже кровожадные тигры-французы, уцѣлѣвшіе благодаря нашей нечувствительности и апатичности нашей расы; какъ можемъ мы дышать однимъ съ ними воздухомъ!» Но народъ не поддался этому подстрекательству, и въ апрѣлѣ 1804 г. Дессалинъ напустилъ на бѣлыхъ своихъ солдатъ, которые, вступивъ въ извѣстный городъ, занимали караулами дома иностранныхъ купцовъ, англичанъ, нѣмцевъ, американцевъ и особенно уважаемыхъ французовъ, вроде медиковъ и священниковъ, затѣмъ всѣ остальные бѣлые были безжалостно избиваемы безъ различія пола и возраста. Вскорѣ послѣ этого французы снова хотѣли-было овладѣть островомъ, но диктаторъ объявилъ, что при первой попыткѣ ихъ «города исчезнутъ и народъ возстанетъ». Всюду были организованы поджоги, въ городахъ приготовлены массы горючихъ матеріаловъ и поставлены солдаты, чтобы воспламенить ихъ при первомъ приказаніи. Въ то-же время были укрѣплены и снабжены продовольствіемъ неприступныя убѣжища въ горахъ, въ которыя должно было удалиться населеніе въ случаѣ нашествія французовъ. Послѣдніе не рѣшились на такую борьбу, и Дессалинъ продолжалъ править островомъ. Онъ открывалъ школы, подчинилъ негровъ извѣстнымъ правиламъ, дѣлавшимъ изъ нихъ по-

дугрѣпостныхъ фермеровъ, заботился объ увеличеніи населенія и даже о возобновленіи работорговли. Подражая Наполеону, онъ въ 1804 г. подъ именемъ Якова I провозгласилъ себя императоромъ Гаити. Данная имъ конституція нисколько не ограничивала его самодержавіе, а слово «гражданинъ» вездѣ было замѣнено въ ней словомъ *черный*.

Деспотизмъ Якова возбуждалъ въ народѣ сильное неудовольствіе, и въ 1806 г. онъ былъ убитъ собственными солдатами. Правителемъ былъ выбранъ негръ Кристофъ. Высшій классъ, особенно цвѣтные, составили учредительное собраніе и провозгласили республиканскую конституцію. Кристофъ хотѣлъ разогнать собраніе силою, но оно заперлось въ Портъ-о-Пренсъ, взять котораго войска Кристофа не могли, и выбрало новаго президента, мулата Петіона. Кристофъ созвалъ въ Капъ-Франсѣ другое собраніе, которое провозгласило его «президентомъ и генералиссимусомъ государства Гаити». Островъ, такимъ образомъ, какъ во время Туссена, снова раздѣлился на двѣ враждебныя половины: на сѣверѣ негры, съ Кристофомъ во главѣ, на югѣ и западѣ цвѣтные, съ президентомъ Петіономъ. Въ 1811 г. Кристофъ провозгласилъ себя королемъ Генрихомъ I и началъ окружать себя царскимъ блескомъ. У него появились канцлеръ, министры, маршалы, герольдмейстеръ, шенки, камергеры, егермейстеръ, церемоніймейстеръ, пажи, лейбъ-медики, библиотечарь, статс-секретари, гвардія, дворцы и замки. Былъ учрежденъ «орденъ св. Генриха», назначены архіепископъ и 3 епископа, сдѣлано 4 князя, 8 герцоговъ, 22 графа, 37 бароновъ и 14 рыцарей. Особенно потѣшны были для европейцевъ титулы, заимствованные этими вновь испеченными аристократами отъ своихъ имѣній, напр., герцогъ Мармеладъ, графъ Лимонадъ и т. д. Генрихъ по этому поводу, впрочемъ, основательно замѣчалъ, что французамъ нечего потѣшаться надъ этими титулами, такъ-какъ у нихъ самихъ были герцогъ Бульонъ и графъ Пуа (смола). Отдавъ своимъ аристократамъ цѣлыя округа или отдѣльныя плантаціи, Генрихъ прикрѣпилъ къ нимъ массу негровъ, обязанныхъ работать на господъ за опредѣленную плату и очутившихся снова въ такой страшной зависимости, что помѣщикъ даже имѣлъ право казнить ихъ смертію. Иначе шли дѣла въ южной «республикѣ Гаити», гдѣ президентъ Петіонъ, сынъ француза и свободной мулатки, человекъ съ образованіемъ, раздавалъ земли небольшими участками и такимъ образомъ создалъ болѣе 100,000 мелкихъ землевладѣльцевъ. Здѣсь дѣйствовала конституція, составленная по американскому образцу и не было такого произвола, какъ въ царствѣ Генриха. Войска по-

слѣднiаго вѣбунтовались въ октябрѣ 1830 г. Часть ихъ провозгласила президентомъ республики генерала Бойе, другая—Поля Ромена. Столица была занята инсургентами. Генрихъ, больной подагрой, оставленный даже своими гвардейцами, застрѣлился изъ пистолета. Бойе сдѣлался президентомъ, а Роменъ не рискнулъ оспаривать его правъ.

Двадцатилѣтнее правленiе Бойе было очень тяжело для цвѣтнаго населенiя острова; почти всѣ землевладѣльцы испанскаго происхожденiя были изгнаны, имѣнiя богатыхъ креоловъ подъ разными предлогами конфисковались и распродавались по частямъ или раздавались любимцамъ президента; мѣстности, населенныя креолами, были заняты войсками и наполнены шпионами, по доносамъ которыхъ людей схватывали, разстрѣливали. Многiя богатыя фамилiи, которыхъ пощадилъ терроръ, выселились, торговля и земледѣлие пали. Духовенство было раззорено налогами и конфискацiями, университетъ въ Санъ-Доминго доведенъ до паденiя; ревностные католики, испанскiе креолы, были крайне раздражены посягательствами на ихъ церковь, равно и фискальными мѣрами, вредно отзывавшимися на ихъ скотоводствѣ и заграничной торговлѣ дорогимъ деревомъ. Населенiе въ этой части острова, составлявшее въ 1820 г. 125,000 ч., въ 1842 г. уменьшилось до 85,000 ч. Не многимъ лучше шли дѣла и на сѣверѣ, гдѣ Бойе старался покровительствовать мелкому землевладѣнiю, но изданный имъ земледѣльческiй кодексъ и сельская полицiя, учрежденная для надзора за рабочими, до того были невыносимы для послѣднихъ, что то и дѣло доводили ихъ до серьезныхъ мятежей. Въ парламентѣ тоже была сильная оппозицiя произволу Бойе, который въ 1838 г. занялъ солдатами залу засѣданiй и заставилъ исключить изъ членовъ 6 наиболѣе ему непрiятныхъ депутатовъ. Въ началѣ 1843 г. эти столкновенiя кончились революцiей, заставившей Бойе бѣжать на Ямайку.

Глава возстанiя, генералъ Ривьеръ, сталъ во главѣ временнаго правительства, а участники переворота, по обыкновенiю, требовали награды, чиновъ, должностей. Многiе не были удовлетворены и вспыхнуло нѣсколько новыхъ возстанiй, которыя хотя и были подавлены, но броженiе не прекращалось и переходило въ массу, начинавшую понимать, что всѣ эти перевороты приносятъ выгоды только ихъ предпринимателямъ. Вновь составленная конституцiя была очень демократична, но произволъ президента совершенно парализировалъ ее. Въ февралѣ 1844 г. возсталъ испанская часть острова, объявивъ себя независимой съ признанiемъ всеобщаго равенства и терпимости всѣхъ испо-

вѣданій. Между обѣими республиками, Санъ-Доминго и Гаити, началась продолжительная долголѣтняя война, сопровождавшаяся возстаніями, которыя то и дѣло поднимали разные «генералы» изъ негровъ и креоловъ. Изъ этихъ возстаній особенно серьезно было разразившееся на югѣ, гдѣ расовая ненависть соединялась съ враждою неимущихъ къ богатымъ. Провозгласившій себя генераломъ, негръ Агао, проповѣдывалъ своимъ землякамъ, что «божественное провидѣніе повелѣваетъ чернымъ изгнать мулатовъ и раздѣлить между собою ихъ имущества»; что «богатый негръ, умѣющій читать и писать, есть мулатъ, а бѣдный мулатъ, не умѣющій ни читать, ни писать, есть негръ». Бунтъ Агао продолжался около года; наконецъ, разбитый правительственными войсками, этотъ черный коммунистъ въ отчаяніи застрѣлился изъ пистолета. Въ это время былъ выбранъ президентомъ республики 84-лѣтній негръ Герье. Онъ былъ страшный пьяница и уже съ 8 ч. утра, что-называется, не вязалъ лыка; но сдѣлавшись президентомъ, вовсе бросилъ ромъ и вслѣдствіе этого вскорѣ умеръ. Слѣдовавшій за нимъ грубый и невѣжественный «генералъ» Пьеро черезъ годъ довелъ страну до новой революціи, былъ свергнутъ и въ началѣ 1846 г. замѣненъ чернымъ-же генераломъ Рише, который вскорѣ, вслѣдствіе болѣзни, вышелъ въ отставку.

1 марта 1847 г. въ президенты былъ избранъ черный генералъ Фаустинъ Сулукъ, не умѣвшій ни читать, ни писать и начавшій учиться только послѣ своего избранія. Онъ старался угождать креоламъ, благопріятствовалъ поселенію на островѣ европейцевъ, былъ ревностнымъ католикомъ, но въ то-же время самымъ фанатическимъ поклонникомъ змѣйнаго культа, волшебства и чародѣйства. Все это возбуждало насмѣшки образованныхъ креоловъ, и невѣжественный, хотя и даровитый негръ возненавидѣлъ все, что напоминало ему объ европейцахъ и образованности. Окруживъ себя своими земляками, фетишистами, волшебниками, Сулукъ началъ заискивать популярности въ массѣ и натравливать ее на зажиточные классы.

Въ 1847 г., занявъ войсками парламентъ, онъ арестовалъ известнаго сенатора Куртуа, помѣстившаго въ газетѣ неприятную президенту статью и велѣлъ казнить его; только, благодаря энергическому предствательству европейскихъ консуловъ, сенаторъ спасъ свою жизнь, заплатившись изгнаніемъ. Возбуждаемая Сулукомъ масса провозгласила его пожизненнымъ президентомъ и не скрываясь угрожала грабежемъ богатымъ; люди зажиточные, безъ различія цвѣта, приготовились защищаться и просили помощи правительства, но Сулукъ въ своей прокла-

маціи объявилъ ихъ бунтовщиками и грозилъ жестокою карою. 16 апрѣля 1848 г. въ полдень со двора президента раздался три пушечныхъ выстрѣла—конституціонный сигналъ, что отечество въ опасности. Мгновенно въ разныхъ частяхъ города забили тревогу, войска спѣшили на сборные пункты, генералы, сенаторы, депутаты, чиновники собирались во дворецъ, а къ французскому консулу явился отъ президента офицеръ съ заявленіемъ, «чтобы онъ не беспокоился о своихъ землякахъ, такъ какъ то, что имѣеть произойти,—дѣло чисто-семейное». Это семейное дѣло состояло въ томъ, что солдаты начали стрѣлять и рубить министровъ, депутатовъ, сенаторовъ; послѣ этой бойни въ теченіи трехъ дней солдаты вламывались въ дома, захватывали всѣхъ подозрительныхъ или непріятныхъ имъ лицъ и массами разстрѣливали ихъ, президентъ-же издавалъ прокламацію за прокламаціей, которыя всѣ начинались словомъ «каждый» и кончались «будеть разстрѣлянъ». Иностраннымъ консуламъ кое-какъ удалось, наконецъ, остановить эту рѣзню въ столицѣ, но въ провинціи грабежи, поджоги, убійства продолжались еще долго и самъ Сулукъ принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, подстрѣкая массу противъ богатыхъ и истребляя ихъ, какъ бунтовщиковъ, когда они брались за оружіе для самозащиты. Когда Сулукъ вернулся изъ похода, напуганный парламентъ привѣтствовалъ его, какъ «спасителя отечества и конституціи», выражая надежду, что «страна, освобожденная отъ всѣхъ узъ и чуждыхъ элементовъ, задерживавшихъ до сихъ поръ ея прогрессъ, достигнетъ теперь до такой высоты счастья и благосостоянія, какая суждена ей провидѣніемъ». Образованный классъ былъ разоренъ и подавленъ, и, опираясь на массу, Сулукъ въ 1849 г. провозгласилъ себя императоромъ Фаустиномъ I. На содержаніе его было назначено 1.200,000 франковъ. Онъ возвелъ 4 негровъ въ князья, 59 въ герцоги, 2 въ маркизы, 90 въ графы, 215 въ бароны и 30 въ рыцари.

Мы не будемъ продолжать исторіи Гаити за послѣдніи тридцать лѣтъ, потому-что все это время шли непрерывно тѣ-же перевороты, усобицы, бунты и неистовства деспотовъ, что и раньше. То-же самое видимъ во всѣхъ другихъ государствахъ Средней и Южной Америки, за исключеніемъ одной Бразиліи. Ловкій авантюристъ, «генералъ», набираетъ себѣ войско, или, лучше сказать, шайку изъ голодной сволочи, производитъ переворотъ, захватываетъ казначейство и деспотствуетъ до тѣхъ поръ, пока его не прогонитъ выведенное изъ терпѣнія населеніе или не свергнетъ другой подобный-же «генералъ». Въ Мексикѣ, напр., съ 1821 по 1861 г., въ продолженіи сорока лѣтъ,

36 разъ измѣнялась конституція и 72 раза перемѣнялся президентъ республики, избираемый на четыре года! Въ соединенныхъ республикахъ Средней Америки въ продолженіи 20 лѣтъ (1822—1842) было 143 междоусобицы, во время которыхъ убито 7,088 солдатъ и 1,735 ранено. Въ то-же время смѣнилось 97 президентовъ и 171 министр! Американцы такъ привыкли къ этимъ частымъ переворотамъ, что только подсмѣиваются надъ ними, и когда Герштекеръ любовался въ Монтевидео на иллюминацію, во время которой губернаторъ Митри съ своимъ штабомъ торжественно стоялъ на балконѣ, одинъ американецъ замѣтилъ ему: «въ прошломъ году въ это время на мѣстѣ Митри стоялъ Урквиза, въ будущемъ навѣрное тоже будетъ Урквиза, а Митри за городомъ, горожане-же будутъ строить баррикады, чтобы не впустить его». Политика въ этихъ республикахъ—промыселъ, въ сферѣ котораго конкурируютъ и борются между собой люди всѣхъ состояній, не исключая и духовенства. Здѣсь, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, каждый ловкій человекъ можетъ сдѣлаться «генераломъ» и произвести переворотъ. Въ Леонѣ еще недавно жилъ епископъ Донъ Хорге-Витери-и-Унго, бывший настоящимъ генераломъ своей партіи, который даже на церковной кафедрѣ проповѣдывалъ съ кинжаломъ и заряженными пистолетами; это былъ настоящій прелать-воинъ среднихъ вѣковъ. Всѣ правящіе классы Испанской Америки распадутся на вѣчно враждующія между собою партіи, или, вѣрнѣе сказать, шайки, которыя борются между собою за власть, богатство, преобладаніе. Тутъ нѣтъ даже и расовой вражды, а одна лишь вооруженная конкуренція. Независимыя республики, штаты, города всѣ враждуютъ другъ съ другомъ за первенство. Въ Никарагуѣ, напр., одна партія хочетъ, чтобы столицею была Гранада, другая-же стоитъ за Леонъ. «Леонская партія, говоритъ Шерцеръ,—называетъ себя демократической и пользуется всякимъ нарушеніемъ демократическаго принципа для начатія войны съ гренадинцами, которые называютъ себя консерваторами. Но ни одна изъ этихъ партій не заботится ни о свободѣ, ни о порядкѣ и законности, а хлопочетъ только о власти и преобладаніи. Въ этихъ междоусобицахъ, которыя носятъ скорѣе характеръ домашнихъ раздоровъ, чѣмъ народныхъ возстаній, вполне обнаруживается завистливая, своекорыстная натура новоиспанца, которому неизвѣстны ни національное чувство, ни любовь къ свободѣ, но который не можетъ забыть и простить, что не его родственникъ президентомъ республики и не его родной городъ пользуется выгодами быть столицею государства». Въ любой изъ этихъ республикъ ея правители, особенно президентъ, еже-

часно должны опасаться измѣны, убійства, низверженія, изгнанія, разстрѣлїя. Въ Никарагуѣ, напр., президентъ Гаморо занимался по ночамъ, чтобы въ случаѣ опасности не спать и быть готовымъ къ бѣгству, а его предшественникъ, Пинеда, вступая въ должность, исповѣдался, приобщился и написалъ завѣщаніе, говоря, «что голова президента никогда не сидитъ на плечахъ съ достаточною твердостью». О президентѣ Перу, донъ-Кастилла, Герштейкеръ рассказываетъ, что «солдаты всюду слѣдуютъ за нимъ. Когда онъ идетъ по городу, его сопровождаютъ 20—30 солдатъ съ заряженными ружьями, съ примкнутыми штыками; если онъ ѣдетъ, то его окружаетъ кавалерія съ саблями и копьями; если онъ купается, то вокругъ купальни стоитъ конвой; когда онъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ, то его сопровождаетъ цѣлый вагонъ съ гвардейцами. Дворецъ президента тоже окруженъ солдатами, и даже въ столовой во время завтрака его сторожатъ четыре солдата съ заряженными ружьями». Несмотря на такую предосторожность, президенты то и дѣло летятъ съ своихъ мѣстъ, солдаты измѣняютъ имъ въ пользу новыхъ претендентовъ или-же послѣдніе одерживаютъ побѣду съ помощью своего войска, набраннаго среди городского пролетаріата, разбойниковъ, негровъ, индѣйцевъ и т. д. Революціи въ этихъ республикахъ совершаются, главнымъ образомъ, посредствомъ такого сброда, падкаго до всякаго грабежа. Вотъ, напр., президентъ Гватемалы Гвардіола враждуетъ съ президентомъ Гондураса Кабаньясомъ, ненавидимымъ населеніемъ. Гвардіола съ 1,000 солдатъ беретъ Санта-Розу, грабитъ этотъ городъ, сжигаетъ его и затѣмъ уходитъ, захвативъ разныхъ цѣнностей на 100,000 піастровъ. Всѣ эти революціи въ сущности такіе-же разбойничьи набѣги, какіе до сихъ поръ дѣлаютъ по мѣстамъ индѣйцы и всѣ испанскія республики ни отъ чего такъ не страдаютъ, какъ отъ этихъ переворотовъ. Вотъ, напр., Никарагуа, которую во время испанскаго владычества называли «земнымъ раемъ». «Теперь-же, говоритъ Шерцеръ, — это название звучитъ самой горькой ироніей при видѣ этого развореннаго жалкаго населенія, которое во время революцій умерло-бы съ голода безъ своихъ банановъ и бобовъ. Если-бы въ столицѣ республики, Леонѣ, не говорили и камни, роскошь и громадность общественныхъ зданій, то трудно было-бы повѣрить, что этотъ городъ имѣлъ нѣкогда счастливыя времена и утопалъ въ роскоши, такъ уныло и запустѣло смотритъ онъ нынѣ. По улицамъ не видно ни одного экипажа, рѣдко слышатся даже топотъ верховой лошади. Прекраснѣйшіе кварталы города, имѣвшаго прежде втрое болѣе жителей, словно вымерли. Всюду развалины,

мусоръ, грязь и нищета; удѣляли однѣ церкви, всѣ-же дворцы лежать въ развалинахъ». Оно и немудрено; въ одну только революцію 1823 г., когда въ городѣ шла борьба аристократовъ съ либералами, сожжено много общественныхъ зданій, церквей, монастырей и до 1,000 частныхъ домовъ. И вездѣ такъ. По страну раззоряютъ не однѣ эти постоянныя революціи, а также и мирное правленіе генераловъ—предпринимателей переворотовъ.

Замѣтивъ, что южно-американцы вообще народъ мирный, Герштейкеръ спрашиваетъ: «откуда-же въ такомъ случаѣ эти вѣчныя войны и непрерывная игра въ солдаты, которыя высасываютъ мозгъ изъ страны, пожирая жизнь и собственность ея граждан?» Все это происходитъ изъ страстнаго желанія тунеядцевъ поживиться насчетъ казны, такъ-какъ съ перемѣною президента смѣняются и всѣ чиновники, занимающіе выгодныя должности. «Эти охотники за мѣстами, эти пролетаріи въ лайковыхъ перчаткахъ, есть настоящая язва страны, на которую они смотрятъ, какъ на источникъ наживы». Во всѣхъ этихъ республикахъ казнокрадство и взяточничество доходятъ до ужасающихъ размѣровъ. «У насъ организовано одно только воровство», сказалъ одинъ мексиканецъ европейскому путешественнику. «Открытіе воровства въ этихъ государствахъ, говоритъ Герштейкеръ, почти невозможно, такъ все здѣсь связано между собою и такъ перепутано, что никто не смѣетъ тронуть гнилого бревна, чтобы не уронить на себя всего зданія». Президенты, министры—всѣ берутъ и воруютъ. Президентъ Перу, Кастилла, напр., страстный игрокъ, проигрывалъ кассу государственнаго казначейства и при этомъ принужденъ былъ дѣлиться съ другими. Проигравшись однажды, онъ послалъ приказъ своему министру финансовъ, Зальцедѣ, дать чекъ въ 50,000 долларовъ. Министръ принесъ ему для подписи чекъ въ 60,000. «Вѣдь я просилъ только 50,000», сказалъ президентъ.—«Но, ваше превосходительство, отвѣчалъ Зальцеда, — мнѣ тоже нужно 10,000». Грабя казну, торгуя закономъ, чиновничество сплошь и рядомъ имѣетъ тѣснѣйшіе связи съ тѣми бродягами, ворами и разбойниками, которые помогаютъ политическимъ авантюристамъ совершать перевороты, а въ мирное время дѣлятся съ ними своей добычей. Подъ покровительствомъ чиновниковъ всевозможные мошенники дѣйствуютъ почти открыто и большею частью безнаказанно. Въ Перу и Боливіи, напр., почти вовсе нѣтъ настоящихъ денегъ, а все фальшивыя, производствомъ которыхъ занимается множество мастеровъ! Городской пролетаріатъ и массы всевозможныхъ другихъ тунеядцевъ даютъ превосходный контингентъ шайкамъ разбойниковъ, кото-

рыми усѣяна вся страна. «Въ Мексикѣ народъ до того привыкъ къ грабежамъ и убійствамъ, рассказываетъ Гельвальдъ, что мексиканецъ, услыхавъ о нападеніи разбойниковъ и убійствѣ, пожалуй, воскликнетъ: «бѣдняжка, какое несчастье», но этимъ и ограничивается его отношеніе къ подобнымъ фактамъ. Грабители и убійцы рѣдко подвергаются наказанію: они часто стоятъ съ властями на дружеской ногѣ и даже оказываютъ имъ услуги. Масса людей въ Мексикѣ живетъ насчетъ путешественниковъ тѣмъ или другимъ способомъ — грабежемъ или защитою, если проѣзжіи согласенъ хорошо заплатить имъ». Разбойники, столкнувшись съ служащими на желѣзной дорогѣ, часто останавливаютъ цѣлые поѣзды, грабятъ мужчинъ, насилуютъ женщинъ и исчезаютъ никѣмъ не узнаваемые, такъ-какъ обыкновенно на нихъ надѣты маски. Цѣлые города живутъ воровствомъ и разбоемъ, какъ Запотлана, въ которомъ въ грабежахъ принимаетъ участіе и духовенство. Многочисленные городскіе пролетаріи, *леперо*, живутъ почти исключительно этимъ ремесломъ. Въ столицѣ республики на 210,000 жит. насчитывается 30,000 леперо. Леперо ведетъ бродячую жизнь, воруетъ, играетъ, съ одинаковою виртуозностью владѣетъ мандолиной и ножомъ, съ одинаковою легкостью онъ готовъ ограбить путешественника или произвести революцію. Благодаря леперо, прекрасныя окрестности Мексики, съ ихъ роскошными виллами и дачами, остаются необитаемы, такъ-какъ владѣльцы не рѣшаются жить въ нихъ, боясь разбойниковъ. Въ столицѣ Перу, Лимѣ, считается тоже крайне опаснымъ ѣздить за городъ. Въ Аргентинской республикѣ многочисленное населеніе *гаучо*, происходящихъ отъ испанскихъ авантюристовъ и индѣянокъ, живетъ скотоводствомъ, охотой и разбоемъ. Съ дѣтства гаучо привыкъ къ крови и убить человѣка для него все равно, что прирѣзать быка. Кромѣ этого типа въ Аргентинской республикѣ есть еще отдѣльныя личности, которыя тоже носятъ названіе гаучо. Это какія-то вездѣсущія личности, которыхъ можно встрѣтить то тутъ, то тамъ, во всѣхъ частяхъ страны. Можетъ случиться, что гдѣ-нибудь по близости Буэносъ-Айроса встрѣтится гаучо, котораго мы за 2 или 3 недѣли передъ тѣмъ видѣли за 1,000 верстъ оттуда, на крайнемъ сѣверѣ Лапаты. Онъ ѣдетъ все на томъ-же конѣ, съ сигареткою во рту, и, какъ истый кастилецъ, съ изысканною вѣжливостью снимаетъ свою широкополую шляпу (сомбреро) при встрѣчѣ съ знакомымъ, даже съ такимъ, котораго онъ видѣлъ только разъ въ жизни. Этотъ человѣкъ всегда доволенъ своею судьбою, ни о чемъ не заботится, но желаетъ также, чтобы и о немъ никто не заботился. Даже власти по возможности оставляютъ гаучо въ покоѣ и не

мѣшаются въ его дѣла, если этого можно избѣгнуть. Никарагуа кишмя кишитъ разбойниками, и когда Шерцеръ отправлялся въ нее, въ Коста-Рика ему говорили: «тамъ теленка изъ коровы воруютъ, и совѣтуемъ вамъ взводить курки у пистолетовъ, если встрѣтите на дорогѣ болѣе, чѣмъ двухъ человѣкъ. Не довѣряйтесь никому, начиная съ президента республики и кончая послѣднимъ нищимъ. Кто не ограбитъ или не обокрадетъ васъ, тотъ навѣрное обманетъ или какъ-нибудь иначе поживится на вашъ счетъ». Дорогою Шерцера обокралъ навязавшійся къ нему спутникъ, Риверадо Пелонъ. Путешественникъ пожаловался леонскому губернатору, но онъ отвѣчалъ, что не имѣетъ никакой власти надъ Пелономъ. Послѣдній находится подъ особымъ покровительствомъ президента республики, которому онъ оказалъ важныя услуги въ качествѣ шпіона, вербовщика солдатъ, агента по выборамъ и даже бандита. Президентъ особенно дорожитъ имъ въ послѣднее время, когда онъ досталъ ему лжесвидѣтелей, нужныхъ для показаній на судѣ противъ нѣкоторыхъ членовъ оппозиціи. «Но, возразилъ Шерцеръ,—не будетъ-же президентъ защищать явнаго разбойника, ограбившаго иностранца, рекомендованнаго правительству».—«Ахъ, отвѣчалъ губернаторъ, вы не знаете, чѣмъ сдѣлали насъ революціи. Пелонъ оказалъ президенту услуги, и повтому можетъ позволять себѣ все, что угодно». Самому-же Шерцеру пришлось улепетывать изъ Леона потихоньку, чтобы вторично не нарваться на президентскаго друга!

Воровство, разбой, мошенничество идутъ, такимъ образомъ, рука объ руку съ политическимъ авантюризмомъ; политическіи партіи борются за добычу, побѣдители дѣлаютъ что хотятъ и предоставляютъ избранному ими президенту республики дѣлать, что онъ хочетъ. Почти всѣ эти президенты—неограниченные султаны и очень многіе изъ нихъ самыя безчеловѣчныя изверги, какихъ когда-либо знала исторія. Таковъ былъ, напр., знаменитый въ свое время генералъ Розасъ, который, между прочимъ, въ 1839 г. въ Монтевидео велѣлъ приготовить себѣ къ обѣду голову своего врага Коленса и внутренности генерала Астрадуса. Въ томъ-же родѣ былъ одинъ изъ его преемниковъ, Урквива, который послѣ своихъ побѣдъ избивалъ цѣлыя массы плѣнныхъ и награбилъ себѣ громадное состояніе. Президентъ Гватемалы, Морацанъ, въ тридцатыхъ годахъ пригласилъ однажды къ себѣ во дворецъ всѣхъ выдающихся противниковъ своихъ, арестовалъ ихъ, велѣлъ посадить на старое судно и пустить послѣднее въ открытое море на произволъ вѣтровъ и волнъ. Преемникъ его, Гвардіола, «тигръ средней Америки», какъ называли его, имѣлъ какую-то звѣрскую страсть къ убійству. Онъ, на-

примѣръ, пристрѣливалъ своихъ солдатъ, которые на походѣ выбивались изъ силъ. Слушая однажды жалобы на свои муки больной индианки, онъ выхватилъ изъ-за пояса пистолеть и прострѣлил ей голову, а затѣмъ началъ искать подъ ея постелью денегъ. «Во всѣхъ городахъ, по которымъ Гвардіола проходитъ, писалъ англичанинъ-очевидецъ,—онъ собираетъ всѣхъ красивыхъ женщинъ и, опозоривъ ихъ самымъ варварскимъ образомъ, прогоняетъ съ площадными ругательствами. Его звѣрство терроризируетъ враговъ». Еще ужаснѣе былъ Лопецъ, вступившій въ управленіе Парагваемъ послѣ смерти своего отца, президента, въ 1857 г. Начавъ безумную войну съ Аргентинскою республикой, Бразиліей и Уругваемъ, Лопецъ разстрѣливалъ генераловъ за ихъ военныя неудачи; въ 1865 году, за неуспѣшный походъ, онъ разстрѣлялъ десятого изъ солдатъ и половину офицеровъ. Состоявшая при немъ комиссія изъ трехъ поповъ просто неистовствовала въ странѣ, захватывая и казня всѣхъ подозрительныхъ ей лицъ, не только парагвайцевъ, но даже иностранцевъ и дипломатическихъ агентовъ. 1,900 женщинъ, изъ лучшихъ фамилій, были закованы въ цѣпи и сосланы на сельскія работы. «За весьма немногими исключеніями, говоритъ одинъ писатель,—Лопецъ погубилъ лучшую и самую почтенную часть парагвайскаго народонаселенія; онъ разстрѣливалъ самыхъ знатныхъ лицъ безъ всякаго суда. Онъ умертвилъ женъ всѣхъ бѣжавшихъ парагвайцевъ; такой-же участи подвергались иностранныя купцы. Всѣхъ жертвъ насчитываютъ до 180,000 человекъ».

Главное зло всѣхъ этихъ республикъ—отсутствіе здороваго, трудолюбиваго крестьянства. Земли давно уже расхищены крупными собственниками. Въ Аргентинской республикѣ, напр., нѣтъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ или крестьянъ, а есть только земледѣльцы, обрабатывающіе поля въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Принадлежащіе къ олигархіи знатные роды въ свое время подѣлили между собою всю землю и теперь эксплуатируютъ бѣдняковъ, которымъ здѣсь живется хуже, чѣмъ бывшему русскому крѣпостному или невольнику. Едва-ли въ какой-нибудь другой странѣ, кромѣ Чили, существуетъ такой пролетаріатъ, состоящій изъ сельскаго населенія. Достоверно то, что, вслѣдствіе этого невыносимаго à la longue состоянія, въ одинъ годъ, по официальнымъ свѣденіямъ, ушло слишкомъ 30,000 «пеоновъ» въ Перу, гдѣ они работаютъ на вновь строящихся большихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ. Это—огромная цифра, если принять въ соображеніе, что все населеніе Чили не достигаетъ и двухъ милліоновъ душъ. Иностранныя земледѣльческія колоніи, преимущественно нѣмецкія, удаются плохо, вслѣдствіе поли-

тическихъ безурядицъ и все разоряющихъ междоусобій. Такимъ образомъ, мѣсто трудящагося крестьянства въ странѣ занимаютъ тунейный пролетаріатъ городовъ, индѣйцы, метисы, негры, свирѣпые гаучо. Воровство, разбой, революція—вотъ ихъ главные промыслы. При этомъ, сліяніе расъ индѣйской, европейской и африканской еще далеко не совершилось и населеніе, не имѣя опредѣленнаго характера, отличается пороками и недостатками, которыми прежде всего обильниваются между собою сливающимся расы. Населеніе всѣхъ классовъ чрезвычайно падко къ шумнымъ удовольствіямъ, къ азартнымъ играмъ, къ иллюминаціямъ, къ боямъ быковъ и пѣтуховъ, къ легкой наживѣ, но оно необыкновенно лѣниво и трудъ въ его глазахъ—признакъ рабства. «Мы, рассказываетъ о Порто-Рико нѣмецкій путешественникъ, путешествовали пѣшкомъ, чтобы легче было совершать ботаническія изслѣдованія. Но такъ-какъ въ Порто-Рико считается стыдомъ путешествовать *per pedes*, то надъ нами всюду громко смѣялись. Этимъ особенно занимались женщины. Сидя высоко на лошадяхъ, закутанныя въ бѣлое платье, съ зонтикомъ для защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей, перекладывая, подобно гусарамъ, остатокъ своей сигары изъ одного угла рта въ другой, или качаясь на своихъ висячихъ цыновкахъ и пожевывая табакъ, онѣ много потѣшались надъ нами обоими, видя черезъ свои постоянно открытыя двери, какъ мы проходимъ мимо, залитые потомъ. Повидимому дамы Порто-Рико умѣютъ съ большимъ искусствомъ раздѣлять свое время между спаньемъ, ѣдою, куреніемъ, верховою ѣздою, качаніемъ и ничего недѣланіемъ». «Вся жизнь мексиканцевъ, говоритъ графиня Колоницъ, носить печать *dolce far niente*; никогда вы не увидите ихъ торопливо идущими по улицѣ, никогда ихъ время не бываетъ поглощено дѣлами. Они встаютъ рано; дамы, закутанныя въ густыя покрывала, отправляются въ церковь, а мужчины принимаются за утреннюю верховую ѣзду. Послѣ прогулки по «аламедѣ», всѣ они возвращаются домой; затѣмъ обыкновенно берутъ ванну, для чего существуютъ хорошо и чисто устроенныя общественныя бани на всѣхъ улицахъ города, а также ванны комнаты во всѣхъ частныхъ домахъ. Часто можно видѣть, какъ мексиканки, распустивъ свои роскошныя волосы, ниспадающіе по плечамъ, подобно мантильѣ, и почти доходящіе до пятокъ, расхаживаютъ по террасамъ дома, чтобы просушить свои косы. По окончаніи туалета время тянется очень лѣниво; если въ семьѣ есть дѣти, то мать зайдетъ посмотрѣть на ихъ забавы; впрочемъ, и дѣти столь-же тихи и спокойны, какъ ихъ родители. Нигдѣ я не видѣла столь благовоспитанныхъ дѣтей, какъ въ мек-

сиканской столицѣ; вы не услышите ни малѣйшаго шума, никакой ссоры. Маленькія существа кажутся какими-то скороспѣлками; они развиваются очень рано и обыкновенно чрезвычайно нѣжны». Низшій классъ тоже въ высшей степени лѣнивъ, и кромѣ жаркаго климата этому содѣйствуетъ, конечно, социальная анархія, отъ которой прежде всего страдаетъ рабочій. «Народъ, рассказываетъ, напр., Герштекеръ о Квито, — живетъ хуже скота. Жилища рабочихъ и ремесленниковъ — какія-то норы, въ которыя войти страшно, полныя насѣкомыхъ». Немудрено, что бѣдныя здѣсь сильно страдаютъ проказой. Даже въ лучшихъ городахъ о чистотѣ заботятся только хищныя птицы. Въ Лимѣ, напр., тамъ, гдѣ бѣгущая по улицамъ вода отлагаетъ кучи нечистоты, прыгаютъ и возятся цѣлыя стаи воршунуновъ, не обращая никакого вниманія на проходящихъ, которые никогда не трогаютъ ихъ, такъ-какъ умерщвленіе этихъ птицъ влечетъ за собою тяжкое наказаніе. Эти «gallinazos», пожирающіе падаль и т. п., составляютъ истинное благо для грязнаго Перу. Особенно странное зрѣлище представляютъ они, когда, насытившись, по цѣлымъ часамъ сидятъ съ распростертыми крыльями на крышахъ домовъ и на шестахъ съ флагами. Въ Веракрузѣ улицы усѣяны коршунами-стервятниками, которые, высматривая себѣ пищу, носятся повсюду или сидятъ безжизненно цѣлыми рядами на кровляхъ домовъ и на развалившихся стѣнахъ покинутыхъ дворцовъ. Нигдѣ вокругъ не видно ни деревца, ни кустика, ни ключа, ни ручейка — ничего, кромѣ раскаленнаго песку; въ городѣ бросаются въ глаза только цистерны съ мутною, теплою водою; но зато тамъ и сямъ попадаются такъ-называемыя тіенды, биткомъ набитыя пьянымъ народомъ, поглощающимъ въ невѣроятномъ количествѣ самые крѣпкіе, спиртные напитки, которые заглушаютъ въ нихъ послѣдніе остатки человеческого чувства и мысли. Восемь мѣсяцевъ въ году свирѣпствуетъ здѣсь желтая лихорадка, которая разрѣшаетъ ряды европейцевъ, пріѣзжающихъ сюда по торговымъ дѣламъ, а также мексиканцевъ, уроженцевъ высокихъ мѣстностей страны, вынужденныхъ оставаться долгое время въ этомъ смертоносномъ портовомъ городѣ. И вездѣ такъ. Культура страны очень жалкая, дороги плохи, удобства жизни извѣстны только богачамъ, во многихъ городахъ постороннему человѣку негдѣ ночевать и невозможно ничего купить, кромѣ развѣ табаку, да водки. «Я, рассказываетъ о Гондурасѣ Шерцеръ, жилъ въ какой-то хижинкѣ, вся утварь которой состояла изъ цыновки. Столъ мнѣ отпускаялся за плату съ кухни президента республики, но нужда была такъ велика, что даже у главы государства не рѣдко не

было такихъ вещей какъ яйца, хлѣбъ и т. д. Такъ ничтожны еще сношенія въ Средней Америкѣ и въ такомъ жалкомъ положеніи принужденъ жить первый сановникъ республики». Даже часы въ Средней Америкѣ встрѣчаются очень рѣдко, а акушеровъ и медиковъ почти вовсе нѣтъ. Народъ погрязаетъ всюду въ невѣжествѣ, даже образованность богатыхъ классовъ самая жалкая. Нажива денегъ — вотъ главный интересъ людей культурныхъ, говоритъ Бурмейстеръ, «а о томъ, какъ наживаются деньги, въ Южной Америкѣ не заботятся. При такихъ понятіяхъ наука и искусство процвѣтать не могутъ, и дѣйствительно они не имѣютъ здѣсь никакой цѣны. Какъ только, бывало, я начиналъ говорить о Европѣ, общество замолкало; мнѣ давали говорить, слушали, но лишь я останавливался, начинали другой разговоръ, желанія же узнать что-нибудь о Европѣ не проявлялъ никто». «Въ Гранадѣ, рассказываетъ Шерцеръ, — напряженія мозга боятся еще больше, чѣмъ движенія мускуловъ. Здѣсь ничего не читаютъ, даже романовъ и газетъ, по возможности даже стараются не думать». Немудрено, что во многихъ изъ этихъ государствъ католицизмъ имѣетъ такое вліяніе. Церкви здѣсь лучшія зданія, церковныя церемоніи популярны не менѣе фейерверковъ. Вліяніе духовенства особенно сильно въ Эквадорѣ, какъ это можно видѣть изъ президентскаго посланія, прочитаннаго конгрессу въ 1873 г. Обильно уснащенное благочестивыми фразами, президентское посланіе сообщаетъ міру, что у подножія Чимборазо живетъ, въ теократической замкнутости, государство, которое посвятило себя исключительно служенію католической церкви и, руководимое вѣрнѣйшими ея служителями, сынами Игнатія Лойолы, видимо идетъ по пути преуспѣянія. Въ благодарность за это конгрессъ долженъ — такъ призываетъ къ нему президентъ — законодательнымъ порядкомъ отнять послѣднія государственныя права, оставшіяся отъ испанской эпохи и тѣмъ вполне открыть страну для безпрепятственной дѣятельности ордена. «Такъ-какъ, говорится въ посланіи, мы имѣемъ счастье быть католиками, то будемъ-же ими откровенно и послѣдовательно, не только въ частныхъ сношеніяхъ, но и въ государственной жизни, и засвидѣтельствуемъ публично истинность нашихъ чувствъ и словъ нашими дѣлами. Исключимъ изъ нашего свода законовъ послѣдніе слѣды враждебности въ отношеніи церкви, ибо въ нашемъ кодексѣ остаются еще нѣкоторыя законоположенія изъ старыхъ стѣснительныхъ испанскихъ коронныхъ правъ, дальнѣйшее существованіе которыхъ было-бы позорнымъ противорѣчіемъ, прискорбною непослѣдовательностью». Для характеристики этого оригинальнаго законодательства ука-

жемъ еще на слѣдующій фактъ: эквадорская армія дѣлится на четыре дивизіи, изъ которыхъ одна носитъ названіе «дивизіи «Сына Божія», другая—«дивизіи Добраго Пастыря», третья—«дивизіи Святаго Копьеносца Смерти», а четвертая—«воиновъ Преподобной Дѣвы Маріи», и которыя всѣ стоятъ подъ скипетромъ «святаго сердца Іисуса», какъ эмблемы націи.

Во многихъ республикахъ, впрочемъ, духовенство не играетъ выдающейся роли въ обществѣ, но зато оно, дѣйствуя за кулисами, обдѣлываетъ свои дѣла черезъ женщинъ. Святошество женщинъ Южной Америки доходитъ до крайняго предѣла, барыни проводятъ большую часть дня въ церкви, которую онѣ посѣщаютъ въ 5 и 7 ч. утра, въ 12 дня и вечеромъ. «Постоянное хожденіе по церквамъ, говоритъ Бурмейстеръ, частая исповѣдь и связанная съ этимъ ежедневныя сношенія съ патерами ставятъ женщинъ этихъ странъ въ большую зависимость отъ духовенства, губельно влияющую на домашнюю жизнь, поглажая легкой нравственности мужчинъ и нарушая миръ брачнаго союза тѣмъ, что жена больше слѣдуетъ попу, своему духовнику, чѣмъ желаніямъ своего мужа. Постоянное ежедневное отсутствіе изъ дома жены ведетъ за собою небреженіе о дѣтяхъ, предоставленныхъ заботамъ прислуги, и безпорядокъ въ хозяйствѣ, вслѣдствіе чего мужъ съ своей стороны вынужденъ бываетъ также избѣгать своего дома и искать въ вллубахъ и трактирахъ того отдыха, котораго не даетъ ему семейство. вмѣсто того, чтобы вносить миръ въ души, духовенство разъединяетъ супруговъ! Своекорыстное духовенство находится здѣсь на самомъ низкомъ уровнѣ развитія, монахи обыкновенно люди вполнѣ необразованные, не умѣющіе часто ни читать, ни писать. Лѣнтыи всякаго рода, не расположенные работать, постригаются единственно для того, чтобы ничего не дѣлать цѣлую жизнь, читать только въ опредѣленные часы молитвы и служить мессы по правиламъ ордена. Частыя бесѣды молодыхъ дѣвицъ и женщинъ съ духовниками, съ глазу на глазъ, доставляютъ послѣднимъ сильное влияніе на женскія сердца; изъ совѣтника духовникъ дѣлается другомъ, изъ друга любовникомъ, и возникаетъ тайная связь. Не одна совсѣмъ молодая дѣвушка попадаетъ въ лапы этихъ вааловыхъ жрецовъ и приноситъ съ собою въ бракъ порокъ вмѣсто мира, котораго она искала въ церкви; духовникъ остается ея другомъ, мужъ-же играетъ второстепенную роль, доставляя ей содержаніе и положеніе въ свѣтѣ. Все это дѣлается тѣмъ легче, что и сами мужчины еще задолго до брака перепробовали уже всѣ удовольствія любви и даже послѣ женитьбы не перестаютъ искать у другихъ женщинъ тѣхъ наслажденій, которыхъ не доставляетъ имъ бракъ,

заключенный ради одной только формальности. Счастливые браки въ этихъ странахъ гораздо рѣже, чѣмъ у насъ; первые годы, когда дѣйствуетъ еще прелесть новизны, проходятъ хорошо; потомъ супруги дѣлаются равнодушными другъ къ другу и каждый изъ нихъ ищетъ себѣ на сторонѣ другой связи, въ которой онъ надѣется найти больше, чѣмъ даетъ ему обязательный союзъ съ лицомъ, къ которому приковала его злая судьба». «Браки здѣсь заключаются больше цо расчету, чѣмъ по сердечной склонности», говоритъ другой наблюдатель. Родители и родственники большею частію стараются охранять невинность дѣвушки посредствомъ самаго строгаго надзора. Даже въ церковь она не ходитъ безъ провожатаго и мать справляется о каждомъ ея шагѣ. Сестры также надзираютъ другъ за другомъ, и необыкновенно трудно завязать любовную интригу въ домѣ, гдѣ много сестеръ». Но когда такая дѣвушка, выйдя замужъ, получить сравнительно больше свободы, то немедленно-же спѣшитъ вознаградить себя за прежнія свои стѣсненія и лишенія. Строгія католическія доктрины, суровые законы о прелюбодѣяннн, правила обыденной морали—все это остается мертвою буквою, вовсе неприложимою къ практикѣ. Всѣ духовные, безъ исключенія, имѣютъ постоянныхъ любовницъ и кучу дѣтей; въ Мексикѣ большинство патеровъ думаетъ, что безбрачіе противно библіи; въ Гондурасѣ католическое духовенство сдѣлало уже такъ, что правительство дозволило ему особымъ закономъ вступать въ бракъ. Но жены и постоянныя любовницы не мѣшаютъ патерамъ пользоваться ласками каждой женщины, которая понравится имъ. Это главные развратители страны. Что-же касается мужчинъ вообще, то страстный темпераментъ, жизнь, посвященная исключительно чувственности, и развратныя наклонности, воспитанныя рабовладѣльчествомъ,—все это заставляетъ ихъ содержать кромѣ жены еще нѣсколько наложницъ. Незаконнорожденныхъ безчисленное множество.

Такимъ образомъ, женщина, лишенная всякаго умственнаго развитія, воспитанная только для чувственной любви, является въ этихъ странахъ постельной куклой и больше ничѣмъ. Она не живетъ, а прозябаетъ, какъ растеніе. Вотъ какъ описываетъ Эйма жительницъ Гаванны. «Только послѣ четырехъ часовъ полудни гаванка поднимается, чтобы сдѣлать шаговъ десять по своей комнатѣ. Лежа въ своемъ качальномъ креслѣ или на циновкѣ, полунагая, но всегда тщательно причесанная, съ цвѣтами въ волосахъ, босая, гаванка мечтаетъ... обо всемъ, о чемъ только можетъ мечтать праздная женщина, для которой малѣйшее занятіе было-бы наказаніемъ. Только вечеромъ она одѣвается

необыкновенно роскошно и, сѣвъ въ кресло, заставляеть подкатить его къ окну, черезъ которое начинаетъ наблюдать проходящихъ, останавливаетъ кавалеровъ и болтаетъ съ ними... Вы никогда не встрѣтите гаванку на улицѣ иначе, какъ въ экипажѣ. Буквально, ни одна уважающая себя женщина не ходитъ здѣсь пѣшкомъ... Сѣвъ въ экипажъ, гаванка уже не выходитъ изъ него, пока не вернется домой. Если она останавливается передъ магазиномъ модъ и новостей (это цѣль всѣхъ ея выѣздовъ), то она заставляеть принести къ ней матеріи и наряды, которые хочетъ выбрать. Если вечеромъ она отправляется въ кафе, чтобы съѣсть мороженаго, то требуетъ его въ свой экипажъ. Вернувшись домой, она первымъ дѣломъ сбрасываетъ съ себя обувь и затѣмъ ложится въ свою качалку».

Въ подобномъ-же тунеедномъ бездѣльничаньи прозябають всѣ женщины Южной Америки. «Невозможно вообразить что-нибудь болѣе скучное и монотонное, чѣмъ жизнь бразильской синьоры въ небольшихъ городахъ. Въ сѣверныхъ провинціяхъ особенно господствуютъ до сихъ поръ старо-португальскія понятія о женщинѣ, и домашняя жизнь ея такъ-же безцвѣтна, какъ и жизнь монахини въ монастырѣ; ея не оживляетъ даже элементъ религіознаго энтузіазма. Многія бразильянки проводятъ день за день, не переступая за порогъ своего дома, едва даже показываясь въ дверяхъ или въ окнѣ, потому что онѣ всегда въ лѣнивомъ дезабилье, если только не ждутъ гостей. Неприятно смотрѣть на такое мертвенное существованіе. Безъ всякихъ столкновеній съ виѣшнимъ міромъ, безъ прелестей домашней жизни, безъ книгъ и безъ всякаго образованія, бразильская синьора самодовольно погружается въ пустую, пошлую, безцѣльную жизнь... Она, не возбуждая скандала, не можетъ выходить изъ дома иначе, какъ при соблюденіи извѣстныхъ условій. Міръ книгъ закрытъ для нея. Она знаетъ немного объ исторіи своего отечества, ничего почти не знаетъ о другихъ странахъ и едва-ли подозрѣваетъ о существованіи другихъ религій, кромѣ господствующей въ Бразиліи; она, вѣроятно, никогда не слыхала о реформаціи; вообще она отличается глубочайшимъ невѣжествомъ во всемъ, что не относится къ ея домашней жизни (Agassiz). Если у бразильца и есть книги, то онъ держитъ ихъ для одного себя. М-съ Агассизъ только однажды видѣла книгу въ рукахъ дамы, да и то былъ пустой романъ, который мужъ этой дамы не замедлил отобрать, замѣтивъ, что дамамъ не слѣдуетъ читать подобныя вещи; замѣнивъ романа онъ далъ ей книгу, по его словамъ, специально «назначенную для синьоринъ и дѣтей», — то былъ сборникъ моральныхъ сентенцій и афоризмовъ. Совершенно какъ въ Китаѣ!..

Школьное образованіе женщинъ самое жалкое; дѣвочки высшаго и средняго класса учатся почти исключительно по-французски, да музыкѣ. Да и учиться-то имъ полагается только до 13 или 14-лѣтняго возраста, когда ихъ берутъ изъ школы, чтобы при первой-же возможности выдать замужъ.

Понятно, что такая обезсмысленная рабыня не можетъ думать объ улучшеніи своей судьбы. Инстинктивное стремленіе къ свободѣ доводитъ ее только до явной или тайной измѣны обыкновенному съ нею ея повелителю. Въ XVI в. одинъ іезуитъ писалъ португальскому королю, что здѣсь «міряне заражаются примѣромъ духовенства, язычники — примѣромъ христіанъ». Онъ требовалъ, чтобы посылали изъ Европы молодыхъ сиротъ и даже проститутокъ, чтобы онѣ, выходя здѣсь замужъ, улучшили нравственные отношенія. И такіе транспорты дѣйствительно высылались въ Бразилію, но мало помогли дѣлу. Отцы, заботясь о невинности дочерей, и мужья, которые опасаются измѣны своихъ женъ, уѣзжая изъ дому, отдаютъ ихъ подъ караулъ въ монастыри. Вообще во всей Южной и Средней Америкѣ до сихъ поръ сохраняется въ полной силѣ обычай, господствовавшій и въ старинной Европѣ, по которому монастырь служить тюрьмой для женщинъ, осуждаемыхъ иногда даже на пожизненное заключеніе въ немъ абсолютною властью отца или мужа. «Извѣстно, говоритъ Бурмейстеръ, что многіе бразильцы заключаютъ своихъ женъ въ монастыри на нѣсколько лѣтъ, чтобы только удобнѣе жить въ своемъ домѣ съ любовницей. Законъ вполне помогаетъ ихъ желаніямъ; кто хочетъ отдѣлаться отъ своей жены на извѣстное время, тотъ извѣщаетъ объ этомъ полицію, и чиновникъ отводитъ его жену въ монастырь, а мужъ вноситъ за нее кормовыя деньги. Начальство при этомъ вовсе не обращаетъ вниманія ни на какіе протесты жены или ея родственниковъ; приказаніе мужа безпрекословно исполняется и жена немедленно отводится въ монастырь. Между тѣмъ мужъ живетъ съ наложницей, прогоняетъ ее, когда она надобѣтъ, и тогда беретъ къ себѣ свою жену изъ монастыря или-же прискипываетъ новую любовницу». И такая тираннія, такой возмутительный произволъ, всѣ страданія, сопряженныя съ подобнымъ рабствомъ, не возбуждаютъ въ женщинѣ никакого серьезнаго сопротивленія! Законъ, религія, общественное мнѣніе—все стремится къ тому, чтобы держать ее въ самой позорной неволѣ, и она доходитъ, наконецъ, до того, что любить эту неволю, подобно тому, какъ арестантъ, доведенный до идиотства одиночнымъ и продолжительнымъ заключеніемъ, не хочетъ выйти на свободу изъ своей тюремной норы. Чуди былъ свидѣтелемъ слѣ-

дующей сцены. На площади Лимы одинъ солдатъ немилосердно билъ свою жену; стоявшій около нихъ мулатъ вступился за нее, но она бросилась на своего освободителя съ бранью и, царапая ему лицо, кричала: «не зачѣмъ тебѣ мѣшаться въ мои дѣла; я принадлежу своему мужу, и онъ дѣлаетъ со мной, что хочетъ!»

Такова общественная жизнь въ той роскошной странѣ, въ которой, по мнѣнію Литре, со временемъ будутъ благоденствовать 200,000,000 испанскаго племени. Все въ этой жизни грубо, аляповато, дико, все основано на варварскомъ насиліи, но вѣдь то-же самое было и въ средневѣковой Европѣ. И Южная Америка, безъ сомнѣнія, выйдетъ изъ этаго варварскаго періода развитія, приметъ видъ страны цивилизованной, ея разбойники—президенты превратятся въ хитроумныхъ Одиссеевъ, вродѣ Бисмарка и Гамбетты; вмѣсто разбойничьихъ притоновъ появятся биржи и банки, вмѣсто грабежей мирная спекуляція, и тѣ бандиты, которые теперь съ такою отвагою нападаютъ на желѣзнодорожные поѣзды, сдѣлаются настоящими желѣзнодорожными королями, вродѣ Струсберга. Блестящій образецъ этой капиталистической цивилизаціи Южная Америка имѣетъ у себя подъ бокомъ—въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ тоже много достойныхъ «генераловъ», хотя-бы въ родѣ Гранта, тоже идетъ ожесточенная соціальная борьба, но процессъ хищничества въ Сѣверной Америкѣ, какъ и въ Европѣ, прикрытъ красивыми бумажками, оставленъ «научными» теоріями и сложными фокусами, ловко маскирующими его дѣйствительный видъ, который въ Южной Америкѣ, вслѣдствіе ея неразвитости, до сихъ поръ остается совершенно обнаженнымъ, такъ-что по немъ мы можемъ наглядно судить о мучительномъ процессѣ образованія государствъ.

С. Шашковъ.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.

РОМАНЪ.

Уйда.

ГЛАВА I.

Гдѣ-то, между Адриатикой и Тирренскимъ моремъ, между Доломитами и Абруццами, лежитъ село Санта-Розалія-инъ-Сельва. Нѣтъ никакой надобности обозначать его географическаго положенія точнѣе; достаточно сказать, что это—маленькое итальянское селеніе, подобное многимъ другимъ, расположеннымъ подъ чуднымъ голубымъ небомъ родины Феокрита и Тассо. Село это, сверкающее своими бѣлыми домиками, какъ выжженный солнцемъ прибрежный камень, тянется вдоль берега рѣки, зеленой, какъ Эчь. На окраинахъ плоскогорія, покрытаго виноградниками, каштановыми и оливковыми деревьями и засѣянными пшеницею полями, виднѣются цѣпи невысокихъ горъ. Возлѣ рѣки — нѣсколько высокихъ тополей; среди села—церковь съ красной кирпичной колокольней. Вкругомъ на равнинѣ и по склонамъ холмовъ разсѣяны другія селенія, между которыми раскинулась сѣтъ узкихъ дорогъ, на половину скрытыхъ подъ виноградною листвою. Всѣ эти селенія, насчитывающія вмѣстѣ нѣсколько сотъ домовъ, составляютъ одну общину, извѣстную подъ именемъ общины Везаи и Гиральды. Центромъ этой общины, какъ самое большое село, считается Санта-Розалія-инъ-Сельва, прозванное такъ еще въ тѣ дни, когда оно со всѣхъ сторонъ было окружено сплошнымъ лѣсомъ, подобно тому, какъ гнѣздо дрозда окутано вплетенными въ него длинными листьями. Санта-Розалія скромное, тихое, живо-

писное, совершенно деревенское, мѣстечко; на порогахъ его хижинъ сидятъ загорѣлыя отъ солнца женщины и плетутъ солому; маленькія, полунагія дѣти бѣгаютъ возлѣ нихъ, какъ амуры, соскочившіе съ картины Корреджіо; весной, на лугахъ и на поляхъ всюду распускаются пахучіе нарцисы, а осенью, вдоль единственной улицы села, тянутся нагруженные снопами телѣги; на улицѣ нѣтъ и слѣда мостовой, а вся торговля сосредоточивается въ мясной, въ колониальной лавочкѣ и въ какой-то палаткѣ, въ которой старуха торгуетъ пряниками, четками и всякими бездѣлушками.

Вокругъ разстилается зеленая равнина, а лѣтомъ деревья такъ обростають виноградною листвою и серебристою зеленью оливковыхъ деревьевъ, что изъ-подъ нихъ виднѣется лишь колокольня церкви св. Іосифа, на куполѣ которой возвышается статуя этого святого.

Въ былое время, и даже еще очень недавно, жизнь въ Санта-Розаліи спокойно шла своею чередою. Объ революціяхъ здѣсь не было и помину. О политикѣ никто не разсуждалъ. Жители, поминившіе еще время, когда бутылка вина стоила десять сантимовъ, въ недоумѣніи стали почесывать себѣ головы, когда пришлось за бутылку платить сто. Но имъ сказали, что этою цѣною куплена свобода и они примирились съ такимъ объясненіемъ, какъ съ неизбѣжнымъ фактомъ, и съ тѣхъ поръ понятіе о свободѣ отождествлялась для нихъ съ понятіемъ о неурожаѣ на виноградѣ.

Когда церковь была воблѣнена, когда трактиръ былъ превращенъ въ кафе Виктора Эмануила и на мосту появились объявленія о рекрутскомъ наборѣ, когда въ новенькомъ, оштукатуренномъ зданіи, возлѣ мясной лавки, съ вивѣской, на которой красовался бѣлый крестъ на красномъ полѣ, водворилась канцелярія сборщика государственныхъ податей, Санта-Розалія не придавала всему этому большого значенія. Правда, все вздорожало; но одни говорили, что это отъ газа, проведеннаго въ ближайшій городъ; другіе думали, что это отъ желѣзной дороги; по словамъ третьихъ причиною дороговизны былъ самъ король, четвертые, наконецъ, утверждали, что во всемъ виновато жидкое удобреніе. Но въ сущности никто еще особенно не тревожился; всѣ спокойно продолжали ходить въ церковь и жили себѣ, насколько могли, счастливо и мирно, пока не произошли событія, о которыхъ мы намѣрены разсказать.

Община Везан и Гиральды, центръ которой составляетъ Санта-Розалія, подобно всѣмъ итальянскимъ общинамъ, по закону пользуется независимостью, которая на практикѣ выражается законодательною автономіей. Въ силу конституціи предполагается, что, какъ скоро община платитъ свои государственные налоги, правительству нѣтъ до нея никакого дѣла, и она вольна управлять собою, какъ ей угодно. Это скажетъ вамъ всякій. Свобода общины такъ неприкосновенна, что даже префектъ провинціи не имѣетъ права нарушать ее; такъ по крайней мѣрѣ утверждаетъ онъ самъ всякій разъ, когда ему нужно выпутаться изъ какого-нибудь затрудненія.

Каждый житель, платящій не менѣе пяти франковъ подати, имѣетъ право голоса и содѣйствуетъ избранію тридцати гражданъ, которые, въ свою очередь, избираютъ совѣтъ изъ семи человекъ; а этотъ совѣтъ уже избираетъ одного сановника, именуемаго синдикомъ. Въ теоріи этотъ процессъ постепенной дистиллировки народной воли представляется превосходнымъ. Если у читателя хватитъ терпѣнія дочитать до конца эту повѣсть, онъ увидитъ, къ чему эта система приводитъ на практикѣ.

На практикѣ-же дѣятельность тридцати гражданъ, избранныхъ въ общинѣ Везан и Гиральды, ограничивается избраніемъ семи гражданъ; семь гражданъ ограничиваются избраніемъ одного гражданина, а этотъ послѣдній ограничиваетъ свою дѣятельность избраніемъ секретаря; секретарь-же со своими помощниками, изъ которыхъ одного величаютъ письмоводителемъ, а другого мировымъ судьей, ставятъ своею задачею притѣснять общество всѣми средствами, которыя можетъ измыслить изобрѣтательный оффиціальный умъ. Всѣ эти сановники когда-то были мясниками, булочниками, лавочниками или писцами; хищническіе инстинкты дремали въ нихъ и ждали только благопріятныхъ условій, чтобы развернуться. Что-же мудренаго, если, неожиданно получивъ почти безконтрольную власть, каждый изъ нихъ превратился въ маленькаго Геслера. Власть сладка, и ничтожный писецъ способенъ оцѣнить ея сладость такъ-же хорошо, какъ любой императоръ, и, быть можетъ, даже еще лучше.

Тираннія принадлежитъ къ числу удовольствій, которымъ очень легко предаваться въ этой странѣ. Итальянскіе законы основаны на благодѣтельномъ наполеоновскомъ кодексѣ, а наполеоновскій

кодексъ представляетъ собою, быть можетъ, самое остроумное орудіе пытки, какое когда-либо изобрѣталъ человѣческій умъ. И свирѣпствуютъ эти пытки въ особенности въ деревняхъ, гдѣ народъ робокъ и беззащитенъ, гдѣ одинъ видъ печатной бумаги или сабли карабинера приводитъ жителей въ трепетъ, гдѣ жители имѣютъ лишь самое смутное понятіе о своихъ правахъ. Впрочемъ, право вообще, при настоящихъ условіяхъ, дорогая роскошь; за соблюденіемъ и охраной своихъ правъ мужику не меньше хлопотъ, чѣмъ за лошадью. А когда народъ отъ времени до времени вспомнить о своихъ правахъ и зажжетъ ими бочку съ петролемъ, его винятъ и порицаютъ. Конечно, это безумно и ужасно, но виновать не народъ, а правители его, которые не допускаютъ до него иного свѣта кромѣ пламени петроля. Если народы пользуются своимъ петролемъ почти исключительно для домашняго обихода, то причиною этому ихъ покорность и терпѣніе, а конечно ужь не исправленное и дополненное изданіе наполеоновскаго кодекса и не мудрость правителей.

Въ Санта-Розаліи, разумѣется, есть такъ-называемая площадь, такъ-какъ жители этого мѣстечка имѣютъ претензію считать его городомъ; но площадь давно заросла травой да и отъ самихъ жителей такъ и несетъ деревню. Особенно многолюднымъ селеніе это не было никогда, но тѣ немногіе обитатели, которые составляли его населеніе въ то время, къ которому относится начало нашей повѣсти, жили между собою въ добромъ согласіи. Санта-Розалія уже нѣсколько десятковъ лѣтъ какъ сдѣлалась центромъ новой общины; но, несмотря на то, что вино вздорожало вдесятеро противъ прежняго, а налоги стали въ пятьдесятъ разъ тяжеле, жители ея не очень тяготились этими нововведеніями, потому-что синдикъ общины, маркизъ Пальмарола, — какъ иногда бываетъ, въ видѣ исключенія, — былъ прекрасный, справедливый человѣкъ, сохранившій еще настолько наивности, что даже признавалъ существованіе нравственной отвѣтственности. Но, къ несчастію для обитателей Санта-Розаліи, старый синдикъ умеръ въ одинъ жаркій лѣтній день отъ перемежающейся лихорадки, и на его мѣсто было избрано лицо совершенно иной пробы, — кавалеръ Ансельмо Дурелаццо.

Кавалеръ Дурелаццо былъ прежде крупнымъ фабрикантомъ восковыхъ свѣчей въ какомъ-то городѣ, и хотя церковь въ значи-

тельной степени содѣйствовала ему въ приобрѣтеніи богатства, онъ, говорятъ, не прочь былъ посмѣяться надъ ней. Благодаря своимъ милліонамъ, онъ приобрѣлъ обширные участки земли въ общинѣ Везан и Гиральды, и джиунта (совѣтъ) порѣшила, что нѣтъ человѣка, болѣе достойнаго быть синдикомъ, да и онъ самъ былъ того-же мнѣнія. Это былъ жирный, лѣнивый и сонливый господинъ, ознаменовавшій свое вступленіе въ должность тѣмъ, что немедленно подписалъ нѣсколько сотъ бланковъ, чтобы на нѣкоторое время избавить себя отъ всякихъ хлопотъ. Онъ не заботился рѣшительно ни о чемъ и больше всего на свѣтѣ любилъ играть въ домино и смотрѣть, какъ низко кланяются ему его односельцы; такъ-какъ во всю свою жизнь онъ самъ гнулъ спину, то теперешнее положеніе его доставляло ему совершенно новыя ощущенія.

Въ общинѣ, конечно, не замедлили обнаружиться всевозможные беспорядки; поднялись жалобы; населеніе заявило свое неудовольствіе тридцати избраннымъ, тридцать избранныхъ сообщили ихъ семерымъ, а семеро одному, и кавалеръ Дурелацио порѣшилъ найти средство, окончательно способное избавить его отъ всякихъ тревогъ. Онъ обратился къ нѣкому Гаспардо Неллемане, служившему въ то время при муниципалитетѣ ближайшаго города, и вскорѣ въ Санта-Розалии появилась высокая, представительная фигура, одѣтая въ платье городского покроя, и была представлена населенію общины, какъ новый секретарь.

Мессеръ Гаспардо Неллемане былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-семи; онъ былъ хорошо сложенъ и въ смугломъ, довольно красивомъ, лицѣ его ясно сказывалось еврейское происхожденіе. Въ Санта-Розалии онъ былъ несомнѣнно важною персоною; одѣвался онъ по городской модѣ, на рукахъ его, правда, не всегда чисто вымытыхъ, красовалось множество перстней; наконецъ, своеобразныя манеры, съ которыми онъ курилъ сигару, надѣвалъ шляпу или отталкивалъ попавшуюся подъ ноги собаку, дѣлали его какъ двѣ капли воды похожимъ на чистокровнаго джентльмена.

Раннее свое дѣтство Неллемане провелъ въ небольшой лавчкѣ съ жестянымъ товаромъ, пока, наконецъ, отецъ его, видя, что мальчикъ подаетъ надежды, не рѣшился послать его въ школу. Выйдя изъ школы, онъ поступилъ писцомъ въ контору нотариуса, позднѣе перешелъ на государственную службу и, наконецъ, очу-

тился въ Санта-Розалии въ роли великаго человѣка, съ годовымъ жалованьемъ въ тысячу франковъ, съ квартирою и содержаніемъ, не говоря о всѣхъ тѣхъ безгрѣшныхъ доходахъ, которые въ такихъ случаяхъ перепадаютъ при правильномъ ходѣ добросовѣстной администраціи.

Правда, несмотря на всѣ безгрѣшныя доходы, мессеръ Неллемане жилъ пока еще очень скромно, въ двухъ маленькихъ комнатахъ, пилъ дешевое вино и курилъ сигары не дороже двухъ сантимовъ, но въ глубинѣ честолюбивой души своей онъ не отчаявался выкарабкаться со временемъ въ депутаты, а потомъ, быть можетъ, попасть даже въ министры. Да и дѣйствительно, отчего бы со временемъ ему и не сдѣлаться министромъ: совѣсть у него была не разборчивая, а сердце жесткое, какъ мельничный жерновъ. Въ ожиданіи министерскаго портфеля онъ, во всякомъ случаѣ, прекрасно умѣлъ управлять джіунтою общины, которая на все смотрѣла его глазами и въ концѣ-концовъ предоставила все управленіе его благоусмотрѣнію, продолжая только для проформы собираться на еженедѣльные засѣданія.

Съ помощниками своими, письмоводителемъ и мировымъ судьей, Неллемане жилъ согласно и никогда не ссорился. Они втроемъ мирно стригли общественную овцу; одинъ держалъ ее, другой стригъ, а третій подбиралъ шерсть. Впрочемъ, оба помощника мессера Неллемане значительно уступали ему въ способностяхъ и не представляли собою опасныхъ соперниковъ. Письмоводитель когда-то былъ священникомъ, потомъ поваромъ, трактирщикомъ и, наконецъ, сприваромъ; онъ былъ очень толстъ, придерживался стакана и всегда находился въ какомъ-то полуснѣ. Мировой судья, бывшій аптекарскій ученикъ, напротивъ, былъ небольшой, тщедушный и очень робкій человѣчекъ и имѣлъ только одно пристрастіе—артишоки, жаренные въ оливковомъ маслѣ.

Совершенно другого рода человѣкъ былъ мессеръ Неллемане, называвшій своихъ товарищей не иначе, какъ дорогой Тонино и любезный Мазо. Самъ кавалеръ Дурелацио ни въ чемъ не рѣшался ему противорѣчить и, изрѣдка пріѣзжая въ Санта-Розалию, на все изъявлялъ свое согласіе и неизмѣнно приговаривалъ: *va bene, va benissimo!* Такимъ образомъ Неллемане самодержавно царилъ въ общинѣ, какъ и теперь еще царятъ подобныя ему господа во многихъ селеніяхъ благословенной Италіи.

Уже три съ половиною года управлялъ Гаспардо Неллемане въ Санта-Розалин, когда произошли событія, служащія предметомъ нашей повѣсти и которыя тяжело отразились на участи нѣкоторыхъ изъ бѣдныхъ жителей селенія, принадлежащихъ къ числу тѣхъ людей, судьбою которыхъ свѣтъ интересуется лишь тогда, когда Жоржъ Зандъ или Джорджъ Эліотъ заговариваютъ о нихъ въ своихъ произведеніяхъ; въ литературѣ эти люди считаются ничтожными и недостойными вниманія.

Въ тотъ день, которымъ начинается наша повѣсть, въ ясный весенній день, мессеръ Неллемане, пообедавъ въ три часа, въ прекрасномъ расположеніи духа прогуливался вдоль лѣваго берега рѣки Розы, на которомъ не было строеній. Въ этотъ день онъ осматривалъ состояніе дорогъ вмѣстѣ съ инженеромъ общины, старымъ своимъ знакомымъ, который, благодаря его влиянію, былъ утвержденъ въ этой должности. Дороги были, правда, въ самомъ ужасномъ состояніи; жители, платившіе для поддержанія ихъ тяжелые налоги, ломали свои телѣги, но, несмотря на постоянныя жалобы, синдикъ, выслушавъ докладъ своего секретаря, соглашался съ нимъ, что дороги лучше быть не могутъ, произносилъ свое неизмѣнное „*va bene, va benissimo!*“ и дѣло оставалось по старому. Джиунта тоже не смѣла противорѣчить, а мессеру Неллемане тѣмъ болѣе не было никакой выгоды ссориться съ инженеромъ и подрядчикомъ. Послѣ сегодняшняго осмотра инженеръ угостилъ его на славу, вино было превосходно, и Неллемане, какъ мы уже сказали, былъ въ самомъ прекрасномъ настроеніи духа.

Съ кавуровскою сигарою во рту онъ медленно подвигался вдоль берега; солнце склонялось къ западу, ломбардскіе тополи, окаймляющіе рѣку, тихо шелестѣли своими верхушками подъ легкимъ вѣтеркомъ; всюду кругомъ было душно и пыльно, но здѣсь, возлѣ рѣки, царилъ тѣнь, прохлада и свѣжесть.

Внезапно взоръ мессера Неллемане вспыхнулъ при видѣ нарушенія закона. Онъ увидѣлъ старика, который, стоя близъ берега неглубокой рѣки, рѣзалъ камышъ; возлѣ него дѣвушка стирала бѣлье, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ молодой парень собиралъ камешки.

Старикъ Филиппо Мазетти, или Пиппо, какъ его обыкновенно называли, занимался плетеніемъ корзинъ и футляровъ для бутлокъ и починкою камышевыхъ стульевъ. Сообразно понятію, ко-

торое большинство людей имѣть о бѣдности, онъ, конечно, былъ очень бѣденъ, но это не мѣшало ему быть счастливымъ, какъ кузнечикъ въ полѣ. У него былъ маленькій домикъ, расположенный на берегу, надъ самой рѣкой, и домикъ этотъ принадлежалъ ему, принадлежалъ взаправду, какъ говорятъ дѣти; небольшой заработокъ его позволялъ ему, однако, каждое воскресенье имѣть за столомъ фунтъ или два мяса, а камышу и ивовыхъ вѣтвей всегда можно было набрать вдоволь.

Стоявшая возлѣ него дѣвушка была дочь его покойнаго сына; онъ гордился внучкой и хранилъ ее, какъ зеницу ока. Ее звали Виолой. Лицо у нея было благородное и выразительное, и когда она вмѣстѣ съ дѣдомъ отправлялась рѣзать камышъ или ивовыя вѣтви и несла пучекъ зеленого камыша или связку красноватыхъ кленовыхъ вѣтокъ, въ ней было столько граціи и бессознательнаго величія, какъ-будто она была дочерью Цезаря.

Она совсѣмъ не умѣла читать, ходила босикомъ и неустанно работала съ восхода до заката солнца; несмотря на это, вся ея фигура дышала какою-то юоновскою красотою и спокойнымъ величіемъ, свойственнымъ античнымъ статуямъ. Дѣдъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, и она почти никогда не выходила изъ дома безъ него. Маленькій, морщинистый, загорѣлый старичокъ возлѣ этой цвѣтущей дѣвушки былъ точно усохшій древесный сукъ возлѣ блага подсаживника. Они оба были чрезвычайно привязаны другъ къ другу и жизнь ихъ протекала мирно и беззаботно вплоть до того весенняго дня, когда Гаспардо Неллемане, прогуливаясь вдоль рѣки, случайно обратилъ на нихъ свое вниманіе.

Мессеръ Неллемане, какъ мы уже сказали, остановился и созерцалъ совершившееся передъ его глазами нарушеніе закона—зрѣлище, которое было для него одновременно источникомъ блаженства и гнѣва. Онъ успѣлъ уже создать цѣлый сводъ маленькихъ закончиковъ, совершенно новыхъ и притомъ лично имъ изобрѣтенныхъ. По его мнѣнію, задача администраціи состояла въ преслѣдованіи гражданъ; кто-же сталъ-бы уважать ее, если-бы она безпрестанно не напоминала о себѣ? По этому онъ въ концѣ-концовъ превратилъ въ преступленіе всякое дѣйствіе, которое какимъ-нибудь образомъ могло быть подведено подъ наказаніе.

Каждая община Италіи имѣетъ права выработать себѣ соб-

ственные добавочные законы. Мессеръ Гаспардо сочинилъ ихъ около трехсотъ девяноста; джиунта, по обыкновенію сонная и индифферентная, изъявила на нихъ согласіе; почтенный синдикъ, взглянувъ на ихъ перечень, промолвилъ: *va bene, va benissimo!* и такимъ образомъ всѣ выработанныя секретаремъ правила были приняты и приобрѣли для жителей селенія силу закона. Въ самое послѣднее время онъ присоединилъ къ числу этихъ правилъ еще одинъ новый законъ, гласившій, что никто безъ предварительнаго разрѣшенія общины и безъ платы не имѣетъ права рѣзать на берегу рѣки Розы камышъ или ивнякъ. Государство — это я, а слѣдовательно, и карманъ его мой; это правило никогда не выходило изъ головы Гаспардо Неллемане.

Онъ спустился къ самому краю рѣки и, принимая во вниманіе красоту дѣвушки, мягкимъ тономъ сказалъ, обращаясь къ Пиппо: — Другъ мой, то, что вы здѣсь дѣлаете, совершенно противозаконно, если только вы не заплатили за право. Можете вы показать мнѣ разрѣшеніе?

Старый Пиппо, который былъ нѣсколько глухъ и притомъ вообще не разговорчивъ, проворчалъ что-то и продолжалъ свое занятіе. Мессеръ Неллемане нѣсколько возвысилъ голосъ.

— Другъ мой, слышите? то, что вы дѣлаете, положительно запрещено правилами муниципальной полиціи. На первый разъ за это полагается штрафъ, а если проступокъ повторится, очень тяжелое наказаніе...

— Предки мои слишкомъ четыреста лѣтъ рѣзали камышъ въ Розѣ, сказалъ Пиппо, поднявъ, наконецъ, голову и сунувъ трубку за помочи.

— Противозаконные прецеденты не могутъ оправдать нарушенія законовъ общины, возразилъ Неллемане, любившій длинные слова, такъ-какъ этимъ онъ доказывалъ, что получилъ хорошее воспитаніе и говорить не такъ, какъ простонародье.

— Что? переспросилъ Пиппо, пораженный и смущенный длинными и мудреными словами, и на мгновеніе даже усомнившійся, ужъ не совершилъ-ли онъ убійства или не согрѣшилъ-ли, самъ того не подозрѣвая, противъ Святого Духа. — Извините, синьоръ, продолжалъ онъ въ смущеніи; — вѣдь камышъ рѣжетъ всякій; и отецъ мой рѣзалъ, и дѣдъ... да и какъ-же мнѣ плестъ корзины безъ камышу?

— Подайте прошеніе о разрѣшеніи и если оно вамъ будетъ выдано, заплатите за него деньги, рѣзко сказалъ мессеръ Неллемане.—Если-же вы теперь будете продолжать рѣзать ихъ, то васъ призовутъ къ отвѣтственности и подвергнуть штрафу.

Озадаченный Пиппо въ недоумѣніи почесывалъ себѣ голову. Молодой Кармело Пасторини, старшій сынъ мельника, стоя по колѣни въ водѣ и держа въ рукахъ камень, взглянулъ на Віолу и увидѣлъ, какъ она, вся дрожа, съ тревожнымъ выраженіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ глядѣла на великаго мужа.

— Это старинное право, сказалъ Кармело, смѣло и громко обращаясь къ секретарю общины.—Это право принадлежитъ народу точно также, какъ и право собирать гальки; рѣка принадлежитъ всѣмъ.

— У народа нѣтъ правъ, когда законъ противится имъ и уничтожаетъ ихъ, съ достоинствомъ возразилъ мессеръ Неллемане и уже собирался разразиться болѣе суровыми выраженіями, но, взглянувъ на обращенное къ нему прекрасное лицо Віолы, невольно смягчился и понизилъ голосъ.

— Вы получили предостереженіе, Мазетти, и получили его отъ меня самого, сказалъ онъ снисходительнымъ тономъ.—Въ виду того, что вы не знаете законовъ, я на этотъ разъ прощаю васъ, но берегитесь нарушенія закона впредь и помните шестой параграфъ четырнадцатаго правила коммунальнаго кодекса Везаи и Гиральды. Покойной ночи, пріятнаго сна!

Съ этими словами, исполненными благоволенія, онъ удалился, продолжая свой путь вдоль берега рѣки.

— Какъ вы думаете, нести мяѣ его домой? въ сомнѣніи и въ страхѣ спросилъ старикъ Пиппо, съ сожалѣніемъ глядя на срѣзанный камышъ.

— По моему не стоитъ обращать вниманія на него и на его законы, съ презрительнымъ смѣхомъ воскликнулъ молодой Кармело. Онъ здѣсь безъ году недѣлю, а рѣка была тутъ всегда, раньше насъ всѣхъ, и всегда считалась нашею.

— Все это справедливо, робко замѣтила Віола; — но вѣдь этотъ господинъ дѣлаетъ все, что захочетъ, въ его распоряженіи трое полицейскихъ, и нѣсколькихъ штрафовъ достаточно, чтобы раззорить насъ; вспомни бѣднаго Нанни.

Нанни, о которомъ вспомнила Віола, былъ старый сапожникъ. Изъ году въ годъ онъ, бывало, сидѣлъ на площади села, на открытомъ воздухѣ и чинилъ обувь своихъ односельцевъ. Когда, по новымъ правиламъ, работа на общественной площади оказалась тяжкимъ преступленіемъ, Нанни не могъ взять этого въ толкъ и, несмотря на сыпавшіеся на него штрафы, продолжалъ каждый день приходиться на обычное мѣсто. Накопившіеся на немъ штрафы возросли, наконецъ, до чудовищной суммы и такъ-какъ платить ихъ онъ не былъ въ состояніи, то, по распоряженію мессера Неллемане, весь жалкій домашній скарбъ сапожника былъ описанъ и проданъ. Несчастный старикъ не вынесъ этого удара; въ одинъ прекрасный вечеръ онъ заперся въ своей хижинѣ, развелъ жаровню съ угольями и отравился угаромъ.

— Да, я помню Нанни, сказалъ молодой человекъ и лицо его приняло мрачное выраженіе, — его убили эти нововспеченные законы. Что-же касается этого господина, какъ ты его называешь, то тотъ, кто рѣшился-бы пришить его, сдѣлалъ-бы доброе дѣло.

— Тихе, ради Бога! воскликнула Віола, съ испугомъ взглянувъ на фигуру Неллемана, удалявшагося по противоположному берегу.

— Что-же, взять мнѣ ихъ или оставить здѣсь? все еще недоумѣвая промолвилъ Пиппо, съ сожалѣніемъ глядя на свои зеленныя связки.

Сынъ мельника бросилъ свой булыжникъ въ воду, двумя скачками достигъ связокъ, взвалилъ ихъ къ себѣ на плечи и направился съ ними къ домику Пиппо, стоявшему неподалеку близъ рѣки. Мессеръ Неллемане, оглянувшись въ эту минуту, увидѣлъ этотъ поступокъ, отиѣтилъ его въ своей записной книжкѣ и продолжалъ путь.

Со страхомъ и мрачными предчувствіями смотрѣла ему въ слѣдъ Віола. Пиппо невольно тоже чего-то боялся, хотя и самъ не зналъ чего. Одинъ Кармело былъ по прежнему веселъ и беззаботенъ. О чемъ ему было печалиться? При наборѣ ему выпалъ счастливый жребій, пришлось отслужить всего сорокъ дней, и теперь онъ могъ спокойно жить у отца на маленькой мельницѣ, надъ рѣкою. Онъ ничего не боялся.

Тѣмъ временемъ мессеръ Гаспардо, вернувшись въ свою квар-

тиру, помѣщавшуюся въ зданіи муниципалитета, послалъ за сельскимъ сторожемъ Биндо.

Еще не такъ давно Биндо пользовался репутаціей отъявленнаго негодяя и не разъ даже попадался въ воровствѣ, но Неллемане открылъ въ немъ необыкновенныя административныя способности, и бродяга Биндо, съ согласія джиунты и синдика, превратился въ блюстителя порядка. Сверхъ небольшого жалованья въ пятьсотъ франковъ онъ имѣлъ право на половину всѣхъ штрафовъ, которые ему удавалось выжимать у нарушителей новаго кодекса общины; кромѣ того, доходы его пополнялись взятками и приношеніями со стороны болѣе зажиточныхъ членовъ общины, въ числу которыхъ принадлежалъ мясникъ, аптекарь и другіе. Вслѣдствіе такой сдѣлки съ Биндо эти счастливицы могли дѣлать все, что хотѣли; неумолимый законъ преслѣдовалъ только бѣдняковъ, которые не въ состояніи были купить себѣ расположенія Биндо. Но ненавистиѣ всѣхъ были для Биндо тѣ изъ жителей, которые жили тихо и скромно и не подавали ни малѣйшаго повода къ преслѣдованіямъ и штрафамъ, и къ числу такихъ неблагонамѣренныхъ гражданъ принадлежало семейство мельника Пасторини. Особенный зубъ имѣлъ Биндо противъ старшаго сына мельника, Кармело, помня какую встрепку тотъ задалъ ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ, поймавъ его на воровствѣ пшеницы. Естественно поэтому, что, когда Неллемане спросилъ Биндо для проформы, что за человекъ Кармело и какою онъ пользуется репутаціей, Биндо успѣшилъ заявить, что Кармело человекъ опасный, безпкойный и непочтительный.

— Да, прибавилъ мессеръ Неллемане, мнѣ и самому кажется, что это упрямый, несимпатичный и неблагонадежный молодой человекъ; слѣдите за нимъ внимательно; въ наше время, когда такъ распространены социалистическія ученія, нужно быть очень осторожнымъ.

Отпустивъ своего подчиненнаго и просмотрѣвъ представленный имъ списокъ нарушеній законовъ, совершившихся въ теченіи этого дня, Неллемане усѣлся ужинать, а послѣ ужина отправился въ кафе читать газеты и играть въ домино. Въ теченіи всего этого вечера у него не выходила изъ головы Віола, и онъ безпрестанно поглядывалъ на противоположную сторону площади, гдѣ видѣлся домикъ старика Пиппо. Красота дѣвушки произ-

вела на него сильное впечатлѣніе; но Гаспардо принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ, у которыхъ всѣ страсти подчиняются одной, преобладающей надъ всѣми—честолюбію; никакая страсть не заставила-бы его компрометировать свою карьеру. Когда, наконецъ, въ маленькомъ домикѣ закрыли ставни и потушили свѣчу, мессеръ Неллемане съ самой великосвѣтской манерой бросилъ докуренную сигару, оттолкнулъ желѣзный стулъ и направился домой.

— Можно-бы выдать ее замужъ за Биндо, мечталъ благоразумный секретарь, возвращаясь домой подъ луннымъ свѣтомъ, сверкавшимъ на волнахъ рѣки.

ГЛАВА II.

На слѣдующій день не было никакой возможности повидаться съ Віолой; деревенская молодежь справляла праздниекъ встрѣчи мая; разряженные парни до поздней ночи распѣвали на улицѣ пѣсни; молодой Кармело носилъ по деревнѣ украшенное цвѣтами и лимонами дерево, а братъ его, Цезареллино, держалъ корзину съ букетами, которые парни бросали въ окна дѣвушкамъ, получая взаменъ вино и сласти. Съ досадою глядѣлъ Гаспардо Неллемане на эти „языческіе обычай“ и мысленно давалъ себѣ клятву на слѣдующій годъ запретить этотъ праздниекъ закономъ. На другой день было засѣданіе совѣта и мессеру Неллемане опять не удалось улучшить времени для свиданія съ Віолой. Но на слѣдующее утро онъ былъ свободенъ, не пошелъ даже въ канцелярію, принарядился, выбрился, напомадился, завился и направился къ дому Пиппо, изъ котораго, какъ онъ видѣлъ, старикъ Пиппо только-что вышелъ, чтобы отнести къ священнику плетеный стулъ.

— Извините синьорина, вѣжливо обратился онъ къ Віолѣ, входя въ растворенную дверь.

Віола, перемывавшая овощи, покраснѣла, увидавъ внезапно передъ собою Гаспардо Неллемане, разодѣтаго какъ маркизъ, завитаго, надушеннаго и не забывшаго даже надѣть перчатки.

— Тысячу разъ прошу извиненія, синьорина, еще разъ повторилъ онъ и разсыпался въ самыхъ утонченныхъ привѣтствіяхъ. Віола оставила свои овощи, подвинула къ нему стулъ и остановилась передъ нимъ, робкая и испуганная.

— Я зашелъ, чтобы повидать вашего дѣдушку, продолжалъ Неллемане, отказавшись въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ отъ стула. — Я хотѣлъ объяснить ему, что рѣзать ивняка на рѣбѣ...

Виола поблѣднѣла; большіе сѣрые глаза ея широко раскрылись, какъ у испуганной серны. Изъ груди ея невольно вырвалось тревожное восклицаніе.

Посѣтителю успѣшилъ ее успокоить и прибавилъ, что въ виду давности правъ стараго Пиппо, онъ самъ постарается выхлопотать ему безвозмездное разрѣшеніе, если Пиппо дастъ себѣ трудъ зайти какъ-нибудь къ нему въ муниципалитетъ.

Виола молча поблагодарила его взглядомъ. Страстные, пламенные взгляды, которые бросалъ на нее мессеръ Неллемане, такъ смущали дѣвushку, что она робкая, безсловесная стояла передъ нимъ и только смутно желала, чтобы дѣдъ ея поскорѣ вернулся.

А между тѣмъ Неллемане, прислонившись къ спинкѣ стула, продолжалъ оснпать ее комплиментами, которыя еще болѣе увеличивали ея смущеніе, такъ-какъ ей никогда еще не приходилось слышать такихъ рѣчей. Кармело никогда не говорилъ ей такихъ словъ. Щеки ея пылали, голова кружилась, а мессеръ Неллемане пожималъ ея руку, и, наклонившись надъ нею такъ, что усы его касались ея обнаженной руки, въ полголоса говорилъ ей:

— Не бойтесь за своего дѣдушку, моя милая. При помощи своего прелестнаго личика вы можете избавить его отъ наказанія за болѣе важныя преступленія, чѣмъ похищеніе ивняка и камыша.

Въ это мгновеніе въ комнату вбѣжала собака, гнавшаяся за свиньей; свинья испугала курицу, курица кинулась въ ящикъ съ мукою, и краснорѣчье, и ухаживанье Неллемане кончились самымъ недостойнымъ образомъ, такъ-какъ Виола, обрадовавшись случаю, бросилась къ перепуганной свиньѣ и погнала ее въ хлѣвъ, номѣщавшійся во внутренней комнатѣ. Мессеръ Неллемане, нахмурившись, смотрѣлъ на эту сцену. Свинья въ обитаемомъ жилищѣ! Это было нарушеніемъ третьяго параграфа пятидесятаго правила коммунальнаго кодекса!

Возмущенный до глубины души онъ поклонился Виолѣ и вышелъ, бормоча про себя, что, если-бы не она, онъ строго наказалъ-бы Пиппо за такія возмутительныя нарушенія закона.

— Чего ему было нужно? воскликнул подозрительный Пиппо, вернувшись домой и узнавъ от Виолы о посѣщеніи секретаря.

Виола отвернулась, почувствовавъ, что щеки ея зардѣлись. Какъ-бы ни была невинна дѣвушка, она чувствуетъ приближеніе грубой страсти и невольно, хотя и бессознательно, трепещетъ отъ ея прикосновенія.

— Разрѣшеніе рѣзать камышъ? Онъ хочетъ дать мнѣ разрѣшеніе? возмущался старикъ. — Господи! да они скоро скажутъ, что травѣ нужно разрѣшеніе, чтобы расти, а человѣку, чтобы дышать, глядѣть, говорить, кашлять или смѣяться! Господи! словно весь свѣтъ рехнулся.

Виола поставила передъ нимъ миску съ супомъ, или, вѣрнѣе, съ горячей водой, въ которую былъ накрошенъ хлѣбъ и немного чеснока и петрушки.

— Мнѣ хотѣлось-бы знать, разрѣшатъ-ли они намъ ѣсть супъ? продолжалъ ворчать старикъ. — Или скоро и за это нужно будетъ платить налогъ? Никогда болѣе не впускай въ домъ этого любопытнаго выскочку, который шляется и шпионитъ всюду. Съ нами крестная сила! Во времена моей молодости его-бы зарѣзали, прежде чѣмъ онъ успѣлъ-бы превратить, какъ теперь, всю деревню въ осинное или змѣиное гнѣздо. Разрѣшеніе рѣзать камышъ! Этакъ скоро нужно будетъ разрѣшеніе носить свои волосы на головѣ!

И онъ жегъ себѣ губы, самъ того не замѣчая, отъ гнѣва и раздраженія.

Виола вышла въ свою маленькую кухню и заплакала подъ вліяніемъ какого-то смутнаго страха. Воспоминаніе о дерзкомъ выраженіи, которое свѣтилось въ черныхъ глазахъ Гаспардо, не выходило у нея изъ головы и пугало ее. Тѣмъ не менѣе она ничего не сказала о своихъ опасеніяхъ ни дѣду, ни Бармело, боясь, какъ-бы это не послужило поводомъ для новыхъ опасностей и новыхъ раздоровъ.

Покончивъ свою трапезу и вздремнувъ немного послѣ обѣда, старикъ взялъ плетень, вышелъ за дверь, усѣлся на порогѣ и разставилъ свои стулья на улицѣ, не обращая вниманія на муниципальные законы и на судьбу нарушителя ихъ — Нанни.

Чудный ясный день склонялся къ вечеру; ласточки возвращались въ свои гнѣзда, тѣни становились длиннѣе, воздухъ былъ насыщенъ запахомъ розмарина и винограднаго цвѣта. Деревенскій

люди окончили дневныя работы и жители стояли на улицѣ, прислонившись къ дверямъ или выглядывали изъ окошъ и вели между собою разговоры; все было мирно, какъ въ идилліи. А между тѣмъ среди солнечнаго сіянія, вдоль деревни, скользила мрачная тѣнь; жители искоса поглядывали на нее; при видѣ ея на губахъ замирали шутки и прекращалось беззаботное веселіе; то была тѣнь *унетателя крестьянъ*; это сельскій стражникъ Биндо прохаживался взадъ и впередъ въ сопровожденіи карабинера и высматривалъ, нѣтъ-ли гдѣ нарушенія закона. И дѣйствительно вскорѣ нашлось нарушеніе.

Въ садикѣ, принадлежавшемъ къ дому Пиппо, изъ земли сочился маленькій родничекъ; образуемый имъ узенькій ручеекъ протекалъ подъ самой хижиной и затѣмъ, пересѣвая дорогу, серебрястой нитью тянулся къ рѣкѣ. Пиппо помнилъ, какъ еще продѣлъ его мочилъ въ этомъ ручейкѣ ивовыя вѣтви и камышъ; а прадѣдъ его былъ уже старикомъ, когда кавалеристы Мюрата, остановившись въ Санта-Розалии, превратили церковь св. Іосифа въ конюшню для своихъ лошадей.

Остановивъ свой взглядъ на этомъ ручейкѣ, Биндо сталъ справляться, нѣтъ-ли въ муниципальныхъ правилахъ, которыя онъ постоянно носилъ при себѣ, закона, предусматривающаго такой случай. Наткнувшись на параграфъ, которымъ запрещалось выливать или отводить воду на пути общественныхъ сообщеній, онъ порѣшилъ, что параграфъ этотъ годится.

— Останови эту воду, сказалъ ревностный Биндо, подходя къ Пиппо, который, сидя на порогѣ, занимался плетеньемъ.

— Что? спросилъ старикъ съ удивленіемъ.

— Необходимо остановить этотъ ручей; вода не должна течь по большой дорогѣ, сказалъ Биндо тономъ строгаго авторитета. Но Пиппо продолжалъ смотрѣть на него съ еще большимъ недоумѣніемъ.

— Самъ Богъ ее провелъ сюда; не думаешь-ли ты, что Онъ остановить ее по твоему приказанію, мой молодчикъ, сказалъ старикъ.

— Ты долженъ или прикрыть, или отвести ее, возразилъ Биндо, входя къ официальной ярости;—въ противномъ случаѣ я представлю объ этомъ донесеніе.

— Малый, терпѣливо замѣтилъ Пиппо,—вода эта течетъ здѣсь

споконъ вѣка; дѣдъ мой не трогалъ этого ручья и благодарилъ за него Бога. Конечно такъ-же, какъ и я. Ступай своей дорогой Биндо Терри и не учи человѣка, которому шестьдесятъ-шесть лѣтъ отъ роду.

Назвать стражника „малымъ“! Биндо позеленѣлъ отъ злости при этомъ оскорбленіи и, если-бы смѣлъ, то заткнулъ-бы старику глотку однимъ изъ тѣхъ отравленныхъ шаровъ, которые онъ приготовлялъ для собакъ и постоянно носилъ въ карманѣ. Пробормотавъ себѣ что-то подъ носъ, онъ отошелъ и продолжалъ свой путь вдоль улицы.

— Пресвятая Богорица и всѣ силы небесныя! воскликнулъ Пиппо, обращаясь къ своему сосѣду:—слышишь? этотъ молодой франтъ говоритъ, что теперь ужъ и водѣ нельзя течь такъ, какъ Господь ее направилъ!

— А у тебя нѣтъ никакого доказательства, что ручей можетъ протекать здѣсь? спросилъ сосѣдъ. Это былъ бочаръ, Чекко, робкій, тшедушный человѣкъ; недавно онъ самъ долженъ былъ заплатить штрафъ за то, что собака его безъ привязи сидѣла за дверью, хотя и вся собака-то была такъ мала, что ее едва-ли можно было замѣтить безъ увеличительнаго стекла.

— Господь съ тобой, Чекко, воселикнулъ Пиппо, выходя изъ себя.—Ручей этотъ течетъ здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, триста лѣтъ. Неужели-же ты думаешь, что и Всевышній испрашивалъ разрѣшенія у Биндо Терри, когда создавалъ землю? Будь онъ проклятъ, этотъ Биндо!

Съ этими словами онъ собралъ свои прутья, вошелъ въ домъ и сталъ звать Віолу.—Дитя мое, ты слышала, они хотятъ, чтобы я остановилъ ручей!—это почище запрещенія рѣзать камышъ. Віола поблѣднѣла.

— Биндо, вѣроятно, пошутить, дѣдушка.

— Богъ знаетъ! со вздохомъ промолвилъ Пиппо.—Видно, все на свѣтѣ пошло вверхъ дномъ, видно, всѣ поддонки всплывли кверху если Биндо Терри можетъ безнаказанно притѣснять и преслѣдовать человѣка моихъ лѣтъ.

— Ты-бы поговорилъ съ нимъ ласково, сказала встревоженная дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! воскликнулъ старикъ.—Я проломлю ему голову. Остановить этотъ ручеекъ? Такъ остановите-же сол-

нечный свѣтъ, остановите вѣтеръ, остановите мѣсяцъ на небѣ! Право, они выжили изъ ума.

— Нѣтъ, не выжили они изъ ума, съ грустнымъ видомъ сказалъ сосѣдъ, оштрафованный недавно за собаку, вытряхивая золу изъ своей трубки.— Не выжили они изъ ума; больно ужъ они хитры, слишкомъ хитры для насъ; вотъ въ чемъ дѣло. Есть у тебя какая-нибудь бумага, которая могла-бы доказать, что ты владѣешь этимъ ручьемъ?

— Бумага? какая бумага? крикнулъ на него Пиппо, окончательно разсвирѣпѣвъ. Вода текла здѣсь при моемъ отцѣ, при дѣдѣ, при прадѣдѣ; этого съ меня довольно.

— Да, можетъ-быть, они обо всемъ этомъ забудутъ, попыталась было успокоить старика Віола.

— Бумага! не слушая ея, продолжалъ Пиппо.— Развѣ нужна бумага, чтобы церковь оставалась на площади? Развѣ нужна бумага, чтобы звѣзды могли ходить по небу? Бумага!? Ручей течетъ къ моему дому, вытекаетъ изъ-подъ него и волея течъ, куда хочетъ.

Сосѣдъ покачалъ головой.

— Если у тебя нѣтъ бумаги...

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ такъ часто подвергался штрафамъ, всѣ интересы міра сосредоточились для него на бумагѣ. Пиппо, потерявъ всякое терпѣніе, обругалъ его и прибавилъ, что мать его была ослица, а отецъ каторжникъ. Но сосѣдъ благодушно выслушалъ эти оскорбленія и направился къ своему дому, повторяя, что „они не оставятъ его въ покоѣ съ этимъ ручьемъ, если у него нѣтъ бумаги“...

На слѣдующее утро Биндо представилъ секретарю списокъ съ разными нарушеніями закона, между которыми значилось, конечно, и дѣло о ручьѣ. Каково-же было его удивленіе, когда мессеръ Неллемане, согласившись съ тѣмъ, что вода эта, дѣйствительно не должна была протекать по улицѣ, тѣмъ не менѣе велѣлъ ему подождать и дать одуматься старику Пиппо и даже прибавилъ, что администрація вообще должна стараться достигать своихъ цѣлей совѣтами и предостереженіями и дѣйствовать строго только относительно упорныхъ нарушителей закона. На самоѣ дѣлѣ,

мессеръ Неллемане не прочь-бы былъ и сейчасъ воспользоваться дѣломъ о ручейкѣ, хотя ручеекъ этотъ былъ такъ ничтоженъ, что онъ, признаться, до сихъ поръ не обращалъ на него никакого вниманія, но въ интересахъ своихъ плановъ относительно Віолы, онъ рѣшилъ отложить это дѣло до болѣе удобнаго времени. Онъ упорно сталъ продолжать свои ухаживанья, стараясь, однако, дѣлать это такъ, чтобы никто на селѣ не замѣтилъ этого. Къ удивленію своему, онъ убѣдился, что, несмотря на всѣ его старанія, дѣвушка ничѣмъ не выражала ему своего расположенія. Особенно бѣсило его то, что не было почти никакой возможности застать ее одну. Когда старика Пиппо не было дома, онъ заставлялъ у Віолы сосѣдку, жену бочара, съ кучею дѣтей или кого-нибудь другого. Несмотря на всѣ эти неудачи, мессеръ Гаспардо не унывалъ и не отчаявался въ уснѣхѣ. Жениться на ней онъ, конечно, никогда не рассчитывалъ; ему нужна была богатая невѣста, дочь какого-нибудь фабриканта или купца, которая своими деньгами могла-бы помочь ему попасть со временемъ въ депутаты. Нѣтъ, онъ не думалъ жениться на Віолѣ; онъ считалъ болѣе удобнымъ для своихъ интересовъ постараться женить на ней Виндо. Какъ видите, хотя мессеръ Неллемане былъ простой сельскій секретарь, но мысли у него были самыя велико-свѣтскія.

Праздникъ Тѣла Господня въ этомъ году приходился въ концѣ мая, а такъ-какъ Неллемане зналъ, что въ этотъ день всѣ дѣвушки, даже самыя бѣдныя, любили принарядиться лучше, чѣмъ во всякій другой праздникъ, то онъ отправился въ городъ и купилъ ситцу небесноголубого цвѣта, вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и башмаки съ блестящими, словно посеребренными пряжеками, совершенно такіе, какіе носятъ городскія барыни. Вернувшись домой, онъ завернулъ все это въ пакетъ и оставилъ его на столѣ въ домикѣ Пиппо, когда ни старика, ни дѣвушки не было дома. На сверткѣ съ ситцемъ онъ прикрѣпилъ билетикъ съ слѣдующею надписью: *съ выраженіемъ нѣжной преданности первой красавицѣ въ мірѣ отъ глубоко почитающаго ее Г. Н.*

Случилось такъ, что Віола увидѣла пакетъ одна, въ то время, какъ дѣдъ ея, остановившись на улицѣ, курилъ трубку и бесѣдовалъ съ сосѣдомъ. Сначала она покраснѣла, а вслѣдъ затѣмъ,

поблѣднѣла. Разобравъ съ трудомъ слова, написанныя на билетѣ, она поспѣшно поднялась по крутой каменной лѣстницѣ въ свою маленькую каморку и спрятала пакетъ подъ простынею постели. Только мелькомъ успѣла она взглянуть на голубой ситецъ, на бѣлый вѣнокъ и на пряжки и задрожала при видѣ ихъ, какъ-будто увидѣла привидѣніе. Если-бы Кармело увидѣлъ эти вещи, думалось ей,—онъ способенъ былъ-бы бросить ихъ въ лицо подарившему и наговорить ему ужасныхъ вещей въ самомъ зданіи муниципалитета; даже старый дѣдъ...

Сердце такъ и замерло въ ней, когда она вспомнила о запрещеніи рѣзать камышъ и объ ручейкѣ, текущемъ изъ-подъ ихъ порога.

— Могу я сходить сегодня вечеромъ къ тетускѣ Нунціатинѣ? спросила она у Пишо. Эта тетка или, вѣрнѣе, двоюродная бабушка, маленькая старушка съ румяными щеками, жила на другомъ концѣ села. Совершенно не имѣя никакихъ средствъ, она жила подаваніемъ; съ большой корзиной обходила она всѣ дома и получала гдѣ ломоть хлѣба, гдѣ кусокъ мяса, или нѣсколько сантимовъ, а иногда даже бутылку вина. Всѣ знали и любили тетуску Аннунціату.

Пишо утвердительно кивнулъ въ отвѣтъ на вопросъ дѣвухи; взявъ съ собою пакетъ и сказавъ дѣду, что въ немъ завернуто сотконное ею полотно, она вышла изъ дома. Старикъ, не терпѣвшій, чтобы она одна ходила по селу, пошелъ ее провожать, и пока, Віола сидѣла у тетки, поджидалъ ее на улицѣ.

— Пресвятая Богородица! восклицнула старушка, когда Віола рассказала ей въ чемъ дѣло и развернула свертокъ;—да вѣдь это чудесная матерія на платье, продолжала она, съ такимъ благоговѣніемъ прикасаясь къ голубому ситцу, какъ-будто это было святое причастіе.—То-то я давеча смотрѣла на него и думала: ужъ навѣрное не даромъ ходитъ къ вамъ этотъ господинъ!

— Но вѣдь не могу-же я принять этихъ подарковъ, сказала Віола, покраснѣвъ и съ маленькой вопросительной интонаціей въ голосъ.

— Нѣтъ, моя радость, согласилась старушка;—неприлично тебѣ принимать ихъ.—А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ у него на умѣ были честныя намѣренія? прибавила она нерѣшительно.

Віола отрицательно покачала головою и опять покраснѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ дурной человѣкъ, сказала она, съ невольною дрожью.— Да если-бы намѣренія его были и честныя, я никогда не нарушу обѣщанія, которое дала Кармело.

— Стало-быть, парень переговорилъ съ тобою?

— Да, мы обвѣнчаемся, когда дѣдушка и отецъ Кармело скажутъ, что пора.

— Это другое дѣло, сказала старушка.— Ну, такъ чего же ты отъ меня хочешь, милая? Я ужъ вижу, что у тебя что-то на умѣ.

Виола попросила ее отнести подарки назадъ и возвратить ихъ мессеру Неллемане.— Только пожалуйста, тетушка, поговори съ нимъ ласково; ты знаешь, сколько зла онъ можетъ надѣлать дѣдушкѣ.

— Не бойся, не съѣсть, возразила старушка.— А что касается меня, такъ мнѣ и подавно нечего бояться; не даромъ говорится — у кого ничего нѣтъ, тому и терять нечего. Да и на тебя неизъ-за чего ему сердиться? ручаюсь, что онъ не задумываетъ ничего дурного.

— Виола! сойдешь-ли ты, наконецъ, внизъ? Ишь у тебя языкъ-то длинный; я думаю, до города хватить да еще раза два вокругъ собора обовьется! нетерпѣливо закричалъ Пиппо съ улицы. Съ тяжелымъ сердцемъ дѣвушка спустилась съ лѣстницы, думая о томъ, успѣшно-ли тетка исполнить свою комиссію. Не могла она отдѣлаться отъ воспоминанія о дерзкихъ, черныхъ глазахъ мессера Гаспардо.

У дверей они встрѣтили Кармело, возвращавшагося домой съ пустою телѣгою. Старикъ съ внучкою сѣли въ нее и поѣхали вдоль берега рѣки. Глядя въ сіяющіе счастьемъ глаза своего возлюбленнаго, Виола если не вполнѣ, такъ на половину исцѣлилась отъ своихъ опасеній и сторицею была вознаграждена за потерю платья, розоваго вѣнка и башмаковъ съ блестящими пряжками.

На другое утро Нунціатина, взявъ съ собою пакетъ, отправилась къ зданію муниципалитета. Несмотря на всѣ старанія Тонино, Мазо и Виндо задержать ее, она поднялась по лѣстницѣ, которая вела къ комнатѣ мессера Неллемане и ровно въ десять часовъ предстала передъ его священною особою.

Мессеръ Неллемане принялъ ее очень любезно, зная, что она тетка Виолы Мазетти. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, за-

валеннымъ бумагами и томами уголовного кодекса, и это придавало ему такой важный видъ, что его можно было принять за префекта провинціи.

— Я очень рада, что застаю ваше превосходительство одного, сказала старушка, ставя корзинку, въ которой лежали подарки, на письменный столъ.— Вся деревня только и дѣлаетъ, что говорить о томъ, чѣмъ она обязана вашей свѣтлой особѣ (да это и правда, подумала она про себя,—каждая живая душа проклинаетъ и ругаетъ его съ утра до вечера), и никогда не посмѣлаетъ бы я, старая нищая, обезпечить васъ, если-бы мнѣ не нужно было поговорить съ вами о моей двоюродной внучкѣ...

— Говорите, говорите, сказалъ секретарь и съ досадою подумалъ: ужь успѣла похвастаться дѣвка!

— Говорятъ, будто вы заглядываетесь на Віолу; да видно это и въ самомъ дѣлѣ правда, когда вы посылаете ей такіе богатые подарки, начала хитрая Нунціатина и остановилась, выжидая отвѣта.

Мессеръ Гаспардо съ выраженіемъ досады кусалъ свои усы.

— Кто-же не заглядывается на хорошенькихъ дѣвушекъ? сказалъ онъ съ принужденнымъ смѣхомъ.— Вы не должны изъ этого заключать слишкомъ многого...

— О нѣтъ, сударь, нѣтъ, добродушно отвѣтила старушка, но ея маленькіе, впалые, каріе глазки, еще сохранившіе свой блескъ, казалось, проникали до глубины его души и читали въ ней всѣ тайные помыслы.— Я знаю, что господа часто оказываютъ любезности, которыя не имѣютъ никакого, рѣшительно никакого значенія; къ тому-же Віола слишкомъ разсудительная дѣвушка, чтобы приписывать особенное значеніе тому, что вы говорили или дѣлали. Но такъ-какъ она очень благодарна вамъ за вашу любезность и не могла придти сама выразить свою признательность, то попросила меня поговорить съ вами вмѣсто нея; будьте увѣрены, сынъ мой, что она вамъ очень благодарна, хотя и сочла непристойнымъ для себя принять вашъ подарокъ и отсылаетъ назадъ всѣ эти прелестныя вещи.

Съ этими словами Нунціатина вынула изъ корзинки всѣ подарки, которые должны были играть роль фаустовскаго ожерелья, и почтительно положила ихъ на столъ.

Неллемане поблѣднѣлъ отъ досады и на половину привсталъ со стула.

— Что? воскликнулъ онъ, задыхаясь,—да вы съ ума сошли! Какъ вы осмѣливаетесь такъ оскорблять меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, синьоръ, у меня этого и въ мысляхъ не было, воскликнула хитрая старуха;—точно такъ-же, какъ и у васъ не было дурного помысла, когда вы покупали моею внучкѣ эти хорошенькія вещицы для праздника Тѣла Господня; это была любовная предупредительность, какая подобаешь барину...

— Такъ отчего-же... отъ чего... бормоталъ Гаспардо внѣ себя отъ гнѣва и изумленія.

— Отчего, синьоръ?—Старуха выпрямилась во весь ростъ и оперлась обѣими руками на свою влюбку.—Отъ того, что непристойно дѣвушка, а тѣмъ болѣе сиротѣ, принимать подарки отъ людей, которые по своему положенію не могутъ имѣть серьезнаго намѣренія жениться на ней и думаютъ только о легкомысленной забавѣ, которая, конечно, развлекаетъ мужчину, но горько кончается для женщины. Городскія дѣвушки, я знаю, не прочь позабавиться такимъ образомъ, но у васъ дѣвушки не такія. Вотъ все, что я хотѣла сказать вамъ; очень и очень вамъ благодарна, синьоръ Гаспардо; я увѣрена, что у васъ не было никакого дурного намѣренія относительно Віолы. А теперь позвольте избавить васъ отъ моего непріятнаго присутствія и пожелать вамъ всякаго благополучія.

Съ этими словами старушка граціозно поклонилась ему, вышла изъ комнаты и, посмѣиваясь про себя, спустилась съ лѣстницы. Со свойственною итальянцамъ деликатностью она ничего не сказала ему о томъ, что Віола обручена съ Кармело.

— Успѣетъ еще узнать объ этомъ, подумала она;—въ тому-же онъ злой, опасный человѣкъ; самъ дьяволъ сидитъ у него въ глазахъ.

— Я все передала ему вѣжливо, рассказывала она внучкѣ,—и поблагодарила его; надѣюсь, моя милая, что впредь онъ не будетъ приставать къ тебѣ со своими глупостями.

— Къ чему я буду передавать ей о своихъ опасеніяхъ, думала старушка;—лучше-же я поставлю свѣчу передъ иконою Мадонны.

И въ ту-же недѣлю, собравъ нѣсколько грошей, она купила свѣчу и засвѣтила ее передъ образомъ Богородицы, помѣщавшимся

въ дуплѣ стараго дуба близь церкви Св. Ромуальдо, не подалеку отъ ея жилища. Съ незапамятныхъ временъ стоялъ этотъ образъ и много чудотворныхъ исцѣленій и всевозможныхъ благодѣяній приписывали ему вѣрующіе. Тихо мерцала свѣча передъ иконою въ жаркій майскій день; много маленькихъ бѣлыхъ мотыльковъ погубло въ ея пламени къ вечеру; когда-же, наконецъ, на небѣ засвѣтились звѣзды, а въ рошѣ начали пѣть соловьи, она догорѣла и погасла.

Въ то время какъ святая свѣча горѣла подъ вѣтвями священнаго дерева, въ груди Неллемане пылала нечестивая злоба, и эта злоба мучила его тѣмъ болѣе, что онъ не зналъ, какъ отомстить этимъ людямъ, осмѣлившимся издѣваться надъ нимъ. Наконецъ, онъ позвалъ къ себѣ Биндо Терри и равнодушнымъ тономъ спросилъ его:

— Не правда-ли, та старуха, которая приходила ко мнѣ, чтобы подать прошеніе, занимается нищенствомъ, какъ ремесломъ?

Биндо съ беспокойствомъ смотрѣлъ въ лицо своего начальника силясь угадать желаемый отвѣтъ, но ничего не прочиталъ въ его взглядѣ.

— Нунціатина? нерѣшительно сказалъ онъ. — Нѣтъ, синьоръ, едва-ли это можно сказать про нее; всѣ ее знаютъ, и она всегда была такая; она обходитъ дома и окрестныя виллы...

Гнѣвный взглядъ мессера Гаспардо показалъ его вѣрному слугѣ, что онъ далъ маху; поэтому онъ поспѣшилъ поправиться.

— Впрочемъ, конечно, она нищая, прибавилъ онъ; — уже лѣтъ двадцать она нищенствуетъ. Одна барыня разъ выхлопотала для нея мѣсто въ богадѣльнѣ, но капризная, глупая старуха объявила, что не можетъ жить взаперти, что если-ей нельзя будетъ ходить, какъ она привыкла, миль двѣнадцать въ день, то она умретъ. Да, разумѣется, *illustrissimo*, — она нищая.

Мессеръ Неллемане задумался; въ числѣ трехсотъ девяноста-пяти правилъ, касавшихся полиціи, гигиены и администраціи общины, не было ни одного, въ которомъ-бы упоминалось о нищихъ.

ГЛАВА III.

Въ тотъ-же вечеръ мессеръ Неллемане пошелъ вдоль зеленѣющаго берега Розы полюбоваться зрѣлищемъ, напоминавшимъ ему о славномъ дѣлѣ, которое онъ совершилъ годъ тому назадъ. На вершинѣ холма, возвышавшагося близъ берега рѣки, стоялъ старый монастырь, когда-то принадлежавшій оливетинской конгрегации. Это былъ живописный холмъ, покрытый по склонамъ зеленью стараго лѣса; могучіе столѣтніе кипарисы необыкновенной вышины и толщины величественно высились въ немъ между бронзовыми остролистниками, серебристыми тополями, каштанами и акациями, а подъ сѣнью ихъ расцвѣтали милліоны скороспѣлокъ и другихъ маленькихъ лѣсныхъ цвѣточковъ.

Но монастырь былъ конфискованъ, монахи разбрелись въ разныя стороны, а монастырское имущество поступило въ казну, обогативъ предварительно разныхъ подрядчиковъ, инженеровъ и министровъ.

Все это случилось задолго до появленія мессера Неллемане, но при посредствѣ людей настолько на него похожихъ, что они могли-бы считаться его старшими братьями.

Опустѣвшее зданіе мало-по-малу принимало видъ развалины; но чудная роща все еще стояла нетронутая, когда новый секретарь былъ водворенъ въ Санта-Розалии. Человѣкъ съ его провицательностью не могъ, конечно, не замѣтить, сколько поживы крылось въ этой рощѣ. Онъ не замедлилъ представить относительно этого предмета почтительный докладъ своему непосредственному начальнику, кавалеру Дурелаццо; синдикъ сообщилъ о проектѣ джіунтѣ; потомъ повидались и пошептались съ префектомъ провинціи; префектъ съѣздила въ Римъ и пошептала съ министрами общественныхъ работъ, который ему былъ пріятелемъ. Вскорѣ оказалось, что государственныя верфи чрезвычайно нуждаются въ строевомъ лѣсѣ, хотя строявшіяся на нихъ суда сооружались почти исключительно изъ желѣза. Однимъ словомъ, порѣшили, что рощу необходимо продать. Министръ поручилъ это дѣло префекту; префектъ поручилъ его синдикку, обезпечивъ за собою слѣдовавшую ему долю доходовъ, — это разумѣется само собою; синдикъ, въ свою очередь, поручилъ продажу своему секретарю; при этомъ,

Конечно, также само собою разумѣлось, что и синдикъ, и члены джунты получаютъ что слѣдуетъ изъ общей наживы.

И роща была вырублена. Съ трескомъ валились столѣтніе гиганты подъ ударами топоровъ; огромные транспорты лѣса были развезены и употреблялись какъ топливо на государственныхъ заводахъ или гнили на верфяхъ. А мессеръ Неллемане втихомолку, черезъ какого-то довѣреннаго двоюроднаго брата, приобрѣлъ нѣсколько иностранныхъ акцій. Впрочемъ, всѣ, сколько-нибудь причастные къ продажѣ рощъ, что-нибудь да приобрѣли.

Мрачный остовъ монастыря возвышался теперь надъ оголенными холмомъ, а на спускавшемся въ рѣку склонѣ, тамъ, гдѣ, бывало, въ это время года цвѣли скороспѣлки и голубые ирисы, зіяли черныя, выжженные ямы.

Неллемане смотрѣлъ на это зрѣлище и чувствовалъ, что это было дѣло, достойное его и вполне соответствующее духу нашего столѣтія. Насмотрѣвшись на эту картину, онъ продолжалъ свой путь въ прекрасномъ настроеніи духа; вдругъ онъ остановился. На довольно значительномъ разстояніи у самаго берега рѣки онъ замѣтилъ при вечернемъ освѣщеніи двѣ тѣни, сплетавшіяся другъ съ другомъ, какъ двѣ молодыя акаціи; онъ медленно подвигались по высокой травѣ, подъ серебристыми тополями возлѣ мельницы.

Сердце его затрепетало отъ охватившаго гнѣва, румяное лицо позеленѣло.

Онъ узналъ въ этихъ счастливыхъ любовникахъ, шептавшихся тамъ подъ деревьями, Віолу и Кармело.

— Она пренебрегаетъ мною! подумалъ онъ. Его гордость и тщеславіе были чувствительно уязвлены и вся душа его исполнилась яростью и ревностью.

Съ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ, онъ могъ видѣть все, что происходило на мельницѣ. Онъ видѣлъ бурое колесо, вертѣвшееся въ влокотавшей водѣ; онъ видѣлъ мѣшки съ мукою, уставленные вдоль изгороди, подъ кустами бузины; онъ видѣлъ сойку, порхавшую въ клѣткѣ, которая висѣла въ зелени анемонъ, покрывавшихъ всю стѣну; онъ видѣлъ самого стараго мельника съ бѣлою, какъ снѣгъ, головою, высунувшагося изъ маленькаго, четверугольнаго окошка и отдававашаго приказанія мальчику, ждавшему у воротъ съ телѣгомъ; наконецъ, онъ видѣлъ влюбленныхъ, которые

гуляли на берегу рѣки подъ теплыми лучами садившагося солнца и мечтали о томъ, какъ они мирно будутъ жить всю жизнь подъ этою самою кровлею, какъ послѣ нихъ здѣсь будутъ жить ихъ дѣти, зарабатывая себѣ хлѣбъ все тѣмъ-же старымъ деревяннымъ колесою, съ шумомъ вертѣвшимся въ зеленой водѣ, на поверхности которой стлались зеленые листья.

Онъ стоялъ на высотѣ, глядя на разстилавшуюся передъ нимъ картину мирнаго счастья, и губы его шептали проклятье.

Два или три дня спустя насталъ праздникъ Тѣла Господня, который въ этомъ году пришелся какъ-разъ на послѣднее число мая. Мессеръ Неллемане, который терпѣть не могъ этихъ праздниковъ, съ утра уѣхалъ въ ближайшій городъ, находившійся на разстояніи двѣнадцати миль отъ села, и деревенскій людъ, освободившись на цѣлый день отъ его присутствія, тѣмъ беззаботнѣе могъ предаваться веселью. Шумно и весело продолжался праздникъ до поздней ночи. Въ десять часовъ вечера, когда мессеръ Неллемане возвратился изъ города, все село было иллюминировано и на площади толпился народъ. Огни горѣли ярко, музыка весело играла, парни и дѣвушки танцевали, смѣялись и болтали. Кармело танцевалъ съ Віолой, а старикъ Пиппо и мельникъ сидѣли неподалеку на двухъ плетеныхъ стульяхъ, улыбаясь смотрѣли на молодежь и въ тактъ притоптывали ногами.

Надъ всѣмъ селомъ стояло облако свѣта; рѣка искрилась подъ лучами луны; въ воздухѣ стоялъ запахъ лилій, левкоя, гвоздики и розъ, поднимавшійся изъ окрестныхъ садовъ. Все селеніе имѣло праздничный видъ, и два старика, немного разгоряченные лишнимъ стаканомъ вина, говорили другъ другу:

— Пускай ихъ обвѣнчуются; разбогатѣть они все равно не разбогатѣютъ, а лучше молодости времени нѣтъ.

Мессеръ Неллемане не слышалъ этихъ словъ, но видѣлъ, какъ Кармело танцевалъ съ Віолой. Въ мрачномъ настроеніи шелъ онъ къ своему дому, надвинувъ шапку на брови и прочищая себѣ дорогу черезъ толпу, совершенно не соблюдая той нѣсколько высокопарной вѣжливости въ обращеніи, которою всегда отличался.

Онъ заперъ за собою дверь и легъ въ постель, плотно притворивъ ставни, чтобы въ комнату не могъ проникнуть ни лунный свѣтъ, ни благовонный воздухъ, ни блескъ огней; но, несмотря на ставни, въ комнату врывались смѣхъ, музыка и веселый без-

заботный говоръ танцующихъ; отъ этихъ звуковъ онъ не могъ отдѣлаться и проклиналъ ихъ.

На слѣдующей недѣлѣ къ зданію муниципіи подходила небольшая группа; то были: Пиппо со своею внучкою и двое Пасторини,—отецъ и сынъ. Всѣ были въ праздничныхъ нарядахъ. На вопросъ старика Пасторини, можно-ли видѣть синдика, письмоводитель отвѣчалъ, что синдика нѣтъ дома, но что достопочтенный мессеръ Неллемане можетъ вполне замѣнить его во всякомъ официальномъ дѣлѣ.

— Ну, такъ ведите насъ къ достопочтенному господину секретарю; наше дѣло не терпитъ отлагательства; не правда-ли, сынъ мой? сѣлся и лукаво подмигивая, сказалъ Пасторини.

Письмоводитель указалъ имъ дорогу; они поднялись по лѣстницѣ и мельникъ постучалъ палкою въ дверь.

— Войдите! послышался изнутри голосъ важнаго сановника; они вошли и очутились въ присутствіи Неллемане.

Только на одно мгновеніе въ глазахъ отвергнутаго поклонника Віолы, словно въ стальномъ зеркалѣ подъ лучами луны, сверкнулъ жестокой, гнѣвный огонекъ; онъ догадался, зачѣмъ они пришли.

Въ слѣдующее мгновеніе изъ глазъ его совершенно исчезло это злое выраженіе; онъ улыбнулся и любезнымъ, покровительственнымъ тономъ сказалъ:

— Здравствуйте, синьоръ Филиппо; синьорина, вы по обыкновенію прекрасны, какъ утро; чѣмъ я могу служить вамъ, синьоръ Пасторини? Впрочемъ, я догадываюсь, по какому дѣлу вы пришли; позвольте-же мнѣ, какъ другу, прежде чѣмъ я займусь вашимъ дѣломъ официально, пожелать вамъ счастья.

Мужчины, всѣ трое, были очарованы такою любезностью и думали, какимъ добрымъ товарищемъ могъ быть этотъ сельскій тиранъ. Одна дѣвушка не была ослѣплена; она видѣла злой огонекъ, сверкнувшій въ глазахъ ея деревенскаго Фауста и кольнувшій ее, словно ножъ. Тяжелое чувство снова охватило ее сердце; тѣмъ не менѣе она присѣла и поблагодарила.

Мессеръ Неллемане прибавилъ еще нѣсколько вѣжливыхъ словъ и краснорѣчивыхъ дружескихъ изліяній, такъ-что старикъ Пиппо

подумалъ: — послѣ всего этого онъ никогда не рѣшится болѣе преслѣдовать меня за камышь и за ручей.

Затѣмъ секретарь синдика, сохраняя все тотъ-же благодушный видъ, приступилъ къ исполненію своей обязанности и записалъ все, что слѣдовало.

Вскорѣ объявленіе о предстоящемъ бракѣ Кармело Пасторини и Віолы Мазетти было напечатано и вывѣшено за грязнымъ стекломъ въ еще болѣе грязной рамкѣ.

ГЛАВА IV.

Вскорѣ послѣ праздника Тѣла Господня, рѣка такъ обмелѣла, что не въ состояніи была приводить въ движеніе большое колесо на мельницѣ Пасторини. Это часто случалось въ Санта-Розалии за послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ срубили монастырскую рощу и подобнымъ-же образомъ обнажили другіе холмы вдоль теченія рѣки, а въ особенности съ тѣхъ поръ какъ въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ провинціи при проведеніи желѣзной дороги вырубилъ цѣлыя каштановые и сосновые лѣса, и притомъ въ большинствѣ случаевъ безъ всякой нужды, просто потому, что подрядчикамъ, землевладѣльцамъ и чиновникамъ, завѣдующимъ публичными работами, жаль было упустить такой прекрасный случай погрѣть себѣ руки на общественный счетъ.

— Никогда этого не случалось, когда я былъ молодъ; даже въ августѣ всегда бывало на четыре фута воды, говорилъ Деметріо Пасторини, почесывая себѣ голову и печально глядя на высушенные солнцемъ колеса и на дно обмелѣвшей рѣки, на которомъ ясно можно было разглядѣть всякій камешекъ, песокъ, водоросли и маленькихъ рыбокъ.

— Еще-бы, сказалъ Пиппо; — когда мы были молоды, все предоставляли волѣ Божьей, а теперь то и дѣло мудрять и мутять, словно думаютъ, что они и миръ-то создали-бы лучше, чѣмъ Богъ.

— Я и самъ думаю, что это оттого, печально замѣтилъ мельникъ. — Роза никогда такъ не мелѣла, когда я былъ молодъ; вплоть до середины лѣта, до окончанія жатвы, у насъ, бывало, на мельницѣ молили.

— А все оттого, что мудрять да мутять, сказалъ Пиппо. —

Помилуй, говорятъ за Помодоро, на землѣ Тальяфико, нынче стали молотить хлѣбъ какишъ-то котломъ на колесахъ.

Старикъ Пасторини вздохнулъ. Онъ получилъ лучшее воспитаніе, чѣмъ Пиппо и зналъ, что въ мирныя, живописныя деревни все больше и больше стали проникать безобразныя машины, которыя вездѣ, во всей Европѣ приносятъ съ собою наживу для капиталистовъ и разоренье для крестьянъ.

Возвратившись домой, Пиппо сказалъ внучкѣ: близокъ, видно, конецъ міру; рѣка высыхаетъ; я не знаю, какъ вамъ теперь вѣнчаться, если мельница совсѣмъ станеть. Конечно, вы все-таки могли-бы жить въ домѣ, а Кармело могъ-бы сдѣлаться поденьщикомъ.

У Віолы на глазахъ показались слезы; она не заботилась о томъ, какъ они будутъ жить съ Кармело, но думала, какой ужасный позоръ будетъ для него сдѣлаться вдругъ поденьщикомъ; всакій смотритъ на поденьщика свысока; а между тѣмъ никто не въ силахъ совершенно обезпечить себя отъ этой участи.

Віола никогда не противорѣчила дѣду; она потихоньку вышла изъ дому, отправилась въ стоявшую на площади церковь Св. Іосифа и помолилась передъ образомъ святого Іоанна, покровителя текучей воды, прося его снова наполнить рѣку; и слезы катились по ея щекамъ въ то время, какъ она молилась.

Выходя изъ церкви, она лицомъ къ лицу встрѣтилась съ мессеромъ Неллемане, который выходилъ изъ кафе; онъ снялъ шляпу и поклонился съ самой очаровательной улыбкой.

— Когда-же настанеть счастливый день? спросилъ онъ.

Она пробормотала нѣсколько невнятныхъ словъ, вся вспыхнула и быстро направилась къ своей двери; впереди ея бѣжала ея маленькая, желтая собачка Раджи, которая была вмѣстѣ съ нею въ церкви.

— Непривязанная собака! сказалъ мессеръ Неллемане, обращаясь къ Биндо, стоявшему тутъ-же по близости.—Биндо съ виноватымъ видомъ попытался возразить, что собака очень ужъ маленькая.

— Маленькая или большая, это все равно; какая польза будетъ отъ правилъ, если мы не будемъ ихъ примѣнять, строго за вѣтилъ его начальникъ.—Маленькая собачка можетъ укусить или взбѣситься точно такъ-же, какъ и большая.

— Это совершенно справедливо, синьоръ, сказалъ Биндо; — къ тому же они никогда не платили за нее налога.

Мессеръ Неллемане записалъ этотъ фактъ и на слѣдующій день привлечь къ отвѣтственности сборщика податей за нерадѣніе и невниманіе.

Вечеромъ мессеръ Неллемане по обыкновенію сидѣлъ передъ дверями кафе со своими товарищами и сослуживцами, толстымъ Мазо и тщедушнымъ Тонино. Увидавъ, что передъ домою Пиппо остановилась телѣга мельника, въ которой сидѣли Кармело и два его брата и что Біола вышла изъ дома поболтать съ ними, онъ замѣтилъ, обратившись къ своимъ сослуживцамъ:

— Это, кажется, телѣга съ мельницы? Кстати, я слышалъ, что вотъ уже мѣсяць, какъ мельница перестала работать; говорятъ, что Роза очень обмелѣла. Такая зависимость отъ капризовъ рѣки чрезвычайно вредитъ интересамъ провинціи. Было-бы очень хорошо, если-бы можно было основать здѣсь паровую мельницу.

— Паровую мельницу! воскликнулъ маленькій Тонино, широко раскрывая глаза отъ изумленія. — А что-же стануть дѣлать Пасторини?

— Интересы меньшинства всегда должны уступать передъ интересами большинства, возразилъ мессеръ Неллемане, съ обычною высокопарностью въ выраженіяхъ. Въ наше практическое время крайне нелѣпо допускать, чтобы удовлетвореніе потребностей цѣлой общины зависѣло отъ случайнаго пониженія уровня рѣки. Объ этомъ дѣлѣ нужно будетъ подумать. Конечно, это тяжело отразится на судьбѣ мельника и его семейства; но въ каждомъ великомъ дѣлѣ кому-нибудь всегда приходится страдать, а дѣло прогресса священное дѣло.

— Совершенно справедливо, въ одно слово отвѣтили Мазо и Тонино.

— Какой-бы изъ него вышелъ министр! воскликнулъ Мазо, нѣсколько времени спустя, когда мессеръ Неллемане пошелъ домой читать выписываемую имъ газету „Dritto“.

— Да, дѣйствительно, согласился Тонино; но слова его звучали довольно холодно; мессеръ Неллемане всегда обигрывалъ его въ домино и этимъ одновременно наносилъ чувствительные удары его самолюбію и карману.

Въ тотъ-же вечеръ старая Аннунціата одна возвращалась домой изъ одной фермы, расположенной на сосѣднемъ холмѣ. Хозяинъ фермы ласково принялъ ее и подарилъ ей нѣсколько яицъ. По дорогѣ къ ней привязался пьяный мужикъ, кузнецъ изъ Систриано, толкалъ ее, издѣвался надъ нею и, наконецъ, отнялъ корзину съ яйцами. Бѣдная старуха, охая и плача, возвращалась въ село. Она храбро оборонялась своей дубовой палкой, но въ концѣ-концовъ была побита и лишилась своихъ яицъ. Подходя къ селу, она встрѣтила Кармело и рассказала ему, что съ нею сдѣлалъ пьяный кузнецъ Помпео изъ Систриано. Кармело всплилъ и, прежде чѣмъ она успѣла остановить его, бросился въ погоню, настигъ пьянаго негодяя и отбилъ корзину, хотя яйца оказались разбитыми во время схватки. Но Кармело рѣшилъ не говорить объ этомъ старухѣ; у него было немного собственныхъ денегъ, которыя ему давалъ отецъ, — правда, очень не много, на табакъ и на одежду; теперь у него оставался франкъ и онъ пошелъ и купилъ въ ближайшей фермѣ дюжину яицъ. — Придется только недѣлю или двѣ не курить табакъ, подумалъ онъ, такъ-какъ обыкновенно онъ тратилъ на табакъ по сентиму въ день.

— Я принесъ тебѣ назадъ твои яйца, Нунціатина, крикнулъ онъ, подойдя къ дому, въ которомъ она жила съ двумя другими старухами. — Спусти изъ окна веревку; я привяжу къ ней корзину.

Старуха, смѣясь и плача отъ радости, спустила веревку и корзина съ яйцами медленно поднялась вдоль бѣлой стѣны при серебряномъ свѣтѣ мѣсяца.

— Ты добрый, славный малый, крикнула старуха, — и Віола счастливая дѣвушка.

Кармело засмѣялся и, въ свою очередь, крикнулъ ей: не гори никому про кузнеца, бабушка; онъ былъ пьянъ...

— Боже сохрани! сказала Аннунціата; — я не пожелаю-бы тюрьмы послѣднему негодяю, даже если-бы онъ отнялъ у меня мѣшокъ съ золотомъ.

— Покойной ночи! крикнулъ Кармело и удалился, напѣвая въ полголоса:

Гирляндой зеленой украсилъ я грудь,
Написавъ на ней имя Віолы,
И ангелы неба надъ нею поютъ.

Но такъ-какъ, къ сожалѣнію, даже мышь не можетъ пискнуть въ своей норѣ, безъ того, чтобы вся деревня объ этомъ не заговорила, то извѣстіе о схваткѣ между Кармело и Помпео скоро облетѣло село, и на другой день всѣ только объ этомъ и толковали. Вскорѣ Кармело, Аннунціата и Помпео были призваны въ муниципалитетъ къ допросу.

Старуха, которая во всю свою жизнь никогда еще не имѣла дѣла съ полиціей, дрожа, какъ листъ, словно дѣло касалось ея жизни, заявила, что она не придаетъ этому дѣлу никакого значенія и думаетъ, что Помпео только хотѣлъ пошутить съ ней.

— Законъ не признаетъ шутокъ, провозгласилъ самъ законъ, въ лицѣ мессера Неллемане, производившаго допросъ.

Помпео объявилъ, что онъ рѣшительно ничего не помнитъ. По всей вѣроятности, онъ говорилъ правду, такъ-какъ дѣйствительно былъ сильно пьянъ и, проснувшись утромъ на склонѣ холма, самъ не могъ вспомнить, какъ туда попалъ.

Когда стали допрашивать Кармело, онъ, не стѣсняясь, захоталъ.

— Пео былъ пьянъ, сказалъ онъ;—я ударилъ его и сталъ отнимать корзину, принадлежавшую бабушкѣ Віолы, а онъ какъ снопъ повалился на траву возлѣ виноградника; тамъ я его и оставилъ. Я не нанесъ ему никакого увѣчья и думалъ, что объ этомъ дѣлѣ никто и не узнаетъ.

— Закону все извѣстно, нахмурившись сказалъ мессеръ Неллемане, а укрывательство вора подлежитъ строгому наказанію; притомъ интересы правосудія требуютъ...

При видѣ блѣднаго, испуганнаго, смущеннаго лица пьяницы-кузнеца, сердце Аннунціаты загорѣлось отвагою и состраданіемъ.

— Пресвятая Богородица, помилуй насъ! Сударь, ваше превосходительство, заговорила она со слезами,—вѣдь онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого зла; я увѣрена, что бѣдный парень самъ не зналъ, что дѣлаетъ, когда отнималъ у меня яйца; если-бы онъ былъ трезвъ, онъ-бы не тронулъ и волоска на моей головѣ; да и яйца вѣдь всѣ цѣлы; что-же касается до меня, то я никого не желаю упечь въ тюрьму, хотя-бы съ меня сняли платье.

— Женщина! громовымъ голосомъ крикнулъ на нее мессеръ Неллемане, забывъ о своей обычной деликатности въ виду такихъ возмутительныхъ принциповъ,— какъ вы смѣете оскорблять

величіе закона! Неумолимое правосудіе одно должно руководить каждымъ дѣйствіемъ человѣка. У васъ есть долгъ относительно общества...

— У меня, сударь? воскликнула Аннунціата и подумала про себя: вотъ тебѣ на! не даромъ говорится — вѣкъ живи, вѣкъ учись.

— Долгъ, который долженъ стоять выше всѣхъ личныхъ соображеній, продолжалъ синьоръ Неллемане. — Подумайте, къ чему-бы привела такая удивительная и непростительная распущенность принциповъ; она привела-бы насъ къ крайне безнравственному заключенію, что, если украденная вещь возвращена въ цѣлости, то воровство прощается, изглаживается, какъ - будто его не было. Вы не имѣете никакого понятія о нравственномъ значеніи преступленія. Вы становитесь на грубую, ложную точку зрѣнія, предполагая, что въ воровствѣ важна только матеріальная убыль, которую онъ можетъ причинить. Было-ли вамъ возвращено украденное или пропало, это совершенно не относится къ дѣлу. Кто научилъ васъ такимъ принципамъ нравственности?

Аннунціата смутно понимала, что онъ выражалъ сомнѣнія относительно ея нравственности, и маленькіе, черные глаза ея засверкали отъ справедливаго гнѣва.

— Я всю свою жизнь была честною женщиною, синьоръ, сказала она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ. — Пока былъ живъ мой мужъ, я была ему доброй женой, и послѣ того какъ онъ умеръ, тому назадъ лѣтъ тридцать или больше, — никогда я не дѣлала ничего такого, за что-бы ему было стыдно взглянуть.

Мессеръ Неллемане, не слушая ея, продолжалъ свою диссертацию, обращаясь къ Кармело, къ Помпео и къ своимъ сослуживцамъ. Впрочемъ, онъ и самъ сознавалъ, что ни одинъ судья не отнесется строго къ этому преступленію, но ему жаль было выпустить ихъ всѣхъ и, наконецъ, онъ порѣшилъ послѣ этого неофициальнаго слѣдствія, что кузнецъ изъ Систриано долженъ явиться передъ судомъ въ Помодоро по обвиненію въ пьянствѣ и въ покушеніи на воровство, а сынъ мельника — заплатить штрафъ въ двадцать франковъ за самоуправство.

Кармело поморщился. Отцу его трудно доставался каждый грошъ.

— Ну, бабушка, это самая дорогая ящца, какія когда-либо снесла курица! шепнулъ онъ Аннунціатъ.

Старушка въ отчаяніи ломала руки.

— И бѣдняга этотъ пойдетъ въ тюрьму изъ-за меня! о, Господи, Господи! А баринъ-то и слушать не хотѣлъ, что я ему говорила!

Такъ для всѣхъ нихъ омрачился этотъ ясный лѣтній день.

Только Кармело скоро стряхнулъ невеселыя думы и, обругавъ по дорогѣ Биндо, который счелъ долгомъ напомнить ему, что онъ будетъ призванъ свидѣтелемъ по дѣлу Помпео, направился къ дому Віолы. Да и какъ ему было не веселиться: черезъ два дня, черезъ сорокъ восемь часовъ должна была быть его свобода. Свѣясь и распѣвая, шелъ онъ по улицѣ со свѣжею розою за ухомъ и съ новою лентою на шляпѣ. Войдя въ маленькій домикъ, онъ сѣлъ на подоконникъ и сталъ смотрѣть на руки Віолы, занимавшейся своимъ плетеньемъ, въ то время какъ Пиппо курилъ свою трубку и работалъ, сидя на улицѣ.

— Какъ ты былъ добръ къ Нунціатинѣ, сказала Віола, поднявъ къ нему глаза, влажныя отъ радостныхъ слезъ.

— Э, полно! засмѣялся Кармело, барабана въ стѣну своими красивыми босыми ногами.—Развѣ она не такъ-же близка и мнѣ, какъ тебѣ? Пока я живъ, она никогда не будетъ нуждаться въ какой-нибудь корзинкѣ яицъ.

ГЛАВА V.

Тѣмъ временемъ Биндо шелъ черезъ площадь и раздумывалъ, какъ-бы ему насолить и отомстить Кармело. Внезапно ему пришла въ голову блестящая мысль.

Любимымъ его занятіемъ было отравлять собакъ, которыхъ мессеръ Неллемане терпѣть не могъ и боялся. Въ виду этого онъ придумалъ законъ, въ силу котораго всѣ собаки непременно должны были быть на привязи; но, такъ-какъ законъ этотъ очень часто нарушался, то мессеръ Неллемане прибѣгнулъ къ другому, совершенно противозаконному средству, къ отравѣ. Фосфоръ и мышьякъ стоили не дорого, и Биндо всегда держалъ на готовѣ и разбрасывалъ по дорогамъ шарики изъ ада, смѣшаннаго съ под-

жаренной печенкою. Не мало собакъ погибло на селѣ такимъ образомъ, а тѣ, которыя не поддавались обману, подвергали своихъ хозяевъ безконечнымъ преслѣдованіямъ и безжалостнымъ штрафамъ.

Кармело, подобно большинству крестьянъ, очень любилъ свою собаку, красивую, съ бѣлою волнистою шерстью, сильную и молодую, какъ самъ Кармело. Ее звали Топпа. Она всегда оставалась около мельницы въ маленькой рощѣ изъ тополей, которая съ незапамятныхъ временъ принадлежала семейству Пасторини, вслѣдствіе этого она рѣдко грѣшила противъ закона о собакахъ, потому-что даже въ первомъ параграфѣ перваго правила не было сказано, что собака должна быть привязана, находясь на собственныхъ владѣніяхъ своего хозяина. Тѣмъ не менѣе мессеръ Неллемане уже нѣсколько разъ говорилъ: эта собака на мельницѣ мнѣ кажется опасной; она всегда лаетъ, если кто-нибудь проходитъ мимо.

Объ этой-то собакѣ и вспомнилъ теперь Биндо; это былъ прекрасный случай насолить Кармело и въ то-же время угодить своему начальнику. На другой день, рано утромъ, когда надъ водою еще стлался бѣлый туманъ, Биндо направился къ мельницѣ и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, противъ маленькой рощи. Топпа спокойно лежала на травѣ, на берегу рѣки, отдыхая отъ ночного бодрствованія. Тѣмъ не менѣе, услышавъ звукъ шаговъ, она вскочила и побѣжала посмотрѣть, въ чемъ дѣло; но какъ умная, вѣрная собака, она не выбѣжала за границы своихъ владѣній, а только смотрѣла на Биндо. Въ это время Биндо съ дороги, гдѣ стоялъ, бросилъ что-то въ траву луга, на которомъ была собака. Топпа, какъ всѣ деревенскія собаки, не была избалована особенно обильною пищею; она не ѣла ничего со вчерашняго вечера; брошенный въ ея сторону предметъ распространялъ заманчивый, аппетитный запахъ; она подошла и съѣла его. Мгновеніе спустя, она зашаталась, началась рвота, судороги, затѣмъ, испустивъ глухой, хриплый вой, она стала кружиться, шатаясь, какъ пьяная и, наконецъ, растянулась на влажной травѣ.

Биндо бросился къ ней, схватилъ ее и на спинѣ перетащилъ на большую дорогу, а самъ поспѣшно удалился.

Нѣсколько мгновений спустя, Кармело, рѣдко забывавшій о своей собакѣ, вышелъ изъ дома къ тополямъ, чтобы позвать ее и дать

ей кусокъ хлѣба; но на зовъ его никто не являлся. Зная, что Топпа никогда не уходитъ далеко, Кармело вышелъ изъ рощи на дорогу и здѣсь увидалъ ее, лежащую безъ движенія въ пыли. Онъ бросился на колѣни и наклонился къ ней; съ перваго-же взгляда онъ все понял, и на мгновеніе имъ овладѣло такое сильное горе, какъ-будто у него умеръ братъ. Но въ слѣдующее-же мгновеніе онъ вскочилъ на ноги и, взывая ко всѣмъ святымъ о правосудіи, съ быстротою оленя пустился бѣжать по дорогѣ, чтобы посмотреть, нѣтъ-ли кого-нибудь по близости; имя Биндо въ первую-же минуту пришло ему въ голову, и, дѣйствительно, въ бѣгущей вдаль фигурѣ онъ узналъ Биндо. Какъ буря пустился онъ въ погоню и, наконецъ, сдѣлавъ послѣдній скачекъ, схватилъ его.

— Ты отравилъ мою собаку!

— Я? нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

— Я знаю, что ты! крикнувъ Кармело, разразившись проклятіями и потрясая тщедушнаго стражника сильными руками.

Биндо сдѣлалъ отчаянную попытку придать себѣ храбрый видъ.

— Я не отравилъ ея, нѣтъ. Можетъ быть, она сама нашла на дорогѣ ядъ;—это законно, законъ дозволяетъ это.

Кармело схватилъ его за горло. Не говоря ни слова, онъ потащилъ его къ краю дороги, гдѣ лежала куча палокъ для изгороди, и, схвативъ другою рукой дубовую жердь, сталъ трасти Биндо Терри то взадъ, то впередъ, въ то-же время нанося удары по головѣ, по рукамъ и по плечамъ. Люди, работавшіе въ виноградникахъ возлѣ дороги, подняли крикъ, сбѣжались, схватили молодого Пасторини за руки и, такъ-какъ ихъ было пятеро противъ одного, оттащили его отъ дрожащаго Биндо; хотя всякій изъ ихъ отъ всей души желалъ стражнику зла, но они съ ужасомъ думали о томъ, что сказалъ-бы законъ, въ случаѣ смерти его представителя, а Кармело, предоставленный самому себѣ, несомнѣнно убилъ-бы его, въ силу того суроваго правосудія, какимъ представляется справедливая месть.

Освободившись, благодаря этому вмѣшательству, Биндо, шатаясь поспѣшилъ домой, окровавленный, избитый и полумертвый отъ страха. Кармело рвался и тщетно силился вырваться изъ рукъ пяти державшихъ его сильныхъ крестьянъ.

— Онъ отравилъ мою собаку! задыхаясь твердилъ онъ; глаза

его налились кровью, мускулы напряглись и все тѣло извивалось въ отчаянныхъ усиліяхъ освободиться.

— Такъ вотъ что онъ сдѣлалъ? за это его и въ самомъ дѣлѣ не грѣшно-бы убить самого, въ полголоса замѣтилъ старшій изъ крестьянъ.—А все-же законъ будетъ противъ тебя за то, что ты тронулъ этого поганого, маленькаго негодая, котораго видно произвели на свѣтъ змѣи.

— Собака моя, собака моя! простоналъ Кармело, и гнѣвъ его разрѣшился неутѣшнымъ горемъ; глаза наполнились слезами, онъ пошелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ лежала мертвая собака, сѣлъ возлѣ нея на землю и заплакалъ.

Крестьяне молча стояли вокругъ него съ озабоченнымъ видомъ; они опасались за его судьбу. Биндо Терри, правда, былъ отравитель и негодяй, но надъ нимъ былъ щитъ закона, который объявлялъ его священнымъ, какъ древніе считали священными змѣю и жабу. По итальянскимъ законамъ гражданинъ не можетъ быть арестованъ ни въ какомъ случаѣ, если не успѣли арестовать его на мѣстѣ преступленія, хотя-бы его участіе въ преступленіи было совершенно очевидно. Но существуютъ такія вопіющія преступленія, на которыя законъ этотъ не распространяется; къ числу ихъ принадлежало и преступленіе Кармело. Нѣтъ преступленія, болѣе вопіющаго, какъ поднять руку противъ священной особы муниципальнаго стражника.

Поэтому, когда Биндо Терри вбѣжалъ въ домъ старшаго стражника Анджело и, опустившись въ изнеможеніи на полъ, завопилъ, что дьяволъ Кармело убилъ его, Анджело, какъ угорѣлый бросился къ казармѣ карабинеровъ, вызвалъ ихъ и повелъ къ Биндо, увѣряя, что дѣло касается преступнаго, непростительнаго покушенія, которое рано или поздно кончится смертью жертвы; онъ кричалъ, выходилъ изъ себя и бѣсновался, а вмѣстѣ съ нимъ бѣсновался и Биндо, умирающій Биндо, настаивая на томъ, чтобы жандармы шли и арестовали убійцу. Законъ вещь растяжимая и можетъ прилаживаться какъ угодно.

Карабинеры со своими саблями на блестящихъ бѣлыхъ перевязяхъ, отправились прямо на мельницу и арестовали молодого парня, который сидѣлъ на скамейкѣ подъ тополями, склонившись надъ лежавшей у его ногъ мертвой собакой, въ то время какъ

его отецъ, братья и сосѣди стояли вокругъ и глядѣли на него съ грустными участіемъ.

— Да завтра вѣдь день его свадьбы! кричалъ старикъ-отецъ, котораго самого душили ярость и горе.

Карabinieri усмѣхнулись, нѣсколько неестественно, грубо схватили Кармело за руки, подняли его со скамейки и отправились назадъ, таща его за собою. Въ глубинѣ души и они сочувствовали обоимъ Пасторини, но не ихъ дѣло было заявлять объ этомъ. Передъ дверью мельницы они остановились.

— Я имѣлъ полное право поступить такъ, какъ я поступилъ, сказалъ парень съ увѣренностью. — Онъ отравилъ мою собаку, и я избилъ его, отравителя, дьявола; я-бы готовъ былъ бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не свалился-бы съ ногъ; я имѣлъ на это право.

— Ты не имѣлъ права даже жаловаться; твоя собака нарушала законъ; она была на большой дорогѣ, сказалъ старшій муниципальный стражникъ Анджело, оттолкнувъ мельника и заставляя Кармело стать между жандармами.

— Я пойду за вами и безъ насилія, гордо сказалъ парень; — я ничего не боюсь, я былъ правъ.

Твердымъ шагомъ пошелъ онъ съ карабинерами и только разъ остановился и сказалъ отцу, который слѣдовалъ за нимъ.

— Не ходи, отецъ; останься и похорони Топпу около самой двери; она будетъ знать, что мы ходимъ надъ нею и не будетъ чувствовать себя одинокою. Да скажи Віолѣ, чтобы она не тревожилась; все кончится хорошо; ни одинъ судья не задержитъ меня ни на одну минуту, какъ скоро услышитъ, какъ происходило дѣло.

Стоявшіе за его спиною карабинеры переглянулись и насмѣливо подмигнули другъ другу. Они хорошо знали, какъ законъ поступить съ этимъ отважнымъ парнемъ.

Они повели его черезъ деревню къ сельской тюрьмѣ. Хотя было еще очень рано, всѣ были на ногахъ и всѣмъ уже было извѣстно, что младшій Пасторини побилъ Биндо Терри; нѣкоторые слышали даже, что Биндо уже умеръ; ни одна душа не пожалѣла о его судьбѣ, но никто не осмѣлился выразить то, что чувствовалъ и дружески протянуть руку арестанту.

Только старикъ Луиджи Кантарелли храбро вышелъ изъ своей

лявки и закричалъ ему: слушай, парень, если будешь нуждаться въ деньгахъ или въ добромъ совѣтѣ, такъ вспомни, что я здѣсь и пошли за мною. Изъ остальныхъ никто не вымолвилъ слова.

Кармело былъ радъ, что имъ не пришлось проходить мимо дома Пиппо, такъ-какъ въ тюрьму нужно было идти черезъ середину площади; онъ надѣялся, что Віола ничего не узнаетъ, пока не придетъ къ ней его сестра, которая съумѣетъ смягчить ударъ, сообщивъ ей извѣстіе съ тѣми особыми, нѣжными приѣмами, которыми располагаютъ однѣ женщины. Но, какъ на грѣхъ, случилось, что на серединѣ площади онъ встрѣтилъ старика Пиппо; онъ несъ на спинѣ три плетеныхъ стула и уронилъ ихъ, пораженный такою встрѣчею.

— Спаси насъ, Господи, и помилуй! Парень, что ты сдѣлалъ? воскликнулъ онъ, обращаясь къ Кармело, который завтра долженъ былъ сдѣлаться его зятемъ; онъ весь затрясся подъ наплывомъ горя. Дрогнувъ и Кармело при видѣ горя, котораго онъ былъ причиною.

— Дѣдушка, сказалъ онъ нѣжно; онъ въ первый разъ называлъ старика этимъ именемъ;—дѣдушка, не тревожься. Биндо Терри отравилъ Топпу, и я наказалъ его; вотъ и все. Справедливый судья оправдаетъ меня.

— О, Господи, Господи! стоналъ Пиппо, дрожа отъ страха и огорченія.—Какая польза въ томъ, что ты невиненъ? Если ты тронулъ хоть одинъ волосокъ на головѣ этихъ палачей, этихъ ядовитыхъ, змѣноподобныхъ созданій, ты пропалъ, пропалъ! А завтра день свадьбы, и Віола сидитъ дома и вышиваетъ вуаль. О, Господи! О, Господи!

Карабинеры поспѣшили съ арестантомъ къ тюрьмѣ. „Какой злой, ядовитый, опасный языкъ у этого старика“, сказалъ одинъ, обращаясь къ другому. Безъ церемоніи втолкнули они молодого Пасторини въ помѣщеніе, предназначенное для арестантовъ; это была пустая четырехугольная комната съ сырмъ и грязнымъ кирпичнымъ поломъ, съ дверью, снабженною засовами, и съ маленькимъ рѣшетчатымъ окномъ подъ самымъ потолкомъ.

— Ведите-же меня къ судѣ! кричалъ Кармело.—Ведите меня куда-нибудь, гдѣ-бы меня выслушали.

— Все въ свое время, сказали карабинеры, захлопнули за нимъ дверь и задвинули снаружи засовы.

А тѣмъ временемъ Віола сидѣла на порогѣ своей двери противъ маленькаго ручейка, журча пробравшагося по камнямъ, и нашивала нѣсколько померанцевыхъ цвѣтковъ на вуаль, который она завтра должна была надѣть. Тихимъ нѣжнымъ голосомъ напѣвала она пѣсню:

У подножья холма, межъ цвѣтовъ, на травѣ,
 Съ нетерпѣньемъ я жду, скоро-ль вечеръ придетъ;
 Когда сумракъ окутаетъ все на землѣ,
 Мое ясное солнце на небѣ взойдетъ.
 Это солнце поранило сердце мое,
 И оно лишь одно исцѣлитъ мой недугъ;
 Это солнце—мой милый, желанный мой другъ;
 Я ему расскажу, какъ люблю я его.
 Это солнце возлюбленный молодецъ мой,
 Онъ по осени перстень мнѣ дастъ золотой.

Она была счастлива. Страхъ, который внушалъ ей ея всемогущій врагъ и искуситель, покинулъ ее, а въ будущемъ улыбались любовь и счастье. Ее ожидала жизнь, полная труда, лишеній и утомленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и жизнь, озаренная солнечнымъ свѣтомъ, любовью и согласіемъ. Что касается первой, то она къ ней привыкла, а вторая представлялась ей небомъ.

ГЛАВА VI.

Въ этотъ день въ претурѣ, находившейся на разстояніи семи миль отъ общины Везан и Гиральды, не было судебного засѣданія, а сама община не имѣла своего суда для уголовныхъ и крупныхъ денежныхъ дѣлъ и принуждена была обращаться за этимъ въ городокъ Помодоро-Карціофи; только мелкія гражданскія дѣла подлежали разбирательству мирового судьи въ самой Санта-Розалии.

Такимъ образомъ тянулись длинные часы, а Кармело все сидѣлъ въ своей тѣсной, грязной норѣ, за крѣпкими запорами. Отецъ его, братья и бѣдный, убитый горемъ старикъ Пиппо приходили навѣстить его; старикъ Пасторини заплатилъ что слѣдовало, съ тѣмъ, чтобы сына его не сажали въ общее помѣщеніе съ другими заключенными; Луиджи Кантерелли прислалъ ему на завтракъ горячее блюдо и бутылку вина. Но Кармело едва притронулся къ

пищѣ; онъ ни о чемъ не былъ въ состояніи говорить, а только спрашивалъ у каждаго новаго посѣтителя:

— Похоронили-ли Топпу?— Не сердится-ли Віола, что я отпустилъ за собаку? Повидимому, въ головѣ его не было другихъ мыслей; въ душѣ боролись печаль и злоба; нельзя было узнать въ немъ того спокойнаго и серьезнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ веселаго и безпечнаго парня, какимъ онъ былъ до сихъ поръ.

— Сохрани меня Богъ, чтобы я сталъ винить тебя за твой поступокъ; всякій вступился-бы за бѣдную собаку, со слезами на глазахъ говорилъ его отецъ;—но развѣ легко мнѣ видѣть одного изъ моихъ честныхъ сыновей въ этой воровской берлогѣ?

— Я поступилъ справедливо, упорно повторялъ Кармело, и братья его въ одинъ голосъ отвѣчали: да, ты поступилъ справедливо; но увн...

Тѣмъ временемъ мессеръ Неллемане стоялъ у изголовья Виндо, который, улегшись въ постель, стоналъ, дрожалъ и вопилъ, что всѣ кости у него переломаны. Услужливый аптекаръ (онъ же былъ и врачъ общины) обложилъ его ватой, напитанною миндальнымъ масломъ, и заявилъ, что опасается за его жизнь. Мессеръ Неллемане съ выраженіемъ нѣжнаго состраданія и благосклоннаго участія склонился надъ страдальцемъ и сказалъ:

— Бѣдный, бѣдный малый! Вотъ вся твоя награда за ревностное служеніе долгу; ты, конечно, и не думалъ трогать собаки, не правда-ли!

Виндо широко раскрылъ глаза и чуть не засмѣялся въ лицо своему начальнику; но вслѣдъ затѣмъ, вспомнивъ о своей роли, онъ тяжело вздохнулъ, какъ-будто ему не хватало воздуха, и сказалъ:

— Нѣтъ, мессеръ; когда я подошелъ къ тому мѣсту, бѣдняжка уже окоченѣла и неподвижно лежала на дорогѣ.

— Ну, конечно, сказалъ мессеръ Неллемане.— Все это будетъ обнаружено на слѣдствіи. Ты говоришь, что Пасторини давно уже имѣли противъ тебя зубъ; вотъ они и воспользовались этимъ поводомъ, чтобы выместить свою злобу. Возмутительный поступокъ; грубое, звѣрское покушеніе.

При этихъ словахъ онъ грустно покачалъ головою, глядя на распростертую на кровати жертву. Услужливый аптекаръ счелъ своимъ долгомъ тоже покачать головою.

— Поврежденіе позвоночнаго хребта, прошепталъ онъ;— оно можетъ отразиться на сердцѣ, на легкяхъ, и тогда...

— Не будемъ терять надежды, молодость возьметъ свое, сказалъ мессеръ Неллемане, поглаживая кудрявую голову стражника съ такою нѣжностью, съ которою онъ погладилъ-бы ребенка или маленькую собачку, если-бы не ненавидѣлъ и дѣтей, и собакъ.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, уводя съ собою и приходскаго врача, инвалидъ приподнялся на своемъ ложѣ и закричалъ прислуживавшей ему старухѣ:

— Подай-ка мнѣ трубку, да стаканъ хорошаго вина; да жарь-ка мнѣ салничекъ съ артишоками, да подай сюда Книгу Судебъ!

Эта Книга Судебъ была толкователь сновъ; въ ней-же можно было найти предсказанія относительно счастливыхъ номеровъ въ общественныхъ лотереяхъ.

А Віола въ это время стояла на колѣняхъ и, рыдая молилась у себя дома передъ маленькимъ изображеніемъ Божіей Матери, заступницы бѣдныхъ.

Старая Кунціатина сидѣла возлѣ нея, опершись на свою клюку.

— Не помогла моя свѣча, горевала она;— а я истратила на нее все, что у меня было.

ГЛАВА VII.

Миновалъ длинный, ясный день, миновала короткая, лунная ночь, снова загорѣлась заря, насталъ назначенный для свадьбы день, и восходящее солнце сквозь желѣзную рѣшетку тюремнаго окна освѣтило Кармело. Въ восемь часовъ утра карабинеры посадили его между собою въ маленькую повозку и повезли въ Помодоро-Карчіюфи. Потѣшное зрѣлище представляли важныя фигуры карабинеровъ въ этой маленькой, тряской тележкѣ безъ рессоръ, съ саблями, высовывавшимися по обѣимъ сторонамъ и въ треугольныхъ шляпахъ съ кокардами, похожихъ на шляпу Наполеона на Вандомской колоннѣ.

Помодоро-Карчіюфи былъ маленькій, пыльный, невзрачный городокъ, носившій, какъ Буда-Пештъ, двойное имя, такъ-какъ, собственно говоря, состоялъ изъ двухъ городовъ. Зала суда, по-

жѣщавшаяся въ мрачномъ, неулыжемъ каменномъ строеніи, была ничто иное, какъ невзрачная, четырехугольная, недавно выѣденная комната. Здѣсь производились предварительные допросы и судебныя разбирательства, и всѣ уголовныя дѣла сельской общины Везан и Гиральды разсматривались и разрѣшались здѣсь молодымъ преторомъ, который обязанъ былъ творить судъ и расправу надъ населеніемъ изъ десяти тысячъ человѣкъ, и при томъ по всевозможнымъ дѣламъ, начиная отъ долговъ въ пятьдесятъ франковъ и кончая убійствомъ, поджогомъ и воровствомъ. Жалованья ему за это полагалось приблизительно столько-же, сколько въ Англіи получаетъ любой грумъ, и вдвое меньше, чѣмъ получаетъ кучеръ.

Страна раздѣлена на округа, и каждый округъ имѣетъ своего претора, который совмѣщаетъ въ своей плохо-оплаченной персонѣ должности гражданскаго и уголовнаго судьи. Приговоры претора, правда, подлежатъ апелляціи, но на практикѣ, для большинства населенія и въ особенности для бѣдныхъ жителей округа, они въ сущности всегда бывають окончательными.

Въ этотъ день около зданія суда собралась толпа народа, потому-что по городу съ быстротою пожара распространилось извѣстіе, будто сынъ мельника изъ Санта-Розалія убилъ муниципальнаго стражника. Отецъ его, братья и Луиджи Кантарелли пріѣхали въ городъ, надѣясь помочь ему въ чемъ-нибудь или свидѣтельствовать въ его пользу; съ ними-же пріѣхалъ и старшій, на половину обезумѣвшій отъ горя Пиппо. Былъ тутъ и аптекаръ, и друзья Виндо, и адвокатъ, являвшійся въ этомъ дѣлѣ истцомъ отъ имени общины, и писмоводитель, и мировые судьи, сельскій и городской.

Мессеръ Неллемане остался дома; онъ никогда не выступалъ лично противъ члена своей общины, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ дѣлахъ.—Непристойно человѣку, занимающему такую должность, говорилъ онъ съ скромной улыбкой,—отклонять вѣсь правосудія въ ту или другую сторону.

Тѣмъ не менѣе онъ былъ большимъ пріятелемъ претора, молодого адвоката, тяготившагося своею малоодоходною должностію, скучавшаго въ заходустѣ и мечтавшаго также попасть со временемъ въ государственные дѣятели.

Когда обвиняемый между двумя карабинерами былъ введенъ

въ комнату, молодой преторъ, маленький, блѣдный, далеко не представительный человѣчекъ, съ перваго взгляда почувствовалъ къ нему сильную антипатію.

На этотъ день назначена была свадьба Кармело. Сердце его ныло, кровь кипѣла, лицо было блѣдно; тѣмъ не менѣе онъ держался прямо и твердою поступью взошелъ на ступени крыльца претурны; съ обѣихъ сторонъ его, побрякивая саблями, шли карабинеры.

Этотъ смѣлый, красивый парень, окинувшій его спокойнымъ и даже гордымъ взглядомъ, не понравился молодому судѣ. Онъ сразу почувствовалъ убѣжденіе, что сынъ мельника былъ человѣкъ жестокой и опасной, и благосклонно сталъ выслушивать всѣ тѣ ужасы, которые взводилъ на него адвокатъ, поддерживавшій обвиненіе отъ имени общины.

Пасторони и въ голову не приходило, что имъ нужно было приискать адвоката, и старикъ Пиппо, дергая за скюрткуъ Луиджи Кантарелли, съ ужасомъ шепталъ ему.

— Противъ него говоритъ нотаріусъ, противъ него выступилъ законникъ; о Господи, Господи, положеніе его такъ-же безнадежно, какъ положеніе ягненка, котораго ведутъ на убой!

— Да, промолвилъ Луиджи со вздохомъ, — въ наше время, бывало, когда два парня поссорятся, дѣло рѣшалось поединкомъ; никто не вмѣшивался, и правый обыкновенно побѣждалъ; теперь же не успѣютъ, прости Господи, сдѣлаться двѣ кошки, какъ — глядишь — ужъ вмѣшался законъ.

— Тихе! Молчать! кривнулъ судебный приставъ, и дѣло обвиненія безъ дальнѣшихъ перерывовъ пошло своимъ чередомъ. Слушали оба Пасторини, сынъ и отецъ, обвинительную рѣчь и ушамъ не вѣрили; голова у нихъ пошла кругомъ и мысли стали мутиться.

— Неужели-жъ тотъ отъявленный негодяй, про котораго говорится, — а? подумалъ Кармело въ изумленіи. Онъ не зналъ, что адвокатъ общины *частнымъ образомъ* получилъ надлежащія инструкціи мессера Неллемане.

Когда онъ окончилъ свою обвинительную рѣчь и сѣлъ, не оказалось никого, кто сумѣлъ-бы его опровергнуть. Кармело и его друзья слишкомъ поздно убѣдились въ страшной глупости, кото-

рую они сдѣлали по своему невѣдѣнію, не пригласивъ себя на помощь юриста.

Начался допросъ обвиняемаго.

Кармело отвѣтилъ на вопросы, касавшіеся его возраста, имени и отчества и затѣмъ прибавилъ твердымъ голосомъ:

— Биндо Терри отравилъ мою собаку; я избилъ его; но если-бы я его даже убилъ, я не сдѣлалъ-бы ничего дурного: онъ все равно что дикій звѣрь; онъ дьяволъ; онъ истязаетъ животныхъ и людей...

— Заполчите! крикнулъ судья. Вы никого не имѣете права носить; вы обязаны исключительно отвѣчать на мои вопросы въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ вамъ предлагаю.

— Да вѣдь онъ правъ, онъ правъ! закричалъ старикъ Пиппо, продираясь къ оградѣ, за которою стояли зрители. — Онъ правъ, онъ правъ! Христомъ-Богомъ клянусь! Биндо-Терри хотѣлъ меня заставить отвести мой ручей, хотѣлъ меня заставить платить за Божій даръ, за свѣтлую ключевую воду...

— Выведите изъ комнаты этого сумасшедшаго, сказалъ преторъ, и какъ ни упирался, какъ ни взывалъ о правосудіи старикъ, — онъ былъ удаленъ изъ присутствія.

Затѣмъ начался перекрестный допросъ Кармело, безконечный рядъ такихъ запутанныхъ вопросовъ, что, наконецъ, у парня голова пошла кругомъ. Въ концѣ-концовъ онъ уже ничего не понималъ, ни на что не могъ отвѣчать и только съ какими-то тупымъ упорствомъ повторялъ:

— Биндо-Терри отравилъ Топпу; это вѣрно, это вѣрно!

На глазахъ его показывались слезы и катились по щекамъ его, когда онъ вспоминалъ о своей мертвой собакѣ и о дѣвушкѣ, которая въ эту минуту, въ тотъ день, который долженъ былъ быть днемъ ея свадьбы, сидѣла дома и безутѣшно рыдала.

Преторъ, а за нимъ обвинитель отъ общины неотступно приставали къ нему съ всевозможными вопросами, но Кармело непремѣнно повторялъ все то-же самое: онъ отравилъ мою собаку; онъ отравилъ мою собаку.

Это было все, что онъ могъ сказать.

У него не было доказательствъ.

Отецъ его попросилъ, чтобы ему позволили говорить за сына, но получилъ въ отвѣтъ, что это противозаконно. Луиджи Кан-

тарелли со слезами на глазахъ также просилъ, чтобы ему разрѣшили свидѣтельствовать о прекрасномъ характерѣ и о добродушномъ, уживчивомъ нравѣ Кармело. Священникъ изъ Санта-Розалія тоже добивался, чтобы его выслушали, желая заявить, что знаетъ Кармело съ самаго дѣтства и что онъ всегда былъ благо- нравнымъ, покорнымъ парнемъ.

Но это послѣднее свидѣтельство скорѣе повредило подсудному, чѣмъ принесло ему пользу въ глазахъ претора, который считался человѣкомъ крайне либеральнаго образа мыслей и съ удовольствіемъ перевѣшалъ-бы всѣхъ поповъ, перелилъ-бы колокола со всѣхъ церквей и изломалъ-бы распятія въ каждомъ домѣ.

Обратившись къ священнику, онъ замѣтилъ съ ѣдкой усмѣшкой, что на предварительномъ слѣдствіи онъ не считаетъ возможнымъ принять во вниманіе свидѣтельство „друга куріи“, но что оно будетъ выслушано на самомъ судебномъ разбирательствѣ. Затѣмъ, порывшись въ бумагахъ и посоветовавшись съ своимъ письмоводителемъ, молодой преторъ, воображавшій, что онъ чрезвычайно похожъ на Жюль-Фавра, котораго онъ видѣлъ во время своего двухнедѣльнаго пребыванія въ Парижѣ, возвѣстивъ, что въ виду всѣхъ обстоятельствъ, выясненныхъ слѣдствіемъ, онъ, въ интересахъ правосудія и общественной безопасности, не считаетъ возможнымъ оставить на свободѣ обвиняемаго, который самъ призналъ себя виновнымъ, и принужденъ сдѣлать распоряженіе о содержаніи его подъ стражею вплоть до судебного разбирательства дѣла, на которомъ будетъ постановленъ окончательный приговоръ.

Въ толпѣ пронесся глухой ропотъ.

Отецъ подсудимаго затрясся, какъ листъ. Братья, съ сверкающими отъ гнѣва глазами, шептали проклятыя.

Кармело стоялъ, какъ пораженный громомъ; глаза его широко раскрылись, лицо побагровѣло, ноздри расширились, грудь тяжело дышала, словно онъ запыхался отъ долгаго бѣга.

— Меня въ тюрьму! крикнулъ онъ громкимъ голосомъ. А онъ, воръ, шпіонъ, отравитель, будетъ на свободѣ?

— Уведите его, строгимъ голосомъ сказалъ преторъ, нахмурившись, и карабинеры, схвативъ подсудимаго за обѣ руки, сильно вывели его изъ комнаты.

Немного спустя, послѣ того, какъ начались уже разбиратель-

ства другихъ дѣлъ, священникъ, красивый сѣдой старикъ, попытался еще частнымъ образомъ поговорить съ молодымъ судьей.

— Невозможно! рѣзко отвѣтилъ судья.—Это явное нападеніе, разбойническое нападеніе, и притомъ направленное противъ служителя закона. Всякій прежде всего обязанъ уважать законъ. Пусть это послужитъ примѣромъ для другихъ.

Печальные, усталые, съ тяжелою тоскою на сердцѣ отправились друзья Кармело въ тряскомъ дилижансѣ изъ Помодоро въ Санта-Розалію. Шатаясь, весь бѣлый отъ известковой дорожной пыли, охрипшій отъ слезъ, старикъ Пиппо вошелъ въ свою хату, заплакалъ, какъ дитя, и, рыдая, въ отрывочныхъ выраженіяхъ рассказалъ о событіяхъ этого ужаснаго дня.

Самъ Кармело былъ заключенъ въ городскую тюрьму, а Біолѣ пришлось убрать свой подвѣнечный нарядъ, украшенный померанцевыми цвѣтами, бутонами лавенды и розовыми листьями; и цвѣты и листья завяли, какъ ея радости и надежды.

Биндо Терри пришелъ въ такой восторгъ, что аптекарю стоило большихъ усилій помѣшать ему выскочить изъ постели и сбѣжать по лѣстницѣ на улицу.

— Вы забываете, что ваша жизнь въ опасности, кричалъ эскулапъ, обхвативъ несчастную жертву обѣими руками.

Биндо ослабился, обнаживъ свои зубы, бѣлые, какъ лиліи.

— Разопьемъ-ка бутылочку по случаю хорошихъ извѣстій, сказалъ онъ, и эскулапъ съ своимъ пациентомъ усѣлись за бутылкой.

ГЛАВА VIII.

Въ теченіи того-же мѣсяца, когда Кармело былъ заключенъ въ тюрьму, настало время выборовъ въ парламентъ. Не задолго передъ тѣмъ министерство, настаивавшее на необходимости введенія поголовнаго налога на скотъ, встрѣтивъ сильную оппозицію въ палатѣ, потерпѣло окончательное фіаско, и палата была распущена королемъ. По всей странѣ, разужьется, закипѣла выборная агитация: старые депутаты стремились снова попасть въ парламентъ, новые кандидаты рассчитывали на то-же самое, надѣясь вытѣснить старыхъ. Адвокаты, жида и сравнительно небольшое число

дворянъ обращались къ народу съ воззваніями, прося его всёхъ ихъ послать въ палату.

Городъ Помодоро имѣлъ право посылать въ палату одного депутата отъ того округа, къ которому принадлежала община Везан и Гиральды. На этотъ разъ на выборы явились два кандидата; первый былъ маркизъ Рольдано, второй былъ юристъ, по имени Лука Финти. Рольдано, представительный, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ дворянинъ, уже въ теченіи многихъ лѣтъ постоянно былъ избираемъ депутатомъ отъ Помодоро. Лука Финти былъ ловкій, пронырливый неаполитанецъ, также уже бывавшій въ парламентѣ отъ другихъ мѣстъ; болтать онъ умѣлъ такъ, что, по итальянскому выраженію, могъ распилить языкомъ цѣлое дерево; онъ являлся кандидатомъ либеральной партіи, но той ея фракціи, которая была враждебна министерству.

На долю кавалера Дурелаццо, человѣка не особенно далекаго выпала не легкая задача. Префектъ, разумѣется, былъ приверженцемъ министерства и находился въ большомъ затрудненіи по поводу предстоящихъ выборовъ въ общинѣ Везан и Гиральды. Община эта, какъ и вся провинція, считалась реакціонною и постоянно избирала своимъ представителемъ маркиза Рольдано, котораго братъ былъ кардиналомъ, а отецъ когда-то былъ первымъ министромъ Великаго-Герцога. Противъ маркиза выступилъ Лука Финти, одинъ изъ *диссидентовъ*, который уже составилъ себѣ въ населеніи партію, прежде чѣмъ приверженцы министерства успѣли выставить своего кандидата; а если-бы министерская партія вздумала выступить съ своимъ кандидатомъ теперь, то въ немногочисленной средѣ либераловъ Везан и Гиральды и двухъ другихъ общинъ, составлявшихъ избирательный округъ Помодоро, произошелъ-бы расколъ, и реакціонеръ Рольдано навѣрное былъ-бы избранъ снова.

Лука Финти успѣлъ уже заручиться сильными шансами, благодаря покровительству и вліянію богатаго ростовщика, *душмуба* Дзаули, въ сундукахъ котораго хранились закладныя письма и другія обязательства огромнаго большинства дворянъ-землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе этого префектъ рѣшился не противиться избранію Финти, надѣясь войти съ нимъ въ сдѣлку относительно его программы. По отношенію къ маркизу такая тактика была-бы совершенно бесплодна. Такимъ образомъ префектъ кокетничалъ

съ диссидентами, а диссиденты кокетничали съ нимъ. Мессеръ Лука Финти былъ человекъ, привыкшій къ такого рода политическимъ интригамъ. Отложивъ въ сторону принципы, онъ наметнулъ префекту, что, разъ попавши въ парламентъ, онъ не намѣренъ противиться политикѣ министерства. Подобными-же обѣщаніями онъ старался заручиться содѣйствіемъ консерваторовъ, съ тою разницею, что въ ихъ глазахъ онъ постарался выставить себя замаскированнымъ противникомъ какъ министерства, такъ и либераловъ. Въ концѣ-концовъ кавалеръ Дурелаццо и другіе синдики получили секретную инструкцію способствовать избранію мессера Финти, но, конечно, такъ, чтобы не компрометировать явно министерства и префекта.

Официально это дѣло было возложено на кавалера Дурелаццо, на самомъ-же дѣлѣ весь планъ этой тайной кампаніи былъ составленъ его секретаремъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣйствовалъ убѣжденіемъ, въ другомъ—притѣсненіемъ, скрытою угрозою, гдѣ нужно,—приличною взяткою; наконецъ, для усугубленія всѣхъ этихъ средствъ предполагалось затянуть покрѣпче полицейскій ошейникъ, которымъ населеніе было обязано своему муниципалитету. Все это разумѣется, должно было дѣлаться въ тайнѣ, подъ маскою строгаго невмѣшательства. Мессеръ Неллемане былъ на седьмомъ небѣ; никогда еще его дѣятельности не представлялось такого широкаго поля.

Мессеръ Неллемане сразу разгадалъ характеръ мессера Финти, а мессеръ Финти, въ свою очередь, съ перваго взгляда оцѣнилъ таланты мессера Неллемане. Мессеръ Неллемане, конечно, былъ только мелкій чиновникъ маленькой общины, но вѣдь и самъ Лука Финти когда-то также былъ мелкимъ чиновникомъ, а, по увѣренію нѣкоторыхъ, даже и того хуже.

Вслѣдствіе этого ихъ нѣкоторымъ образомъ связывало товарищеское чувство. Впрочемъ, если-бы даже этого чувства и не было, мессеръ Неллемане все-таки, согласно полученному предписанію, содѣйствовалъ-бы избранію этого кандидата.

Дѣло не мало затруднялось тѣмъ, что община Везан и Гиральды, населеніе которой, главнымъ образомъ, занималось земледѣліемъ, прежде всего ожидала отъ своего депутата сопротивленія тягостному налогу на рогатый скотъ. Кромѣ того, маркизъ

Рольдано пользовался популярностью, а потому являлся не безопаснымъ противникомъ.

Заваленный по горло работою, мессеръ Неллемане совершенно забылъ о Виолѣ и только изрѣдка, встрѣчая ее на улицѣ, содрогался при мысли о томъ, какъ онъ могъ компрометировать свою карьеру изъ-за этой дѣвушки.

Мессеръ Лука Финти былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ бывшимъ министромъ, надѣявшимся на этотъ разъ снова овладѣть портфелемъ, и общалъ, если только будетъ избранъ въ депутаты, оказать мессеру Неллемане всевозможныя услуги. Послѣдній, зная очень хорошо, что люди обыкновенно помнятъ о такихъ общеніяхъ только до тѣхъ поръ, пока нуждаются въ услугахъ, въ свою очередь постарался познакомиться со всѣми избирательными интригами, которыя пускалъ въ ходъ Лука Финти и раскрытіе которыхъ могло сильно повредить ему въ общественномъ мнѣніи. Правда, и самъ мессеръ Неллемане обнаружилъ на этомъ поприщѣ не меньшее искусство: ему, главнымъ образомъ, принадлежала честь составленія и выполненія грандіознаго плана, состоявшаго въ томъ, что вся бригада карабинеровъ со всей провинціи съ изумительной быстротой переѣзжала изъ города въ городъ и успѣвала вотировать въ пользу шести кандидатовъ, въ шести различныхъ избирательныхъ округахъ, разумѣется, не безъ пользы для министерской партіи и для проектированнаго закона о налогѣ на рогатый скоть.

Само собою разумѣется, что въ своихъ краснорѣчивыхъ обращеніяхъ къ избирателямъ, министерскіе кандидаты во всей провинціи благоразумно обходили щекотливый вопросъ о налогѣ и больше толковали о высокихъ политическихъ вопросахъ. Той-же тактики придерживался и мессеръ Лука Финти. Обратившись къ своимъ избирателямъ съ блестящею рѣчью, онъ заявилъ, между прочимъ, что только благодаря такту и вліянію диссидентовъ, Италія избавилась отъ опасности быть замѣшанною въ предстоящую войну между Россією и Китаемъ.

— Пусть Россія и Китай совершенно самостоятельно разрѣшать свои разногласія, говорилъ онъ;—но какъ скоро война будетъ окончена, Италія не допуститъ заключенія трактата, способнаго компрометировать ея права, и заявитъ притязаніе на

часть Монголіи, съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность бороться противъ вліянія Франціи въ Кохинхинѣ.

Въ этомъ мѣстѣ рѣчь была покрыта громкими рукоплесканіями. Большинство слушателей, конечно, не имѣло ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое Монголія и гдѣ она находится, но, очевидно, это была вещь, пріобрѣтеніе которой не будетъ стоить никакихъ трудовъ и къ тому-же будетъ непріятно для французевъ; этого было достаточно. Перспектива—безъ боя, безъ выстрѣла, сдѣлать новое территориальное пріобрѣтеніе и дать пощину побѣдителямъ при Сольферино, представлялась крайне заманчивою. Только одинъ голосъ крикнулъ: можетъ быть, монголы тоже станутъ вывозить нашъ виноградъ; въ прошломъ году французскіе купцы скупили его весь; это просто позоръ! Но этого оратора, который къ тому-же былъ виноторговецъ, заставили замолчать, какъ закоренѣлаго, ограниченнаго консерватора.

Мессеръ Луца Финти ничего не говорилъ о виноградѣ, но зато чрезвычайно распространился о Гамбеттѣ. Стоявшій въ толпѣ красильщикъ толкнулъ своего сосѣда и спросилъ: „вѣдь это братъ короля, не правда-ли?“—Ну, вотъ еще, возразилъ сосѣдъ,—это нѣмецъ, что взялъ Парижъ.

— Друзья мои, сказалъ маркизъ Рольдано, обращаясь къ избирателямъ съ простою понатною для нихъ рѣчью;—въ Италіи килограммъ хлѣба на пятнадцать сантимовъ дороже, чѣмъ въ Парижѣ; мнѣ кажется, этотъ фактъ имѣетъ для васъ большее значеніе, чѣмъ личность господина Гамбетты.

Голодные желудки, правда, отвѣчали на это замѣчаніе громкими рукоплесканіями, но голодные желудки не имѣли избирательнаго голоса, а красильщики, лавочники и мелкіе собственники были того мнѣнія, что, хотя хлѣбъ дѣйствительно дорогъ, слушать разглагольствованія на эту тему совсѣмъ не занимательно.—Вотъ, если Италія заполучитъ этотъ кусокъ Монголіи, говорили они между собою,—тогда, небось, хлѣбъ подешевѣетъ въ одинъ мигъ.

Послѣ собранія маркизъ собралъ у себя въ комнатѣ нѣкоторыхъ изъ избирателей и показалъ имъ географическую карту.

— Онъ смѣется надъ вами, сказалъ онъ,—смотрите, гдѣ Монголія и гдѣ Россія и Китай.

Но географическая карта не убѣдила ихъ.—Что-жь, если безъ

боя заполучить Монголію, такъ это будетъ ловкая штука, упрямо твердили они, и мало-по-малу въ Помодоро стали поговаривать о томъ, что маркизъ человекъ недалекій и недостойнъ быть ихъ представителемъ.

Какъ прежде ими во всемъ руководила священники, такъ теперь ихъ водили за носъ чиновники.

Насколько выгодна была для нихъ такая перемена, это вопросъ спорный.

Велика сила тщеславія и велико вліяніе словъ, а въ особенности въ Италіи. Въ концѣ-концовъ мессеръ Лука Фьинти, не обѣщавъ своимъ избирателямъ ни пониженія цѣны на хлѣбъ, ни уничтоженія рекрутскаго набора, ни облегченія налоговъ, а только наговоривъ съ три короба о будущемъ могуществѣ Италіи, добился того, что былъ избранъ огромнымъ большинствомъ голосовъ.

ГЛАВА IX.

Все время, пока городъ находился подъ вліяніемъ политической лихорадки и броженія, Кармело томился въ своей тюрьмѣ. Всѣ забыли о немъ, исключая его отца, братьевъ и невѣсты. Старикъ Пасторини переплатилъ не мало денегъ, съ тѣмъ, чтобы сына его посадили въ отдѣльное помѣщеніе и кормили сносною пищею. Онъ ходилъ въ городъ, къ адвокату и поручилъ ему дѣло своего сына; но адвокатъ отвѣчалъ ему: „послѣ выборовъ“; и другого отвѣта невозможно было отъ него добиться, хотя онъ и не задумался принять задатокъ.

— Послѣ выборовъ, съ глубокимъ вздохомъ говорилъ старикъ своему сыну каждый разъ, какъ ему разрѣшали видѣться съ нимъ.

Кармело въ отвѣтъ только покачивалъ головой.

Сильно измѣнился онъ за это время: поблѣднѣлъ, похудѣлъ, глаза ввалились; трудно было узнать въ немъ прежняго беззаботнаго, дѣятельнаго, загорѣлаго, асноглазаго парня. Глаза его свѣтились подавленной, мрачной злобой, и ровный, но веселый нравъ его замѣнился равнодушною апатіей.

Адвокатъ, какъ-то заходившій къ нему разъ и предложившій ему нѣсколько бѣглыхъ вопросовъ, нетерпѣливо отвѣчалъ на его

разспросы: „передъ вашимъ дѣломъ будетъ разбираться еще сотня другихъ; не думаю, чтобы очередь ваша пришла раньше праздника Всѣхъ-Святыхъ“.

Хотя адвокатъ и взялся за это дѣло, польстившись на заселенные кредитные билеты стараго Пасторини, онъ не выказывалъ особеннаго рвенія. Онъ сознавалъ, что защищать простаго парня, который не ладилъ съ муниципальными властями и былъ виновенъ въ нападеніи на муниципальнаго стражника, было дѣломъ неблагодарнымъ. Такіе процессы вредятъ репутаціи адвоката.

Сидя въ тюрьмѣ, Кармело сквозь отворенное рѣшетчатое окно, находившееся подъ самымъ потолкомъ, слышалъ гулъ толпы, собравшейся въ зданіи претуры и рукоплескавшей совершенно непонятной для нея рѣчи.

Онъ слышалъ отъ тюремщика, что происходило въ Помодоро, почему и день и ночь въ городѣ стоялъ такой шумъ, и зналъ, что противъ маркиза выступилъ либеральный кандидатъ.

— Можетъ быть, онъ и сдѣлалъ-бы что-нибудь для насъ, если бы его выбрали, задумался Кармело. — Можетъ быть, онъ удалилъ-бы всѣхъ этихъ чиновниковъ и стражниковъ и сказалъ-бы, что собаки могутъ пользоваться данными имъ Богомъ ногами.

На сердцѣ у него какъ-будто стало легче; въ немъ снова зашевелились слабая надежда и радость, когда въ сумерки тюремщикъ сообщилъ ему, что Лука Финти избранъ депутатомъ отъ Помодоро такимъ огромнымъ большинствомъ голосовъ, что не требовалось даже перебаллотировки *).

Когда вечеръ склонился къ ночи, раздались звуки музыки, загрещали ракеты, и отблескъ разноцвѣтныхъ огней фейерверка озарилъ тюремную камеру, въ которой Кармело сидѣлъ на деревянной скамейкѣ.

Въ эту ночь граждане Помодоро подвыпили; было даже нѣсколько дракъ, и всѣ ликовали, смутно сознавая, что сдѣлали отличное дѣло, выбравъ этого адвоката изъ Неаполя, который обѣщаль имъ выхлопотать для города газъ и желѣзную дорогу.

А между тѣмъ самъ мессеръ Лука Финти сидѣлъ за ужиномъ съ помодорскимъ синдикомъ и съ членами джунты; а такъ-какъ

*) Если кандидатъ не получилъ двухъ третей голосовъ, то, по итальянскимъ законамъ, требуется перебаллотировка.

синдикъ изъ Санта-Розаліи не могъ явиться по болѣзни, то вмѣсто него, по просьбѣ новаго депутата, былъ приглашенъ его достойный намѣстникъ, уже начавшій такимъ образомъ вкушать всю сладость справедливаго вознагражденія.

На площади Санта-Розаліи новыя извѣстія были встрѣчены совершенно иначе.

Мессеръ Неллемане хлопоталъ за мессера Финти; этого было совершенно достаточно для населенія общины, которая испытала на себѣ благодѣтельное его правленіе.

День или два спустя послѣ выборовъ, Віола сидѣла утромъ у дверей своего домика; возлѣ нея лежала Раджи.

Раджи была маленькая собачка съ свѣтло-желтою шерстью. Лѣтъ семь тому назадъ Віола нашла ее въ виноградникахъ въ самомъ несчастномъ видѣ: надѣтое на нее маленькое, изодранное красное платьице показывало, что она сбѣжала отъ какого-нибудь шарманщика.

Вскорѣ Раджи стала любимицей всѣхъ дѣтей на селѣ, которыхъ она забавляла своими фокусами. Теперь она уже состарилась, но все еще умѣла танцевать вальсъ подъ звуки гитары, служить, бить въ воображаемый барабанъ, ходить на заднихъ лапахъ. Въ это утро она спала, улегшись на платьѣ своей госпожи, что въ послѣднее время стало любимымъ ея занятіемъ.

Въ то время, какъ она спала, а Віола занималась плетеніемъ, не отрывая глазъ отъ своей работы, возлѣ дома проходилъ Анджело Сагари. Съ тѣхъ поръ какъ Віола его помнила, старикъ этотъ былъ муниципальнымъ стражникомъ. Никогда онъ не прѣснялъ никого въ былое время и казался всегда добродушнымъ, какъ старый сѣрый котъ, лежавшій въ лавкѣ Луиджи между связками веревокъ и пакетами съ сахаромъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ завелись новые порядки, съ тѣхъ поръ, какъ ревностный Биндо сталъ пользоваться солиднымъ доходомъ отъ налагаемыхъ на нѣ штрафовъ, а лѣнивому Анджело пригрозили отставкой, старикъ совершенно переиначился. Мучимый завистью, онъ сталъ стараться подражать своимъ товарищамъ и превратился скоро въ подозрительнаго, ворчливаго, несноснаго человѣка. По цѣлымъ днямъ онъ ходилъ и высматривалъ, съ кого-бы сорвать штрафъ, и въ это утро взглядъ его случайно остановился на Раджи.

Собака эта не была привязана; на ней не было даже ошейника; сѣдые волосы Анджело стали дыбомъ отъ ужаса.

Онъ зналъ Раджи уже семь лѣтъ и сто разъ стоялъ и со смѣхомъ смотрѣлъ, какъ она пляшетъ вальсъ или бьетъ въ барабанъ, забавляя собравшихся на площади дѣтей. Но сегодня онъ видѣлъ въ ней только объектъ для наложенія штрафа.

Онъ подошелъ къ Віолѣ и грубо сказалъ: твоя собака не привязана!

Віола взглянула на него и засмѣялась, несмотря на свое печальное настроеніе.

— Раджи? Вѣдь это Раджи! Неужели-же мнѣ привязывать Раджи? Это было-бы слишкомъ жестоко; вѣдь Раджи общая любимица; что-же безъ нея стануть дѣлать дѣти? Правда, теперь она ужъ не такъ подвижна, она состарилась, бѣдняжка.

Анджело нахмурился и сталъ что-то записывать карандашомъ въ свою книжку.

— Я имѣю право конфисковать эту собаку, сказалъ онъ строго,—и не прочь сдѣлать это за твои дерзкіе отвѣты. Собака не на привязи; это нарушеніе муниципальныхъ законовъ, ты сама это знаешь. Дѣдъ твой получить повѣстку.

— Но, Анджело! воскликнула Віола въ изумленіи, не вѣря своимъ ушамъ;—вѣдь Раджи все такая-же, какою она была семь лѣтъ тому назадъ. И что она сдѣлала? Я не знаю, чего ты хочешь; сколько разъ ты самъ за все это время ласкалъ и баловалъ ее и смѣялся, глядя на нее;—ты шутишь...

— Ты скоро убѣдишься, что это не шутка, строгимъ тономъ прервалъ ее Анджело, которому въ глубинѣ души было самому нѣсколько стыдно.—Твоя собака не можетъ быть исключеніемъ изъ общаго правила. Дѣдъ твой долженъ будетъ заплатить штрафъ, а если я еще разъ увижу ее безъ привязи, то конфискую ее, и она будетъ убита, если ты не заплатишь двадцати франковъ. Я предостерегъ тебя.

Съ этими словами Анджело удалился, чувствуя, что самъ Биндо не могъ поступить и говорить лучше.

Віола плакала, а старикъ Пиппо, вернувшись домой, разразился проклятіями и долго не могъ успокоиться.

— Не можетъ быть, чтобы господа знали объ этомъ, повторялъ онъ, чтобы успокоить Віолу.

А между тѣмъ „господа“ знали объ этомъ; засѣдая на своемъ еженедѣльномъ собраніи, они слушали донесеніе, которое читалъ имъ мессеръ Неллемане, и выразили свои одобренія стражникамъ за ихъ ревностную службу.

Анджело сдержалъ слово, и Пиппо получилъ повѣстку, по дѣлу о непривязанной собацѣ. Послѣдовавъ совѣту своего робкаго сосѣда, бочара, который убѣждалъ его сдѣлать все, чтобы сохранить миръ и спокойствіе, онъ на этотъ разъ подчинился и заплатилъ два франка штрафа, рѣшившись цѣлую недѣлю не пить вина.

— Два франка за то, что Раджи спала на твоёмъ платѣ, говорилъ онъ своей внучкѣ разъ двадцать въ день; это казалось ему такимъ чудовищнымъ притѣсненіемъ, какого не видалъ еще свѣтъ.

Виола, опасаясь за жизнь своей собачки, обвязала ей вокругъ шеи старую ленту и привязала къ ней длинную веревку; но такъ какъ не было никакой возможности всегда усмотрѣть за нею, то Раджи часто вбѣгала на площадь къ своимъ товарищамъ, дѣтямъ, волоча за собою веревку, и вскорѣ на Пиппо снова посыпались повѣстки и штрафы.

Но дѣло не ограничивалось штрафами; вмѣстѣ съ повѣстками явилась бумага отъ сборщика податей, въ которой значилось, что Пиппо обязанъ заплатить за Раджи налогъ за цѣлыя семь лѣтъ, считая по шести франковъ въ годъ, что вмѣстѣ съ судебными издержками составляло около семидесяти франковъ. Затѣмъ, послѣдовали бумаги по поводу разныхъ нарушеній закона, въ силу которыхъ Филиппо Мазетти, рѣзавшій на рѣбѣ камышь и не исполнявшій предписанія объ отведеніи ручья, несмотря на многократныя предостереженія и повѣстки, приговаривался заочно къ штрафу. Общая сумма этихъ штрафовъ была такая чудовищная, что, когда Виола прочитала ему ее, старикъ опустился блѣдный, какъ полотно, и неподвижно уставился въ пространство, съ усиленіемъ перевода дыханіе; перепуганная дѣвушка закричала, что съ нимъ ударъ и созвала всѣхъ сосѣдей.

Это не былъ апоплексическій ударъ; но когда на Пиппо посыпались одна за другою всѣ эти бумаги съ написанными въ нихъ неумолимыми требованіями, веселый, честный, наивный и добродушный старикъ, казалось, опустился, словно подъ давленіемъ тя-

готѣвшей надъ нимъ бѣды. Такъ внезапно падаетъ птица, пораженная брошеннымъ въ нее камнемъ.

Никогда до сихъ поръ не жаловался онъ на свою судьбу, хотя жизнь его была и не особенно красна; никогда не ропталъ онъ на то, что приходится работать круглый годъ изъ-за куска хлѣба; но теперь, казалось, насталъ конецъ его терпѣнью и покорности.

Ему было дано десять дней сроку, чтобы выплатить требуемую сумму. Шестъ дней онъ провелъ, ничего не предпринимая, и только переходилъ отъ сосѣда къ сосѣду, рассказывая то одному, то другому про свое горе, или разглядывалъ присланныя бумаги, хотя и не умѣлъ читать, недоумѣвая, какъ ему быть. Не могъ онъ взять въ толкъ, какимъ образомъ то, что онъ привыкъ дѣлать всю свою жизнь и что всегда считалось законнымъ, вдругъ превратилось въ преступленіе. А между тѣмъ ему было объявлено, что если онъ не заплатитъ требуемой суммы, то домишко его и весь жалкій скарбъ, составлявшій его движимую собственность, будутъ проданы съ аукціона. Мысль занять денегъ подъ залогъ дома представлялась ему такою чудовищною, что онъ тотчасъ оставилъ ее; это было все равно, что надѣть себѣ на шею петлю. Віола предлагала-было занять денегъ у мельника, но Пиппо объ этомъ и слышать не хотѣлъ. Мельникъ и самъ былъ человекъ не богатый; семья у него была большая, а въ послѣднее время, съ тѣхъ поръ какъ въ городѣ была выстроена большая паровая мельница, доходы его значительно сократились, и онъ самъ вошелъ въ долги.

А сосѣдъ, бочаръ, то и дѣло повторялъ:

— Пока у тебя не будетъ бумаги, тебѣ всегда придется платить. Скоро намъ придется платить за каждое дыханіе или за то, что мы закуриваемъ трубку. Я всегда говорилъ тебѣ, что нужно раздобыться бумагой.

— Да не могу-же я платить, сказалъ Пиппо; — если я заработаю въ день сангимовъ шестьдесятъ, такъ это слава Богу; Віола, правда, плететъ солому, но съ тѣхъ поръ какъ пошли новыя шляпы машинной работы, этимъ не разживешься; выручка едва хватаетъ на одежду Віолѣ; а кромѣ этого у насъ нѣтъ ничего, ничего. Какъ тутъ заплатить такія деньги при нынѣшней дороговизнѣ.

— Если у тебя не будетъ бумаги, такъ заплатить придется,

сказалъ сосѣдъ, у котораго, подѣ влияніемъ многолѣтняго муниципальнаго деспотизма, эта мысль, словно гвоздь, засѣла въ голову.

Думалъ, думалъ старшій Пиппо и, наконецъ, порѣшилъ, что „господа“, какъ онъ называлъ членовъ джіунты, навѣрное не знаютъ о тѣхъ незаконныхъ притѣсненіяхъ, которымъ его подвергаютъ, и потому порѣшилъ пойти и рассказать имъ о своемъ горѣ. Выбравшись и нарядившись въ праздничное платье, онъ отправился въ путь. Прежде всего онъ, разужѣтся, отправился къ виллѣ синдика; но тутъ ему сказали, что кавалеръ Дурелацио все еще на водахъ, но что, если онъ пришелъ по дѣлажь, касающимся общины, то мессеръ Неллемане, живущій въ селеніи, можетъ замѣнить его.

— Нѣтъ, нѣтъ! лучше я пойду къ самому дьяволу, пробормоталъ Пиппо и пошелъ назадъ, спускаясь по длинной, каменистой дорогѣ, извивавшейся по обнаженнымъ холмамъ, на которые онъ только что взбирался съ такимъ трудомъ. Вилла синдика находилась на разстояніи четырехъ миль отъ деревни.

Въ этотъ день было уже поздно идти къ другимъ; но на слѣдующее утро Пиппо опять собрался въ путь. Онъ рѣшилъ побывать у каждаго изъ „господъ“, составлявшихъ джіунту, а ихъ было семеро. Двое изъ нихъ были дворяне, двое принадлежали къ мелкой буржуазіи, одинъ былъ докторъ, одинъ — юристъ и, наконецъ, послѣдній былъ ростовщикъ Дзаули. Пиппо рѣшилъ прежде всего попытать свое счастье у дворянъ. Одинъ, оказалось, былъ въ своемъ имѣніи, въ другой провинціи, а второй, котораго старикъ засталъ дома, объявилъ, что ему очень его жаль, но что онъ ничего не можетъ сдѣлать, что онъ не въ состояніи измѣнить законовъ; впрочемъ, онъ принялъ Пиппо ласково и велѣлъ своему дворецкому накормить его на кухнѣ. Тотъ-же самый отвѣтъ получилъ онъ отъ двухъ мелкихъ собственниковъ, только въ нѣсколько болѣе рѣзкой формѣ. Юристъ объявилъ ему, что они рѣшились во чтобы-то ни стало заставить уважать законъ, а когда старикъ робко спросилъ его, зачѣмъ-же издали такіе законы и замѣтилъ, что лучше-бы ихъ опять уничтожить, юристъ пришелъ въ негодованіе и назвалъ Пиппо нахаломъ; не подозрѣвалъ старикъ за собою этого свойства и въ первый разъ объ этомъ слышалъ. Докторъ сказалъ ему приблизительно то-же, что и юристъ, а идти къ Дзаули Пиппо не рѣшился; онъ зналъ напередъ, что

это ни къ чему не поведетъ; легче найти персики на извѣденномъ муравьями деревѣ, думалъ онъ, — чѣмъ состраданіе въ сердцѣ ростовщика.

Усталый, съ опухшими ногами, съ тяжелымъ сердцемъ шелъ Пиппо по глубокому песку дороги, неся въ рукахъ сапоги; онъ почелъ необходимымъ взять ихъ съ собою, чтобы, для выраженія своей почтительности, надѣвать ихъ каждый разъ, какъ онъ входилъ въ домъ одного изъ „господъ“, но изнашивать ихъ на большой дорогѣ, по его мнѣнію, было совершенно лишнимъ. Измученный вернулся онъ домой; въ этотъ день, переходя съ горы на гору, изъ одного мѣста въ другое, онъ исколесилъ по крайней мѣрѣ миль двадцать-пять. Молча съѣлъ онъ свой скромный ужинъ и легъ спать. Еще одною надеждою стало меньше; правда, надежда эта была шаткая, но все-же онъ строилъ на ней планъ своихъ дѣйствій.

Внучкѣ своей онъ не сказалъ ничего, придерживаясь старого мнѣнія, что у бабъ волосъ дологъ, а ушь коротокъ и что лучше всего ни о чемъ съ ними не говорить. На слѣдующее утро онъ опять облекся въ праздничный сюртукъ и жилетъ, надѣлъ свою соломенную шляпу и въ тряскомъ дилижансѣ сквозь облака пыли поѣхалъ въ Помодоро.

— Говорятъ, онъ либераль и жалѣетъ бѣдныхъ, думалъ Пиппо, и смѣло отправился къ синьору Финти. Въ городѣ ходила слухи, что новый депутатъ намѣренъ былъ посвататься на Терезинѣ Дзаули, некрасивой, неукложей, смуглой дѣвицѣ съ изрядными усиками на губѣ, съ шиньономъ, величиною въ арбузъ, и въ платьѣ совмѣщавшемъ въ себѣ всѣ цвѣта радуги, но зато обладавшей большимъ капиталомъ и брилліантами, когда-то принадлежавшими одной старой, умершей графинѣ, дѣлами которой завѣдывалъ отецъ Терезины, такъ-какъ графиня была слабоумная, меланхолическая барыня. Терезина Дзаули подарила-было свое сердце одному молодому сержанту, цвѣтущему и красивому, какъ цвѣтокъ даліи, но отецъ прочилъ ей не такого жениха, да и она скоро освоилась съ мыслью, что выйдетъ замужъ за депутата, и будетъ ходить въ Бвириналь, на парадные балы, какъ несомнѣнно подобало супругѣ мессера Финти.

Такъ-какъ новый депутатъ пользовался славой человѣка, ни кому ни въ чемъ не отказывающаго, услужливаго и ласковаго ко

всѣмъ безъ различія, то маленькаго, покрытаго пылью Пиппо немедленно отвели въ комнату, гдѣ депутатъ подкрѣплялся легкимъ завтракомъ, состоявшимъ изъ фаршированнаго лука и изъ ривотто съ печенкою и мозгами. Думая, что старикъ пришелъ за милостынею, Финти поспѣшилъ застегнуть свои карманы, но привѣтствовалъ его съ такою сладкою улыбкою и въ такихъ любезныхъ выраженіяхъ, что Пиппо сразу подумалъ: онъ освободитъ меня отъ штрафовъ.

Лука Финти былъ олицетворенною благосклонностію и любезностію, какъ привыкъ быть со всѣми, но, когда узналъ въ чемъ дѣло, то нѣсколько охладѣлъ и сталъ менѣе ласковъ, ибо по понятіямъ депутата муниципальный законъ былъ святъ и непогрѣшимъ.

Пиппо, полный надежды, началъ свой разговоръ.

Долго онъ рассказывалъ, многое повторялъ два, три раза, перепутывалъ одно съ другимъ и въ заключеніе разразился проклятіями противъ государства вообще и противъ мессера Гаспардо Неллемане въ особенности.

Лука Финти слушалъ внимательно, но когда, наконецъ, Пиппо, запыхавшись прервалъ потокъ своихъ проклятіи, онъ нахмурился и выпрямился съ такимъ-же точно жестомъ, которой онъ употреблялъ на трибунѣ.

— Вы оштрафованы за инсубординацію.

— Что, синьоръ? сказала Пиппо.— Вотъ это самое слово, кажется, написано и въ повѣсткахъ. Ин-суб-ор-ди-на-ція!. Длинное, мудреное это слово для бѣдныхъ людей, которые не понимаютъ, что оно значитъ. Что я сдѣлалъ дурного? Ничего, рѣшительно ничего. Онъ приходилъ и совалъ свой носъ въ дѣла, которыя совсѣмъ его не касались: не онъ создалъ камышь въ рѣкѣ; Богъ его создалъ. Не онъ послалъ изъ земли воду для ручья; Богъ ее послалъ. А что касается маленькой собачки,—каждый ребенокъ ее знаетъ и любитъ. Ничего дурного я не сдѣлалъ; это я всегда скажу, хоть убейте меня. Живу я мирно, никого не трогаю; а эта выскочка приходитъ ко мнѣ, шпионитъ, не даетъ мнѣ покоя, грозитъ сдѣлать меня нищимъ, а потомъ называетъ все это инсубординаціей!—Что я сдѣлалъ дурного?

Лицо депутата омрачилось и приняло серьезное выраженіе, когда онъ пересмотрѣлъ всѣ бумаги, которыя ему вручилъ Пиппо.

— Кажется, онъ всё въ порядкѣ, нѣсколько строгимъ тономъ замѣтилъ онъ;—я рѣшительно не вижу въ нихъ ничего незаконнаго, рѣшительно ничего. Быть можетъ, вамъ это и тяжело; но нужно было повиноваться законамъ.

— Законамъ, сударь? съ сердцемъ воскликнулъ старикъ.—Я никогда не нарушалъ законовъ, никогда; законы противъ меня ничего не могутъ имѣть. Развѣ это законы, вся эта дурацкая дребедень, которую выдумываютъ шпионы и мошенники, чтобы выжимать у насъ деньги, когда имъ понадобится завтракъ, ужинъ, выпивка или дѣвка?

— Т-с-с-ъ! сказала депутатъ, поднимая руку и содрогаясь отъ ужаса. Не говорите такихъ вещей, никогда не говорите такихъ вещей, никогда не говорите такихъ вещей! Законъ неприкосновененъ, и исполнители и представители его должны быть уважаемы. Бумаги эти вполне законны; онѣ основаны на государственныхъ законахъ. Но если-бы даже онѣ и не основывались на государственныхъ законахъ, каждый муниципалитетъ имѣетъ право создавать собственные законы и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Муниципальныя правила вашей общины превосходны, мудры, предусмотрительны и исполнены всевозможныхъ гарантій. Ваша обязанность повиноваться имъ; это должно быть для васъ даже удовольствіемъ...

Лука Фияти способенъ былъ говорить на эту тему цѣлый часъ, безъ передышки; каждый итальянецъ краснорѣчивъ или, во всякомъ случаѣ, многорѣчивъ и располагаетъ миллиономъ словъ, но старикъ Пиппо, у котораго старая, спокойная кровь стала закипать отъ горечи разочарованія, прервалъ его.

— Слушайте, ваше благородіе; этотъ стражникъ негодяй; онъ росъ у насъ на глазахъ негоднымъ бродягой съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить; да и чиновникъ, который выдумываетъ законы, тоже негодяй, только гладкій, да ловкій, въ нарядной одеждѣ; а дурного я, сколько помню, никогда ничего не дѣлалъ, а ручей созданъ Господомъ Богомъ; а камышь у насъ рѣжетъ всякій и никому отъ этого нѣтъ вреда; а моя маленькая старая собака любимица всѣхъ дѣтей на селѣ, отчего-же ей не сидѣть у своихъ дверей? Подумайте только, какъ все это жестоко; какъ грѣшно, какъ стыдно дѣйствовать такъ со мною, со старикомъ, который никогда никого не обижалъ и...

— Другъ мой, съ печальнымъ вздохомъ сказалъ депутатъ, — видно, голова у васъ деревянная, и вы меня никогда не поймете. Вы нарушили законъ. Ругательства, направленные противъ исполнителей закона, не поправятъ дѣла, а только увеличатъ вашу вину. Я ничего не могу для васъ сдѣлать, ничего рѣшительно.

-- Какая-же польза намъ отъ того, что вы нашъ депутатъ, если вы не можете защитить насъ отъ несправедливости, сказалъ Пиппо, который подъ вліяніемъ отчаянья становился все смѣлѣе.

— Противъ васъ не сдѣлано ничего несправедливаго, отвѣтили Лука Финти съ вѣжливою сдержанностью. — Если-бы васъ дѣйствительно обидѣли, то, повѣрьте, я никогда не отказалъ-бы вамъ въ своемъ покровительствѣ. Но васъ никто и не думалъ обижать, мой милый. Вы нарушили извѣстные справедливые законы и должны заплатить законный штрафъ за свое неповиновеніе. Горевать тутъ бесполезно, прибавилъ депутатъ, когда у Пиппо вырвался стонъ подъ вліяніемъ этого потока громкихъ фразъ, холодныхъ, какъ ледъ.

— Напрасно вы убиваетесь. Нужно подчиниться наказанію. Наложенный на васъ штрафъ совсѣмъ не кажется мнѣ чрезмѣрнымъ. Вы должны заплатить его и впредь быть умнѣе.

Пиппо неподвижно стоялъ и слушалъ; жилы налились на его морщинистомъ лбу, на глазахъ отъ ярости наворачивались крупныя слезы.

Нѣтъ въ мірѣ ничего невыносимѣе такого покровительственнаго, снисходительнаго тона, такихъ благосклонныхъ совѣтовъ. Старика Пиппо, для котораго это дѣло было равносильно раззоренію, каждое изъ спокойныхъ, холодныхъ, оскорбительныхъ словъ рѣзало словно ножомъ.

Дрожащими руками собралъ онъ свои бумаги, едва удерживаясь, чтобы не расплакаться, какъ ребенокъ.

— Нѣтъ въ нихъ правды, нѣтъ въ нихъ справедливости, бурмоталъ онъ. — Да проститъ васъ Богъ, господа, за то, что вы раззоряете бѣдняковъ.

Съ этими словами онъ надѣлъ шляпу на свою старую, сѣдую голову, повернулся спиною къ депутату Финти и вышелъ изъ комнаты. Депутатъ на мгновеніе колебался въ нерѣшительности, но затѣмъ всталъ и пошелъ за нимъ: это старій безумецъ, съ которымъ поступили совершенно справедливо, подумалъ онъ, — но...

необходимо было составить себѣ хорошую репутацію въ новопріобрѣтенномъ избирательномъ округѣ.

Онъ прикоснулся къ плечу старика.

— Возьмите, сказалъ онъ послѣшно;—попытайтесь сдѣлать подписку и заплатите такимъ образомъ свой штрафъ; онъ не чрезмѣрно великъ; напротивъ, онъ совершенно, совершенно справедливъ; но если вы уже такъ бѣдны, то возьмите вотъ это для начала; только никому не говорите, что я вамъ это далъ.

Съ этими словами онъ сунулъ ему въ руку пятифранковый билетъ.

Пиппо спокойно возвратилъ ему деньги.

— Благодарю васъ, сударь, также спокойно сказалъ онъ;—я приходилъ за правосудіемъ, а не за милостынею; до сихъ поръ я еще никогда не былъ нищимъ.

Онъ сталъ спускаться съ лѣстницы, а депутатъ Лука Финти въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя сконфуженнымъ.

ГЛАВА X.

Съ гнетущимъ ощущеніемъ на сердцѣ, молча вышелъ Пиппо, отправился въ тюрьму и попросилъ разрѣшенія повидаться съ Бармело.

Грустно было смотрѣть на этого сильнаго, здороваго, красиваго парня, которому слѣдовало-бы работать на мельницѣ и вращать тяжелыя мѣшки; вмѣсто этого его заключили въ тюрьму, и онъ лежалъ тамъ на деревянной скамьѣ, оборотившись лицомъ внизъ, въ полномъ бездѣйствіи, апатичный, но въ тоже время озлобленный, съ надломленными силами, но непокорный, какъ тѣ собаки, которыхъ мудрый законъ сажаетъ на цѣпь.

Пиппо утѣлся противъ него. Загорѣлое лицо старика осунулось и поблѣднѣло; но онъ казался совершенно спокойнымъ; онъ чувствовалъ себя словно ошеломленнымъ и парализованнымъ.

— Послушай, парень, эти дьяволы требуютъ съ меня двѣсти сорокъ-три франка; сказалъ онъ нѣсколько дрожащимъ голосомъ.— Если я не заплачу, они продадутъ все мое имущество; такъ я хочу занять денегъ подъ залогъ дома. Ты знаешь самъ, что заложная вещь все равно, что пропала. Я-было думалъ отдать

этотъ домъ въ приданое внучкѣ, когда она пойдетъ за тебя. Теперь онъ достанется тебѣ заложенный; это все равно, что корка хлѣба, изъ которой мыши выѣли весь мякишъ; а между тѣмъ я не могу поступить иначе; что ты на это скажешь?

Кармело кивнулъ головой.

Теперь ничего его не интересовало.

— Можетъ быть, новый депутатъ въ чемъ-нибудь поможетъ намъ? спросилъ онъ уныло.

— Будь онъ проклятъ! сказалъ Пиппо. — Онъ изъ той-же шайки. Это мошенникъ, который надуваетъ бѣдняковъ, чтобы по ихъ спинамъ, какъ по лѣстницѣ, добраться до высокаго положенія. Мошенникъ онъ, чистѣйшій мошенникъ; мягко стелеть, да жестко спать. И не думай о немъ. — Такъ какъ-же, Кармело, тебѣ ничего, если домъ не достанется Виолѣ?

Кармело засмѣялся горькимъ смѣхомъ.

— Я опозоренъ теперь, сказалъ онъ. — Будетъ-ли у Виолы домъ или нѣтъ, когда я выйду изъ тюрьмы, она и смотрѣтъ не захочетъ на меня; я обезчещенъ.

— Неправда, сказалъ старикъ. — Ты былъ правъ, и тюрьма не можетъ тебя опозорить; вся деревня это говоритъ, и Виола съ такою-же гордостью пойдетъ съ тобою къ алтарю, какъ если-бы ты былъ самъ король. Я хотѣлъ только поговорить съ тобою на счетъ дома, такъ-какъ ты имѣлъ право ожидать его, а если я заложу его, то онъ все равно, что пропалъ.

— Не заботься обо мнѣ, сказалъ Кармело, — мнѣ такъ больно видѣтъ, что на тебя обрушилась вся эта бѣда. Точно проклятiе какое-то легло на насъ. Скажи Виолѣ, чтобы она не унывала; недѣли черезъ три я буду на свободѣ; я увѣренъ, что они выпустятъ меня, когда узнаютъ все, и тогда...

— Тогда вы повѣнчаетесь, сказалъ Пиппо. Но только, если дѣла пойдутъ все такъ-же, какъ шли до сихъ поръ, такъ вы будете плодить нищихъ.

— Попробуемъ счастья, сказалъ Кармело. — Если ты увѣренъ, что она не постыдится выйти за меня...

— Если-бы ей пришла эта глупость въ голову, я выгналъ-бы ее изъ дому, сказалъ Пиппо. — Но не бойся. Виола хорошая, честная дѣвушка. Я радъ, что ты не очень печалишься объ домѣ.

— Ни о чемъ я не печалюсь; мнѣ только жаль тебя, ска-

заль Кармело, которому казалось въ тюрьмѣ, что никакой кровли никому не нужно, кромя яснаго, голубого неба.

Выйдя отъ него, Пиппо спросилъ у тюремщика, стоявшаго у воротъ тюрьмы:

— Можешь-ли ты указать мнѣ человѣка, который даетъ взаимн деньги?

Тюремщикъ отвѣчалъ, что онъ никого не знаетъ, кто-бы сдѣлалъ это безъ барыша для себя; но если имѣется въ виду барышъ, то по его мнѣнію нѣтъ человѣка щедрѣе нѣкоего синьора Николо Почіанти, нотариуса и въ то-же время закладчика, который живетъ около западныхъ городскихъ воротъ.

Къ нему и отправился Пиппо.

— Когда нужно повѣситься, то не все-ли равно, на какой веревкѣ, сказалъ онъ самъ себѣ. Къ вечеру слѣдующаго дня у него было триста франковъ. Онъ передалъ синьору Николо всѣ бумаги, касавшіяся его правъ на владѣніе домою, въ присутствіи двухъ свидѣтелей поставилъ крестъ подъ длиннымъ условіемъ, которое ему прочитали, но изъ котораго онъ не понялъ ни одного слова, и видѣлъ, какъ въ присутствіи чиновниковъ подписывали и снабжали печатями документы длиною въ метръ.

Когда онъ снова сѣлъ и поѣхалъ домой въ дребезжащемъ дилижансѣ, ему казалось, что облака дорожной пыли и ясное, голубое небо, кружились около него. Жизнь для него была покончена, какъ-будто онъ уже лежалъ въ гробу, съ заколоченною крышкою.

Маленькій домъ его былъ ему очень дорогъ; онъ гордился имъ, чувствуя, что у него есть уголь, въ которомъ онъ могъ жить и умереть, это мѣсто вполне принадлежало ему, какъ дворецъ монарху; теперь-же, когда другое лицо имѣло притязанія на его домикъ, все было кончено.

— Я занялъ денегъ подъ залогъ дома, сказалъ онъ Біолѣ, возвратившись къ себѣ, и съ этими словами, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ поблѣднѣвшими губами опустился на стулъ.

Вслѣдъ затѣмъ, подъ внезапнымъ наплывомъ страстнаго негодованія, онъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Будь они прокляты! Да разразитъ ихъ Господь!

ГЛАВА XI.

На слѣдующее утро робкій Чекео пошелъ и заплатилъ за Пиппо всѣ двѣсти сорокъ-три франка, которыхъ требовалъ муниципалитетъ.

Самъ Пиппо лежалъ въ постели. Кровь, какъ говорится, ударила ему въ голову. Онъ заговаривался и, казалось, ничего не понималъ. Чекео пошелъ и заплатилъ деньги, потому-что Віола его объ этомъ попросила; самъ онъ далеко не былъ увѣренъ, что его не припутаютъ какъ-нибудь къ этому дѣлу. Но когда ему выдали росписку въ полученіи денегъ, простодушный Чекео пришелъ въ неописанный восторгъ; что было духу, побѣжалъ онъ назадъ, взбѣжалъ на лѣстницу и съ торжествующимъ видомъ пошелъ къ постели, на которой лежалъ Пиппо.

— Ну, теперь у тебя есть бумага, закричалъ онъ; — теперь они никогда уже не посмѣютъ тебя тронуть. Хорошенько спрячь ее. Теперь у тебя есть бумага!

Старикъ лежалъ, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ, и не отвѣтилъ ни слова.

Віола, молодая и полная надежды, схватила руку Чекео обѣими руками.

— Это правда? Неужели это правда? Они не посмѣютъ уже мучить насъ? Вполнѣ-ли ты увѣренъ въ этомъ?

Простодушный Чекео, ласково потрепалъ ее по плечу и съ глубокою увѣренностію сказалъ:

— Разумѣется, не посмѣютъ, дорогая моя; вѣдь у васъ теперь есть бумага. Только храните ее хорошенько и всегда держите наготовѣ, чтобы показать имъ въ случаѣ надобности. Неужели же ты думаешь, милая, продолжалъ Чекео съ чувствомъ патріотическаго негодованія, — что, взявъ съ твоего бѣднаго дѣда почти триста франковъ, они не уважатъ этой бумаги. Нѣтъ, нѣтъ, они, правда, разбойники, но не до такой уже степени.

— И Раджи можетъ ходить безъ привязи?

Чекео задумался, почесывая себѣ голову.

— Миѣ кажется, что можетъ, моя милая; изъ-за чего-же заключенъ за нее налогъ и выдана эта бумага.

Простоватый бочаръ не могъ себѣ представить такого поло-

женія дѣлъ, при которомъ человѣкъ, заплатившій кучу штрафовъ и налоговъ, рѣшительно ничего не получилъ-бы взамѣнъ этого.

— Вѣдннй дѣдушка, сказала Віола, нѣжно глядя на него своими влажными, матовыми глазами. — Авось Господь не пошлетъ ему новыхъ мученій.

При этихъ словахъ Пиппо внезапно приподнялся и сѣлъ на кровати.

— Нѣтъ, нѣтъ, — не Богъ посылаетъ намъ эти мученія, сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ и съ гнѣвнымъ движеніемъ. — Никогда не приписывай этого Богу, дитя мое. Мученія эти и мучители зародились и созрѣли въ аду!

Дѣвушка содрогнулась.

Никогда не видала она своего ласковаго, миролюбиваго и благочестиваго дѣда въ такомъ состояніи.

Послѣ бури на нѣкоторое время настало затишье. Восемь или десять дней прошли спокойно. Раджи бѣгала безъ привязи.

Въ концѣ недѣли Пиппо всталъ, одѣлся и вышелъ заняться своей работой.

— Никогда не рѣзать камыша! Никогда не рѣзать камыша! бормоталъ онъ. Но онъ былъ такъ напуганъ преслѣдованіями, что не смѣлъ уже взять серпъ и идти въ воду, въ чашу гибкаго, зеленаго, шелестящаго тростника.

Онъ взялъ заступъ и сталъ копать землю въ небольшомъ садикѣ, засаженномъ картофелемъ и помидорами. Видя, что онъ принялся за работу, Віола обрадовалась и стала надѣяться, что все опять пойдетъ хорошо. Она не могла себѣ составить яснаго понятія о томъ, сколько нужно, чтобы снова выкупить домъ, и къ тому-же была увѣрена, что Кармело скоро будетъ на свободѣ.

Она позвала Раджи и побѣжала къ Луиджи Кантарелли, чтобы купить немного макаронъ. По дорогѣ она встрѣтилась съ мессеромъ Неллемане. Лицо ея вспыхнуло яркимъ румянцемъ, когда она вспомнила о подаркахъ, присланныхъ имъ къ празднику Тѣла Господня. Онъ поклонился ей съ любезной улыбкой и при этомъ взглядъ его остановился случайно на маленькой желтенькой Раджи.

Въ тотъ-же вечеръ онъ сказалъ Биндо: — опять собаки бѣгаютъ безъ привязи вопреки закону. Нужно строже смотрѣть за исполненіемъ правилъ.

На слѣдующій день Филиппо Мазетти получилъ новую повѣстку „по дѣлу о нарушеніи муниципальныхъ правилъ“. Віолѣ принесли ее въ то время, когда дѣдъ ея работалъ въ огородѣ; послѣ минутнаго колебанія она положила ее въ карманъ и рѣшилась выждать удобнаго случая, чтобы посоветоваться съ бочаромъ Чеcco.

— Это недоразумѣніе, сказалъ Чеcco. — Конечно, это недоразумѣніе; вѣдь у васъ теперь есть бумага. Дай-ка мнѣ ее; я пойду справлюсь. Вѣдь я уже ходилъ разъ, могу сходить и въ другой. А дѣдушку ты не безпокой.

Чеcco былъ длинный и тонкій, какъ жердь, человекъ. Онъ всегда былъ очень блѣдень и самъ говаривалъ, что все на свѣтѣ способно было навести на него страхъ. И теперь, отправляясь въ муниципалитетъ по дѣлу, вовсе его не касавшагося, онъ дрожалъ отъ страха. Но онъ былъ добрымъ сосѣдомъ и вѣрнымъ другомъ и очень любилъ Віолу; поэтому, несмотря на внутренній страхъ, онъ смѣло спросилъ: можно-ли ему видѣть мессера Неллемане. Оказалось, что этотъ самодержавный властелинъ именно въ этотъ часъ принимаетъ просителей.

— Я осмѣлился, синьоръ, началъ Чеcco почтительнымъ тономъ, зная, что секретарь любилъ и требовалъ почтительное обращеніе; я осмѣлился, синьоръ, въ виду того, что Пиппо, можно сказать, нездоровъ и никакъ не можетъ явиться самъ принести вашему превосходительству вотъ эту повѣстку, которая была послана ему по ошибкѣ, синьоръ. Вы сами увидите, синьоръ, что это чистѣйшее недоразумѣніе, такъ-какъ вѣроятно помните, что не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ, когда я приходилъ также по его порученію, вы дали мнѣ бумагу, по которой онъ освобождался отъ всякихъ такихъ вещей. Это недоразумѣніе, синьоръ...

— У насъ никогда не бываетъ недоразумѣній, холодно замѣтилъ мессеръ Неллемане, мелькомъ взглянувъ на повѣстку. — Я ни на одно мгновеніе не могу допустить, чтобы это была ошибка. Бъ тому-же это не относится къ моему отдѣленію. Впрочемъ, такъ-какъ вы кажетесь мнѣ благонамѣреннымъ человекомъ, то я позволю эзекутора.

Онъ позвонилъ.

Эзекутора, оказалось, не было въ присутствіи; онъ разносилъ повѣстки. Вмѣсто него явился толстый Мазо, который сидѣлъ внизу и грызъ грецкіе орѣхи; онъ старался принять важность и

официальный видъ, зная, что его господинъ и повелитель, требовалъ этого.

— Будьте такъ добры, синьоръ Томмази, обратился къ нему мессеръ Неллемане съ достоинствомъ, но благосклонно, — сказать намъ, по какому дѣлу была послана эта повѣстка; въ ней значится, что Филлипо Мазетти призывается по дѣлу о нарушеніи муниципальных правилъ, совершенномъ пятнадцатаго числа сего мѣсяца. Это было, значить, третьяго дня. Въ чемъ состоитъ его проступокъ?

— Собака безъ привязи, синьоръ, сказалъ толстый Мазо, знавшій, что начальникъ его любилъ самъ блеснуть краснорѣчіемъ, но отъ сослуживцевъ и подчиненныхъ требовалъ короткихъ и ясныхъ отвѣтовъ.

— Собака безъ привязи? А! Кто свидѣтель? спросилъ мессеръ Неллемане.

— Муниципальный стражникъ Биндо Терри, отвѣчалъ Мазо.

— Все въ порядкѣ, все въ порядкѣ, одобрительно замѣтилъ мессеръ Гаспардо и затѣмъ обратился къ Чекко. — Вы видите, другъ мой, что тутъ нѣтъ никакого недоразумѣнія. Никакое недоразумѣніе у насъ не мыслимо. Мнѣ казалось-бы, что Мазетти пора-бы, наконецъ, воспользоваться даннымъ ему урокомъ; повидимому, онъ крайне упрямый и злобравный человекъ. Третьяго дня его собака была не привязана. Онъ долженъ заплатить два франка, а если будетъ продолжать упорствовать, то въ слѣдующій разъ штрафъ будетъ еще увеличенъ.

Чекко разинулъ ротъ и нѣсколько времени стоялъ такимъ образомъ, пораженный изумленіемъ и ужасомъ.

— Но, ваше благородіе, сказалъ онъ прерывающимся, дрожащимъ голосомъ. — Помилуйте, ваше благородіе; вотъ у меня бумага; вы сами дали мнѣ ее, а другую далъ сборщикъ податей; не далѣе, какъ на прошлой недѣлѣ я заплатилъ за собаку цѣлую бучу денегъ; если эти деньги не освободили ее отъ преслѣдованія, то какая польза въ томъ, что я внесъ деньги? за что-же вы взяли деньги?..

Подъ вліяніемъ горя и изумленія этотъ робкій человекъ становился смѣлымъ. Если даже бумага не могла защитить, то, по мнѣнію Чекко, земля и небо должны были рухнуть.

— За что-же заплачены деньги? За что-же заплачены деньги?

бормоталъ онъ внѣ себя. — Цѣлыхъ шестьдесятъ-пять франковъ заплатилъ я за Раджи!

— Все въ порядкѣ, сказалъ мессеръ Неллемане, холодно, съ презрѣніемъ и отвращеніемъ глядя на горячившагося Чекко. — Тѣ деньги, которыя уплатилъ на прошлой недѣлѣ вашъ управный пріятель, были недоимки, старыя недоимки. Эти деньги не имѣютъ ничего общаго съ настоящимъ штрафомъ, точно такъ-же какъ и съ будущими, къ которымъ онъ будетъ приговоренъ, если будетъ по-прежнему нарушать правила.

— Господи, сохрани и помилуй его! простоналъ Чекко.

Мессеръ Неллемане потерялъ терпѣніе.

— Если вы пришли, чтобы внести за него штрафъ, то вносите; если-же нѣтъ, то я принужденъ вамъ напомнить, что какъ для меня, такъ и для другихъ чиновниковъ муниципалитета, время дорого.

— Сохрани и помилуй его, Господи! твердилъ Чекко, оглядываясь во всѣ стороны съ тревожнымъ выраженіемъ. — Помиуйте, да вѣдь этакъ онъ раззорился-бы въ одинъ мѣсяць, даже если-бы былъ богатъ, какъ фабрикантъ.

— Пришли вы за тѣмъ, чтобы заплатить штрафъ, или нѣтъ? повторилъ мессеръ Неллемане, рѣзко ударяя по столу линейкой, ни дать ни взять—какъ Гамбетта въ спорѣ съ Полежъ Кассаньякомъ.

— Господи, помилуй! простоналъ Чекко въ третій разъ и, порывшись въ карманахъ своихъ брюкъ, вытащилъ нѣсколько грязныхъ маленькихъ полуфранковыхъ билетовъ и пятисантимныхъ монетъ.

— Два франка? спросилъ онъ робко.

— Три пятьдесятъ, съ издержками, быстро проговорилъ Мазо. Чекко отсчиталъ требуемую сумму, которая случайно оказалась у него, такъ-какъ онъ только-что получилъ деньги за нѣсколько винныхъ бочекъ.

Мазо нехотя написалъ ему росписку, но Чекко съ отрицательнымъ жестомъ положилъ ее обратно на столъ.

— Что толку въ ней, если вы и безъ того придете сейчасъ-же за новымъ штрафомъ, сказалъ этотъ глупый, непонятливый человекъ.

— Дуракъ! крикнулъ мессеръ Неллемане громовымъ голосомъ.—

Каждый штрафъ самъ-по-себѣ, каждый изъ нихъ справедливъ. Если ты скажешь еще слово, я позову стражника.

Бѣдняга Чеко смиренно вышелъ вонъ, перебирая въ карманѣ нѣсколько оставшихся у него мѣдныхъ монетъ и съ ужасомъ вспоминая о своей дерзости. Онъ отправился къ себѣ домой и, проходя мимо Виолы, которая съ испуганнымъ лицомъ и съ напряженнымъ вниманіемъ въ глазахъ ждала его у дверей, попытался принять беззаботный видъ.

— Все обстоитъ благополучно; это было недоразумѣніе, торопливо сказалъ онъ.—Только... только... впредь держи Раджи на привязи возлѣ себя; такъ будетъ вѣрнѣе.

Съ этими словами онъ поспѣшилъ домой, говоря, что ему пора обѣдать; онъ боялся, что она станетъ его спрашивать.

— У насъ нѣсколько воскресеній не будетъ мяса, Джіудитта, сказалъ онъ женѣ.—Со мной случилась бѣда. Я потерялъ деньги, которыя мнѣ заплатили за починку бочекъ. Полно убиваться; не велика бѣда. Ты спрашиваешь, какъ я потерялъ ихъ? И самъ не знаю; должно быть нечаянно выронилъ, когда вынималъ изъ кармана трубку.

Окончивъ свой скромный обѣдъ, состоявшій изъ блюда бобовъ, Чеко съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ въ мастерскую. Мысли путались у него въ головѣ.

— Господи, помилуй насъ, говорилъ онъ, сколачивая бочку;— скоро всѣ мы будемъ нищими.

Тѣмъ временемъ толстый Мазо заказывалъ себѣ за полученные имъ, въ видѣ судебныхъ издержекъ, полтора франка, комфортабельный обѣдъ изъ свиныхъ котлетъ съ артишоками въ особенной комнатѣ, находившейся при лавкѣ Луиджи Кантарелли.

— Клянусь Вахусомъ, думалъ Луиджи, прислуживая ему,—я сдѣлалъ-бы немного вреда, если-бы отравилъ какъ-нибудь все ваше проклятое гнѣздо, положивъ яду въ блюдо макаронъ.

Ни сосѣдъ, ни внучка не говорили Пиппо ни слова про послѣднюю повѣстку, но бѣдная маленькая Раджи съ тѣхъ поръ постоянно сидѣла на привязи возлѣ дверей и не могла уже больше плясать съ дѣтьми.

ГЛАВА XII.

А между тѣмъ населеніе Санта-Розаліи было взволновано новымъ важнымъ для него вопросомъ. Дѣло касалось на этотъ разъ обширнаго предпріятія. Рѣшено было провести желѣзную дорогу между большимъ городомъ, находившимся въ шестнадцать миль къ сѣверу, и Помодоро, отстоявшемъ на семь миль къ югу отъ мѣстечка. Желѣзная дорога эта должна была проходить черезъ Санта-Розалію, и община обязалась платить за эту честь пять тысячъ франковъ въ годъ.

Проектъ этотъ, выдуманный иностранными спекуляторами, въ сущности былъ ужасною нелѣпностью. Жители главнаго города никогда не ѣздили въ Помодоро, а жителей Помодоро рѣдко представлялась нужда ѣздить въ главный городъ. Но это было не важно, въ особенности для тѣхъ господъ, которые вырабатывали проектъ.

Въ началѣ, въ средѣ тридцати членовъ, составляющихъ такъ-называемый провинціальный Совѣтъ, была сильная оппозиція противъ этого проекта; но скоро диссиденты принуждены были уступить: у нѣкоторыхъ изъ нихъ были дома, которыя компанія должна была купить и снести; другіе рассчитывали также выгодно продать клочекъ земли; нѣкоторые рассчитывали, что компанія будетъ покупать у нихъ топливо. Однимъ словомъ, въ концѣ-концовъ, при помощи такихъ деликатныхъ, убѣдительныхъ аргументовъ, всѣ были урезонены, и проектъ желѣзной дороги былъ принятъ. Мессеръ Неллемане съ особеннымъ жаромъ хлопоталъ въ этомъ дѣлѣ, а другу его, инженеру Піерино Цаффи, было обѣщано мѣсто при желѣзной дорогѣ. Въ сущности, благодаря только энергіи и ловкости мессера Неллемане, дѣйствовавшаго отъ имени синдика Дурелаццо, были обязаны тѣмъ, что проектъ не былъ отвергнутъ.

— Люди никогда не понимаютъ своей собственной выгоды, говорилъ онъ, когда до него доходили слухи о жалобахъ содержателей дилижансовъ и маленькихъ повозокъ, которые до сихъ поръ удовлетворяли интересамъ сообщенія Санта-Розаліи съ остальнымъ міромъ.

Свою выгоду онъ, впрочемъ, понималъ прекрасно и не забылъ или, вѣрнѣе, не позволилъ компаніи забыть о заслугахъ, оказан-

ныхъ имъ въ дѣлѣ субсидіи изъ пяти тысячъ франковъ, которые обязывалась платить Санта-Розалія.

Каждый изъ членовъ провинціального Совѣта, въ свою очередь, что-нибудь получилъ или рассчитывалъ получить. Вслѣдствіе этого каждый изъ нихъ рѣшилъ, что предполагаемая желѣзная дорога—истинное благодѣяніе Провидѣнія; если-же для спекуляторовъ она оказалось-бы плохой спекуляціею, то это было ихъ дѣло, а если содержателямъ дилижансовъ и извозчикамъ грозило раззореніе, то это также касалось только ихъ однихъ.

Въ виду того, что рельсы должны быть проложены, по возможности, въ прямомъ направленіи, между прочимъ, предложено было вырубить маленькую рощу возлѣ мельницы.

Инженеры того участка желѣзной дороги, который долженъ былъ соединить Санта-Розалію съ главнымъ городомъ, правда, находили, что въ этомъ не было необходимости, но пріятель мессера Неллемане, Піерино Цаффи, настаивалъ, а такъ-какъ онъ былъ ловкій малый и зналъ, какъ вести подобныя дѣла, то, наконецъ, добился своего, и роща была экспроприрована.

Безумецъ Пасторини, привыкшій воображать, что вещь, которая принадлежитъ ему, не можетъ быть отнята у него ни королею, ни папою, былъ ошеломленъ, словно упавшей на голову горой, когда ему было заявлено въ официальной, категорической формѣ, что роща его будетъ у него отнята и вырублена.

Когда мессеръ Неллемане вмѣстѣ съ Піерино Цаффи и съ другими законодателями и инженерами привезли для осмотра рощи главнаго городского инженера и, безъ спроса и разрѣшенія, какъ говорилъ послѣ Пасторини, стали вмѣривать ее шестами и веревками, мельникъ съ разинутымъ ртомъ и съ блуждающимъ взглядомъ стоялъ въ дверяхъ своего дома... Вдругъ онъ направился къ нимъ по своей собственной землѣ и схватилъ перваго, попавшагося ему подъ руку, за шиворотъ.

— Это моя земля, сказалъ онъ негромкимъ, подавленнымъ голосомъ.—Никто не смѣетъ приходить сюда безъ моего позволенія, хотя-бы это былъ самъ король или святой отецъ.

— Владѣлецъ протестуетъ? спросилъ главный землемѣръ.

— Разумѣется, протестуетъ, сказалъ мессеръ Неллемане.—Этотъ

народъ всегда держится такой тактики, чтобы поднять цѣну; нѣтъ продувнѣе хитрецовъ, какъ деревенскіе.

— Это правда, согласился городской инженеръ.

— Уйдете вы или нѣтъ? яростно крикнулъ мельникъ, тряхнувъ Пиерино Цаффи, который какъ-разъ попался ему подъ-руку. — Уйдете вы или нѣтъ? Земля эта принадлежитъ мнѣ, какъ церковь Богу, а дворецъ королю. Вы не смѣете ни трогать ее, ни ходить по ней. Слышите, что я вамъ говорю? Убирайтесь по добру, по здорову!

— Пускай его сердится, шепнулъ мессеръ Неллемане синдикъ, и такъ-какъ дѣло ихъ было окончено, они удалились. Пиерино Цаффи былъ блѣденъ и весь дрожалъ, потому-что рука у мельника была тяжелая, да и видъ разгнѣваннаго старика способенъ былъ внушить страхъ.

— Ну, теперь я отдѣлался отъ нихъ, сказалъ Пасторини своей старшей дочери, возвратившись изъ рощи. Онъ тяжело дышалъ, лицо его было багровое и языкъ, казалось ему, прилипалъ къ гортани, когда онъ говорилъ эти слова.

На слѣдующей недѣлѣ онъ былъ увѣдомленъ официальнымъ документомъ, что роща его, pro bono publico, будетъ вырублена въ теченіи ноябрю мѣсяца и что ему будетъ выплачена соотвѣтствующая сумма, считая по десяти франковъ за каждый тополь, что считалось ходячею цѣною за мелкій строевой лѣсъ.

Съ трудомъ разобралъ Пасторини сквозь мутныя очки содержаніе этого документа; потомъ, скрипнувъ своими крѣпкими бѣлыми зубами, онъ изорвалъ его и бросилъ въ огонь, ярко горѣвшій въ это время подъ горшкомъ съ супомъ.

— Они, можетъ быть, думаютъ, что насъ можно покупать и продовать, какъ быковъ, сказалъ онъ, глядя, какъ горѣла бумага, — хочешь-не хочешь, по волѣ перваго попавшагося писаря, словно мы нѣмне камни. — Нѣтъ, шалишь!

Но увы! онъ ошибался.

Подъ видомъ „общественной пользы“ и подъ прикрытіемъ муниципальнаго разрѣшенія, каждый день совершается грабeжъ, будто-бы во имя народа, въ то время какъ этотъ народъ стонетъ, голодаетъ, страдаетъ и умираетъ, бессильно упираясь, какъ быкъ, котораго ведутъ на убой.

Деметрію Пасторини выгналъ чиновниковъ со своей земли и

сжегъ ихъ бумагу. Онъ былъ слишкомъ простодушень и, подобно Пиппо, не сомнѣвался, что права его послѣ этого будутъ уважены.

Когда вечеромъ возлѣ мельницы собирались вучера дилижансовъ и извозчики, когда они принимался проклинать строящуюся желѣзную дорогу и выражали ему свое сожалѣніе по поводу потери рощи, онъ спокойно курилъ свою трубку и только приговаривалъ: нѣтъ, нѣтъ, они не тронуть моихъ деревьевъ. Что мое, то мое, хотя-бы противъ меня выступилъ король или папа.

— Они вырубать твою рощу; они уже вымѣрили ее; увидишь, къ празднику Всѣхъ-Святыхъ они явятся и начнутъ рубку, говорили сосѣди, стараясь убѣдить и приготовить его.

Но онъ только покачалъ головой и отвѣчалъ имъ:

— Нѣтъ, они не тронуть моихъ деревьевъ!

Цѣлые часы проводилъ онъ у дверей мельницы, глядя на древственные стволы, покрытые осеннею листвою и прислушиваясь къ шелесту листьевъ; никогда въ жизни онъ еще не смотрѣлъ на нихъ съ такими чувствами.

Онъ всегда любилъ свою рощицу, гордился ею и былъ ей благодаренъ, такъ-какъ понималъ, что она способствуетъ многоводію рѣки и предохраняетъ ее отъ испаренія подъ лучами солнца, мѣшаетъ солнцу выпивать рѣку, какъ онъ привыкъ выражаться. Онъ приписывалъ этой рощѣ такое полезное значеніе, что никогда не слѣдовалъ всеобщему безумному обычаю срѣзывать вѣтви и продавать ихъ, какъ топливо, выигрывая грошъ, а теряя червонецъ.

Онъ всегда любилъ свою рощицу, но теперь съ какимъ-то дикимъ наслажденіемъ, съ нѣжною привязанностью, доходившею до страданія, смотрѣлъ на эти шелестація листьями высокіе тополи, оглашавшіеся весною пѣніемъ птицъ, а осенью трескотнею кузнечиковъ.

— Это было-бы все равно, что украсть у меня дочь, сказалъ онъ съ мрачнымъ, печальнымъ лицомъ, стоя у двери дома и глядя на зеленую рѣку, сверкавшую сквозь зеленыя еще вѣтви.

— Но они не посмѣютъ тронуть ихъ. Нѣтъ, они не посмѣютъ тронуть ихъ, я за это ручаюсь, безпрестанно говорилъ онъ своимъ дѣтямъ. Какъ ни заботился онъ о судьбѣ Кармело, но мыслъ о томъ, что его роща можетъ быть вырублена чужими людьми, волновала его еще больше.

Никто не говорилъ съ нимъ болѣе о ней, никто ничего не предпринималъ противъ рощи. Ему была послана законная

повѣстка и больше ничего пока не требовалось. Но онъ увѣрилъ себя, что это дѣло оставлено и забыто.

— Развѣ я не говорилъ вамъ, что они не посядутъ этого сдѣлать? твердилъ онъ своимъ дочерямъ и сыновьямъ. — Нѣтъ, нѣтъ, правительство не разбойникъ.

Мессеръ Неллемане, проходя мимо мельницы съ сигарою во рту во время своихъ вечернихъ прогулокъ, часто видѣлъ мельника, неподвижно смотрѣвшаго вверхъ, на свои тополи, и при этомъ обыкновенно говорилъ:

— Больно ужъ горячъ этотъ безумный старикъ. Ну да ничего, для такихъ молодцовъ есть горячечныя рубашки.

Вообще мессеръ Неллемане былъ чрезвычайно доволенъ. Онъ видѣлъ, какъ съ каждымъ днемъ худѣла и блѣнѣла дѣвушка, которая отвергла его ухаживанье; онъ зналъ, что маленькій домъ, въ которомъ она жила, былъ заложенъ и, стало-быть, все равно, что пропалъ; Кармело былъ въ тюрьмѣ, а роца была описана. Все шло, какъ нельзя лучше.

Во время одной изъ своихъ вечернихъ прогулокъ ему пришлось проходить по тому мѣсту, гдѣ маленькій ручеекъ, вытекавшій изъ-подъ дома Пиппо, пересѣкалъ улицу. Это было въ октябрѣ; ручеекъ разлился отъ дождей и замочилъ сапоги этого великаго человѣка, который, правда, былъ только маленькимъ чиновникомъ съ жалованьемъ въ тысячу франковъ, но на практикѣ властвовалъ надъ трехтысячнымъ населеніемъ.

Онъ гнѣвно топнулъ ногой, отряхивая воду, и увидѣлъ стараго Пиппо, сидѣвшаго на порогѣ своего дома вмѣстѣ съ бѣдной, привязанной собачкой и безцѣльно смотрѣвшаго на рѣку. Старикъ въ послѣднее время ничего не дѣлалъ; онъ не имѣлъ средствъ покупать тростникъ для вещей, которыя, можетъ быть, никто и не купить.

Мессеръ Неллемане направился въ своихъ мокрыхъ сапогахъ къ корзиночнику и, показывая ему сапогъ съ такимъ выраженіемъ, съ какимъ браконьеру показываютъ убитаго кролика въ качествѣ вещественнаго доказательства его преступленія, — проговорилъ:

— Мазетти, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, васъ предупреждали и отштрафовали за то, что вы позволяете этому ручью протекать по дорогѣ и беспокоить публику. Долго-ли вы намѣрены еще упорствовать въ своемъ неповиновеніи?

Пиппо всталъ и снялъ шляпу, вслѣдствіе того невольнаго уваженія къ начальству, которое очень развито въ итальянцѣ.

Онъ не отвѣчалъ ни слова.

— Долго-ли вы намѣрены упорствовать въ неповиновеніи муниципальнымъ предписаніямъ? повторилъ великій человѣкъ.

— А? сказала Пиппо.—Онъ смотрѣлъ мрачно и уныло; ему самому казалось, что въ головѣ его что-то не ладно. „Точно рой пчелъ постоянно жужжить у меня тамъ“, часто говорилъ онъ внучкѣ.

— Долго-ли вы будете позволять этому ручью наводнять дорогу? спросилъ еще разъ мессеръ Неллемане, въ отчаяніи, что приходилось прибѣгать къ такимъ простымъ выраженіямъ.

Пиппо безнадежно пожалъ плечами.

— Долго-ли? повторилъ мессеръ Неллемане, нетерпѣливымъ, повелительнымъ тономъ.

— Мнѣ нечего съ нимъ дѣлать, сказалъ, наконецъ, Пиппо.— Господь направилъ его такъ; онъ можетъ и остановить его, если захочетъ.

— Вы кощунствуете! воскликнулъ мессеръ Неллеманъ.

— Нѣтъ, возразилъ Пиппо;—нѣтъ, никогда!

— Эти шутки, наконецъ, просто доходятъ до наглости, крикнулъ секретарь, выходя изъ себя и забывая нѣсколько о своемъ достоинствѣ и о своихъ пріятныхъ манерахъ.—Это самое возмутительное нарушеніе закона. Васъ предупреждали, подвергли мягкому наказанію, всячески урезонивали, а вы упорствуете и кощунствуете. Намѣрены вы принять необходимыя мѣры для удаленія этого ручья, или нѣтъ?

Пиппо смотрѣлъ на него своими впалыми глазами, полными печали и отчаянья.

— Я ничего не могу сдѣлать, упорно повторилъ онъ и съ этими словами надѣлъ шляпу. — Своими проклятыми законами вы отняли у меня все, что было. Даже домъ мой уже не принадлежитъ мнѣ вполнѣ. Пытайте меня, какъ хотите; вы не высосете крови изъ деревяннаго столба.

Онъ сѣлъ, взялъ въ ротъ трубку и отвязалъ Раджи.

— Вы превратили людей и животныхъ въ рабовъ, сказалъ онъ;—но со мною вы уже худшаго ничего не сдѣлаете; вы не высосете крови изъ деревяннаго столба!

Онъ посадилъ собачку къ себѣ на колѣни и сталъ ее ласкать.

Вода въ ручейкѣ бѣжала себѣ, пѣнясь и сверкая подъ лучами заходящаго солнца, не заботясь о присутствіи великаго человека, намѣревавшагося нарушить ея теченіе. Мессеръ Неллемане ткнулъ въ нее палкой, какъ-будто это былъ упрямый ребенокъ, котораго онъ рѣшился наказать; онъ былъ блѣденъ отъ ярости.

— Законъ заставитъ васъ оказывать ему уваженіе, сказалъ онъ.—Вы убѣдитесь въ этомъ горькимъ опытомъ.

— Не высосать вамъ крови изъ деревяннаго столба, повторилъ Пиппо.—Я продалъ свой домъ, чтобы заплатить вамъ, и больше ничего не буду дѣлать. Ступайте своею дорогою.

Съ этими словами онъ бросилъ вдоль улицы камешекъ и велѣлъ Раджи бѣжать за нимъ. Раджи не заставила повторять приказанія, весело побѣжала и принесла камень обратно.

— Собака никогда больше не будетъ привязана ради васъ, сказалъ Пиппо.—Мы платимъ, а вы притѣсняете насъ все такъ же. Что касается до меня, я не въ состояніи болѣе платить; да если-бы и могъ, то не сталъ-бы.

Мессеръ Неллемане ничего не отвѣчалъ; онъ раскрылъ свою книжку, записалъ въ ней что-то и молча удалился.

Раджи играла камешками, дѣти бочара выбѣжали и тоже стали играть, шумѣли и запускали кубари на берегу рѣки. Пиппо хлопалъ въ ладоши и поощрялъ ихъ. Старикъ, собачка и пятеро маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ подняли такую анархію и революцію и такъ возмутительно нарушали муниципальные законы, что страшно было смотрѣть.

— Смѣйтесь, дѣти, смѣйтесь, пока можете, кричалъ Пиппо,—скоро вы будете голодать и тогда законъ будетъ смѣяться надъ вами.

Дѣти смѣялись и продолжали свои игры, не понимая словъ старика.

ГЛАВА XIII.

Наконецъ, въ началѣ октября, дѣло Кармело должно было разбираться въ судѣ. Разбирательство обыкновенныхъ преступлений сплошь да рядомъ затягивается несравненно дольше, но Кармело совершилъ вопіющее преступленіе: оскорбленіе величества му-

нципального стражника, и въ виду этого судебныя власти поторопились.

Въ одинъ прекрасный день преторъ надѣлъ свою черную шапку, облачился въ мантию и возсѣлъ на курульное кресло, окончательно рѣшивъ въ своемъ умѣ участь Кармело, прежде чѣмъ арестантъ былъ приведенъ въ зданіе суда. Съ нетерпѣливой поспѣшностью велъ онъ судебное слѣдствіе, относясь къ нему, какъ къ бесполезной, но неизбѣжной формальности.

Адвокатъ Кармело велъ защиту вяло и нехотя; гонораръ свой онъ получалъ во всякомъ случаѣ, независимо отъ того, будетъ-ли оправданъ подсудимый или нѣтъ; съ другой стороны онъ опасался, что, взявшись за это дѣло, онъ можетъ повредить своимъ отношеніямъ съ судьей и съ другими властями предержажными. Защита свободнаго гражданина, обиженнаго полицейскимъ, несравненно болѣе способна компрометировать адвоката, чѣмъ защита разбойника, который только убивалъ путешественниковъ и насилывалъ женщинъ.

Адвокатъ дѣйствовалъ вяло, да и свидѣтели принесли Кармело не много пользы. Это были его родственники, которые то и дѣло выходили изъ себя, увлекались гнѣвомъ и были призваемы къ порядку, или-же сосѣди, какъ Луиджи Кантарелли и Чекко, которые защищали подсудимаго слишкомъ ревностно, чтобы заслуживать довѣрія. Луиджи Кантарелли, напримѣръ, произвелъ на судъ очень неблагоприятное впечатлѣніе, когда съ жаромъ принялся увѣрять, что Биндо Терри мошенникъ и разбойникъ, но что ему покровительствовали всякіе негодяи и чернильныя души изъ высшаго начальства, которые угнетали и высасывали всю общину. За такое энергическое провозглашеніе истины, пылкій старикъ былъ удаленъ изъ суда, а противъ имени его была выставлена дурная отиѣтка, которую судъ намѣренъ былъ принять во вниманіе, лишь только у самого Луиджи будетъ какое-нибудь дѣло, противъ извозчиковъ, укравшихъ у него мѣшки съ рисомъ, или противъ таможенныхъ чиновниковъ, обложившихъ неправильною пошлиною его сыры. Никогда уже не выиграетъ Луиджи Кантарелли никакого дѣла въ помодорской претурѣ.

Такъ тянулся процессъ въ ясный октябрьскій день, отнимая время у многихъ людей, которымъ-бы слѣдовало работать въ виноградникахъ.

Кармело стоялъ между двумя карабинерами, истощенный и обезсиленный долгимъ заключеніемъ и усталостью. Старый отецъ его, братья и Пинпо, дрожа отъ негодованія, слушали разбирательство дѣла, и потъ градомъ катился съ ихъ лицъ.

Когда стали предлагать вопросы подсудимому, онъ только сказалъ: я то-же самое сдѣлалъ-бы завтра; онъ отравилъ мою собаку.

Но, увы! относительно этого у Кармело не было доказательствъ; да если-бы они и были, положеніе дѣла измѣнилось-бы не много. По законамъ общины Везан и Гиральды блюститель общественной нравственности долженъ быть въ то-же время и отравителемъ собакъ.

— Я то-же самое сдѣлалъ-бы завтра, сказала Кармело. Блѣдное лицо его вспыхнуло, и въ глазахъ блеснулъ огонь.

Преторъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ своей черной судейской шапки, содрогнулся и нахмурилъ брови.

— Вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго вырабатываются убійцы, подумалъ онъ.

Изъ этого-же матеріала, однако, вырабатываются и такія личности, какъ Вильгельмъ Тель; но преторъ не подумалъ объ этомъ.

Защитникъ Кармело вызвалъ двухъ или трехъ свидѣтелей, собаки которыхъ были отравлены и которые приписывали ихъ смерть стражнику Биндо Терри; онъ вызвалъ и аптекаря, отпустившаго какъ увѣряли, изъ своей аптеки ядъ.

Но когда свидѣтели явились передъ судомъ, они оробѣли, ёжились и жались, давали уклончивые отвѣты, почесывали себѣ головы и, подъ вліаніемъ страха, въ концѣ-концовъ объявили, что ни въ чемъ не увѣрены; что-же касается аптекаря, то онъ такъ спокойно далъ подъ присягою ложное показаніе, какъ-будто былъ депутатомъ, обвиненнымъ за взяточничество, а не жалкимъ сельскимъ аптекаремъ, получавшимъ восемь сотъ франковъ въ годъ за врачеваніе цѣлой общины.

Такъ тянулся этотъ длинный, печальный день. Солнце свѣтило сквозь мутныя стекла оконъ; за барьеромъ, словно рой пчелъ, тѣснилась густая толпа зрителей. Адвокатъ говорилъ вяло; онъ чувствовалъ, что компрометируетъ себя въ этомъ дѣлѣ; отъ времени до времени онъ встрѣчалъ угрожающій взглядъ претора, терялъ нить своей рѣчи и невольно начиналъ думать о томъ, что

нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы не могутъ принести вреда молодому парню, и вспоминаль, что онъ самъ бѣдный человѣкъ съ кучею дѣтей.

Онъ допрашиваль своихъ свидѣтелей поверхностно, самъ содѣйствовалъ тому, чтобы заставить замолчать Луиджи Кантарелли, защищаль нехотя, давая понять, что онъ самъ дурного мнѣнія о своемъ клиентѣ, и не имѣль смѣлости обнаружить хоть одну изъ тѣхъ многочисленныхъ мошенническихъ продѣлокъ, которыми было такъ богато прошлое стражника Биндо, или уличить его въ одной изъ всѣхъ тѣхъ мерзостей, которыя продѣлываль Биндо въ послѣднее время.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ, довольно обыкновенныхъ въ Италиі, процессовъ, въ которыхъ приговоръ нанередъ составленъ. Никто, исключая семьи Пасторини и старика Пиппо не выразиль особеннаго удивленія, когда судья приговориль Кармело въ семи-мѣсячному тюремному заключенію за нападеніе на служителя закона. Онъ съ большимъ удовольствіемъ назначиль-бы семь лѣтъ, но, какъ благоразумный молодой человѣкъ, никогда не поддавался голосу страсти и строго придерживалься прецедентовъ и буквы закона.

Семь мѣсяцевъ!

Длинная холодная зима и часть веселой весны пронесутся надъ головою Кармело въ тѣсной тюремной кельѣ.

Когда онъ услышаль приговоръ, въ его большихъ, широко раскрытыхъ, голубыхъ глазахъ выразилься безумный ужасъ; губы его посинѣли, онъ весь затрясся и безъ чувствъ упаль на полъ. Онъ ничего не ѣль цѣлый день и все время былъ на ногахъ.

Крѣпкій, сильный старикъ Пасторини задрожаль какъ женщина; жилы налились на его лбу, въ глазахъ у него помутилось; стоявшіе возлѣ него люди вывели его на воздухъ, опасаясь, чтобы съ нимъ не сдѣлался ударъ.

Выйдя на улицу, онъ зашатался и глубоко вздохнулъ.

— Такъ вотъ изъ-за чего мы работаемъ! крикнуль онъ;— вотъ изъ-за чего мы отдаемъ послѣдній грошь сборщику податей, посылемъ въ казармы послѣдняго сына и умираемъ по госпиталямъ! Господи, мы покорнѣе, беззащитнѣе овцы, позволяющей стричь себя! Добрые люди, вы знаете меня давно. Я всегда былъ хорошиимъ, миролюбивымъ сосѣдомъ, почиталь законъ и правитель-

ство, исправно платилъ долги и налоги. Вы знаете меня давно; я впростилъ своихъ сыновей въ честныхъ, справедливыхъ правилахъ. Я никому не дѣлалъ зла; я никогда не обидѣлъ ни мужчины, ни женщины, ни ребенка, ни животнаго. Заслужилъ-ли я то, что они надо мною сдѣлали? Добрые люди, Богомъ клянусь вамъ,—въ эту ночь я желалъ-бы съ мечемъ и огнемъ пройти по всему королевству, чтобы истребить всѣхъ этихъ негодяевъ, которые разоряютъ васъ, этихъ гадинъ, которыя пресмыкаются передъ своими повелителями и, словно змѣи, жалатъ бѣдняка. Молю, молю тебя, Господи,—пошли намъ революцію, кровь и жестокую битву за людскую справедливость! Молю тебя...

Голосъ его оборвался, онъ поднялъ руки къ небу и стоявшіе по близости подхватили его, увидавъ, что онъ падаетъ.

А между тѣмъ, въ залѣ суда, старый Пиппо, едва держась на своихъ дрожащихъ ногахъ, и стоя подъ лучами солнца съ непокрытой сѣдой головой, закричалъ, обращаясь къ судьямъ: сеньоръ, ваше превосходительство, не можетъ быть, чтобы вы говорили это серьезно. Вѣдь парень-то золотой. Не можетъ быть, чтобы вы захотѣли заклеить его, какъ негодяя, и посадить въ тюрьму вмѣстѣ съ ворами. Милый баринъ, многоуважаемый судья, выслушайте меня. Онъ собирался жениться на моей внучкѣ; свадебное бѣлье его уже приготовлено, дѣвка сидитъ дома и плачетъ, подвѣчное платье лежитъ въ сундукѣ, померанцевые цвѣты поблекли и пожелтѣли и лежатъ на немъ только для того, чтобы предохранить его отъ моли. Добрый баринъ, высокопочитаемый господинъ, выслушайте меня! Вѣдь бѣдный парень ужь четыре долгихъ мѣсяца томится въ городской тюрьмѣ. Довольно съ него, даже слишкомъ довольно! Онъ никому не сдѣлалъ зла! Если-бы вы знали того мерзавца, вора, клеветника, негодяя, котораго назначили въ стражники...

— Выведите этого стараго безумца, крикнулъ преторъ, и Пиппо вытолкали изъ залы.

— Диффамация относительно служителя закона, сказалъ преторъ, запирая большой ящикъ, въ которомъ хранились бумаги, и поспѣшно сходя съ своего трона, чтобы идти наслаждаться ужиномъ, приготовленнымъ въ смежной съ залой суда комнатѣ. На этотъ ужинъ онъ пригласилъ Гаспардо Неллемане и Луку

Финти, рассчитывая весело провести время и поиграть въ шашки и въ кости.

— Крайне непочтительный и революціонный народъ въ этой общинѣ; нѣтъ никакого уваженія къ авторитету, сказалъ онъ. И оба пріятели его, совершенно позабывъ, что, если-бы не революція, то они и до сихъ поръ сидѣли-бы въ отцовскихъ лавочкахъ и продавали-бы старое желѣзо и тухлую рыбу, — покачали головы и согласились, что дѣйствительно народъ ничемъ не доволенъ и не оказываетъ достаточнаго уваженія начальству.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБРЕЧЕННАЯ.

На улицу меня швырнули, какъ котенка,
Въ семь лѣтъ, въ тотъ годъ, какъ мать въ подвалѣ умерла.
Я шустрая была и ловкая дѣвчонка
И скоро ремесло доходное нашла.
Ужь я была стара въ семь лѣтъ. Все понимала.
Позоръ и нищета мнѣ съ первыхъ жизни дней
Открыли тайны всѣ вонючаго подвала,
Все, что богатые скрываютъ отъ дѣтей:
Гдѣ деньги мать беретъ, какъ тянетъ ядъ косушки,
Гдѣ гривенникъ добыть ей подъ залогъ тряпья,
Что крѣпче, что больнѣй—щипки иль колотушки,
Что значить красть и лгать, что значить „дочь ничья“...
Охъ, много знала я! Меня не удивляло,
Что мать по вечерамъ уходитъ со двора
И возвращается безъ шляпки полинялой,
Съ подбитою щекой и пьяная съ утра.
Вотъ азбукъ да молитвъ не знала я, извѣстно...
Не помню, чтобъ и мать крестила лобъ хоть разъ...
Да и куда ужъ намъ молиться? Богъ—для честныхъ,
Для чистой публики, а не для подлыхъ насъ!..
Что бишь я начала? Ахъ, да... Меня прогнала
Хозяйка; говоритъ: „Ступай, на хлѣбъ проси,
„У церкви тамъ постой“—и строго приказала,
„Смотри, что соберешь, сейчасъ ко мнѣ неси“.
Я вышла босикомъ и въ кацавейкѣ рваной,
А улица была темна и холодна,
Лишь фонари каретъ мелькали средь тумана,
Да церковь ярко вся была освѣщена.
Былъ праздникъ у людей. На паперти я стала.
Когда отъ всенощной валитъ народъ толпой,

Орава нищая въ бока меня толкала,
 Никто не услышалъ плаксивый голосъ мой.
 Тутъ я на хитрости пустилась и дорогу
 До кабака нашла, и звонкимъ голоскомъ
 Запѣла пѣсенку, какихъ я знала много,
 Одну изъ тѣхъ, что мать пѣвала подъ хмѣлькомъ.
 Услышали внутри... зазвали. Всѣмъ забавно,
 Что „Казимира“ имъ такая мразь поеть;
 Кто далъ пятакъ, кто грошъ, хохочуть... „Вотъ такъ славно!
 „Ай, дѣвка! Умница! Она не пропадетъ!“
 А пьяненькій одинъ мнѣ налилъ рюмку водки
 И, путаясь рукой въ курчавыхъ волосахъ,
 Погладилъ ихъ, сказалъ: „Для прочищенья глотки
 „Хвати! Будь молодцомъ, какъ есть во всѣхъ статьяхъ.
 И цѣловальникъ самъ посмѣивался глухо
 Своимъ раздѣвшимся, расплывшимъ животомъ:
 „Почаще заходи“, шепнулъ онъ мнѣ, — „воструха!“
 И тоже наградилъ зеленымъ мѣдюкомъ.
 За выдумку меня хозяйка похвалила,
 Когда вернулась я, вся красная, домой:
 „Ну, дѣвка, ты шустра!“ и въ вечеръ тотъ не била,
 А мѣдюки взяла, въ сундукъ сложила свой.
 Съ тѣхъ поръ на промыселъ во всякую погоду
 Она меня гнала пинкомъ по вечерамъ.
 И стала я расти. Шли за годзми годы,
 А вмѣстѣ съ красотой росъ мой позоръ и срамъ.
 Я хороша была... Эхъ, барыня, начало
 Исторіи моей ужъ огорчило васъ...
 Просили „все“ сказать, прослушали такъ мало,
 И слезы ужъ текутъ изъ вашихъ добрыхъ глазъ.
 Да и къ чему, къ чему?.. Вы ласково и мило
 Сказали, что „спасти“ меня хотите вы?..
 Оставьте, барыня! Меня спасетъ могила,—
 Иль спички сѣрныя, или вода Невы!
 Къ чему вамъ знать... Ну, вотъ... Старикъ какой-то славный,
 Добрѣйшій сжалился надъ бѣдной сиротой,
 Увелъ меня въ свой домъ и содержалъ исправно,
 Училъ, ласкалъ, рядилъ, а кончилось—бѣдой...
 Пятнадцать было мнѣ, когда я убѣжала
 Отъ „доброты“ его... Господь ему судья!
 Я, глухая, его за дѣдушку считала:
 Почтенный, весь сѣдой, была жена, семья...
 Тутъ я въ провинцію попала... Въ опереткѣ

Играла я пейзажъ, матросовъ и пажей;
 Антрепренёръ сказалъ: „Такія ноги рѣдки...
 „Беру васъ, душенька, на роли безъ рѣчей“.
 Извѣстно, что потомъ...

Разсказывать нѣтъ силы

Всю грязь, весь смрадъ, весь чадъ, что я пережила...
 Я память пропила... Я все перезабыла...
 Куда обречена, туда я и дошла.
 Давно обречена—отъ самаго рожденья
 Быть „падшей женщиной“. И мачихи-судьбы
 Не смоеся клеймо... Какое мнѣ спасенье?
 Какой мнѣ—честный трудъ? Гдѣ силы для борьбы?
 Когда вы въ первый разъ евангеліе читали,
 Я плакала, а вы сказали: „Спасена“!
 Нѣтъ, барыня моя, вы съ книгой опоздали
 Теперь ужъ не спасетъ погибшей и она...
 Вотъ, знаете-ли что?.. Ступайте-ка въ подвалы,
 Въ трущобы, гдѣ жила я съ матерью моею...
 Есть дѣвочекъ такихъ тамъ и теперь не мало,
 Есть „обреченныя“. Спасайте ихъ, дѣтей!
 Меня нельзя спасти... Простите, дорогая,
 Быть „честной“ не могу; къ работѣ—не годна.
 А книга хороша... Я вспомню умирая,
 Что въ ней написано: „Ты будешь прощена“!

А. Барыкова.

НОВЫЙ.

(Изъ хроники южнорусскаго села).

I.

Это было въ началѣ осени—въ самую лучшую деревенскую пору, когда только-что унялась лѣтняя суета, „съ хлѣбомъ покончено“, обильно истекавшій потъ вытертъ и мужикъ съ наслажденіемъ ѣсть плоды трудовъ своихъ. О голодѣ еще не помышляютъ—чего о немъ заботиться? Придетъ и самъ—незванный. А пока въ мѣшкѣ водится жито—надо его ѣсть. Въ эту пору мужикъ подлинно отдыхаетъ. Весной онъ думаетъ крѣпкую думу насчетъ предстоящаго посѣва, добываетъ лошаденку, мечтаетъ о волахъ, потомъ пашетъ, сѣетъ, убираетъ, молотитъ, продаетъ и платитъ, куда слѣдуетъ; и все это къ осени. А тутъ у него начинается сезонъ. Осенью онъ почиваетъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ. Здѣсь онъ позволяетъ себѣ получать отъ жизни и кое-что пріятное. Онъ занимается мірскими дѣлами,—сходки оживляются и отличаются многолюдствомъ; онъ отводитъ мѣсто и семейнымъ дѣламъ, женить и выдаетъ замужъ своихъ сыновей, дочерей, братьевъ, сестеръ; то и дѣло по селу ходятъ разфранченныя невѣсты, въ пестрыхъ нарядахъ, съ безчисленнымъ множествомъ разноцвѣтныхъ лентъ, развѣвающихся по воздуху и, низко кланаясь всякому встрѣчному, приговариваютъ: „просишь батько, просила маты и я прошу на хлѣбъ, на силъ, на весилля“; причемъ просимому вручается „шишка“ съ ленточкой. Свадьба слѣдуетъ за свадьбой, деревня непритворно веселится и выпиваетъ немомѣрное количество вина. Впрочемъ, это веселое время скоро

сбѣняется зимой, когда вмѣстѣ съ холодной вьюгой въ деревню заносится нужда, и мужикъ мало-по-малу начинаетъ продавать благопріобрѣтенное и веселое настроеніе сбѣняется обычнымъ — унылымъ.

Въ одну изъ такихъ счастливыхъ осеней, когда обитатели Широкой-Валки или, какъ ихъ называли сосѣди, „Балчане“, почивали отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, по селу вдругъ разнеслась неожиданная вѣсть, взволновавшая всѣхъ отъ мала до велика. Анисья Безпалая, про которую на селѣ говорили, что она всякаго мужика за поясъ заткнетъ, — женщина, обладавшая завиднымъ сложеніемъ и прекрасно владѣвшая плугомъ и косой, — разносила по селу сенсационное извѣстіе, которое, какъ она увѣряла, имѣло своимъ источникомъ мѣстнаго пономаря Григорія Остаповича (источникъ, какъ было извѣстно, вполне достовѣрный) и касалось мѣстнаго батюшки о. Евстафія. Анисья Безпалая съ неподдѣльнымъ ужасомъ передавала, что надъ о. Евстафіемъ разразилась какая-то неожиданная бѣда, которая, главнымъ образомъ, выражается въ томъ, что его „сбѣняютъ“. Откуда пошла эта бѣда и что такое собственно сдѣлалъ о. Евстафій, этого Анисья Безпалая не могла, да и не бралась объяснить, любопытныхъ-же отсылала прямо къ источнику, т. е. къ пономарю Григорію Остаповичу. Благодаря этому обстоятельству, близъ церковнаго дома № 2-й (въ 1-мъ номерѣ жилъ о. Евстафій) собралась изрядная кучка любопытныхъ, желавшихъ получить точныя свѣденія по вопросу, взволновавшему все село. Здѣсь были и безусые парни, и сѣдобородные старцы, преобладающій-же элементъ составляли бабы. Григорій Остаповичъ сидѣлъ на заваленкѣ и громкимъ голосомъ, тѣмъ самымъ голосомъ, которымъ онъ съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ выносилъ „апостола“, давалъ объясненіе.

Григорій Остаповичъ былъ мужчина высочайшаго роста, т. е. именно такого роста, выше котораго человѣкъ идти уже не можетъ. Но онъ казался еще выше оттого, что былъ тонокъ и именно настолько тонокъ, насколько это доступно для смертнаго. Его длинный, чуть не до пятъ, сѣрый кафтанъ, неуклюже охватывавшій его тонкій корпусъ, съ своей стороны усиливалъ впечатлѣніе и дѣлалъ его еще выше. Словомъ — все клонилось къ тому, чтобы подчеркнуть его необычайный ростъ. Его длинная

ноги судьба сковала туго стяннутыми полами кафтана, отчего во время ходьбы онъ всегда находился въ сильномъ затрудненіи, будучи поставленъ въ необходимость изъ одного своего гигантскаго шага дѣлать два маленькихъ. На ходу онъ вѣчно гнулся, какъ колеблемая вѣтромъ тонкая молодая береза, отчего мало-помалу его фигура усвоила дугообразный видъ. И надъ всѣмъ этимъ торчала огромная голова съ кучей оттопыренныхъ свѣтлыхъ кудрей, которые не подчинялись никакому гребню. Стоило только мелькомъ взглянуть на его лицо, чтобы сразу сказать, что Григорій Остаповичъ, по самой природѣ своей, человекъ маленькій и очень мало требующій отъ жизни. Да онъ такъ прямо и говорилъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда откровенничалъ со своимъ коллегой, о. Игнатіемъ: „я, о. Игнатій, человекъ маленькій, — мнѣ бы только достигнуть діакона“... Въ этомъ заключалось завѣтное желаніе Григорія Остаповича, которое, встаети сказать, едва-ли когда-нибудь исполнится. У него были добрые, ничего умнаго не выражавшіе, сѣрые глаза, маленькій, слегка приподнятый, носъ, маленькій ротъ, съ губами, вѣроятно отъ постоянного пѣнія на высокихъ нотахъ, сложившимися въ трубочку, маленькая козлиная борода почти бѣлаго цвѣта. Чинъ его былъ тоже очень маленькій, про который онъ выражался иногда такимъ образомъ: „последняя ступень въ церковной іерархіи“, иногда-же подъ веселую руку называлъ себя въ шутку полу-Маріемъ, объясняя при этомъ, что обладаетъ половиной доблестныхъ качествъ знаменитаго Марія, про котораго онъ только и зналъ, что это былъ „доблестный мужъ“, хотя рѣшительно не могъ сказать, въ какой именно области человеческихъ дѣяній.

Толпа вела себя совершенно свободно, по-домашнему. Кто усѣлся на заваленгѣ, кто просто на землѣ, а кто и такъ стоялъ. Разговаривали только Григорій Остаповичъ, двое стариковъ, да старуха, остальные-же внимательно слушали.

— Да, говорилъ Григорій Остаповичъ, — ужъ это что будетъ и предсказать невозможно, только дѣло это недоброе!

— Да что-жъ онъ сдѣлалъ такое? спрашивалъ старикъ, шевеля своими длинными запорожскими усами.

— А ужъ этого я и самъ не знаю, не посмѣлъ спросить. Только бумагу уже онъ получалъ, и въ той бумагѣ сказано, что

его присудили подъ запрещеніе. Служить ему, значить, больше уже нельзя.

— Какъ-такъ? А какъ-же мы-то будемъ?

— А намъ пришлютъ другого!

— Другого? А какъ мы не хотимъ другого?

— И все-таки пришлютъ, потому они радехоньки, что мѣсто отерялось. Ихъ теперь много безъ мѣста ходитъ—этихъ новыхъ, ученыхъ... нашу-то псаломщицкую должность, небось, не охота нести... Замѣчаніе насчетъ „новыхъ-ученыхъ“ Григорій Остаповичъ произнесъ съ нѣкоторымъ сарказмомъ.

— Такъ развѣ-жъ можно насильно заставить? А какъ мы въ церковь не пойдёмъ? спросила баба.

— А и тутъ заставятъ. Въ церковь ходить не станешь, а доходъ будешь носить, а ему этого только и надо. А доходъ не носить нельзя, потому—родился кто—крестить надо, умеръ—похоронить надо; коли обвинять, такъ и то безъ попа невозможно; значить, доходъ понесешь!?

— А я къ чужому пойду...

— А чужой не станеть, чужой прогонитъ тебя, потому ему строго наказано. Онъ отвѣчать можетъ. Такъ вотъ и придешь къ нему, да еще и въ ноги поклонисься...

Минуты двѣ длилось молчаніе, *свидѣтельствовавшее о томъ, что доводы Григорія Остаповича упали на плодородную почву.

— Такъ, значить, это правда, что Анисья Безпалаая болтаетъ? Значить, о. Евстафій взаправду-таки накуралесилъ, и намъ такъ-таки его и потерять?.. спросилъ все тотъ-же шевелящій усами старикъ.

— Гш! Потерять! многозначительно промолвилъ Григорій Остаповичъ.—А вы что-нибудь сдѣлали, чтобы не потерять его? Небось палець о палець не ударили!

— А что мы можемъ?

— А то можете, чего никто другой не можетъ. Вы можете все...

Слушатели наострили уши. Григорій Остаповичъ даже присталъ.

— А громада на что? Громада можетъ послать выборныхъ къ архіерею:—мы, молъ, довольны! Намъ другого не надо! А

громадѣ, пожалуй, что и уступать. Голова-то вашъ — Березовскій — чего онъ думаетъ? Собрать сходъ да и порѣшить...

— Голова-то наша не умная! съострилъ кто-то изъ молодыхъ и тотчасъ-же спрятался за спину сосѣда, потому-что старики поспѣшили заворчать.

— А кто тамъ съ умной головой нашелся? Выходи-ка сюда! Ты знаешь кто выбиралъ голову, а? Громада выбирала голову! А развѣ дѣла громадскія можно осуждать? Ишь-нашелся! Что приумолять?! Парень ты выросъ здоровый, а почтительности не знаешь!—Но на эту грозную рѣчь отвѣта не было. Парень и такъ понялъ, что выразился слишкомъ сильно.

— Да коли такъ, коли это можно, такъ мы не то, что выборныхъ, а цѣлой громадой поидемъ! продолжалъ кто-то прерванный разговоръ.— О. Евстафій всему селу любъ, намъ лучшаго не надо, да и не найдешь. Кто безъ грѣховъ? Одинъ Богъ безъ грѣховъ...

— То-то и есть! Такъ вотъ и надо дѣйствовать, поощрялъ Григорій Остаповичъ.— Вотъ и соберитесь старшіе, да и подите къ о. Евстафію, пораспросите, какъ и что...

Здѣсь надо замѣтить, что, убѣждая такимъ образомъ прихожанъ, Григорій Остаповичъ, помимо доброй цѣли—помочь въ бѣдѣ своему настоятелю, имѣлъ еще эгоистическую цѣль. При новомъ настоятелѣ еще что Богъ пошлетъ, а за о. Евстафіемъ ему жилось, какъ у Бога за пазухой. Случится-ли Григорію Остаповичу иной разъ зимой проспать заутреню (этотъ грѣхъ случался съ нимъ частенько), о. Евстафій только скажетъ: „Вотъ, братецъ, и потерялъ доходъ, вотъ мы съ о. Игнатіемъ и подѣлимся!“ Этими дѣлом и ограничивалось, а Григорій Остаповичъ получалъ весь свой доходъ сполна. Или въ горячую лѣтнюю пору, когда Григорій Остаповичъ ни на минуту не можетъ отлучиться съ поля (Григорій Остаповичъ былъ страстный хозяинъ), случится треба,— о. Евстафій его не беспокоитъ, не отрываетъ отъ дѣла... А другой? Да можетъ, такого пришлютъ, что брось все и смотри ему въ глаза; а иной еще вздумаетъ каждый день служить— есть и такіе,—тогда хозяйство хоть бросай, и этотъ тяжелый трудъ, въ продолженіи почти десятиа лѣтъ положенный на хозяйство, пропадетъ безслѣдно. Когда Григорію Остаповичу приходили въ голову такіа мысли, онъ съ болью въ сердцѣ поглядывалъ на

свою телѣгу („возъ“), на пару своихъ воловъ, которыхъ онъ самъ воспиталъ изъ телятъ, на новую, еще недостроенную хлѣбную „засѣку“, которую онъ вотъ ужъ три недѣли возводилъ собственными руками. Тогда голова его опускалась и цѣпля пряди непокорныхъ кудрей, спускаясь на лобъ, закрывали свѣтъ божій отъ его очей. И приходила ему въ голову еще одна мысль, самая мучительная: „А какъ-же тогда съ Ефросиньей Романовной быть? Неужели отказаться? Вѣдь для нея я все это дѣлалъ! Не для кого другого!“ Ефросинья Романовна была его невѣста, на которой онъ собирался жениться этой зимой. Легко вообразить ощущенія Григорія Остаповича при такихъ невеселыхъ мысляхъ.

Толпа прихожанъ, получивъ болѣе или менѣе удовлетворительныя объясненія, разошлась, а Григорій Остаповичъ поднялся съ заваленки, потянулся и сталъ придумывать, что теперь слѣдуетъ предпринять. „Зайти развѣ къ о. Игнатію, да разбудить его! Что это онъ все дрыхнетъ!“ подумалъ онъ.

— А вотъ и онъ самъ! проговорилъ онъ вслухъ, увидавъ вывалившуюся изъ дверей толстую фигуру о. Игнатія. О. Игнатій жилъ съ семействомъ въ томъ-же церковномъ домѣ № 2-й, на другой половинѣ.

— А вы все дрыхнете, о. Игнатій! Оттого вы и толстѣете съ каждымъ днемъ! обратился къ нему Григорій Остаповичъ.

— Что-жъ! Время послѣобѣденное,— даже наукой предписывается спать для сваренія пищи. А что я толстѣю, такъ это сущая правда ваша, только отчего-же и не потолстѣть?! Вотъ вы, Григорій Остаповичъ, все въ ростъ идете, хотите колокольню губернскаго собора перерости... Это говорилъ о. Игнатій своимъ густымъ пушечнымъ басомъ. Онъ при этомъ неистово зѣвнулъ, потянулся, сѣлъ на заваленкѣ рядомъ съ Григоріемъ Остаповичемъ и засмѣялся ему прямо въ лицо самымъ доброжелательнымъ смѣхомъ.

О. Игнатій былъ уже не молодой человѣкъ, о чемъ свидѣтельствовали густыя сѣдины въ его остроконечной клинообразной бородѣ, которая имѣла до того странную и, повидимому, неестественную форму, что съ перваго раза казалась накладной. Лицо у него было здоровое, энергичное, хотя глаза уже начали заплывать жиромъ. Громадная лоснящаяся лысина окаймлялась ничтожными остатками волосъ, которые о. Игнатій по старой при-

вычѣ съ большимъ трудомъ заплеталъ въ маленькую, смѣшную косичку. О. Игнатій былъ привѣрный семьянинъ, съ любовью воспитывалъ двухъ своихъ подростковъ въ уѣздномъ училищѣ и, что всего замѣчательнѣе, отличался абсолютно-трезвымъ поведеніемъ. Въ продолженіи всей своей 55-лѣтней жизни онъ не взялъ въ ротъ ни капли вина, что приводило въ недоумѣніе всѣхъ знавшихъ его отцовъ-діаконовъ. Многие изъ нихъ выражали мнѣніе, что это даже просто не приличествуетъ діаконскому званію; другіе-же прямо утверждали, что это выше силъ человѣческихъ и что о. Игнатій навѣрное держитъ у себя подъ кроватью штофъ водки, которую и употребляетъ тайно. Но мы можемъ сказать навѣрное, что подозрѣніе это не имѣло никакихъ основаній. Еще въ дѣтствѣ о. Игнатію нѣкій „опытный старецъ“ сказалъ, что если онъ хочетъ прожить сто лѣтъ, то не долженъ и въ ротъ брать „вина и сикеры“, и съ тѣхъ поръ о. Игнатій могъ съ увѣренностью сказать, сколько ему осталось жить. Въ настоящее время, имѣя отъ роду 55 лѣтъ, онъ рассчитывалъ свои достатки еще на 45. Въ молодости о. Игнатій былъ пономаремъ и остался-бы въ этомъ чинѣ и до сихъ поръ, если-бъ не одно обстоятельство, случайно вывезшее его. Дѣло происходило лѣтъ 20 тому назадъ, вскорѣ послѣ того, какъ о. Игнатій женился на Аннѣ Федоровнѣ, съ которой и теперь благополучно свершаетъ земное поприще. Въ пригородѣ, близъ губернскаго города, гдѣ онъ состоялъ пономаремъ, былъ храмъ съ архіерейскимъ служеніемъ. Въ то самое время, когда архіерей четверней подѣзжалъ къ церкви, о. Игнатій (тогда еще просто Игнатъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—Игнатъ Семеничъ) былъ командированъ о. настоятелемъ на колокольню, гдѣ и звонилъ. Надо замѣтить, что уже и такъ у него была репутація единственнаго въ цѣломъ городѣ звонаря; здѣсь-же о. Игнатій приложилъ все свое искусство—и дѣйствительно звонилъ неподражаемо. Онъ звонилъ, какъ истый артистъ, съ такимъ-же точно увлеченіемъ, съ какими, вѣроятно, Бетховенъ игралъ лучшую изъ своихъ сонатъ. Архіерей былъ большой любитель хорошаго звона и послѣ обѣдни позвалъ къ себѣ о. Игнатія. Объ этомъ часто любилъ рассказывать самъ о. Игнатій.

— Позвали меня, прихожу передъ самое лицо владыки. — „Это ты звонилъ сегодня?“ спрашиваетъ владыка; а я совсѣмъ потерялся и ничего не вижу и ничего не помню. „Простите,

говорю, ваше преосвященство“, да въ ноги ему, да такъ и замерь, такъ и присталь къ полу, точно примерзь. Слышу — милостивый голосъ: „похвально, говоритъ, похвально! Гдѣ-жь это ты такъ научился?“ Всталъ я на ноги.—Самъ, говорю, ваше преосвященство, собственнымъ стараніемъ и многолѣтнимъ усиленіемъ и упражненіемъ! „Еще, говоритъ, похвальнѣе! А до втораго класса дошелъ?“—Всего-то, говорю, только въ низшемъ отдѣленіи уѣзднаго училища состоялъ, а дальше не смогъ. „Ха-ха! за-смѣлся. Ну, ничего, говоритъ, за то ты звонить мастеръ, а я люблю хорошій звонъ, это способствуетъ благолѣшію церковнаго богослуженія. Хочешь быть діакономъ?“—Не смѣю, говорю, и думать, ваше высокопреосвященство! (Не знаю, почему я тутъ уже назвалъ его *высоко*; прежде все прямо „преосвященство“, а тутъ хватилъ *высоко*, а онъ вовсе и не былъ *высоко*). „Ну, я говорить, тебя сдѣлаю діакономъ; женать?“—Тутъ я ужъ посмѣлѣе сталъ. Двоихъ, говорю, ребятшекъ имѣю! — „Вишь какой ты мастеръ!“ такъ и сказалъ и разсмѣлся, и всѣ тоже разсмѣялись, и дамы были, и тѣ даже разсмѣялись. Ну... и сдѣлалъ діакономъ“. Послѣ этого незабвеннаго случая о. Игнатію чуть-было еще больше не повезло. Скоро въ городѣ умеръ протодіаконъ, и началось обычное исканіе достойнаго преемника. Владыка помнилъ „звонъ“ о. Игнатія, да къ тому-же еще было извѣстно, что басъ о. Игнатія не уступитъ любому протодіаконскому, и его пригласили на пробу. Проба состояла въ томъ, что кандидаты по очереди выносили *Евангеліе*, *многолѣтіе* и *заупокой* — словомъ, всѣ жанры протодіаконскаго искусства, и о. Игнатій одержалъ блистательно побѣду. Когда-же пришлось дебютировать въ качествѣ протодіакона, о. Игнатій „сбилъ въ вѣдении“ и перепуталъ и сбиль съ толку всѣхъ вторыхъ діаконѳовъ, послѣ чего былъ окончательно забракованъ. Теперь о. Игнатій мирно доживалъ свой вѣкъ въ Широкой-Балкѣ „на дьячковской вакансіи“ и былъ совершенно доволенъ своей судьбой. Къ концу его по-прежнему остался „трезвонъ“, хотя онъ рѣшался трезвонить только въ весьма важныхъ случаяхъ. Это-же было у него и любимымъ предметомъ для разговора. Онъ не могъ равнодушно слышать плохого современнаго звона и всегда, проходя мимо соборной колокольни губернскаго города, когда тамъ трезвонили, говорилъ, неодобрительно качая головой: „Гм! Это въ соборной-то

церкви такой трезвонъ! Нѣтъ теперь настоящихъ звонарей! А отчего? Оттого, что нѣтъ соревнованія! А назначили-бы какую-нибудь такую премию для лучшаго звонаря, явился-бы... или школу звонарную учредить“...

— Не хорошо это вы, о. Игнатій, дѣлаете,—у насъ печаль, все село въ горѣ, а вы... спите! продолжалъ укоризненно Григорій Остаповичъ.

— Что-жь?! Надо заблаговременно выспаться вслѣдствіе, Григорій Остаповичъ! Новый-то, можетъ, и ночью не дастъ спокойно заснуть! Неизвѣстно, что за птица!...

— То-то и оно, что неизвѣстно! Вѣдь вотъ жили себѣ тихо да мирно—сколько лѣтъ! И вдругъ! И что онъ такое, нашъ-то Евстафій, надѣлалъ тамъ? Что онъ могъ такое сдѣлать?

— Гм! Что могъ? То-то и бѣда, что Евстафій прихватить любить, а когда человѣкъ прихватить, отъ него всякой пакости ожидать можно. Вотъ за это самое я и не люблю этого вина. Пользы отъ него никакой, а вреда-то—на всю жизнь повредить можетъ!...

— Такъ вѣдь онъ съ горя, о. Игнатій; горе тоже не свой братъ: и о. Евстафій былъ какъ слѣдуетъ, а какъ покойница-матушка—жена его—Марфа Алексѣевна умерла, такъ и пошло это. Безутѣшенъ! Сами знаете, о. Игнатій, жениться вашему брату нельзя, а какъ быть одинокому? А онъ еще тогда былъ во цвѣтѣ лѣтъ!... Ну вотъ, чего не дай Господи (Григорій Остаповичъ при этомъ перекрестился), если-бъ ваша Анна Федоровна, чего избави Богъ, ну, преставилась... Избави васъ Боже отъ этакаго несчастья (Григорій Остаповичъ самъ испугался того, что сказалъ). Какъ-бы вы тогда, о. Игнатій? Развѣ не тосковали-бы?

— Тосковать тосковалъ-бы, а все-таки вина не взялъ-бы и въ ротъ! Къ чему оно? Развѣ отъ него легче? Только больше голова болитъ...

— Это вы только одинъ такой и есть на свѣтѣ! съ убѣжденіемъ заявилъ Григорій Остаповичъ, который, надо признаться, любилъ-таки выпить и давно уже рѣшилъ, что если-бъ у него, чего избави Богъ, умерла жена, которой, впрочемъ, еще не было, то онъ запилъ-бы смертельно.

— А знаете, о. Игнатій, таинственно продолжалъ Григорій Остаповичъ,—я вѣдь сторонкой кое-что слышалъ...

— Что такое? тоже таинственно и съ большимъ оживленіемъ спросилъ о. Игнатій. Григорій Остаповичъ придвинулся къ нему поближе, вытянулъ шею (то-же самое онъ дѣлалъ, когда выходилъ на средину церкви во время „великой литіи“ и собирався пѣть „нынѣ отпускаеши“) и началъ говорить вполголоса.

— Вчера я былъ въ городѣ и завернулъ, знаете, въ погребокъ Кузнецова-купца, знаете, что направо отъ мясныхъ лавокъ, сейчасъ, какъ пройдешь базаръ. Только вы не подумайте, о. Игнатій, чтобы я что-нибудь такое, я вѣдь никогда больше трехъ рюмокъ не употребляю, — а такъ просто встрѣтилъ стараго пріятеля — насъ разомъ изъ низшаго отдѣленія исключили за великовозрастіе — и правда, намъ было тогда по девятнадцати. Только ему повезло, о. Игнатій, онъ уже теперь стихарный дьячекъ, а я все въ полу-Маріяхъ состою. Это какъ кому повезетъ о. Игнатій....

— Ну, и вы-же повезли, Григорій Остаповичъ! нетерпѣливо перебилъ его о. Игнатій, видя, что тотъ совсѣмъ удалился отъ предмета. Нужно сказать, что Григорій Остаповичъ никогда не отличался способностью систематически излагать свои мысли. И, что всего хуже, онъ зналъ это и всякій разъ, какъ ему приходилось что-нибудь „излагать“, трусилъ заблаговременно. — Ну, въ чемъ-же дѣло?

— Такъ вотъ, я говорю, мы съ нимъ и зашли въ погребокъ Кузнецова-купца. А онъ — Дорофеевъ его зовутъ — можетъ слышали о. Игнатій?... Дорофеевъ этотъ въ Каменѣ, — знаете, на Днѣпрѣ тоже, только повыше туда село, такъ онъ тамъ; а другой съ нимъ — псаломщикъ изъ ученыхъ, изъ кончившихъ, — Маккавѣевъ прозывается, Семенъ Ивановичъ Маккавѣевъ, вотъ даже имя и отчество замѣтилъ. Такъ онъ говорить, — этотъ Маккавѣевъ давно уже мѣтилъ къ намъ въ Широкую-Балку въ попы и ждалъ только, пока о. Евстафій что-нибудь накуралеситъ, — каковъ? И прошеніе уже подалъ въ консисторію, и ему обѣщали. Такъ вотъ оно что слыхалъ я стороной. Только это надо въ секретѣ держать, о. Игнатій, это еще такъ-себѣ, предположеніе...

Григорій Остаповичъ, окончивъ свою рѣчь, вытеръ съ лица потъ, который обильно лился отъ напряженія. Такіе длинные рассказы ему приходилось въ жизни говорить очень рѣдко, и всякій разъ послѣ нихъ онъ чувствовалъ истощеніе.

— Что толку въ томъ, Григорій Остаповичъ, что вы запомнили имя и отчество! А вы-бы лучше разузнали, каковъ онъ, что за человѣкъ....

— А вы думаете, я не разузналъ? Разузналъ, о. Игнатій, какже! Это главное! съ нѣкоторой гордостью заявилъ Григорій Остаповичъ.— Одно слово—новый! Форсунъ (слово, изобрѣтенное Григоріемъ Остаповичемъ. Иногда онъ замѣнялъ его другимъ словомъ: „форситель!“), кичится тѣмъ, что ученый; франтикъ, щегольнуть любитъ, и къ нему — Дорофееву — съ высока, этакъ: дескать, я вотъ ученый, а ты, моль... не ученый! Не хвалить его Дорофеевъ! И молокососъ совсѣмъ,—бороды даже нѣтъ, мальчишка совсѣмъ, чего отъ него ждать? Увидимъ. Дорофеевъ врать не любитъ!...

— Да!... Ужь если изъ новыхъ, то дѣло дрянъ! махнулъ рукой о. Игнатій.— Не пойти-ли намъ къ о. Евстафію, поразузнать, да поутѣшить его?... Какъ вы думаете, Григорій Остаповичъ?

— Отчего не пойти? Тамъ мужики будутъ; я всѣмъ рассказалъ; жалѣютъ: говорятъ, всей громадой просить будемъ за о. Евстафія!... Пойдемте, о. Игнатій!

И они поплелись къ церковному дому № 1, который находился шагахъ въ двухстахъ отъ церкви—надъ самымъ Днѣпромъ.

II.

Уже зашло солнце, и на чистомъ темно-голубомъ небѣ показались частыя звѣзды. Полный мѣсяцъ собирался спрятаться тамъ гдѣ-то въ камышовомъ кустѣ по ту сторону Днѣпра. Въ камышахъ тишина небывалая. Главные крикуны перебрались въ болѣ теплыя мѣста, и камышъ одиноко и сиротливо покачивается своими пушистыми верхушками, точно тоскуя о томъ, что прошла уже его цвѣтущая пора, когда онъ зеленой, колышавшейся стѣной украшалъ днѣпровскіе берега и служилъ обиталищемъ безчисленнаго птичьяго населенія; скоро стануть его рѣзать и складывать въ пучки, а которому удастся остаться несрѣзаннымъ, того подожгутъ со всѣхъ сторонъ, и поднимется безконечно далеко видимое зарево, отражающееся въ синемъ зеркалѣ Днѣпра и въ далекомъ

темномъ небѣ. Днѣпръ стоитъ неподвижно; изрѣдка только вдругъ ни съ того, ни съ сего, то тамъ, то здѣсь подергиваясь мелкою зыбью, точно вздрагивая отъ повѣявшей съ сѣвера прохлады. Не нравится ему это, но онъ еще сдерживаетъ свой гнѣвъ. Скоро начнутся частые вѣтры, тогда онъ потеряетъ терпѣніе и станетъ шумѣть и волноваться и станутъ мутными и пѣнистыми его блестящія синія волны; тогда и камышъ, точно окончательно понявъ въ чемъ дѣло, начнетъ гнѣвно и порывисто качаться изъ стороны въ сторону и затаитъ свою однообразную, стонущую пѣсню; придетъ къ нему и голодный волкъ напиться воды и, точно въ отчаяніи отъ бѣды великой, завоетъ своимъ плачущимъ, душу надрывающимъ голосомъ, и если гдѣ-нибудь слышитъ эту мрачную пѣсню живое человѣческое существо, ему покажется, что міру угрожаетъ какое-то великое несчастье, почувствуетъ, что это — стонъ какой-то страждущей души, оплакивающей погибающій міръ, и сердце его тосливо сожмется и мучительная дрожь пробѣжитъ по тѣлу. Въ такую осеннюю ночь даже частыя звѣзды едва мерцаютъ, точно собираясь потухнуть, и жѣсьяцъ, словно боясь взглянуть на эту мрачную картину, старается спрятаться за обрывки тучъ, которыя подъ вліяніемъ вѣтра толпами несутся съ сѣвера на югъ. Страшно стоять въ такую ночь на крутомъ, высокомъ берегу Днѣпра, глядѣть внизъ, въ эту темную шумящую бездну и слушать эту душу надрывающую пѣсню, — въ особенности если на душѣ и безъ того лежитъ мрачная дума.

Церковный домъ, въ которомъ обиталъ о. Евстафій, стоялъ на крутомъ берегу Днѣпра. Отъ него шла извилистая дорожка внизъ; — при помощи этой дорожки все село сообщалось съ Днѣпромъ. Въ небольшихъ окнахъ церковнаго дома отражалась луна; свѣта въ нихъ не было видно, только сквозь щели ставень двухъ оконъ, выходявшихъ изъ той комнаты, которую о. Евстафій называлъ столовой, проглядывали лучи яркаго освѣщенія. Въ этой небольшой комнатѣ, обстановка которой состояла изъ круглаго дубоваго стола, нѣсколькихъ соломенныхъ стульевъ вокругъ него и деревяннаго дивана вдоль стѣны, о. Евстафій съ помощью Арины Петровны „почтовалъ“ гостей своихъ.

О. Евстафій обладалъ такимъ видомъ, который помимо его воли внушалъ уваженіе къ нему. Почти высокаго роста, плечистый и плотный, съ высокимъ умнымъ лбомъ и длинной, чуть не

до пояса, бородой, онъ могъ-бы производить впечатлѣніе городского протоіерея, если-бъ не его странное презрѣніе къ вѣшно-сти, которое заставляло его носить вѣчно - засаленную короткую рясу, большіе толстокожіе сапоги и нѣчто утратившее всякую форму вмѣсто шляпы. Съ костюмомъ вполнѣ гармонировали его длинные растрепанные волосы и вѣчно-свернувшаяся въ какой-то страннаго вида комокъ борода. Камилавку онъ имѣлъ, но тотчасъ-же по полученіи, признавъ ее совершенно неудобной для ношенія, посадилъ въ нее свою любимую голландскую курицу высиживать цыплятъ, что она аккуратно каждый годъ и выполняла. Одинъ изъ недруговъ о. Евстафія, проникнувъ о такомъ святотатствѣ, написалъ объ этомъ „донесеніе“ благочинному, по поводу чего было наряжено экстренное слѣдствіе, ничего, впрочемъ, не открывшее, такъ-какъ о. Евстафій на время слѣдствія переселилъ голландскую курицу въ другое мѣсто, а камилавку надѣлъ на голову. Тѣмъ не менѣе онъ остался „на замѣчаніи“ и съ тѣхъ поръ, вотъ уже около десяти лѣтъ не получалъ никакой „награды“. Вообще онъ пользовался въ уѣздѣ репутаціей человѣка неуживчиваго, рѣзкаго и имѣлъ почти столько враговъ, сколько было поповъ въ уѣздѣ. И это, главнымъ образомъ, потому, что онъ имѣлъ глупую привычку на съѣздахъ говорить прямо то, чего одни не хотѣли слушать, а другіе находили не деликатнымъ. Но замѣчательно, что ни одинъ изъ его враговъ не могъ-бы сказать ему этого въ глаза; всякій, при встрѣчѣ съ нимъ, дѣлалъ видъ доброжелателя. И это оттого, что о. Евстафія побаивались. Всѣ помнятъ, какъ онъ лѣтъ десять назадъ написалъ прямо въ святѣйшій синодъ объ одномъ громадномъ злоупотребленіи мѣстнаго архіерея, о которомъ всѣ знали и всѣ молчали. О. Евстафій получилъ рѣзкій выговоръ и угрожающее предостереженіе, а архіерей тѣмъ не менѣе былъ немедленно переведенъ, должно-быть въ наказаніе, въ лучшую епархію.

По мнѣнію самого о. Евстафія, онъ былъ „порядочнымъ человѣкомъ“ только въ ранней молодости, когда была жива жена его. По смерти-же жены онъ махнулъ на все рукой и рѣшилъ, что самое лучшее средство забыться—это никогда не быть трезвымъ. И дѣйствительно, онъ бывалъ трезвъ только по праздникамъ, когда ему приходилось служить; въ остальные-же дни, если рѣдко бывалъ „какъ слѣдуетъ“, зато всегда навеселѣ. Прихожане

давно простили ему этот грѣхъ, и это, главнымъ образомъ, потому, что о. Евстафій былъ у нихъ „свой батюшка“: „мужицкій батюшка, а не панскій“, какъ они сами говорили про него.

Въ самомъ дѣлѣ, о. Евстафій душою и тѣломъ принадлежалъ своему приходу; онъ такъ сжился и сроднился съ деревенской средой, что какъ-то невольно ея интересы считалъ своими. Нечего и говорить, что онъ не только зналъ наперечетъ всѣхъ своихъ прихожанъ, а зналъ также „что кому нужно и кто чего стоитъ“—и это въ немъ очень высоко цѣнилось. Все село видѣло, что о. Евстафій „во всѣмъ одинаковъ“, что онъ не выносить послѣ обѣдни „просвирку“ мѣстнымъ и окружнымъ богачамъ, рассчитывая за эту, ничего ему не стоящую, „просвирку“ получить лишнюю четверть жита; что онъ не лебезитъ передъ помѣщикомъ, рассчитывая, что его телята и коровы будутъ безпошлинно зимовать на помѣщичьемъ сѣнѣ. О. Евстафій давалъ „просвирку“ тому, кого уважало все село; онъ звалъ къ себѣ на чай по праздникамъ послѣ обѣдни не знатъ деревенскую, а всѣхъ, кто хочетъ,—и дѣйствительно, за двадцать лѣтъ его служенія въ Широкой-Валкѣ, у него, въ качествѣ гостей, успѣли перебыть и попить чайку всѣ прихожане. О. Евстафій въ церкви никогда не „держалъ проповѣдей“. Не умѣлъ онъ, не давалось ему это искусство, ну, просто человѣкъ чувствовалъ себя непризваннымъ. Да къ тому-же онъ понималъ, что въ устахъ его, о. Евстафія, котораго рѣдко можно было увидать вполнѣ трезвымъ и за которымъ водятся и другіе всѣмъ извѣстные грѣхи, проповѣдь морали звучала-бы по меньшей мѣрѣ очень странно, а потому и „не дерзалъ“. Тѣмъ не менѣе всякій обращался къ нему за совѣтомъ, и онъ всякому давалъ совѣтъ. Но эти совѣты касались другой области, чисто-практической. Какъ поступить въ такомъ случаѣ, да какъ выкрутиться изъ такой бѣды—вотъ въ такихъ дѣлахъ о. Евстафій былъ прямымъ совѣтчикомъ. Всѣ помнятъ исторію съ прежнимъ писаремъ, который такъ искусно прибралъ все село къ своимъ рукамъ, что мужики только развели руками и не знали, что съ нимъ подѣлать. О. Евстафій сразу разрѣшилъ недоумѣніе, и очень просто, слишкомъ даже просто. „Прогнать его, какъ собаку, и всему дѣлу конецъ!“ Прогнать было неудобно. Писарь подвелъ такъ дѣло, что если онъ кое-что откроетъ, то все село будетъ отвѣчать. Но о. Евстафій все-таки

наставлялъ на своемъ. „Пусть придется отвѣчать! Цѣлое село не могутъ-же обвинить въ злоупотребленіяхъ, не засудятъ-же цѣлое село, а онъ пусть-ка поищетъ мѣстечка.“ Писарь озлился и пустилъ въ о. Евстафія оскорбительнымъ словомъ: „Какой-нибудь пьяница-попъ будетъ мнѣ указывать?“ величественно заявилъ онъ; но о. Евстафій, къ его удивленію, не обидѣлся. — „Что-жь? Пьяница и есть! А все-таки тебѣ укажетъ! И прогнать тебя!“

Тогда писарь, видя, что дѣло въ самомъ дѣлѣ плохо, повернулъ оглобли. Онъ сталъ вдругъ тише воды, ниже травы и самолично пришелъ къ о. Евстафію съ униженной просьбой—смягчить гнѣвъ на милость, и незлобивый о. Евстафій сказалъ ему; „иди съ миромъ, только впредь не пакости!“ Но мужики ужь рѣшительно не захотѣли оставить его у себя, и это главнымъ образомъ за то, что онъ „обидѣлъ отца и печальника нашего“, и прогнали писаря.

Простили ему и другой грѣхъ — Арину Петровну, которая ужь лѣтъ пятнадцать проживала у него, въ качествѣ ключницы и хозяйки, и у которой по неизвѣстной причинѣ въ каждое трехлѣтіе появлялись ребята. Въ этихъ случаяхъ деревенскіе обыватели обыкновенно незлобиво улыбались и произносили: „однятъ Богъ безъ грѣха“.

Арина Петровна была женщина достойная во всѣхъ отношеніяхъ. Видъ ея выражалъ полнѣйшее довольство, и это потому, что она дѣйствительно была довольна своей судьбой. Это была высокая, плотная, когда-то красивая деревенская баба, вѣчно хлопчущая и всякую минуту занятая важнымъ дѣломъ. Ее уважали за то, что она дѣйствительно пригрѣла потерпѣвшаго крушеніе въ жизни, о. Евстафія, неліцемерно ухаживала за нимъ и блюла добро его, какъ свое. „Арина Петровна не какая-нибудь! Ей Богъ проститъ грѣхъ ея великій!“ говорили про Арину Петровну и никто никогда и не подумалъ оскорбить ее обиднымъ словомъ.

Гости были уже навеселѣ. Ихъ было трое: мѣстный голова — Березовскій, тотъ самый голова, насчетъ котораго съострилъ паренъ,—и двое изъ деревенскихъ стариковъ. Оба они были очень похожи другъ на друга и сразу обнаруживали свое родство. Это были братья Скороходы, оба съ сѣдыми бородами и образцовыми

лысянами. Младшій изъ нихъ былъ тотъ самый старикъ, который велъ бесѣду съ Григоріемъ Остаповичемъ. Что же касается до головы, то онъ былъ еще совсѣмъ не старнй человѣкъ, высокаго роста, съ лицомъ дѣйствительно не умнымъ, на которомъ словно было написано: „Я—голова“. Онъ, очевидно, хотѣлъ держаться съ достоинствомъ, но ему это рѣшительно не удавалось: всѣ его движенія были неловки до смѣшнаго; когда же онъ начиналъ говорить, то въ неимовѣрныхъ мукахъ искалъ словъ, но не находилъ, и въ концѣ-концовъ ничего не получалось. Головой его выбрали за то, что онъ былъ богаче всѣхъ въ селѣ и считался зажиточнымъ хозяиномъ.

О. Евстафій говорилъ безъ умолку, а гости почти только слушали, изрѣдка вставляя свои замѣчанія.

— И какъ это меня угораздило — я и самъ не пойму! говорилъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ, подливая рому нъ стоявшій передъ нимъ стаканъ чаю. — Вѣдь придетъ же этакая штука въ голову; иной разъ ей Богу, нарочно не выдумашь!.. Былъ я въ городѣ... О. Евстафій началъ говорить повѣствовательнымъ тономъ, вслѣдствіе чего слушатели откашлялись, точно сами готовились говорить и придвинулись ближе къ столу. — Былъ я въ городѣ. Остановился въ гостинницѣ „Рига“, — я всегда тамъ останавливаюсь. И, какъ на грѣхъ, случился рядомъ со мной въ номерѣ о. Севастьянъ — Музыковскій, что на Музыковыхъ хуторахъ. То же вдовица срая, какъ и я, — такъ вотъ мы съ нимъ и дрызнули — ужъ это у насъ всегда съ нимъ: — какъ встрѣтимся, такъ и конецъ. Только на этотъ разъ мы пересолили: слишкомъ ужъ, слишкомъ; такъ не подобаетъ. И что же мнѣ пришло въ голову! Знаешь, говорю, о. Севастьянъ, я сейчасъ къ владыкѣ пойду. А онъ хохочетъ: иди, говорить. — Что же я ему скажу, говорю? А что-нибудь, говорить, — ну, скажи, — пришелъ, молъ, чайку попить съ вашимъ высокопреосвященствомъ, слыхалъ, молъ, что вы изъ Москвы шестнадцати-рублевый чай выписываете. — Я это возьми съ дуру, да и отправься. Прямо такъ и ввалился къ архіерею во всей своей красѣ. Во дворѣ его встрѣтилъ, онъ журавлей своихъ кормилъ — у него вѣдь журавли есть, — и говорю... Такъ и говорю, какъ о. Севастьянъ научилъ, и про шестнадцати-рублевый чай напелелъ... Ну... При этихъ словахъ о. Евстафій отодвинулъ свой стаканъ на середину

стола, быстро поднялся съ мѣста и почти прыгнувъ въ уголь комнаты, въ тотъ самый уголь, гдѣ передъ иконой Казанской Божьей Матери висѣла лампада. Это означало, что сейчасъ начнется самая интересная, а быть можетъ даже и патетическая часть. Гости также сдѣлали движеніе и повернули свои головы по направленію къ углу, при этомъ на ихъ лицахъ выражались не одинаковыя ощущенія. Голова былъ совершенно поглощенъ разсказомъ, лицо его выражало крайній испугъ, глаза смотрѣли глупѣе обыкновеннаго, а ротъ неизвѣстно для чего оставался открытымъ. Къ нему, повидимому, присоединился и старшій Скороходъ. Что-же касается младшаго Скорохода, который отличался отъ старшаго бравымъ, молодцоватымъ, какъ-будто самонадѣяннымъ видомъ и привычкой крутить правый усъ, то на лицѣ его, полномъ интереса къ разсказу, играло что-то въ родѣ спокойной насмѣшливой улыбки, которая точно говорила: „А ну, что изъ этого выйдетъ!“ Его, очевидно, занимала юмористическая сторона разсказа. Въ это время на порогъ появилась Арина Петровна, которая уже 17-й разъ въ продолженіе двухъ сутокъ выслушивала разсказъ о Евстафіи и всякій разъ принимала унылый видъ и качала головой.

— Сначала онъ не понялъ, въ чемъ дѣло! продолжалъ, между тѣмъ, о Евстафій, засучивъ даже для чего-то рукава рясы, точно собирался изобразить бой гладіаторовъ. — Сначала онъ не понялъ и растерялся. „Какъ? Что? Келейникъ! кричитъ келейника: струсилъ старина, думалъ—пришелъ зло ему сдѣлать. А потомъ видитъ, что я пошатываюсь... А! говорить — ты пьянъ! Ты въ такомъ видѣ смѣлъ явиться къ своему архипастырю!“ А я, какъ нарочно, зарядилъ: „нѣтъ; говорю, я не пьянъ, ваше высокопреосвященство, мы только немножко хватили съ о. Севастьяномъ, и то, говорю, за ваше здоровіе. А чайку, говорю; захотѣлось у вашего преосвященства попить, никогда въ жизни владычняго чаю не пивалъ... Шестнадцать рублей, говорю; должно-быть, это хорошо!“ Какъ сказалъ я ему это, старина такъ и запрыгалъ на мѣстѣ. „Святотатство!“ кричитъ, святотатство, да и только. Благочиннаго, рапортъ, распоряженія, въ 24 часа... Вотъ тебѣ и владычній чай! Такъ и написано въ предписаніи: „за святотатство, сирѣчь оскорбленіе святыни“... Вотъ тебѣ и владычній чай... Ну, не дуракъ я старшій? А?

— Ай, ай, ай, ай, ай! Вотъ оно это самое... какъ оно вредитъ!.. со вздохомъ произнесъ голова, разумѣя подѣ „этихъ самнѣхъ“ вообще спиртные напитки. При этомъ онъ для наглядности указалъ на стаканъ съ пуншемъ, которымъ о. Евстафій въ это время запивалъ свойъ разсказъ.

— И придетъ же такое въ голову! Да еще умному человѣку! серьезно произнесъ младшій Скороходъ.

— Ахъ, что и говорить! Просто навожденіе! И о. Севастьянъ тоже хорошъ, нечего сказать! встала Арина Петровна. Ей ужасно не хотѣлось, чтобы о. Евстафій оказался виноватымъ, поэтому она взваливала всю вину на о. Севастьяна.— Хорошее совѣтовала! А еще пріятель!

— Ну, это что, Арина Петровна! О. Севастьянъ не изъ зложелательства. Онъ самъ былъ почти-что въ безчувствіи! вступилъ о. Евстафій.

Въ это время дверь тихонько отворилась, и въ комнатѣ появились двѣ скромныя фигуры—о. Игнатія и Григорія Остаповича. Они какъ-то поспѣшно поклонились всѣмъ, одновременно, точно по командѣ, пригладили свои головы и вняли у о. Евстафія благословеніе. Послѣ этого они отошли немножко въ сторону и выразили на своихъ лицахъ, что садиться они еще не смѣютъ.

— Что-жъ вы, друзья мои? О. Игнатій, Григорій Остаповичъ! Садитесь вотъ сюда! Арина Петровна, угости, голубушка, чаемъ о. Игнатія и Григорія Остаповича.

Нельзя было не замѣтить нѣкоторой торжественности въ тонѣ о. Евстафія. Въ особенности-же бросалось въ глаза, что прежде онъ называлъ своихъ причетниковъ просто—Игнатіемъ и Григоріемъ, а теперь перваго называлъ отцемъ, а втораго Остаповичемъ. Впрочемъ, это объяснялось ничѣмъ инымъ, какъ настроеніемъ о. Евстафія, который, хотя и понималъ всю несообразность своего поступка, тѣмъ не менѣе чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ пострадавшимъ за правду.

О. Игнатій и Григорій Остаповичъ почтительно поклонились и сѣли. Торжественность минуты, очевидно, и имъ дала себя почувствовать. Движенія ихъ были какъ-то особенно праздничны, они почему-то кланялись всякій разъ, когда о. Евстафій обращался къ нимъ, тогда какъ въ обычное время они держали себя съ нимъ довольно просто. Не успѣла Арина Петровна поставить

передъ ними стаканы съ чаемъ, какъ невидимая рука о. Евстафія сверху подлила въ оба стакана рому, что со стороны Григорія Остаповича не вызвало ни малѣйшаго протеста, а только одну благодарность, за-то о. Игнатій рѣшительно запротестовалъ:

— Что это вы, о. Евстафій? Какъ это можно? Развѣ вамъ не извѣстно, что я отъ самаго рожденія въ ротъ не бралъ ни капли „вина и сикера“. Мнѣ старецъ сказалъ... О. Игнатій въ такихъ случаяхъ для большей убѣдительности всегда воспроизводитъ подлинныя слова „опытнаго старца“.

— Ну, что ты, братъ, о. Игнатій, все про своего старца рассказываешь? Для такого случая можно-бы и забыть про него! обиженно проговорилъ о. Евстафій. Впрочемъ, онъ на самомъ дѣлѣ не обидѣлся, а такъ только хотѣлъ тономъ подѣйствовать на о. Игнатія.

— Развѣ это благородно, чтобы для такого случая не выпить? обратился онъ къ гостямъ.

— Какъ-же это можно, чтобы для такого случая?.. Это самъ Богъ велѣлъ... рѣшилъ голова. Къ его мнѣнію присоединился и младшій Скороходъ, что уже окончательно санкціонировало предложеніе о. Евстафія.

— Такъ вѣдь я-же—отъ самаго рожденія!.. упорно отговаривался о. Игнатій, но это нисколько не убѣждало о. Евстафія, и онъ продолжалъ настаивать на своемъ.

— Такъ ты не выпьешь, о. Игнатій? Нѣтъ? приставалъ онъ.— Ну, значить, ты меня не любишь! Кто меня любитъ, тотъ пьетъ за мое здоровье...

Здѣсь произошло нѣчто совершенно неожиданное. О. Игнатій долгимъ пристальнымъ взглядомъ посмотрѣлъ на о. Евстафія, какъ-бы молчаливо спрашивая: „и это вы, о. Евстафій, взаправду говорите?“ и убѣдившись, что о. Евстафій говоритъ взаправду, онъ вдругъ поднялся съ мѣста, вытянулся во весь ростъ и горделивымъ взглядомъ обвелъ присутствующихъ. Онъ былъ неимоვნю красенъ, а на глазахъ у него навернулись слезы.

— Коли такъ, коли вы взаправду это полагаете, такъ вотъ-же вамъ! съ чувствомъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ онъ и вдругъ совершенно неожиданно выпилъ залпомъ стаканъ чаю съ ромомъ. Эффектъ былъ удивительный. Торжественность минуты дошла до послѣдней степени напряженія, и о.

Евстафій, заключивъ о. Игнатія въ объятія, трижды облобызавъ его. Впослѣдствіи, когда о. Игнатій вспоминалъ объ этой трогательной сценѣ, онъ всегда прибавлялъ: „и не обжегся, а вѣдь былъ выпятокъ“ — этому обстоятельству онъ придавалъ особенное значеніе, такъ-какъ съ нимъ у него связывалось что-то въ родѣ смутнаго представленія о „судѣ Божіемъ“.

Послѣ этого подвига, о. Игнатій съ непривычки почувствовалъ вдругъ что-то странное, какую-то небывалую смѣлость. Нѣкоторое время онъ, правда, сидѣлъ молча, сосредоточенно смотря на дно осушеннаго имъ ставана, и какъ-бы анализируя новое для него ощущеніе, а потомъ вдругъ поднялъ голову и безъ всякихъ предисловій прямо обратился въ о. Евстафію.

— Какъ-же это васъ угораздило?

— Что такое? Куда угораздило? спросилъ о. Евстафій, не понявъ, о чемъ онъ спрашивается.

— Да что это вы тамъ накуралесили? За что это васъ... Григорій Остаповичъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего коллегу. Этотъ вопросъ показался ему слишкомъ смѣлымъ. Но о. Евстафій посмотрѣлъ на дѣло гораздо проще.

— А-а! Вотъ ты о чемъ! Да такъ-таки и угораздило! отвѣтилъ онъ просто.— Былъ я въ городѣ, знаешь, тогда, какъ мы молебствіе служили, — старуха нанимала, — такъ я послѣ молебствія. Остановился я въ гостинницѣ „Рига“...

И о. Евстафій принялся въ 18-й разъ рассказывать свою „исторію“. И на этотъ разъ голова выразилъ тотъ-же испугъ, а Арина Петровна глядѣла такъ-же уныло и качала головой. Даже младшій Скороходъ повторилъ свою улыбку. Что-же касается о. Игнатія и Григорія Остаповича, то на нихъ рассказъ произвелъ потрясающее дѣйствіе, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на сцену выступалъ владыка; они качали головами и туловищами и провозносили дуэтомъ: „А-а-хъ! Ахъ, ты, Боже мой!“ Въ концѣ-же-концевъ Григорій Остаповичъ, какъ натура болѣе впечатлительная, почувствовалъ сердцебіеніе.

— А что, о. Евстафій, если-бъ мы всей громадой стали просить за васъ архіерея? Что-бы изъ этого вышло? спросилъ младшій Скороходъ, когда рассказъ былъ оконченъ.

— И ни-ни! Ничего подѣлать нельзя! рѣшительно заявилъ о. Евстафій, — если-бъ это что-нибудь другое, ну, благочиннаго,

что-ли, побилъ, или тамъ, что хочешь,—ну, хотя-бы даже богохульствовалъ, это все не такъ, тутъ громадъ пожалуй уступили-бы; а то вѣдь самого архіерея... Съ самимъ владыкою чай захотѣлъ пить! Ха, ха! Владычній чай — это братъ, не свой братъ, и хоть ты 12 громадъ посылай—ничего не подѣлаешь.

— А какъ мы попробуемъ? Все село, молъ; другого не хотимъ!..

— Напрасно, напрасно! Сидите и не вступайтесь, потому все равно ничего не будетъ. Владычній чай... Хе, хе! Тутъ ужь ничего не подѣлаешь!

— Такъ значить,—такъ этому и быть? спросилъ голова.

— Такъ этому и быть. Завтра собираться будемъ. Арина Петровна узелковъ навяжетъ и всякой всячины, да и переселимся къ зятю. У меня зять близко. Чего? Къ вамъ буду навѣзжать, а вы ко мнѣ! Далеко-ли здѣсь? Верстъ 15 не больше. Да я каждую недѣлю стану ѣздить къ вамъ. Какъ только заскучаю, такъ и къ вамъ. А заскучаю скоро! Привыкъ вѣдь! 20 лѣтъ душа въ душу жили, любили меня и я васъ любилъ... Э-эхъ!..

Разговоръ продолжался за полночь. Гости мало-по-малу наливались водкой, вслѣдствіе чего разговоръ съ каждымъ часомъ становился оживленнѣе. Тутъ безъ разбора вспоминалось прошлое и проектировалось будущее. Съ особенной любовью останавливались на томъ, какъ о. Евстафій будетъ каждый годъ, нѣтъ, даже два раза въ годъ пріѣзжать въ Широкую-Валку „ильновать“ (старый обычай въ южнорусскихъ деревняхъ, практикуемый духовенствомъ. Попъ, діаконъ или ихъ жены объѣзжаютъ все село, заходя въ каждую хату, „почтуя“ водкой хозяевъ, за что получаютъ мѣрку хлѣба, который и высыпается въ тутъ-же стоящую телѣгу) и съ какою радостью будетъ встрѣчать его все село. Голова тутъ-же объявилъ, что не будь онъ голова, если онъ когда-нибудь выпнетъ о. Евстафію меньше трехъ мѣрокъ пшеницы. Въ заключеніе было рѣшено, что на прощанье голова дарить о. Евстафію пару овецъ, которыя завтра-же будутъ ему доставлены, старшій Скороходъ теленка, а младшій—пару молодыхъ поросятъ на тѣхъ-же условіяхъ. Пріятномъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, на долю о. Игнатія и Григорія Остаповича отъ головы выпало по поросенку.

III.

На другой день, чуть только поднялось солнце, къ церковному дому № 1-й подъѣхало нѣсколько возовъ, запряженныхъ волами. Это мужики, узнавъ объ окончательномъ рѣшеніи о. Евстафія, прислали свои „подводы“. Нѣсколько бабъ, въ числѣ ихъ и Анисья Безпалая, добровольно пришли на помощь Аринѣ Петровнѣ; онѣ бѣгали изъ угла въ уголъ, укладывали, увязывали, носили; Арина-же Петровна, съ озабоченнымъ, и даже нѣсколько мрачнымъ видомъ, дѣлала распоряженія. Суета была невообразимая.

— Арина Петровна! А эту кадешку съ огурцами надо поставить особо, чтобъ за дорогу не распаталась. Разсолу-то здѣсь еще вонъ сколько! А разсолъ выльется и огурцы пропади! плаксивнымъ тономъ говорила сухошавая, согнутая Перепилицина вдова, съ трудомъ вытаскивая изъ погреба огромный боченокъ съ огурцами.

— Кувшины эти съ кислымъ молокомъ прежде-бы въ печь поставить, затворожить, такъ оно сохраннѣе было-бы! Какъ вы думаете, Арина Петровна? восклицала, въ свою очередь, кузнечиха — особа, комплекціи какъ-разъ противоположной. Приятномъ она собирала „съ глечикѣвъ“ сметану, сливая ее въ особую, приспособленную для этого „макитру“.

— А я ужъ и не знаю! Я ужъ и не знаю просто! У меня голова кружится! Дѣлайте, бабы, какъ знаете, все будетъ хорошо.

Это говорила Арина Петровна, бѣгая изъ кухни въ погребъ, изъ погреба въ амбаръ, потомъ въ комнаты, въ сарай. Она то и дѣло хваталась за голову и восклицала: „А-ахъ, а-ахъ!“ Деревня, между тѣмъ, ужъ давно поднялась. Всѣ знали, что сегодня о. Евстафій уѣзжаетъ и всѣ только объ этомъ и думали. Было свѣжее утро съ изморозью. Оставленные недавнимъ дождемъ лужи покрылись тончайшимъ слоемъ льда, деревья посеребрились инеемъ. Близъ хаты младшаго Скорохода на заваленкѣ собралось десятокъ два мужиковъ—это все были старшіе. Почти у всѣхъ имѣлись длинныя бороды.

— Проводить надо какъ слѣдуетъ, чтобы онъ помнилъ насъ и чтобы мы его помнили! говорилъ кто-то изъ мужиковъ.

— Съ хлѣбомъ и солью, какъ подобаетъ! И бабъ собрать, и парни, и дѣвки...

— Чего собирать! Сами придуть! Да вонъ ужъ и собираются, произнесъ дряхлый-предряхлый старикъ Бурьянъ, указывая рукой по направленію къ волости.—Надо, надо! продолжалъ онъ своимъ дрожащимъ старческимъ голосомъ, ежеминутно качая головой и моргая своими маленькими слезливыми глазками.—Онъ отецъ намъ былъ. Никогда отъ него обиды намъ не было. Я троихъ пережилъ, а онъ уже четвертый. Тѣ трое были не то. Все больше съ панами знались, все съ ними наравили. А этотъ—нашъ вполне! *Нашъ* онъ, вотъ что намъ любо!

Старикъ даже заплакалъ и сѣлъ въ изнеможеніи.

— Да что-о! Бывало ежели мужикъ умретъ, такъ не то что не возьметъ ничего, а самъ еще дастъ на поминки! А разъ, помню, какъ умерла старуха Петелиха—столѣтняя была, ни родни у нея, ни кола, ни двора—такъ самъ поминки справилъ и у себя угощалъ пирогами! Вотъ каковъ!..

Старика слушали со вниманіемъ. И это вовсе не потому, что онъ сообщалъ новости: про похороны столѣтней Петелихи знало все село,—а потому, что это былъ самый старшій изъ Балчанскихъ мужиковъ. Ему было за сто лѣтъ, онъ помнилъ многое, о чемъ только смутно слышали теперешніе старики, и за эту давность ему былъ наибольшій почетъ. Его всегда всѣ выслушивали и всякій при встрѣчѣ съ нимъ снималъ шапку и низко кланялся. О. Евстафій въ этомъ случаѣ не составлялъ исключенія. Всякій праздникъ въ церкви послѣ обѣдни онъ выносилъ Бурьяну просфору, везъ его въ своей таратайкѣ къ себѣ. Здѣсь онъ угощалъ его чаемъ и всякій разъ долго бесѣдовалъ съ нимъ о старинѣ.

Изъ-за угла хаты, запыхавшись и раскраснѣвшись, прибѣжала Анися Безпалая.

— Что-же вы сидите тутъ, бородачи? Что-же не идете въ расправу (волость)? Или вы думаете, что онъ сюда къ вамъ придетъ прощаться? бойко заговорила она.

— Зачѣмъ къ намъ? Мы къ нему пойдѣмъ, заговорили мужики разомъ, поднявшись со своихъ мѣсть.

— То-то и есть, что вы просидѣли *его*. А онъ сейчасъ самъ будетъ въ расправу. Живо всѣ туда! Э-эхъ! Мужичье бородатое! Сидятъ да клюбаютъ носами, да щиплютъ бороды! А еще запо-рожцы!

— Ну, ну, молчи, язвкятая! Ишь расходилась! И безъ тебя

знаемъ! обидѣлись старики.— Не твое это дѣло указывать старикамъ.

— Знаю, что не мое дѣло! А ну-ко, скажите, гдѣ вашъ голова? Ну ка, это ваше дѣло, а гдѣ онъ? А? Ахъ, вы безголовые!

— А и вправду—голова нѣтъ! Вотъ тебѣ и баба!.. Гдѣ-же голова?..

— А онъ, должно-быть, еще не проспался со вчерашняго!.. объявить Скороходъ.— Не знаете вы, что-ли, вашего голову!

— Ахъ, ты, бѣда, бѣда! Эй, Митька! Ступай къ головѣ, разбуди его, если онъ спитъ, да скажи, чтобъ сейчасъ бѣжалъ въ расправу. Да, слышишь-ли—сейчасъ! Какъ-же можно безъ головы? Ну, и голова-жъ! крикнулъ мужикъ молодому парню, направившемуся къ расправѣ.

— А мнѣ подсобите братцы! Старъ я сталъ, не дойду самъ, свалюсь! А хочется! обратился къ мужикамъ Бурьянъ, силась подняться съ заваленки. Двое мужиковъ почтительно подошли къ нему, взяли его подъ руки и бережно повели въ расправу.

Здѣсь уже было все село. Дѣвки, бабы, парни, старики и дѣти—все это толпилось близъ расправы и странно было смотрѣть, какъ эта нестройная толпа вела себя смирно, не шумѣла и не галдѣла. Настроеніе было умильное, точно въ церкви или передъ говѣньемъ. Парни стояли смирно и не боролись съ дѣвками, они даже, чтобы избѣжать соблазна, совершенно отдѣлились отъ женскаго пола и пристали къ старикамъ. Даже мальчуганы не кидали другъ въ друга пригоршнями песку и не дразнили дѣвочекъ, называя ихъ „тетками“, что они непременно сдѣлали-бы при всякомъ другомъ случаѣ. А если какой-нибудь маленькій сорви-голова не выдерживалъ и начиналъ подпрыгивать, или какой-нибудь шальной парень, не достаточно проникнутый торжественностью минуты, забѣгалъ въ дамскій лагерь и начиналъ приставать къ дѣвкамъ, обращаясь къ нимъ съ нѣжными восклицаніями, въ родѣ: „эй, ты, Гапка-долговязая“, или: „ишь ты, какъ ее, панскую кобылу, разнесло!“—то немедленно вставалъ съ заваленки одинъ изъ „стариковъ“ и, подойдя къ толпѣ, сурово увѣщевалъ нарушителей порядка:

— Успѣешь набаловаться! День еще великъ! Ишь, обрадовался, что разомъ много дѣвокъ увидѣлъ! Глаза разбѣжались! Стыдись, парень! Разсуди: мѣсто-ли, время-ли и т. д.

Уже прибѣжалъ курьеръ сообщить, что о. Евстафій вышелъ изъ дому, а головы все не было. Старики повставали съ мѣстъ и подняли суматоху. Младшій Скороходъ, въ сопровожденіи еще двухъ стариковъ, почти бѣгомъ отправился къ головѣ, который жилъ близко, и притащилъ его съ заспанными глазами. Всю дорогу онъ бичевалъ его.

— Ну, хорошо-ли это, Петро Терентьевичъ? Та вы-жъ-таки голова, вы-жъ-таки нашъ набольшій, начальство наше, и такой примѣръ. Не хорошо, Петро Терентьевичъ!

Голова только чесалъ затылокъ и безнадежно плелъ что-то въ оправданіе, изъ чего, впрочемъ, ничего не выходило. Можно было понять только, что онъ чувствуетъ себя виноватымъ, но что одинъ Богъ безъ грѣха и что онъ, конечно, хоть и голова, однако, безъ грѣха одинъ только Богъ... Его, какъ преступника, привели и поставили на самоѣ видномъ мѣстѣ. Увидѣвъ себя окруженнымъ громадной толпой, онъ, наконецъ, очнулся, понялъ въ чемъ дѣло и принялъ свою обычную величественную осанку, которая должна была означать, что онъ „голова“.

— А, можетъ, батюшка будетъ въ церкви прощаться? Може съ молебствіемъ? сообразила какая-то баба.

— Ну, ужъ и сказала! Ужъ раскинула своимъ бабыимъ умомъ! укоризненно замѣтилъ кто-то изъ мужиковъ.— Да вѣдь онъ отрѣшанный, а развѣ ихъ отрѣшаютъ на то, чтобъ они молебствіе могли служить?

Всеобщее вниманіе обратила на себя медленно приближающаяся къ расправѣ маленькая фигурка въ три погибели согнутой старушенки. Она двигалась при помощи толстой дубовой палки, то и дѣло спотыкаясь, кряхтя и причитывая „Богородицу“. На ней была старая-престарая заношенная запаска и большіе мужскіе сапоги, доставшіеся ей отъ мужа, ровно 12 лѣтъ тому назадъ отошедшаго на тотъ свѣтъ. Старушка, за давностью лѣтъ, утратила даже собственное имя и называлась обыкновенно по сыну.

— А вотъ и Федотова мать плетется! раздалось въ толпѣ.— Эй, парни! Помогите-ка ей дойти! Смотрите, она совсѣмъ развалится!

Нѣсколько парней подбѣжали къ Федотовой матери и довели ее до заваленки, гдѣ она и усѣлась, продолжая шамкать своими старческими губами „Богородицу“. Она даже три раза пе-

рекрестилась по случаю благополучнаго окончанія путешествія изъ своей хаты въ расправу.

— Что, старая, и ты приплелась? крикнулъ ей кто-то надъ самымъ ухомъ. Федотова мать была совсѣмъ глуха и требовались большія усилія, чтобъ довести что-нибудь до ея свѣденія.

— Приплелась, парень, приплелась и я! отвѣчала Федотова мать, не замѣчая, что съ нею говорить сѣдобородный старикъ, давно вышедшій изъ парней.—Прослышала и я, что онъ, нашъ батюшка, покидаетъ насъ! Какъ-же мнѣ, грѣшной, не приплестись? Хоть поблагословить въ послѣдній разъ старуху. Завтра можетъ и умру!.. Старуха расплакалась, что она дѣлала, впрочемъ, всякій разъ, когда ей приходилось сказать больше пяти словъ.

Наконецъ, вдали показался о. Евстафій. На немъ была сѣрая теплая ряса на овечьихъ смушкахъ и зимняя шапка. Опустивъ задумчиво голову, онъ медленно шагаль, опираясь на свою кипарисовую трость. При видѣ его толпа замолкла. Кое-гдѣ только слышался шепотъ неугомонныхъ бабъ, которыя не могли удержаться, чтобы не заняться психологіей. Онъ единодушно нашли, что о. Евстафій блѣднѣе обыкновеннаго, и дѣлали разныя предположенія насчетъ его душевнаго состоянія.

О. Евстафій подошелъ къ толпѣ и поклонился.

— Здравствуйте, дѣти! произнесъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ. Такъ онъ всегда называлъ своихъ прихожанъ, и имъ это особенно нравилось. Всѣ сняли шапки и безмолвно стояли.

— Пришелъ проститься съ вами! Въ послѣдній разъ я вашъ пастырь, а вы—мой дѣти!—Въ толпѣ послышался глухой, сдержанный вздохъ.

— 20 лѣтъ жили мы мирно, да ладно, и вотъ на старости лѣтъ судьба насъ разлучаетъ. Что-жъ, дѣти! Надо покориться! Не такъ живи, какъ хочется, а какъ велятъ. А коли я кого обидѣлъ, тотъ да простить меня! Всѣхъ прошу, всѣхъ!..

Больше о. Евстафій не могъ говорить отъ волненія; голосъ его порвался, а въ глазахъ появились слезы. Это была въ высшей степени трогательная минута. Мужики стояли, понуривъ головы, а бабы—тѣ не выдержали и начали всхлипывать.

— Сегодня я уѣду, и сегодня-же къ вамъ пріѣдетъ *новый*. Мой послѣдній совѣтъ вамъ, дѣти,—любите его такъ, какъ меня любили.

— А мы васъ не забудемъ и не оставимъ, промолвилъ голова Березовскій и тутъ-же подошелъ къ о. Евстафію подь благословенію. За нимъ послѣдовали всѣ, и о. Евстафій благословилъ и перецѣловалъ всѣхъ безъ исключенія.

— Ну, прощайте, прощайте, дѣти! торопливо говорилъ о. Евстафій, кончивъ съ благословеніемъ.— Не хотѣлось-бы, охъ, какъ не хотѣлось... Да дѣлать нечего—не моя воля! А какъ кто изъ васъ навернется ко мнѣ—я буду у зятя—тотъ будетъ дорогимъ гостемъ. Всѣмъ это говорю, всѣ вы мои дѣти, всѣхъ васъ любилъ я одинаково!

— А вы къ намъ, какъ отецъ, какъ родной! заговорили всѣ разомъ, кланаясь.

Въ это время мимо волости прокатила часть подводъ, нагруженныхъ имуществомъ о. Евстафія. На возахъ сидѣли деревенскіе парни, отцы которыхъ были въ толпѣ.

— А ты смотри, Охримъ, чтобы все въ цѣлости было доставлено, чтобы ничего не разбилъ, не поломалъ!

— Гляди, Остапъ, чтобы на крутой балкѣ всѣ слѣзли съ возовъ, да воловъ-бы вели въ рукахъ! Да чтобы который изъ васъ не заснулъ!

Эти наставленія адресовались къ сидѣвшимъ на возахъ парнямъ отъ стариковъ.

— Теперь пора! промолвилъ о. Евстафій.—Арина Петровна ужъ давно ожидаетъ! Прощайте, прощайте!

О. Евстафій говорилъ это слабымъ, дрожащимъ голосомъ. Несмотря на неимоверныя усилія, онъ не могъ удержаться отъ невольнаго волненія. Съ каждой минутой имъ больше и больше овладѣвала тоска. Больно дороги были ему его „дѣти“ и эта старая, на бокъ склонившаяся, церковь и это грустное кладбище, на которомъ онъ впродолженіи 20 лѣтъ схоронилъ такъ много бѣднаго люда. Чувство отчужденія, то самое чувство, которое овладѣваетъ изгнанникомъ въ моментъ, когда онъ долженъ покинуть дорогое отечество—это чувство тѣснило грудь его и вызывало слезы на глазахъ.

— Пустите Федотову мать! Бурьяна пропустите! послышались голоса.—Толпа раздвинулась, и передъ о. Евстафіемъ предстали двѣ согбенныя развалины. Обоихъ ихъ вели подь руки, и оба они неимоверно вряхтѣли отъ старости и отъ волненія вмѣстѣ.

— Вотъ и мы выползли изъ своихъ норъ! Поблагослови и насъ, отецъ!.. проговорилъ Бурьянъ, стараясь отвѣсить поклонъ пониже. Федотова мать только кивала головой и, какъ ни старалась, не могла промолвить ни слова.

— А какъ я умру, такъ чтобы ты, а не кто другой-то хоронилъ меня! Чтобы непременно похоронилъ! Не хочу я, чтобы другой кто! продолжалъ Бурьянъ, вытирая слезы своимъ дрожащимъ, костлявымъ кулакомъ. Спасибо тебѣ за „проскурн“ и за чай, чайкомъ ты поилъ меня, отецъ, за то тебя на томъ свѣтѣ будутъ ангелы Божіи поить... Смотри-жь, похорони! Похоронишь?

— Да ты, старина, еще сто лѣтъ проживешь! любовно утѣшалъ его о. Евстафій.

— Не надо! Господь съ нимъ, съ этимъ житьемъ! Намааялся и такъ довольно! Не хочу больше!.. Не хочу!

Его отвели на заваленку, такъ-какъ онъ отъ усталости уже началъ пошатываться. „Не хочу! Намааялся!“ еще долго повторялъ онъ. Рядомъ съ нимъ посадили и Федотову мать.

Въ это время къ толпѣ подошли Григорій Остаповичъ и о. Игнатій. Они сняли свои измятыя черныя шляпы и отвѣсили о. Евстафію по пояскому поклону, касаясь до земли пальцами правой руки и прижимая лѣвую къ груди. Они имѣли какой-то особенно смиренный видъ, именно такой, какой принимали они въ великомъ посту во время „говѣнья“, когда передъ самымъ причастиемъ Григорій Остаповичъ подходилъ къ о. Игнатію и, кланаясь въ поясъ, произносилъ: „простите, Христа ради, если я васъ обидѣлъ!“ на что о. Игнатій, тоже кланаясь, отвѣчалъ: „Богъ проститъ васъ, Григорій Остаповичъ,— простите и меня, если я васъ обидѣлъ!“ на что Григорій Остаповичъ, съ своей стороны, также отвѣчалъ: „Богъ проститъ васъ, о. Игнатій“.

О. Евстафій немедленно заключилъ ихъ въ объятія и сказалъ, что они были добрыми помощниками ему и что онъ всегда былъ имъ доволенъ.

Они-же попросили его не поминать ихъ лихою.

Черезъ десять минутъ о. Евстафій ѣхалъ на своей старомодной таратайкѣ, сопровождаемый буквально цѣлою деревней. Арина Петровна ѣхала особо на одной изъ подводъ, съ одной стороны не желая, по ея мнѣнію, компрометировать о. Евстафія въ такую торжественную минуту, а съ другой считая себя недостойной раз-

дѣлать его почести. А почести, по ея мнѣнію, должны были непремѣнно послѣдовать. И дѣйствительно, это было въ высшей степени торжественное шествіе. Таратайка двигалась тихо, а спереди, позади и съ боковъ мѣрными шагами шли Балчане всѣхъ возрастовъ и половъ. Дѣти взобрались въ самую таратайку и наполнили ее такъ, что о. Евстафію угрожала опасность быть вытѣсненнымъ. Въ это-же время о. Игнатій взобрался на деревенскую колокольню и подлинно, можно сказать, плѣнялъ своимъ искусствомъ свѣтъ. Онъ собралъ для этого случая всѣ свои силы, приложилъ все свое искусство, и дѣйствительно въ его трезвонѣ было нѣчто поразительно-торжественное. Чтобы имѣть возможность наилучшимъ образомъ сосредоточиться, онъ пригласилъ на колокольню Григорія Остаповича и поручилъ ему, такъ-называемый, большой колоколь, въ который тотъ долженъ былъ только аккомпанировать, мѣрно ударяя по указанію о. Игнатія. Никогда ни одинъ архіерей при своемъ разъѣздѣ „по епархіи“ не былъ встрѣчаемъ такимъ торжественнымъ звономъ. Когда-же таратайка поравнялась съ расправой, оттуда вышелъ голова въ сопровожденіи нѣсколькихъ стариковъ—всѣ съ обнаженными головами. Голова держалъ обѣими руками большой черный хлѣбъ, на верхушкѣ котораго красовался кусокъ крымской соли. Подойдя къ таратайкѣ (которая по этому случаю остановилась), онъ, въ свойственныхъ ему краснорѣчивыхъ выраженіяхъ, высказалъ чувства уполномочившей его громады и просилъ о. Евстафія принять на память отъ села Широкой-Валки хлѣбъ съ солью, что о. Евстафіій сдѣлалъ и прослезился.

Таратайка выѣхала уже на поле; уже едва только виднѣлись позади верхушки хатъ расположеннаго въ ложбинѣ села; большинство изъ провожавшихъ уже отстало и вернулось, но многіе, особенно расчувствовавшіеся, провожали о. Евстафія за полдороги. И долго еще раздавался торжественный звонъ съ убогой деревенской колокольни. Давно у о. Игнатія устали руки, давно ужъ Григорій Остаповичъ выражалъ мнѣніе, что пора кончить; но о. Игнатій, въ порывѣ увлеченія, не замѣчалъ усталости и выражалъ желаніе звонить до тѣхъ поръ, покуда на дорогѣ будетъ виднѣться таратайка о. Евстафія. При этомъ онъ находилъ возможность и разговаривать съ Григоріемъ Остаповичемъ.

— А проводили на славу! кричалъ онъ во всю мочь, такъ-

какъ звонъ колоколовъ заглушалъ даже его могучій голосъ.— По архіерейски проводили! Давно ужъ не звонилъ я съ такимъ вкусомъ.

— Да! Проводы настоящіе! съ видимымъ удовольствіемъ отвѣчалъ Григорій Остаповичъ, со всей силы нажимая на языкъ большого колокола.—Если-бъ это видѣлъ „новый“, я думаю, позавидовалъ-бы.

— Еще-бы! И намъ-то, пожалуй, достаться-бы могло!..

— За что?

— Какъ за что? А за трезвонъ! Развѣ это позволяется по закону? Это только архіереевъ провожаютъ съ трезвономъ; а о. Евстафій къ тому-же еще отрѣшенный...

— Н-да!.. А что это, о. Игнатій, вонъ посмотрите подъѣзжаетъ сюда? Въ экипажѣ, парой... ужъ не онъ-ли?

У обоихъ причетниковъ какъ-то вдругъ невольно руки оторвались отъ канатовъ и опустились; звонъ мигомъ прекратился. Нѣсколько времени они молча смотрѣли внизъ, въ ту сторону, гдѣ видѣлся экипажъ. Они стояли, опустивъ глаза, точно вдругъ почувствовали себя виноватыми.

— А вѣдь это онъ! Вотъ грѣхъ-то! испуганно проговорилъ Григорій Остаповичъ.—Пойдемте, о. Игнатій! Одного проводили, другого надо встрѣчать. Такая ужъ должность наша. А какъ-то онъ насъ встрѣтитъ? И, подобравъ фалды своихъ длинныхъ одеждъ, они со всѣхъ ногъ пустились по лѣстницѣ съ колокольни.

Къ церковному дому № 1-й дѣйствительно подъѣзжалъ франтоватый полукрытый экипажъ, запряженный парой сытыхъ породистыхъ коней. Его видали мужики, возвращавшіеся съ проводъ, и вѣсть о томъ, что пріѣхалъ „новый“, успѣла быстро облетѣть все село.

— Да это къ намъ самого архіерея прислали! Вотъ оно какъ! говорили мужики, покачивая головами. У о. Евстафія никогда они не видѣли ни такихъ коней, ни такого экипажа.

Экипажъ подъѣхалъ къ церковному дому, и тогда стало ужъ достовѣрно извѣстно, что „новый“ пріѣхалъ.

„Новый“ дѣйствительно пріѣхалъ.

Его звали Семеномъ Ивановичемъ Маккавеевымъ. Впрочемъ, вотъ уже недѣли двѣ, какъ онъ надѣлъ рясу и сталъ называться о. Семеномъ. Это былъ очень молодой человѣкъ, лѣтъ 25, не-

высокаго роста, худой и блѣдный, со всѣми еще признаками семинарскаго истощенія. Мелкія черты его маленькаго лица обнаруживали въ немъ маленькаго человѣчка, но въ то-же время величественная походка, которая, казалось, сбивала его съ ногъ, и стремленіе держать голову ровно и высоко обнаруживали въ немъ немалыя претензіи. Во всемъ у него было замѣтно стремленіе какъ можно больше подойти подъ свой новый санъ, для котораго онъ, съ виду, не былъ рожденъ. Относительно этого сана онъ очень напоминалъ первый легкій набросокъ картины, изъ котораго со временемъ, можетъ быть, выйдетъ нѣчто совершенное, а можетъ быть и ничего не выйдетъ. По вѣнности онъ только подавалъ надежды. Его чуть-чуть замѣтная черная борода состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ волосинокъ и по своей незначительности никоимъ образомъ не могла служить украшеніемъ іерейскаго сана. Однако, несмотря на эту незначительность, борода его имѣла уже цѣлую исторію и играла немаловажную роль въ жизни о. Семена. Еще въ семинаріи, въ послѣднемъ богословскомъ классѣ, Семенъ Ивановичъ, имѣвшій привычку заблаговременно заглядывать въ будущее и понимавшій, насколько въ іерейскомъ званіи необходима приличная борода, два раза въ недѣлю подбривалъ ее, дабы такимъ образомъ увеличить силу ея рощенія. Когда-же онъ вышелъ изъ семинаріи и сдѣлался псаломщикомъ, онъ началъ-было „запускать“ бороду, но тутъ-же убѣдился, что это не такъ легко, ибо борода его рѣшительно отказывалась произрастать. Семенъ Ивановичъ пришелъ въ отчаяніе и рѣшился прибѣгнуть къ „мази для рощенія волосъ“, но и тутъ ничего не вышло; тогда онъ махнулъ рукой и сталъ утѣшать себя тѣмъ, что можно быть представительнымъ и имѣть вліяніе на паству и безъ бороды, при помощи однихъ только величественныхъ движеній. Волосы его также не успѣли еще подрасти, какъ слѣдуетъ, что доставляло ему не мало непріятности. Онъ расчесывалъ ихъ по нѣсколько разъ въ день какимъ-то особеннымъ „медицинскимъ гребнемъ“, смазывалъ „мазью для рощенія“, но они все-таки росли очень туго. Вся бѣда въ томъ, что о. Семенъ не рассчитывалъ такъ скоро, черезъ годъ послѣ окончанія семинаріи, получить іерейское мѣсто, и потому слишкомъ поздно сталъ подготавливаться къ сану. По правиламъ и обычаямъ мѣстной епархіи, „студентъ“, до полученія іерейскаго мѣста, долженъ

прослужить въ псаломщикахъ не менѣе трехъ лѣтъ; у Семена-же Ивановича нежданно-негадано вдругъ въ консисторіи оказалась рука, которая ускорила его производство, заставъ его совершенно врасплохъ относительно волосъ и бороды. Впрочемъ, надо сказать, что такого рода „руки въ консисторіи“ оказываются у большинства семинаристовъ, такъ-какъ онѣ, руки, не рождаются, а благопріобрѣтаются.

• Семень держался того мнѣнія, что для вліянія на паству прежде всего необходимъ внушительный видъ. Такъ-какъ природа таковымъ его не надѣлила, что онъ вполнѣ сознавалъ, то ему пришлось много работать въ этомъ направленіи, чтобы восполнить пробѣлъ, допущенный природой. Поэтому первымъ дѣломъ о. Семень завелъ претолстую палку съ серебряннымъ набалдашникомъ, на которомъ красивыми славянскими буквами было вычеканено: „паси овцы моя“; эту палку онъ всегда носилъ съ собою, опираясь на нее съ такимъ видомъ, точно онъ былъ слабъ на обѣ ноги. Будучи по природѣ добродушнымъ и веселымъ человекомъ, онъ считалъ долгомъ имѣть всегда суровую и сосредоточенную фізіономію, въ церкви поклоны клалъ медленно, съ какой-то особенной, можно сказать, художественной округленностью, служилъ нараспѣвъ, украшая концы чрезвычайно жалобными и мелодичными группетто и завитушками почти итальянской школы; наиболѣе удавалось ему: „и во вѣки вѣковъ“, и это оттого, что на немъ онъ очень много упряжнялся ежедневно по утрамъ, когда былъ псаломщикомъ, и даже еще въ семинаріи. Ведемъ этимъ о. Семень по жѣрѣ силъ своихъ восполнялъ недостатки своей внѣшности и, какъ ему казалось, достигалъ своей цѣли. Рядомъ съ этими достоинствами у о. Семена была одна весьма существенная слабость, которая привилась къ нему еще въ семинаріи и отъ которой онъ никакъ не могъ отдѣлаться, несмотря на то, что она была въ противорѣчій съ его общимъ планомъ. Въ семинаріи, гдѣ онъ состоялъ на казенномъ коштѣ, для него было особеннымъ удовольствіемъ надѣть что-нибудь неказенное. Къ неуклюжему черному „костюму“ онъ непременно привнесетъ что-нибудь свое — голубой галстухъ или влѣтчатые штаны, а то и шляпу съ широкими полями. Начальство прѣслѣдовало это, какъ проявленіе либерализма, послѣднее-же, т. е. шляпу съ широкими полями, безъ всякаго затрудненія объясняло вѣяніемъ нигилисти-

ческаго духа. Одного этого было достаточно, чтобъ семинаристы немедленно подѣлались нигилистами, облачившись въ голубые галстуки, клѣтчатыя штаны и въ особенности шляпы съ широкими полями. О. Семенъ былъ самымъ ревностнымъ любителемъ этихъ украшеній. Онъ любилъ пофрантить и эту любовь умудрился осуществить въ своемъ новомъ костюмѣ, несмотря на то, что сдѣлать это было очень ужъ мудро. Его темнозеленая съ переливами шелковая ряса была очень коротка; изъ-подъ нея выглядывали маленькіе щегольскіе сапожки, которые непрочъ были слегка и поскрипѣть, но не больше, чѣмъ сколько требуется для обнаруженія благовоспитанности. Неимовѣрно широкіе рукава рясы были такъ искусно устроены, что при малѣйшемъ поднятіи руки мгновенно и граціозно откачивались, открывая съ одной стороны собственную шелковую подкладку ярко-зеленаго цвѣта, а съ другой туго-стянутые рукавчики голубого кафтана. Шея всегда окаймлялась свѣжимъ бѣлымъ воротничкомъ; когда-же о. Семенъ былъ только въ кафтанѣ, то ко всему этому прибавлялась еще солидная золотая цѣпь, вмѣстѣ съ часами подаренная ему тестемъ наканунѣ его бракосочетанія съ Варенькой.

Что-же касается Вареньки, то это было очень милое, живое и хорошенъкое существо съ веселыми сѣрыми глазками и длинной-предлинной свѣтлорусой косой. Она нисколько не была похожа на попадью и даже, повидимому, конфузилась этого званія. Она еще только недавно вышла изъ монастырскаго пансіона, гдѣ получила „полное образованіе“ и научилась почти изящнымъ манерамъ, благодаря чему ея присутствіе въ деревенской обстановкѣ въ качествѣ деревенской попадьи казалось странной игрой природы. Въ послѣдствіи она, разумѣется, вполне ассимилировалась съ новой средой, потолстѣла, насколько это требуется отъ попадьи, и вообще превратилась въ настоящую попадью.

Причетъ церковный, не переводя духа, сбѣжалъ съ колокольни. Неизвѣстно, какимъ образомъ коллеги не сбили съ ногъ другъ друга, но въ одно мгновеніе они очутились у воротъ церковной ограды. Григорію Остаповичу при его легковѣсности это было ничего,—онъ могъ, не переводя духа, сбѣжать еще съ версту, но для о. Игнатія потребовался отдыхъ. Въ тягостномъ волненіи нѣсколько минутъ стояли они молча, прислушиваясь къ порывистому біенію собственныхъ сердець.

— Охъ, что-то неладное будетъ, о. Игнатій! первый промолвилъ Григорій Остаповичъ.—Сердце мое не на мѣстѣ!

И какъ бы отыскивая сбѣжавшее съ мѣста сердце, онъ пере-мѣстилъ руку повыше.

— А ну ужъ, что будетъ, то будетъ! безнадежно отвѣчалъ о. Игнатій.—На смерть не поведутъ!.. Велика-то птица! продолжалъ онъ уже возвышеннымъ голосомъ, какъ-бы стараясь приободрить себя.—Эка важность! Мы тоже—не что-нибудь! Тоже вѣдь образъ Божій носимъ! Видали мы всякихъ! Пойдемъ, Григорій Остаповичъ, отдадимъ ему честь, какъ должно, а коли что спросить, такъ прямо и скажемъ правду. Звонили, такъ звонили! А зачѣмъ? Такъ мы отъ любви звонили! А судить, такъ пусть судятъ, когда имъ нечего дѣлать! Будемъ отвѣтъ держать!

Послѣднія слова о. Игнатій произнесъ уже съ нѣкоторою торжественностью. Онъ совершенно овладѣлъ собой и шелъ твердою походкой. Григорій-же Остаповичъ робко шелъ позади и мысленно изумлялся его храбрости.

Они уже стояли у порога церковнаго дома, когда экипажъ подѣхалъ къ крыльцу и остановился. Григорій Остаповичъ стрѣлою подлетѣлъ къ экипажу съ видимымъ желаніемъ что-нибудь растегнуть, отворить, словомъ—оказать пособіе; но на его несчастье ничего не оказалось, и онъ, совершенно растерявшись, стоялъ на мѣстѣ въ видѣ монумента, не зная, вернуться ли ему назадъ или остаться. О. Игнатій стоялъ въ сторонѣ и, повидимому, сохранялъ бодрость духа. Когда изъ экипажа высунулась шляпа, а потомъ голова о. Семена, причетники немедленно обнажили головы и разомъ кашлянули. Черезъ минуту передъ ними предсталъ и самъ о. Семень въ своей коротенькой рясѣ, въ щегольскихъ сапогахъ и изящномъ воротничкѣ; за нимъ выползла и Варенька—„совсѣмъ барышня, совсѣмъ еще монастырка“, какъ тутъ-же мысленно рѣшилъ о. Игнатій,—и весь причетъ Широкой Балки встрѣтился лицомъ въ лицу. Съ полминуты длилось что-то въ родѣ недоразумѣнія: причетъ разсматривалъ другъ друга, разсматривалъ молча и даже какъ-будто враждебно. Настоящей враждебности, впрочемъ, не было. О. Семень поспѣшилъ напустить на себя суровость и величіе, отчего выглядѣлъ пѣтухомъ, собирающимся выходить на бой; у Григорія Остаповича мелькнула мысль: „а вѣдь это кажется онъ и есть—Маккавеевъ-то!“ и эту

мысль онъ успѣлъ передать о. Игнатію однимъ движеніемъ брови. О. Игнатій сейчасъ-же понялъ его и сообщилъ ему объ этомъ тончайшимъ движеніемъ губъ, сопровождавшимся соотвѣтственной тонкости морганіемъ праваго вѣка. Словомъ—они поняли другъ друга. Однако, какъ ни какъ, Маккавеевъ-ли, нѣтъ-ли, а надо проявить признаки покорности, и о. Игнатій, слегка наклонивъ голову, подошелъ къ о. Семену за благословеніемъ, а его примѣру послѣдовалъ и Григорій Остаповичъ. Съ послѣднимъ тутъ-же произошла маленькая непріятность. Поблагословившись у о. Семена, онъ, сбитый съ толку собственной неловкостью, вдругъ какъ-то бессознательно подбѣжалъ къ Варенькѣ и сдѣлалъ видъ, что хочетъ и у нея взять благословеніе. Варенька расхохоталась ему прямо въ лицо и благосклонно подала ему руку, которую Григорій Остаповичъ съ неизмовѣрнымъ усердіемъ поцѣловалъ, чѣмъ сконфузилъ и Вареньку, и себя.

Первый прервалъ молчаніе о. Семень.

— Вы здѣшніе причетники? спросилъ онъ очень важно.

— Игнатій Семеновъ Вержбицкій—діаконъ, при здѣшнемъ храмѣ состою на дьячковской вакансіи!.. проговорилъ о. Игнатій.

— Пономарь здѣшняго прихода Григорій Заповѣдовъ! Въ свою очередь отрекомендовался Григорій Остаповичъ.

— А я отецъ Семень, а по фамиліи Маккавеевъ!

Эти три рекомендаціи были произнесены тремя совершенно различными тонами. О. Игнатій говорилъ съ какой-то солидной скромностью, тихимъ голосомъ, не спѣша и не спотыкаясь. Видно было, что это человѣкъ скромный, знающій свое мѣсто, но уважающій и себя. За-то Григорій Остаповичъ отрапортовалъ свой титулъ такимъ образомъ, что едва-ли о. Семень что-нибудь разобралъ. Онъ находился въ томъ состояніи, про которое говорятъ: „ни живъ, ни мертвъ“, и о. Игнатій каждую минуту опасался, что его коллега выкинетъ какую-нибудь штуку. Отецъ-же Семень назвалъ себя какъ-будто между прочимъ, нехотя, точно говоря: „ну, пожалуй, и я вамъ скажу, какъ меня зовутъ!“ Онъ даже зачѣмъ-то повторилъ, только уже съ большей выразительностью:

— Маккавеевъ, о. Семень!

— Мы слышали уже о вашемъ благословеніи!.. вдругъ неожиданно сорвалось у Григорія Остаповича. При этомъ о. Игна-

тій тревожно поглядѣлъ на него, точно боясь, что онъ вотъ-вотъ что-нибудь сморозить.

— А что-же вы слышали о моемъ благословеніи? спросилъ о. Семенъ.

Этотъ, повидимому, простой вопросъ поставилъ въ тупикъ Григорія Остаповича. Онъ не то, чтобы боялся сказать, что именно онъ слышалъ отъ Дорофеева, а просто-таки не могъ сообразить. Что-то слышалъ и что-то неблагоприятное, даже такое, чего сказать нельзя, но что именно—этого онъ никакъ не могъ припомнить въ настоящую минуту. Его спасъ о. Игнатій.

— Да такъ вотъ, слышали, что ваше благословеніе къ намъ назначены! степенно промолвилъ онъ.

— Это, должно-быть отъ Дорофеева? допытывалъ его благословеніе. „Узналъ каналья!“ рѣшился подумать Григорій Остаповичъ, но отвѣта никакого не послѣдовало.

— Дорофеевъ пьяница и дурной человѣкъ! внушительно замѣтилъ о. Семенъ и потомъ прибавилъ просто:—Ну, покажите-жъ намъ комнаты!

Григорій Остаповичъ вертѣлся впереди и растворялъ двери. О. Игнатій сдержанно объяснялъ, гдѣ какая комната была у о. Евстафія. Комнаты были совершенно пусты. Мебель везли вслѣдъ за о. Семеномъ и должны были привезти къ вечеру.

Улучивъ удобную минуту, Григорій Остаповичъ нагнулся къ о. Игнатію и шепнулъ ему на ухо: „а про трезвонъ не спрашиваетъ! Не слышалъ должно-быть!“

— Какъ-же, не слышалъ! Чай въ городѣ было слышно! успѣлъ отвѣтить о. Игнатій и къ этому еще прибавилъ:—Вы-бы, Григорій Остаповичъ, поменьше вертѣлись, а то вы, точно бѣсь передъ заутреней... даже глядѣть нехорошо.

— Ну?! Развѣ не хорошо выходить?

— Нехорошо и даже неприлично званію! серьезно отвѣтилъ о. Игнатій. Григорій Остаповичъ принялъ это къ свѣденію и не только пересталъ вертѣться, а даже какъ-то совсѣмъ сталъ неподвиженъ. Пересолилъ.

Варенька осталась очень довольна своей новой квартирой. Комнаты немножко маловаты—это правда, потолки тоже не ахти какъ высоки; за то восемь комнатъ—есть и спальня, и кабинетъ для отца Семена, и зало, и даже дѣтская го-

това (при послѣдней мысли Варенька покраснѣла до ушей—она была „совсѣмъ еще монастырка“). А главное, что ей понравилось—это чистота. Полы—чистые, видно, что ихъ часто мыли, на потолкахъ ни паутины, стекла на окнахъ вымыты, словомъ—здѣсь, должно-быть, оставила слѣдъ „хозяйка“. Варенька полюбопытствовала, кто такая была ея предшественница.

— А это все Арина Петровна! Она ужъ всегда порядокъ наблюдала. Была настоящая хозяйка, пояснилъ о. Игнатій.

— А кто это—Арина Петровна? спросилъ о. Семень.

— Она была ключницей у о. Евстафія!.. Жена-то его умерла, такъ она хозяйничала.

При этомъ Варенька двусмысленно переглянулась съ о. Семеномъ.

— Что-же, у Арины Петровны была и дѣтская? спросила она съ лукавой улыбкой.

— Нѣтъ, этого не было, отвѣтилъ о. Игнатій;—дѣтишки у нея были, да они такъ себѣ, больше на кухнѣ пребывали.

— Кто-же у васъ тутъ въ селѣ... проживаетъ?..

О. Семень, повидимому, немножко затруднялся точнѣе выразить свой вопросъ.

— Да у насъ село изрядное, дворовъ до семисотъ будетъ!

— Я не про то, перебилъ о. Семень:—изъ интеллигентныхъ кто-нибудь тутъ есть?

О. Игнатій подыалъ на него недоумѣвающіе глаза. Впродолженіи всей своей 55-лѣтней жизни онъ такого слова не слыхивалъ. Водворилось молчаніе. Григорій Остаповичъ, который успѣлъ уже значительно оправиться и чувствовалъ трепеть только въ тѣ минуты, когда ему приходилъ на память трезвонъ, началъ, въ свою очередь, соображать, что-бы такое можно разумѣть подъ этимъ словомъ.

— Это, должно-быть, объ штундѣ?.. Такъ у насъ ихъ мало, хотя есть тоже! влѣпилъ онъ.

— Объ какой штундѣ? Что такое?

— Да вотъ это слово, которое вы изволили...

Григорій Остаповичъ старался припомнить слово, но не могъ даже создать ничего подходящаго.

— Интеллигентный—это значитъ изъ благородныхъ, изъ образованныхъ! снисходительно и небрежно пояснилъ о. Семень и при этомъ опять переглянулся съ Варенькой.

— Это есть, какъ же! поспѣшилъ отвѣтить Григорій Остаповичъ, точно желая поскорѣе поправить свою оплошность. — Здѣсь помѣщики богатые, столичные. Два брата ихъ, одинъ женатый, другой, старшій,—холостой; художникъ онъ и пречудесно рисуетъ. Вотъ и у насъ въ церкви за престоломъ икона стоитъ—это его издѣлія...

О. Игнатій, замѣтивъ, что его коллега по обыкновенію удалился отъ предмета и заговорилъ о томъ, о чемъ его не спрашивали, уже давно дѣлалъ Григорію Остаповичу энергичныя знаки при помощи всѣхъ своихъ лицевыхъ мускуловъ. Но Григорій Остаповичъ, довольный, что у него, наконецъ, потекла плавная рѣчь, собирался еще многое сказать, и Богъ вѣдаетъ, куда онъ зашелъ-бы, если-бъ его не перебилъ о. Семень.

— А! Такъ значить они изъ религіозныхъ? съ особеннымъ интересомъ произнесъ онъ.

— Ну, нѣтъ, этого нельзя сказать! Въ церкви бываютъ одинъ разъ въ годъ—на Пасху, да и то только изъ одного любопытства. А что икону подарили, такъ это, должно-быть, у самихъ негдѣ было поставить, или такъ, можетъ, для славы!

Это отвѣтилъ о. Игнатій, умышленно лишивъ такимъ образомъ слова Григорія Остаповича. Въ это время чрезъ окно стало видно, что къ церковному дому подѣхали возы съ мебелью и всякой домашней утварью о. Семена. Григорій Остаповичъ вздумалъ воспользоваться и этимъ случаемъ, чтобъ снискать расположеніе новаго настоятеля.

— Прикажете снести и разставить?!. промолвилъ онъ, сдѣлавъ шагъ къ выходной двери и застынувъ въ позѣ человѣка, летящаго на всѣхъ парахъ—исполнять порученіе.

— Я не имѣю никакого права приказывать вамъ, господа! съ многозначительной разстановкой произнесъ о. Семень. — Я вашъ начальникъ въ церковныхъ дѣлахъ, а въ частной жизни мы совершенно равны!

Эти слова заставили Григорія Остаповича попридержать свою расходившуюся ногу и принять видъ человѣка, у котораго разбились и разлетѣлись въ пухъ и прахъ всѣ лучшія надежды. Однако, онъ не удержался и, пользуясь удобной минутой, когда пріѣзжіе ушли разсматривать „дѣтскую“, шепнулъ о. Игнатію:

— Больно вѣжливъ! Что-то подозрительно! Какъ-бы онъ не при-

крутил нашего брата. Эти вѣжливые—знаемъ мы ихъ. „Не могу приеазывать!“ Гм, а о. Евстафій, такъ тотъ, бывало, прямо говоритъ: Григорій, сдѣлай то-то, да то-то! И дѣлывали съ удовольствіемъ! И сбѣгать-ли куда, за вучера-ли съѣздить. И довольны были. А этотъ вонъ какъ вѣжливъ, а не я буду, если онъ не собака!..

Григорій Остаповичъ опять увлекался, такъ-что о. Игнатій нашелъ неизбѣжнымъ потянуть его за фалду кафтана, что возымѣло свое дѣйствіе, хотя Григорій Остаповичъ все-таки не могъ удержаться, чтобъ не прибавить:

— Хорошо еще, что про трезвонъ не спрашиваетъ!..

— Я больше васъ не задерживаю, господа! Весьма благодаренъ за содѣйствіе! слегка наклонивъ голову въ знакъ благодарности, промолвилъ о. Семень. — А объ должностныхъ вопросахъ мы поговоримъ въ другой разъ, теперь я усталъ съ дороги!

Коллеги кончили тѣмъ-же, чѣмъ начали, т. е. взяли у о. Семена благословеніе, низко поклонились Варенькѣ и направились къ выходу.

— А кстати! вдругъ остановилъ ихъ о. Семень.—Я хотѣлъ спросить васъ, что это за трезвонъ у васъ былъ такой сегодня, что было слышно за три версты?! Развѣ сегодня табельный день?

Вопросъ былъ неожиданъ. Коллеги опустили головы и съ минутой, при обобщенныхъ усиліяхъ, не могли придумать отвѣта. Григорій Остаповичъ даже какъ-то не могъ сообразить въ чемъ дѣло. Вопросъ, конечно, былъ поставленъ очень ясно, но раньше онъ уже совершенно успокоился, что этого вопроса не будетъ и что все въ этомъ смыслѣ идетъ хорошо. И вдругъ „огорошилъ!.. Но о. Игнатій сохранялъ присутствіе духа.

— Это мы провожали прежняго батюшку!.. немножко робко отвѣтилъ онъ.

— Угу! произнесъ о. Семень и при этомъ закусилъ губу. Нужно сказать, что въ глубинѣ души его таилось подозрѣніе, что трезвонъ предназначался въ честь его, о. Семена, хотя тутъ-же само собой являлось возраженіе, что никто-же на зналъ о его приѣздѣ. Но такъ-какъ подозрѣніе было пріятное и ласкало его самолюбіе, то возраженіе почти не имѣло никакой силы. За то прямой отвѣтъ о. Игнатія сразу разсѣялъ всякія сомнѣнія, и о. Семень закусилъ губу совершенно искренно, т. е. такъ, что ему сдѣлалось больно.

— А развѣ это по закону дозволяется? спросилъ онъ, стараясь казаться спокойнымъ и равнодушнымъ и дѣлая видъ, что спрашиваетъ единственно изъ любопытства.

— Да должно-быть, что не дозволяется... А такъ ужь, обычай...

— Угу! протянулъ о. Семень, глядя въ окно и старательно разсматривая возъ съ мебелью.—Ну-съ, я васъ не держу, господа! Вы свободны!.. какъ-то послѣшно, точно спохватившись, прибавилъ онъ, послѣ чего о. Игнатій съ Григоріемъ Остаповичемъ почти выбѣжали на улицу.

Нѣсколько времени шли они молча. Григорій Остаповичъ уже на подорогѣ вспомнилъ, что можно надѣть шляпу, которому онъ все время бережно несъ въ рукахъ. Потомъ они поубавили шагъ и посмотрѣли другъ другу въ лицо.

— Что-вы скажете, о. Игнатій? началъ первый Григорій Остаповичъ.

— Что я скажу? переспросилъ о. Игнатій.—А скажу я, что отъ него добра нечего ждать. Одно видно, что онъ лицемѣрень и заносчивъ...

— Да. А вѣжливый какой! „Господами“ называетъ и приказывать, говорить, права не имѣю; „равны“, говорить тоже. А потомъ: „угу“... А что это „угу“ означаетъ? Знаемъ мы, что оно означаетъ!.. А трезвонъ-то, какъ нарочно, подъ конецъ оставилъ, хитеръ тоже, лисица, настоящая лисица... Я его насквозь провидѣлъ. Дорофеевъ, говорить, не хорошій человѣкъ! Какъ-же!! Дорофеевъ правду сказалъ и всегда говоритъ правду, такъ оттого онъ и не хорошій человѣкъ! А ряска у него! Точно подтыкана! Штиблетики, воротнички... Приѣхалъ въ Широкую-Балку франтить, шикъ задавать! Знаемъ мы васъ, знаемъ!

— Что ужь тутъ на вѣтеръ лаять, Григорій Остаповичъ! угрюмо перебилъ его о. Игнатій.—Всѣ равно ему этого не скажешь; только напрасно слова терять. Будемъ ждать; что выйдетъ, то выйдетъ!

— А ужь добра не выйдетъ, это вѣрно! Вѣжливъ онъ болъно, вотъ что плохо!

И коллеги, понуривъ головы, разошлись по своимъ квартирамъ.

И. Потаненко.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖАНЪ-ЖАКЪ РУССО.

(Окончаніе.)

I.

Трактатъ о равенствѣ окончательно упрочилъ славу Руссо какъ ненавистника наукъ и цивилизаціи, какъ пророка того «природнаго состоянія», которое по естественному закону противоположностей приходилось такъ особенно по душѣ тогдашнему, утонченному до извращенія парижскому обществу. Дѣйствительный смыслъ этого трактата былъ почти вовсе не замѣченъ. Полемическія выходки Руссо противъ фикціи природнаго состоянія приписывались просто его чрезмѣрному самолюбію и желанію во что-бы то ни стало выдѣлиться, хотя-бы только по внѣшности, изъ блестящей плеяды ненавистныхъ ему «философовъ». Самизти «философы», т. е. Вольтеръ, д'Аламберъ, Дидро, отъ души прощали женеvesкому брюзгѣ тѣ облитые желчью камни, которые онъ кидалъ въ ихъ огородъ, и своими снисходительными сарказмами (въ видѣ вышеприведеннаго письма Вольтера) значительно способствовали громадной популярности имени Руссо, разросшейся очень скоро до небывалыхъ прежде размѣровъ. Знакомство съ произведеніями Руссо вскорѣ стало считаться обязательнымъ для каждаго, кто только мало-мальски претендовалъ на репутацію образованнаго человѣка. Его читали на расхватъ, удерживая изъ его произведеній множество, то глубоко прочувствованныхъ, то чрезвычайно красиво составленныхъ сентенцій и фразъ объ общественной неправдѣ, о тщетѣ и суетности того, въ чемъ всѣ привыкли видѣть вѣнецъ человѣческаго развитія и дѣятельности; всего-же болѣе популярностью

въ литературныхъ кружкахъ пользовались ядовитыя, до парадоксальности рѣзкія выходки Руссо противъ вольтерьянцевъ и энциклопедистовъ, бывшихъ дѣйствительными царями дня не въ одномъ только Парижѣ.

Легко понять, что такого рода успѣхъ вовсе не удовлетворялъ угловатого женевца, вполне по праву не желавшаго смотреть на себя только какъ на баловня общественнаго мнѣнія — «enfant terrible», — которому все позволяется и прощается именно потому, что никто не думаетъ относиться серьезно къ тому, въ чемъ самъ онъ видитъ существеннѣйшій смыслъ, мировое значеніе своей дѣятельности. Такимъ образомъ мы видимъ, что, въ то самое время, когда весь читающій міръ чуть не съ благоговѣніемъ преклоняется передъ авторомъ трактатовъ о значеніи наукъ и о происхожденіи неравенства межъ людьми, самъ авторъ въ своей «Исповѣди» и въ частныхъ письмахъ вѣчно брюзжитъ, горько жалуется на то, что его слова перетолковываются вкривь и вкось и доходитъ, наконецъ, до сознанія того, что легкомысленный, испорченный до мозга костей «философіемъ» Парижъ вовсе даже и неспособенъ понять обновляющій смыслъ его произведеній. Подъ вліяніемъ этого сознанія Руссо увѣряетъ французовъ, что онъ пишетъ вовсе не для нихъ и вообще не для большихъ государствъ или политическихъ тѣлъ, которыя, по глубокому убѣжденію Руссо, осуждены на неизлечимое растлѣніе нравовъ и на вѣчныя бѣдствія и неурядицы. Свой трактатъ о неравенствѣ Руссо посвящаетъ родной своей Женевѣ, которая изъ парижскаго далека рисуется ему чуть не обѣтованною землею или пастушескою Аркадіею. «Человѣческая природа не знаетъ возвращеній назадъ», говоритъ онъ въ своихъ «Диалогахъ», служащихъ дополненіемъ и поясненіемъ его трактата о неравенствѣ: «однажды удалась отъ временъ непорочности и невинности, мы уже не можемъ вернуться къ нимъ; это я всегда указывалъ съ большою настойчивостью. А потому само-собою разумѣется, что я не имѣлъ въ виду обратить на путь первобытной простоты тѣ многочисленныя націи и тѣ большія государства, которыя всего болѣе уклонились отъ этого пути; но я хотѣлъ-бы, если возможно, остановить дальнѣйшее развитіе въ томъ-же направленіи тѣхъ, которыя огромными своими размѣрами и особенностью своего положенія были ограждены отъ слишкомъ быстрого совершенствованія общественности, сопровождаемаго вырожденіемъ человѣчества. Эти строки въ высшей степени любопытны потому, что нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Руссо не противопоставляетъ такъ рѣзко совершенствованіе общественности благосостоянію человѣчества. Во всѣхъ-же другихъ

отношеніяхъ онъ крайне сбивчивы, и изъ нихъ трудно усмотрѣть: считаетъ ли Руссо мечту о возвращеніи человѣчества къ первобытной непорочности и равенству недостойною серьезнаго мыслителя; или-же онъ считаетъ только многочисленныя націи и большія государства такъ безповоротно заблудшими, что о возрожденіи ихъ нечего заводить и рѣчи. Последнее предположеніе представляется даже вѣроятнѣе; а между тѣмъ, немного дальше, въ тѣхъ-же самыхъ «Диалогахъ», Руссо горько жалуется на то, что его «упорно обвиняютъ въ намѣреніи уничтожить науки, искусства, театры, академіи, и погрузить человѣчество снова въ первобытное варварство. Онъ-же (въ этихъ «Диалогахъ» Руссо говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ), напротивъ, постоянно утверждалъ, что съ уничтоженіемъ этихъ паліативовъ зло вовсе не исчезнетъ, что порочность, хищничество и позоръ останутся и тогда въ прежней своей силѣ... «Такихъ противорѣчій въ произведеніяхъ Руссо встрѣчается очень много. Каждый разъ, когда ему приходится говорить о порожденіяхъ высшей культуры, онъ слишкомъ примѣтно увлекается отчасти своею систематическою ненавистью къ «философамъ», отчасти-же аскетическими влеченіями своей натуры, и кидается въ желчныя филиппики противъ растлѣвающего вліянія литературнаго и умственнаго труда и всякихъ утонченностей цивилизаціи. Казалось-бы непослѣдовательностью съ его стороны сѣтовать на то, что его причисляютъ къ поклонникамъ «природнаго состоянія», которое онъ-же самъ громитъ съ неменьшимъ краснорѣчіемъ и желчностью на страницахъ своего трактата о неравенствѣ. А между тѣмъ эта непослѣдовательность и эти частыя противорѣчія Руссо объясняются всего проще тѣмъ, что Руссо никогда не умѣлъ настроиться въ унисонъ съ тогдашнимъ настроеніемъ парижскаго общества, упорно видѣвшаго въ немъ только блестящаго публициста, смѣлаго и талантливаго политическаго бойца, одного изъ славной рати энциклопедистовъ и вольтеріанцевъ; самъ-же Руссо мучительно и неуклонно доискивался цѣлостнаго и стройнаго міросозерцанія, которое съ равнымъ успѣхомъ можно было-бы противопоставить какъ мистическому спиритуализму, удѣлѣвшему отъ феодальныхъ временъ, такъ и обновительнымъ скептическимъ ученіямъ «философовъ», открыто поставившихъ на своемъ знамени смѣлый девизъ: *да здравствуетъ разумъ!* и съ язвительною насмѣшкою отвергавшихъ все, что не выдерживаетъ разсудочной критики. Феодальный мистицизмъ былъ въ это время въ такомъ загонѣ, что автору мемуаровъ о значеніи наукъ и о неравенствѣ съ нимъ не приходилось считаться почти никогда; но зато Руссо ежечасно возмущается противъ скептическихъ ученій хо-

ходной разсудочности и возмущается всѣмъ своимъ впечатлительнымъ и раздражительнымъ существомъ, между тѣмъ какъ эти противники добродушно считаютъ его за одного изъ своихъ, а невнимательная, хотя и благосклонная, публика даже не подозрѣваетъ, что въ полемическихъ выходкахъ Руссо противъ скептическаго вольтеріанства и противъ фикціи природнаго состоянія, какъ лекарства противу всѣхъ общественныхъ золъ, кроется нѣчто гораздо большее, чѣмъ личное недоброжелательство и мелочная вражда именитѣйшихъ руководителей общественнаго мнѣнія.

Руссо въ блестящемъ ряду французскихъ новаторовъ XVIII столѣтія игралъ дѣйствительно слишкомъ своеобразную роль. вмѣстѣ съ энциклопедистами онъ очень хорошо сознавалъ, что общественная и политическая дѣйствительность его времени уже сорвалась съ вѣковыхъ своихъ основъ и не можетъ быть спасена или оживлена никакими подкрашиваніями и замазываніями. Будучи вовсе не революціонеромъ по темпераменту, онъ тѣмъ не менѣе глубоко, такъ-сказать, органически убѣжденъ въ невозможности жить дольше въ этомъ мірѣ развалинъ. Напрасно онъ заявляетъ о себѣ, что «только недобросовѣстность литераторовъ и глупое самолюбіе» выдавали его за какого-то подстрекателя къ смутамъ, тогда-какъ онъ болѣе чѣмъ кто-либо на свѣтѣ проникнуть истиннымъ уваженіемъ къ законамъ и національнымъ учрежденіямъ; что онъ ненавидитъ всякіе перевороты и заговорщиковъ, которые отъ души платятъ ему тою-же монетою» (3-й Діалогъ). Всѣ очень хорошо понимали, что идеалы Руссо не во мракѣ прошлаго, не въ прѣсной наличной дѣйствительности его времени; а въ томъ-же свѣтломъ, хотя и нѣсколько неопредѣленномъ еще будущемъ, къ которому со множествомъ своеобразныхъ оттѣнковъ стремились и Вольтеръ, и д'Аламберъ, и Дидро. Разница въ томъ только, что эти мыслители избрали свою руководящую нитью то, что есть наиболѣе свѣтлаго въ человѣческой природѣ—разумъ; тогда-какъ Руссо человѣкъ слишкомъ бессознательныхъ побужденій чувства, утративъ вѣру въ старыхъ боговъ, ищетъ новыхъ кумировъ, на поклоненіи которымъ онъ могъ-бы сосредоточить всю свою болѣзненную страстность. Ему нужна не философская или политико-общественная доктрина, а нуженъ культъ, который оставлялъ-бы полный просторъ для фанатическихъ увлеченій. Въ этомъ ему, конечно, не могло сочувствовать тогдашнее парижское общество, скептическое во всѣхъ направленіяхъ, начиная чуть не съ самыхъ пеленокъ. Но этимъ-то именно и объясняется тотъ невѣроятный посмертный успѣхъ, который имѣло ученіе Руссо нѣсколько десят-

ковъ лѣтъ спустя, когда на политическую арену выступили новые бойцы, жаждавшіе обновленія всѣмъ своимъ существомъ, мечтавшіе о водвореніи царства небснаго на землѣ, а вовсе не о возможныхъ улучшеніяхъ политико-общественнаго строя.

Самому Руссо его политико-мистическое ученіе дается не сразу во всей своей стройности и полнотѣ. Мемуаръ о значеніи наукъ служить ему еще какъ-бы только прелюдіею. Въ мемуарѣ о неравенствѣ главные основы его ученія уже намѣчены мастерски и вѣрною рукою. Позднѣйшіе, и даже нѣкоторые самонѣвѣйшіе критики, голословно навязывая Руссо увлеченіе мнимымъ «природнымъ состояніемъ», какъ золотымъ вѣнкомъ чело-вѣчества, значительно затемнила ту своеобразную послѣдовательность, которую, однако-же, не трудно прослѣдить въ развитіи его полу-философскаго, полу-мистическаго мировоззрѣнія. Вдумываясь въ историческія судьбы чело-вѣчества, въ общественную и политическую неправду и зло, Руссо, прежде всего, приходитъ къ тому заключенію, что жизнь чело-вѣческихъ скопищъ одною своею стороною сливается съ жизнью того, что по отношенію къ чело-вѣчеству принято называть низшею природою. Его «чело-вѣкъ по природѣ», очень существенно разнится отъ того фиктивнаго добродѣтельнаго дикаря, надъ которымъ подсмѣивается Вольтеръ, прежде всего тѣмъ, что онъ зоологическій субъектъ *необщественный и неразумный*. Природа не создала общественности, а только множество чело-вѣкоподобныхъ двуногихъ особей, живущихъ въ раздробъ и способныхъ временно сближаться между собою только для удовлетворенія половыхъ потребностей. Чуть только пробуждается въ чело-вѣчествѣ сознаніе, разумъ, по мнѣнію Руссо, тотчасъ-же и прекращается, виѣсть съ тѣмъ, «бытіе чело-вѣчества по природѣ», а начинается его «общественное бытіе», основанное неизбежно на взаимномъ соглашеніи, на договорѣ. По мнѣнію Руссо, это пробужденіе сознательности и неразрывное съ нимъ возникновеніе общественности, совершается какимъ-то совершенно не-постижимымъ, загадочнымъ путемъ; оно, такъ-сказать, стрясается надъ чело-вѣчествомъ какъ проклятіе. Въ мемуарѣ о неравенствѣ онъ еще не считаетъ это проклятіе неизбѣжнымъ, роковымъ. Оно, думаетъ онъ,—необусловлено никакою космическою необходимостью. Впослѣдствіи, однако-же, эта часть ученія Руссо совершенно отли-вается въ формы кальвинистскаго догмата о грѣхопадении. Не вкуси Адамъ отъ заповѣднаго древа познанія добра и зла, чело-вѣчество благоденствовало-бы въ первобытномъ раю, не зная ни грѣха, ни труда, ни воздыханія. Но мы, родившіеся слыш-

комъ поздно на этотъ свѣтъ, чтобы удержать нашего родоначальника отъ этого роковаго шага, должны такъ или иначе мириться съ его послѣдствіями. Такъ точно и по ученію Руссо бесплодно было-бы мечтать о томъ, чтобы, однажды отвѣдавъ разумнаго общественнаго бытія, человѣчество снова могло вернуться къ скотскому прозябанію по природѣ. Руссо даже не говоритъ, что это пробужденіе сознанія само въ себѣ составляетъ зло; оно становится зломъ только потому, что сознаніе неодновременно и неравно пробуждается въ цѣлой группѣ совместно живущаго человѣчества. Тотъ, въ комъ первомъ проснулось оно, получаетъ вдругъ неотразимую силу надъ своими собратіями и пользуется этою силою для удовлетворенія, прежде всего, корыстолюбивыхъ своихъ побужденій. Такимъ образомъ, пробужденіе сознанія, возникновеніе общественныхъ отношеній и право личной собственности, по возрѣніямъ Руссо, составляютъ неразрывную трилогію, неизбежно лежащую въ основѣ всякаго неравенства и общественнаго зла. Слѣдуетъ-ли изъ этого, что для искорененія зла мы должны начать съ разрушенія самой трилогіи?

Если-бы даже Руссо отвѣчалъ утвердительно на этотъ вопросъ, то и тогда все-же очень существенная грань оставалась-бы между нимъ и заурядными сантиментальными противниками «искусственности» и поклонниками «природы». Послѣднихъ, какъ извѣстно, побѣдоносно побивалъ уже де-Мэстръ, спрашивая ихъ: гдѣ-же кончается природная простота и начинается искусственность? Почему самая изящная шелковая лонская ткань не такой-же природный продуктъ, какъ и паутина? Къ Руссо совершенно непримѣнимы всѣ подобныя возраженія. У него грань опредѣлена очень точно и не допускаетъ никакого недоумѣнія: природность—это скотское, бессмысленное довольство, отсутствіе сознанія и общности; житье въ раздробь. Искусственность — это общественный договоръ, неравенство, кулачество. Но главное, Руссо никогда не отвѣчалъ утвердительно на вышеставленный вопросъ; а ежечасно, напротивъ, твердилъ что зло не можетъ быть устранено разрушеніемъ злополучной трилогіи. Уничтожьте, говоритъ онъ,—общественный договоръ со всѣми его плодами, съ понятіями права, справедливости,—и вы, точно, получите новое природное состояніе, но существенно различное отъ того, съ котораго мы начали. Одно было природнымъ состояніемъ во всей своей чистотѣ; другое-же будетъ плодомъ величайшей испорченности (*l'un était l'état de nature dans sa pureté, et ce dernier est le fruit d'un excès de corruption*).

Гдѣ-же выходъ?—На это въ трактатѣ о неравенствѣ заключается еще только намекъ. Замѣчательно, что изъ всѣхъ критиковъ и цѣнителей Руссо, одинъ только женевецъ, извѣстный натуралистъ Шарль Боннэ, понялъ дѣйствительное значеніе уставляемыхъ въ этомъ мемуарѣ основъ и возражалъ по существу на положенія своего соотечественника.

II.

Различеніе «бытія по природѣ» отъ общественнаго бытія не придумано Руссо, а заимствовано сполна у греческихъ софистовъ — этихъ крайнихъ революціонеровъ древняго міра. Съ очень немногими ограниченіями и оговорками, оно легко можетъ быть примирено съ выводами точной науки даже новѣйшаго времени. Плодотворно и существенно въ этомъ различеніи главнѣйшимъ образомъ то, что оно прямо и, можетъ быть, даже нѣсколько преувеличенно, указываетъ намъ на громадное значеніе такъ-называемыхъ произвольныхъ или субъективныхъ факторовъ въ дѣлѣ политическаго и общественнаго благоустройства. Особливо въ такъ-называемыя переходныя эпохи, человѣку, страдающему отъ общественной неправды и зла, очень полезно бываетъ напоминать, что самъ онъ въ нѣкоторой степени является сообщникомъ этой неправды, что, перенося ее, онъ какъ-бы освящаетъ ее своимъ согласіемъ. Это именно и дѣлаетъ Руссо, когда онъ, различая бытіе общественное отъ бытія по природѣ, единственною основою перваго считаетъ договоръ, болѣе или менѣ сознательное взаимное соглашеніе. Пусть новѣйшая наука убѣждаетъ насъ, что явленія общественныя управляются тѣми-же законами органической необходимости, которыми подчинены всѣ другія явленія природы; несомнѣннымъ останется то, что въ мірѣ общенности дѣйствіе этихъ законовъ неизбѣжно преломляется черезъ призму субъективныхъ побужденій и стремленій; съ измѣненіемъ психическаго настроенія значительнаго числа дѣйствующихъ лицъ неизбѣжно измѣняется и обстановка, и самая сущность общественно-политической драмы; тогда-какъ явленія природныя состоятъ съ нашимъ душевнымъ настроеніемъ только въ безконечно-отдаленной и косвенной связи. Первая существенная ошибка основныхъ построеній Руссо заключается въ томъ, что онъ хронологически отдѣляетъ бытіе по природѣ отъ общественнаго бытія; тогда-какъ вышеупомянутое различіе кроется, очевидно, не въ самыхъ

явленіяхъ, а только въ нашихъ отношеніяхъ къ этимъ явленіямъ. Авторъ мемуара о неравенствѣ наивно предполагаетъ, будто человѣчество мирно прозябало по природѣ; затѣмъ, внезапно, въ одинъ прекрасный или, если хотите, прескверный день, перешло къ общественному бытію. Между этими двумя моментами онъ не только не усматриваетъ никакой преимственности или органической связи, но даже отказывается понять, какимъ образомъ могъ совершиться этотъ таинственный переходъ, который, по его мнѣнію, едва-ли можетъ быть объясненъ безъ участія сверхъестественныхъ, мистическихъ факторовъ. Здѣсь, очевидно, кальвинистское ученіе о грѣхопадѣніи и объ искупленіи при посредствѣ благодати свыше оказываетъ на женеваго соціолога очень замѣтное вліяніе.

На эту-то фундаментальную ошибку Руссо и указываетъ Шарль Боннэ: «все, непосредственно вытекающее изъ человѣческихъ особенностей, спрашиваетъ онъ, — не должно-ли быть называемо природнымъ или естественнымъ? Мнѣ-же кажется, что легко можно доказать, что общественное бытіе (*l'état social*) вытекаетъ непосредственно изъ способностей человѣка. Мнѣ не надо даже приводить другихъ доказательствъ, кромѣ тѣхъ, которыя самъ авторъ такъ изящно излагаетъ во второй части своего мемуара, исполненный геніальныхъ мыслей по поводу возникновенія общественности. Но коль скоро общественное состояніе вытекаетъ неизбежно изъ способностей человѣка, то оно также естественно или природно, какъ и то состояніе, которое предшествовало ему. Неблагоразумно, слѣдовательно, жаловаться на то, что эти человѣческія способности дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ породили общественность. Провидѣніе, очевидно, хотѣло этого; иначе оно не дало-бы человѣку самыхъ этихъ способностей. Отвѣтственность за общественное состояніе неизбежно ложится на природу. Вѣроятно необходимы въ общей гармоніи люди, строящіе города, какъ необходимы бобры, строящіе свои хижины»...

Всѣ возраженія, которыя и въ настоящее время дѣлаются обыкновенно противъ соціологическихъ воззрѣній Руссо, мало прибавляютъ новаго къ этимъ словамъ знаменитаго женеваго натуралиста. Поклонники природной безъискусственности и простоты, даже послѣдовательные, т. е. согласные идти до того крайняго предѣла, до котораго доходилъ Руссо, отрицавшій вмѣстѣ съ общественностью всѣ проявленія человѣческой сознательности, въ томъ числѣ и членораздѣльную рѣчь, — ничего не нашли возразить состоятельнаго и вѣскаго на эти опроверженія. Если общественность и культура такія-же плоды органической

необходимости, какъ желуди, растущіе на дубѣ, какъ хижины, строимыя бобрами, то всякое возвращеніе къ исходной точкѣ естественности и культурности должно роковымъ образомъ привести только къ повторенію того, что мы видимъ теперь въ культурной исторіи человѣчества. Единственнымъ разумнымъ исходомъ въ этомъ случаѣ представляется только обработка этой, такъ-сказать, дико-растущей культуры по нашимъ субъективнымъ воззрѣніямъ и требованіямъ, обработка, подобная той которой смысленный садовникъ подвергаетъ какой-нибудь дико-растущій злакъ, чтобы приноровить его ко вкусамъ потребителей...

Въ вышеприведенныхъ основахъ міровоззрѣнія Руссо нѣтъ еще ничего, несомнѣннаго съ этимъ единственнымъ возможнымъ исходомъ. Онъ легко могъ согласиться со своимъ противникомъ, т. е. признать общественное состояніе за дальнѣйшее развитіе природнаго бытія, естественно и неизбежно вытекающее изъ первобытной дикости. Люди творятъ общественный договоръ не независимо отъ космическихъ вліяній и не какою-нибудь загадочною эманациею своей свободной воли. Но договоръ тѣмъ неменѣе составляетъ сущность общественныхъ отношеній. Договоръ этотъ можетъ быть письменный (какъ всякія конституціонныя и сословныя хартіи) или устный, выговоренный или подразумеваемый, сознательный въ очень сильной или очень слабой степени,—но все-же онъ неизбежно подлежитъ передѣлкѣ, коль скоро перестаетъ удовлетворять субъективнымъ представленіямъ о правдѣ, объ общественномъ благѣ, значительнаго большинства уговаривающихся между собою людей. Затѣмъ уже прямо слѣдовало-бы начинать рѣчь о томъ, какая форма общественнаго договора, по мнѣнію Руссо, могла всего лучше отвѣчать бытовымъ условіямъ тогдашней Франціи и всей передовой Европы.

Руссо, однако-же, даетъ своему противнику отвѣтъ очень неопредѣленный и сбивчивый. Забывая мудрую французскую поговорку: «comparaison n'est pas raison», онъ вдается въ нижеслѣдующую, нѣсколько растянутую аллегорію: «предположимъ, говорить онъ Шарлю Боннэ,—что ученые нашли способъ ускорять приближеніе старости. Предположеніе это не такъ нецѣпо какъ кажется на первый взглядъ. Разумность, этотъ вѣчный конекъ всѣхъ нашихъ глупостей, не замедлила-бы подыскать и для такого открытія законное основаніе. Въ особенности философы и благоразумные люди,—чтобы свергнуть съ себя иго страстей и вкушать блаженный миръ души,—устремились-бы тогда быстрыми шагами къ мафусаиловской старости, добро-

волью отказываясь отъ желаній, которыя можно удовлетворять, для того только, чтобы охранить себя отъ желаній, которыя необходимо подавлять. Только горсть легкомысленныхъ, быть можетъ, сами краснѣя за свою слабость, пожелали-бы оставаться молодыми и счастливыми, вмѣсто того, чтобы поскорѣе стать дряхлыми разумниками». «Предположимъ, что какой-нибудь чудакъ, одинъ изъ такъ-называемыхъ опасныхъ союзствъ, сталъ-бы доказывать имъ неосновательность такого стремленія преждевременно дряхлѣть, назвалъ-бы нелѣпостью ихъ благоразуміе; сталъ-бы кричать имъ во всеуслышаніе: несчастные! если вамъ уже неизбѣжно суждено старѣться, то старайтесь, по-крайней-мѣрѣ, чтобы роковой этотъ удѣлъ наступилъ какъ можно позже... Присяжные мудрецы не замедлили-бы зажать ему ротъ возраженіями въ родѣ слѣдующихъ: молчи, дерзкій безумецъ! твои рѣчи нечестивы; ты хулишь волю того, кто создалъ человѣчскій родъ. Развѣ старость не природный удѣлъ человѣчества? Зачѣмъ-же дерзко возставать противъ закона природы? Очевидно, Богъ не создалъ человѣка для того, чтобы онъ оставался молодымъ; значитъ, чтобы сообразоваться съ волею его, мы должны старѣться какъ можно скорѣе»... «Вы хотѣли побивать меня моимъ-же оружіемъ; такъ помните, пожалуйста, что, по моему, общественность такъ-же естественна въ человѣчествѣ, какъ естественна старость въ человѣкѣ. Искусства, законы, правительства нужны народамъ, какъ старикамъ нужны костыли. Вся разница только въ томъ, что старость непосредственно вытекаетъ изъ индивидуальной природы человѣка; общественность-же вытекаетъ изъ природы человѣческаго рода; вытекаетъ не непосредственно, какъ утверждаете вы, а только благодаря обстоятельствамъ, которыя могли случиться или не случиться, или, по-крайней-мѣрѣ, наступить раньше и позже... Нѣкоторые изъ этихъ обстоятельствъ находятся даже прямо въ нашей власти... Общественное состояніе имѣетъ свой крайній предѣлъ, къ которому люди могутъ придти по своему усмотрѣнію раньше или позже; поэтому-то и небезполезно кричать имъ объ опасности слишкомъ бы страго пути; указывать имъ на неприглядность того, что они принимаютъ за вѣнецъ родового своего совершенствованія».

Въ настоящее время трудно понимать успѣхъ, которымъ пользовались даже и такія произведенія Руссо, какъ это его письмо къ Шарлю Бонне, изъ котораго я почти подстрочно перевелъ всю существенную его часть. Ясно, что Руссо самыми особенностями своего слога оказывалъ какое-то чарующее дѣйствіе на современниковъ. Но ясно также и то, что въ это время

онъ еще не успѣлъ окончательно управиться съ нимъ-же самимъ установленными основами новаго демократическаго міровоззрѣнія. Онъ самъ еще не знаетъ, въ какую сторону направить онъ свою дальнѣйшую, полу-пророческую, полу-философскую дѣятельность. Безполезно доказывать старикамъ, что костыли не нужны рѣзвой молодости: шестидесятилѣтній падагрикъ, если-бы и захотѣлъ, ужъ не можетъ заплясать на своихъ разбитыхъ ногахъ. Если Руссо точно убѣжденъ, что Франція и другіе передовые народы уже одряхлѣли до того, что не могутъ обходиться безъ искусствъ, безъ законовъ и другихъ «костылей состарившагося человѣчества», то это равняется съ его стороны прямому признанію, что онъ ничего не можетъ сказать живительнаго и обновительнаго для этихъ передовыхъ народовъ. Онъ, впрочемъ, вполне сознаетъ это и повторяетъ нѣсколько разъ: «я работаю для своего отечества и для маленькихъ государствъ, сложившихся по тому-же образцу». Заявлялъ онъ уже въ вышеупомянутыхъ *Диалогахъ*: «только недобросовѣстность литераторовъ и и глупое самолюбіе, привыкшее все приурочивать къ себѣ, могли принять на свой счетъ то, что мною предназначалось исключительно для маленькихъ республикъ»...

Но такое-ли-же точно психическое настроеніе переживаютъ теперь и наши маленькіе Руссо, когда они дѣлаютъ изъ Россіи какой-то заповѣдникъ, обособленный міръ, для котораго будто-бы никакой культурный законъ не писанъ; когда они въ самой отсталости ея видятъ какой-то вѣрный залогъ ея необычайно великаго будущаго?—Что касается дѣйствительнаго Руссо, то въ немъ это настроеніе, невяжущееся непосредственно съ основами его ученія, продержалось очень недолго. Женевы, послѣ двадцатипятилѣтняго отсутствія могла казаться ему изъ Парижа богохранимымъ уголкомъ, гдѣ люди живутъ вдали отъ культурныхъ ухищреній, по правдѣ и по природѣ; гдѣ слово живой истины найдетъ себѣ благодарную почву. Но достаточно было кратковременнаго пребыванія въ ней и нѣсколькихъ столкновеній съ ея кальвинистскими синдиками, чтобы иллюзіи разбились въ прахъ; чтобы непризнанный пророкъ снова бѣжалъ изъ своего отечества въ тотъ самый Парижъ, гдѣ «костыли для дряхлѣющаго человѣчества» изготовляются еще и до сихъ поръ съ такимъ артистическимъ совершенствомъ.

Руссо всегда былъ метафизикомъ и діалектикомъ по преимуществу; но свои построенія онъ не холодно создавалъ одною только головою; онъ переживалъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ, сохранивши необычайную впечатлительность и жизненность до пятидесятилѣтняго возраста. Подробности его частной жизни

многое уясняютъ намъ въ послѣдовательномъ развитіи его философскихъ и политической идей. Нерѣдко ничтожное и личное столкновение давало его мысли опредѣленный импульсъ, заставляло ее долго и упорно работать въ извѣстномъ направленіи. Такъ именно случилось и въ этотъ разъ, когда Руссо уѣзжалъ изъ Париза въ Женеву, въ самый разгаръ своей популярности, значительно усиленной появленіемъ въ свѣтъ его мемуара о неравенствѣ межъ людьми и полемикою, возбужденною появленіемъ въ свѣтъ этого замѣчательнаго произведенія. Въ это время Руссо уже достаточно и вполне опредѣленно успѣлъ заявить себя какъ діагностъ или распознаватель общественнаго недуга. Мы уже знаемъ его, тогда совершенно новое и крайне плодотворное воззрѣніе на сущность общественности, какъ на договоръ; его свободное и вполне самобытное отношеніе къ явленіямъ высшей культуры; его недоувѣріе къ скептическому разуму вольтеріанцевъ и энциклопедистовъ; его сантиментальную струю, порою доводившую его до банальныхъ изліяній приторной чувствительности, но гораздо чаще принимавшую въ немъ симпатическія намъ формы неподдѣльнаго сочувствія къ горю и нуждѣ безвѣстныхъ народныхъ массъ, униженныхъ и оскорбленныхъ на всѣхъ общественныхъ ступеняхъ; короче, всѣхъ тѣхъ, къ кому либералы вольтеріанскаго лагеря не могли питать ничего, кромѣ снисходительнаго величаваго презрѣнія. Но никто еще въ то время не зналъ, въ чемъ станетъ Руссо искать исцѣленія распознанныхъ имъ общественныхъ и политическихъ недуговъ; разовѣтъ-ли онъ твердо намѣченныя имъ основы въ стройную философски-научную систему, или-же воспользуется ими для того, чтобы создать новое мистическое, сектантское ученіе? Самъ Руссо зналъ объ этомъ меньше чѣмъ кто-либо другой. Мы уже видѣли, что онъ уѣзжаетъ въ Женеву, считая своимъ единственнымъ призваніемъ удержать свое отечество,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и другія маленькія республики, сложившіяся по подобію его,—отъ преждевременной старости путемъ быстрого совершенствованія въ нихъ общественности. Стоя на этой точкѣ, Руссо несомнѣнно походилъ гораздо больше на какого-то допотопнаго консервативнаго чудака, чѣмъ на смѣлаго новатора, обновителя поэтическихъ идей нѣсколькихъ послѣдующихъ поколѣній. Величіе его заключается, на нашъ взглядъ именно, въ томъ, что онъ надолго съумѣлъ удержаться на этой точкѣ.

III.

Въ Женевѣ нашъ пророкъ нашелъ не тотъ укромный уголокъ, котораго искалъ, а теократическое царство черствой, нетерпимой кальвинистской аристократіи, лишенной того художественнаго и широко-демократическаго чутья, которымъ даже худшіе изъ политическихъ дѣятелей умѣютъ иногда искупать свое мертвящее вліяніе на нравственное и политическое развитіе человѣчества. Въмѣсто «людей природы» нашелъ онъ здѣсь мелочныхъ, своекорыстныхъ мѣщанъ, гораздо менѣе доступныхъ всякому живому слову, чѣмъ самыя порочныя изъ великосвѣтскихъ прелестницъ Версаля и Парижа. Главное-же, здѣсь онъ нашелъ того-же ненавистнаго ему Вольтера, который, появившись въ очаровательномъ замкѣ надъ самою Женевою, игралъ здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ Парижѣ блестящую роль умственнаго царька, просвѣщеннаго мецената, рассыпавшаго щедрою рукою направо и налѣво перлы своего неистощимаго остроумія, нещадившаго даже самого своего кошелька, когда представлялся случай нанести чувствительный ударъ вездѣ и всегда ненавистной ему косности, тупоумію и застою. Этого оказалось болѣе чѣмъ достаточнымъ, чтобы опредѣлить ту роль, которую станеть играть Руссо, снова *de facto* и *de jure* вступившій въ свои права гражданина чопорной кальвинистской Женевы.

Между нимъ и Вольтеромъ завязывается неутомимая мелочная борьба по всѣмъ пунктамъ, за которою нелегко было-бы услѣдить въ этой бѣглой замѣткѣ. Вольтеръ, задумавшій нанести и протестантской рутинѣ такой-же чувствительный ударъ, какой былъ нанесенъ имъ во Франціи католицизму, принимается за устройство въ Женевѣ театра, на которомъ онъ, конечно, мечтаетъ разыграть самыя пикантныя изъ своихъ, не всегда удачныхъ трагедій. Благочестивые синдикаты республики, по примѣру Кальвина считающіе театръ за ядоль разврата и гибели, создаютъ ему тысячи всевозможныхъ препятствій и оказываются гораздо болѣе нетерпимыми и неповладистыми на этотъ счетъ, чѣмъ королевскіе интенданты Парижа. Руссо въ этомъ дѣлѣ становится рѣшительно на сторону теократическаго синдиката консервативной Женевы. Онъ тайно и явно агитируетъ рабочій кварталъ *St.-Gervais* противъ театра, противъ нововведеній и противъ Вольтера. Послѣдній поражаетъ насъ необычнымъ въ немъ добродушіемъ и снисхожденіемъ къ противнику. Онъ часто жалуется на Руссо общимъ ихъ парижскимъ друзьямъ; всего болѣе д'Аламберу; но жалобы эти не переходятъ ни-

когда за предѣлы чисто-литературныхъ, почти дружескихъ сарказмовъ. «Несчастный Жанъ - Жакъ совсѣмъ сошелъ съ ума, и все отъ избытка серьезности. Онъ пишетъ доносы на мою безнравственность діаконамъ женеvской церкви, моему поставщику гвоздей, моему сапожнику... Онъ подобралъ нѣсколько старыхъ досокъ изъ бочки Діогена, закрылся ими и лаетъ на весь свѣтъ». «Я получилъ отъ него самое оскорбительное письмо изъ всѣхъ, когда-либо надарапанныхъ разсвирѣпѣвшимъ фанатикомъ. Вотъ его подлинныя слова: *вы развернули Женеву въ благодарность за данное вамъ здѣсь убѣжище*. Какъ-будто мое дѣло заботиться о чистотѣ женеvскихъ нравовъ, какъ-будто мнѣ нужно убѣжище; а если-бы и понадобилось, то я не сталъ-бы искать его у этихъ скучныхъ кальвинистскихъ проповѣдниковъ!». Въ другой разъ Вольтеръ пишетъ тому-же самому д'Аламберу: «Руссо говоритъ мнѣ: *милостивый государь! вы будете погребены съ большими почестями; мой-же трупъ будетъ брошенъ въ общую яму*. Нашелъ о чемъ тревожиться человѣкъ, лезущій изъ кожи, чтобы прожить свой вѣкъ въ бочкѣ Діогена». Такихъ выписокъ можно сдѣлать множество изъ женеvской переписки Вольтера; но мы не находимъ въ ней ни одной строки, которая была-бы проникнута дѣйствительною ненавистью фернейскаго мудреца къ его заклятому противнику. Д'Аламберъ отвѣчаетъ ему: «теперь о Жанъ-Жакѣ. Я говорю не о Ж.-Ж. Лефранъ де-Помпиньянъ, который считаетъ себя великимъ человѣкомъ, а о Ж.-Ж. Руссо, который считаетъ себя циникомъ, но становится только непослѣдовательнымъ и смѣшнымъ. Очень можетъ быть, что онъ написалъ вамъ невѣжливое письмо; очень можетъ быть, что онъ не мало насолилъ вамъ и вашимъ друзьямъ; но все-же я не одобряю, что вы высказываетесь открыто противъ него. Вѣдь вы-же сами говорили: что станетъ съ нашимъ маленькимъ стадомъ, если мы перессоримся между собою? Мы не видимъ, чтобы Платонъ, Аристотель, Софоклъ или Эврипидъ писали противъ Діогена, хотя онъ и грубилъ имъ всѣмъ. Жанъ-Жакъ очень умный и очень больной человѣкъ, онъ только тогда и бываетъ уменъ, когда онъ боленъ. Его не надо ни вылечивать, ни обижать». Эти выписки достаточно, кажется, опредѣляютъ, какъ относились къ женеvскому брюзгѣ «философы», въ которыхъ онъ видѣлъ и теоретическихъ своихъ противниковъ и личныхъ своихъ враговъ.

Руссо, поглощенный борьбою съ Вольтеромъ, не пишетъ рѣшительно ничего, кромѣ переводовъ изъ Тацита, очень неудовлетворительныхъ и предпринятыхъ по его собственному признанію единственно для того, чтобы усовершенствоваться въ пи-

сательской техникѣ. Единственнымъ крупнымъ эпизодомъ этой поры его дѣятельности, на которомъ слѣдуетъ остановиться, является упомянутое выше ругательное письмо къ Вольтеру, изданное какъ памфлетъ въ *защиту Провидѣнія*.

Поводомъ къ столеновенію послужило знаменитое землетрясеніе, разрушившее въ 1755 году половину Лиссабона. Вольтеръ, по своему обыкновенію, воспользовался этою катастрофою, чтобы въ прозѣ и стихахъ обрушиться на ненавистныя ему оптимистическія ученія, такъ гениально осмѣяныя имъ въ *Кандидѣ*: все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ...

Tout est bien, dites vous, et tout est nécessaire! *)

воскликаетъ онъ въ своей поэмѣ на Лиссабонское землетрясеніе, пользующейся гораздо меньшею извѣстностью, чѣмъ безсмертная чепуха оптимиста Панглоса:

Quoi! l'univers entier, sans ce gouffre infernal,
Sans engloutir Lisbonne, eut-il été plus mal?...
.

Je désire humblement, sans offenser mon maître,
Que ce gouffre enflammé de soufre et de salpêtre
Eût allumé ses feux dans le fond des déserts.
Je respecte mon Dieu, mais j'aime l'univers. . .
.

Les tristes habitants de ces bords désolés,
Dans l'horreur des tourments, seraient-ils consolés
Si quelqu'un leur disait: Tombez, mourez tranquilles!
Pour le bonheur du monde au détruit vos asiles;
D'autres mains vont bâtir vos palais embrasés.
D'autres peuples naîtront dans vos murs écrasés;
Le Nord va s'enrichir de vos pertes fatales;
Tous vos cœur sont un bien dans les lois générales! **,

Оттѣнивъ еще рѣзче въ прозаическомъ предисловіи основную мысль новой своей поэмѣ, Вольтеръ разослалъ ее литературнымъ и нелитературнымъ своимъ друзьямъ; въ ихъ числѣ и Жанъ-Жаку, который совершенно неожиданно горько обидѣлся

*) Все въ мірѣ хорошо, говорите вы, и все необходимо!

***) Какъ! неужто міру было-бы хуже, если-бы Лиссабонъ не погибъ въ этой адской пропасти?... Я отъ души желалъ-бы, не въ обиду будь сказано нашему владыкѣ, чтобы эта сѣрная и селитренная бездна воспламенилась гдѣ-нибудь въ пустынѣ. Я почитаю Бога, но я люблю міръ... Утѣшатся-ли печальные обитатели этихъ разворенныхъ мѣстъ, забудутъ-ли они свои мученія, если кто-нибудь скажетъ имъ: умирайте спокойно! Ваши жилища разрушаются для блага міра. Другія руки выстроятъ вновь ваши погорѣвшіе дворцы; другія поколѣнія народятся среди этихъ разрушенныхъ стѣнъ. Сѣверъ обогатится вашими роковыми потерями; всѣ ваши страданія—благо въ общемъ порядкѣ.

за Провидѣніе. Отвѣтъ Руссо на эту поэму Вольтера намѣчаетъ собою нѣкоторую поворотную точку въ психическомъ строѣ нашего демократическаго мыслителя. Нѣкоторая спиритуалистическая и даже мистическая струя пробивалась во всё время въ глубинѣ души Жанъ-Жака; но до сихъ поръ она не играла еще никакой примѣтной роли въ его философскомъ міровоззрѣніи. Руссо никогда не любилъ легкомысленный, игривый скептицизмъ, господствовавшій въ тѣ времена въ парижскихъ литературныхъ кружкахъ и салонахъ; но онъ не имѣлъ еще случая высказаться опредѣленно и рѣшительно по религіозному вопросу. Мы уже знаемъ, что къ религіознымъ формальностямъ онъ самъ относился очень легко и свободно, переходя въ католицизмъ, чтобы заплатить первой своей покровительницѣ, г-жѣ де-Варранъ, за гостепрѣимство, оказанное ему въ ея савойскомъ замкѣ Charmettes. Также безцеремонно возвращается онъ на лоно роднаго ему кальвинизма только для того, чтобы снова пріобрѣсти права женеваго гражданства, утраченныя имъ вслѣдствіе перваго его отступничества. Но какъ относился Руссо къ тѣмъ чистымъ деистическимъ ученіямъ, которыя пользовались уже значительною популярностью въ кружкахъ чувствительныхъ душъ его времени? Вопросъ этотъ рѣшить нелегко; несомнѣнно, однако-же, что въ своемъ нравственномъ и политическомъ міровоззрѣніи Руссо не отводилъ еще никакого опредѣленнаго мѣста сверхъестественнымъ факторамъ и высшей благодати. Только одинъ разъ,—и это было незадолго предъ его отъѣздомъ въ Женеву,—Руссо изумилъ своихъ парижскихъ друзей неожиданною и запальчивою выходкою. Это было въ салонѣ мадмуазель де-Кино (Quinault), гдѣ новая пріятельница Жанъ-Жака, г-жа д'Эпинэ, вступила съ Санъ-Ламберомъ въ горячій споръ по поводу такъ-называемой естественной религіи. Санъ-Ламберъ отдѣлывался болѣе или менѣе остроумными, но вовсе неблагочестивыми шутками. «Господи! вспылилъ неожиданно Руссо:—говорятъ, что подло терпѣть, когда при васъ дурно отзывались о вашихъ отсутствующихъ друзьяхъ. Сто разъ подлѣе было-бы съ моей стороны стерпѣть, чтобы при мнѣ нечестиво говорили о моемъ Богѣ, который присутствуетъ вездѣ и въ котораго я вѣрю!»

Поэма Вольтера даетъ первый поводъ Руссо выступить философскимъ защитникомъ божества и провиденціального оптимизма. Съ незначительною поправкою *), вѣчный брюзга Жанъ-

*) ... Au lieu de „Tout est bien“, il vaudrait peut-être mieux dire: „le Tout est bien“, ou: „Tout est bien pour le tout“ (вмѣсто: *все хорошо слѣдовало-бы сказать: шлое хорошо или все хорошо въ шломъ.*

Жакъ принимаетъ, такъ-сказать, за свой счетъ пресловутую тему Панглоса, замѣчая при этомъ самъ: «не странно-ли, что по отношенію къ предмету этого письма, мы словно помѣнялись ролями. Пресыщенный славою, ублаженный почестями, вы живете на свободѣ и въ изобиліи. Увѣренный въ своемъ безсмертіи, вы мирно философствуете о духовномъ естествѣ; а когда тѣло или духъ вашъ занемогутъ, вы имѣете подъ рукою Троншена *), вашего друга и врача. При всемъ томъ, вы видите только зло на землѣ.—Я-же живу въ безвѣстности и бѣдности, мучимый неизлечимымъ недугомъ; мнѣ единственная отрада — размышленіе въ моемъ скромномъ уединеніи. И я то нахожу, что все очень хорошо. Откуда-же идетъ это кажущееся противорѣчіе?—вы сами разгадали секретъ: вы наслаждаетесь, а я надѣюсь; надежда-же скрашиваетъ все».

Относительно философской стороны своего письма, Руссо говоритъ: «дѣло не въ томъ, страдаетъ-ли каждый изъ насъ или наслаждается. Дѣло въ томъ: на благо-ли намъ созданъ свѣтъ и неизбежны-ли наши страданія въ общей его гармоніи?.. Очевидно, ни одинъ человѣкъ не можетъ привести прямыхъ доказательствъ ни за эту тему, ни противъ нея; потому-что доказательства эти предполагали-бы полное знаніе законовъ мірозданія и цѣли Создателя, а знаніе это, несомнѣнно, превышаетъ человѣческое пониманіе. Истинные принципы оптимизма не могутъ быть извлечены ни изъ свойствъ матеріи, ни изъ законовъ механики; они выводятся индуктивно изъ совершенствъ божества, которое всѣмъ заправляетъ; такъ-что системою Пона невозможно доказать бытіе Бога, но бытіе Бога доказываетъ систему Пона», и т. д.—Конечно, не этою своею аргументаціею, которая и въ то время уже не имѣла за собою достоинства новизны, можно объяснить себѣ громадный успѣхъ памфлета Руссо въ защиту Провидѣнія. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ своемъ памфлетѣ Руссо въ первый разъ открыто водружаетъ собственное знамя противъ очень еще популярнаго, но успѣвшаго уже износиться тогда знамени «философовъ» и вольтеріанцевъ. Ктому-же памфлетъ этотъ блещетъ совершенно первоклассными полемическими красотою, дышетъ искреннею демократическою ненавистью ко всякимъ баловнямъ счастья и природы. Не хуже самого Вольтера, Руссо умѣетъ воспользоваться и лиссабонскою катастрофою въ пользу своей любимой темы: вреда большихъ городовъ и слишкомъ быстрыхъ успѣховъ цивилизаціи. «Согласитесь, замѣчаетъ онъ съ большимъ основаніемъ,—что если-бы

*) Tronchin—знаменитый женеvскій врачъ и мыслитель.

Лиссабонъ не представлялъ собою скопища болѣе двадцати тысячъ огромныхъ домовъ, если-бы жители его были равномернѣе распределены и жили-бы въ скромныхъ домишкахъ, то и бѣда отъ землетрясенія была-бы не особенно велика, быть можетъ, даже ничтожна... Вы рекомендуете Провидѣнію устраивать подобныя катаклизмы въ пустынѣ, а не въ многолюдныхъ городахъ. Но кто-же сомнѣвается, что землетрясенія случаются и въ пустыняхъ; только о нихъ не кричатъ; потому-что городскимъ краснобаямъ онѣ не дѣлаютъ никакого вреда, о объ остальномъ людскомъ мірѣ никто и не заботится. Впрочемъ, дикарямъ, какъ и животнымъ, катаклизмы эти дѣйствительно не особенно тяжелы: вѣдь дикарямъ нечего опасаться, что на нихъ обрушится громадный пятиэтажный домъ, или что погорятъ разныя драгоценности, которыхъ у нихъ не имѣется. Но что-же изъ всего этого слѣдуетъ? Неужто міровые порядки должны измѣняться сообразно съ нашими капризами, природа должна подчиняться нашимъ законамъ, и достаточно выстроить чудовищный городъ на какомъ-нибудь мѣстѣ, чтобы земля тамъ уже и не смѣла дрожать, подъ опасеніемъ нашей хулы противъ Провидѣнія».

Интересно также и рукописное прибавленіе Руссо къ этому памфлету, посланное имъ въ формѣ частнаго письма къ Вольтеру и уже гораздо позднѣе появившееся въ печати: «я не люблю васъ, милостивый государь! вы нанесли мнѣ удары и уколы, всего болѣе чувствительные для меня, вашего ученика и вашего восторженнаго поклонника. Вы погубили Женеву въ благодарность за полученное въ ней убѣжище; вы возстановили противъ меня моихъ соотечественниковъ въ отплату за то, что я сдѣлалъ для распространенія вашей популярности въ ихъ средѣ. Вы сдѣлали для меня невыносимымъ пребываніе въ родномъ моемъ городѣ... Я ненавижу васъ, такъ-какъ вы этого хотѣли; но я ненавижу васъ какъ человѣкъ, вполнѣ достойный васъ любить, если-бы вы того хотѣли»...

Руссо дѣйствительно увѣжаетъ изъ Женевы въ твердомъ убѣжденіи, что его оттуда выжилъ Вольтеръ своимъ коварствомъ и интригами. Онъ поселяется въ Парижѣ, на прекрасной и изысканной дачѣ «Эрмитажъ», любезно предоставленной въ полное его распоряженіе новою его пріятельницею, г-жею д'Эпинаэ. Возбужденная женевскою борьбою, мысль его работала напряженнѣе чѣмъ когда-бы то ни было. Правда, ему предстояла нелегкая задача: примирить свой новѣйшій провиденціальныи оптимизмъ съ уже изложенными выше основами своего міровоззрѣнія. Нельзя не замѣтить, что по тѣмъ даннымъ, которыя Руссо разви-

валъ въ предъидущихъ своихъ произведеніяхъ, судьба человѣчества должна была представляться далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Мы уже сказали нѣсколько разъ, что, вопреки очень распространенному еще на этотъ счетъ заблужденію, Руссо вовсе не идеализировалъ того природнаго состоянія, которое онъ считалъ, довольно законно, за первобытный удѣлъ или за исходную точку человѣчества. Онъ, правда, предполагалъ, будто это первобытное состояніе не допускало возможности той суммы неправдъ и страданій, которую онъ находилъ въ современной ему культурной жизни; но онъ хорошо понималъ, что это первобытное довольство не могло идти дальше скотской сытости, которую самый искренній циникъ не могъ считать за идеальный человѣческій удѣлъ. Ктому-же, возраженія Шарля Бонна заставили Руссо согласиться, что и это состояніе скотской сытости имѣетъ естественное стремленіе перерождаться въ то порочное и дряхлое состояніе, которое онъ называетъ общественнымъ бытіемъ и на которое онъ вваливаетъ всѣ бѣды и невзгоды человѣчества. Мы уже замѣтили, что въ этомъ отношеніи ученіе Руссо сближается очень тѣсно съ аскетическими ученіями всѣхъ вѣковъ и народовъ; всего-же болѣе съ библейскою традиціею грѣхопаденія. Всѣмъ извѣстно, что философія, основанная на этой традиціи, не можетъ уже обойтись безъ сверхъестественнаго фактора, безъ искупленія и благодати, независящихся отъ сознанія и произвола людей. Любопытно узнать, какъ выходитъ изъ этого затрудненія Ж.-Ж. Руссо, котораго вольтеріанцы и энциклопедисты такъ долго считали однимъ изъ лучшихъ птенцовъ своего скептическаго гнѣзда, несмотря на всѣ, нерѣдко увѣсистые, булыжники, которые онъ металъ въ ихъ лагерь. Довѣрится-ли Руссо человѣческому разуму и сознанію, чтобы вывести человѣчество изъ того непригляднаго лабиринта, въ который, по его ученію, вступаетъ оно со своимъ роковымъ переходомъ отъ первобытной дивости къ общественному состоянію, т. е. къ высшей культурѣ? Но вѣдь онъ-же считаетъ этотъ разумъ и сознаніе главнымъ виновникомъ всѣхъ нашихъ золъ. Правда, во всякаго рода метафизическихъ ученіяхъ мы нерѣдко встрѣчаемъ такіа мифическія Ахиллесовы копыя, которыя и язвятъ, и сами излечиваютъ наносимыя ими раны. Но дѣло въ томъ, что гордый и свѣтлый девизъ: *да здравствуетъ разумъ!* написанный на знамени энциклопедистовъ, всегда обладалъ способностью возмущать желчь автора мемуара о неравенствѣ межъ людьми, о значеніи наукъ и искусствъ и «Contrat Social'a». Руссо раздѣлялъ въ сильнѣйшей степени недовѣріе къ разуму и отвращеніе къ скептицизму всѣхъ сантиментальныхъ людей.

IV.

Съ переселеніемъ въ *Эрмитажъ* подъ покровительство г-жи д'Эпинэ, Руссо принимается за разрѣшеніе только-что упомянутой трудной своей задачи. Онъ очень удовлетворительно для своего времени исполнилъ первую часть своей работы, какъ діагностъ или распознаватель общественно-политическихъ недуговъ; онъ пустилъ въ обращеніе въ высшей степени плодотворный и заманчивый принципъ общественнаго договора, т. е. почти безграничной зависимости общественныхъ учреждений отъ субъективнаго настроенія дѣятельнѣйшей части договаривающихся между собою людей, отъ ихъ умственнаго развитія и нравственныхъ представленій. Теперь онъ выступить передъ нами въ новомъ свѣтѣ, какъ терапевтъ или исцѣлитель уже разоблаченнаго зла.

Несомнѣнно, при самомъ возвращеніи изъ Женевы, въ умъ его уже шевелится рой живыхъ и свѣтлыхъ мыслей, уже зрѣетъ стройный и широкій отвѣтъ на роковой вопросъ о примиреніи мрачной безысходности основныхъ его положеній съ провиденціальнымъ оптимизмомъ, проявившемся въ первый разъ въ его памфлетѣ на защиту Провидѣнія противъ Вольтера. Но отвѣтъ этотъ еще не успѣлъ окончательно сложиться и отлиться въ столь сродныя нашему автору щегольскія діалектическія формы. Плодомъ такого его психическаго настроенія является первый его романъ—пресловутая *Новая Элоиза*.

Руссо насчитываетъ повсюду еще много фанатическихъ, нерѣдко безсознательныхъ, поклонниковъ, готовыхъ при случаѣ пожертвовать головою за ту или другую изъ недосказанныхъ формулъ, за душу хватающихъ фразъ его «*Contrat Social'a*»; но едвали между ними отыщется хоть одинъ герой, способный отъ начала до конца одолѣть эту *Новую Элоизу*, зачатую, говорятъ, въ восхитительной рошѣ Кларана на берегу Женевского озера (*Bosquet de Julie*), но окончательно выношенную и родившуюся на свѣтъ въ изящномъ уединеніи Эрмитажа. Изъ всѣхъ его произведеній—это, несомнѣнно, всѣхъ болѣе вывѣтрившееся, отжившее, и мы рѣшительно неспособны понять того чудовищнаго успѣха, которымъ она была встрѣчена при первомъ своемъ появленіи въ Парижѣ. Ею зачитывались не только всякія госпожи де-Варанъ, д'Эпинэ и имъ подобныя пріятельницы и покровительницы Руссо, которыя очень естественно должны были признавать плоть отъ плоти своей и кость отъ костей своей въ вѣчно резонирующей, сантиментальной до педантич-

сти, но пустой и скучной Julie съ ея вѣрнымъ питомцемъ, любовникомъ и лакеемъ chevalier de St.-Preux. Но даже въ низшихъ и недостаточныхъ кружкахъ грамотнаго парижскаго общества потребность поскорѣе поглотить это почти непонятное для насъ произведеніе было такъ велика, что предприимчивые книгопродавцы наживали большія деньги, ссужая *Новую Элоизу* по нѣскольکو копѣекъ за часъ нетерпѣливой и небогатаго публикѣ.

Романъ этотъ, то травяльный до тошноты, то выпренный до самой пошлой сентиментальности, — низменно вращающійся отъ начала до конца въ скучномъ и душномъ мірѣ интимной исторіи двухъ чувствительныхъ сердецъ, любящихъ и кающихся, — болѣе всѣхъ другихъ произведеній Руссо проникнуть своеобразною атмосферою поразившаго его мѣста и времени. Современному читателю только исторія литературы можетъ пояснить, что *Новую Элоизу* Руссо даетъ, такъ-сказать, первый опытъ на помѣченный выше вопросъ. Намѣреніе автора было показать, что въ сердцѣ человѣка, даже низшаго, теплится загадочный свѣточъ, который одинъ способенъ охранить человѣка, а слѣдовательно, и человѣчество, ото всякаго зла и грѣха и изъ всякихъ мрачныхъ лабиринтовъ вывести насъ на чистый и свѣтлый путь, заботливо приготовленный благимъ Провидѣніемъ. Свѣточъ этотъ — непосредственное чувство, слѣпая, неразсуждающая страсть. Отбросьте всякую черствую догматику, презирайте близорукій, вѣчно-сомнѣвающийся разумъ, прислушайтесь къ одному только голосу сердца въ маленькихъ, какъ и въ великихъ дѣлахъ — и все пойдетъ какъ по маслу въ этомъ лучшемъ изъ міровъ, хотя и соскочившемъ съ шиповъ «природнаго состоянія». Какъ реакція противъ вѣковаго обузданія плоти и страстей, противъ схоластической догматики, мораль эта была, дѣйствительно, чревата освободительными послѣдствіями; нельзя не замѣтить, однако-же, что уже во второй половинѣ прошлаго столѣтія она явилась съ свѣтъ нѣсколько заднимъ числомъ. Но какъ рѣшеніе вышепомянутой задачи, какъ окончательный выводъ изъ основъ, уже твердо намѣченныхъ Жанъ-Жакомъ, — она слишкомъ была въ глаза своею несостоятельностью. Въра въ непогрѣшимость страстей законна и послѣдовательна въ міровоззрѣніи, признающемъ безусловную святость и благодѣтельность природы, которой, какъ мы уже знаемъ, Руссо не признавалъ, чѣмъ и выдѣлялся изъ такъ-называемой «натуралистической» фракціи энциклопедистовъ. Но даже и при этой спасительной поддержкѣ, страсть не можетъ быть противопоставляема разуму, а еще менѣе — превозносима выше его, такъ-какъ она достигаетъ самаго пышнаго своего расцвѣта только тогда,

когда переносится на продуктъ разумности—на идею. Немудрено, что, лишенный этой поддержки, авторъ *Новой Элоизы* самъ путается въ своей морали, не можетъ удобопонятно и ясно провести ее до конца этого своего неудавшагося произведенія; и можно только подивится той жизненности, съ которою Руссо почти тотчасъ-же бросаетъ ее, чтобы перейти къ чему-то новому, мастерски-намѣченному имъ во второмъ своемъ романѣ—въ *Эмиль*.

Разбирать въ настоящее время это знаменитое произведеніе Руссо съ точки зрѣнія преподаваемыхъ въ немъ педагогическихъ принциповъ, было-бы съ нашей стороны непростительнымъ анахронизмомъ, такъ-какъ современному читателю книга эта неизбежно должна показаться сотканною на половину изъ общихъ мѣстъ, на половину-же изъ парадоксовъ, давно утратившихъ всякую пикантность. О громадномъ и благодѣтельномъ значеніи Руссо какъ преобразователя домашняго и общественнаго воспитанія во всей Западной Европѣ уже такъ много было говорено, что мы считаемъ своею обязанностью даже вовсе не касаться здѣсь этого предмета. *Эмиль* интересуетъ насъ только какъ памятникъ одного изъ интереснѣйшихъ переходныхъ моментовъ въ исторіи міровоззрѣнія самого автора. Въ этомъ отношеніи *Эмиль* несомнѣнно раздѣляетъ участь всѣхъ знаменитыхъ произведеній, о которыхъ всѣ говорятъ, но которыя мало кто читаетъ. Руссо, по своему обыкновенію, начинаетъ свой поучительный романъ однимъ изъ тѣхъ «пистолетныхъ выстрѣловъ», къ которымъ онъ до конца своихъ дней питалъ нѣсколько юношеское пристрастіе: «*все прекрасно, выходя изъ лона природы; все портится, проходя черезъ руки чловѣка*». Это начало и до сихъ поръ еще слишкомъ многихъ вводитъ въ заблужденіе какъ насчетъ преклоненія Руссо передъ природною просфѣтою, такъ и относительно эмилевскаго воспитанія, заключающагося будто-бы въ умышленномъ отсутствіи всякаго воспитанія и въ представленіи этого труднаго дѣла самому ребенку и природѣ. Онъ, точно, говорилъ (не въ *Эмиль*, а въ бесѣдахъ съ г-жею д'Эпинн), что природа мастерски умѣетъ воспитывать маленькихъ дикарей, предназначенныхъ для того, чтобы жить въ «природномъ состояніи», но только благодаря тому, что въ этомъ состояніи «люди имѣютъ только такія потребности, которыя непременно должны быть удовлетворены подѣ страхомъ смерти», что въ ближнемъ своемъ природный чловѣкъ «видитъ только врага, противъ котораго надо, во что-бы то ни стало, отстаивать себя, или-же самому быть убитымъ». Т. е., собственно говоря, въ природномъ состояніи нѣтъ никакого воспитанія. Руссо повто-

ряетъ это на всевозможные лады и не упускаетъ, конечно, столь удобнаго случая пожалѣть о томъ, что природное состояніе это безвозвратно прошло; но онъ нигдѣ и никогда не пытается возродить его при помощи какой-бы то ни было, всего-же менѣе своей эмилевской системы воспитанія. Самое слово воспитаніе, по его совершенно справедливому мнѣнію, значить уже искусственность, принаровленіе природныхъ явленій къ условнымъ общественнымъ и личнымъ цѣлямъ. Главнѣйшая трудность педагогической задачи, говоритъ онъ,—проистекаетъ прежде всего изъ того, что «природа вовсе не создала родителей для того, чтобы они воспитывали дѣтей, какъ не создала дѣтей для того, чтобы ихъ воспитывали». Основы хорошаго воспитанія (это подлинное его выраженіе, заимствованное изъ его бесѣдъ съ г-жею Эпинъ, въ которыхъ вкратцѣ изложены тѣ-же самыя мысли, которыя гораздо полнѣе развиты въ первыхъ четырехъ книгахъ Эмиля)... основы хорошаго воспитанія не находятся въ природѣ. Наше воспитаніе должно быть основано на общественныхъ соображеніяхъ, всегда условныхъ, нерѣдко странныхъ, противурѣчивыхъ, несообразныхъ то съ природными склонностями ребенка, то съ общественнымъ положеніемъ родителей... Конечно, педагогъ долженъ учиться у природы трудному искусству достигать намѣченныхъ цѣли; но только въ очень раннемъ возрастѣ, пока жизнь ребенка ограничивается только одними растительными и животными процессами, онъ считаетъ лучшимъ такое воспитаніе, которое воспитываетъ всего меньше и предоставляетъ какъ можно больше простора непосредственнымъ природнымъ влияніямъ. «Пока ребенокъ доступенъ однимъ только ощущеніямъ», учитъ Руссо въ первой книгѣ Эмиля, «устройте такъ, чтобы отовсюду онъ видѣлъ вокругъ себя только явленія физическаго міра. Безъ этого вы можете быть увѣрены, что ребенокъ или вовсе не станетъ слушаться васъ, или-же у него сложатся съ самыхъ раннихъ лѣтъ причудливыя представленія о нравственномъ мірѣ, въ который вы его преждевременно вводите; и эта ошибка не исправится уже потомъ за цѣлую его жизнь».—Но воль скоро сознаніе начинаетъ пробуждаться въ ребенкѣ отъ своей космической спячки, съ тѣмъ вмѣстѣ начинается и роковой контрастъ между природными влеченіями ребенка и условностью той среды, въ которой ему приходится дѣйствовать и жить. Въ *Новой-Элоизѣ* Руссо еще вѣрить въ непосредственное чувство, служащее спасительнымъ оѣвѣточемъ и надежнымъ руководителемъ человѣчества во всѣхъ житейскихъ тревоженіяхъ. Въ *Эмиль* онъ уже пошелъ дальше: порядочный воспитатель не можетъ *предоставлять* своему питомцу жить

сообразно съ одними только природными своими влеченіями и склонностями; онъ долженъ его *учить* жить. Цѣль, которую должно преслѣдовать порядочное воспитаніе, намѣчена у Руссо такъ вѣрно, что всѣ послѣдующіе педагоги, въ теченіи болѣе ста лѣтъ, только повторяли ее на всевозможные лады, такъ-что теперь она весьма естественно звучитъ уже для насъ общимъ мѣстомъ. «Родители могутъ предназначать своего ребенка, къ военной, къ духовной, къ судейской или всякой другой профессіи; но природа прежде всего предназначила его быть человѣкомъ. Своего воспитанника я научу жить. Выйдя изъ моихъ рукъ онъ не будетъ,—я согласенъ,—ни офицеромъ, ни судьей, ни священникомъ: онъ будетъ, прежде всего, человѣкомъ... и сколько-бы перемѣнчивая судьба не гоняла его съ мѣста на мѣсто, онъ вездѣ окажется на своемъ».

Но обезпечила-ли природа педагогу достиженіе этой «естественной» цѣли? По мнѣнію Руссо, высказанному и въ *Эмиль* и во многихъ другихъ его произведеніяхъ—нѣтъ, и сто разъ нѣтъ. Даже допуская непогрѣшимость природы, Руссо признаетъ, что непогрѣшимость эта кончается за предѣломъ «природнаго состоянія», за которымъ только и начинается какъ хорошее воспитаніе,—т. е. то, которое дѣлаетъ своего питомца *человѣкомъ*,—такъ и дурное воспитаніе,—т. е. то, которое дѣлаетъ его *ничтожествомъ* или *буржуа*. Все это подлинныя выраженія самого автора. Но чтобы стать человѣкомъ въ общественной средѣ, *Эмиль* съ самаго ранняго дѣтства долженъ быть, такъ-сказать, опутанъ со всѣхъ сторонъ хитросплетенною сѣтью всевозможныхъ условностей; воспитатель обращается для него въ благое провидѣніе, направляющее и регулирующее рѣшительно каждый его шагъ; такъ-что эмилевскую систему гораздо основательнѣе можно упрекнуть въ чрезмѣрно усложненной искусственности и придуманности; а никакъ не въ представленіи слишкомъ широкаго простора самодѣятельности ребенка и природѣ. Но и при всемъ томъ, считаетъ-ли Руссо возможнымъ достиженіе вѣрно намѣченной цѣли одними только педагогическими средствами?—Вотъ что говоритъ онъ по этому поводу г-жѣ д'Эпинэ, требующей отъ него практическихъ указаній относительно воспитанія своего сына. «Чтобы достичь того, что вы хотите, необходимо прежде всего начать съ передѣлки самаго общества. Безъ этого фундаментальнаго условія, вы будете на каждомъ шагу внушать вашему сыну много очень хорошихъ и мудрыхъ принциповъ, которые послужатъ не на пользу ему, а на погибель... Воспитаніе только тогда будетъ давать дѣйствительно хорошіе результаты, когда частныя выгоды на столько сольются съ выгодами

общественными, что станетъ убыточно для каждаго быть порочнымъ; а этого мы еще не видимъ нигдѣ... Пока воспитаніе народа дурно, воспитаніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть хорошо, и имъ придется тратить молодость на заучиваніе того, что необходимо будетъ забывать въ зрѣломъ возрастѣ» (см. *Мемуары и-жи д'Эпинэ* за 1757 г.).

Руссо очень высоко цѣнилъ воспитаніе классической Греціи, которую, правда, онъ видѣлъ подѣ нѣсколько фантастическимъ угломъ; но восхвалялъ онъ его не за предполагаемую близость этого воспитанія къ природѣ, а за то поглощеніе «природнаго чловѣка» общественнымъ, т. е. гражданиномъ, которое онъ считаетъ отличительною его чертою. Это же преимущество классическаго воспитанія передъ нынѣшнимъ, по совершенно справедливому замѣчанію автора *Эмиля*, кроется не въ превосходствѣ педагогическихъ системъ грековъ, а въ ихъ общественныхъ учрежденіяхъ. На 28 и 29 стр. I книги *Эмиля* мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя слова, которыя, однако, должны-бы вывести изъ заблужденія тѣхъ, которыя воображаютъ себѣ Руссо демократическимъ циникомъ, видящимъ исцѣленіе общественныхъ золъ въ возвращеніи къ какому-то идеализированному первобытному или природному состоянію: «лучшія общественныя учрежденія», говоритъ онъ, — тѣ, которыя всего болѣе преобразовываютъ чловѣка (онъ даже выражается: *qui savent le mieux dénaturer l'homme*), отнимаютъ абсолютное его бытіе (т. е. бытіе «по природѣ»), давая ему въ замѣнъ относительное (т. е. общественное или гражданское) бытіе; поглощая его личное я въ собирательномъ единствѣ; такъ-что всякій частный чловѣкъ перестаетъ считать себя обособленнымъ, а сознаетъ себя частью дѣлага и уязвимъ только въ цѣломъ».

Руссо говоритъ о *Республикѣ* Платона, что ее напрасно считаютъ за политическое произведеніе, такъ-какъ она въ сущности—прекраснѣйшій педагогическій трактатъ изо всѣхъ, когда-либо появившихся въ свѣтѣ. Мы же замѣтимъ относительно *Эмиля*, что его ошибочно было-бы принимать за сводъ педагогическихъ рецептовъ для домашняго или общественнаго воспитанія, такъ-какъ романъ этотъ по преимуществу политическій. Въ представленіи Руссо *Эмиль* не школьникъ, заботливо воспитываемый по правиламъ мудрой педагогической теоріи, будто-бы изобрѣтенной его авторомъ; Эмиль это все чловѣчество, живущее сперва абсолютною жизнью «по природѣ», въ тѣ ранніе годы, когда вся жизнь его исчерпывается одними животными и растительными процессами; затѣмъ, переходящее къ относительному, т. е. общественному бытію, въ которомъ онъ можетъ

преуспѣвать не иначе, какъ подъ двойнымъ условіемъ: во-1-хъ, общественныхъ учрежденій, которыя поглощали-бы узкое личное я въ сознаниі коллективнаго единства; во-2-хъ, благодѣтельнаго провидѣнія, которое руководило-бы каждымъ его шагомъ, начиная, такъ-сказать, съ минуты его рожденія къ общественной или гражданской жизни, кончая... Впрочемъ, Руссо не указываетъ конца, такъ-какъ воспитаніе его героя не прекращается ни съ его вступленіемъ въ бракъ, ни даже съ наступленіемъ для него зрѣлаго возраста.

Замѣчательно, что именно этотъ *Эмилъ*, въ которомъ провиденціальныи оптимизмъ Руссо открыто выступаетъ въ первый разъ въ руководящей роли историческаго развитія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ произведеніемъ автора мемуара о неравенствѣ межъ людьми, навлекшимъ на него политическія преслѣдованія въ католической Франціи, а въ протестантской Женеvѣ—осужденнымъ на сожженіе за нечестіе.

V.

Для героя педагогическаго романа Руссо, благодѣтельное провидѣніе воплощается ежечасно въ лицѣ заботливаго воспитателя, внимательно слѣдящаго за каждымъ его шагомъ, ежечасно подтасовывающимъ для него всю окружающую дѣйствительность ради педагогическихъ соображеній. Этимъ собственно и ограничивается вся фиктивная или романическая часть этого произведенія. Но какъ-же быть человѣчеству, которое волею или неволею должно или само воспитывать себя, или-же отдать себя въ распоряженіе какаго-нибудь высшаго супронуaturalнаго педагога?

На этотъ-же вопросъ Руссо и отвѣчаетъ своимъ «*Contrat Social*», придающимъ его мировоззрѣнію замѣчательную, хоть и чисто-сектаторскую законченность и стройность. Разсматриваемое само по себѣ, это знаменитое произведеніе можетъ дать только разочарованіе современному читателю, знакомящемуся съ нимъ въ первый разъ и до сихъ поръ знавшему о немъ только по наслышкѣ. Исключительно-діалектическіе приемы Руссо, вѣчно скользящаго по юридической поверхности общественныхъ явленій, никогда не касаясь ихъ экономической сущности, оказываются рѣшительно устарѣвшими въ нашъ вѣкъ, пожалуй, даже болѣе, чѣмъ художественные приемы *Новой Элоизы*.

Самая форма «*Contrat Social*'а», напоминающая Макиавелли и итальянскихъ политикановъ, дѣлаетъ чтеніе его довольно

затруднительнымъ, несмотря на замѣчательныя красоты слога. Множество мыслей, превосходныхъ, глубокихъ, разсыпаны щедро рукою по отдѣльнымъ главамъ и рубрикамъ этого произведенія, безъ всякой связи между собою и нерѣдко въ открытомъ противорѣчii съ господствующимъ духомъ самого произведенія, съ цѣлою системою автора. Таковы, напримѣръ, всѣ замѣчанія Руссо о преимуществахъ маленькихъ республикъ, основанныхъ на самоуправленіи, со слабо-организованнымъ центральнымъ правительствомъ, неимѣющимъ даже своей столицы, а принужденномъ ежегодно перекочевывать изъ одного маленькаго городка въ другой; какъ это и дѣлалось въ Швейцаріи до преобразованія ея изъ «союза государствъ» въ «союзное государство»... Такія замѣчанія, подѣ которыми очень удобно могъ-бы подписаться любой изъ современныхъ крайнихъ федералистовъ, поражаютъ по меньшей мѣрѣ неожиданностью на страницахъ трактата, справедливо считающагося и до сихъ поръ самымъ полнымъ и исключительнымъ кодексомъ всепоглощающей демократически-централизованной государственности. Нерѣдко немногими словами въ началѣ какого-нибудь отдѣла Руссо какъ-будто самъ строго и безъапелляціонно осуждаетъ абсолютистскій тонъ, господствующій во всѣхъ его отдѣлахъ. Таковы, напримѣръ, его слова о бесплодности стремленій опредѣлить разъ навсегда лучшую изъ правительственныхъ формъ, такъ-какъ не существуетъ такого правительства, которое могло-бы быть хорошо или дурно вездѣ и всегда, безъ соотношенія къ обстоятельствамъ времени и мѣста. Отрицательная сторона всегда хороша безукоризненно, и Жанъ-Жаку часто удается теоретически покончить на вѣкъ съ иными угнетающими заблужденіями и фикціями, которыя многими другими, болѣе глубокомысленными и менѣе талантливими публицистами бесплодно пережевываются въ теченіи цѣлыхъ столѣтій. Таковы его небольшіе отдѣлы, напримѣръ, о рабствѣ, о «правѣ силы». Определенія Руссо блестятъ законченностью и щеголеватю простотою, о которой читателю дадутъ нѣкоторое понятіе нижеслѣдующія выписки изъ I-й книги «Contrat Social.»:

§ 1. «Человѣкъ рожденъ, чтобы быть свободнымъ, а вездѣ мы его видимъ въ цѣпяхъ. Иной, воображающій себя властелиномъ надъ другими, въ дѣйствительности болѣе рабъ чѣмъ повинующіеся ему. Какъ случилось это превращеніе? я не знаю. Но что можетъ сдѣлать его законнымъ?—Этотъ вопросъ, мнѣ кажется, я могу разрѣшить».—«Если-бы я принималъ въ соображенію только силу и истекающія изъ нея всѣ дѣйствія, я-бы сказалъ: пока народъ поставленъ въ необходимость повиноваться,

пусть повинуется; но коль скоро является возможность стряхнуть подавляющее его иго, пусть онъ свергаетъ его; потому что, возвращая себѣ свободу на томъ-же основаніи, на которомъ она была отнята у него,—или онъ имѣетъ на нее право, или у него не имѣли право ее отнять. Но мы должны сообразоваться не только съ силою, а также съ общественнымъ порядкомъ, который служить основою святому праву. Это право не исходитъ изъ природы; слѣдовательно, оно опирается на взаимномъ соглашеніи (*sur des conventions*). Разслѣдуемъ-же это соглашеніе»...

§ 5. «... Когда множество людей, разъединенныхъ между собою, подчинены одному, то,—сколько-бы ихъ не было,—я вижу только хозяина и рабовъ; но они не составляютъ народа. Это, если хотите, агрегація, но не общество: нѣтъ ни общественныхъ интересовъ, ни политическаго тѣла! Человѣкъ, которому удалось-бы подчинить себѣ даже цѣлую половину человѣческаго рода, остался-бы все-таки частнымъ лицомъ»... «Гроціусъ говоритъ, что народъ можетъ отдаться своему повелителю; слѣдовательно и Гроціусъ признаетъ, что народъ долженъ прежде конституироваться и только потомъ уже можетъ не брать себѣ вождя. Всего прежде, слѣдовательно, мы должны рассмотреть тотъ актъ, въ силу котораго народъ становится народомъ,—актъ, необходимо предшествующій избранію вождя и служащій дѣйствительною основою общественности»...

§ 6. «Когда люди приходятъ къ тому предѣлу, за которымъ препятствія, мѣшающія ихъ благоденствію въ природномъ состояніи, начинаютъ уже превышать единичную силу каждаго, тогда природное состояніе не можетъ уже продолжаться: они должны или погибнуть, или перейти къ новому состоянію»... Тогда, говоритъ Руссо,—возникаетъ вопросъ: «требуется найти такую форму ассоціаціи, которая всею силою коллективности ограждала-бы личность и благо каждаго члена, и при которой каждый, объединяясь со всѣми другими, подчинялся-бы только себѣ самому и сохранялъ-бы всю свою прежнюю свободу. Это основную задачу и долженъ разрѣшить общественный договоръ» и т. д...

Объ общественномъ договорѣ Руссо говорено и писано уже очень много. Тѣмъ не менѣе, если-бы мы задумали дать нашимъ читателямъ сколько-нибудь опредѣленный отчетъ объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, мы должны-бы были ему одному посвятить цѣлый очеркъ. Торопясь къ концу, мы только вкратцѣ покажемъ какимъ образомъ «*Contrat Social*» досказываетъ и заканчиваетъ мировоззрѣніе Руссо, послѣдовательное развитіе котораго мы прослѣдили шагъ за шагомъ.

Руссо нашель, наконецъ, того руководителя, того верховнаго педагога, который выведеть человечество ихъ мрачнаго лабиринта «общественнаго состоянія», смѣняющаго «первобытное состояніе» роковою чередою. Педагогъ этотъ—«Божество, могучее, разумное, благодѣтельное, предусмотрительное и пекущееся обо всѣхъ». Въ него обязуется вѣрить каждый гражданинъ ассоціаціи, основанной на общественномъ даговорѣ; точно также онъ обязуется вѣрить «въ будущую жизнь, въ блаженство праведниковъ и въ наказаніе злыхъ, въ святость общественнаго договора и законовъ» (см. послѣднюю главу «*Contrat Social*»). Непризнающій этихъ догматовъ «изгоняется, не какъ невѣрующій, а какъ необщительный человекъ, неспособный искренно любить правду, законъ, и въ случаѣ надобности пожертвовать своею жизнью для исполненія долга».—Робеспьеръ—этотъ «дѣйствующій Руссо» — нѣсколько лаконичнѣе говорилъ: *атеизмъ аристократиченъ* и посылалъ Анахарсиса Клотда на эшафотъ, какъ безбожника.—Но какимъ-же образомъ Божество, по ученію Руссо, проявляетъ себя въ человечествѣ?—Путемъ постояннаго своего проявленія въ большинствѣ, въ народныхъ массахъ, вдохновенный голосъ которыхъ потому и долженъ быть почитаемъ свѣше голоса всякихъ мудрецовъ. Система Руссо—это фанатическій культъ всенароднаго голосованія. Руссо никогда не понималъ раздѣленія свѣтской и гражданской власти. «Изъ всѣхъ христіанскихъ философовъ, говоритъ онъ,—одинъ Гоббсъ ясно видѣлъ зло и указывалъ единственное вѣрное противъ него средство—соединеніе двухъ головъ царственнаго орла въ одну и сведеніе всего къ политическому единству»... Нигдѣ и никогда еще представленіе о государствѣ не было развито до такой чудовищной, всеобъемлющей полноты, и подъ фирмою *республики общественнаго договора* Руссо организовалъ воинствующую церковь демократа. Въ его ученіи все стройно, все закончено, все тѣсно сплочено одно съ другимъ; къ тому-же оно не оставляетъ незатронутою ни одной изъ сторонъ, бывшихъ живыми въ его времена въ массахъ западно-европейскаго населенія. Оно не низвергало старыхъ кумировъ, оставляя на мѣстѣ ихъ всегда тревожную для робкихъ умовъ пустоту; но оно переносило консервативныхъ боговъ въ революціонный лагерь; оно переводило на новый, живой языкъ литаніи и напѣвы, къ которымъ ухо насило успѣло привыкнуть въ теченіи долгихъ вѣковъ и которыя, вслѣдствіе этой привычки, начинали уже дѣйствовать усыпительно...

3-го іюля 1778 г. Руссо внезапно умеръ на 66-мъ году отъ роду, отъ нервнаго удара или отъ отравы. Не прошло и пят-

надцати лѣтъ, и ученіе его, усвоенное сотнею тысячъ свѣжихъ и пылкихъ умовъ, пронеслось могучею бурею по всей Западной Европѣ... Такія стройныя и цѣлостныя ученія всегда живучи, безо всякаго отношенія къ ихъ философской состоятельности. Легко повѣрить, что это боевое демократическое міровоззрѣніе разыграетъ еще и въ будущемъ довольно видную роль въ жизни народныхъ массъ; труднѣе понять, что многіе книжные мудрецы, размѣнявъ этотъ самородокъ на мѣдные гроши, пробиваются осколками и крупницами его въ теченіи цѣлаго столѣтія.

Л. Мечниковъ.

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА XIII.

Отъ Казимлинской до Аквинской битвы.

Публий Вариній былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти, плебей по происхожденію. Онъ началъ свою службу солдатомъ и достигъ званія претора, исключительно благодаря собственнымъ заслугамъ. Дѣйствительно, трудно было найти человекъ, который представлялъ-бы болѣе совершенный типъ римскаго солдата. Онъ былъ скромнень въ пищѣ и питьѣ, неприхотливъ, привыченъ къ холоду, зною, усталости и всевозможнымъ лишеніямъ, молчаливъ, угрюмъ и чрезвычайно храбръ. Если-бы въ придачу ко всѣмъ этимъ достоинствамъ Вариній обладалъ соответствующимъ умомъ и образованіемъ, то изъ него навѣрное вышелъ-бы полководецъ, консулъ, триумфаторъ. Но, къ несчастію, умственные способности стараго воина не отличались ни блескомъ, ни глубиной, такъ-что послѣ двадцати восьми лѣтъ службы онъ достигъ только званія претора, да и то лишь благодаря основательному знанію военнаго устава, безупречной исполнительности и честности, возбуждавшихъ къ нему симпатію въ средѣ товарищей и уваженіе со стороны начальниковъ.

Свое военное поприще Вариній началъ восемнадцати лѣтъ въ

рядахъ легионовъ, выступившихъ подъ начальствомъ Марія противъ Кимбровъ и Тевтоновъ. Въ этой войнѣ онъ отличился; получилъ гражданскую корону и чинъ опціона. Затѣмъ, онъ участвовалъ въ греческихъ походахъ Суллы, во фракійской войнѣ и во многихъ другихъ войнахъ, и теперь возвращался въ Римъ намѣреваясь отправиться вмѣстѣ съ консуломъ Авреліемъ Коттою въ походъ противъ Митридата. Но когда Вариній прибылъ въ Римъ, Котта уже выступилъ изъ города, а другой консулъ Лукуллъ уже набралъ всѣхъ офицеровъ своего войска. Однако, желая воспользоваться опытностью Варинія, котораго онъ также очень цѣнилъ, Лукуллъ предложилъ его въ кандидаты на должность претора Сициліи, такъ-какъ на обязанности этого сановника лежало подавление позорнаго возстанія рабовъ.

Таковъ былъ человѣкъ, выступившій семнадцатаго дня передъ іюльскими календами 680-го года изъ капуанскихъ воротъ противъ гладіаторовъ, предводимыхъ Спартакомъ. Подъ командой Варинія находился легионъ или шесть тысячъ человѣкъ тяжелой пѣхоты, тысяча человѣкъ *велитовъ* *), шестьсотъ пращниковъ и триста всадниковъ, присоединенныхъ къ отряду Варинія по настоянію Лукулла, понимавшаго необходимость конницы въ такого рода войнѣ. Всего у Публія Варинія было восемь тысячъ человѣкъ, молодыхъ, сильныхъ, прекрасно вооруженныхъ. Квесторомъ его былъ Кней Фурій, человѣкъ лѣтъ тридцати-пяти, хабрый, умный, искусный въ военномъ дѣлѣ, но въ высшей степени разгульный и развратный. Первымъ изъ трибуновъ былъ нѣкій Лелій Коссиній, человѣкъ лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, участвовавшій въ пятидесяти-семи сраженіяхъ, ста-двадцати стычкахъ, одиннадцати осадахъ. Онъ получилъ двадцать-двѣ раны и три короны, но въ теченіи тридцати двухъ лѣтъ службы не могъ подняться выше званія трибуна по причинѣ своей тупости и крайняго невѣжества. Намъ еще придется встрѣтиться съ нимъ впоследствии.

Послѣ трехдневнаго форсированнаго марша Публій Вариній прибылъ въ Гаету, гдѣ и остановился лагеремъ. Затѣмъ, призвавъ къ себѣ Павла Тибуртина, начальника своей кавалеріи, онъ при-

*) Легкая пѣхота—нѣчто вродѣ стрѣлковъ, вооруженныхъ кожанымъ шлемомъ, маленькимъ щитомъ, мечемъ и дротиками и сражавшихся въ разсыпную.

казалъ ему пробраться до Капуи и собрать подробныя и точныя свѣденія о мѣстѣ, гдѣ укрѣпились возставшіе рабы, объ ихъ численности, вооруженіи и, если возможно, объ ихъ планахъ и намѣреніяхъ.

Молодой Тибуртинъ исполнилъ данное ему порученіе съ благо-разуміемъ и смѣлостью, достойными его славнаго будущаго. Онъ проникнулъ не только до Капуи, но даже до Кумъ, Геркуланума, Неаполя и самой Помпеи, повсюду собирая отъ римскихъ властей и мѣстныхъ жителей необходимыя свѣденія о непріятелѣ. Черезъ четыре дня онъ вернулся въ лагерь Варинія, загнавъ своихъ коней, но приобрѣтя множество важныхъ свѣденій о положеніи войска гладіаторовъ. Отъ него преторъ узналъ, что число возставшихъ рабовъ достигло уже десяти тысячъ, что они вооружены и обучены по-римски и расположены лагеремъ близъ Нолы, откуда дѣлаютъ набѣги на окрестности, но, очевидно, намѣрены остаться здѣсь надолго и ждать нападенія римлянъ, такъ-какъ окружили свой лагерь высокими валомъ и частыми доломъ.

Вслушавъ эти извѣстія, Вариній заперся въ своей палаткѣ и послѣ долгаго размышленія рѣшился раздѣлить свои силы на двѣ части и вести ихъ двумя почти параллельными дорогами, чтобы напасть на гладіаторскій лагерь съ двухъ сторонъ разомъ. Такимъ способомъ онъ рассчитывалъ одержать надъ гладіаторами полную побѣду.

Поручивъ квестору Клею Фурію начальство надъ четырьмя когортами легіонеровъ съ соотвѣтствующимъ числомъ легкой пѣхоты, пращниковъ и всадниковъ, онъ приказалъ ему идти по Аппіевой дорогѣ до Синуэзы, гдѣ квесторъ долженъ былъ свернуть на проселочную дорогу, дойти до маленькаго городка Ателлы и тамъ ожидать дальнѣйшихъ приказаній. Вариній рассчитывалъ, что въ то время, какъ его квесторъ будетъ совершать свой маршъ, онъ успѣетъ обойти лагерь гладіаторовъ съ тылу, слѣдуя по дорогѣ, ведущей черезъ Кавдинскія ущелья. Такимъ образомъ онъ хотѣлъ ударить на гладіаторовъ съ тыла, въ то самое время, какъ Фурій бросится на нихъ съ фронта.

Планъ этотъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать дурнымъ. Весь вопросъ заключался въ томъ, не вздумаетъ-ли Спартакъ покинуть свой лагерь. Но Вариній считалъ какой-бы то ни

было поступокъ, обнаруживающій военную предусмотрительность, совершенно невозможнымъ со стороны Спартака.

Лишь только Спартакъ узналъ о приходѣ Варинія въ Гаэту, онъ тотчасъ-же снялся съ лагеря и послѣ двухъ дней форсированнаго марша, не щадя ни себя, ни своихъ солдатъ, дошелъ до Линтерна.

Тѣмъ временемъ квесторъ Кней Фурій, слѣдуя по Домиціановой дорогѣ, дошелъ до Триферна и здѣсь узналъ чрезъ своихъ развѣдчиковъ, что Спартакъ во главѣ всего своего войска находится въ Линтернѣ, отстоявшимъ отъ него не больше, чѣмъ на одинъ день пути.

Кней Фурій, храбрый солдатъ, не задумался-бы помѣряться съ любимъ изъ гладіаторовъ, въ томъ числѣ и со Спартакомъ, и даже прежде всего со Спартакомъ. Но получивъ отъ начальника опредѣленную инструкцію, онъ рѣшилъ въ точности выполнить ея. Поэтому онъ уклонился отъ битвы, такъ-какъ не могъ рассчитывать на полную побѣду надъ въ четверо сильнѣйшимъ непріателемъ. Но отступить назадъ было-бы постыдно и къ тому-же такое движеніе не оправдывалось требованіями благоразумія, потому-что въ то время, какъ онъ сталъ-бы отступать къ Лаціуму, Спартакъ очень легко могъ перерѣзать ему дорогу и истребить его отрядъ. Во избѣжаніе этого, молодой квесторъ рѣшился свернуть съ большой консульской дороги нѣсколько въ лѣво, намѣреваясь дойти до Кальви, откуда въ одинъ переходъ можно-было достигнуть Капуи и соединиться съ гарнизономъ этого города.

Если-бы Спартакъ вздумалъ продолжать путь на Лаціумъ, то Кней Фурій рассчитывалъ во время соединиться съ Вариніемъ, ударить на гладіаторовъ въ тылъ и разбить ихъ на голову.

Если-же Спартакъ повернетъ назадъ, то Фурій всегда имѣлъ-бы возможность исполнить данное ему предписаніе, либо снова вернувшись на Домиціанову дорогу, либо, пройдя изъ Капуи по преторской *) дорогѣ до Аталены, гдѣ ему приказано было ждать дальнѣйшихъ приказаній Варинія.

Всѣ эти разсужденія и рѣшеніе свернуть съ большой дороги,

*) Дороги у римлянъ были трехъ родовъ: военныя, консульскія и преторскія.

были какъ нельзя болѣе основательны и самъ Помпей Великій не могъ-бы ничего противъ нихъ возразить.

Приказавъ сняться съ лагеря за два часа до восхода солнца, Фурій въ полномъ порядкѣ двинулся къ Кальви, пославъ предварительно впередъ по Домиціановой дорогѣ трехъ переодѣтыхъ крестьянами развѣдчиковъ, которые должны были нарочно по-пасться Спартаку и на свой страхъ и рискъ обмануть его ложными свѣденіями, будто Фурій со всѣмъ своимъ отрядомъ повернулъ назадъ къ Гаэтѣ.

А между тѣмъ Спартакъ, узнавъ чрезъ своихъ развѣдчиковъ, что у Триферна стоитъ лагеремъ часть римскихъ силъ, тотчасъ же понялъ, какую непростительную ошибку сдѣлалъ Вариній, раздѣливъ свои войска и догадался о намѣреніи его напасть на него съ двухъ сторонъ. Немедля ни минуты онъ рѣшился броситься въ середину между обоими отрядами и разбить ихъ оба, кинувшись сперва на одинъ, потомъ на другой.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ качествъ Спартака, какъ полководца, которому онъ обязанъ былъ большею частью своихъ блистательныхъ побѣдъ, была быстрота, съ которой онъ соображалъ обстоятельства своего положенія, рассчитывалъ, угадывалъ, что ему слѣдуетъ дѣлать и немедленно приводилъ свои рѣшенія въ исполненіе. Съ другой стороны отличительной особенностью его военнаго генія было искусство, примѣняться къ обстоятельствамъ. Будучи глубокимъ знаткомъ и горячимъ поклонникомъ римской тактики и военнаго строя, онъ никогда не придерживался свойственнаго многимъ римскимъ полководцамъ педантизма въ слѣдованіи разнымъ стратегическимъ правиламъ и приѣмамъ, всегда сообразуя свои движенія, эволюціи и планы съ очертаніемъ почвы, положеніемъ непріятельскихъ силъ и съ мѣстными обстоятельствами. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить только съ Наполеономъ.

Но возвратимся къ нашему разсказу. Спартакъ сдѣлалъ все, какъ предполагалъ: краткой рѣчью одушевивъ своихъ товарищей, онъ двинулся вмѣстѣ съ ними по труднымъ преселочнымъ дорогамъ и дошелъ до Волтурна, катающаго свои шумныя волны среди холмовъ Капуи и Казелина.

Слѣдствіемъ этого движенія было то, что на зарѣ, въ то самое время, какъ квесторъ Фурій подходилъ къ Кальви, Спар-

такъ приближался къ Капуѣ и остановился въ трехъ миляхъ отъ города, чтобы дать передохнуть солдатамъ. Съ улыбкой выслушалъ онъ отчетъ своихъ развѣдчиковъ о переполохѣ, произведенномъ его приближеніемъ въ этомъ городѣ парикмахеровъ, и часа черезъ два приказалъ снова двинуться въ путь по дорогѣ въ Казилинумъ, куда и прибылъ вечеромъ того-же дня почти въ тотъ-же самый часъ, какъ квесторъ Фурій входилъ въ Кальви.

Испуганные неожиданнымъ появленіемъ гладіаторской арміи, казилинцы тотчасъ-же выслали на встрѣчу Спартаку депутатовъ съ ключами отъ города. Поставивъ стражу у воротъ и занявъ городъ одной кагортой, Спартакъ вывелъ свое войско въ открытое поле и приказалъ разбить лагерь какъ-разъ по дорогѣ въ Кальви.

Слѣдуетъ сказать, что со времени пораженія Клавдія Глабра до высылки противъ него Публія Варинія, Спартакъ, имѣвшій полную возможность свободно колесить по всей Кампаньи, приказалъ выѣздить множество забранныхъ на лугахъ патриціевъ дикихъ коней и такимъ образомъ составилъ отрядъ кавалеріи въ шестьсотъ коней. Начальство надъ нимъ было поручено храброму и изящному Борториксу, уступившему Крису командованіе вторымъ легиономъ.

Лишь только разбивка лагеря была окончена, Спартакъ подзвалъ къ себѣ Борторикса и приказалъ ему на другой день рано утромъ раздѣлить пополамъ свой отрядъ съ цѣлью произвести рекогносцировку по двумъ дорогамъ, шедшимъ съ одной стороны на Трифернъ, съ другой — на Кальви. Оба отряда къ восходу солнца должны были вернуться въ лагерь и сообщить ему результатъ своихъ наблюденій.

Не успѣла еще заняться заря, какъ второй изъ отрядовъ, предводительный лично Борториксомъ, вернулся съ рекогносцировки, сообщивъ Спартаку къ величайшему его удивленію, что непріятель идетъ прямо на него. Въ первую минуту вождь гладіаторовъ не хотѣлъ вѣрить такому странному извѣстію, но послѣ новыхъ разспросовъ и минутнаго размышленія онъ понялъ все, что должно было случиться: тѣмъ временемъ, какъ онъ свернулъ съ Домиціановой дороги, чтобы пропустить Фурія и ударить ему въ тылъ римскій квесторъ свернулъ влѣво съ цѣлью уклониться отъ встрѣчи съ гладіаторами и пробраться проселками въ Капую. Такимъ

образомъ, желая избѣжать встрѣчи, оба предводителя совершенно неожиданно, хотя какъ нельзя болѣе естественно, столкнулись другъ съ другомъ на боковой дорогѣ.

Не медля ни минуты, Спартакъ приказалъ трубить сборъ и тотчасъ-же вывелъ въ открытое поле первый легіонъ, построивъ его къ бою въ двѣ линіи.

Передъ фронтомъ вытянулись цѣпью пращники и легкая пѣхота, которая должна была напасть на непріятеля, лишь только онъ покажется изъ-за сосѣднихъ холмовъ.

Второй легіонъ, раздѣленный на двѣ части, занялъ оба фланга боевой позиціи, значительно подвинувшись впередъ и укрываясь за естественными прикрытіями съ цѣлью во время самаго боя неожиданно напасть на римлянъ съ тылу и боковъ и окружить ихъ.

Солнце едва успѣло взойти, озаряя своими багровыми лучами желтые хлѣбные поля и зеленѣющіе виноградники, какъ римскій авангардъ показался изъ-за холмовъ. Въ ту-же минуту цѣлая туча дротиковъ и свинцовыхъ пуль полетѣла на него. Всадники быстро повернули назадъ и во всю прыть поскакали увѣдомить Фурія о приближеніи гладіаторовъ. Въ ту-же минуту Спартакъ, шедшій все время пѣшкомъ вмѣстѣ съ своими товарищами, приказалъ подать себѣ своего превосходнаго вороного коня и трубить атаку по всей линіи, желая напасть на врага прежде чѣмъ тотъ успѣетъ построиться въ боевой порядокъ.

Дѣйствительно, при неожиданномъ извѣстіи о приближеніи гладіаторовъ, Кней Фурій тотчасъ-же приказалъ своей колоннѣ остановиться и со спокойствіемъ, котораго никогда не теряютъ храбрые люди, выслалъ впередъ свою легкую пѣхоту и пращниковъ. Растянувшись на возможно большее разстояніе, чтобы не дать врагу возможности охватить себя съ фланговъ, они двинулись на встрѣчу гладіаторамъ, пока каторги выстраивались въ боевой порядокъ.

Несмотря на переполохъ, всегда сопровождающій неожиданныя нападенія, всѣ приказанія квестора были исполнены съ замѣчательной быстротою и въ полномъ порядкѣ.

Но не успѣли еще римляне выстроиться, какъ гладіаторы уже бросились на передовую ихъ линію. Пращники и стрѣлки храбро защищались нѣсколько времени, но не будучи въ состояніи выдержать напора силъ настолькоъ превосходныхъ, должны были отсту-

пить до самой подошвы холма, на которомъ Фуриій выстроилъ свои четыре кагорты.

Римскія трубы затрубили атаку и легіонеры, предводимые Фуриемъ, съ такою стремительностью ударили на враговъ, что тѣ, въ свою очередь, должны были податься назадъ. Но Спартакъ приказалъ трубить отбой и двѣ тысячи легко вооруженныхъ гладиаторовъ, пустивъ послѣдній дротикъ, очистили фронтъ, пройдя сквозь интервалы между наступающими кагортами своихъ товарищей, которые съ громкимъ крикомъ бросались на римлянъ. Вскорѣ по всему полю слышалось только сухой стукъ ударяющихся другъ о друга щитовъ, звонъ мечей и дикіе крики сражающихся.

Около получаса съ обѣихъ сторонъ дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ и съ равной доблестью. Но римляне слишкомъ много уступали врагамъ въ численности, такъ-что не могли долго выдерживать ихъ бѣшенатаго натиска. Весьма скоро легіонеры Фуриіа, поражаемые со всѣхъ сторонъ, начали подаваться, а въ это самое время Криссъ со вторымъ легіономъ вышелъ изъ своей засады, и въ одно мгновеніе, тѣснимые отовсюду, римляне обратились въ беспорядочное бѣгство. Однако, спаслись немногіе. Окруженные со всѣхъ сторонъ ужаснымъ кольцомъ мечей, они почти всѣ погибли почетной смертью, въ числѣ погибшихъ былъ и Фуриій.

Такъ-то кончилась эта несчастная битва, заслуживающая скорѣе названія Базилинскаго побоища.

На другой день послѣ этой новой побѣды, стоявшей гладиаторамъ весьма немногихъ потерь, Спартакъ приказалъ сняться съ лагера и двинулъ свое войско на Сидициніумъ черезъ Кальви. Дорога шла по крутымъ отрогамъ аппенинскихъ горъ и была такъ утомительна, что легіоны его совершенно изнеможенные прибыли къ вечеру въ этотъ городъ. Тотчасъ-же Спартакъ послалъ свою кавалерію по дорогѣ въ Теанисъ, находившійся всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Сидициніума, чтобы собрать справки о преторѣ Публии Вариніи, который по его расчетамъ, долженъ былъ пройти черезъ этотъ городокъ дня за два тому назадъ.

Вернувшись со своей рекогносцировки, развѣдчики сообщили Спартаку, что онъ почти не ошибся и что преторъ Вариній прошелъ черезъ Теанисъ только наканунѣ, направляясь на Алифисъ. Тогда фракіецъ рѣшилъ загородить дорогу претору, прежде чѣмъ онъ успѣетъ дойти до важныхъ городовъ и усилить свои войска

ихъ гарнизонами и вспомогательными отрядами. Съ этою цѣлю онъ двинулся внизъ по теченію Волтурна и послѣ восьмичасоваго форсированнаго марша прибылъ къ Кавдинскому ущелью. Тотчасъ-же онъ приказалъ перебросить черезъ ручей, значительно пересохшій вслѣдствіе жаркаго времени года, бревенчатый мостъ и, переправившись на противоположный берегъ, расположился лагерь на сильной позиціи по обѣимъ сторонамъ большой дороги.

Непріятель не замедлилъ появиться. На другой день около полудня по дорогѣ изъ Алифиса показались римскіе значки. Это былъ Вариній со своими кагортами. Спартакъ построилъ свое войско въ боевой порядокъ и вскорѣ началось сраженіе.

Жестока и кровопролитна была битва, продолжавшаяся до вечера. Римляне защищались съ необыкновенной храбростью, но, тѣснимые втрое сильнѣйшимъ непріателемъ, къ закату солнца начали въ беспорядкѣ отступать. Гладіаторы ударили на нихъ съ новою силою и вскорѣ отступление превратилось въ настоящее бѣгство. Легкая пѣхота Спартака бросилась во слѣдъ бѣгущимъ и гнала ихъ на протяженіи полумили. Но страхъ окрылялъ ноги римлянъ и вскорѣ они далеко оставили за собой своихъ преслѣдователей. Тогда Спартакъ приказалъ трубить отбой, и когда гладіаторы очистили фронтъ, онъ пустилъ въ атаку свою кавалерію, которая врѣзалась въ толпу бѣглецовъ, рубя ихъ на-право и на-лѣво *).

Болѣе двухъ тысячъ римлянъ погибло въ этой битвѣ при Кавдинскихъ ущельяхъ, вторично оказавшихся столь гибельными для римлянъ. Въ числѣ раненыхъ, превышавшихъ полторы тысячи человекъ, находился самъ Вариній и многіе изъ трибуновъ. Большая часть раненыхъ попала въ плѣнъ побѣдителямъ; но Спартакъ, обезоруживъ ихъ, отпустилъ всѣхъ на свободу, такъ-какъ большое количество плѣнныхъ могло причинить значительныя затрудненія для его арміи въ критическіе моменты.

Потери гладіаторовъ въ этой битвѣ были довольно велики. Около двухсотъ-пятидесяти человекъ погибло въ бою и около пяти-шести тысячъ выбыло изъ строя.

Полный отчаянія, Публий Вариній укрылся въ Алифисъ, чтобы собрать остатки своей арміи и здѣсь услышалъ печальную вѣсть

*) Плутархъ, Аппіанъ Александрійскій и проч.

объ окончательномъ пораженіи и смерти своего квестора. На другой день, опасаясь новаго нападенія, противъ котораго не имѣлъ ни малѣйшей надежды устоять, онъ быстро двинулся въ горы, проклиная гладіатора и всѣхъ боговъ неба и ада. Кампанія была предоставлена собственной участи.

Двѣ блистательныя побѣды, одержанныя въ теченіи трехъ дней, сильно увеличили обаяніе имени Спартака и глубоко взволновали всю южную Италію.

Отъ Кавдинскаго ущелья, не теряя времени, Спартакъ пошелъ на Каудіумъ, гдѣ его встрѣтилъ Брезовиръ—тотъ самый гладіаторъ, который по приказанію Крисса убилъ когда-то шпіона Корденія недалеко отъ кабака Венеры Погребальной. Брезовиръ съ пятьюстами товарищей бѣжалъ изъ школы Лентула Ватіата, несмотря на бдительный надзоръ римской полиціи.

По его-то совѣту Спартакъ рѣшился двинуться на Капую съ цѣлью добиться свободнаго выхода пяти тысячъ своихъ товарищей, все еще остававшихся въ школѣ.

Три дня спустя послѣ Кавдинской битвы Спартакъ, во главѣ своей десятитысячной арміи, расположился лагеремъ подъ стѣнами Капуи и тотчасъ-же послалъ въ городъ своего уполномоченнаго къ префекту и сенату, требуя свободнаго выхода для безоружныхъ своихъ товарищей, запертыхъ въ школѣ Лентула. Въ случаѣ неисполненія этого требованія Спартакъ угрожалъ взять городъ штурмомъ, предать его огню и мечу и истребить всѣхъ жителей безъ различія пола и возраста.

Извѣстіе о побѣдахъ фракіица уже достигло Капуи, преувеличенное народной фантазіей и наполнило ужасомъ сердца всѣхъ гражданъ. Появленіе грознаго врага подъ стѣнами города возбудило всеобщую панику.

Трепещущій сенатъ собрался въ храмѣ Діаны; народъ столпился на форумѣ. Менѣе чѣмъ въ полчаса всѣ лавки были заперты; женщины съ распущенными волосами бѣгали по храмамъ, умоляя боговъ о заступничествѣ; плебеи громко требовали, чтобы сенатъ принялъ предложеніе Спартака и спасъ городъ отъ неминуемой гибели.

Мецій Либеонъ, префектъ города, блѣдный, испуганный, закаясь передалъ сенату слова Спартака. Сенаторы, не менѣе его

перетрусившіе, молча смотрѣли другъ другу въ лицо, не смѣя заговорить и высказаться въ ту или другую сторону.

Пользуясь этимъ молчаніемъ и этой нервѣтельностью, военный трибунъ, командовавшій четырьмя когортами, составлявшими гарнизонъ Капуи, попросилъ позволенія высказаться по поводу только-что сдѣланныхъ префектомъ сообщеній. Будучи человѣкомъ храбрымъ и опытнымъ въ военномъ дѣлѣ, онъ сталъ объяснять испуганнымъ сенаторамъ, что угрозы Спартака ничто иное, какъ пустое хвастовство, рассчитанное на трусость и невѣжество толпы. Онъ доказывалъ имъ, что безъ скорпіоновъ, катапультовъ, баллистовъ, тарановъ, осадныхъ серповъ и прочихъ военныхъ орудій *) нѣтъ никакой возможности взять приступомъ городъ, защищенный такими высокими стѣнами какъ Капуя и что гладиаторы никогда не отважатся на подобную попытку, которая была бы истиннымъ безуміемъ.

Но страхъ совершенно отуманилъ головы капуанскихъ сенаторовъ и лишилъ ихъ всякой способности понять справедливость словъ трибуна. Всѣ они разомъ вскочили со своихъ скамеекъ, точно укушенные тарануломъ, и начали кричать, что трибунъ сошелъ съ ума, что когда гладиаторы брали Нолу, они были меньше числомъ и хуже вооружены и это не помѣшало имъ, однако, взять городъ въ два часа и предать его огню и мечу; что они не намѣрены для удовлетворенія честолюбія трибуна дать пощечъ свои дома и изрубить свои семьи; что высылка изъ города пяти тысячъ гладиаторовъ даже необходима какъ мѣра общественнаго спокойствія, потому-что устраняетъ возможность всякихъ безпорядковъ. Много и другихъ доводовъ, подобныхъ этимъ, приводили испуганные капуанскіе „отцы“. Имъ вторили крики собравшихся на форумъ гражданъ, требовавшихъ исполненія желанія Спартака ради спасенія города. Неудивительно послѣ этого, что

*) Машинны, употреблявшіяся древними при осадахъ городовъ. *Скорпіонами* назывались машины для бросанія камней, пуль и стрѣлъ; *катапультами* и *баллистами* назывались машины, бросавшія огромныя каменные глыбы въ стѣны неприятельской крѣпости. *Таранами* назывались тяжелыя висячія бревна съ желѣзной головой, на подобіе бараньей: раскатавши ихъ, ими били съ страшной силой стѣну. *Осадные серпы* представляли собой длинныя жерди, на концѣ которыхъ укрѣплялось желѣзное лезвіе на подобіе серпа. Они приводились въ движеніе особымъ механизмомъ и употреблялись для того, чтобы срывать и рвать защитныя стѣны, стоявшихъ на стѣнахъ.

къ великой радости префекта Меція Либеона, капуанскіе сенаторы почти единогласно рѣшили уступить требованіямъ Спартака.

Такимъ образомъ, пять тысячъ гладіаторовъ, запертыхъ до сихъ поръ въ стѣнахъ школы Лентула Батіата, были выведены за городъ и тотчасъ-же отправились въ лагерь Спартака, расположенный на скатѣ Тифатскихъ горъ. Здѣсь они были встрѣчены съ неописаннымъ восторгомъ, тотчасъ-же вооружены полнымъ римскимъ вооруженіемъ и составили третій легіонъ гладіаторской арміи. Начальникомъ его былъ назначенъ Борториксъ, на мѣсто котораго префектомъ конницы Спартакъ назначилъ Брезовира.

Послѣ такого счастливаго похода на Капую, гладіаторы снова вернулись въ свой лагерь подъ Нолою и оставались здѣсь цѣлые тридцать дней, въ теченіи которыхъ Спартакъ неустанно обучалъ военному строю свой новый легіонъ.

Тѣмъ временемъ до него дошла вѣсть, что преторъ Вариній собираетъ новыя силы, чтобы снова помѣряться съ нимъ въ открытомъ полѣ. Онъ рѣшился предупредить своего врага. Съ этою цѣлью, оставивъ Кресса съ двумя легіонами подъ Нолою, онъ съ легіономъ Окномана перешелъ Аппенины, проникъ въ Самніумъ и подступилъ къ Бовіану, гдѣ долженъ былъ, по его соображеніямъ, находиться Вариній. Но римскаго претора не было въ городѣ, и мѣсто его заступалъ квесторъ Лелій Коссиній.

Разбитый въ Кавдинскомъ ущельи, Публій Вариній написалъ сенату правдивый разсказъ о всѣхъ своихъ несчастіяхъ во время этой войны, ставшей теперь дѣломъ серьезнымъ, потому что для окончанія ея нужно было по крайней мѣрѣ два легіона. Припоминая свою прошлую службу отечеству, старый ветеранъ просилъ, какъ милости, чтобы сенатъ поручилъ ему-же окончаніе этой войны и не далъ ему унести въ могилу несмытый позоръ своихъ пораженій.

Сенатъ принялъ во вниманіе просьбу стараго воина и послалъ Варинію восемь когортъ, т. е. четыре слишкомъ тысячи человѣкъ опытнаго войска и уполномочилъ его набрать среди марсовъ, самнитовъ и другихъ горныхъ народовъ шестнадцать новыхъ когортъ. Въ совокупности это составляло два легіона, которые нужны были, по мнѣнію Варинія, чтобы покончить съ гладіаторами.

Вариній, для котораго старшинство по службѣ давало несомнѣннѣйшее право на предпочтеніе, выбралъ своимъ квесторомъ,

на мѣсто убитаго Фурія, Лелія Коссинія, самаго ограниченнаго и невѣжественнаго изъ всѣхъ своихъ трибуновъ. Поручивъ ему начальство надъ восемью вновь прибывшими изъ Рима кагортами, Вариній приказалъ ему оставаться въ Бовіанѣ, чтобы не дать Спартаку возможности проникнуть въ Самніумъ. Самъ-же онъ съ двумя тысячами, оставшимися послѣ пораженія въ Кавдинскомъ ущельи, сталъ ходить по городамъ, набирая свои шестнадцать вогорть.

Когда Спартакъ подступилъ къ Бовіану, вызывая Коссинія на бой, послѣдній, помня строжайшія предписанія своего начальника, оставался въ стѣнахъ города, рѣшившись переносить всѣ насмѣшки гладіаторовъ.

Тогда фракіецъ понялъ, какова тайная цѣль Варинія, и рѣшился не дать ему времени собрать свои силы. Съ этою цѣлью, оставивъ Окномана съ легиономъ подъ Бовіаномъ, онъ съ отрядомъ конницы вернулся въ свой лагерь подъ Нолою.

Здѣсь его ожидали двѣ очень пріятныя неожиданности. Первою и наибольшею было прибытіе Граника, приведшаго съ собой пять слишкомъ тысячъ гладіаторовъ изъ школъ Равенны. Съ этимъ подкрѣпленіемъ гладіаторское войско, раздѣленное уже на четыре легиона, достигало двадцати тысячъ человѣкъ, и Спартакъ чувствовалъ себя непобѣдимымъ. Второй, не менѣе пріятной, неожиданностью было прибытіе въ лагерь сестры его Мирцы. Спартакъ обнялъ ее и со слезами радости покрывалъ лицо ея поцѣлуями. Молодая дѣвушка, горячо цѣлуя лицо, руки, одежду брата, повторяла прерывающимся отъ слезъ голосомъ:

— О, Спартакъ, о, милый мой! Сколько я перестрадала изъ за тебя! Какъ я боялась! Съ тѣхъ поръ какъ началась эта ужасная война, я не знала ни минуты покоя. Мнѣ все думалось: „а что если онъ раненъ, что если я ему нужна?“... Потому что никто, никто, милый Спартакъ не сможетъ такъ хорошо ухаживать за тобой, если-бъ это случилось... И я все плакала по цѣлымъ днямъ... и просила Валерію, мою добрую госпожу, позволить мнѣ идти къ тебѣ... и она отпустила меня, бѣдняжка! Юнона пусть вѣчно охраняетъ эту добрую женщину... она меня отпустила и дала мнѣ въ добавокъ свободу. Вѣдь я теперь уже не рабыня, Спартакъ... и могу остаться навѣки съ тобою.

Во время этого дѣтскаго лепета молодая дѣвушка то плакала, то улыбалась брату.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой группы молча стоялъ Арториксъ, прибывшій два дня тому назадъ съ Граникомъ изъ Равенны, и смотрѣлъ своими прелестными голубыми глазами на эту нѣжную встрѣчу. Наконецъ, робко выступивъ впередъ, онъ сказалъ:

— А мнѣ, великій и непобѣдимый вождь нашъ, не позволишь ли тоже привѣтствовать тебя?

При этомъ молодой человѣкъ украдкой взглянулъ на Мирцу, какъ-бы извиняясь передъ нею въ томъ, что похищаетъ у нея ласки брата.

— О, Арториксъ! вскричалъ Спартакъ, бросаясь въ объятія юноши. — О, мой милый Арториксъ, и ты здѣсь! Дай-же мнѣ прижать тебя къ своей груди!

Но вдругъ лицо фракійца, сіявшее самымъ искреннимъ счастьемъ, внезапно омрачилось. Опустивъ голову, онъ тяжело вздохнулъ и задумался.

Черезъ нѣсколько времени, попрощавшись съ друзьями, онъ отправился вмѣстѣ съ Мирцой въ свою палатку. Ему очень-бы хотѣлось спросить сестру про Валерію, но деликатное уваженіе къ дѣвушкѣ не позволяло ему исполнить свое желаніе.

Къ счастью для Спартака, веселая и неустанная болтовня дѣвушки весьма скоро перешла на вдову Суллы, и при томъ безъ всякаго умысла или задней цѣли, потому что она совершенно не подозрѣвала о существованіи какихъ-бы то ни было отношеній, кромѣ чисто-дружескихъ, между Валеріей и Спартакомъ.

— О, повѣрь мнѣ, повѣрь, милый братъ, повторяла молодая дѣвушка, — если-бы всѣ римскія матроны походили на Валерію, то рабство было-бы отмѣнено закономъ. Потому что дѣти, рожденные отъ такихъ матерей, не стали-бы и не могли-бы терпѣть пытокъ, распятій и рѣзни гладіаторовъ.

— О, знаю, знаю! съ увлеченіемъ вскричалъ Спартакъ.

— А тебя она уважаетъ, какъ ни одна матрона не уважаетъ учителя собственныхъ гладіаторовъ. Очень часто мы говорили съ ней о тебѣ, и она такъ тебя хвалила, такъ тобой восхищалась! Въ особенности послѣ того, какъ ты началъ эту войну... При каждомъ новомъ извѣстіи о твоихъ побѣдахъ, — когда узнали, что ты разбилъ

Трибуна Сервиліона, потомъ Блвдія Глабра, она все повторила: „да, да, онъ рожденъ великимъ полководцемъ!“

— Она это говорила? спросилъ Спартакъ, весь вспыхнувъ.

— Да, говорила, отвѣчала Мирца. — А долго-ли мы стоимъ здѣсь? Я должна позаботиться о твоей палаткѣ. Въ ней такой беспорядокъ! Нѣтъ самаго необходимаго, точно въ ней живеть не вождь гладіаторовъ, а послѣдній изъ солдатъ. — Да, да, она именно такъ и говорила, и даже разъ заспорила съ Гортензіемъ, братомъ ея, ораторомъ: Ты его знаешь? Она доказывала, что начатая тобой война справедлива и что боги должны послать тебѣ окончательную побѣду, если только они точно руководятъ судьбою смертныхъ.

— О, божественная Валерія! прошепталъ Спартакъ внѣ себя отъ восторга.

— А какъ она несчастна, бѣдняжка, какъ несчастна! прибавила вдругъ дѣвушка, и глаза ея блеснули слезою.

— Несчастлива? Какъ? Неужели! вскричалъ фракіецъ въ тревогѣ.

— Да, очень несчастна. Почему—не знаю! Знаю только, что она часто плачетъ и вздыхаетъ по ночамъ и все грустна. Можетъ быть, влѣдствіе какихъ-то несогласій съ родными; можетъ быть вслѣдствіе смерти Суллы, хотя едва-ли. Единственное ея утѣшеніе—это дочка, Постумія. Что за прелестный ребенокъ!

Спартакъ тяжело вздохнулъ; онъ вытеръ украдкой навернувшуюся на глаза слезу и сталъ ходить по палаткѣ. Желая переимѣнить разговоръ, онъ спросилъ:

— А не слыхала-ли ты, Мирца, чего-нибудь о Маркѣ Валеріи Мессалѣ, двоюродномъ братѣ Валеріи? Мы встрѣтились на полѣ битвы, дрались и я его ранилъ. Не знаешь-ли, выздоровѣлъ онъ?

— О, какъ-же! И до насъ дошла вѣсть о твоёмъ великодушій. Валерія со слезами благословляла тебя, когда Гортензіи рассказывалъ ей объ этомъ.

Въ эту минуту десятникъ вошелъ въ палатку Спартака и сказалъ, что какой-то молодой солдатъ, только что прибывшій изъ Рима, желаетъ немедленно его видѣть.

Выйдя изъ палатки, Спартакъ дѣйствительно увидѣлъ передъ собою вновь прибывшаго, оказавшагося, однако, не молодымъ человекомъ, какъ доложилъ о немъ десятникъ, а, казалось, мальчикомъ

лѣтъ четырнадцати. Онъ былъ одѣтъ въ полный военный костюмъ, необыкновенно богатый.

На немъ была длинная кольчуга изъ серебрянныхъ колечекъ, стянутая у тонкаго, гибкаго стана широкимъ ремнемъ, украшеннымъ золотыми шариками. Ноги защищались стальными подкѣлѣнниками, зашнурованными у икръ тонкими ремешками. На правой рукѣ блестѣлъ стальной наручникъ, лѣвая же была продѣта въ ушки маленькаго круглаго щита, обитаго бронзой съ превосходной рѣзбой. Черезъ плечо, вмѣсто перевязи, висѣла плоская золотая цѣпь, поддерживавшая маленькій легкій мечъ. Серебряный шлемъ, на которомъ, вмѣсто шишака, извивалась золотая змѣйка, покрывала голову юноши. Изъ-подъ шлема виднѣлись пряди рыжихъ волосъ, окаймлявшихъ чистое, прелестное дѣтское личико. Большіе глаза сѣрозеленоватаго цвѣта сверкали смѣлостью и дерзостью, совершенно не гармонировавшими съ изяществомъ и нѣжностью этого ребенка.

Спартакъ взглянулъ съ удивленіемъ на юношу, затѣмъ перевелъ взоръ на десятника, вызвавшаго его изъ палатки, какъ-будто спрашивая его, этотъ-ли воинъ, желавшій такъ настоятельно говорить съ нимъ. Видя, что десятникъ утвердительно кивнулъ головою, онъ подошелъ къ мальчику и удивленнымъ голосомъ спросилъ:

— Такъ это ты хотѣлъ меня видѣть? Чего тебѣ нужно отъ меня?

Лицо мальчика вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ твердо отвѣчалъ:

— Да, Спартакъ, я.

Послѣ минутной паузы онъ прибавилъ:

— Ты не узнаешь меня?

Спартакъ сталъ всматриваться въ прелестное личико юноши, и въ головѣ его мелькнуло какое-то воспоминаніе.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, что я тебя видѣлъ, но только гдѣ?..

Наступила новая пауза.

— Ты римлянинъ? спросилъ Спартакъ.

Мальчикъ отрицательно повачалъ головою. По губамъ его мелькнула печальная и досадливая улыбка, похожая скорѣе на гримасу.

— Память у тебя слабѣе твоей могучей руки, доблестный Спартакъ!

При этой улыбкѣ, при этихъ словахъ точно молнія освѣтила умъ фракійца. Широко раскрывъ глаза отъ удивленія, онъ вскричалъ, какъ человѣкъ, не вѣрящій собственнымъ чувствамъ:

— Боги, неужели-же ты?..

— Да, я Эвтибида, отвѣчала молодая гречанка.

Тѣмъ временемъ какъ Спартакъ съ удивленіемъ разсматривалъ дѣвушку, она прибавила:

— Развѣ я не рабыня? Развѣ не рабы всѣ мои близкіе? Развѣ меня не лишили отечества? Развѣ римскіе развратники не превратили меня въ низкую куртизанку?

Скрытое бѣшенство влокотало въ словахъ молодой дѣвушки. Последнюю фразу она прошептала чуть слышно.

— Понимаю, понимаю, отвѣчалъ Спартакъ, печально опустивъ голову: въ эту минуту онъ подумалъ о своей сестрѣ.

Помолчавъ съ минуту, онъ поднялъ голову и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Но ты женщина... Ты привыкла къ роскоши и изнѣженности. Что можешь, что хочешь дѣлать ты здѣсь?

— О, клянусь Аполлономъ Дельфійскимъ, боги ада наслали туманъ на твою голову... Что мнѣ здѣсь дѣлать!.. Я должна отомстить за смерть отца и братьевъ, за рабство матери, за раззореніе отечества, за свой позоръ, за свою загубленную молодость, а ты меня спрашиваешь, что я могу дѣлать въ этомъ лагерѣ?..

Лицо дѣвушки дышало такой дикой ненавистью и энергіей, что Спартакъ почувствовалъ себя побѣжденнымъ и, протягивая къ ней руку, сказалъ:

— Пусть будетъ по-твоему! Оставайся у насъ. Будешь ходить съ нами, если можешь; сражаться вмѣстѣ съ нами, если съумѣешь.

— Я могу сдѣлать все, что захочу, отвѣчала дѣвушка, нахмуривъ брови, и крѣпко пожала руку Спартака. Но, казалось, прикосновеніе къ рукѣ гладіатора въ одно мгновеніе парализовало всю энергію Эвтибиды. Она поблѣднѣла какъ полотно, ноги ея подкосились, и она готова была лишиться чувствъ. Спартакъ схватилъ ее за талью, чтобы не дать ей упасть. Дѣвушка вздрогнула.

— Что съ тобой? спросилъ ее Фракіецъ.

— Позволь мнѣ поцѣловать твои руки, великій вождь, про-

боржотала она чуть слышно и, опустившись на колѣни, стала покрывать поцѣлуями загорѣлыя руки гладіатора.

Какимъ то туманомъ окутало глаза Спартака. Кровь его залокотала, въ головѣ закружилось. Онъ готовъ былъ схватить прелестную гречанку въ свои объятія, но вдругъ оправившись и какъ-бы стряхнувъ съ себя волшебныя чары, онъ быстро отдернулъ руки и строго сказалъ:

— Благодарю тебя, великодушная женщина, за твою преданность дѣлу угнетенныхъ, но мы хотимъ уничтожить рабство и должны держаться другъ съ другомъ какъ равные съ равнымъ.

Эвтибида, пристыженная, неподвижно стояла, опустивъ голову на грудь.

— Въ какомъ отрядѣ желаешь ты находиться? спросилъ Спартакъ.

— Съ того самаго дня, какъ ты поднялъ знамя возстанія, съ утра до ночи я училась фехтованію и верховой ѣздѣ. Со мною три прекрасныхъ скакуна, отвѣчала дѣвушка, мало-помалу оправившись и смотря въ глаза Спартаку. — Хочешь взять меня своимъ *контуберналиемъ* *).

— У меня нѣтъ контуберналиевъ, сухо отвѣчалъ Спартакъ.

— Но если ты по-римски устроишь войско возставшихъ рабовъ, теперь, когда оно возрасло до четырехъ легионовъ и скоро возрастетъ до восьми и десяти, тебѣ, какъ ихъ вождю, слѣдуетъ окружить себя консульскими знаками, потому что видимость много способствуетъ увелеченію авторитета и обаянія власти. Безъ контуберналиевъ тебѣ невозможно обойтись, потому что, начальствуя арміей въ двадцать тысячъ человекъ, ты не можешь самъ поспѣть повсюду, и тебѣ придется имѣть гонцовъ для разсылки твоихъ приказаній легионамъ.

Спартакъ съ удивленіемъ слушалъ дѣвушку.

— Ты необыкновенная женщина! воскликнулъ онъ, когда та кончила.

— Скажи лучше, мужчина, случайно рожденный женщиною, гордо отвѣчала гречанка.

*) *Contubernales* назывались молодые люди патриціанскихъ фамилій, сопровождавшіе полководцевъ во время ихъ походовъ и жившіе съ ними въ одной палатѣ, исполняя должность частью оруженосцевъ, частью адъютантовъ.

Послѣ минутнаго молчанія она прибавила:

— У меня не дрожить рука и не трепещетъ сердце. Я говорю хорошо по-римски и по-гречески и могу оказать важныя услуги нашему общему дѣлу. Ему-же приношу я теперь-же всѣ мои богатства, составляющіе около шестисотъ талантовъ *), и отнынѣ клянусь посвятить всю свою жизнь.

Съ этими словами она отошла на нѣсколько шаговъ отъ палатки Спартака и протяжно свистнула. Черезъ минуту къ ней подошелъ конюхъ, ведя подъ уздцы коня, на сѣдлѣ котораго привязаны были два мѣшочка, заключавшіе въ себѣ богатство Эвтибиды.

Все съ большимъ и большимъ удивленіемъ смотрѣлъ гладиаторъ на свою необыкновенную гостью. Онъ сталъ благодарить ее отъ имени всѣхъ угнетенныхъ за ея щедрый даръ. Что-же касается до принатія ей въ число своихъ контуберналиевъ, то объ этомъ онъ обѣщаль дать ей отвѣтъ, когда посоветуется со своими товарищами. Слова его выражали ласку и благосклонность, но голосъ звучалъ строго и сурово.

Когда Спартакъ вернулся въ свою палатку, Эвтибида долго смотрѣла ему во слѣдъ, безмолвная и неподвижная, какъ статуя. Наконецъ, она встрепенулась и тихими шагами, низко опустивъ голову, пошла въ тотъ конецъ лагеря, который предназначался для союзниковъ и гдѣ она приказала разбить себѣ палатку.

— А все-таки я его люблю! шептала она чуть слышно.

Тотчасъ-же послѣ свиданія съ Эвтибидой, Спартакъ приказалъ созвать въ свою палатку на военный совѣтъ Крисса, Граница, Борторикса, Брезовира и всѣхъ трибуновъ и пробылъ съ ними до глубокой ночи.

Было рѣшено благодарить гречанку за щедрый подарокъ, употребивъ ея богатства на покупку оружія, щитовъ, кольчугъ и выѣзженныхъ лошадей для кавалеріи; кромѣ того, совѣтъ находилъ необходимымъ, чтобы Спартакъ имѣлъ при себѣ контуберналиевъ, такъ-какъ при тѣхъ размѣрахъ, какихъ достигло гладиаторское войско, личная передача приказаній становилась невозможной. Спартакъ избралъ десять человекъ контуберналиевъ, въ томъ числѣ и Эвтибиду.

*) Талантъ равнялся 2,500 руб. О несмѣтномъ богатствѣ куртизанокъ свидѣтельствуютъ всѣ римскіе историки.

Относительно военныхъ дѣйствій, рѣшено было: Крисса вмѣстѣ съ Граникомъ оставить въ лагерьъ подѣ Полою для военнаго обученія равенскаго легіона, прибывшаго всего нѣсколько дней тому назадъ; самому Спартаку съ легіономъ Борторикса идти къ Бовіану, на помощь Окноману, и съ нимъ вмѣстѣ напасть на Коссинія и Варинія, прежде чѣмъ они успѣютъ сформировать окончательно свое новое войско.

На зарѣ слѣдующаго дня Спартакъ выступилъ изъ лагеря во главѣ своего легіона. Несмотря на всѣ просьбы Эвтибиды и Мирцы, онъ не захотѣлъ взять ихъ съ собою, говоря, что идетъ не на войну, а на военную прогулку и что вернется въ самый непродолжительномъ времени.

Прибывъ въ Бовіану, Спартакъ узналъ, что Окноманъ, наскучивъ безплоднымъ ожиданіемъ подѣ стѣнами города, уже два дня какъ снялся съ лагеря и, бросивъ Коссинія, направился къ Сулмонѣ, гдѣ, по сообщеннымъ ему свѣденіямъ, долженъ былъ находиться преторъ Вариній.

Къ несчастью, случилось то, чего не могъ предвидѣть недалевозоркій германецъ: на другой день послѣ ухода гладиаторовъ, Коссиній тихонько вышелъ изъ крѣпости и пошелъ по ихъ слѣдамъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ ударить на нихъ съ тылу, лишь только завяжется у нихъ дѣло съ Вариніемъ.

Въ одно мгновеніе Спартакъ понялъ, въ какомъ опасномъ положеніи долженъ будетъ очутиться Окноманъ черезъ нѣсколько дней, и, давъ всего шесть часовъ отдыха своимъ истомленнымъ воинамъ, двинулся, въ свою очередь, вслѣдъ за Коссиніемъ, успѣвшимъ опередить его уже на два дня.

Но Коссиній, старый солдатъ, до крайности неразвитой, рабска слѣдовавшій рутинѣ, двигался впередъ медленно, правильными переходами въ двадцать миль въ день, между тѣмъ какъ Спартакъ, идя впередъ форсированнымъ маршемъ по тридцати слишкомъ миль, на третій день нагналъ его близъ Анфиденъ, атаковалъ, разбилъ на голову и преслѣдовалъ съ такимъ упорствомъ, не давая ни минуты отдыха, что Коссиній, внѣ себя отъ стыда и отчаянія, бросился въ среду гладиаторовъ и погибъ смертью воина *).

*) Плутархъ. Жизнь Марка Красса.

Не медля ни одного часа, Спартакъ быстро двинулся дальше и прибылъ какъ разъ во-время, чтобы превратить въ побѣду пораженіе, грозившее Окноману, который вступилъ въ бой съ Вариніемъ между Марубіемъ и Фуцинскимъ озеромъ. Восемь тысячъ римлянъ горячо тѣснили легіонъ Окномана, который началъ уже подаваться подъ напоромъ превосходныхъ силъ непріятеля, когда внезапное появленіе Спартака перемѣнило участь битвы. Вариній былъ разбитъ и съ значительными потерями отступилъ къ Орфинію. *)

Давъ три дня отдыха своимъ легіонамъ, Спартакъ снова двинулся въ походъ и, перейдя Аппенинскія горы у Анфиденъ, вступилъ въ Лиціумъ. Около двухъ мѣсяцевъ ходилъ онъ по этой провинціи, и даже приближался къ стѣнамъ Рима, къ немалому ужасу загородныхъ землевладѣльцевъ.

Во время этихъ походовъ, къ нему пристало такое множество рабовъ и гладіаторовъ, что онъ составилъ изъ нихъ два новыя легіона, прекрасно вооруженные и экипированные. Тѣмъ не менѣе Спартакъ былъ настолько благоразуменъ, что ни одной минуты не думалъ предпринимать что-либо противъ Рима, отлично понимая, что ни съ двадцатью тысячами солдатъ, ни даже съ тридцатью, которыми могъ-бы располагать, призвавъ легіоны, стоявшіе подъ Ноломъ, невозможно рѣшиться на какую-нибудь серьезную попытку противъ Вѣчнаго города.

Тѣмъ временемъ, побуждаемый сенатомъ, Публій Вариній успѣлъ собрать между Пиценами множество войска, получилъ изъ Рима новое подкрѣпленіе и, горя желаніемъ смыть позоръ недавнихъ пораженій, двинулся противъ гладіатора во главѣ восемнадцати тысячъ легіонеровъ. Услыхавъ о его приближеніи, Спартакъ пошелъ къ нему на встрѣчу. Враги столкнулись близъ Аввина въ день сентябрьскихъ идъ.

Это была первая битва, въ которой Спартакъ встрѣтился съ римлянами въ открытомъ полѣ и при силахъ почти одинаковыхъ съ обѣихъ сторонъ. До сихъ поръ смѣлому фракіяцу благоприятствовали счастливыя случайности, неожиданность нападеній, въ особенности-же оплошности римскихъ предводителей. Въ Аввинской-же битвѣ Спартакъ впервые проявилъ то паразитальное

*) Луцій Флоръ. Гражд. война.

нравственное вліяніе на духъ своихъ солдатъ, ту способность вливать въ нихъ энтузіазмъ, которыя составляютъ тайну однихъ великихъ полководцевъ.

Казалось, все благопріятствовало римлянамъ. За нихъ была многолѣтняя опытность, слава ихъ знаменъ, несокрушимая вѣра въ свою непобѣдимость. Но все это оказалось безсильнымъ.

Предъ началомъ битвы Спартакъ проѣхалъ по рядамъ, одушевляя своихъ воиновъ надеждой на блистательную побѣду, побуждая ихъ не падать себя для своего святого дѣла. Съ неопи- саннымъ восторгомъ привѣтствовали гладіаторы своего вождя и вклились ему—либо вернуться побѣдителями, либо совсѣмъ не возвращаться.

Начался бой. Твердо стояли римляне. Вариній словомъ и при- жѣмомъ ободрялъ свои войска. До самого вечера длилась сѣча. Но ничто не могло устоять противъ отчаянной храбрости молодой арміи Спартака. Последняя атака, которой онъ предводительство- валь лично, была такъ стремительна, что римляне подались. Вско- рѣ ряды ихъ разорвались подъ дружнымъ натискомъ гладіато- ровъ. Ворвавшись въ римскіе ряды, гладіаторы превратили от- ступленіе въ полное бѣгство. Отчаянно боролся несчастный Ва- риній. Раненый самимъ Спартакомъ, онъ потерялъ коня и только чудомъ спасся отъ смерти. Болѣе четырехъ тысячъ римскихъ тру- повъ покрывало поле битвы. Гладіаторы овладѣли лагеремъ, обо- зомъ, множествомъ непріятельскихъ знаменъ и даже захватили въ плѣнъ шестерыхъ ликторовъ, предшествовавшихъ претору *). Ни- когда еще Спартакъ не одерживалъ такой серьезной и полной побѣды.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Плутархъ. Живыиъ М. Красса. Аппіанъ Гражд. война I, Т.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НОВЫЕ ТИПЫ „ЗАБИТЫХЪ ЛЮДЕЙ“.

(„Братья Карамазовы“. Ром. въ 4-хъ част., соч. Ф. М. Достоевскаго. Спб., 1881).

(СТАТЬЯ ВТОРАЯ).

V.

Въ чемъ заключается сущность типа «забитаго человѣка», каковы тѣ общественные факторы, которые его порождаютъ и какимъ видоизмѣненіямъ начинаетъ подвергаться онъ въ послѣднее время? Вотъ вопросы, изслѣдованіемъ которыхъ мы должны теперь заняться.

«Типъ забытыхъ людей», говорили мы въ прошлой статьѣ, представляетъ нѣкоторыя разновидности. Какъ ни многочисленны эти разновидности, тѣмъ не менѣе, онѣ могутъ быть подвѣдены, безъ особенной натяжки, подъ двѣ категоріи: въ одной мы отнесемъ «забитыхъ людей», въ которыхъ преобладаютъ смиренно-мудріе, самоуничженіе, кротость, незлобіе, безкорыстная самоотверженная любовь и др. тому подобныя качества,—качества, отражающія въ себѣ, по мнѣнію Достоевскаго, «искру Божію». Къ другой категоріи слѣдуетъ отнести забытыхъ людей, въ которыхъ преобладаютъ качества противоположнаго характера: гордость, себялюбіе, необузданный эгоизмъ, чувственные, животныя инстинкты, грубыя плотскія похоти и вождельнія.

Люди первой категоріи отличаются, обыкновенно, нѣжнымъ, чувствительнымъ, «золотымъ» сердцемъ и нѣкоторою умственною тупостью; напротивъ, люди второй категоріи — одарены умомъ холоднымъ, расчетливымъ, скептическимъ, но по части сердца и чувствительности весьма и весьма хромаютъ.

Къ первой категоріи изъ дѣйствующихъ лицъ «Братьевъ Карамазовыхъ» слѣдуетъ отнести штабсъ-капитана Снегирева, помѣщика Максимова, Алешу и отца Зосима; во второй—отца Карамазова и двухъ его сыновей Дмитрія и Ивана, Смердякова и отчасти всѣхъ главныхъ лицъ женскаго пола—Грушеньку, Катю и Lise. Впрочемъ, женщины, воспроизводимыя во всѣхъ вообще романахъ Достоевскаго, въ особенности въ послѣднемъ, составляютъ особую, спеціальную категорію «забитыхъ людей» и мы будемъ говорить о нихъ особо.

Каждая изъ этихъ категорій заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя разновидности, которыхъ критика не можетъ игнорировать. Представителями простѣйшей, такъ-сказать, элементарнѣйшей разновидности забитыхъ людей первой категоріи въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» являются, безспорно, штабсъ-капитанъ Снегиревъ и помѣщикъ-приживальщикъ Максимовъ. Съ нихъ-то мы и начнемъ нашъ анализъ «забитыхъ людей». Снегиревы и Максимовы фигурируютъ во всѣхъ рѣшительно романахъ Достоевскаго: это его излюбленный типъ забитыхъ людей. Живописуетъ онъ намъ его съ большою обстоятельностью, съ несомнѣнною рельефностью и правдивостью, но въ тоже время съ нѣкоторою одно-сторонностью и крайне однообразно.

Герой «Бѣдныхъ людей» воспроизводится имъ въ его наиболѣе существенныхъ чертахъ и въ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», и въ «Идіотѣ», и въ «Подросткѣ», и въ «Преступленіи и Наказаніи» въ лицѣ отца Сони, спившагося чиновника Ермолаева. Снегиревъ (въ «Братьяхъ Карамазовыхъ») — второе, ничѣмъ неполненное и неисправленное изданіе Ермолаева. Мало чѣмъ разнится отъ него и приживальщикъ Максимовъ. Ермолаевы, Снегиревы, Максимовы — всѣ вообще забытые люди этой разновидности принадлежать, и необходимо должны принадлежать къ такъ-называемымъ «культурнымъ» классамъ. Ни при какихъ иныхъ условіяхъ жизни, кромѣ условій жизни культурной среды — и въ особенности культурной среды, выросшей и развившейся на почвѣ крѣпостного права, на почвѣ экономическаго рабства и эксплуатаціи производительнаго *труда*, — ни при какихъ иныхъ условіяхъ немислимы и невозможны личности, подобныя Снегиреву или Максимову. Въ средѣ некультурной мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ людьми, поставленными въ несравненно худшую матеріальную обстановку, чѣмъ всѣ эти Ермолаевы, Максимовы и Снегиревы, съ людьми, въ буквальномъ смыслѣ слова, *задавленными нуждою*, — съ людьми, которыхъ даже убогая нищета Ермолаевыхъ и Снегиревыхъ кажется завиднымъ богатствомъ, и, однако-же, эти вѣчно-голодающіе,

ободренные бѣдняки, несмотря на весь ужасъ своего матеріальнаго положенія, никогда почти не доходятъ до того нравственнаго паденія, до той «забитости», до которыхъ доходятъ обнищавшіе «культурные люди» вродѣ Максимова, Снегирева и иныхъ, имъ подобныхъ. И понятно почему: хотя нищаго некультурнаго человѣка только дуракъ не эксплуатируетъ, хотя его обираетъ каждый проходимецъ, хотя культурные люди выжимаютъ изъ него всё его соки, хотя они третируютъ его, какъ вещь, подлежащую «куплѣ и продажѣ», тѣмъ не менѣе, эксплуатируемый, обираемый, продаваемый и покупаемый *некультурный* нищій,— всѣмъ, что онъ имѣетъ, обязанъ исключительно *себѣ*, своему *производительному труду*. Онъ даетъ обирающимъ его «милостивцамъ» въ сто, въ тысячу разъ больше, чѣмъ сколько получаетъ отъ нихъ; не онъ имъ, а они ему всѣмъ обязаны и какому-бы внѣшнему униженію не подвергали его «милостивцы», съ какимъ-бы презрѣніемъ они ни относились къ нему, въ какую-бы грязь они не втапывали его человѣческое достоинство, этотъ несчастный нищій, въ глубинѣ души своей, не можетъ не сознавать, что не *онъ*, а *они* достойны презрѣнія, что не онъ,— поставленный условіями окружающей его жизни въ необходимость быть вѣчно эксплуатируемымъ,—а *они*, эксплуатирующіе его, унижаютъ свое человѣческое достоинство, не *онъ* ихъ, а *они* его должны стыдиться; не онъ передъ ними, а они передъ нимъ должны опускать глаза, не онъ отъ нихъ, а они отъ него зависать... Онъ сознаетъ и не можетъ не сознавать, въ глубинѣ души своей, что тѣ якобы «милости», которыя ему оказываютъ «покупающіе и продающіе» его трудъ—совсѣмъ не милости, а лишь возвратъ небольшой частицы того, что *они* ему *должны*; и онъ видитъ въ нихъ не своихъ благодѣтелей, а скорѣе своихъ неоплатныхъ должниковъ.

Однимъ словомъ, въ отношеніяхъ некультурнаго задавленнаго нуждою человѣка къ эксплуатирующимъ и унижающимъ его людямъ нѣтъ рѣшительно ничего такого, что-бы могло *унизить* этого человѣка въ его собственныхъ глазахъ, что-бы могло его заставить презирать самого себя. Совсѣмъ другое дѣло относительно *культурнаго*, обнищавшаго человѣка къ его культурнымъ «милостивцамъ» и «благодѣтелямъ». Глодая подачку, которую вмѣстѣ съ плевками швыряетъ ему культурный «милостивецъ», онъ не можетъ (подобно бѣдняку некультурному) утѣшать себя мыслью, что онъ получаетъ *должное*, что онъ имѣетъ нравственное право на эту подачку;—нѣтъ, онъ чувствуетъ, что никакого такого права онъ не имѣетъ и что «милостивецъ» ничего ему не долженъ; онъ сознаетъ свою полную абсолютную отъ

него зависимость. И это сознание унижаетъ его въ его собственныхъ глазахъ. Онъ начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на существо ни для кого ненужное и не на что и не для чего негодное; принимая дрожащими руками рюмку водки или сладкій пирожокъ отъ какого-нибудь упившагося «благодѣтеля» или благодѣтельницы, Максимовъ, напримѣръ, совершенно искренне увѣренъ, что «награждаютъ его не по заслугамъ». «Я, говоритъ онъ,—вашихъ благодѣній не стою-съ, я ничтоженъ-съ... Лучшебы вы расточали благодѣнія ваши тѣмъ, которые нужны меня» (т. II, стр. 371). Сознание своего ничтожества, своей *ненужности*, своей безысходной зависимости отъ «благодѣній» милостивцевъ, неизбѣжно должно порождать въ душѣ культурнаго бѣдняка мучительное чувство страха передъ «завтрешнимъ днемъ», вѣчнаго трепета за свое *существованіе*... Его жизнь въ рукахъ его милостивцевъ; они могутъ ее продолжить, а могутъ и немедленно прекратить. Сегодня они сжалятся и поднесутъ сладкій пирожокъ, а завтра выбросятъ нагого на морозъ и заморятъ голодною смертію. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ и для чего нужны культурнымъ «благодѣтелямъ» всѣ эти Максимовы, Снегиревы и т. п.? Вѣдь они ни на волосъ не могутъ ни увеличить, ни уменьшить ихъ комфорта и благосостоянія? Исчезли они сегодня съ лица земли,—культурнымъ благодѣтелямъ не станетъ отъ этого ни тепло, ни холодно; ихъ ренты, оброки, ихъ доходы не убавятся ни на единую копейку. Это совсѣмъ не то, что бѣднякъ *некультурный*; онъ имъ нуженъ, онъ необходимъ; безъ него концовъ не сведешь съ концами... а Максимовы, Снегиревы—ну, какой въ нихъ прокъ? Условія культурной среды съ одной стороны развили въ нихъ такія *культурныя* потребности, о которыхъ некультурный человѣкъ и понятія не имѣетъ, съ другой—они сдѣлали ихъ совершенно неспособными ни къ какому производительному труду, они выработали изъ нихъ *паразитовъ*, приспособленныхъ исключительно лишь къ жизни насчетъ *чужаго труда*, на счетъ труда некультурнаго человѣка. Но, приспособивъ ихъ къ подобной жизни, культурная среда не дала имъ *возможности* осуществить ее,—не дала имъ возможности пользоваться чужимъ трудомъ некультурныхъ людей; волею-неволею, имъ пришлось выбирать одно изъ двухъ: или исчезнуть съ лица земли, или,—за отсутствіемъ возможности жить насчетъ некультурнаго человѣка, присосаться къ такому культурному человѣку, который не утратилъ еще этой возможности; иными словами, жить насчетъ подобныхъ-же имъ, но болѣе ихъ взысканныхъ милостями судьбы культурныхъ паразитовъ. Но культурные паразиты очень строги насчетъ нѣкоторыхъ политико-эко-

номическихъ принциповъ, и въ особенности насчетъ того принципа, который, подъ страхомъ нищеты и раззоренія, воспрещаетъ давать кому-бы то ни было и что-бы-то ни было даромъ. «Услуга за услугу». И сами господа Снегиревы и Максимовы, на бѣду свою, вѣрятъ въ непреложность и неизблемость этого принципа: вѣдь они тоже дѣти своей среды. Но какую-же услугу могутъ они отплатить за услугу, оказываемую имъ ихъ «милостивцами»? Что могутъ дать они имъ въ обмѣнъ за получаемыя ими подачки? Дать хоть что-нибудь—совершенно необходимо, иначе ихъ существованіе ничѣмъ не гарантировано. Но, у нихъ нѣтъ ничего—ничего, кромѣ *человѣческаго достоинства*; товара, повидимому, *безцѣннаго*. Однако, за неимѣніемъ ничего другого—они несутъ и его на тотъ рынокъ, куда некультурный бѣднякъ несетъ свой *трудъ*, свою мускульную и нервную силу. Мы, говорятъ они «раздавателямъ земныхъ благъ»,—не можемъ предложить вамъ своего труда,—мы ничего не можемъ вамъ предложить, кромѣ нашего *человѣческаго достоинства*, возьмите его, дѣлайте съ нимъ что хотите, только дайте намъ взаменъ его кусокъ насущнаго хлѣба, обезпечьте насъ отъ голодной смерти». И странная вещь: ихъ предложеніе принимается; на рынкѣ есть, очевидно, спросъ и на этотъ товаръ. Торгъ заключенъ, *человѣческое достоинство* куплено... за нѣсколько ломтей хлѣба и нѣсколько рюмокъ воды. Снегиревы и Максимовы могутъ, наконецъ, вздохнуть свободно: мысль о завтнешнемъ днѣ не приводитъ ихъ болѣе въ трепеть; они получили нѣкоторое право на существованіе, т. е. на подачки своихъ «милостивцевъ». Но зачѣмъ и для чего нужно «милостивцамъ» *человѣческое достоинство* какого-нибудь Снегирева или Максимова? какое употребленіе могутъ они изъ него сдѣлать? Весьма разнообразное. *Вопервыхъ*, такъ-какъ большая или меньшая матеріальная обезпеченность всѣхъ этихъ Карамазовыхъ, Калгановыхъ, Хохлоковыхъ, Самсоновыхъ, Катенекъ, Гришенекъ и иныхъ культурныхъ паразитовъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, который изъ нихъ перещеголяетъ своихъ собратьевъ по части захвата чужого труда, то само собою понятно, что всѣ они находятся между собою почти всегда въ отношеніяхъ враждебныхъ: каждый изъ нихъ нарываетъ подставить ножку другому, напелести на него какую-нибудь влязу, оттягать отъ него лакомый кусокъ, и вообще, всѣми правдами и неправдами *отдѣлаться* отъ опаснаго конкуррента на чужой трудъ. Но въ этой взаимной борьбѣ (борьбѣ, которую ихъ философы наивно называютъ «борьбою за существованіе») культурнымъ паразитамъ не рѣдко приходится прибѣгать къ такимъ средствамъ, къ такимъ орудіямъ,

которые кажутся имъ унижительными для ихъ человѣческаго достоинства. Въѣсто того, чтобы рисковать своимъ достоинствомъ,—не лучше-ли рискнуть *чужимъ*, напримѣръ, человѣческимъ достоинствомъ какого-нибудь Максимова, Ермолаева, Снегирева? И вотъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ пострадать ихъ репутація, ихъ доброе имя, или ихъ физіономія,—они выдвигаютъ на первый планъ продавшихъ имъ свое человѣческое достоинство культурныхъ бѣдняковъ,—и *ихъ* репутацію, *ихъ* добрымъ именемъ, *ихъ* физіономіями расплачиваются за свои моральныя и иныя, нерѣдко даже и прямо уголовныя, прегрѣшенія. Ермолаевъ за рюмку водки такую можетъ ябеду написать, что, чего добраго, въ Сибирь человѣка угонить. Снегиревъ за четвертакъ какую-угодно пакость учинить, Максимовъ за ту-же цѣну жену продать; конечно, и Ермолаевъ, и Снегиревъ, и Максимовъ рискуютъ поплатиться за подобныя штуки и своимъ добрымъ именемъ, и своею физіономією. Но зато доброе имя и физіономія купившаго ихъ «человѣческое достоинство» культурнаго паразита останутся неприкосновенными и онъ окажется въ концѣ-концовъ *въ барышѣ*.

Во-вторыхъ,—у культурныхъ паразитовъ, за вычетомъ взаимныхъ передрагъ, остается еще очень много свободного, ничѣмъ незанятаго времени. Не всѣ имѣютъ средства и, въ особенности, охоту убивать это незанятое время «утонченными культурными развлечениями», вродѣ «бесѣдъ о матеріяхъ важныхъ», чтенія умныхъ и глупыхъ книгъ, театра, музыки и т. п. Большинство или, по-крайней-мѣрѣ, значительная часть предпочитаютъ развлечения болѣе дешевыя, болѣе общедоступныя и менѣе головоломныя, развлечения въ видѣ домашнихъ шутовъ и «словоерсниковъ». Надъ добровольными шутами и «словоерсниками» можно потѣшаться за рюмку водки, за сладкій пирожокъ, сколько душѣ угодно, ихъ можно даже, при случаѣ, и поѣсть; на нихъ и гнѣвъ свой можно сорвать и милость свою показать; они и разсмѣшать, и развеселить, и позабавить, однимъ словомъ, они составляютъ одно изъ необходимѣйшихъ условій домашняго комфорта культурнаго паразита, недоразвившагося еще до болѣе утонченныхъ и болѣе дорогихъ культурныхъ развлеченій. Объединившіе культурные паразиты очень хорошо это понимаютъ и потому чуть только имъ приходится плохо, они спѣшатъ шутовствомъ и словоерсничаньемъ купить милости своихъ болѣе счастливыхъ собратьевъ. Шутовство и «словоерсничанье» это одинъ изъ самыхъ обыденныхъ способовъ продажи своего человѣческаго достоинства и имъ-то обыкновенно и промышляютъ обманывающіе культурные люди... Иногда они превращаются въ

шутовъ сознательно, *по расчету*, какъ, напр., отецъ Карамазовыхъ. «Я шутъ, во истину, рекомендуется онъ отцу Зосиму,—и, если не встаетъ вру, то дѣлаю это съ намѣреніемъ разсмѣшить и пріятнымъ быть. Надобно-же быть пріятнымъ?.. Для того и ломаются, чтобы милѣе быть»... (Т. I, стр. 68, 70). Иногда-же они начинаютъ «словоерсничать» совершенно безсознательно, какъ-бы по инстинкту, вродѣ, напримѣръ, штабсъ-капитана Снегирева. «Все не говорилъ, увѣряетъ онъ Алешу,—цѣлую жизнь не говорилъ словоерсами,—вдругъ упалъ и всталъ съ словоерсами. Это дѣлается высшею силою... Видитъ Богъ—невольнo! Слово-еръ-съ пріобрѣтается въ униженіи (ib., стр. 314). Но сознательно или безсознательно становятся они шутами и словоерсами, во всякомъ случаѣ, шутство и словоерсничанье вмѣстѣ съ влязуами и ябедами являются единственнымъ возможнымъ для нихъ исходомъ изъ того положенія, въ которое ставятъ ихъ условія окружающей и воспитавшей ихъ культурной среды. Какъ и чѣмъ могъ-бы существовать Максимовъ, если-бы онъ пересталъ потѣшать своихъ культурныхъ собратій забавными рассказами о томъ, какъ, однажды, за нестати приведенный французскій стишокъ господъ помѣшники его высѣгли. Очень можетъ быть, что его никогда и не сѣгли,—но рассказъ о мнимомъ сѣченіи смѣшнѣе «милостивцевъ», почему и не повратъ себя? лишь-бы поднесли за это рюмку водки! Притомъ, резонно замѣчаетъ Максимовъ, «что тутъ невозможнаго, что меня высѣгли: мало-ли изъ-за чего люди человѣка могутъ высѣчь?»... (Т. II, стр. 155).

Какъ и чѣмъ могъ-бы питаться и питать свою семью Снегиревъ, если-бы онъ вздумалъ отказаться «обдѣлывать» гнусныя и мошенническія дѣлишки господъ культурныхъ паразитовъ? За эти гнусныя и мошенническія дѣлишки ему приходится сносить плевки и заушенія отъ *честныхъ* культурныхъ людей; его бьютъ публично, выщипываютъ ему бороду, его оскорбляютъ и унижаютъ, его третируютъ, какъ человѣка, потерявшаго всякій стыдъ, всякій «образъ и подобіе человѣческое»,—и онъ долженъ все сносить со смиреніемъ и терпѣніемъ и даже безъ ропота... Онъ не можетъ ни защищаться, ни искать *удовлетворенія* даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда обидчикъ *великодушно* предлагаетъ ему дать это удовлетвореніе. Дмитрій Карамазовъ, узнавъ, напр., что его почтенный батюшка и «дама его сердца» замышляютъ противъ него *каверзу*, и что орудіемъ для осуществленія этой каверзы они избрали Снегирева, набрасывается на послѣдняго, избиваетъ его въ трактирѣ и затѣмъ за бороду вытаскиваетъ на улицу. Окончивъ операцію надъ бородою злополучна-

го «аблоката», онъ вдругъ припоминаетъ, что опозоренный и избитый имъ субъектъ носить *чинъ* штабсъ-капитана, что онъ «дворянинъ» и, слѣдовательно, «человѣкъ благородный». «Ты, говоритъ онъ ему,—офицеръ, и я офицеръ, если найдешь секунданта (*порядочно*, разумѣется, человѣка), присылай—дамъ удовлетвореніе,—хотя ты и мерзавецъ!»

«Рыцарскій духъ у вашего брата, такъ рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ самъ Снегиревъ брату Дмитрія Карамазова, Алешѣ.—Только гдѣ уже намъ дворянами оставаться-сь. Посудите сами-сь, изволили сами быть у меня сейчасъ въ хоромахъ,—что видали-сь? Три дамы сидятъ-сь: одна безъ ногъ, слабоумная (жена Снегирева), другая безъ ногъ,—горбатая (дочь его), а третья съ ногами, да слишкомъ уже умная, курсистка-сь, въ Петербургѣ снова рвется... права женщины русской отъискывать (вторая дочь). Про Илюшу (девятилѣтній его сынъ) не говорю-сь, одинъ, какъ перстъ, ибо умри я—что тогда со всѣми этими нѣдрами станетъ, я только про одно это вотъ спрошу-сь? А если такъ, то вызовъ я его на дуэль, а, ну, какъ онъ меня тотчасъ-же и убьетъ,—ну, что-же тогда? Съ ними-то тогда со всѣми что станется? Еще хуже того, если онъ не убьетъ, а лишь только меня искалѣчить: работать нельзя, а ротъ-то все-таки остается, кто-же его накормитъ тогда, мой ротъ, и кто-жъ ихъ-то всѣхъ тогда накормитъ-сь? Ахъ Илюшу, вѣсто школы, милостыню просить высылать ежедневно?»... «Хотѣлъ я его въ судъ позвать, но разверните нашъ кодексъ, много-ли мнѣ придется удовлетворенія за личную обиду мою-сь съ обидчика получить? А тутъ вдругъ Аграфена Александровна («дама сердца» Дмитрія Карамазова) призываетъ меня и кричитъ: «думать не смѣй! Если въ судъ его позовешь, такъ подведу, что всему свѣту публично обнаружится, что билъ онъ тебя за твое-же мошенничество и тогда самого-же тебя подъ судъ улекутъ». А Господь одинъ видитъ, отъ кого мошенничество-то это вышло, и по чьему приказу я, какъ мелкая сошка, тутъ дѣйствовалъ-сь, не по ея-ли самой распоряженію да Федора Павловича (отца Карамазова). «А къ тому-же прибавляетъ,—на-вѣки тебя прогоню и ничего ты у меня впредь не зарабатываешь. И купцу моему (своему содержателю) тоже скажу и тотъ тебя сгонитъ». «Вотъ и думаю, если и купецъ меня сгонитъ, то что тогда, у кого заработаю?.. Вѣдь они только двое мнѣ и остались... Вотъ я и притихъ-сь»... (Т. I, стр. 322, 323).

VI.

Такимъ образомъ, матеріальныя условія жизни не только заставляютъ Снегиревыхъ, Максимовыхъ и иныхъ обнищавшихъ культурныхъ людей продавать первому встрѣчному проходивцу свое человѣческое достоинство за кусокъ насущнаго хлѣба, — они въ то-же время отнимаютъ у него возможность всякой самозащиты, всякой даже *попытки* на протестъ. Подъ угрозою голодной смерти, они требуютъ отъ него безусловнаго смиренія, терпѣнія и всепрощенія... Вотъ, подъ влияніемъ, или лучше сказать, подъ гнетомъ какихъ общественныхъ факторовъ (далеко, какъ видите, не небеснаго происхожденія) въ забитомъ человѣкѣ насаждаются и укрѣпляются тѣ «добродѣтели», въ которыхъ романистъ усматриваетъ «искру Божію». Значеніе этихъ добродѣтелей, съ точки зрѣнія общественной пользы, съ точки зрѣнія общественнаго прогресса, настолько ясно и очевидно, что о немъ едва-ли стоитъ и говорить. Примиряя забытыхъ людей съ ихъ забитымъ положеніемъ, онѣ, такъ-сказать, укрѣпляютъ, консолидируютъ и увѣковѣчиваютъ тѣ ненормальныя условія жизни, которыя порождаютъ съ одной стороны Карамазовыхъ, Самсоновыхъ, Смердяковыхъ, Хохлоковыхъ, Грушенекъ и т. п., а съ другой Снегиревыхъ и Максимовыхъ. Иными словами, онѣ укрѣпляютъ и консолидируютъ порядокъ вещей, опирающейся на принципахъ, лежащихъ въ основѣ *крѣпостнаго права*... онѣ санкціонируютъ и увѣковѣчиваютъ моральное и умственное растлѣніе и «униженіе» человѣка.

Что-же касается до ихъ, такъ-сказать, чисто-психологическаго значенія, до ихъ влиянія на нравственный характеръ индивида, то и на этотъ счетъ не можетъ существовать никакихъ недоразумѣній и разногласій. Дѣло въ томъ, что въ каждомъ человѣкѣ (чего не отрицаетъ никакая даже мистика, а въ томъ числѣ и мистика Достоевскаго), какими небесными и сверхъестественными добродѣтелями онъ ни былъ-бы преисполненъ, всегда сидитъ *зѣбрь*, котораго мистики называютъ грубымъ, животнымъ эгоизмомъ, хотя его справедливѣе было-бы назвать простымъ инстинктомъ *самосохраненія*. Безъ этого инстинкта, присущаго каждому органическому существу, — органическая жизнь, какъ извѣстно, была-бы невозможна. А потому нѣтъ ничего удивительнаго, что никакія самыя противоестественныя даже условія жизни не могутъ вытравить его и изъ человѣка. Какъ-бы ни былъ человѣкъ забитъ и униженъ, — до какой-бы степени ни была въ немъ вкоренена привычка ползать, пресмы-

каться, цѣловать бьющую его руку, смиряться передъ гнетущимъ его насиліемъ, безропотно переносить издѣвательство надъ его человѣческимъ достоинствомъ, благодарить за плевки и унижаться передъ заушеніями, во всякомъ случаѣ, каждый разъ, когда ему приходится правитивовать это смиреніе и прощеніе и безроптное терпѣніе, когда ему приходится добровольно подставлять спину подъ плеть, щеки—подъ оплеухи, когда ему приходится лизать топчашую его ногу, каждый разъ, — «звѣрь» (т. е. инстинктъ самосохраненія), сидящій въ его душѣ, противъ его воли, даетъ ему себя чувствовать: онъ протестуетъ, негодуетъ, злится, онъ безжалостно его мучить и терзаетъ. Эти мученія и терзанія на языкѣ обыденной жизни называются *терзаніями*, *упреками* совѣсти. «Ты подлець, ты трусъ, ты негодай, укоряетъ она забитаго человѣка, — ты жалкое ничтожество, воплѣдъ достойное тѣхъ униженій и оскорбленій, которымъ тебя подвергаютъ». Такимъ образомъ, если съ одной стороны *смиреномудріе*, *незлобіе* и *долготерпѣніе* унижаютъ человѣка въ глазахъ людей, видящихъ интересъ въ эксплуатированіи его человѣческаго достоинства, то съ другой — инстинктъ самосохраненія, постоянно протестуя и возмущаясь тѣмъ чисто, такъ-сказать, внѣшнимъ униженіемъ, которому подвергаютъ забитаго человѣка его эксплуататоры, поселяетъ въ немъ чувство недовольства самимъ собою, иными словами, унижаетъ его въ его собственныхъ глазахъ, заставляетъ его *стыдиться самого себя*. Этотъ «стыдъ» передъ самимъ собою, служа источникомъ невыносимыхъ нравственныхъ мукъ для забитаго человѣка, дѣлаетъ его положеніе еще болѣе трагическимъ и безвыходнымъ. Онъ не позволяетъ ему измѣнить своихъ отношеній къ окружающимъ его людямъ, даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ изъ обнищалаго культурнаго приживальщика превращается въ обезпеченнаго культурнаго хищника, т. е. когда онъ не имѣетъ, повидимому, никакого побудительнаго мотива, никакой достаточной причины ползать и унижаться передъ своими культурными собратами. Федоръ Павловичъ Карамазовъ, бывшій помѣщичій приживальщикъ, давнымъ-давно уже всѣми правдами и неправдами скопилъ себѣ деньги и изъ *нищаго дворянина* превратился въ кулака-хищника, въ матеріальномъ отношеніи воплѣдъ самостоятельнаго и ни чуть не зависящаго отъ окружающихъ его хищниковъ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ по-прежнему продолжаетъ «словоерсничать», подличать и уничтожаться передъ ними; онъ по-прежнему разыгрываетъ роль шута. Почему? А потому, что «стыдъ передъ самимъ собою» до такой степени въѣлся въ его душу, что онъ ни при какихъ матеріальныхъ условіяхъ не въ состояніи отрѣшиться

отъ него. «Вы сказали мнѣ, признается онъ отцу Пансію,—что не должно *стыдиться столь самого себя, потому-что отъ сего лишь все и выходитъ*», замѣчаніемъ этимъ вы меня какъ-бы насквозь проткнули и внутри прожгли. Именно, мнѣ все такъ и кажется, когда я къ людямъ вхожу, что я подлѣе всѣхъ и что меня всѣ за шута принимаютъ, такъ вотъ давай-же я и въ самомъ дѣлѣ съиграю шута, не боюсь вашихъ мнѣній, потому-что всѣ вы до единого подлѣе меня. Вотъ потому я и шутъ, *отъ стыда шутъ*, старецъ великій, отъ стыда. Отъ мнительности одной и буюню. Вѣдь, если-бы я только былъ увѣренъ, когда вхожу, что всѣ меня за милѣйшаго и умнѣйшаго человѣка сейчасъ-же примуть, — Господи, какой-бы я тогда былъ добрый человѣкъ!» (Т. I, стр. 73).

Какими добрыми нѣжными, любвеобильными людьми были-бы «забитые люди», если-бы окружающіе ихъ люди относились-бы къ нимъ съ любовью и уваженіемъ, относились-бы къ нимъ *по человѣчески*. Но, увы! подобныя отношенія къ нимъ для большинства окружающихъ ихъ людей совершенно невысказаны. Невозможно и не только невозможно, но даже противоположно требовать отъ людей «любовнаго», симпатическаго, нѣжнаго отношенія къ человѣку, торгующему, въ интересахъ своего самосохраненія, своимъ человѣческимъ достоинствомъ. А именно эту-то торговлю и живутъ тѣ «забитые люди», о которыхъ мы теперь и говоримъ. Условія общественной жизни, помимо ихъ воли и желанія, поставили ихъ въ это положеніе, и это ужасно, это возмутительно! но, тѣмъ не менѣе, тѣ логическія послѣдствія, которыя вытекаютъ для нихъ изъ этого положенія, вполне естественны и неустраняемы. Однако, ихъ естественность и неустраняемость имѣетъ силу лишь *общаго правила*; а извѣстно, что нѣтъ такого общаго правила, которое не допускало-бы *исключеній*; въ «забитыхъ людяхъ», хотя и въ рѣдкихъ случаяхъ, но все-же иногда приходится наткнуться на такія исключенія. *Во-первыхъ*, среди унижающихъ и оскорбляющихъ ихъ эксплуататоровъ попадаются подчасъ разные русскіе нѣжно-рыхлые недоросли изъ дворянъ à la помѣщикъ Калгановъ или сердобольныя барыни, совѣщающія въ сердцѣ своемъ (выражаясь словами одного изъ братьевъ Карамазовыхъ) «идеалъ Мадонны съ идеаломъ Содомскимъ», вроде Грушеньки, которые, унижая и оскорбляя «забитаго человѣка», приправляютъ свои униженія и оскорбленія нѣжными ласками, симпатическими изліяніями и т. п. Эти ласки и изліянія обыкновенно бываютъ вполне искренни,—онѣ выливаются прямо отъ сердца и забитый человѣкъ, вроде Максимова, имѣетъ резонъ видѣть въ нихъ нѣкото-

рый признакъ болѣе или менѣе человѣческаго къ себѣ отношенія.

Во-вторыхъ, «забитые люди», какъ вы ихъ не забивайте, все-же люди—и, въ качествѣ людей, одаренныхъ природою извѣстными, если хотите, *животными*, но, все-же непоборимыми *потребностями*, живутъ, обыкновенно, не анахоретами, а обзаводятся, при первой возможности, дурной или хорошей, но все-же *семьей*. Невозможно,—въ какія-бы условія вы ихъ не ставили,—отнять у нихъ право на *семейную жизнь*. Въ большинствѣ случаевъ—по причинамъ для всякаго понятнымъ и къ которымъ мы еще будемъ имѣть поводъ вернуться, въ большинствѣ случаевъ, семейная жизнь забитыхъ людей—это адъ крошечный. Взаимные попреки, нескончаемыя ссоры и дразги, порождаемыя хроническимъ голодашемъ, дѣти, клянущіе отцевъ, отцы, смотрящіе на своихъ дѣтей, какъ на лишнюю обузу, матери, торгующія дочерьми, мужья, продающіе женъ и т. д. и т. д.—все это обыденныя, заурядныя явленія въ семейной жизни обнищавшаго культурнаго человѣка. Но опять-таки и здѣсь бываютъ исключенія. Находятся въ состояніи вѣчной озлобленности и вражды къ окружающимъ людямъ, въ состояніи вѣчнаго недовольства и *стыда* передъ самимъ-собою, вѣчно передъ всѣми унижаться и притворяться, ни отъ кого не видѣть ни любви, ни ласки, ни симпатіи—это совершенно противоестественно и невозможно ни для какаго человѣка, въ которомъ еще не замеръ окончательно *инстинктъ самосохраненія*. Потому ничуть не удивительно, что и эти «парія» и «отверженцы» общества, — эти Ермолаевы, Максимовы, Снегиревы, поставленные условіями жизни въ подобное противоестественное и невозможное положеніе, не могутъ съ нимъ примириться, что они ищутъ изъ него выхода. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ они находятъ его въ семейныхъ привязанностяхъ. Въ этихъ привязанностяхъ ищутъ они *хотя-бы минутнаго удовлетворенія* требованіямъ своей человѣческой природы, т. е. инстинкта самосохраненія, хотя-бы минутнаго *примиренія* съ самимъ-собою. Любовь къ дѣтямъ, женѣ и т. п. и въ особенности любовь дѣтей, жены и т. п. реабилитируетъ ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ. Сознаніе, что есть существа, которымъ они не противны, которыя ихъ любятъ, которымъ они *нужны*—это сознаніе облегчаетъ тяжесть и унижительность того вѣчнаго *стыда передъ самимъ-собою*, подъ гнетомъ котораго они осуждены жить... Вотъ почему, при сколько-нибудь благопріятныхъ условіяхъ, они хватаются за чувства—назовите ихъ *животными*, если хотите,—за чувства, естественно возникающія на почвѣ семейныхъ отношеній, какъ утопающій

хватается за соломенку; они ихъ холятъ, лелѣютъ, развиваютъ, и раздуваютъ не рѣдко до болѣзненныхъ преувеличеній, не рѣдко до геройскаго самопожертванія... Вспомните семейныя отношенія злополучнаго, спившагося съ круга, кабацкаго завсегда-тая Ермолаева, вспомните его потрясающую, душу раздирающую исповѣдь! Перечтите страницы, посвященные авторомъ «Братьевъ Карамазовыхъ», описанію семейной жизни и *семейныхъ чувствъ* всѣми унижаемаго и презираемаго штабсъ-капитана Снегирева (см. т. I, стр. 308—334, т. II, стр. 328—351, 360—366, 686—694). Онъ благоговѣетъ передъ своимъ девятилѣтнимъ Илюшей, въ немъ сосредоточены всѣ радости, всѣ надежды, весь смыслъ его жизни; можно-ли представить себѣ что-нибудь жгучѣе, что-нибудь сильнѣе и самоотверженнѣе этой любви? А съ какою нѣжностью, съ какою трогательною симпатіею и деликатностью относится этотъ спившійся «ябедникъ» къ своей безногой, полусумасшедшей женѣ, къ своей больной, горбатой дѣвочкѣ, и даже къ этой «умной курсисткѣ», которая, узнавъ о позорномъ побіеніи своего отца, съ пренебреженіемъ ворчала: «шуты, паяцы, развѣ можетъ у васъ что разумное быть?» Для болѣе наглядной характеристики этихъ отношеній, я позволю себѣ привести лишь одну страничку изъ разговора Снегирева съ Алешей, братомъ избившаго капитана Дмитрія Карамазова. Алеша, отъ имени одной «благородной дамы», считающейся невѣстою Дмитрія, предлагаетъ опозоренному «аблокату» 200 руб. Снегиревъ, не раскусивъ сначала, какое униженное для него значеніе можетъ имѣть въ глазахъ близкихъ ему лицъ эта «плата за безчестіе», приходитъ въ неописанный восторгъ отъ Алешинаго предложенія. «Знаете-ли вы, съ умиленіемъ восклицаетъ онъ,—что я и маленьку (безногую жену), и Ниночку, горбатенькаго-то ангела моего, дочку-то, полѣчить теперь могу? Пріѣзжалъ ко мнѣ докторъ Герценштубе, по добротѣ своего сердца, осматривалъ обѣихъ цѣлый часъ: «не понимаю, говорить, ничего», а однако-же минеральная вода, которая въ аптекѣ здѣшной есть, несомнѣнную пользу ей принесетъ, да ванны ножныя тоже ей прописалъ. Минеральная-то вода стоитъ тридцать копѣекъ, а кувшиновъ-то надо выпить, можетъ быть, сорокъ. Такъ я взялъ да и положилъ рецептъ на полку, подъ образа, тамъ и лежитъ. А Ниночку прописалъ купать въ какомъ-то растворѣ, въ горячихъ ваннахъ такихъ... такъ гдѣ-же намъ было сочинить такое леченье-съ, у насъ-то, въ хоромахъ-то нашихъ, безъ прислуги, безъ помощи, безъ посуды и воды-съ? А Ниночка-то вся въ ревматизмѣ... по ногамъ ноетъ у нея вся правая половина, мучается, и, вѣрите-ли, Ан-

гель Божій, крѣпится, чтобы насъ не обезпокоить, не стонетъ, чтобы насъ не разбудить. Кушаемъ мы, что попало, что добудется, такъ вѣдь она самый послѣдній кусокъ возьметъ, что собакѣ только должно выкинуть: не стою, дескать, я и этого куска, я у васъ отнимаю, вамъ бремениемъ сажу». Вотъ что ея взглядъ ангельскій хочетъ изобразить. Служимъ мы ей, а ей это тягостно: «не стою я того, не стою, недостойная я калѣка, бесполезная»... А и Варвару-то Николаевну (старшая дочь курсистка) то-же не осуждайте-сь, то-же ангель она, то-же обиженная. Прибыла она къ намъ лѣтомъ, а было съ ней шестнадцать рублей, уроками заработала и отложила ихъ на отъѣздъ, чтобы въ сентябрѣ, т. е. теперь, въ Петербургъ на нихъ воротиться. А мы взяли денежки-то ея и прожили, и не на что ей теперь воротиться, вотъ какъ-сь! Да и нельзя воротиться-то, потому на насъ, какъ каторжная, работаетъ, вѣдь мы ее, какъ влячу запрягли и осѣдали, за всѣми ходитъ, чинить, моетъ, полъ мететъ, маменьку въ постель укладываетъ, а маменька капризная-сь, а маменька слезливая-сь, а маменька сумасшедшая-сь. Такъ вѣдь теперь я на эти двѣсти рублей служанку нанять могу-сь, понимаете-ли вы, лѣчение милыхъ существъ предпринять могу-сь, курсистку въ Петербургъ отправлю-сь, говядины куплю-сь, діету новую заведу-сь, Господи, да вѣдь это мечта!» (т. I, стр. 331). И онъ долго и съ любовью развиваетъ эту мечту... но, вдругъ въ головѣ его неожиданно возникаетъ ужасный вопросъ: а что скажетъ Илюша, Илюша, который съ такими клятвами и слезами умолялъ его «ни за что не мириться» и за «безчестіе не брать денегъ», Илюша, который столько уже за него пострадалъ, который теперь только о томъ и мечтаетъ, какъ-бы отомстить за позоръ своего отца, Илюша—единственное существо, которое такъ беззавѣтно его любитъ, единственное существо, которое осмѣлилось поднять въ его защиту свою маленькую руку, возвысить за него свой слабенькій голосъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! онъ не унижится въ глазахъ Илюши... Пусть лучше пропадетъ злополучная курсистка, пусть лучше «горбатенькій ангельчикъ» останется безъ помощи, пусть и Илюша не встанетъ съ постели, но онъ не осквернитъ себя передъ «своимъ мальчикомъ». И Снегиревъ съ остервененіемъ схвативъ деньги, смялъ ихъ, бросилъ на землю и сталъ топтать каблуками. «Вотъ ваши деньги-сь! Вотъ ваши деньги-сь! Вотъ ваши деньги-сь! Доложите пославшимъ васъ, что *мочалка* (такъ его прозвали послѣ его исторіи съ Дмитріемъ Карамазовымъ) чести своей не продаетъ-сь! А что-же-бы я моему мальчику-то сказалъ-бы, если-бы у васъ деньги за позоръ нашъ взялъ» (ib. стр. 334).

Но не только симпатическое отношеніе со стороны «домашнихъ» возбуждаетъ въ забитомъ человѣкѣ потребность любви, дѣлаетъ его добрымъ и нѣжнымъ, заставляетъ его хоть на минуту «возвышаться въ своихъ собственныхъ глазахъ»*),—тотъ-же эффектъ, хотя и въ меньшей степени, производитъ на него и всякая искренняя ласка, всякое, хотя-бы и самое незначительное вниманіе, оказанныя ему даже людьми, для которыхъ онъ служитъ лишь простымъ шуткомъ и забавникомъ. Развѣ Максимовъ не умиляется Калгановымъ, который заставляетъ его потѣшать себя рассказами о томъ, какъ его, Максимова, господа-помѣщики «за его образованіе» высѣли, какъ обманывала его жена и т. п. Развѣ тотъ-же Максимовъ не привязался съ нѣжностью собаки къ Грушенькѣ потому только, что она была къ нему *ласкова*,—хотя она и терпѣла его у себя только въ качествѣ забавника, да потому еще, что къ нему привыкла?»—«Господи, какой, какой-бы я былъ добрый человѣкъ, восклицаетъ отецъ-Карамазовъ, если-бы ко мнѣ относились люди не какъ къ подлецу и шуту?» И каждый забитый человѣкъ думаетъ про себя то-же самое. Но, на бѣду ихъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ и только очень немногіе люди могутъ относиться къ нимъ такъ, чтобы своими отношеніями вызывать въ нихъ нѣжныя и добрыя чувства. Потому эти нѣжныя и добрыя чувства могутъ возбуждаться въ нихъ только въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ. Въ силу естественныхъ потребностей своей природы, они, какъ мы показали, хватаются за эти случаи, какъ утопающій за соломенку... Но, увы, изъ примѣра того-же Снегирева (не говоря уже объ Ермолаевѣ) легко убѣдиться, что и эта соломенка не можетъ спасти ихъ; мало того,—она часто ускоряетъ лишь ихъ погибель, увлекая ихъ, подобно тяжеловѣсному камню, въ бездонную пучину человѣческихъ «униженій и оскорбленій». Развѣ не любовь къ семьѣ вынудила Соню (въ «Преступленіи и Наказаніи») сдѣлаться проституткою? Развѣ не она довела Ермолаева до того ужаснаго положенія, въ которомъ нашелъ его Раскольниковъ? Развѣ не она (отчасти, конечно), довела героя «Бѣдныхъ людей» до его приниженной забитости? Развѣ не она заставила Снегирева глотать съ безропотною покорностью плевки и заушенія, пресмыкаться передъ «унижающими» его, лизать ноги, топчущія его въ грязь? Развѣ не она, наконецъ, убѣдила его въ необходимости взять тѣ самыя двѣсти рублей, которые ему предложила «невѣста» его оскорбителя и

*) Когда Снегиревъ бросилъ деньги, то «весь видъ его, замѣчаетъ авторъ,—изобразилъ собою невнятную гордость».

отъ которыхъ онъ сначала съ такимъ благороднымъ негодованіемъ отказывался?

Не очевидно-ли послѣ этого, что даже тѣ нѣжныя, добрыя чувства, которыя неудержимо пробуждаются и съ стремительною силою развиваются въ душѣ забитаго человѣка, подъ вліяніемъ извѣстныхъ жизненныхъ отношеній и столкновеній, въ большинствѣ случаевъ служатъ не благу, а ко вреду,—и не только къ его личному вреду, но, быть можетъ, и ко вреду всего общества. Они только усиливаютъ и укрѣпляютъ въ немъ мотивы, заставляющіе его пресмыкаться, ползать и торговать его человѣческимъ достоинствомъ. Они не выводятъ его изъ его «забитаго положенія», а, напротивъ, отнимаютъ всякую надежду когда-нибудь изъ него выйти. Однимъ словомъ, они еще глубже и герметичнѣе закупориваютъ его въ той безразсвѣтной темницѣ человѣческихъ «униженій и оскорбленій», въ которую запрятала его... судьба...

УШ.

Разсмотрѣнная нами простѣйшая разновидность забитыхъ людей порождается и обуславливается, какъ мы видѣли, двумя основными причинами: *невозможностью*, въ которую ставятъ иногда жизнь культурнаго человѣка существовать насчетъ труда некультурныхъ людей и его *неспособностью* къ какому-бы то ни было производительному труду. Потому разновидность эта имѣетъ чисто, такъ-сказать, мѣстный характеръ, она возможна лишь въ извѣстной *средѣ*,—въ средѣ культурныхъ классовъ общества, внѣ-же ея она совершенно не мыслима. Нельзя того-же сказать о другой разновидности того-же типа забитыхъ людей, о той разновидности, къ которой мы отнесли Алешу, отца Зосима и другихъ отцевъ, фигурирующихъ въ «Братьяхъ Карамазовыхъ».

«Забитые люди» этой разновидности принадлежатъ не къ одной только культурной средѣ,—ихъ можно встрѣтить во всѣхъ слояхъ и классахъ общества, какъ среди людей образованныхъ, такъ и среди безграмотныхъ невѣждъ, какъ среди бѣдняковъ, такъ и среди людей, матеріально обеспеченныхъ, какъ среди эксплуататоровъ человѣческаго труда, такъ и среди эксплуатируемыхъ. Отецъ-Зосима, напр., былъ человѣкомъ весьма состоятельнымъ, происходилъ изъ семьи весьма достаточныхъ помѣщиковъ и по своему общественному положенію и по своему образованію принадлежалъ не только къ культурнымъ классамъ вообще, но къ ихъ интеллигентному меньшинству въ частности. Алеша въ матеріальномъ отношеніи былъ тоже вполне обеспеченъ: онъ не

зналъ нужды и не имѣлъ надобности «въ потѣ лица» добывать себѣ хлѣбъ насущный. Братъ Анеимъ, напротивъ, былъ бѣдный, загнанный мужечекъ, «чуть-ли даже не малограмотный».

Очевидно, причины, порождающія этотъ типъ забытыхъ людей, коренятся не въ условіяхъ жизни той или другой *отдѣльной* общественной группы, того или другого общественнаго класса и т. п., а въ условіяхъ жизни всего общества, всѣхъ общественныхъ группъ и классовъ, иными словами, въ тѣхъ основныхъ принципахъ, на которыхъ построено наше *общество*. Какъ на одинъ изъ такихъ принциповъ авторъ «Братьевъ Карамазовыхъ» указываетъ на принципъ *индивидуальности*, или, выражаясь его словами, *личнаго уединенія*. «Каждый, говоритъ онъ,—стремится отдѣлить свое лицо наиболѣе, хочетъ испытать въ самомъ себѣ полноту жизни,—всѣ раздѣлились на *единицы*, всякій уединяется въ свою нору, всякій отъ другого удаляется, прячется»... «копилъ уединенно богатство и думаетъ: сколь силенъ я теперь и сколь обезпеченъ, а и не знаетъ безумный, что чѣмъ болѣе копить, тѣмъ болѣе погружается въ самоубійственное безсиліе». «Человѣкъ пріучается надѣяться на себя одного и отдѣляется отъ цѣлаго, онъ перестаетъ вѣрить въ людскую помощь, въ людей, въ человѣчество и только и трепещетъ того, что пропадутъ его деньги и пріобрѣтенныя имъ права его. (Т. I, стр. 476). Это-то индивидуальное *обособленіе* и *уединеніе* личности и обуславливаетъ, по мнѣнію автора, тотъ фактъ, что всѣ члены современнаго общества,—безъ различія ихъ экономическаго положенія и ихъ умственнаго развитія,—богатые и бѣдные, интеллигентные и безграмотные, эксплуатируемые и эксплуатирующіе—всѣ члены «живутъ лишь для зависти другъ къ другу, для плотоугодія и чванства». «Имѣтъ обѣдъ, выѣзды, экипажи, чины и рабовъ-прислужниковъ, считается уже такою необходимостью, для которой жертвуютъ жизнью... То-же самое видимъ и у тѣхъ, которые не богаты; и у бѣдныхъ, не могущихъ удовлетворять этимъ своимъ потребностямъ, развивается ненависть, зависть, озлобленіе, заглушаемая пьянствомъ, а упившись вина, они упиваются или будутъ упиваться и *кровью*». (Т. I, стр. 492). Обособленіе и уединеніе личности порождаетъ нескончаемую борьбу *каждою* со *всѣми* и *всѣхъ* съ *каждымъ*. Человѣкъ человѣку становится *волкомъ*. Каждый наровитъ подставить ножку своему ближнему, урвать кусокъ изъ его рта, захватить возможно большую долю его *труда*,—его *свободы*, его *личнаго счастья*. А такъ-какъ въ этой непрерывной братоубійственной борьбѣ силы борющихся далеко не равны, такъ-какъ одни являются на арену съ головы до ногъ вооруженными, а

другіе съ голыми руками, то понятно, что въ результатѣ борьбы является не уравниженіе и не гармонія личныхъ интересовъ, а *эксплуатація чловѣка чловѣкомъ* и «непокойство, смятеніе и несчастіе» (стр. 404). Это-то вѣчное «непокойство, смятеніе и несчастіе» должны неизбѣжно ожесточать и озлоблять чловѣка, какую-бы роль судьба ни судила ему разыгрывать въ жизни: роль-ли побѣдителя и эксплуататора или роль побѣжденнаго и эксплуатируемаго,—въ обоихъ случаяхъ роли эти находятся въ полномъ противорѣчій съ естественными побужденіями его природы,—съ основными требованіями его инстинкта само-сохраненія. Въ обоихъ случаяхъ онъ развиваютъ въ немъ такіа чувства, такіа инстинкты, такіа афекты, такіа *привычки*, которыя не только разрушаютъ, если можно такъ выразиться, его *психическое здоровье*, порождаютъ въ немъ недовольство самимъ собою и постоянно возмущаютъ его душевный міръ, но и въ высшей степени губельно дѣйствуютъ на его физическій организмъ, разстроиваютъ его физиологическіа функціи, служатъ источникомъ всевозможныхъ болѣзней пищеварительныхъ, дыхательныхъ и иныхъ органовъ,—болѣзней печени, сердца, кровеносныхъ сосудовъ и т. п. Такимъ образомъ, положеніе *эксплуатирующаго*, какъ и положеніе *эксплуатируемаго*, представляются одинаково *противоестественными*, одинаково несообразными съ требованіями чловѣческаго счастья и благополучія... А между тѣмъ данныа общественныа отношенія, проникнутыа принципомъ индивидуализма—принципомъ «каждый за себя и каждый для себя» даютъ индивиду на выборъ *только* эти два положенія: «будь или *волкомъ* или *овцею*» или поѣдай своихъ ближнихъ, или предоставляй самого себя на поѣданіе своимъ ближнимъ. И то и другое весьма непріятно, и то и другое отвратительно и противоестественно, но необходимо выбрать одно изъ двухъ: третьяго выхода нѣтъ.

Таковы, по мнѣнію автора «Братьевъ Карамазовыхъ», практическіа послѣдствія того «*періода чловѣческаго уединенія*», которое мы переживаемъ въ настоящее время. Что послѣдствія эти указаны авторомъ вполне вѣрно, что они вполне соотвѣтствуютъ фактамъ реальной дѣйствительности,—противъ этого, разумѣется, ни одинъ здравомыслящій чловѣкъ спорить и прекословить не станетъ. Но, если эти послѣднія *обусловливаются* принципомъ *индивидуальной обособленности*, какъ утверждаетъ авторъ, то, въ свою очередь, чѣмъ-же обусловливается и объясняется самый этотъ принципъ. По мнѣнію автора, на что, впрочемъ, нами уже было указано выше, причина повсемѣстнаго господства принципа индивидуальной обособленности за-

включается, *во-первыхъ*, въ томъ, что люди *«хотятъ устроиться справедливо однимъ лишь умомъ, по наукѣ»* (Т. I, стр. 495), а *«въ наукѣ у нихъ лишь то, что подвержено чувствамъ, міръ-же духовный, высшая половина существа человѣческаго, отвергнута вовсе»* (ib. стр. 491); *во-вторыхъ*, въ томъ, что міръ понимаетъ *свободу* въ смыслѣ лишь насыщенія и приумноженія потребностей» (ib. стр. 492). Само собою понятно, что если-бы даже явленія, въ которыхъ авторъ ищетъ причину господства индивидуальной обособленности, были вполнѣ реальныя, если-бы дѣйствительно, *«свобода, провозглашенная міромъ»*, понижалась людьми лишь въ смыслѣ *«насыщенія и приумноженія потребностей»*, если-бы, дѣйствительно, *наука* отвергала все, что *«не подвержено непосредственно чувствамъ»*, а люди, дѣйствительно, *«стремились-бы устроиться справедливо однимъ лишь умомъ»*,— если-бы все это было справедливо, то и тогда эти явленія были-бы не *причиною*, а лишь *слѣдствіемъ* господства индивидуальной обособленности. Дѣйствительная-же причина послѣдней, очевидно, лежитъ гораздо глубже, чѣмъ думаетъ авторъ: ее слѣдуетъ искать не въ томъ или другомъ *направленіи* науки, не въ господствѣ тѣхъ или другихъ *теорій*, не въ преобладаніи тѣхъ или другихъ чувствъ, стремленій, психическихъ привычекъ и нравственныхъ воззрѣній чловѣка, а въ тѣхъ коренныхъ основныхъ факторахъ общественной жизни, отъ которыхъ зависятъ и которыми обуславливаются и научныя направленія, и теоріи, и нравственныя воззрѣнія и психическія привычки людей. Эти *основныя факторы*, опредѣляющіе весь складъ и характеръ данной домашней и общественной жизни, умственное и нравственное развитіе общества, его политическія и юридическія учрежденія, взаимныя отношенія его членовъ и т. п. эти основныя факторы суть факторы *экономическіе*. А потому, чтобы вполнѣ понять и уяснить себѣ истинное значеніе и *подлинную, общую* причину тѣхъ явленій, въ которыхъ нашъ авторъ видитъ практическія послѣдствія лишь *индивидуальнаго обособленія*, слѣдуетъ обратиться къ анализу этихъ экономическихъ факторовъ, къ анализу принциповъ, лежащихъ въ ихъ основѣ и регулирующихъ ихъ отношенія. Только подобный анализъ можетъ открыть глаза забитому чловѣку, только онъ можетъ объяснить ему, почему, при данныхъ жизненныхъ условіяхъ, онъ необходимо долженъ быть или хищнымъ волкомъ или безответною овцею, только онъ можетъ разоблачить истинный смыслъ тѣхъ конкретныхъ явленій, которыя давятъ, возмущаютъ, унижаютъ и оскорбляютъ его, наконецъ,—только этотъ анализъ можетъ привести его къ пониманію наиболѣе

цѣлесообразныхъ средствъ для борьбы съ этими явленіями, только онъ можетъ указать ему настоящій, реальный, а не призрачный исходъ изъ его, повидимому, безвыходнаго положенія. Но бѣда въ томъ, что для громаднаго большинства не только не культурныхъ, но и культурныхъ классовъ общества подобный анализъ—вещь крайне затруднительная и нерѣдко даже совершенно невозможная и неосуществимая. О причинахъ этой трудности и невозможности мы здѣсь, разумѣется, не станемъ распространяться; онѣ весьма разнообразны, но, въ концѣ-концовъ, онѣ тоже сводятся къ тѣмъ общимъ экономическимъ причинамъ, о которыхъ мы сейчасъ только-что говорили. Оставимъ ихъ въ сторонѣ и ограничимся лишь статированіемъ *факта*. Въ истинности этого факта едва-ли кто-либо станетъ сомнѣваться: да, большинство людей (культурныхъ и некультурныхъ) не имѣетъ возможности, а иногда ни охоты, ни досуга, доискиваться до скрытаго смысла и коренной причины угнетающихъ ихъ явленій данной конкретной дѣйствительности. Большинство, и въ этомъ случаѣ авторъ «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», авторъ «Преступленія и Наказанія», «Идиота» и «Братьевъ Карамазовыхъ» не составляетъ исключенія изъ большинства; большинство старается, обыкновенно, объяснить себѣ эти явленія тѣми непосредственными впечатлѣніями, аффектами, чувствами и т. п., которые они порождаютъ въ человѣческой душѣ. Извѣстная, напр., жизненная обстановка развиваетъ въ человѣкѣ извѣстныя потребности, извѣстныя инстинкты, желанія и т. п.; очевидно, послѣдніе являются лишь, какъ *слѣдствіе* первой; но въ глазахъ большинства *первая* представляется *слѣдствіемъ послѣднихъ*. Человѣкъ поставленъ въ такія условія существованія, которыя заставляютъ его, положимъ, вѣчно и непрерывно грызться и враждовать со своими ближними; эта вѣчная грызня и вражда ему не по вкусу, она противна его природѣ,—онъ хочетъ во что-бы то ни стало прекратить ее и жить со всѣми въ мирѣ, любви и согласіи. Но, какъ это сдѣлать? измѣнить «*условія существованія*», т. е. устранить порождающія ихъ причины. Но въ чемъ заключаются эти причины? спрашиваетъ себя человѣкъ большинства. «Во мнѣ самомъ, въ моихъ инстинктахъ и потребностяхъ, въ моей алчности, жадности, въ моемъ озлобленіи, въ черствости моего сердца и т. п.». Отсюда неизбежный выводъ, къ которому приходятъ всѣ *забитые люди* Достоевскаго и къ которому приходитъ и самъ авторъ: «чтобы передѣлать міръ *по-новому*, т. е., чтобы устранить тѣ жизненныя условія, которыя дѣлаютъ изъ человѣка либо хищнаго волка, либо беззащитную и всѣми эксплуатируемую овцу, надо, чтобы лю-

ди сами *психически* повернулись на другую дорогу. Раньше, чѣмъ онъ сдѣлается, въ самомъ дѣлѣ, всякому братомъ, не наступить братство» (Т. I, стр. 476). Такъ разсуждаютъ забытые люди той разновидности, о которой мы теперь говоримъ, такъ разсуждаютъ отцы Зосимы, Паисіи, Анфимы, Алеши и всѣ имъ подобные. Войдите въ положеніе этихъ забытыхъ людей, войдите въ положеніе челоуѣка, который вслѣдствіе какихъ-нибудь благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій своего воспитанія, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ наслѣдственныхъ *предрасположеній* и т. п. не приобрѣлъ еще психическихъ *привычекъ*, могущихъ хотя и не вполне (*вполнѣ* невозможно), но, хоть отчасти примирить его съ ролью хищнаго волка или безотвѣтной овцы, и въ то-же время который неспособенъ (въ силу условій отъ воли его ничуть независящихъ) уяснить себѣ истинную причину жизненныхъ явленій, заставляющихъ его, противъ воли, быть или волкомъ или овцею, войдите въ положеніе этого челоуѣка, и вы поймете, что ему почти невозможно разсуждать иначе. Чтобы убѣдиться нагляднѣе въ этой невозможности, припомнимъ, въ общихъ, конечно, чертахъ, исторію развитія и юношеской жизни двухъ характерныхъ представителей этого сорта забытыхъ людей, отца Зосима и Алеши Карамазова, двухъ героев послѣдняго романа г. Достоевскаго,—героевъ, къ которымъ авторъ относится съ нескрываемою симпатіею, и душу которыхъ онъ анализируетъ съ особенною любовью и обстоятельностью.

Отецъ Зосима, въ мірѣ Зиновій, происходилъ, какъ онъ самъ о себѣ разсказываетъ, «отъ родителя дворянина, но не знатнаго и не весьма чиновнаго». Родитель этотъ умеръ, когда Зиновію было всего два года. Оставилъ онъ матушкѣ его «деревянный домъ, небольшой и нѣкоторый капиталъ, не великій, но достаточный, чтобы прожить съ дѣтьми не нуждаясь». Въ семьѣ матеріально обезпеченной, избавленной отъ необходимости грызться и враждовать съ окружающими ее людьми изъ-за куска насущнаго хлѣба, царилъ ненарушимый миръ, любовь и согласіе. Мать безъ ума любила своихъ дѣтей—Зиновія и его старшаго брата Маркела; сыновья отвѣчали ей взаимностью. Несмотря на разность ихъ лѣтъ (Маркелъ былъ старше Зиновія на восемь лѣтъ), оба брата связаны были тѣсною дружбою. Старшій братъ, по словамъ младшаго, былъ «хотя и раздражительнаго характера, но добрый, не насмѣшливый и какой-то странно-молчаливый». Тихая, мирная, спокойная, чуждая всяческихъ тревоженій и невзгодъ семейная жизнь естественно должна была благопріятствовать насажденію и укрѣпленію въ сердцахъ Зиновія и Маркела чувствъ, аффектовъ и вообще *душев-*

ныхъ настроеній, весьма мало гармонировавшихъ съ тѣмъ режимомъ борьбы за существованіе, среди котораго имъ приходилось жить и дѣйствовать. Противорѣчіе естественныхъ требованій ихъ природы съ столь-же естественными требованіями этого режима, повидимому, очень рано почувствовалось старшимъ братомъ Зиновія—Маркеломъ. Чтобы жить съ волгами, нужно и выть по-волчьи, а это ему было противно; что-же дѣлать? какъ выйдти изъ заколдованнаго круга? Провлѣтые вопросы мучили его и раздражали; оттого-то, несмотря на свою доброту, онъ былъ,—разсказываетъ его братъ,—«вспыльчивъ, раздражителенъ; постоянно молчалъ и ни съ кѣмъ изъ товарищей не сходилъ». За полгода до своей смерти повадился онъ ходить «къ одному уединенному человѣку, какъ-бы политическому ссыльному; былъ-же этотъ ссыльный не малый ученый и знатный философъ»... Разумѣется, этотъ «какъ-бы политическій ссыльный и знатный философъ» сомнѣній, мучившихъ Маркела, разрѣшить не могъ, такъ-какъ онъ, по всей вѣроятности, говорилъ ему объ «устройствѣ справедливой жизни по уму» и «по наукѣ, отвергающей высшую половину существа человѣческаго». Быть можетъ, онъ говорилъ о необходимости активной борьбы, о протестѣ и вообще о такихъ вещахъ, осуществленіе которыхъ требуетъ отъ человѣка не одного только *прекраснодушія*, а и нѣкоторыхъ другихъ качествъ, не оказавшихся въ наличности у Маркела. Какъ-бы то ни было, но бесѣды «знатнаго философа» только еще болѣе ожесточили сердце брата Зиновія и смутили его умъ: «онъ пересталъ поститься, началъ браниться и надъ всѣмъ смѣяться; все это бредни, говорилъ онъ,—и нѣтъ никакого Бога». Домашніе были въ отчаяніи, прислуга впала въ соблазнъ и «я, разсказываетъ Зиновій,—хотя и былъ всего девяти лѣтъ, но услышавъ сіи слова, испугался». Передъ смертью, однако, покаялся въ своихъ дерзостныхъ мысляхъ, внушенныхъ ему «знатнымъ философомъ», и нашелъ неожиданный исходъ изъ своего, повидимому, безвыходнаго положенія. Жизнь, построенная на принципахъ «борьбы за существованіе», индивидуальной обособленности, эксплуатаціи человѣческаго труда и т. п., представлялась его уму какимъ-то *адомъ*; и это-то и мучило его; чтобы покончить съ этими мученіями, онъ рѣшился увѣрить себя, что представленіе его о жизни, какъ *адъ*, ошибочно; что стоитъ только всѣмъ убѣдить себя, что жизнь не *адъ*, а *рай*, и она, дѣйствительно, сдѣлается раемъ. А чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно лишь «*всѣмъ все простить*»; нужно проникнуться мыслью, что «нѣтъ виновныхъ, такъ-какъ всѣ *одинаково* виноваты другъ передъ другомъ». И онъ заставилъ дойти себя до этого созна-

ніа, и когда дошелъ до него, «съ нимъ, по словамъ его брата Зиновія, дивная началась вдругъ переѣна». «Мама, говорилъ онъ своей плачущей матери,—не плачь, жизнь есть рай и всѣ мы въ раю, да только не хотимъ знать этого, а если-бы захотѣли узнать, завтра-же и сталъ-бы на всемъ свѣтѣ рай». «Матушка, кровинушка ты моя милая, радостная, знай, что, во истину, всякій передъ всѣми за всѣхъ и за все виновать». (Т. I, стр. 453) «И какъ это мы жили, сердились и ничего не знали?.. Милые чего мы ссоримся, другъ передъ другомъ хвалимся, одинъ на другомъ обиды помнимъ; прямо въ садъ пойдемъ и станемъ гулять и рѣзвиться, другъ друга любить и восхвалять и цѣловать и жизнь нашу благословлять!» (ib. стр. 454). Проникаясь все глубже и глубже сознаниемъ своей *виновности* передъ всѣми, онъ дошелъ, наконецъ, до того, что сталъ считать себя виновнымъ не только передъ людьми, но даже и передъ *птицами*... На смертномъ одрѣ онъ молилъ и загибалъ ихъ простить его: «птички божія, птички радостныя, простите вы меня потому, что и передъ вами я согрѣшилъ» (ib.). Эта странная просьба и это несокрушимое сознание своей виновности передъ цѣлымъ міромъ, «передъ птичками, деревьями, лугами и небесами» (ib.), произвело на брата его Зиновья сильное, глубоко запавшее въ душу, впечатлѣніе. Хотя, говоритъ онъ, «я былъ юнъ, ребенокъ, но на сердцѣ осталось все неизгладимо, затаилось чувство. Въ свое время все должно было возстать и откликнуться» (стр. 455).

По смерти брата, Зиновія отдали въ скоромъ времени въ корпусъ. Изъ мирной семейной обстановки, располагавшей къ развитію симпатическихъ чувствъ, онъ внезапно очутился въ такой средѣ, былъ поставленъ въ такіа жизненныя условія, которыя специально были приурочены къ озлобленію и ожесточенію человѣческаго сердца, къ развитію въ немъ хищническихъ инстинктовъ и грубо-животныхъ побужденій. «Въ корпусѣ, рассказываетъ онъ, пробылъ я почти восемь лѣтъ и съ новымъ воспитаніемъ многое заглушилъ изъ воспоминаній дѣтскихъ, хотя и не забылъ ничего... принялъ столько новыхъ привычекъ и мнѣній, что преобразился въ существо почти дикое, жестокое и нелѣпное... служившихъ намъ солдатъ считали мы всѣ, какъ за совершенныхъ скотовъ, и я тоже. Я-то, можетъ быть, больше всѣхъ, ибо изю всѣхъ товарищей былъ на все воспріимчивѣе. Когда вышли въ офицеры, то готовы были проливать кровь нашу за оскорбленную полковую честь, а о настоящей-же чести почти никто изъ насъ и не зналъ, что она такое есть... Пьянствомъ, дебоширствомъ и ухарствомъ чуть не гордились...

Пустился я жить въ свое удовольствіе, со всѣмъ юнымъ стремленіемъ, безъ удержу, поплыль на всѣхъ парусахъ» (ib. стр. 464).

Но, увы! эта жизнь «въ свое удовольствіе», жизнь, въ которой на каждомъ шагу и ежесекундно приходилось кого-нибудь давить, унижать, обижать и эксплуатировать, требовала отъ человѣка такихъ психическихъ свойствъ, которыя у Зиновія, несмотря на восьмилѣтнее пребываніе въ корпусѣ, все-таки еще не были развиты въ достаточной степени. Потому, вмѣсто *удовольствія*, она пробуждала въ немъ лишь *недовольство* самимъ собою. Недовольство это назрѣвало мало-по-малу: сперва оно только *чувствовалось* и очень рѣдко *сознавалось*. Сознаніе пробуждалось, какъ это обыкновенно бываетъ, съ особенною силою, при всякой жизненной неудачѣ, при всякомъ нелѣпомъ, дикомъ и безцѣльномъ поступкѣ. Отъ такихъ неудачъ, отъ такихъ дикихъ и безцѣльныхъ поступковъ не гарантированъ ни одинъ хищникъ, какъ-бы онъ ни былъ закаленъ въ хищничествѣ; всего менѣе, разумѣется, былъ отъ нихъ гарантированъ «воспріимчивый» Зиновій. Одна изъ этихъ неудачъ, одинъ изъ этихъ поступковъ съ такою ясностью и рельефностью обнаружили передъ нимъ все несоотвѣтствіе требованій жизни, которую онъ велъ, съ требованіями его природы, что произвели цѣлый переворотъ въ его психическомъ мірѣ. Вообразилось ему разъ, что нѣкая «дѣвица» въ него влюбилась, онъ самъ былъ къ дѣвицѣ равнодушенъ; но самолюбіе и боязнь слишкомъ рано разстаться съ «соблазнами» холостой жизни, заставили его всякій рѣшительный шагъ къ сближенію съ «предметомъ своего сердца» на время отложить. Пока онъ медлилъ, дѣвица вышла замужъ за человѣка, который былъ и умнѣе и образованнѣе, и болѣе богатъ, чѣмъ онъ. Это глубоко его оскорбило; но всего болѣе оскорбился онъ тѣмъ обстоятельствомъ, что, какъ оказалось, дѣвица никогда и не думала его любить и никогда и въ мысляхъ не имѣла прочить его себѣ въ женихи. Обиженный Зиновій, желая сорвать на комъ-нибудь свой гнѣвъ, сталъ искать случая поссориться съ своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ и вызвать его на дуэль. Случай, конечно, не замедлилъ представиться и вызовъ былъ принятъ. Наканунѣ дуэли, возвратившись домой, такъ рассказываетъ объ этомъ эпизодѣ своей жизни самъ Зиновій, «свирѣпый, безобразный, разсердился я на моего денщика Афанасія и ударилъ его изо всей силы два раза по лицу, такъ-что окровавилъ ему лицо. На утро проснувшись, ощущалъ я въ душѣ моей какъ-бы нѣчто позорное и низкое. Не оттого-ли, что иду кровь проливать? Нѣтъ, думаю, какъ-будто и

не оттого. Не оттого-ли, что смерти боюсь?.. Нѣтъ, совсѣмъ не то... и вдругъ я догадался, въ чемъ было дѣло: въ томъ, что я съ вечера избилъ Афанасія! Все мнѣ представилось снова, точно вновь повторилось: стоитъ онъ передо мною, а я бью его, съ размаху, прямо въ лицо, а онъ держитъ руки по швамъ, голову прямо, глаза выпучилъ, какъ во фронтѣ, вздрагиваетъ съ каждымъ ударомъ и даже руки поднять, чтобы заслониться не смѣетъ, и это человѣкъ до того доведенъ, и это человѣкъ бьетъ человѣка! Экое преступленіе! Словно игла острая прошла мнѣ всю душу насквозь. Стою я, какъ ошалѣлый, а солнышко-то свѣтитъ, ласточки-то радуются, сверкаютъ, птички-то, птички-то Бога хвалятъ... Закрылъ я обѣими ладонями лицо, повалился на постель и заплакалъ навзрыдъ. И вспомнилъ я тутъ моего брата Маркела и слова его передъ смертью слугамъ: «милые мои, дорогіе, за что вы мнѣ служите... да стою-ли я, чтобы служить мнѣ! Да, «стою-ли», вскопало мнѣ вдругъ въ голову. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ я стою, чтобы другой человѣкъ, такой-же, какъ я, образъ и подобіе Божіе, мнѣ служилъ? Такъ и вонзился мнѣ въ умъ въ первый разъ въ жизни тогда этотъ вопросъ»... (ib. стр. 467).

И этотъ вопросъ необходимо (по причинамъ, разъясненнымъ нами выше) долженъ въ извѣстныхъ минуты «вонзиться въ умъ» всякаго хищника, какими-бы хитро сплетенными союдами ни оправдывалъ онъ законности и правомѣрности своего хищничества. И чѣмъ чаще ему приходится переживать эти минуты, тѣмъ настоятельнѣе, тѣмъ неотвязнѣе требуетъ отъ него отвѣта этотъ проклятый вопросъ. Но, увы! каждый разъ, когда онъ хочетъ его рѣшить, онъ запутывается въ мучительныхъ противорѣчіяхъ. «Положимъ, я не стою того, чтобы Афанасій мнѣ служилъ, положимъ, я унижаю себя въ своихъ глазахъ, когда я бью его; но, если онъ мнѣ не будетъ служить, если я его не буду бить, то мнѣ придется—таковы неумолимыя требованія жизни—самому стать на его мѣсто, самому служить другимъ; самому подставлять свои щеки подъ плеви и заушенія. Мое положеніе позорно, но и положеніе Афанасія не менѣе позорно! Какъ-же быть? Примириться съ своимъ позоромъ? Застрѣлиться, отравиться? Или вступить въ открытую борьбу съ тѣми жизненными условіями, которыя гарантируютъ мое существованіе лишь подъ условіемъ моего вѣчнаго позора? Или нельзя-ли придумать себѣ такого существованія, которое не вынуждало-бы меня на непрерывную борьбу съ моими ближними? Последній исходъ представляется, повидимому, самымъ труднымъ, но въ сущности для «средняго» обыкновеннаго человѣка, для

человѣка не окончательно оскотинившагося, или для человѣка, не потерявшаго любовь къ жизни; для человѣка, не обладающаго особенной энергіею или не отдающаго себя вполне яснаго отчета о причинѣ гнетущихъ его явленій,—для такого человѣка этотъ исходъ является самымъ естественнымъ, самымъ удобнымъ и, если хотите, самымъ спокойнымъ. «Ради чего, спрашиваетъ себя Зиновій,—я долженъ вѣчно быть на ножахъ съ моими ближними? ради чего я безчинствую и другимъ дозволяю надъ собою безчинствовать? Ради удовлетворенія моихъ потребностей. Постараюсь-же отрѣшиться отъ этихъ потребностей и убью плоть свою, зажмуру свои глаза, заткну уши и я достигну той «свободы духа», которая освободитъ меня отъ «тиранства вещей и привычекъ» (ib. стр. 493). Такъ рѣшилъ, такъ и поступилъ Зиновій. Онъ упалъ въ ноги побитому деньщику и испросилъ у него прощеніе; онъ отказался стрѣлять въ своего противника и торжественно сознался ему, въ присутствіи секундантовъ, въ своей глупости и пошлости; онъ вышелъ изъ полка, отдалъ свое состояніе въ монастырь и самъ сдѣлался монахомъ...

Вы, можетъ-быть, скажете, что превращеніе Зиновія—офицера-кутилы и буяна, въ Зосима-инока, аскета—есть совсѣмъ не результатъ тѣхъ жизненныхъ условій, о которыхъ мы здѣсь сейчасъ говорили, что это совсѣмъ не результатъ мучительныхъ вопросовъ и сомнѣній, порожденныхъ въ его умѣ этими условіями, а просто результатъ или *пресыщенія* и извѣстнаго мистическаго міросозерцанія. Дѣйствительно, эти двѣ причины—*пресыщеніе*, т. е. реакція, являющаяся послѣдствіемъ продолжительнаго и чрезмѣрнаго возбужденія извѣстныхъ физиологическихъ функцій организма и *мистическое міросозерцаніе*—эти двѣ причины, виѣсть или порознь, въ большинствѣ случаевъ весьма удовлетворительно объясняютъ происхожденіе и существованіе *аскетизма* и *аскетовъ*—аскетовъ, къ числу которыхъ, безспорно слѣдуетъ отнести и отца Зосима. Но аскетизмъ аскетизму—розь. Аскетизмъ Зосима не имѣетъ ничего или почти ничего общаго съ общезауряднымъ аскетизмомъ—съ аскетизмомъ, обусловливающимся пресыщеніемъ или мистическимъ міросозерцаніемъ. Юный офицеръ не успѣлъ еще пресытиться никакими жизненными благами, и если онъ добровольно отказывался отъ нихъ, то совсѣмъ не потому, что они его *утомили*, а потому что *средства*, дѣною которыхъ они покупались, возмущали его, унижали его въ его собственныхъ глазахъ. Аскетъ «отъ пресыщенія» плюетъ на «соблазны» міра сего, потому-что они ему опротивѣли до тошноты; онъ отказывается отъ вкусной пищи, отъ тонкихъ винъ отъ женщинъ потому, что первой не перевариваетъ его желу-

докъ,—во вторыхъ онъ потерялъ вкусъ,—третьи не возбуждаютъ болѣе его животныхъ инстинктовъ. Зиновій-же никогда не былъ ни чревоугодникомъ, ни пьяницей, ни развратникомъ. Аскетъ-мистикъ становится аскетомъ въ силу известной теоріи, известнаго вѣрованія; его аскетическіе подвиги всегда приурочены къ чисто-личной, эгоистической цѣли: путемъ лишеній въ здѣшней жизни купить себѣ блаженство въ будущей. Но у Зиновія нѣтъ никакой такой теоріи, и онъ ищетъ своего счастья не въ будущей, а въ здѣшней жизни. Онъ сдѣлался аскетомъ не затѣмъ, чтобы заслужить себѣ посмертную награду, не затѣмъ, что этого требовала теорія, противопологающая потребности *плоти* потребностямъ *духа*; нѣтъ, онъ сдѣлался аскетомъ единственно затѣмъ только, чтобы находиться въ мірѣ съ своею совѣстью,—чтобы не ставить себя въ необходимость или эксплуатировать своего ближняго или самому быть предметомъ человѣческой эксплуатаціи.

Но, кромѣ того, аскетизмъ Зосима имѣетъ въ себѣ еще одну черту, рѣзко отличающую его отъ зауряднаго аскетизма пресытившихся развратниковъ или полусумасшедшихъ мистиковъ. Зосима видитъ въ ограниченіи и «отсѣченіи» «лишнихъ и ненужныхъ потребностей» и въ особенности въ «обузданіи гордой воли», въ смиреніи, кротости и всепрощеніи—не только средство примирить человѣка съ его совѣстью, но и средство обновить міръ,—водворить на мѣсто господствующаго теперь *хаоса* индивидуальныхъ интересовъ,—*гармонію* братства, любви и свободы. Ему кажется, что, если всѣ люди проникнутся сознаниемъ своей виновности другъ передъ другомъ, если каждый *проститъ* каждому, то на землѣ воцарится царство всеобщаго благополучія, всеобщаго довольства и веселья. «Развращенный богатъ устыдится богатства своего передъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему съ радостью».

Такъ-что въ аскетизмѣ «забитаго человѣка» мы должны видѣть какъ-бы *протестъ* противъ условій окружающей его жизни, протестъ, направленный къ разрушенію и устраненію этихъ условій...

VIII.

Этотъ протестующій характеръ его аскетизма съ особенною рельефностью обнаруживается авторомъ въ аскетизмѣ Алеши Карамазова. Исторія развитія Алеши мало чѣмъ отличается отъ исторіи развитія Зиновія. Всю свою юность онъ провелъ среди людей, которые хотя и были «чужіе» ему люди, но относились

къ нему съ самымъ теплымъ участіемъ и самою нѣжною заботливостью. Его ласкали, баловали, любили, отъ него тщательно отстраняли всякія матеріальныя невзгоды и лишенія. Понятно, что, при подобныхъ условіяхъ, въ мальчигѣ рано должны были развиться и окрѣпнуть симпатическія чувства. «Всеобщій любямецъ»,—онъ и самъ всѣхъ любилъ и въ своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ его лицамъ отличался необыкновенною незлобностью, кротостью и безобидчивостью. «Обиды онъ никогда не помнилъ. Случалось, что черезъ часъ послѣ обиды онъ отвѣчалъ обидчику или самъ съ нимъ разговаривалъ, съ такимъ довѣрчивымъ и яснымъ видомъ, какъ-будто ничего и не было между ними вовсе» (т. I, стр. 36). Онъ вѣрилъ въ людей и въ немя что-то было, что говорило и внушало, что онъ не хочетъ быть судьей людей, что онъ не захочетъ взять на себя осужденія и ни за что не осудить» (ib., стр. 35). Подъ вліяніемъ нѣжныхъ симпатическихъ чувствъ къ членамъ семьи, въ которой онъ воспитывался, къ его товарищамъ по школѣ и т. п. въ мальчигѣ естественно должно было пробудиться желаніе видѣть счастливыми, веселыми и довольными всѣхъ окружающихъ его людей. Алеша мечталъ о томъ, какъ-бы хорошо было, «если-бы всѣ люди могли быть счастливы и *святы*, если-бы люди любили другъ друга, если-бы не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся и униженныхъ» (ib., стр. 54). И это было не сантиментальное, платоническое мечтаніе ни къ чему не обязывающее мечтателя. Нѣтъ, онъ твердо вѣровалъ въ осуществимость этой мечты и считалъ себя нравственно обязаннымъ стремиться къ ея осуществленію, несмотря ни на какія препятствія, ни на какія трудности, ни на какія жертвы. «Это былъ, говорить о немъ авторъ,—юноша, отчасти уже нашего послѣдняго времени, т. е. честный по природѣ своей, требующій правды и вѣрующій въ нее; а увѣровавъ, требующій немедленнаго участія въ ней всюю силою души своей, требующій скорого подвига, съ непремѣннымъ желаніемъ всѣмъ пожертвовать для этого подвига, хотя бы даже жизнью» (ib., стр. 46). Въ качествѣ юноши нашего послѣдняго времени, «Алеша, додумавшись до извѣстной идеи, создавъ себѣ извѣстное *нравственное требованіе*, отдавался этой идеѣ всецѣло и подчинялся этому требованію вполне безусловно. Онъ не допускалъ въ этомъ случаѣ «никакихъ половинныхъ компромиссовъ» (ib.). Если сказано: «раздай все и иди за мною, если хочешь быть совершенъ»,—то не могу-же, говорилъ Алеша, «вмѣсто *всего* дать два рубля, а вмѣсто *иди за мною*—ходить лишь къ обѣднѣ» (ib., стр. 47).

Итакъ, мечта Алеши о водвореніи всеобщаго счастья была

не праздною мечтою. Она глубоко врѣзалась въ его душу, и Отказаться отъ нея было-бы для него равносильно самоубійству. Онъ долженъ стараться «всеми силами своей души» осуществить ее—иначе, рѣшилъ онъ—«невозможно жить» (ib.). Но какъ осуществить? Какъ устроить такъ, чтобы не было «ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни возвышающихся, ни униженныхъ»?.. Авторъ увѣряетъ насъ, что «если-бы Алеша порѣшилъ, что безсмертія и Бога нѣтъ, то сейчасъ-бы пошелъ въ атеисты и социалисты» (стр. 47). Едва-ли съ этимъ можно согласиться. Вѣровалъ Алеша въ Бога или не вѣровалъ—это вопросъ, неизмѣющій существеннаго значенія для опредѣленія его характера. Притомъ-же въ одномъ изъ разговоровъ своихъ съ Lise, онъ самъ выражаетъ сомнѣніе насчетъ своей вѣры. «А вѣдь, вотъ, можетъ быть, я въ Бога-то и не вѣрую», внезапно признается онъ своей удивленной собесѣдницѣ (т. I, стр. 347). Нѣтъ, не эта вѣра заставила его бѣжать отъ «міра и страстей его»—надѣтъ монашескую рясу и укрыться въ скитѣ отца Зосима. Самъ авторъ признаетъ, впрочемъ, что не столько вѣра была причиною принятаго Алешкою рѣшенія, сколько самое это рѣшеніе обусловило его вѣру. «Алеша, говоритъ онъ,—былъ болѣе чѣмъ кто-нибудь реалистомъ» и «увѣровалъ онъ единственно потому, что *желалъ* увѣровать» (ib., стр. 45, 46).

Но, если не вѣра, если не извѣстное мистическое міросозерцаніе (авторъ рѣшительно отрицаетъ въ Алешѣ наклонность къ мистицизму) заставили Алешу вступить на тотъ-же путь, на который раньше его вступилъ отецъ Зосима, то что-же его заставило? Мечта о человѣческомъ счастіи. Осуществить эту мечту иными способами и средствами онъ не могъ и не потому не могъ, «что онъ былъ тупъ и не развитъ, не кончилъ курса и т. п.» (авторъ опасается, что читатель, чего добраго, обвинитъ въ этомъ его героя), а просто потому, что «иные» способы и средства потребовали-бы отъ него такихъ душевныхъ качествъ, которыхъ окружающая его обстановка не могла въ немъ развить. Онъ былъ для этого слишкомъ *забитъ*, можетъ быть, съ точки зрѣнія Достоевскаго, и въ хорошую сторону, но все-таки *забитъ*. Онъ, какъ и большая часть людей, поставленныхъ въ одинаковыя съ нимъ общественныя условія,—съ ранняго дѣтства, съ самой, можно сказать, колыбели, до такой степени приглядѣлся къ безобразнымъ картинамъ окружающей его жизни, что прежде еще, чѣмъ онъ въ состояніи былъ отнестись къ нимъ сознательно, онѣ стали для него чѣмъ-то привычнымъ, зауряднымъ, обыденнымъ; и въ силу этой своей заурядности, привычности и обыденности, не возбуждали въ немъ никакого силь-

наго афекта--ни негодованія, ни ужаса, ни даже простого удивленія. «Онъ, по словамъ самого автора, дошелъ до того, что даже въ самой ранней его молодости, никто и ничто не могло его ни удивить, ни испугать». «Казалось, онъ все допускалъ, ни мало не осуждая, хотя часто и очень горько грустя» (ib., стр. 35). Это, если можно такъ выразиться, пассивное, безъ-афектное, безстрастное отношеніе къ явленіямъ окружающей дѣйствительности, подъ вліяніемъ рано и односторонне развитыхъ въ немъ симпатическихъ чувствъ, естественно должно было переработаться, въ его сознаніи (когда явилось сознательное отношеніе къ окружающимъ его явленіямъ) въ теорію *всепрощенія*.

Пусть авторъ восхищается этимъ *всепростительнымъ* настроеніемъ своего героя, пусть онъ видитъ въ немъ «искру Божію»,—якорь спасенія человѣчества,—вѣрнѣйшее и цѣлесообразнѣйшее средство водворить на землѣ царство братства, любви и свободы. Исторія Алеши самымъ нагляднымъ и для всѣхъ очевиднымъ образомъ опровергаетъ его. Мы видимъ, что въ *основѣ* этого всепрощенія лежитъ рано усвоенная привычка индифферентнаго, пассивно-безстрастнаго отношенія къ безобразнымъ явленіямъ окружающей жизни,—привычка, составляющая вообще одну изъ выдающихся и характеристическихъ особенностей всѣхъ забитыхъ людей. Мы видимъ далѣе, что конечнымъ *результатомъ* этого всепрощенія является *примиреніе* со всякимъ зломъ и неправдою. Это примиреніе кажется намъ вполне естественнымъ и нисколько даже невозмутительнымъ въ человѣкѣ, который въ *злѣ* видитъ *добро*, въ *неправдѣ*—*правду*. Но Алеша не былъ такимъ человѣкомъ: онъ вполне ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ злѣ и неправдѣ, окружающихъ его жизненныхъ явленій; онъ не называлъ чернаго бѣлымъ и не находилъ, что «все устроено къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ»; напротивъ, его умъ понималъ, что многое изъ того, что существуетъ, не должно существовать, его сердце мучительно сжималось и протестовало противъ безобразій, съ которыми жизнь заставляла его сталкиваться на каждомъ шагу, и, несмотря на это, онъ примиряется съ этими безобразіями и не ударилъ пальца о палецъ, чтобы помѣшать существованію того, что, по его-же мнѣнію, не должно было бы существовать. «Явись, рассказываетъ авторъ,—по двадцатому году, къ отцу, положительно въ вертепъ грязнаго разврата, онъ цѣломудренный и чистый, лишь молча удалился, когда глядѣть было нестерпимо, но безъ малѣйшаго вида презрѣнія или осужденія кому-бы то ни было» (ib. стр. 35). За такую снисходительность отецъ, правда, очень его любилъ, «любилъ искренно и глубоко, такъ-какъ ему не удавалось ни-

кого еще любить». Прекрасно, но развѣ эта любовь сдѣлала его хоть на единый волосокъ лучше? Развѣ она заставила его сколько-нибудь измѣнить свое «засорное» поведеніе? Ничуть, напротивъ: въ отношеніи къ нему Алеши онъ нашелъ для себя лишь новое оправданіе. Конечно Алеша поступилъ, какъ почтительный и благовоспитанный сынъ. Конечно, народная мудрость, на Домостроѣ основанная, строго-на-строго воспрещаетъ «нѣцамъ учить курицу». Но спрашивается, можетъ-ли подобная мудрость, подобная почтительность и благовоспитанность хоть на одну секунду ускорить осуществленіе на землѣ царства братства и любви? Закрывая глаза на возмутительныя безобразія, — хотя-бы и совершаемыя самыми близкими намъ людьми, — не дѣлаемъ-ли мы сами пассивными участниками этихъ безобразій? Вы скажете: что-же могъ сдѣлать Алеша въ этомъ «вертепѣ грязнаго разврата»? Протестовать, возмущаться, упрекать отца, громить «блудницъ»? Но вѣдь это ни къ чему иному не могло-бы его привести, какъ только къ позорному изгнанію изъ родительскаго дома. Совершенно вѣрно. Но вѣдь Алеша вѣрилъ во всепобѣждающую силу любви, онъ вѣрилъ въ «человѣка». Почему-же онъ не попытался нравственно воздѣйствовать во имя этой своей вѣры, на своего блуднаго родителя? По всей вѣроятности, попытка эта не увѣчалась-бы никакимъ серьезнымъ результатомъ, но тутъ важенъ не результатъ, а самая попытка, такъ-какъ въ этой-то попыткѣ и обнаружилась-бы потребность его души не *пассивно* примиряться, а активно бороться со зломъ. Но, очевидно, Алеша не чувствовалъ этой потребности, да и не могъ чувствовать, благодаря тому *всепрощающему* настроенію, въ которомъ онъ вѣчно и неизмѣнно пребывалъ.

Точно такую-же пассивностью отличаются его отношенія и къ другимъ окружающимъ его лицамъ, интересы которыхъ, по-видимому, онъ очень близко принималъ къ сердцу. Лица эти любятъ его и вполне ему довѣряютъ, они возлагаютъ на него большія надежды и во всѣхъ затруднительныхъ и сомнительныхъ случаяхъ своей жизни, ищутъ его помощи, совѣта, ждутъ отъ него разрѣшенія мучащихъ ихъ сомнѣній, терзающихъ ихъ вопросовъ. Но вмѣсто ожидаемыхъ отвѣтовъ и разрѣшеній, вмѣсто ожидаемой помощи и совѣта — они находятъ... одно лишь *всепрощенье*, смѣшанное съ какимъ-то *недоумьніемъ*. Братъ Дмитрій раскрываетъ ему свою душу, онъ посвящаетъ его въ «сокровенную исповѣдь своего сердца». Положеніе его ужасное: онъ обманулъ женщину, которую онъ «чтитъ и боготворитъ», которую онъ страстно любилъ, которая считалась его официальной невѣстою, — онъ измѣнилъ ей, онъ не хочетъ быть ея женихомъ,

онъ влюбился до безумія въ другую женщину—въ содержанку нѣкого престарѣлаго купца, и онъ ревнуетъ ее къ своему отцу. Но этого мало: «невѣста» дала ему 3,000 руб. для отсылки ея роднымъ, а онъ взялъ и растратилъ эти деньги и притомъ растратилъ на дикій кутежъ и на попойку съ новою дамою своего сердца. Такимъ образомъ, онъ оказался передъ нею не только измѣнникомъ, но подлецомъ и воромъ. Что дѣлать? Нужно во чтобы то ни стало достать гдѣ-нибудь злополучныя три тысячи и немедленно отнести ихъ къ Катеринѣ Ивановнѣ («невѣстѣ»). Алеша вполне со всѣмъ этимъ соглашается. Но откуда достать? «Поди къ отцу, говоритъ ему Дмитрій, — и попроси у него». Онъ знаетъ очень хорошо, что обращаться къ отцу съ подобною просьбою чистое безуміе; онъ только-что передъ этимъ, за нѣсколько всего часовъ торжественно и публично поругался съ нимъ; отецъ его проклялъ, — и рѣшительно при свидѣтеляхъ заявилъ, что онъ ему ничего не долженъ и не дастъ ему больше ни копейки. Притомъ-же отецъ былъ убѣжденъ — и не безъ основанія, — что сынку нужны деньги единственно для того только, чтобы *отбить* у него, старика, «Грушеньку», — Грушеньку, къ которой онъ восчувствовалъ неодолимую страсть и которую онъ мечталъ купить именно за три тысячи рублей. Все это Дмитрію досконально было извѣстно. «Знаю, въ совершенствѣ знаю, что не дастъ... Но я вѣрю чуду. Да, Алеша, я вѣрю чуду—иди». И Алеша, самъ очень хорошо понимая все безсмысліе и всю нелѣпность возлагаемаго на него порученія, покорно отвѣчаетъ: «хорошо, я пойду, но ты-то что будешь здѣсь дѣлать?» «Я буду ждать?».. «Ну, если ты увидишь, подкараулишь Грушеньку, пробирающуюся къ отцу?» «Я убью!» «Кого убьешь?» «Старика убью... Ненавижу я его кадыкъ, его носъ, его глаза, его безстыжую насмѣшку... Вотъ я и не удержуся... — Что-же отвѣчаетъ Алеша на эту угрозу брата убить ихъ отца? «Ну, я пойду, Митя (т. е. пойдетъ просить у отца денегъ для Дмитрія), — я вѣрю, что Богъ устроитъ какъ лучше, чтобы не было ужаса!» (Т. I, стр. 195)...

Твердый этой вѣрою, онъ не шевелитъ пальца о палецъ, чтобы протянуть хоть спасительную соломенку (не говоря уже объ орудіяхъ болѣе солидныхъ), для спасенія своихъ погибающихъ ближнихъ. Онъ предоставляетъ «событіямъ» «течь ихъ естественнымъ порядкомъ» и они текутъ, и въ своемъ бурномъ, безумномъ теченіи затопляютъ, изувѣчиваютъ, раздираютъ на клочки самыхъ близкихъ его сердцу людей; и среди развалинъ и руинъ, среди растерзанныхъ труповъ, онъ одинъ остается

живъ и невредимъ, — съ прежнею непоколебленною вѣрою, съ прежнимъ ненарушимымъ спокойствіемъ и всепрощеніемъ!

Вотъ вамъ *во что* вырождается это *всепрощеніе*, эта *любовь къ ближнему* въ «чистомъ и непорочномъ» сердцѣ забитаго человѣка! Какія-же преимущества послѣ этого имѣетъ *всепрощеніе* забитаго человѣка передъ его *злобою*, а его *любовь* — передъ его *ненавистью*? На практикѣ, какъ мы видимъ, результаты и той, и другой, и третьей, и четвертой оказываются совершенно одинаковы. Такъ, напр., оба брата Карамазовы — Алеша и Иванъ, — задолго до катастрофы, случившейся съ ихъ родителями, знали со словъ самого Дмитрія, о намѣреніи послѣдняго *раздѣлаться* съ ненавистнымъ *отцемъ-соперникомъ*. Отношенія Дмитрія къ отцу были такъ натянуты, такъ неестественны, такъ враждебны, что они роковымъ образомъ должны были привести къ трагическому концу. Это было очевидно даже для постороннихъ лицъ (напр., Ракитина, отца Зосима, Грушеньки, Смердякова) — тѣмъ болѣе это должно было быть очевиднымъ для Алеши и Ивана. Однажды, въ ихъ присутствіи, Дмитрій ворвался въ квартиру своего отца и произвелъ съ нимъ возмутительную расправу: «онъ схватилъ старика за обѣ послѣднія космы волосъ его, ущѣлѣвшія на вискахъ, дернулъ его и съ грохотомъ ударилъ на полъ; потомъ три раза ударилъ лежащаго каблукомъ по лицу» (Т. II, стр. 222). Эта страшная сцена вызвала въ умѣ Ивана предположеніе, что «вѣдь вѣдь, чего добраго, онъ-бы его и убить могъ. Много-ли надо Езопу?» «Боже сохрани, робко проговорилъ Алеша». «А зачѣмъ сохрани? безъ запинки отвѣтилъ братъ, — одинъ гадъ съѣстъ другую гадину, обоимъ имъ туда и дорога!» (ib. 224). И Алеша, — Алеша, который *любитъ* и отца, и брата Ивана, и брата Дмитрія, безъ малѣйшаго протеста выслушиваетъ это любезное пожеланіе своего брата, и только черезъ нѣкоторый промежутокъ времени, какъ-бы надувшись, рѣшается съ стыдливою робостью предложить ему вопросъ: «братъ, позволь тебя спросить: неужели имѣетъ право всякій человѣкъ рѣшать, — смотри на остальныхъ людей, — кто изъ нихъ достоинъ жить и кто не достоинъ?» (ib. стр. 227). Иванъ резонно ему на это отвѣтилъ (и онъ, повидимому, вполне удовлетворился этимъ отвѣтомъ) — «что дѣло тутъ не въ *достоинствѣ*, что вопросъ о человѣческой жизни рѣшается обыкновенно не по ея достоинству, а по другимъ болѣе натуральнымъ причинамъ и что каждый *имѣетъ право* желать смерти другого, и онъ въ этомъ случаѣ оставляетъ полный просторъ своимъ желаніямъ» (ib. стр. 228). Иными словами, онъ еще разъ подтвердилъ Алешѣ свое желаніе «о взаимномъ самопоѣденіи двухъ га-

динъ», т. е. отца и брата. Послѣ разныхъ безумныхъ выходокъ Дмитрія и особенно послѣ разговора съ Смердяковымъ (стр. 422—433) въ умѣ Ивана не могло оставаться почти никакихъ сомнѣній въ близкомъ осуществленіи этого его желанія. Смердяковъ прямо совѣтуетъ ему ухъать «чѣмъ у *такого* дѣла сидѣть» (стр. 431). Иванъ не хочетъ мѣшать: «пусть будетъ что будетъ!»—онъ увѣжаетъ,—и въ ночь послѣ его отъѣзда разрѣшается катастрофа... Очевидно, онъ былъ, если и не прямымъ, то косвеннымъ виновникомъ и убійства отца, и невиннаго осужденія своего брата, и самоубійства Смердякова... Во всякомъ случаѣ, онъ былъ *попустителемъ*, и попустителемъ не только въ *нравственномъ*, но просто даже въ чисто-*юридическомъ* смыслѣ этого слова. Въ сущности, онъ этого и не скрываетъ даже, по крайней мѣрѣ, не скрываетъ самъ передъ собою, да и что-же скрывать, когда *то*, что случилось, вполне совпадало съ его желаньями? Вѣдь онъ-же захотѣлъ, чтобы «гадина поѣла гадину». Но Алеша этого не желалъ: напротивъ, онъ хотѣлъ счастья и любви, радостей и благополучія для всякой гадины. И однако-же, хотя онъ не менѣе брата своего Ивана имѣлъ основанія предвидѣть приближающійся трагическій конецъ,—онъ ничего не предпринялъ и ничего не попытался принять для его предотвращения. Онъ смиренно сложилъ руки и ждалъ: «что изъ всего этого выйдетъ!» «Господи, лепеталъ онъ въ припадкѣ своей «любви» и своего «всепрошенія».—Господи, помилуй ихъ всѣхъ, сохрани ихъ несчастныхъ и бурныхъ и направь. У Тебя пути. Ими-же вѣси путями спаси ихъ!.. Ты всѣмъ пошлешь радость!».. (стр. 254).

Ну если не съ юридической, то съ нравственной точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія практическихъ результатовъ, развѣ онъ не является такимъ-же *попустителемъ*, какъ и братъ его Иванъ? И затѣмъ, когда онъ твердо-натвердо убѣжденъ, что Дмитрія невинно обвиняютъ въ убійствѣ отца, что Дмитрій не убійца, развѣ онъ предпринимаетъ что-нибудь рѣшительное для спасенія своего злополучнаго брата?—нѣтъ, онъ только охаетъ, соболъзнуетъ, выражаетъ «узнику» свою любовь, свое уваженіе и успокоиваетъ и его и себя несбыточнымъ иллюзіями о «торжествѣ правды!» А между тѣмъ, онъ со свойственною ему пронизательностью,—надо отдать ему справедливость, онъ былъ юноша въ высшей степени пронизательный,—давнымъ-давно догадывался, какъ о томъ, *кто* былъ истиннымъ виновникомъ, дѣйствительнымъ убійцею отца, такъ и о томъ, *кто* былъ попустителемъ этого убійства. Онъ догадывался или нѣтъ—мало того, что догадывался,—онъ былъ вполне и непоколебимо убѣжденъ,

что Карамазова убилъ Смердяковъ (какъ это и было въ дѣйствительности) и что братъ его, Иванъ, зная это, обвинялъ себя, какъ-бы въ *соучастіи*... И однако, онъ ничего не предпринялъ и даже не пытался предпринять въ интересахъ практической провѣрки и доказательства своего убѣжденія. Кто знаетъ, какой-бы исходъ могло получить дѣло, если-бы Алеша заговорилъ съ Иваномъ о Смердяковѣ и о немъ самомъ Иванѣ (см. т. II, стр. 425—428) не накануне суда, а за нѣсколько недѣль раньше? По всей вѣроятности, тогда и третье-бы свиданіе Ивана со Смердяковымъ состоялось-бы раньше, и послѣдствія этого свиданія были-бы совсѣмъ иныя: невинность мнимаго отцеубійцы могла-бы быть своевременно и *легально* обнаружена и констатирована. Кто знаетъ, не могъ-ли-бы добиться Алеша того-же результата и другимъ путемъ, напр., вступивъ въ непосредственные переговоры со Смердяковымъ? Очень возможно, что эти и другія попытки, которыя могъ-бы онъ сдѣлать для спасенія брата, по его убѣженію невиннаго, не привели-бы ни къ чему. Но дѣло не въ томъ: онъ все-таки доказали-бы, что онъ способенъ *активно* бороться за то, что считаетъ своимъ *убѣжденіемъ*; *дѣятельно, страстно* стремиться къ осуществленію и торжеству того, въ чемъ видитъ *истину*.

А между тѣмъ, что-же мы видимъ: «прекраснодушный» Алеша, убѣжденный въ невинности своего брата и любившій этого брата, желавшій спасти его, сдѣлалъ для него такъ-же мало и даже еще меньше, чѣмъ «злодушный» Иванъ, который до послѣдней минуты считалъ брата убійцею,—который всегда живъ немъ лишь «гадину», «изверга» и не питалъ къ нему, вообще никакихъ нѣжныхъ чувствъ.

То-же самое можно сказать и объ отношеніяхъ Алеши ко всѣмъ другимъ дѣйствующимъ лицамъ романа (за исключеніемъ, быть можетъ, Ильюши): всѣхъ-то онъ любитъ, всѣмъ-то онъ добра желаетъ, никого ни въ чемъ не обвиняетъ, всѣхъ желаетъ видѣть веселыми и счастливыми, и однако-же, несмотря на всѣ эти добрыя чувства и пожеланія, никого не дѣлаетъ да и не пытается сдѣлать ни лучше, ни добрѣе, ни счастливѣе? Оказалъ-ли онъ хоть какое-нибудь благотворное нравственное вліяніе на брата Ивана, на Грушеньку, на Катерину Ивановну, не говоря уже о Ракитинѣ и др.? Можетъ-ли онъ сдѣлать *добрѣе* и *внутренне-счастливѣе* эту болѣзненную, психически и физически забитую Lise? Весьма сомнительно. Маленькая Lise умоляетъ его «спасти ее... отъ самое себя!» Она совершенно искренне увѣряетъ его, что «убьетъ, себя, убьетъ потому что ей все гадко, потому что она всѣхъ ненавидитъ!» А прекрасно-

душный Алеша хлопает глазами и предается «горестному недоумѣнію» (т. II, стр. 401). Она гонить его отъ себя, и онъ, несмотря на ея ненормальное, болѣзненно возбужденное состояніе, покорно оставляетъ ее одну и безропотно подчиняется всѣмъ ея капризамъ и дикимъ выходкамъ... О, уже конечно, не этотъ всепрощающій и покладливый юноша явится спасителемъ злополучный Lise!

Но оставимъ Алешу. Возьмите другого представителя этой же разновидности забитыхъ людей—Зосима. Подведите итогъ практическихъ результатовъ, данныхъ его дѣятельностью и его вліяніемъ вообще на окружавшихъ его лицъ и вы увидите, что итогъ этого представляетъ величину не положительную, и даже на равную нулю, а величину отрицательную. «Старецъ», по увѣренію автора, разливалъ кругомъ себя «успокоеніе и утѣшеніе». «Почти всѣ входившіе къ нему въ первый разъ, въ страхъ и безпокойствѣ, выходили отъ него почти всегда свѣтлыми и радостными и самое мрачное лицо обращалось въ счастливое» (т. I, стр. 51). Но въ чемъ состояло преподаваемое старцемъ успокоеніе и утѣшеніе? Было-ли оно реально, дѣйствительно, прочно, или лишь мнимо, фиктивно, мимолетно? Дѣлало-ли оно людей, прибѣгающихъ къ помощи старца, *кравтаенные*, «бодрѣе духомъ», заставляло-ли оно ихъ осмысленнѣе относиться къ явленіямъ окружающей ихъ жизни, или-же оно просто только на мгновеніе убаюкивало ихъ сладкими иллюзіями и ни на волосъ не уменьшая реального горя—старалось лишь примирить ихъ съ нѣмъ? Перечтите главу «вѣрующія бабы» (т. I, стр. 77—87), перечтите все, что говорится у автора о «старчества» и «вліяніи старцевъ» и вы сейчасъ-же получите самый удовлетворительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. «Успокоенные и облегченные» старцемъ,—какъ вы не замедлите убѣдиться,—выходили отъ него съ еще менѣе яснымъ пониманіемъ гнетущихъ ихъ горестей и печалей, чѣмъ входили. Входили они, обыкновенно, въ тотъ именно критическій моментъ, когда ихъ прежнее пониманіе, подъ вліяніемъ какого-нибудь чрезвычайнаго или неожиданнаго событія, начинало пошатываться; когда въ него начиналъ вѣдраться «червь сомнѣнія», — червь, безъ котораго, какъ всѣмъ извѣстно, не мыслимъ никакой ни нравственный, ни умственный прогрессъ. Старецъ торопился вырвать червя и растоптать его: въ этомъ-то и состояло, главнымъ образомъ, то водвореніе «мира и спокойствія въ душѣ», за которое такъ искренно и беззавѣтно благодарили и славословили его всѣ «скорбящіе и удрученные». Увѣря каждого «страдальца», что причина его страданій лежитъ въ немъ самомъ, и что

одинъ онъ только отвѣтственъ не только за свои личныя страданія, но и за страданія всѣхъ окружающихъ его людей, Зосимъ старался не только *примирить* его съ плачевною долею, но заставить его *полюбить* ее. Онъ стремился, очевидно, къ невозможному, къ совершенно противоестественному искалченію психической природы человѣка; правда, онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ унисонъ съ требованіями тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ жили и страдали прибѣгавшіе къ его совѣту и помощи «униженные и оскорбленные». Но, именно, потому-то его дѣятельность и должна была въ своемъ конечномъ результатѣ стремиться не къ потрясенію, не къ дискредитированію, не къ устраненію этихъ условій, а напротивъ, къ ихъ въшему закрѣпленію и консолидированію.

IX.

Такимъ образомъ, *исходъ*, который нашли изъ своего *забитаго положенія* Маркелъ, Зосимъ, Алеши, Анфимы и имъ подобные, оказывается на самомъ дѣлѣ исходомъ какъ-бы мнимымъ, фиктивнымъ, существующимъ лишь въ ихъ чисто-субъективной фантазіи. Для нихъ лично это, конечно, пожалуй и *исходъ*, но исходъ лишь до тѣхъ поръ, покуда они принимаютъ эту свою субъективную фантазію за объективную реальность. Покуда они вѣруютъ въ цѣлесообразность и дѣйствительность тѣхъ способовъ и средствъ, при помощи которыхъ они мечтаютъ водворить на землѣ «царство Божіе», до тѣхъ поръ они, проповѣдуя и надъ собственными своими персонами практикуя эти способы и средства, должны, безъ сомнѣнія, считать себя лично вполне счастливыми, довольными и пребывать въ ненарушимомъ мирѣ и согласіи съ своею совѣстью. И, дѣйствительно, авторъ удостоверяетъ, что и Маркелъ (послѣ его высвобожденія изъ-подъ тлетворнаго вліянія «знатнаго философа»), и Зосимъ, и Алеша почти постоянно и неизмѣнно находились въ состояніи какого-то душевнаго благополучія, душевной «радости и ясности». Это совершенно понятно... Но только можетъ-ли быть прочнымъ и солиднымъ «душевное спокойствіе», душевное благополучіе, основанное на мечтѣ, поддерживаемое и питаемое иллюзіею? Не подобно-ли оно «зданію, построенному на пескѣ?» Еслибы авторъ досказалъ намъ исторію жизни своего Алеши, мы имѣли-бы прекрасный и поучительный матеріалъ для рѣшенія этого вопроса. Но ему не удалось этого сдѣлать: онъ оставилъ намъ Алешу почти мальчикомъ, только-что готовящимся вступить въ

жизнь, только-что начинающимъ расправлять свои крылышки... Какъ изомнеть и искалѣчить его и безъ того уже измятаго и искалѣченнаго суровая жизненная дѣйствительность? Во что обратить она его иллюзіи? Какъ надругается надъ его мечтами? Увы! Достоевскій уже не расскажетъ намъ объ этомъ. Быть можетъ, народится другой романистъ, который пойдетъ по слѣдамъ автора «Униженныхъ и Оскорбленныхъ», который снова и снова прикуетъ общественное вниманіе къ типу «забитаго человѣка»... онъ доскажетъ намъ повѣсть Алеши!...

Впрочемъ, прочно или не прочно душевное внутреннее благополучіе Алеши, Зосимовъ, Маркеловъ и др., для насъ это не особенно важно; для насъ важно и необходимо было статировать лишь тотъ фактъ, что отъ этого ихъ «благополучія»—эфемерно оно или нѣтъ, ни на единый волосъ не можетъ уменьшиться *злополучіе* забитаго человѣка вообще. Внутренне-благополучные Алеши, Зосимы и т. п. не только не способствуютъ устраненію тѣхъ жизненныхъ условий и отношеній, которыми порождается «человѣческая забитость», а, напротивъ, сами того не сознавая, они ихъ только еще болѣе укрѣпляютъ, консолидируютъ и увѣковѣчиваютъ. Очевидно, не отъ нихъ долженъ ждать своего спасенія «забитый человѣкъ!»

А отъ кого, откуда? Конечно, не «извиѣ». Если самъ себя онъ не выведетъ изъ своего забитаго положенія, то никто его не выведетъ, да никто и не можетъ вывести. На себя одного долженъ онъ возложить всѣ свои надежды и упованія. Въ себѣ самомъ долженъ выработать онъ элементы, годные для разумнаго протеста и для борьбы, могущей увѣнчаться успѣхомъ,—элементы своего освобожденія изъ-подъ ига гнетущей его забитости. Но вырабатываются-ли въ царствѣ забитыхъ людей подобныя элементы? Въ тѣхъ разновидностяхъ забитыхъ людей, анализомъ которыхъ мы занимались до сихъ поръ, мы открыли рядомъ со свойствами общими забитому человѣку вообще и такія душевныя качества, такіе аффекты, чувства и «душевыя настроенія», которые представляютъ собою, по мнѣнію Достоевскаго, какъ-бы «искру Божію». Но мы убѣдились также, что эта «искра Божія», во-первыхъ, совсѣмъ не *небесна* по своему происхожденію, а, во-вторыхъ, совершенна безсильна освѣтить и разсвѣять мракъ забитаго царства. Мы убѣдились, что эта «искра» не якорь спасенія для забитаго человѣка, а напротивъ, узелъ, все туже и туже затягивающій на его шею петлю забитости...

Но быть можетъ, въ другой категоріи забитыхъ людей мы найдемъ то, чего не нашли въ первой? Къ анализу генезиса и характера этой-то второй категоріи,—категоріи, которая состоитъ,

если можно такъ выразиться, не изъ забытыхъ и безотвѣтныхъ «овецъ», а изъ забытыхъ и искалѣченныхъ хищниковъ,—изъ «затравленныхъ волковъ», мы и перейдемъ теперь. Критика касалась до сихъ поръ забытыхъ людей этого типа крайне поверхностно, она даже какъ будто не признавала ихъ забитости, она видѣла въ нихъ лишь необузданныхъ «звѣрей» и развратныхъ плотоугодниковъ; а между тѣмъ г. Достоевскій проанализировалъ этотъ типъ съ поразительною глубиною. Въ высшей степени замѣчательные экземпляры этого типа выведены имъ въ «Преступленіи и Наказаніи» (въ лицѣ, напр., Свидригайлы) и въ «Идиотѣ» (въ лицѣ, напр., кутилы-купчика), но съ особенною любовью и обстоятельностью онъ останавливается на немъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи въ «Братьяхъ Карамазовыхъ». Карамазовы (къ семейству Карамазовыхъ слѣдуетъ отнести, разумѣется, и Смердякова—незаконный плодъ Карамазовскаго любострастія), какъ совершенно справедливо догадывается и самъ авторъ—«не частность, не обособленіе», въ нихъ «серцевина цѣлаго». *Карамазовщина* это не случайное, эпизодическое явленіе, нѣтъ, это явленіе въ высшей степени глубокое, жизненное, устойчивое и въ высшей степени типическое для оцѣнки именно этой *серцевини цѣлаго* строя общественной жизни, *цѣлой* исторической эпохи... Потому оно заслуживаетъ самаго тщательнаго, самаго всесторонняго анализа критики. Къ этому анализу мы и перейдемъ теперь, но раньше, чѣмъ мы приступимъ къ нему, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ въ оправданіе тѣхъ для насъ самихъ неожиданныхъ размѣровъ, которые приняла, противъ нашей воли и желанія, наша бесѣда о послѣднемъ романѣ Достоевскаго. Мы совсѣмъ не имѣли первоначально въ виду говорить много по поводу «Братьевъ Карамазовыхъ», увѣренные, что «Карамазовыми» Достоевскій не кончитъ своихъ экскурсій въ область «забитаго человѣчества», что «пѣсня его» далеко еще не спѣта; мы рассчитывали имѣть еще много случаевъ снова и снова время отъ времени возвращаться къ нему и не столько къ нему, сколько къ воспроизводимому имъ типу *забитаго челоѵтка*. Но, увы! расчеты наши жестоко обманули насъ: пѣвецъ «забитаго челоѵтка» умогъ навѣки; «братья Карамазовы»—его послѣднее произведеніе и именно потому мы и не хотимъ разстаться съ нимъ такъ скоро, какъ предполагали вначалѣ. О забытыхъ людяхъ карамазовскаго типа критика наша говорила еще очень мало; она касалась ихъ лишь мелькомъ, она ихъ недостаточно оцѣнила и изучала... А между тѣмъ, они стоятъ того, чтобы остановиться на нихъ по-

дольше,—они вполне заслуживаютъ съ ея стороны самаго тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія...

Повторяю опять—это типъ несравненно болѣе глубокой и живучей, чѣмъ типъ всѣхъ этихъ «лишнихъ людей», «гамлетовъ», «обломовыхъ», «новыхъ людей» и т. п. типы, на которыхъ создали себѣ репутацію Тургеневы, Гончаровы, Писемскіе и нѣкоторые новѣйшіе беллетристы. Потому-то ни мало не претендуя на роль пророка, мы тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можемъ сказать, что когда самыя даже имена этихъ новѣйшихъ беллетристовъ забудутся, когда произведенія Тургеневыхъ, Гончаровыхъ, Писемскихъ и др. будутъ имѣть лишь чисто-историческое значеніе, когда съ ними будутъ лишь «справляться» или будутъ ихъ изучать, какъ отжившіе памятники литературы—романы Достоевскаго, публика по-прежнему будетъ читать и зачитывать, читать и зачитывать съ тѣмъ-же интересомъ, съ которымъ она ихъ читаетъ и зачитываетъ теперь... И это не оттого, что онъ великій художникъ, не оттого, что онъ глубокой мыслитель, о, нѣтъ! это единственно только оттого,—что, какой-бы ни былъ у него талантъ—великій или малый—но онъ отдалъ его всецѣло на служеніе *забитому человеку; живучести, безсмертность забитаго человека* наложила какъ-бы печать живучести и *безсмертности* и на его творенія.

Послѣ этого краткаго отступленія, вызваннаго необходимостью объяснить или, лучше сказать, *извинить* передъ читателемъ тѣ неожиданные размѣры, которые приняла наша бесѣда о Достоевскомъ, мы перейдемъ къ анализу забытыхъ людей камазовскаго типа.

Ф. В—ъ.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА.

Робертъ Овенъ. Обь образованіи человѣческаго характера. Слб., 1881 г.
Dr. E. Dühring, Die Judenfrage, als Racen-Sitten und Kulturfrage. Leipzig, 1881.

Вопросы о характерѣ и направленіи общественной дѣятельности волновали и волнуютъ человѣка съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стоитъ міръ. Понятно, почему для человѣка они имѣютъ такое существенное значеніе. Въ качествѣ «животнаго, по природѣ политическаго», какъ думалъ 2000 лѣтъ тому назадъ Аристотель или, вѣрнѣе, общественнаго, какъ замѣчаетъ одинъ современный мыслитель,—человѣкъ можетъ жить, думать, чувствовать и дѣйствовать только среди себѣ подобныхъ. Не изолированнымъ Робинзономъ онъ стоитъ по отношенію къ порабощаемой имъ природѣ. Рядомъ съ его отношеніемъ къ окружающей его физической средѣ существуютъ отношенія социальнаго характера, связывающія его съ другими существами того же типа. Эти отношенія составляютъ канву, по которой шьются разнообразныя узоры историческихъ событій. Въ большинствѣ извѣстныхъ намъ историческихъ процессовъ развитія такія отношенія людей между собою носили отпечатокъ противоположности и противорѣчія интересовъ, преслѣдуемыхъ различными членами общества.

Не безъизвѣстный уже читателямъ «Дѣла» современный экономистъ-мыслитель, Карлъ Марксъ, очерчиваетъ, напр., слѣдующими рѣзкими штрихами ходъ развитія *нашей* цивилизаціи: «Въ тотъ самый моментъ, какъ начинается цивилизація, производство начинаетъ основываться на антагонизмѣ сословій, состояній, классовъ, наконецъ, на антагонизмѣ между трудомъ накопленнымъ и трудомъ непосредственнымъ. Нѣтъ антагонизма, нѣтъ прогресса. Это законъ, которому цивилизація слѣдовала до нашихъ дней. До сихъ поръ производительныя силы раз-

вивались благодаря этому режиму классового антагонизма» (*Misère de la philosophie*, Paris-Bruxelles, 1847).

Марксъ, какъ мыслитель, выдающій въ экономическихъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку центръ тяготѣнія всей социальной системы, обращаетъ вниманіе читателя исключительно на антагонизмъ въ области матеріальной жизни. Но проявленія этого антагонизма можно прослѣдить во всѣхъ сферахъ между-человѣческихъ отношеній. Если таковъ характеръ развитія, принятый *нашей* цивилизаціей (говоримъ «нашей» потому, что въ Америкѣ существовала, напр., цивилизація, исключавшая общественный антагонизмъ—и, къ несчастію, подавленная испанцами, (ср. Ternau, *Recueil des documents espagnols sur la conquête de l'Amérique* и *Лавеле*, *Ureigenthum*), то, естественно, въ каждый данный моментъ будутъ существовать классы и отдѣльныя личности, по отношенію къ которымъ эта цивилизація является не столько матерью, сколько мачихою. Понятно, что на противоположномъ концѣ общества будутъ существовать крайне избалованныя, изнѣженные и испорченные родныя дѣти цивилизаціи, которая для нихъ будетъ играть ту-же роль, какую играла г-жа Простакова для возлюбленнаго Митрофанушки. Сообразно этому одна часть общества будетъ недружелюбно поглядывать на окружающую ея дѣйствительность, другая—ее хвалить.

Но часть общества, поставленная въ благопріятныя условія, не можетъ же пройти молчаніемъ жалобъ и упрековъ, кишащихъ среди противоположнаго общественнаго лагеря. Игнорировать недовольство окружающихъ человѣкъ врядъ-ли можетъ. Тяжелыя сцены бѣдности, порока и преступленія слишкомъ сильно дѣйствуютъ на «утонченные» нервы культурныхъ классовъ, чтобъ послѣдніе могли совершенно забыть о существованіи «меньшихъ братій».

И вотъ среди культурныхъ классовъ вырабатывается извѣстная теорія, которая позволяетъ старшей братіи болѣе или менѣе спокойно относиться къ судьбѣ голодныхъ и раздѣтыхъ. Собственно говоря, это не столько теорія, сколько до нѣкоторой степени логичное, тенденціозное самооправданіе. Основы этого самооправданія несложны,—и ихъ можно найти очень легко. Съ одной стороны теоретики культурныхъ классовъ всѣ несчастія, всѣ страданія вваливаютъ на естественный, неизбѣжный «ходъ вещей», якобы установленный самой природой, причемъ общественныя отношенія считаются ими не за отношенія живыхъ людей, могущія измѣняться, а за какія-то несокрушимыя социальныя формаціи, которыя созданы опять-таки природой и не мо-

гуть быть преобразованы человекомъ. Съ другой—рецептъ отъ несчастій культурные классы прописываютъ меньшей брати въ формѣ индивидуальной моралистики: «ты не можешь измѣнить общественныхъ отношеній, дарованныхъ природою, и неизбѣжныхъ для всѣхъ временъ и народовъ, но ты при *данныхъ* отношеніяхъ можешь добиться возможно-большой суммы счастья личной нравственной жизни, терпѣніемъ, смиреніемъ, трудомъ, воздержаніемъ отъ пьянства и рожденія дѣтей». Стремленіе видѣть въ общественныхъ отношеніяхъ застывшія на-вѣки наслоенія, созданныя творческой рукою всеильной природы, можно въ особенности легко прослѣдить въ твореніяхъ буржуазной экономической науки. Въ наиболее наивной формѣ это стремленіе выступаетъ въ сочиненіяхъ физиократовъ, напр., Мерсье-де-ла-Ривьера. Этотъ послѣдній даже свое сочиненіе озаглавилъ «Естественнымъ и существеннымъ порядкомъ политическихъ обществъ», хотя на самомъ-то дѣлѣ этотъ порядокъ есть порядокъ современнаго намъ западно-европейскаго общества, которое насчитываетъ не болѣе столѣтія своей вполне разившейся жизни. Нѣкоторыя страницы трактата ла-Ривьера съ неподражаемой наивностью и пафосомъ передаютъ основную мысль автора, состоящую въ томъ, что буржуазный порядокъ есть созданный самой природою, наилучшій строй общества. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ восклицаетъ: «О, высочайшее добро, о, божественный порядокъ, вы, которые хотите, чтобы самое лучшее состояніе королей было основано на самомъ лучшемъ состояніи народовъ; если люди въ этомъ отношеніи не такъ счастливы, какъ они могли-бы и должны-бы были быть... то не васъ, а ихъ самихъ нужно обвинять въ этомъ; ихъ предразсудки ослѣпляютъ ихъ и препятствуютъ имъ видѣть, что ихъ счастье заключается въ ихъ рукахъ, что оно есть—*необходимый плодъ наблюденія вашихъ законовъ, тѣхъ законовъ, которыхъ нельзя нарушать, не испытавъ чрезъ это наказаній, сопряженныхъ неизмѣнно съ такими уклоненіемъ*». («Physiocrates», Paris, 1846, pag. 449).

Чего-жъ лучше? Сказавъ, что счастье находится въ рукахъ людей, ла-Ривьеръ дѣлаетъ затѣмъ прибавку, которая доказываетъ, что на самомъ-то дѣлѣ счастье—не въ рукахъ людей, а въ рукахъ «божественнаго порядка». Съ этой точки зрѣнія человекъ долженъ только «наблюдать законы» буржуазнаго, т. е. божественнаго, какъ наивно думаетъ нашъ авторъ, порядка и тщательно остерегаться нарушенія этихъ законовъ *).

*) Тябо (Thiébault), авторъ «Берлинскихъ воспоминаній» передаетъ (см. „Souvenirs de Berlin, t. III, pag. 167—168 de la deuxième édition) чрезвычай-

Понятно, почему культурные классы видят въ общественных отношеніяхъ людей къ людямъ проявленіе неизмѣнныхъ законовъ физической природы, а не подвижныя, преходящія общественныя теченія. Цивилизація существуетъ пока исключительно почти для нихъ и всѣ блага ея приобрѣтены ими только подъ покровомъ того антагонистическаго режима, о которомъ говоритъ цитированный нами въ началѣ этой статьи мыслитель.

II.

Но если общественныя формы—дѣло, такъ-сказать, не рукъ человеческихъ, а «высочайшаго добра», которое надѣляетъ человѣка и наслажденіями, и страданіями, то отсюда слѣдуетъ, что заинтересованныя въ извѣстномъ строѣ общественныя группы должны считать за святотатство малѣйшую попытку измѣнить обиходный складъ жизни. Не въ такихъ перемѣнахъ видятъ обезпеченныя группы источникъ счастья для человечества. Лекарство противъ бѣдъ и несчастій заключается, по ихъ мнѣнію, въ личномъ усовершенствованіи человѣка. Насколько человѣкъ можетъ продѣлать, при неблагоприятныхъ общественныхъ условіяхъ, процессъ этого усовершенствованія, насколько въ лучшемъ случаѣ личныя добродѣтели способны дать члену общества, страдающему отъ нищеты и горя, хоть одну десятую долю того счастья, какимъ пользуются безъ всякихъ почти усилій матеріально-обезпеченные классы,—все это нисколько не занимаетъ проповѣдниковъ личной морали.

Нелогичность ихъ теоретическихъ построеній бросается въ глаза каждому, кто не потерялъ способности правильно мыслить. Возьмите, напр., Рейбо, автора, проповѣдующаго если не прямо прописную мораль, то косвенно—написаніемъ двухъ невѣжественнѣйшихъ томовъ о «Реформаторахъ». Наводивши все свое твореніе lamentаціями и слезливыми причитаньями о томъ, что въ послѣднее время «стараясь облегчить индивидуальную отвѣт-

но характеристичный разговоръ того-же самого ла-Ривьера съ императрицей Екатериной II въ 1771 г., когда онъ пріѣхалъ въ Россію по приглашенію государыни. Объяснивши предварительно Екатерину, что, по его убѣжденію, никто, кромѣ Бога, не имѣетъ права давать или создавать законы, онъ на вопросъ Екатерины, къ чему-же сводится тогда наука управленія, отвѣчаетъ: „Къ тому, чтобы хорошо изучать, узнавать и обнародовать (manifeste) законы, которые Богъ отчетливо начерталъ въ самой организаціи людей, когда онъ далъ имъ жизнь. Желаніе-же идти далѣе этого было-бы великимъ несчастіемъ и разрушительной попыткой“.

ственность всѣхъ виновныхъ, возлагая ее на общественный строй» (см. его «Etudes sur les Reformateurs, edit. deux. 1849, t. II, p. 2), что теперь освящаютъ (on autorise) порчу «соціальныхъ элементовъ и требуютъ совершеннаго общества» (ibid),— авторъ на пути моралистики натывается тѣмъ не менѣе на фактъ, о который больно ушибается его узенькая головка и который заставляетъ его невольно воскликнуть о судьбѣ рабочихъ классовъ: «руки этихъ людей доставляютъ обезпеченнымъ классамъ наслажденія, полныя утонченности, но, увы! неоспоримая правда, что нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ могутъ испытать приступы голода, находясь вблизи жатвы, которую они собрали, нуждаться въ одеждѣ среди богатыхъ тканей, которыя они выткали» (pag. 6). Прощая Рейбо, называющему многоголовое чудовище пауперизма мягкимъ словомъ «нѣкоторые», мы естественно спрашиваемъ себя, насколько дѣйствительно виновны эти «нѣкоторые» предъ обществомъ и предъ собою и насколько поможетъ имъ проповѣдь о трудолюбіи и воздержаніи?

Но вотъ еще лучший примѣръ, служащій для уясненія того, во что обращается проповѣдь индивидуальной морали и что она означаетъ собой, разъ мы хорошенько всмотримся въ нее. Предъ мной лежитъ объемистая книга нѣкоего Турмани (Tourmagne), изданная въ 1879 г. въ Парижѣ, подъ пышнымъ заглавіемъ «Histoire du Servage ancien et moderne». Въ этой книгѣ характернѣе всего предисловіе, въ которомъ авторъ является дѣятельнымъ поборникомъ морали, предписывающей человѣку не думать объ улучшеніи общественныхъ условій, а заниматься личнымъ усовершенствованіемъ своей персоны. «Наше общество, говоритъ онъ,—какъ-бы кипящій сосудъ (un vase en ébullition). Молекулы, самыя легкія, оживляемыя теплотою, поднимаются на поверхность, между тѣмъ, какъ самыя тяжелыя, которыхъ дѣятельность, какъ кажется, покинула, теряютъ пріобрѣтенное положеніе, чтобы тяжело упасть на дно; но лишь затѣмъ, чтобы снова подняться въ безпрестанномъ воз- и нисхожденіи. Такъ и въ человѣческомъ горнилѣ. Въ общественномъ кипѣніи люди поднимаются и опускаются поочередно. Если ихъ предоставить самимъ себѣ, они фатально подчиняются закону инертныхъ молекулъ. *Отъ нихъ зависитъ освободиться, согрѣвая свой умъ при помощи труда и берсжливости.* Только благодаря мужественному упражненію въ этихъ добродѣтеляхъ, можно безконечно подняться въ соціальной іерархіи. Мощные, сильные и мудрые всегда найдутъ здѣсь болѣе высокое положеніе, въ которомъ будетъ отказано другимъ» и т. д. (Preface, page VII—VIII).

Уподобленіе общественнаго процесса физическому процессу

кипянія сразу выдаетъ въ авторѣ желаніе смотрѣть на окружающія его условія, какъ на нѣчто роковое, неизмѣнное, какъ на «божественный порядокъ». Но рядомъ съ этимъ мы имѣемъ въ приведенной цитатѣ и проповѣдь личной морали. Стоитъ только человѣку согрѣть свой умъ при помощи труда и сбереженія, чтобы занять высокое положеніе въ обществѣ! Но вопросъ въ томъ, примѣнима-ли эта мораль личнаго усовершенствованія въ процессъ борьбы къ низшимъ классамъ? Очевидно, что нѣтъ. Разъ въ сосудѣ есть верхній и низшій слой,—а всѣмъ молекуламъ нельзя быть вмѣстѣ въ верхнемъ слой,—то часть ихъ фатально должна лежать внизу. Согрѣвай или не согрѣвай свой умъ, а въ верхній слой не попадешь, если уже тамъ достаточно набралось подобныхъ-же молекулъ.

Вѣдь несмотря на привычку буржуа либеральничать насчетъ прошедшихъ и давно прошедшихъ учреждений, напр., египетскихъ касть, фатально заставлявшихъ человѣка заниматься тѣмъ, чѣмъ занимался его отецъ, дѣдъ и т. д.,—несмотря на эту похвальную привычку, западно-европейскій строй страдаетъ тѣмъ-же первороднымъ грѣхомъ кастоваго устройства.

Вотъ, напр., что говорить по этому поводу одинъ изъ сильныхъ теоретиковъ современнаго общества, всегда почти готовый идти на компромиссы съ дѣйствительностію и скорѣе другъ, чѣмъ врагъ ей: «Раздѣленіе между разными разрядами работниковъ до сихъ поръ остается такъ твердо, и линія разграниченія между ними такъ рѣзка, что результатъ почти равняется *наслѣдственному раздѣленію на касты*... Свободныя профессіи пополняются почти исключительно сыновьями людей, занимавшихся ими, или торговцевъ, стоящихъ на одной съ ними ступени; точно также и въ низшихъ разрядахъ техническаго труда; *а чернорабочіе, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, остаются наслѣдственно въ своемъ прежнемъ состояніи*» (Милль, Основанія пол. экономіи, т. I, рус. изд. 1874 г., стр. 452—453).

Такимъ образомъ, если ужъ мы хотимъ оставить сравненіе общества съ кипящимъ сосудомъ, то должны предположить, что вода нагрѣвается въ немъ не снизу, какъ, очевидно, предполагаетъ г. Турманъ, а сверху. Тогда частицы, бывшія на верху, всегда останутся здѣсь, такъ-какъ находятся ближе къ источнику теплоты, капиталу, и потому сильнѣе нагрѣты, а нижнія частицы всегда останутся внизу.

III.

Хотя съ перваго разу можетъ показаться, что два отмѣченныя нами элемента буржуазнаго самооправданія, — неизмѣнность среды и совершенствованіе личности, — по характеру своему представляютъ противоположность, но по ближайшемъ разсмотрѣніи непременно выяснится, что въ основѣ этихъ элементовъ лежитъ нѣчто общее.

Какъ-бы личность ни старалась высоко нести знамя развитія, индивидуальности, она не можетъ выпрыгнуть изъ условій времени и пространства. На ея ногахъ висятъ тяжелые кандалы зависимости отъ окружающей ее соціальной среды, отъ безчисленнаго разнообразія всевозможныхъ элементовъ мысли и чувства, носящихся въ соціальной атмосферѣ.

Нечего удивляться, что въ современномъ обществѣ, основанномъ на свободной конкуренціи или, если хотите, на организованной анархіи, альтруистическія чувства обыкновенно откладываются въ самый далекій уголокъ сердца, а компасомъ служатъ эгоистическія стремленія. Всеобщее самопожертвованіе, которое, повидимому, должно-бы было вытекать изъ морали личнаго совершенствованія, несмотря на свою прелесть является практической нелѣпостью при системѣ современной жизни, какъ справедливо замѣтилъ Спенсеръ. Спенсеръ не могъ представить себѣ иного склада жизни, кромѣ современнаго ему англійскаго, *plus ultra* капиталистическаго. Понятно, что онъ съ этой точки зрѣнія настаиваетъ на необходимости разумнаго эгоизма. И дѣйствительно, въ нашемъ обществѣ, гдѣ каждый дѣйствуетъ на свой страхъ, для альтруиста возможно только пожертвованіе своей долей счастья въ пользу другого человѣка. Представьте-же теперь *при неизмѣнившихся общественныхъ условіяхъ* общество, состоящее изъ чистѣйшихъ альтруистовъ, каждый изъ которыхъ отрекается въ пользу другого отъ своей доли счастья. Кто-же будетъ счастливъ тогда?

Мы нѣсколько уклонились въ сторону, хотя намъ удалось здѣсь кстати сказать, во что въ самомъ лучшемъ случаѣ превращается проповѣдь личнаго усовершенствованія? Но намъ, собственно говоря, нужно отмѣтить, что безпрестанное совершенствованіе человѣка, не имѣющее, повидимому, границъ, въ сущности есть движеніе до извѣстнаго пункта, опредѣляемаго общественнымъ строемъ. Это невольнo признаетъ и буржуа.

Съ извѣстнымъ *неизмѣннымъ* багажемъ человечество, по мнѣнію приверженцевъ божественно-буржуазнаго порядка, идетъ по

историческому пути, и только гений, свѣточи, однимъ словомъ, *высокія индивидуальности*, двигаютъ цивилизацію. Тутъ, значитъ, дѣло сводится къ тому, чтобы родиться въ сорочкѣ. Родился въ сорочкѣ—ты гений, ты соль земли, твоя индивидуальность концентрируетъ въ себѣ современную цивилизацію, создаетъ основанія для грядущей и пролагаетъ новые пути мысли. Словомъ, здѣсь совмѣщаются вѣра въ неподвижность «черни непроsvѣщенной» и культъ «высшихъ индивидуальностей».

До какой степени вѣра въ неизмѣнность историческаго багажа, таскаемаго массами, и культъ индивидуальности тѣсно связаны между собою, можно видѣть на частномъ примѣрѣ, представляемомъ, по нашему мнѣнію, довольно большой брошюрой извѣстнаго Е. Дюринга, трактующей о «Еврейскомъ вопросѣ, какъ расовомъ, нравственномъ и культурномъ вопросѣ». Дюрингъ, несомнѣнно, не принадлежитъ къ числу защитниковъ современнаго строя. Идеаль его — не настоящее положеніе вещей, при которомъ «высшія молекулы» парятъ въ пространствѣ эфира, а миллионы низшихъ бродятъ въ грязи и потемкахъ. Мы уже не говоримъ про то, что по таланту Дюрингъ выше многихъ и многихъ буржуазныхъ мыслителей. Но посмотрите, къ чему приходитъ теоретикъ не буржуазнаго, а «соціалитарнаго» строя? Дюрингъ преобразоваль, нужно прежде всего сказать это, культъ «высшихъ индивидуальностей», отправляемый приверженцами *status quo*, въ культъ вообще личности. Личность—это исходный пунктъ его теоретическихъ построеній. Личность вяжетъ и рѣшаетъ судьбы общества. Индивидуумы—альфа и омега общественныхъ организацій, или, какъ говоритъ Дюрингъ, въ «Курсѣ національной и соціальной экономіи», «индивидуумы болѣе, чѣмъ простые атомы общественнаго и государственнаго тѣла; они — верховные носители всякаго общественнаго союза и его политическихъ формъ. Соціализированіе не исключаетъ индивидуализированія, и свобода можетъ, благодаря собственно принципу единенія, только еще болѣе укрѣпиться. На этомъ основаніи соціалитарная народно-хозяйственная наука имѣетъ дѣло прежде всего съ естественно-возросшими личностями, а затѣмъ, при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи—съ созданными ими политическими и иными руководящими для хозяйства формами единенія». (*Cursus der National und Social-öconomie, zweite Auflage, Leipzig, 1876, S. 4*).

Мы не подвергаемъ подробному разбору положеній этой цитаты, а укажемъ только на то, что подходитъ къ предмету нашей статьи. Прежде всего замѣтимъ, что отъ индивидуума, фигурирующаго въ качествѣ «простого атома» и до индивидуума,

являющагося передъ нами въ видѣ «верховнаго носителя организаціи» — громадная бездна. Почему Дюрингъ не остановился на взглядѣ, заполняющемъ отчасти эту бездну и рисующемъ въ болѣе вѣрномъ свѣтѣ взаимныя отношенія между человѣкомъ и организаціей, а поднялъ личность на щитъ и провозгласилъ ее «верховнымъ носителемъ» общественныхъ условій, — мы рѣшить не можемъ. Несомнѣнно лишь, что этотъ апофеозъ личности представляетъ собой самый характерный пунктъ дюринговскаго міровоззрѣнія. Можетъ быть, въ этомъ нужно видѣть прямое пространственное, такъ-сказать, расшпиреніе буржуазнаго культа «высшихъ индивидуальностей, или только нѣчто похожее на этотъ культъ, мы оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а замѣтимъ лишь слѣдующее. Какъ-бы то ни было, но апофеозъ личности не оправдывается фактами жизни. Разумѣется, каждый изъ насъ не «простой атомъ» общественной организаціи, потому-что каждый изъ насъ не пассивная частица матеріи, безсознательно движущаяся въ томъ или иномъ направленіи. Но отсюда далеко до того, чтобъ видѣть въ насъ «верховныхъ носителей» организаціи. Если принять это въ томъ смыслѣ, что организація есть рядъ извѣстныхъ отношеній между *людьми*, то дюринговское опредѣленіе покажется, пожалуй, и вѣрнымъ, но въ сущности не дающимъ ничего новаго, чтобы не заключалось въ мысли: общество есть сумма индивидуумовъ, поставленныхъ въ извѣстныя условія къ природѣ и отношенія другъ къ другу.

За то, во всякомъ другомъ смыслѣ, человѣкъ превращается скорѣе въ вѣрнопопданнаго носителя извѣстной организаціи, чѣмъ въ «верховнаго носителя» ея. Если-бы личности вершили судьбами, то исторія превратилась-бы въ рядъ хаотическихъ картинъ, смѣняемыхъ по мановенію скипетра «верховныхъ носителей», а это можно сказать только объ отдѣльныхъ аксессуарахъ картины, а не о цѣлой декораціи, не о цѣлой организаціи. Можно возразить, что Дюрингъ, отзываясь съ похвалою о Боклѣ, который развѣнчалъ теорію зависимости историческихъ событій отъ произвола отдѣльныхъ личностей, видитъ «верховнаго носителя» организаціи не въ отдѣльной личности, а вообще въ *индивидуумахъ*, но тогда вопросъ сводится къ тому, о чемъ мы уже раньше говорили. *Вообще индивидуумы* — это значитъ уже общество, каждый членъ котораго находится въ зависимости отъ всѣхъ остальныхъ.

Затѣмъ, еще замѣчаніе. Что это за «естественно-возросшія личности», которыя создали «политическія и нынѣ руководящія формы единенія для хозяйства»? «Естественно-возросшихъ» личностей *quand mèmes* нѣтъ, если не считать пустой абстракціи.

Личность «естественно возростала» на известной общественной почвѣ, при известной социальной атмосферѣ и т. д. Въ каждый данный моментъ есть историческая, а не абстрактная личность. Значитъ, наука о народномъ хозяйствѣ должна имѣть дѣло съ общественными условіями, порождающими историческую личность, а не съ «верховными носителями» организаціи, абстракціей, отвлеченной отъ условій времени и пространства.

Итакъ, Дюрингъ, для котораго личность quand même является чѣмъ-то въ родѣ Атланта, держащаго на плечахъ общественную организацію и, не впримѣръ древнему Атланту, могущаго сбросить эту организацію, въ «индивидуальности» видитъ все. Понятно, что культъ индивидуальности и «естественно-возросшихъ личностей» долженъ былъ такъ или иначе отразиться на взглядахъ Дюринга по частнымъ вопросамъ. Въ своей новой брошюрѣ о «Еврейскомъ вопросѣ», наполненной не доказательствами, а бранью противъ «жидовъ» Берне и Гейне, Спинозы и Лессинга, Маркса и Лассалья, Рикардо и Д'Израэля, содержащей ссудныхъ кассъ и профессоровъ и т. д., Дюрингъ снова высоко возноситъ индивидуальность и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ въ руки читателю нить къ рѣшенію, какимъ образомъ талантливый писатель становится на точку зрѣнія зачатыхъ юдофобовъ.

Говоря о негодности евреевъ въ научномъ отношеніи, Дюрингъ замѣчаетъ, напр.: «но именно не столько собственно наука, сколько литература удерживаетъ наилучшимъ образомъ отпечатокъ природы племени (Stammes natur). Сюда-же относится большая часть философіи; ибо если она хочетъ быть цѣнной, она должна выражать человѣческое въ его благороднѣйшей формѣ. Но такой *опредѣленный образъ* не есть *обще-человѣчскій остовъ*, для котораго достаточно минимума человѣчности, какъ-бы близко онъ ни стоялъ къ обезьянѣ. Никогда зоологъ не можетъ этимъ способомъ вѣрно установить (aufrechterhalten) рубрики. *Быть вообще челоѣчкомъ крайне мало и граничить съ образомъ существованія животныхъ.* Такимъ образомъ дѣло касается человѣческой породы, расы, *національности* и, наконецъ, *индивидуальности*. Это обнаруживается въ литературѣ; ибо лучшая человѣчность воплощается въ ней только посредствомъ *націоналаго и индивидуальнаго гения*». (Die Judenfrage, s. 54).

Тутъ мы видимъ, если хотите, цѣлую градацію «индивидуальностей». Раса относится съ своими специфическими и неизмѣнными, какъ увидимъ ниже, чертами къ челоѣчеству такъ, какъ индивидуумъ къ известному обществу. Въ томъ-же точно отношеніи стоятъ національность къ расѣ. Индивидуальность въ челоѣчествѣ, въ расѣ, въ національности, въ группѣ—вотъ чѣмъ

красна человеческая жизнь. «Быть-же вообще человеком» — крайне мало.

Но откуда-же берутся специфичныя, измѣнныя, по мнѣнію Дюринга, черты упомянутыхъ дѣленій? Откуда достаются онѣ въ послѣднемъ счетѣ въ удѣлъ индивидуальности, «естественно-возросшей личности» этому «верховному носителю» общественной организаціи? Это — дѣло случая: черты индивидуальности даются «отъ природы». Вспомнимъ, что говорили мы о связи культа индивидуальности съ вѣрой въ неподвижность чертъ, отличающихъ массу человечества и его дѣленія. Индивидуальность — «отъ природы» и по природѣ исключительна. Не менѣе исключительны и коллективныя, если можно такъ выразиться, индивидуальности, — группы, общества, націи, расы. Дѣйствительно, если индивидуальность — «верховный носитель» общества, (а общество — «верховный носитель» націи, нація — расы и т. д.), то черты индивидуальности должны, такъ-сказать, существовать уже «отъ природы», независимо отъ окружающей среды, независимо отъ «носимаго» личностью общества. Родиться той или иной индивидуальностью — зависеть, стало-быть, отъ вашего личнаго счастья. Вы родились подъ счастливой звѣздой — и ваша индивидуальность блещетъ всѣми цвѣтами радуги. Я родился, напротивъ, подъ вліяніемъ зловѣщей звѣзды — и мои качества сѣры, тусклы и посредственны. Параллельно съ этимъ подразумевается, что эти индивидуальныя черты не только исключительны, но и неизмѣнны. Въ этомъ отношеніи Дюрингъ очень послѣдователенъ. Нападая на евреевъ, какъ на существа, «по природѣ» противообщественныя, онъ говоритъ, напр., въ противоположность Дарвину: «кто пожелалъ-бы допустить, что еврейскія качества могутъ сглаживаться (*wegzuchten*) путемъ смѣшиванія и скрещиванія съ другой породой, тотъ стоялъ-бы на самомъ ошибочномъ пути. *Нельзя измѣнить воспитаніемъ изъ кошачьей породы коварства, и злыя натура всегда остается неизмѣнной. Ни климатъ, ни окружающая среда не измѣнятъ ни одного главнаго пункта въ природномъ наслѣдіи*». (1, с., стр. 144).

Тутъ неизмѣнность и верховность индивидуальности разсматривается со стороны неизмѣнности «природнаго наслѣдія», которое дается природой въ удѣлъ коллективной индивидуальности, расѣ. Почему «природа» даетъ это наслѣдіе, и та же самая природа, т. е. климатъ плюсъ окружающая среда, не можетъ измѣнить характера завѣщаннаго имущества — остается неизвѣстнымъ. Но мы видимъ, какъ изъ культа исключительной индивидуальности, даже распространенной не на однѣ только «вышія молекулы», а на всѣхъ вообще людей, вырабатывается вѣра въ

неизмѣнность, въ неподвижность основныхъ чертъ человѣческаго характера. Кошка, индивидуумъ извѣстной «коварной» породы, воплощаетъ въ своей индивидуальности специфичныя черты всей породы, «змѣя родитъ змѣеныша» или, вѣрнѣе,—придерживаясь дюринговскаго мировоззрѣнія,—отдѣльная кошка есть «носитель» чертъ всей кошачьей породы, такъ-какъ послѣдняя состоитъ изъ индивидуумовъ. Каждый еврей точно также носить черты своей расы. Въ своей индивидуальности онъ сохраняетъ и воспроизводитъ индивидуальность своего племени. Родиться евреемъ или не евреемъ—дѣло случая, но разъ ты еврей—ты «отъ природы» обладаешь уже кошачьими и змѣиными качествами. Ихъ тебѣ не измѣнить. Другое дѣло, по мнѣнію «старога шведа» (такъ называетъ самого себя Дюрингъ) родиться германцемъ. Твоя индивидуальность — «верховный носитель» нѣмецкаго характера, неизмѣннаго въ своихъ основныхъ чертахъ и отличающагося въ особенности «довѣріемъ» и «вѣрностью» въ отношеніяхъ между людьми.

Итакъ, культъ «верховнаго носителя», независимаго отъ климата и окружающей среды, отъ исторіи, приводитъ далеко не буржуазнаго Дюринга въ буржуазной теоріи неизмѣнности историческаго багажа, съ которымъ идетъ масса по пути цивилизаціи. У Дюринга есть даже своего рода олимпійцы и люди, бредущіе въ потемкахъ: таковъ ужъ результатъ индивидуальности тѣхъ и другихъ! Нѣмцы—тѣ «высшая индивидуальность», жидаы—люди, бредущіе испоконъ-вѣку въ грязи. Мы приведемъ еще одно мѣсто изъ Дюринга, рисующее вѣру въ неподвижность «главныхъ пунктовъ» человѣческаго характера, какъ онъ обнаруживается въ различныхъ группахъ, покоящихся, конечно, на индивидуальности.

«Что касается требуемаго пока *modus vivendi*, то, какъ уже раньше указано, прочное совмѣстное житье съ евреями не возможно на ногѣ равенства, такъ-какъ это племя *отъ природы* стоитъ на неравной (съ нами) и значительно низшей ступени дарованія и нравственности. Тутъ не поможетъ никакое умственное начало; ибо ошибка—физиологическаго рода и лежитъ въ самомъ характерѣ натуры. Съ практической точки зрѣнія нечего здѣсь считаться съ ламарковскими превращеніями животныхъ породъ, если даже и допустить справедливость этого удивительнѣйшаго кунштюка изъ всего чародѣйства зоологическихъ метаморфозъ. Періоды измѣненія слишкомъ долги. Евреи въ теченіи историческихъ тысячелѣтій остались тѣми-же самыми въ основахъ характера. Никакая социальная система и никакое из-

мнѣніе общества не истребитъ этого основнаго зла». (I. с., стр. 112).

Немудрено, если Дюрингъ, взваливающій на индивидуумовъ «формы общественнаго единенія» и не вѣрящій въ громадное вoadѣйствіе на «верховныхъ носителей» того самаго общественнаго строя, который они, по его мнѣнію, носятъ, прописываетъ рядъ насильственныхъ мѣръ, направленныхъ противъ евреевъ. Гдѣ царить буржуазный принципъ признанія за индивидуумомъ независимости отъ общества, гдѣ единственнымъ виновникомъ является «злая воля» индивидуальности, тамъ, конечно, будутъ считаться лекарствомъ противъ всяческихъ бѣдъ «мѣры», направленные противъ людей, а не противъ условій.

Не такъ думаютъ и думали люди, выходящіе въ своихъ логическихъ построеніяхъ изъ общества, считавшіе за источникъ добра и зла не «неизмѣнныя» черты человѣческаго характера, а измѣняющійся общественный строй. Къ числу упомянутыхъ мыслителей, безспорно, принадлежитъ свѣтлая, въ высшей степени гуманная, провинутая любовью къ человѣчеству личность Роберта Овэна. До сихъ поръ она стоитъ не какъ предостереженіе противъ «увлеченія утопіями», что думаютъ гг. Рейбо и Турмани,—а какъ напоминаніе о необходимости дѣйствовать непосредственно на общество, минуя проповѣдь личной морали. Будь каждая личность независима отъ общества,—всѣ онѣ вмѣстѣ, а, стало-быть, и все общество могло-бы очень скоро ступить на путь, указанный Овэномъ, и по взаимному соглашенію членовъ совершить Овэновскія реформы. Но въ томъ-то и дѣло, что каждый изъ насъ находится въ зависимости отъ общества, каждый членъ котораго стоитъ, подобно намъ, въ зависимости отъ другихъ членовъ.

Это прекрасно понималъ Овэнь, и вмѣсто проповѣди личной морали обращался къ коронованнымъ особамъ, къ фабрикантамъ, къ разнымъ обществамъ съ манифестами, разъяснявшими его «новый взглядъ на общество», указывавшими условія образованія человѣческаго характера». Мы пользуемся недавно вышедшимъ на русскомъ языкѣ вторымъ изданіемъ (безъ сокращеній) овэновскаго трактата о характерѣ, составленномъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, чтобы дать читателю понять, откуда исходятъ мыслители, противоположные творцамъ «высшихъ молекулъ» и мнѣнія о божественности западно-европейскаго строя.

Въ pendant къ дюринговскому культу индивидуальности и признанія неизмѣнныхъ чертъ за человѣкомъ и группами, въ pendant къ его нападкамъ съ этой точки зрѣнія на евреевъ, мы процитируемъ слѣдующее мѣсто изъ Овэна: онъ и, по его

мнѣнію, ни одинъ образованный человѣкъ, «не думаетъ, что какой-то *неопредѣленный, слѣпой, безсознательный процессъ самой природы*, независимо отъ воспитанія, образуетъ чувства и привычки купца, земледѣльца, юриста, духовнаго, военнаго, моряка, частнаго и незаконнаго грабителя общества; не думаетъ, что *человѣческая природа различна въ различныхъ обществахъ, напримѣръ, въ обществахъ евреевъ*, и во всевозможныхъ религіозныхъ сектахъ, существовавшихъ прежде или существующихъ въ настоящее время. Нѣтъ! *человѣческая природа, за исключеніемъ мелкихъ различій, встречающихся во всякъхъ сложныхъ явленіяхъ природы, вездѣ одна и та-же*. Она безъ исключеній, повсюду пластична и съ помощью разумнаго воспитанія *можно образовать изъ дѣтей какого-угодно сословія, людей совершенно другого класса*; можно приучить ихъ считать истиннымъ и добродѣтельнымъ и даже умирать въ защиту такого образа дѣйствій, который ихъ родители привыкли признавать ложнымъ или порочнымъ, и въ борьбѣ съ которымъ также охотно пожертвовали бы своего жизнию». (Р. Овэнъ, образованіе человѣческаго характера, стр. 140).

Мы слышимъ нѣчто иное сравнительно съ тѣмъ, что говорилъ намъ раньше Дюрингъ. Здѣсь отрицается выработка неизмѣнныхъ чертъ характера «слѣпымъ процессомъ природы», здѣсь отрицаются исконныя, специфичныя черты расы «независимо отъ воспитанія», здѣсь мѣсто «естественно-возросшей» абстрактной личности занимаетъ пластичная человѣческая природа, могущая измѣняться подъ вліяніемъ окружающихъ условій и воспитанія. Весь рядъ небольшихъ очерковъ о воспитаніи, написанныхъ Овэномъ, посвящается доказательству этихъ положеній и съ той или иной стороны освѣщаетъ «главный принципъ», который, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Овэнъ, «заключается въ томъ, что всякому обществу, съ помощью надлежащихъ средствъ, можно придать какой-угодно характеръ, начиная съ лучшаго и до худшаго, съ самаго невѣжественнаго и до самаго развитаго» (стр. 8).

Наиболѣе сильная вѣра въ могущество вліянія общества на личность проглядываетъ въ тѣхъ мѣстахъ овэновскихъ разсужденій, гдѣ онъ подвергаетъ критикѣ современный ему англійскій строй, который при всѣхъ своихъ политическихъ сравнительно лучшихъ учрежденіяхъ неизбежно губитъ массу населенія. «Долголи еще, восклицаетъ гуманный авторъ, мы будемъ терпѣть такое положеніе, при которомъ мы сами-же даемъ людямъ возможность изъ поколѣнія въ поколѣніе учиться преступленію съ самаго дѣтства, а когда они научатся ему, то мы преслѣдуемъ ихъ,

какъ дикихъ звѣрей, пока они не запутаются безвыходно въ сѣтяхъ и капканахъ закона? Между тѣмъ если-бы эти бѣдныя, не возбуждающіе жалости страдальцы, обмѣнялись своимъ положеніемъ съ тѣми, которые окружены помпою и достоинствомъ юстиціи, то эти послѣдніе очутились-бы на скамьѣ подсудимыхъ, а первые сидѣли-бы на судейскихъ креслахъ». (I. с. стр. 29).

Въ такой рѣзкой формѣ Овенъ выражаетъ свою мысль о вліяніи воспитанія, о воздѣйствіи среды, заставляющей человѣка «учиться преступленію». Нѣтъ сомнѣнія, что эта мысль вполне справедлива. Единственно, чѣмъ можно возразить и чѣмъ обыкновенно возражаютъ на нее, это—указаніемъ на индивидуальныя особенности человѣка, на наследственныя черты, иногда не легко вытирающіяся подъ вліяніемъ воспитанія,—выражаясь психологическимъ терминомъ,—на идіосинкразіи. Но, во-первыхъ, и въ этихъ чертахъ неповиненъ человѣкъ, а во-вторыхъ, главное, онъ въ качествѣ взрослого, развившагося субъекта представляетъ собой въ неизмѣримо-большей степени результатъ окружающихъ его формъ жизни, чѣмъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и идіосинкразій. Въ особенности это вѣрно въ приложеніи къ современнымъ сложнымъ формамъ общественнаго и государственнаго строя. Недаромъ говорилъ Монтескье, что «въ дѣтствѣ народовъ человѣкъ создаетъ государство; въ періодъ ихъ зрѣлости государство образуетъ человѣка». Такая зависимость личности отъ общества стала уже въ послѣднее время почти избитымъ мѣстомъ. Эти невидимыя цѣпи, приковывающія умъ и чувство индивидуума къ общественной формациі, особенно рѣзко освѣщены, напр., талантливымъ Д. Г. Льюисомъ въ его посмертномъ сочиненіи «Изученіе психологіи», переведенномъ на русскій языкъ въ прошломъ году. Въ главѣ, трактующей объ «Общемъ духѣ», знаменитый публицистъ, естествоиспытатель и свободный мыслитель чопорной Англійи какъ нельзя лучше разъясняетъ характеръ пуповины, связывающей самозваннаго «верховнаго носителя» общества съ самимъ обществомъ: «Коллективный опытъ расы формируетъ опыты отдѣльнаго лица. Онъ заставляетъ человѣка признавать то, что для него не понятно и повиноваться тому, чему онъ не вѣритъ. Мысли человѣка только отчасти составляютъ его собственность; онъ также и мысли всѣхъ. Его поступками руководитъ воля другихъ; онъ не забываетъ о ней даже при возмущеніи. Его нравственное знамя находится внѣ его самого. То лишь истина, что подтверждаютъ всѣ люди и что не опровергается ничьимъ опытомъ: *consensus gentium*. Если человѣкъ не можетъ признать этой истины, его превозглашаютъ ненормальнымъ и сѣумасшедшимъ.

Если онъ не чувствуетъ такъ, какъ чувствуютъ всѣ другіе, его мнѣніе не принимается во вниманіе и приводится, какъ ненормальность». (*Изученіе психологій* Д. Г. Льюиса. Москва, 1880 г., стр. 171—172).

Нетрудно понять значеніе овэновской теоріи разумнаго воспитанія человѣка и постановки, его въ благоприятныя условія, если вдуматься въ выразительную рѣчь Льюиса. Общество могущественно вліяетъ на человѣка. Подвергните-же человѣка воспитательному дѣйствію здоровыхъ общественныхъ элементовъ, удалите отъ него, насколько возможно, вредные элементы— вотъ въ чемъ состоитъ государственная мудрость, если государство желаетъ сдѣлать счастливымъ общество и каждого отдѣльнаго члена общества.

Но главная суть вопроса нами, однако, не рѣшена, не рѣшена, по-крайней-мѣрѣ, форма примѣненія къ общественной дѣятельности теоретическихъ принциповъ, развиваемыхъ мыслителями овэновскаго типа. Мало того, всмотрѣвшись хорошенько въ систему разумнаго общественнаго воспитанія всѣхъ членовъ общества, мы замѣтимъ, что ея проведеніе въ жизнь уже предполагаетъ существованіе иного общества, чѣмъ какимъ является современное. Ясно, что мы попадаемъ въ заколдованный кругъ. Дѣйствительно, припомнимъ, что говорилъ намъ Милль о кастическомъ устройствѣ современнаго общества, о роковой необходимости сыну чернорабочаго оставаться также чернорабочимъ. Гдѣ и какъ при такихъ условіяхъ можетъ осуществиться система разумнаго общественнаго воспитанія? Много-ли членовъ общества пройдетъ при такихъ условіяхъ школу этого воспитанія? Современный строй покоится на существованіи громаднаго большинства людей, поглощеннаго физическимъ трудомъ, не требующимъ мало-мальски сноснаго развитія. Но разумное общественное воспитаніе отрывало-бы массу времени у этого большинства, заставляя его въ этотъ промежутокъ работать надъ своимъ собственнымъ развитіемъ, а не надъ процессомъ производства. Кромѣ того, разумное общественное воспитаніе уже предполагаетъ матеріальную обеспеченность каждаго члена общества. Но этого опять-таки нѣтъ при данныхъ условіяхъ. Вѣдь Милль, говорящій о современномъ устройствѣ, имѣющемъ свои касты, развиваетъ въ тѣхъ-же главахъ, о «заработной платѣ» принципы, которые съ чрезвычайной ясностью показываютъ, что большинство населенія крайне мало обеспечено, хотя и черезчуръ достаточно трудится. Хотя Милль, какъ уже мы замѣтили, очень снисходителенъ къ современному обществу и, сверхъ того, зараженъ наследственной болѣзью англійскихъ экономистовъ,

мальтузианствомъ; но въ качествѣ честнаго мыслителя, не игнорирующаго положеніемъ большинства, онъ говоритъ, напр., слѣдующее: «Чѣмъ отвратительнѣе занятіе, тѣмъ скорѣе надобно ждать, что за него дается наименьшее вознагражденіе, потому-что оно достается *людямъ безпомощнѣйшимъ и униженнѣйшимъ, людямъ, которые не допускаются ни въ какія другія занятія или по грязной нищетѣ своей, или по недостатку искусства и обученія...* Тяжелость дѣла и плата за него находятся обыкновенно *между собою въ обратной пропорціи*, вмѣсто того, чтобы находиться въ прямой пропорціи, какъ было-бы при общественномъ устройствѣ, сколько-нибудь справедливымъ». (Милль, I. с., стр. 447—448).

Отсюда слѣдуетъ, что прежде чѣмъ создать, согласно овленскимъ принципамъ, при помощи «надлежащихъ средствъ», т. е. разумнаго общественнаго воспитанія, «общество съ наилучшимъ характеромъ», нужно дать ему «сколько-нибудь справедливое устройство» въ матеріальномъ отношеніи, такъ-какъ только при такомъ предположеніи воспитаніе произведетъ благотворное дѣйствіе. Улучшеніе матеріальнаго положенія массъ—вотъ пунктъ, къ которому привели насъ всѣ предшествующія разсужденія. Этотъ пунктъ—цѣль общественной дѣятельности. Каковы-же должны быть основы ея? опять спрашиваемъ мы. Здѣсь дѣло идетъ уже не о выборѣ съ одной стороны между проповѣдью личной морали, а съ другой—принципомъ воздѣйствія общественныхъ условій и воспитанія на каждую личность и все общество. Негодность проповѣди индивидуальнаго совершенствованія, кажется, ясна изъ вышесказаннаго. Наше вниманіе останавливается теперь только на томъ, каковъ долженъ быть характеръ собственно общественной дѣятельности, каковы должны быть основы ея, предполагая, что нашею ближайшею цѣлью является улучшеніе матеріальнаго положенія массъ.

IV.

Прежде всего мы напомнимъ читателю, что здѣсь мы вовсе не касаемся тѣхъ общественныхъ партій, на знамени которыхъ написаны слова, выражающія стремленіе привилегированнаго меньшинства окружить себя свободными учрежденіями, но и ограничиться этимъ. Мы говоримъ здѣсь лишь о такихъ общественныхъ группахъ, которыя ставятъ цѣлью рѣшеніе вопроса объ экономическомъ благосостояніи необезпеченнаго большинства и расходятся лишь въ средствахъ для достиженія цѣли.

Съ этой точки зрѣнія мы имѣемъ предъ собою два главныхъ направленія,—одно, преслѣдующее цѣль, идя по политическому пути, другое, работающее, стоя на экономической почвѣ.

Разница въ непосредственной дѣятельности обѣихъ партій обуславливается ихъ взглядами на главную причину, мѣшающую обществу приблизиться къ «сколько-нибудь справедливому состоянію» экономическихъ отношеній, по выраженію Милля. По мнѣнію однихъ, тормазомъ являются политическія формы, формы власти, въ которыя облечены сильнѣйшіе въ данный моментъ общественные классы. По мнѣнію другихъ, такой тормазъ возможно видѣть, главнымъ образомъ, въ экономическихъ отношеніяхъ зависимости одного общественнаго класса отъ другого, причемъ политическія формы власти являются преимущественно только показателемъ этой зависимости. Устраните политическія формы, говоритъ одна партія. Измѣните экономическія отношенія, говоритъ другая. Боритесь на политической почвѣ, провозглашаетъ одна партія. Исходите изъ экономической борьбы, утверждаетъ другая.

Очевидно, выработка на практикѣ двухъ упомянутыхъ фракцій должна была повестъ въ теоріи къ выработкѣ двухъ соотвѣствующихъ научныхъ мировоззрѣній. Отказываясь отъ оцѣнки практической дѣятельности партій, во-первыхъ, потому, что такая оцѣнка была-бы нѣсколько неудобна по условіямъ русской печати, во-вторыхъ и потому, что она слишкомъ сложна и требуетъ большихъ знаній и большей логической силы, чѣмъ сколько ея находится у пишущаго эти строки,—мы войдемъ здѣсь въ разсмотрѣніе теоретическихъ взглядовъ, представляющихъ собою теоретическое выраженіе практической дѣятельности партій. Западно-европейская литература представляетъ громадный матеріалъ, касающійся занимающаго насъ вопроса. Борьба двухъ партій, или, вѣрнѣе, двухъ родственныхъ фракцій одной партіи ведется и въ литературѣ, какъ въ жизни.

Въ послѣднее время эта борьба обострилась во всей Западной Европѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ ей удалось и въ теоріи выразиться въ наиболѣе ясной формѣ. Минуя рядъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ участниковъ борьбы съ той и другой стороны, мы можемъ остановиться на двухъ главныхъ представителяхъ теоретической розни между упомянутыми фракціями. На одной сторонѣ мы видимъ уже извѣстнаго намъ талантливаго энциклопедиста Евгенія Дюринга, на другой—безспорно превосходящаго его по уму и эрудиции экономиста Карла Маркса съ его неизмѣннымъ alter ego, Фридрихомъ Энгельсомъ. (Мы говоримъ о теоретическихъ представителяхъ).

Сначала мы попробуемъ вратцѣ очертить нѣсколько уже знакомое читателямъ «Дѣла» историко-философское мировоззрѣніе Маркса. Основаніе всякаго общественнаго строя составляютъ экономическія отношенія, т. е. отношенія людей между собою, участвующихъ въ достиженіи извѣстнаго хозяйственнаго результата. Смотри по характеру этихъ отношеній мѣняются и всѣ другія общественныя отношенія людей между собою, выражающіяся въ извѣстныхъ политическихъ формахъ, социальныхъ учрежденіяхъ, правовыхъ понятіяхъ и религіозныхъ идеяхъ. Ядро всякой человѣческой исторіи составляютъ развитіе и усовершенствованіе «матеріальнаго процесса производства жизни», т. е. порабощеніе природы человѣкомъ и регулированіе того обмѣна матеріи, который совершается между человѣкомъ и порабощаемой, но сопротивляющейся природой. Это ядро обтягивается оболочкой экономическихъ отношеній между людьми. Иначе говоря, въ каждый моментъ люди порабощаютъ природу, но не иначе, какъ входя въ извѣстныя отношенія между собою для достиженія извѣстнаго хозяйственнаго результата. Вокругъ этой оболочки экономическихъ формъ тянется другая, болѣе внѣшняя оболочка, сотканная изъ политическихъ, юридическихъ и т. п. формъ. Нечего говорить, что эта внѣшняя оболочка должна въ своемъ развитіи согласоваться съ развитіемъ внутренней оболочки, а послѣдняя, въ свою очередь, зависѣтъ отъ процесса развитія ядра, хотя несомнѣнно, что съ другой стороны политическая оболочка защищаетъ и помогаетъ развитію экономической, а экономическая—способствуетъ надлежащему развитію внутренняго ядра. Ядро, т. е. порабощеніе человѣкомъ природы, съ ходомъ исторіи увеличивается и въ объемѣ, и въ плотности, иначе говоря, производительныя силы общества растутъ и количественно, и качественно. Наступаетъ такой моментъ, когда оболочка экономическихъ отношеній перестаетъ быть «формой развитія», внутри которой растетъ ядро, а превращается въ «оковы», мѣшающія свободному развитію значительно увеличившаго ядра. Подъ давленіемъ расширившихся и усилившихся производительныхъ силъ оболочка экономическихъ отношеній между людьми лопається, а вмѣстѣ съ ней лопається и внѣшняя оболочка политическихъ учреждений, юридически-правовыхъ формъ, религіозныхъ идей и т. д. Вокругъ ядра освободившихся отъ гнета производительныхъ силъ начинаетъ расти новая оболочка экономическихъ, отличныхъ отъ прежнихъ, отношеній, которая обтягивается, въ свою очередь, новой оболочкой новыхъ политическихъ учреждений и т. д. Иллюстрируемъ это однимъ-двумя примѣрами изъ исторіи. Въ концѣ среднихъ вѣковъ,

ремесленный капиталъ, укрываясь за стѣнами городовъ, благодаря цѣховому устройству, настолько развилъ производительныя силы общества, дисциплинировалъ рабочихъ, улучшилъ способы производства, что дальнѣйшій процессъ порабощенія человекомъ природы при болѣе развитыхъ производительныхъ силахъ не могъ совершаться въ тѣсныхъ колодахъ цѣховаго устройства: по цѣховымъ постановленіямъ число рабочихъ было, напр., ограничено, а съ такимъ ограниченнымъ числомъ тратилась масса прибрѣтенныхъ, но лежавшихъ безъ употребленія производительныхъ силъ. Оболочка экономическихъ отношеній ремесленнаго производства лопается, рушится цѣховое устройство, рушатся и политическія феодальныя формы среднихъ вѣковъ. Свободная конкуренція занимаетъ мѣсто ремесленно-цѣховаго въ городахъ и крѣпостного строя въ земледѣльческихъ областяхъ, конституціонный строй занимаетъ мѣсто феодальнаго, перешедшаго подъ конецъ эпохи въ абсолютистическій. Еще примѣръ:

По наступленіи буржуазной эпохи, производительныя силы современнаго капиталистическаго общества все болѣе и болѣе развиваются. Технические изобрѣтенія, машины требуютъ для примѣненія своего къ дѣлу большихъ капиталовъ. Для нѣкоторыхъ грандіозныхъ предпріятій настоящей эпохи, напр., желѣзныхъ дорогъ, недостаточно отдѣльныхъ капиталовъ. Составляются ассоціаціи капиталистовъ. Но дѣлу это не особенно помогаетъ. Масса производительныхъ силъ гибнетъ даромъ, потому что для своего приложенія требуютъ коллективныхъ успій и совмѣстной дѣятельности всѣхъ членовъ общества при помощи громаднхъ коллективныхъ капиталовъ. Ядро производительныхъ силъ современнаго общества переросло развитіе своей капиталистической оболочки экономическихъ отношеній. Этому ядру тѣсно въ сферѣ частной конкуренціи капиталистовъ, такъ-какъ оно требуетъ не конкуренціи производителей, а совокупной дѣятельности всего общества. Капиталистическая оболочка скоро должна лопнуть, вмѣстѣ съ ней лопнетъ и политическая оболочка западно-европейскаго общества. Въ этомъ случаѣ производительныя силы переходятъ во власть всего общества. Государство является организованнымъ обществомъ, представителемъ интересовъ всѣхъ членовъ общества, а не какимъ-нибудь англійскимъ государствомъ, защищающимъ почти исключительно интересы фабрикантовъ и лордовъ.

Согласно Марксу, непосредственное давленіе на общественныя производительныя силы, непосредственное препятствіе дальнѣйшему матеріальному прогрессу общества въ смыслѣ порабо-

щенія природы, производятъ экономическія формы. Разъ въ обществѣ ощущается давленіе этихъ формъ на прогрессъ матеріальной жизни, предъ нами возникаетъ задача измѣнить эти формы. Политическія-же учрежденія, какъ верхняя оболочка, слѣдующая за ходомъ развитія нижней экономической оболочки, теряютъ у себя почву подъ ногами, утрачиваютъ всякій смыслъ, лишь только перемѣняется экономическій строй. Въ основѣ марксовскихъ взглядовъ лежитъ, какъ видите, молчаливое признаніе, что главнѣйшимъ регуляторомъ человѣческихъ дѣйствій является стремленіе рѣшить самый важный вопросъ человеческой жизни, вопросъ о самой жизни, о возможности и условіяхъ ея поддержанія,—словомъ, «вопросъ желудка».

Теперь посмотримъ, каковы взгляды Дюринга относительно этого «вопроса желудка». Исходя изъ точки зрѣнія, диаметрально противоположной Марксу, Дюрингъ существенное значеніе по отношенію къ развитію нашего ядра производительныхъ силъ признаетъ не за экономическими отношеніями между людьми, а за политическими формами, за системами «права и несправедливости» (Rechts- und Unrechts-System). Выбѣтъ съ тѣмъ онъ даетъ въ своей «соціалитарной» системѣ и самому ядру только подчиненное значеніе. Человѣкъ порабощаетъ природу только за тѣмъ, чтобы удовлетворять «высшимъ, идеальнымъ требованіямъ человеческой природы». «Вопросъ желудка» есть только одинъ элементъ,—и то не главный,—входящій въ кругъ общихъ человѣческихъ стремленій. Сообразно этому, Дюрингъ иначе ставитъ экономическую науку въ ряду общественныхъ наукъ, чѣмъ Марксъ. Выработавшій свои экономическія идеи, насколько лично мы видимъ это изъ его сочиненій, подъ влияніемъ Кери,—Дюрингъ, въ противоположность Марксу, ставящему политическую экономію «во главѣ угла», удѣляетъ этой наукѣ только подчиненное мѣсто по отношенію къ «соціальной наукѣ». «Ученіе о матеріальномъ существованіи единицъ и народовъ есть составная часть болѣе обширнаго круга знаній, говоритъ Дюрингъ,—и это отношеніе означаетъ сверхъ того еще и зависимость опредѣленныхъ народно-хозяйственныхъ формъ (Sätze) отъ соотвѣствующихъ политически-общественныхъ основаній хозяйственнаго строя» (Cursus der National und Social-Oeconomie, zweite Auflage, Leipzig, 1876, s. 2). Эта зависимость экономическихъ формъ отъ политическихъ, отъ отношеній власти, является для Дюринга ключомъ, которымъ онъ думаетъ рѣшить каждый отдѣльный вопросъ по исторіи человѣческаго развитія. Черезъ всю исторію тянется, по его мнѣнію, красною нитью фактъ насилія въ отношеніяхъ между людьми, фактъ политической власти, гос-

подства челоѣка надъ челоѣкомъ. Формы экономической зависимости, различные историческія формы собственности, при рабовладѣльческомъ-ли строеѣ, въ феодальномъ-ли обществеѣ, среди буржуазнаго-ли порядка,—являются не основаніемъ политическихъ учреждений и правовыхъ понятій, какъ думаетъ Марксъ, а наоборотъ, созданіемъ, креатурою политическихъ учреждений и «системъ общественнаго права и несправедливости». Такъ, на примѣръ, до сихъ поръ существовавшія формы собственности представляютъ собой, по Дюрингу, только разновидности «насильственной собственности», а эта «насильственная собственность есть такая форма господства, которая имѣетъ въ основаніи не только исключеніе ближняго отъ потребления природныхъ средствъ существованія, но и, что значитъ гораздо болѣе, подчиненіе челоѣка для рабскихъ услугъ. Поэтому насильственная собственность въ своей глубочайшей сущности есть собственность челоѣка надъ челоѣкомъ,—и каждый родъ рабства или полурабства является скорѣе ея причиною, чѣмъ слѣдствіемъ» (I. с., стр. 5). Въ этомъ взглядѣ Дюрингъ видитъ самое существенное различіе его «соціалитарной системы» отъ экономическихъ и социалистическихъ теорій, доселѣ существовавшихъ. Въ заключеніе къ своему «курсу», служившему пособіемъ при чтеніи Дюрингомъ лекцій въ берлинскомъ университетѣ, въ главѣ, трактующей объ «ансамблѣ (Gestaltung) и изученіи соціалитарной хозяйственной науки»,—онъ повторяетъ снова эту мысль: «отношенія экономического производства являются сами-по-себѣ только обратными воздѣйствіями, т. е. только такими дѣйствіями, которыя ближе опредѣляютъ первоначально созданную силою зависимость въ ея хозяйственной формѣ, но сами непосредственно не въ состояніи пробить политическихъ рамокъ» (I. с., стр. 509).

По мнѣнію Дюринга, ошибка мыслителей типа Маркса состоитъ въ томъ, что хотятъ удовлетворительно объяснить на основаніи низшихъ ступеней, на основаніи чистыхъ законовъ производства, высшія ступени, т. е. политически-общественныя явленія распредѣленія... какъ-будто *данный политическій міръ съ ея правомъ и несправедливостью общественной насильственной зависимости* есть самая безразличная вещь въ мірѣ, и какъ-будто его можно разсматривать за принадлежность къ естественнымъ судьбамъ челоѣческаго производства» (I. с. стр. 510).

Что-же касается до вопроса, да есть-ли еще какое-нибудь абсолютное право, абсолютная несправедливость, и не составляетъ ли это право въ сущности, какъ полагаетъ Марксъ, только оффициальнаго выраженія экономической силы или, какъ полагаетъ

глубокомысленный юристъ Игерингъ, только защищеннаго интереса (см. Geist des römischen Rechts), — то на этотъ вопросъ можно найти у Дюринга очень недвусмысленный и категоричный отвѣтъ: «Исходный пунктъ социалитарной хозяйственной науки образуетъ изслѣдованіе политическихъ и общественныхъ учреждений, поскольку послѣднія имѣютъ дѣло съ несправедливостью или справедливостью отношеній эксплуатаціи между личностями или отношеній равенства. Критика такъ-называемаго права въ смыслѣ *лучшихъ идей, которая была связана со словомъ «естественное право» въ особенности въ XVIII-мъ столѣтіи*, является здѣсь необходимымъ основаніемъ, и реакціонная фальшивая ученость обманчиво-историческаго пошиба сильно заблуждается, когда думаетъ, что она въ состояніи похоронить, для блага свободнаго воззрѣнія, великія стремленія ученія о естественномъ правѣ,—похоронить подъ своимъ историческимъ соромъ и такимъ образомъ извратить раньше-пріобрѣтенныя основныя заключенія о сущности справедливости и удушить развившіяся въ настоящее время» (I. с., стр. 515—516).

Мы видимъ здѣсь предъ собою поборника метафизическихъ абстрактныхъ идей XVIII-го вѣка, который считаетъ ихъ за абсолютно-справедливыми, за неизмѣнно-существующія всегда и вездѣ, или, выражаясь словами Мерсье-де-ла-Ривьера, за идеи «начертанныя божествомъ въ организаціи людей», которые стоятъ только дешифровать для благоденствія человѣчества. Это—самый слабый пунктъ дюринговскаго міровоззрѣнія, особенно если попытаться вывести изъ него какія-нибудь заключенія о характерѣ практической дѣятельности: вѣдь идти подъ знаменемъ «естественнаго права» крайне рискованно, такъ-какъ такое право, очищенное отъ «историческаго сора учености», т. е. отъ условій времени и пространства, является ничѣмъ инымъ, какъ субъективнымъ представленіемъ о правѣ самого Дюринга. Кто-жъ поручится намъ, что такое право не станетъ въ противорѣчіе съ правовыми понятіями современнаго пролетарія, борющагося во имя лучшихъ экономическихъ формъ и соответствующихъ имъ политическихъ идеаловъ? А разъ случится такая исторія,—что станетъ съ Дюрингомъ? По всей вѣроятности, онъ очутится «однимъ въ полѣ не воиномъ». И это очень возможно: вѣдь и репрессивныя мѣры противъ евреевъ принадлежатъ, напр., по мнѣнію Дюринга, къ «естественному праву» европейскихъ націй. Такъ мало-ли какихъ требованій, идущихъ въ разрѣзъ съ современными условіями, мы провеземъ вмѣстѣ съ Дюрингомъ подъ флагомъ «естественнаго права!»

Исходя изъ намѣченнаго нами пути, можно легко доказать

непримѣнимость къ практикѣ, даже болѣе того, практическое безсиліе теоретическихъ взглядовъ Дюринга. Если отсутствіе «хоть приблизительно справедливой системы» экономическаго строя (Милль разумѣеть здѣсь «справедливое» не въ абсолютномъ, какъ Дюрингъ, а относительномъ, вѣрномъ для настоящей эпохи смыслѣ) не есть главная причина существующихъ общественныхъ аномалій, а только результатъ современныхъ «политическихъ учрежденій» и современной «несправедливости» съ точки зрѣнія «естественнаго права», то, конечно, вопросъ сводится къ тому, чтобы замѣнить одни «политическія учрежденія» другими, а «несправедливость» — «справедливостью». Но тутъ-то и вся трудность нашей задачи. Какой критеріумъ мы изберемъ для распознаванія добра и зла, права и несправедливости и т. п.? Его нѣтъ въ абсолютномъ смыслѣ и не будетъ. Все въ мірѣ относительно. Значить, намъ придется довольствоваться относительнымъ критеріемъ права, видѣть право въ томъ, въ чемъ его видятъ люди современной эпохи и притомъ люди, неудовлетворенные условіями этой эпохи, ищущіе иныхъ условій, иного болѣе справедливаго съ ихъ точки зрѣнія общественнаго строя. Вопросъ: почему-же мы должны искать критерія во взглядахъ людей, недовольныхъ, подобно Миллю, настоящей эпохой и даже болѣе страстно, чѣмъ Милль, хотя, быть можетъ, полусознательно стремящихся къ новой ступени цивилизаціи?

Очень просто. Потому-что таковы условія нашей задачи. Разъ мы признаемъ «несправедливость» современныхъ условій, мы должны тѣмъ самымъ стать на точку зрѣнія тѣхъ, для кою онѣ несправедливы. Тутъ мы сейчасъ приходимъ къ заключенію, что такіе люди и общественные классы будутъ, главнымъ образомъ, состоять изъ числа задѣленныхъ цивилизаціей. За тѣмъ, достаточно внимательнаго наблюденія, и мы увидимъ задѣленныхъ цивилизаціей исключительно въ людяхъ, которые задѣлены ею въ смыслѣ вопроса о благосостояніи, о поддержаніи жизни, иначе говоря, въ смыслѣ «вопроса желудка». Такимъ образомъ, изъ эфирнаго пространства «естественнаго права», мы упали на покрытую слѣдами человѣческаго пота почву экономическихъ отношеній. Достаточно пройти всю исторію, чтобы видѣть, что на этой почвѣ стояли всегда массы. Онѣ могли дѣйствовать подѣ влияніемъ на нихъ высшихъ классовъ въ иныхъ направленіяхъ, но даже и тутъ онѣ руководились стремленіемъ улучшить свое матеріальное положеніе. Самы «дирижирующие классы» въ большинствѣ случаевъ ловили ихъ на приманку матеріальныхъ улучшеній быта. Точно также во всѣхъ

народныхъ массовыхъ движеніяхъ экономическія стремленія поглощали собою и растворяли въ себя всё остальные.

«Но, вѣдь, Дюрингъ не отрицаетъ необходимости улучшить положеніе трудящагося большинства. Онъ только указываетъ, что тормазомъ этого улучшенія являются непосредственно политическія учрежденія, формы власти, а не экономическія отношенія, ибо онъ только созданія политическихъ формъ», скажутъ намъ.

Но тогда посмотримъ, дѣйствительно-ли въ основаніи общества лежать политическія, а не экономическія формы? Не являются-ли, наоборотъ, экономическія причины стимуломъ и предварительными условіями проявленій силы, политическихъ формъ и другихъ общественныхъ явленій того-же рода? А разъ создались въ историческомъ ходѣ развитія, среди переkreщиванія между собой различныхъ актовъ силы, на основаніи, опять-таки, экономическихъ причинъ, извѣстныхъ экономическія отношенія, то не являются-ли они «верховными носителями» всякой, въ томъ числѣ и политической организаціи?

Посмотримъ на дюринговскій процессъ возникновенія «насильственной собственности». Очевидно, это—процессъ историческій. Но Дюрингъ, не любящій «сора исторической учености», выражаетъ этотъ процессъ абстрактно, въ условій времени и пространства, въ видѣ голыхъ схемъ. Съ одной стороны передъ нимъ является «логическая схема» индивидуума, который стоитъ изолированно по отношенію къ природѣ. «Силы и матеріалъ природы стоятъ безвозмездно въ его распоряженіи. Никто не возбраняетъ ему доступа къ естественнымъ источникамъ средствъ или не дѣлаетъ пользованія ими зависящимъ отъ платежа дани». Съ другой стороны, Дюрингъ чертитъ другую схему, представляющую двухъ индивидуумовъ, стоящихъ какъ въ извѣстномъ отношеніи къ природѣ, такъ и между собою. Тутъ ужъ дѣло другое: «иначе представляется положеніе, коль скоро мы мыслимъ другого человѣка, который со шпагой въ рукѣ завладѣваетъ доступомъ къ природѣ и ея источникомъ средствъ и требуетъ платы въ какой-либо формѣ за входъ туда». (I. с., стр. 23).

Дѣло сдѣлано: «насильственная собственность» выяснена помимо «сора учености». Мы имѣемъ, какъ видите, предъ собой двухъ «естественно-возросшихъ личностей», изъ которыхъ одна учреждаетъ насильственную собственность. Но, очевидно, вводитъ такую собственность только изъ любви къ шпажному искусству, только изъ любви къ самому процессу возникновенія собственности, врядъ-ли согласится даже абстрактная личность.

Нужно, чтобы владѣльцу шпаги она давала извѣстный доходъ, возможность извѣстнаго комфорта, словомъ, нужно, чтобы къ этой собственности былъ приложенъ трудъ человѣка, который бы платилъ извѣстное количество продуктовъ обладателю собственности. Такой, облагаемый данью человѣкъ уже предполагается Дюрингомъ. Въ первое время исторіи онъ является рабомъ этого обладателя. Собственность надъ человѣкомъ предшествуетъ, по Дюрингу, собственности надъ природными источниками средствъ. Человѣкъ порабощаетъ человѣка, человѣкъ вводитъ «насилованную собственность», человѣкъ порабощаетъ природу трудомъ другого. Какъ видите, все сдѣлала сила, фигурально представляемая Дюрингомъ въ образѣ шпаги.

V.

Однако, взглянемся хорошенько, много-ли значитъ на самомъ-то дѣлѣ «политика», т. е. наша пресловутая сила? Прежде всего мы будемъ разсуждать надъ абстрактными личностями, какъ это дѣлаетъ и самъ Дюрингъ. Вопросъ: съ какой стати одинъ человѣкъ будетъ порабощать другого? Изъ любви-ли къ порабощенію, къ причиненію страданія другимъ людямъ? Несомнѣнно, что этотъ элементъ играетъ роль, но вовсе ужъ не главную. Человѣкъ измучить и убить человѣка—и только. Никакой собственности, никакого рабства, никакихъ экономическихъ отношеній не образуется. Но соединяя пріятное съ полезнымъ, онъ съѣстъ его, что дѣйствительно имѣетъ мѣсто у многихъ дикарей. Человѣкъ становится пищей другого человѣка. Очевидно, тутъ послѣдній употребляетъ силу противъ перваго, исходя уже изъ экономическихъ основаній, стараясь рѣшить «вопросъ желудка». Ближній играетъ здѣсь роль дичи. Пойдемъ далѣе.

Когда возможно, что дикарь не убьетъ и не съѣстъ другого человѣка, а сдѣлаетъ его своимъ рабомъ и учредитъ «насилованную собственность» надъ человѣкомъ? Всегда-ли это возможно? Конечно, не всегда. У дикаря не хватаетъ часто пищи для самого себя, а живущій рабъ долженъ истреблять ее въ свою очередь. Стало-быть, только тогда одинъ человѣкъ сдѣлаетъ рабомъ другого, когда надѣется найти пропитаніе для обоихъ,—въ противномъ случаѣ, онъ приготовитъ изъ врага жаркое. Чтобы найти пропитаніе, нужно трудиться. Но успѣшность труда бываетъ различна. На низшихъ ступеняхъ цивилизаціи она очень незначительна, и въ первыхъ главахъ Мальтуса можно найти примѣры ужасающихъ голодовокъ среди дикарей. Пред-

ставьте себѣ, что производительность труда такъ незначительна, что человѣкъ еле содержитъ себя. Возможно-ли тутъ рабство? **Обладатель шпаги не извлечетъ никакой пользы изъ раба. Рабъ, какъ-бы его долго не заставляли работать, не въ состояніи принести при такомъ предположеніи никакой выгоды господину, а лишь прокормить себя. Но тогда, значить, господину придется самому взяться за добываніе пищи. Тутъ рабъ скорѣе конкурентъ, чѣмъ помощникъ господину. При незначительномъ количествѣ средствъ существованія, которыя могутъ быть, такъ сказать, вытянуты отъ природы мало-производительнымъ трудомъ, всякій лишній ротъ затрудняетъ возможность другому рту найти достаточно пищи. Что-же мы видимъ? Рабъ въ данномъ случаѣ по самымъ условіямъ производства, по условіямъ чисто-экономическимъ, не въ состояніи приносить извѣстный доходъ господину, а лишь прокармливаетъ себя. Господинъ, стало-быть, не можетъ заставить его, опять-таки по причинамъ экономическимъ, трудиться въ свою пользу. Кромѣ того, рабъ при такихъ условіяхъ является даже конкурентомъ господина при добываніи пищи. И вотъ обладатель шпаги неминуемо соблазняется перспективой жарить своего бесполезнаго, пожалуй, даже вреднаго раба.**

Какія-же причины создали рабство и что заставляло силу не убивать, а порабащать безсиліе? Очевидно, причины экономическія, — главнымъ образомъ такая степень производительности труда, при которой рабъ можетъ своимъ трудомъ не только поддержать себя, но и прокормить своего господина. Производительность-же труда вырабатывается на почвѣ экономической, при самомъ процессѣ обмѣна матеріи между природою и человѣкомъ; стало-быть, собственность надъ извѣстными силами и матеріаломъ природы, надъ «вещами», предшествуетъ собственности надъ «человѣкомъ», а не слѣдуетъ за ней и не вызывается ею, какъ полагаетъ Дюрингъ.

Наконецъ, и самая «шпага», позволяющая одному человѣку поработить другого, не имѣющаго такого орудія, должна тоже быть сдѣлана на экономической почвѣ, въ процессѣ производства. Ясно, что сила, «политика», во-первыхъ, руководится экономическими причинами, стремленіемъ человѣка рѣшить «вопросъ желудка», а во-вторыхъ, снабжается орудіями борьбы, шансами на побѣду, тоже на экономической почвѣ, въ процессѣ производства.

Если мы отъ возникновенія рабства перейдемъ къ паденію его, то и тутъ мы увидимъ, какую громадную роль играли не измѣненныя политическія формы, не предварительная перестав-

новна относительной силы различныхъ классовъ, а опятьтаки экономическія причины.

А. Смитъ въ блестящей третьей книгѣ своего «Исслѣдованія», во второй главѣ, прекрасно объясняетъ всю неизбежность превращенія рабскаго труда въ вольно-наемный. Съ развитіемъ цивилизаціи понадобились улучшенные способы производства, какихъ нельзя было примѣнять при рабскомъ трудѣ. Кромѣ того, говоритъ А. Смитъ, «опытъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ доказываетъ съ достаточною очевидностью, что трудъ раба, хотя онъ, повидимому, оплачивается одними только [расходами на его продовольствіе, въ результатъ убыточнѣ всякаго другого труда]» (А. Смитъ, Исслѣдованіе etc, рус. изданіе, т. II, стр. 177). Эта-то убыточность и подточила чисто на экономической почвѣ существованіе рабства. Не менѣе интересно прослѣдить съ другой стороны паденіе средне-вѣковаго крѣпостного строя и феодальнаго режима. У того-же А. Смита можно найти въ той-же замѣчательной третьей книгѣ чрезвычайно ясныя указанія, какъ развитіе торговыхъ операцій въ концѣ среднихъ вѣковъ погубило, опять-таки на экономической почвѣ, силу феодаловъ. Утонченныя произведенія, которыми торговала въ то время Италія и въ меньшей степени и другія государства, обмѣнивались купцами на доходы феодаловъ, которые съ увеличеніемъ издержекъ на эти произведенія «должны были уменьшить свою дворню и даже совершенно распустить ее» (I. с. стр. 214). Громадные запасы сырыхъ продуктовъ, которые первоначально шли на содержаніе прислуги и военныхъ отрядовъ, вѣрнѣе, свить феодаловъ, направились теперь въ города на содержаніе купцовъ и ремесленниковъ. Съ увеличеніемъ пышности и комфорта шло уменьшеніе политической силы феодаловъ, сокрушаемой стремленіемъ рѣшить утонченныя варианты «вопроса желудка». Вмѣстѣ съ тѣмъ росла сила городовъ, сила движимыхъ капиталовъ, развивавшихся подъ охраною городскихъ стѣнъ. Мало того, феодалы продали, такъ сказать, за утонченную «чечевичную похлебку» право «первородства» и въ своихъ помѣстіяхъ. Необходимость имѣть подъ рукою сумму денегъ, нужную для покупки разныхъ предметовъ комфорта и роскоши, заставила феодаловъ согнать со своей земли всѣхъ «безполезныхъ людей, жившихъ на ихъ земляхъ» и, измѣнивъ отчасти характеръ земельныхъ отношеній крестьянъ, разбить помѣстья на фермы. Фермы эти отдавались по болѣе высокой рентѣ, чѣмъ прежде, такъ-какъ феодаламъ понадобилось много денегъ, а платить большую ренту фермеры согласились только подъ условіемъ заключенія долгосрочныхъ

контрактовъ. Результатомъ этого было то, что фермеры получили значительно-большую независимость, чѣмъ прежде. Политическое значеніе феодаловъ пало: «послѣ того, какъ фермеры получили независимость, а дворянъ была распущена... крупные собственники стали столь-же безопасны, какъ какой-нибудь мѣщанинъ или городской ремесленникъ» (I. с. стр. 214—216).

Мы видимъ, что главную роль въ разрушеніи политическихъ учрежденій играло не предварительно перемѣщеніе силы изъ однихъ рукъ въ другія, а мирный экономическій процессъ.

Подобную-же картину можно раскрыть въ любой историческій періодъ, но мы считаемъ достаточнымъ уже и сказаннаго. Замѣтимъ, въ заключеніе, что самъ Дюрингъ невольно то тамъ, то здѣсь проговаривается относительно могучаго вліянія экономическихъ формъ вообще на общественныя формы. Такъ, напр., въ главѣ о «разстояніяхъ и транспортировкѣ» онъ замѣчаетъ: «Нельзя на сколько-нибудь продолжительное время поддержать какую-бы то ни было политическую свободу, если не положить въ основаніе экономической самостоятельности» (I. с., стр. 94). Въ главѣ о «населеніи и истощеніи источниковъ средствъ» онъ даже утверждаетъ, что «теорія о формахъ экономического строя должна въ будущемъ имѣть въ ученіи о народномъ хозяйствѣ большее значеніе и необходимость, чѣмъ изслѣдованіе формъ правленія въ политикѣ», а между тѣмъ «до сихъ поръ еще очень далеки отъ такой мысли» (I. с., стр. 101). Значеніе уже указаннаго нами экономического принципа паденія рабства Дюрингъ тоже не сумѣлъ затушевать (I. с., стр. 186), хотя и старается изъ экономического прогресса сдѣлать нѣчто, имѣющее значеніе только по отношенію къ «самостоятельности» раба.

Вообще, повѣствованіе о человѣкѣ со шпагою возможно только въ томъ случаѣ, если отвлекаться, подобно Дюрингу, отъ историческаго обзора экономическихъ формъ. Если-же осмотрѣть путь, пройденный человѣчествомъ, не боясь запылиться «соромъ исторической учености», то придется къ заключенію, что шпага, хотя и играла важную роль на этомъ пути, и служила человѣку иногда чѣмъ-то даже въ родѣ посоха, все-же управлялась стремленіями желудка и, кромѣ того, создавалась благодаря экономическимъ процессамъ.

Энгельсъ, авторъ недавно вышедшей брошюры Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft, аргументаціей котораго мы отчасти пользуемся здѣсь, указываетъ Дюрингу именно на необходимость разсуждать о фактически существовавшихъ формаціяхъ, а не строить «логическія схемы» первыхъ человѣковъ со шпагами и безъ оныхъ. Такъ, благодаря игнорированію исто-

рических фактовъ, Дюрингъ допускаетъ, напр., совершенно ложное положеніе, что обработка земли крупными участками возможна только при предположеніи уже предшествовавшаго порабощенія челоуѣка челоуѣкомъ. Извѣстно, напротивъ, что общинная собственность въ своей первоначальной формѣ исходитъ изъ владѣнія и обработки большихъ пространствъ земли, причемъ общинникъ къ общиннику относится далеко не такъ, какъ господинъ къ рабу, а стоитъ на равной ногѣ. Процессъ же разложенія общины начинался съ образованія собственности надъ вещами, а не надъ челоуѣкомъ и только впоследствии создавалъ отношенія зависимости между людьми, т. е. «насилъственную собственность». Такъ резонно говоритъ Энгельсъ.

Здѣсь мы, впрочемъ, сдѣлаемъ не большое замѣчаніе. Хотя Энгельсъ говоритъ вообще по поводу общины вполне справедливыя вещи, но въ частности, въ дальнѣйшей аргументаціи онъ кажется нѣсколько идти далѣе, чѣмъ можно-бы идти, исходя изъ теоріи Маркса. Онъ признаетъ, напр., какую-то неизбежность за процессомъ разложенія общины, видя ее исключительно въ экономическихъ причинахъ и слишкомъ игнорируя процессами военнаго столкновенія и завоеванія между общинами. Несомнѣнно, что торговыя сношенія разлагали первобытную общину, но не мало помогло этому, по нашему мнѣнію, еще и то обстоятельство, что купцы были въ тѣ времена очень часто и завоевателями. Какую роль игралъ при торговомъ обмѣнѣ элементъ силы—рѣшить трудно, но, очевидно, онъ проявлялъ свое дѣйствіе. Нарушая условія правильнаго обмѣна, онъ могъ посягать на благосостоянія общины. Вѣдь она могла разложиться подъ вліяніемъ поголовнаго обѣдненія общинниковъ, произведеннаго несправедливыми условіями обмѣна. Затѣмъ, мы видимъ, что общины разлагались подъ вліяніемъ завоеваній, уже не связанныхъ съ торговыми операціями. Побѣдители разрушали въ довольно значительной степени общинныя основы.

Но все это, конечно, нисколько не мѣшаетъ быть вѣрными историко-философскимъ взглядамъ Маркса. Сила, разумѣется, играетъ роль агента, при посредствѣ котораго совершаются назрѣвшія экономическія измѣненія, и Марксъ справедливо говоритъ, что «сама сила есть экономическій факторъ», но эта-же сила непременно должна направиться въ ту или другую сторону подъ вліяніемъ экономическихъ стремленій, «вопроса желудка», и, кромѣ того, черпать условія для своего проявленія опять-таки на экономической почвѣ. Завоеваніе не можетъ быть предпринято только ради завоеванія, не можетъ быть точно также выполнено голыми руками. Въ основѣ любого, повидимому, чисто-полити-

ческаго завоеванія лежитъ экономическій принципъ; точно также для своего удачнаго выполненія оно требуетъ извѣстнаго развитія производительныхъ процессовъ. Только съумасшедшіе могутъ ринуться на завоеваніе, напр., бесплодной Огненной Земли, только съумасшедшіе будутъ лѣзть въ битву безоружными. Насколько въ основѣ даже грандіозныхъ завоеваній лежатъ экономическія причины, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ удачныхъ начальныхъ главъ Мальтуса о «Народонаселеніи», гдѣ онъ пытается объяснить, между прочимъ, причины великаго переселенія народовъ.

Тутъ мы приходимъ къ вопросу, часто предлагаемому одною фракціею, научнымъ представителемъ которой мы для удобства взяли Дюринга, другой фракціи, которая, какъ Марксъ, видитъ главный источникъ общественныхъ аномалій не въ политическихъ учрежденіяхъ, а въ экономическихъ отношеніяхъ.

Именно спрашивается, если борьба ведется на экономической почвѣ, если отрицается непосредственная политическая дѣятельность, то не отрицается-ли тѣмъ самымъ всякая возможность улучшить положеніе дѣлъ? Борьба можетъ сколько-угодно тянуться на экономической почвѣ, но разъ отношенія фактической силы не измѣнились, разъ политическія учрежденія существуютъ,—эти отношенія и эти учрежденія могутъ сколько-угодно поддерживать строй, считаемый большинствомъ за справедливый.

Мы считаемъ такой вопросъ вытекающимъ изъ непониманія той теоріи, которая опирается на экономическія стремленія большинства, скажемъ, пожалуй, точнѣе народа. Эта теорія отрицаетъ важность измѣненія политическихъ учреждений лишь постольку, поскольку такое измѣненіе не является естественнымъ, необходимымъ послѣдствіемъ измѣненія въ рѣшеніи «вопроса желудка», измѣненія въ условіяхъ экономической борьбы. Вспомнимъ нашу аналогію ядра съ двумя оболочками. Разъ ядро производительныхъ силъ разрослось до размѣровъ, при которыхъ существующія формы экономическихъ отношеній вмѣсто того, чтобъ защищать и способствовать его развитію, какъ прежде, начинаютъ давить на ядро,—наступаетъ моментъ, когда внутренняя, экономическая оболочка лопается подъ давленіемъ ядра. Понятно, что и внѣшняя, политическая оболочка, должна также лопнуть. Въ этомъ смыслѣ, экономическая борьба, дошедши до извѣстныхъ границъ, отражается въ политической области и ведетъ за собою въ результатъ измѣненіе политическихъ формъ, но лишь постольку, поскольку требуетъ новой внѣшней оболочки наша внутренняя экономическая оболочка. Но что можетъ выйдти,

если мы попробуем содрать вѣшнюю оболочку въ то время, когда распознаніе внутренней оболочки не достигло еще надлежащихъ предѣловъ, когда экономическая борьба не выяснила еще элементовъ, изъ которыхъ составитъ рѣшеніе «вопроса желудка»? Экономическія формы еще держатся. Болѣзненный процессъ общественнаго политическаго обнаженія выразится не въ томъ, что лопнетъ внутренняя оболочка, а въ томъ, что вокругъ нея послѣ мучительнаго воспаленія образуется новая, болѣе толстая вѣшняя оболочка, которая дольше можетъ задерживать распаденіе внутренней оболочки. Примѣръ этому исторія: мало-ли проносилось въ политической области урагановъ, мало-ли мѣнялось «учрежденій» — и снова они послѣ бури выросли на прежнемъ мѣстѣ, предполагая, что экономическія формы оставались неизмѣнными.

Съ другой стороны, всякое экономическое измѣненіе влекло за собою неизбѣжно измѣненіе политическихъ формъ и, несмотря на попытки «вернуть колесо исторіи въ другую сторону», эти формы устоявали подъ нападеньями элементовъ стараго строя, какъ наиболѣе соответствовавшія измѣнившимся экономическимъ условіямъ.

Съ этой точки зрѣнія нужно, значить, признать, что стоять на почвѣ экономическихъ стремленій, на почвѣ рѣшенія «вопроса желудка» вовсе не значить отказаться отъ политической дѣятельности. Экономическая борьба *непрерывно* должна выразиться въ политической борьбѣ, и вотъ тутъ-то дѣйствительно нечего открещиваться отъ политики. Разъ экономическія формы разлагаются, разъ выдвигаются на первый планъ иные общественные элементы, то и политическія формы, служившія охраною этимъ элементамъ, тоже разлагаются, превращаясь впоследствии въ защитниковъ интересовъ, преслѣдуемыхъ новыми общественными элементами. Но за то тѣмъ важнѣе является для насъ борьба на экономической почвѣ, такъ-какъ только результаты ея создаютъ новый складъ жизни. Въ томъ и отличіе партіи, ведущей экономическую борьбу, отъ партіи, преслѣдующей экономическія цѣли на чисто-политической дорогѣ, что первая приводится самой жизнью къ могущественному агенту экономической жизни, общественной *силѣ*, исходя, однако, изъ экономической борьбы, а вторая старается выростить искусственными путями эту силу, стоя на политической почвѣ и реагируя на экономическую борьбу. Вторая очень легко можетъ быть сбита съ позиціи, такъ-какъ не находитъ опоры въ главнѣйшихъ вопросахъ жизни, въ вопросахъ о самой жизни, т. е. «вопросахъ желудка». Первая-же, опираясь на рѣшеніе «вопросовъ желудка», восходитъ до измѣ-

ненія всѣхъ тѣхъ политическихъ *формъ силы*, которыя, переставъ охранять разлагающіяся экономическія отношенія, теряютъ *внутреннюю силу*, т. е. становятся противорѣчивыми по сущности.

Мы напомнимъ, между прочимъ, какъ смотритъ на дѣло самъ Марксъ, котораго Дюрингъ обвиняетъ въ томъ, что онъ ингирируетъ политическими формами. Прудонъ въ своихъ «Экономическихъ противорѣчіяхъ» по стопамъ буржуазнаго экономиста Леона Фоше приходитъ къ заключенію, что стачки рабочихъ не легальны. Марксъ отвѣчаетъ, что, можетъ быть, съ точки зрѣнія не «абсолютной справедливости», какъ утверждаетъ Прудонъ, а французскаго кодекса законовъ это и такъ, но съ англійской точки зрѣнія это далеко не такъ. Стачки разрѣшены въ 1825 году правительствомъ, въ министерство Гускиссона. Съ тѣхъ поръ онѣ усиливаются и превращаются даже въ постоянныя, въ формѣ рабочихъ союзовъ *trades' unions*. Эти союзы представляютъ собой не только учрежденія для экономической борьбы изъ-за уровня заработной платы и числа рабочихъ часовъ, но и политическія общества, цѣль которыхъ сьорганизовать общественную силу пролетаріевъ и поставить ихъ, какъ сплоченный, самосознающій особенный классъ, лицомъ-къ-лицу съ классомъ буржуазіи. Въ концѣ-концовъ эти рабочіе союзы являются лабораторіей, гдѣ формируется классовое сознание и сила пролетаріевъ, и гдѣ рабочіе приучаются къ классовой борьбѣ противъ буржуазіи. «Ассоціація, приведемъ подлинныя слова Маркса, разъ она дошла до этого пункта, принимаетъ политическій характеръ. Экономическія условія превратили сначала массу населенія страны въ рабочихъ. Владычество капитала создало для этой массы общее положеніе, общіе интересы. Такимъ образомъ, эта масса представляетъ собой уже классъ по отношенію къ капиталу, но еще не сдѣлалась классомъ сама по себѣ. Въ борьбѣ, въ которой мы отмѣтили нѣсколько фазъ, эта масса объединяется, она становится классомъ сама-по-себѣ. Интересы, защищаемые ею, становятся интересами класса. Но *борьба класса противъ класса есть борьба политическая*. (Mis. de la ph., p. 175).

Мы видимъ, что здѣсь экономическій процессъ создаетъ цѣли и предварительныя условія борьбы, которая изъ экономической области переходитъ въ политическую и завершается политической борьбой между классами. Дѣятельность, естественно вытекающая изъ экономическихъ основаній, должна, по нашему мнѣнію, гораздо съ большимъ правомъ назваться политической, чѣмъ дѣятельность исключительно-политическая, вращающаяся вокругъ «учрежденій», этихъ креатуръ экономического строя.

Видѣть съ тѣмъ мы находимъ выходъ изъ заколдованнаго

круга зависимости личности отъ общества. Такъ, личность зависитъ отъ общества, но въ этомъ и сила ея. Ей нужно заниматься такой дѣятельностію, которая имѣетъ самое существенное значеніе и наибольшую живучесть для общества. Такой дѣятельностію можетъ быть дѣятельность на почвѣ экономическихъ стремленій трудящагося большинства, народа, что не мѣшаетъ ей проявиться въ послѣднемъ счетѣ, но лишь какъ въ *результатъ*, въ политической дѣятельности, какъ она опредѣлена Марксомъ.

Кромѣ того, такъ-какъ масса движется исключительно матеріальными интересами, то личность, желающая принести пользу обществу, должна идти рука-объ-руку съ массой во имя экономическихъ идеаловъ, вырабатываемыхъ исторіей въ трудящихся классахъ, во имя народныхъ экономическихъ идеаловъ данной эпохи. Въ противномъ случаѣ вы обречены, несмотря на все благородство вашихъ намѣреній, блуждать среди мифическаго царства утопій и трансцендентальныхъ, если можно такъ выразиться, системъ, какъ осчастливить человѣчество.

Недаромъ Энгельсъ въ своей книгѣ о положеніи рабочихъ въ Англіи приводитъ выразительную рѣчь чартиста Стевенса, обращенную къ 200,000 человѣкъ, собравшимся въ Манчестерѣ. Эта рѣчь методистскаго священника въ наиболѣе удачной своей части хорошо рисуетъ намъ картину отношенія народа къ политическимъ формамъ, лишь какъ къ подчиненнымъ формамъ, «Друзья мои! чартизмъ вовсе не политическій вопросъ, при которомъ дѣло идетъ о томъ, чтобы вы получили избирательное право и т. д.; но чартизмъ, это—вопросъ ножа и вилки; чартія: это значитъ хорошая квартира, хорошая пища и питье, добрый заработокъ и короткій рабочій день!» (Engels, Lage der arbeitenden Classe im England, zweite Ausgabe, Leipzig, 1848, s. 277).

Вотъ этотъ-то «вопросъ ножа и вилки» и долженъ служить почвою и опорой для основъ общественной дѣятельности. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его рѣшеніе, исходя изъ экономической борьбы во имя матеріальныхъ интересовъ народа, естественно завершается на почвѣ политической. Очевидно, что упрекъ, обращаемый фракціею, стоящей на чисто-политической почвѣ, противъ фракціи, исходящей изъ экономическихъ требованій народа, будто-бы послѣдняя игнорируетъ и совершенно отрицаетъ политическую дѣятельность, основанъ на крупномъ недоразумѣніи. Стоять на почвѣ экономической значитъ не отрицать политическую дѣятельность, а переходить къ ней только въ самомъ процессѣ экономической борьбы, вмѣсто того, чтобы исходить изъ политической дѣятельности и реагировать на экономическія формы.

Н. Русановъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

О дѣлахъ житейскихъ. Разказы стараго учителя. Спб., 1881 г.

Спенсеръ въ своемъ трактатѣ о воспитаніи, какъ извѣстно, иронизируетъ надъ тѣмъ, что современная наука почти не заботится о судьбѣ подростостающаго поколѣнія и родители обыкновенно не имѣютъ никакихъ научныхъ свѣденій о томъ, какъ нужно воспитывать дѣтей. Если, по мнѣнію Спенсера, въ руки будущаго антикварія попадетъ цѣлая «груда школьныхъ учебниковъ или журналовъ какого-нибудь коллегіума» современной намъ эпохи, то антикварій долженъ будетъ глубоко изумиться, роясь въ этой грудѣ.

Онъ не найдетъ здѣсь ничего, относящагося къ воспитанію дѣтей въ научномъ смыслѣ; мало того, онъ не найдетъ здѣсь даже «ни малѣйшаго указанія на то, что ученики могутъ сдѣлаться когда-нибудь родителями. Это должно быть курсъ для безбрачныхъ»,—такъ заключить спенсеровскій антикварій.

Съ такимъ-же правомъ, какъ кажется намъ, можно иронизировать надъ тѣмъ, что подростостающее поколѣніе ничего не узнаетъ, или узнаетъ очень мало изъ современныхъ учебниковъ окружающемъ его обществѣ, о социальныхъ отношеніяхъ, о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ будущихъ членовъ этого общества. Пародируя Спенсера, можно было-бы сказать слѣдующее: если антикварій будущей эпохи захочетъ порыться въ пыли современныхъ намъ учебниковъ, то онъ будетъ пораженъ отсутствіемъ въ нихъ малѣйшаго указанія на то, что ученики могутъ и должны сдѣлаться гражданами. «Это должно быть курсъ для отшельниковъ, которыхъ нельзя назвать не только аристотелевскимъ именемъ «животныхъ политическихъ», но даже и просто общественныхъ», скажетъ нашъ антикварій. И онъ

будеть правъ. У насъ нѣтъ вообще не только порядочныхъ учебниковъ, содержащихъ въ себѣ научныя свѣденія объ обществѣ и его проявленіяхъ,—у насъ нѣтъ даже книгъ для дѣтскаго чтенія, которыя хоть сколько-нибудь давали-бы понятіе дѣтямъ объ окружающей ихъ соціальной атмосферѣ. Понятно, какъ дурно должно отзываться на людяхъ, что они болѣе или менѣе бессознательно вдыхаютъ въ себя элементы этой атмосферы, не будучи въ состояніи узнать свойствъ этихъ элементовъ. Понятно съ другой стороны, какъ пріятно бываетъ, когда видишь книгу для дѣтей, толкующую не о добродѣтельныхъ Ваняхъ и порочныхъ Васяхъ, а о вещахъ, имѣющихъ общественный интересъ и близко касающихся будущихъ гражданъ.

Вотъ что думали мы, прочитавъ «Разказы» Старога учителя. Мы привѣтствуемъ книгу, заглавіе которой выписали въ началѣ нашей рецензіи, какъ попытку дать дѣтямъ кой-что поинтереснѣе и посущественнѣе моралистическихъ бульоновъ и назидательныхъ кашницъ. Но не можемъ не замѣтить, что въ цѣломъ попытка эта, дѣлающая честь «Старому учителю», не особенно ему удалась. Причина этой неудачи, по нашему мнѣнію, въ томъ что самъ авторъ не знаетъ хорошо всего того, о чемъ онъ взялся разсказывать.

Нѣсколько энциклопедичный характеръ книжки «о дѣлахъ житейскихъ» обязывалъ, по нашему мнѣнію, автора хорошенько усвоить себѣ все то, чего онъ хотѣлъ касаться въ своихъ разказахъ. А между тѣмъ авторъ именно и не выполнилъ этого условія. Въ сборникѣ статей «о дѣлахъ житейскихъ» читателя поражаетъ неровность достоинства этихъ статей. Одни изъ нихъ очень недурны, другія только сносны, третьи—просто плоховаты. Вообще-же можно сказать, что разказы съ историко-философской и литературной подкладкой непримѣръ лучше разсказовъ съ другимъ содержаніемъ, а въ особенности, статейъ эконолическихъ.

Такъ, напр., первые три разказа «Старога учителя», озаглавленные «Нашъ языкъ», «Какъ люди пишутъ» и «Какъ появились книги», за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ и неудачныхъ фразъ, очень удовлетворительны и по формѣ, и по содержанію. Первый изъ этихъ разказовъ представляетъ даже попытку выяснить дѣтямъ вопросъ о происхожденіи языка чисто-научнымъ путемъ, на основаніи послѣднихъ научныхъ гипотезъ и по возможности помимо метафизическихъ и теологическихъ построений. Не то приходится сказать о статьяхъ другого сорта, которыя носятъ заглавіе «Торговля», «Деньги», «Налоги». Здѣсь замѣ-

чается, прежде всего, что авторъ обращаетъ больше вниманіе на внѣшнюю, эмпирическую сторону извѣстныхъ экономическихъ явленій, не изслѣдуя ихъ внутренней, научной сущности, а затѣмъ, что авторъ, если и принимается за это изслѣдованіе, то принимается на основаніи возрѣній уже вымирающей теперь школы рутинныхъ экономистовъ. Не мѣшаетъ «Старому учителю» познакомиться съ новѣйшими экономистами, а то съ нимъ случаются такіе пассажи, какихъ онъ могъ-бы избѣгнуть, даже если-бы проштудировалъ только Милля, въ лицѣ котораго ликвидировалась старая школа и который уже стоитъ на дорогѣ къ новому направленію.

Такъ, напр., говоря о прибыли торговца, Старый учитель (см. стр. 134) объясняетъ происхожденіе этой прибыли тѣмъ, что торговецъ, изволите-ли видѣть, возьметъ да и наложитъ лишнее на цѣну своего товара и получить этотъ лишекъ съ потребителей. Вѣдь это не научное объясненіе, а ходячее мнѣніе лавочника, противъ котораго возражалъ даже непослѣдовательный Милль, говоря, что источникомъ прибыли служить не наложеніе лишка на потребителя, а извѣстное обстоятельство, лежащее въ самомъ современномъ производствѣ и заключающееся въ томъ, что рабочій больше производитъ, чѣмъ получаетъ отъ хозяина.

Рутинныя возрѣнія въ экономической области приводятъ Старога учителя даже къ такимъ заключеніямъ, которыя трудно было-бы ожидать отъ автора, имѣющаго вообще приличные взгляды на общество и ратующаго, напр., въ статьяхъ о «Земствѣ» «Городѣ» за самоуправленіе и равенство членовъ общества. Эти крайне-ложныя и несправедливыя заключенія заставляютъ автора оправдывать, напр., изытіе дворянъ изъ числа лицъ, платящихъ налоги (см. стр. 176). Въ то время, какъ на сцену поставленъ вопросъ о подоходномъ налогѣ, авторъ распростирается вдругъ о правѣ дворянъ не платить подати въ вознагражденіе «за прежнія услуги, оказанныя ими государству». Не говоря уже о сомнительности этихъ заслугъ, политическая экономія есть наука о хозяйствѣ общества, а не о заслугахъ гусей, которыхъ предки Римъ спасли... Съ искреннимъ сожалѣніемъ мы указываемъ на подобныя ошибочныя заключенія автора, которыя какъ-то не вяжутся съ общимъ характеромъ его приличной и полезной для дѣтей книги. Если авторъ хорошенько повычиститъ все рутинное и сомнительное въ научномъ отношеніи изъ экономическихъ статей своего сборника, то намъ останется только поздравить русскихъ дѣтей съ новымъ болѣе или менѣе цѣннымъ вкладомъ въ ихъ бѣдную литературу.

Мы вправѣ ожидать, что авторъ, выставяющій на видъ въ

статьяхъ о «Судебной реформѣ», «Судѣ присяжныхъ» и т. п. своего сборника всю благотворность равенства людей предъ закономъ, не станеть отрицать подобнаго-же равенства членовъ общества и въ экономической области. Немаловажной-же частью этого равенства и является уплата налоговъ всѣми классами общества безъ исключенія... Вѣдь не одни капптолійскіе гуси дѣлали исторію, создавали цивилизацію, боролись за права человека!..

Ю. Э. Янсонъ. Сравнительная статистика Россіи и западно-европейскихъ государствъ. Томъ II, отд. I. Статистика сельскаго хозяйства. С.-Петербургъ, 1880 г.

Въ печати за послѣднее время появилось не мало статистическихъ изслѣдованій по различнымъ вопросамъ экономической и соціальной жизни. Официальныя вѣдомства, долго и мужественно выносившія укоры въ бездѣйствіи, вдругъ стали выпускать въ свѣтъ одно за другимъ многотомнѣйшія статистическія изданія, за которыми слѣдомъ идутъ работы частныхъ изыскателей. Кромѣ имѣющихся всякаго рода «матеріаловъ», «сводовъ», «трудовъ комиссій», «временниковъ», въ близкомъ будущемъ ожидается еще много новыхъ официальныхъ изданій, и такимъ образомъ наша статистическая литература скоро не будетъ уступать полнотой статистикѣ западно-европейской. Очевидно, что если наши официальные статистики умѣли молчать, то и работа для нихъ—пустое, не головоломное дѣло; стоить предъявить спросъ или приказать—и мы будемъ засыпаны дѣлымъ ворохомъ какихъ-угодно «трудовъ» и «матеріаловъ». Къ сожалѣнію, съ каждымъ новымъ статистическимъ изданіемъ, все неотвязчивѣе и назойливѣе становится вопросъ, да есть-ли у насъ статистика?

Стоить внимательнѣе остановиться на любой официальной коллекціи цифръ, чтобы мало-по-малу одолѣли читателя серьезные сомнѣнія и вопросы: откуда эти поразительныя и столь драгоценныя данныя? Какъ могли явиться такія-то цифры (напр., о посѣвѣ и сборѣ хлѣбовъ), если нѣтъ никакой возможности получить ихъ, и какъ получились итоги, если неизвѣстны слагаемыя? За этими сомнѣніями невольно припоминаются разсѣяныя кое-гдѣ въ печати разоблаченія нѣкоторыхъ приемовъ собиранія официальныхъ данныхъ, продѣлки сельскихъ писарей, старшинъ, исправниковъ и другихъ мѣстныхъ поставщиковъ всякой цифири въ казенныя вѣдомства. Для оцѣнки достовѣрности нашей офи-

ціальной статистики достаточно уже того, что она всецѣло зависитъ отъ благоусмотрѣнія вполне невѣжественной сельской власти, показанія которой не провѣряются и не могутъ быть провѣрены людьми, свѣдующими и сколько-нибудь образованными. Если взять все это въ расчетъ и имѣть въ виду, что въ массѣ официальныхъ цифръ одна часть совершенно вымыслена, другая составлена на обумъ, третья получена не на основаніи мѣстныхъ показаній, а путемъ вычисленій въ центральныхъ учрежденіяхъ, четвертая устарѣла до полной непригодности въ данный моментъ, что, наконецъ, многія необходимыя данныя вовсе никогда не собирались, то, спрашивается, какое понятие можетъ дать такая статистика объ экономическомъ и социальномъ положеніи Россіи и каковы должны быть тѣ административныя распоряженія и мѣропріятія, которыя основаны на показаніяхъ этой статистики?

Новый трудъ г. Янсона, составляющій продолженіе его «Сравнительной статистики Россіи», ясно показываетъ, какъ неблагоприятна задача изслѣдователя, принужденнаго пользоваться такимъ официальнымъ матеріаломъ, который отъ прикосновенія критики частью вовсе уничтожается, частью-же даетъ выводы настолько неопредѣленные и шаткіе, что они не могутъ имѣть большой цѣны. Лежащій предъ нами томъ, посвященный статистикѣ сельскаго хозяйства, написанъ какъ-бы затѣмъ, чтобы показать, что мы почти ничего не знаемъ объ этой основѣ нашего экономическаго быта. Описание важнѣйшихъ сторонъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній сопровождается г. Янсономъ такими оговорками, что положительно подрывается всякое довѣріе къ его собственнымъ соображеніямъ и выкладкамъ, которыя, впрочемъ, и сами по себѣ не отличаются ни остроуміемъ, ни простотой метода.

Приступая къ первому и самому главному отдѣлу сельско-хозяйственной статистики, г. Янсонъ говоритъ: «распредѣленіе поземельной собственности не имѣетъ въ Россіи, собственно говоря, своей статистики» (стр. 63), за отсутствіемъ кадастра, безъ котораго, какъ само собой разумѣется, нельзя сдѣлать ни одного вѣрнаго шага въ поземельной статистикѣ. Затѣмъ, для Россіи оказывается невозможнымъ и опредѣленіе производительной части ея территоріи, и г. Янсонъ добросовѣстно заявляетъ и объ этомъ: «что касается Россіи, то въ ней выдѣлить производительную сельско-хозяйственную поверхность прямо изъ имѣющихся статистическихъ матеріаловъ совершенно невозможно» (стр. 189). Понятно, что если нѣтъ никакихъ данныхъ о *пространствѣ* посѣвовъ (имѣются вѣкуда не годныя данныя о ко-

личествъ посьвовъ), то вовсе нельзя рѣшить капитальнаго и жизненнаго для Россіи вопроса о плодородіи ея почвы сравнительно съ другими государствами и объ относительномъ плодородіи различныхъ частей Россіи. О положеніи нашего скотоводства мы также ничего не знаемъ, хотя имѣемъ на этотъ счетъ массу цифръ; г. Янсонъ лаконически замѣчаетъ по этому поводу: «въ Россіи не было и нѣтъ переписи скота» (стр. 606). Остается еще одинъ весьма важный отдѣлъ сельско-хозяйственной статистики—производство пищи и отношеніе ея къ потребленію. Мы совершенно не понимаемъ, почему г. Янсонъ на этомъ пунктѣ вздумалъ прервать монотонное однообразіе своихъ сокрушительныхъ оговорокъ. Всѣмъ извѣстно, что это самая слабая сторона нашей статистики, что это и есть настоящая область статистическаго вымысла и свободная арена для полнаго разгула невѣжества сельской власти и прозорливости уѣздной и губернской администраціи, всегда старающейся представить вѣранный пмъ край въ «лучшемъ видѣ», бодрымъ, сытымъ и процвѣтающимъ.

Не знаемъ, откуда взялись у г. Янсона по этому вопросу «вполнѣ точныя количественныя данныя» (стр. 412), если, какъ извѣстно, *крестьяне* не ведутъ никакого счета своимъ хлѣбнымъ посьвамъ и сборамъ и если, какъ говоритъ самъ г. Янсонъ, «данныя о сборѣ хлѣба въ *помѣщичьихъ* хозяйствахъ въ значительной мѣрѣ произвольны» (стр. 443). При всемъ желаніи, крестьянину трудно опредѣлить количество собираемаго хлѣба; часть его продается еще на корню и потому не считается имъ, а затѣмъ зерно или мука расходуется въ немаломъ количествѣ по мелочамъ на различнаго рода покупки, и только остатокъ можетъ быть сосчитанъ, но и то не точно, ибо въ дѣйствительности онъ не считается, а вычисляется на основаніи нѣсколькихъ данныхъ: срока, на который достало собственнаго хлѣба, численности населенія и примѣрнаго количества хлѣба, потребляемаго человѣкомъ. Князь Васильчиковъ въ своемъ послѣднемъ трудѣ («Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи») характеризуетъ вполнѣ реальными чертами отзывы крестьянъ о своихъ хлѣбныхъ сборахъ... На всѣ мои распросы, говоритъ князь Васильчиковъ,—они обыкновенно отвѣчали сбивчиво: «что поля у нихъ неровныя: въ одномъ 7 полосъ на душу, въ другомъ 14—15; что лѣтось онъ, Н. Н., высѣялъ 8 мѣръ ржи, а въ нынѣшнемъ году только 6, что на урожай воля Божья и что этого опредѣлить нельзя; что вотъ третьяго года вымолачивалъ онъ изъ копны 4 мѣры, или изъ двухъ бабокъ—1 мѣру, а нынче меньше, но сколько было бабокъ, суслоновъ, копенъ—этого

онъ не помнить, потому-что не записывалъ и счета не велъ, такъ-какъ человекъ онъ темный и неграмотный, а грамотныхъ въ деревнѣ нѣтъ, да и расчеты эти ему *ни къ чему* и т. д.» (стр. 8). Если иногда крестьяне и считаютъ свои урожаи четвертями и четвериками, то, не записавъ счета, они, по словамъ князя Васильчикова, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ забываютъ его. Замѣчено также, что крестьянинъ вообще неохотно рассказываетъ о своемъ хозяйствѣ, предусматривая во всякомъ распросѣ неизбежную каверзу для себя; онъ «расскажетъ, пожалуй,—по справедливому замѣчанію князя Васильчикова,—все-что о своихъ горяхъ, убыткахъ, несчастіяхъ, но о прибыляхъ и выгодахъ, если онѣ и были,—умолчить» (стр. 12). Даже своимъ односельчанамъ и міру крестьянинъ не скажетъ правды, если она сколько-нибудь благоприятна для него, онъ боится, чтобы его не обошли при ссудахъ изъ продовольственнаго капитала или чтобы міръ не обложилъ его лишними тягостями.

Спрашивается, можно-ли, исходя изъ этихъ обстоятельствъ, утверждать, подобно многимъ нашимъ статистикамъ, что имѣющія у насъ цифры сборовъ хлѣба ниже дѣйствительныхъ, что, вообще, мы богаче хлѣбомъ, чѣмъ значитъ въ нашей официальной статистикѣ? Не думаемъ, чтобы такое мнѣніе статистиковъ было справедливо. Положимъ, что крестьяне утаиваютъ настоящую цифру сбора и не ведутъ никакого счетоводства, но дѣло въ томъ, что ихъ въ сущности и не спрашиваютъ въ отдѣльности о количествѣ собираемаго ежегодно хлѣба, ибо свѣденія объ этомъ фабрикуются въ волостныхъ правленіяхъ безъ всякихъ частныхъ спросовъ, которые къ тому-же и бесполезны, за склонностью крестьянъ къ сокрытію всякой правды, требующей начальствомъ, въ особенности-же правды, столь важной и серьезной для крестьянина. Если-же частные опросы не имѣютъ мѣста, то и нѣтъ знанія дѣйствительности, и о показаніяхъ волостныхъ правленій ничего нельзя сказать опредѣленнаго; уменьшаютъ они или преувеличиваютъ наши хлѣбныя богатства,—это рѣшительно никому не можетъ быть извѣстно, даже самимъ правленіямъ. Самъ г. Янсонъ говоритъ объ этихъ показаніяхъ: «для волостей срочное представленіе вѣдомостей есть часто дѣло бумажной отписки» (стр. 413), значитъ нечего и искать правильности въ этихъ показаніяхъ. Но такъ-какъ цифры волостныхъ правленій проходятъ чрезъ редакцію уѣздной и губернской администраціи, для которой очень важно умиливать высшее начальство свѣтлой картиной благосостоянія управляемой ими мѣстности, то можно предположить, что наши хлѣбные ресурсы скорѣе преувеличены официальной статистикой. Насколько пре-

увеличены, въ мѣру или безъ мѣры—рѣшить трудно; къ тому же мыслимы и такіе отдѣльные случаи, когда преувеличенія не бываетъ, такъ-какъ является необходимость объяснить скудостью урожая въ трудность собиранія недоимогъ и податей. Вообще правильнѣе будетъ сказать, что наша хлѣбная статистика представляетъ сплошной сумбуръ, въ которомъ трудно разобраться; на ея показанія и итоги всего менѣе можно полагаться.

Послѣ этого вполне законно любопытство читателя узнать, какъ слѣдуетъ относиться къ сельско-хозяйственной статистикѣ г. Янсона, основанной исключительно на оффиціальныхъ данныхъ? Если-бы поставить эпиграфомъ къ ней: «не любо, не слушай», то это, конечно, было-бы черезчуръ, но несомнѣнно, что и читать-то ее нельзя такъ, какъ читаются всякія книги. Иное придется понять наоборотъ, кое-что оставить безъ всякаго пониманія, а большей части фактовъ, выраженныхъ точными величинами, необходимо придать смыслъ самый неопредѣленный, для котораго цифра есть выраженіе, совершенно не подходящее.

Вообще о вопросахъ сельско-хозяйственной жизни нашей мы принуждены пока говорить въ самыхъ смутныхъ выраженіяхъ; низкій уровень нашихъ знаній въ этой области исключаетъ употребленіе точнаго языка цифръ, и статистическій методъ въ этомъ случаѣ всегда будетъ немножко пахнуть шарлатанствомъ. Въ особенности преждевременна претензія писать *систематическій* курсъ сельско-хозяйственной статистики, который обнималъ-бы *всю* ея стороны во *всѣхъ* мѣстностяхъ Россіи. У насъ наперечетъ тѣ немногія земства, которыя собрали сколько-нибудь надежныя данныя о положеніи нашего сельскаго хозяйства. Эти данныя касаются преимущественно землевладѣнія и относятся къ тремъ-четыремъ мѣстностямъ, а объ остальной Россіи и объ остальныхъ сторонахъ сельско-хозяйственнаго быта можно судить только по аналогіи, предположительно и въ крайне широкихъ предѣлахъ вѣроятностей.

Полный статистическій сводъ данныхъ по сельскому хозяйству есть дѣйствительно настоящая необходимостъ. Вездѣ въ Западной Европѣ задача эта давно выполнена, но у насъ она не мыслима въ настоящее время, когда предъ нами ничего нѣтъ, кромѣ вымысловъ казенной статистики, завѣдомыхъ, шутовскихъ, надъ которыми находятся, однако, охотники глубокомысленно задумываться. 40 лѣтъ, какъ организована эта статистика, 40 лѣтъ тратятся громадныя средства на содержаніе завѣдующихъ ею чиновниковъ въ провинціи и въ столицѣ, показаніями которыхъ опредѣляются судьбы Россіи и вѣдомости которыхъ, какъ извѣстно, прилагаются къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губерна-

торовъ и вдругъ оказывается, что въ этой статистикѣ не только нѣтъ, но и не можетъ быть правдивыхъ цифръ. Въ тотъ прекрасный день, когда у насъ впервые явится достовѣрная и правдивая статистика мы или проснемся съ Калифорніей въ карманѣ или окажемся еще болѣе жалкими нищими, чѣмъ какими значимся нынѣ по даннымъ и цифрамъ казенной статистики.

Но по многимъ фактамъ, свидѣтелямъ которыхъ было русское общество въ теченіи 20 послѣднихъ лѣтъ, слѣдуетъ думать, что Калифорнія у насъ никакой не объявится, по той простой причинѣ, что ея не было и нѣтъ; а если она и была, то мы должны были развѣять ее принятой нами системой государственнаго хозяйства, колоссальными внѣшними и внутренними займами, желѣзными дорогами, послѣдней войной, полнымъ разореніемъ крестьянскаго хозяйства. Хроническіе недороды, перешедшіе въ упорные голодовки, отнимаютъ всякую надежду на возрожденіе крестьянскаго хозяйства. Вотъ уже три года, какъ замѣчается весьма тревожное однообразіе симптомовъ упорнаго регресса этого хозяйства,—регресса, не покидающаго разъ охваченную имъ территорію и съ каждымъ годомъ распространяющагося все далѣе и далѣе.

Давно уже выяснено многочисленными изслѣдованіями, что главными причинами такого безвыходнаго положенія крестьянъ слѣдуетъ считать обременительность платежей и недостаточность надѣловъ. Послѣдняя причина—недостаточность надѣловъ—далеко не всеми признается и, главное, не всѣми понимается съ достаточной опредѣленностью. Но если заглянуть въ статистику г. Янсона, то, при всей ея фантастичности, провѣривъ и ограничивъ ея цифры имѣющимися въ литературѣ частными изслѣдованіями, можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, что значитъ недостаточность надѣловъ и возможно-ли возрожденіе крестьянскаго хозяйства съ помощью обычныхъ въ практикѣ нашего государственнаго управленія палліативовъ.

Обыкновенно при всѣхъ разсужденіяхъ о надѣлахъ не принимается въ расчетъ самое главное и капиталнѣйшее условіе успѣшности всякаго хозяйства, именно правильное отношеніе между пахатной землей и лугами, требуемое трехпольной системой, которая принята у насъ почти всей крестьянской Россіей. Если-бы въ извѣстномъ душевомъ надѣлѣ пахатной земли было совершенно достаточно для того, чтобы она, при полномъ урожаѣ, обеспечила всѣ нужды души; напр., если-бы пахатной земли приходилось 5 десятинъ на душу, но при этомъ луговъ было-бы несоразмѣрно мало, напр., 2 десятины, то урожайность 5 десятинъ пахаты была-бы понижена, и такой надѣлъ былъ-бы

недостаточенъ. Въ дѣйствительности у насъ, въ большинствѣ случаевъ, надѣлъ недостаточенъ вдвойнѣ: по количеству пахатной земли и по количеству луговъ, требуемыхъ для нея, такъ-что имѣющійся надѣлъ пахаты, недостаточный самъ по себѣ, еще обезцѣнивается въ весьма значительной степени не имѣніемъ луговъ.

Въ какой мѣрѣ обезцѣниваются и безъ того скудные надѣлы, можно судить отчасти по цифрамъ г. Янсона. По расчетамъ сельскихъ хозяевъ признается необходимымъ для выгодности трехпольнаго хозяйства такое отношеніе между пахатой и лугами, чтобы на каждую десятину первой приходилось три десятины луговъ (см. Вильсонъ, Объясн. къ Сельско-хоз. атласу, стр. 58; расчетъ этотъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько преувеличенъ) или на 100 дес. пахоты, 300 дес. луговъ, а между тѣмъ, по статистикѣ г. Янсона, въ Западной, напр., окраинѣ на 100 десятинъ пахоты приходится, вмѣсто 300 дес., 31,1 дес., т. е. въ десять разъ меньше; въ промышленной области (калужская, тверская, ярославская, костромская, нижегородская, владимирская, московская) на 100 дес. пахоты 30,9 десят. вмѣсто тѣхъ-же 300 дес. Въ черноземныхъ губерніяхъ, гдѣ, вслѣдствіе мало-земелья, требуется столь-же сильное удобреніе, какъ и въ мало-плодородной промышленной области, на 100 дес. луговъ имѣется въ нестепныхъ мѣстностяхъ (бессарабская, подольская, кievская, полтавская, курская, орловская, тульская, харьковская и пр.) 37,2 луговъ, въ суглинистыхъ (уфимская и вятская) 21,6.

Положимъ, что нормальная величина луговъ здѣсь нѣсколько преувеличена; но если принять эту норму, согласно новѣйшимъ сельско-хозяйственнымъ расчетамъ, минимумъ въ 138 дес. луговъ на 100 пах., то все-же крестьянское хозяйство, очевидно, находится на безконечно далекомъ разстояніи отъ средней доходности. Мы говоримъ собственно о крестьянскомъ хозяйствѣ, хотя г. Янсонъ въ своихъ вычисленіяхъ не отдѣлилъ его отъ помѣщичьяго. Но если-бъ онъ это сдѣлалъ, то мы имѣли-бы, конечно, еще болѣе поразительныя цифры, а если-бы требовалось нѣсколько умалить ихъ, вслѣдствіе общей неточности статистики г. Янсона, то это едвали было-бы нужно, потому-что умаленіе уже достигнуто смѣшеніемъ крестьянскаго хозяйства съ помѣщичьимъ.

Представленныя цифры показываютъ, что у насъ все сдѣлано для того, чтобы совершенно убить производительность пахатной доли надѣловъ. Въ общей сложности нормальный крестьянскій надѣлъ долженъ достигать, по-крайней-мѣрѣ, 9—10 десятинъ (4—5 десятинъ пахаты и 5—6 дес. луга) на душу, а меж-

ду-тѣмъ, наибольшій надѣлъ въ промышленной области составляетъ у помѣщичьихъ крестьянъ 4,8 дес. въ востромской губерніи, а къ черноземныхъ губерніяхъ, напр. въ полтавской 1,9 дес., т. е. въ 4 раза меньше нормального надѣла, необходимаго для собственнаго прокормленія и уплаты податей. Нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что если-бы довести нынѣшнія крестьянскіе надѣлы до такой нормы, безъ посредства переселеній, то это было-бы физически невозможно, такъ какъ на мѣстѣ не нашлось-бы нужныхъ земель. Едва-ли это такъ.

О компромиссѣ Джона Морли. Переводъ съ второго изданія, съ предисловіемъ и статью „о духѣ компромисса въ Англіи“ г-жи М. Цебриковой. Спб., 1881 г.

Уже по самому заглавію книги можно предположить, что въ ней разсматривается вопросъ чисто-практической, вопросъ о сдѣлкахъ съ окружающей дѣйствительностію на пути преслѣдованія извѣстной цѣли. Это предположеніе вполне оправдывается по прочтеніи книги. Разсматривая условія и характеръ борьбы новыхъ общественныхъ элементовъ со старыми, авторъ пытается установить кой-какія общія начала, которыми-бы можно было руководствоваться въ этой борьбѣ, когда обстоятельства требуютъ заключить общественное перемиріе между враждующими сторонами и намѣтить нѣкоторые пункты такого перемирія. Лично мы не любители такихъ писаній. Можетъ быть, книга «о компромиссѣ» имѣетъ извѣстное значеніе для Англіи, предостерегая прогрессивныхъ политическихъ дѣятелей этой страны не слишкомъ поступаться своими принципами изъ-за желанія пріобрѣсть большее число приверженцевъ въ рядахъ враждебныхъ партій, но мы не можемъ признать за нею никакого, сколько-нибудь универсальнаго значенія. За исключеніемъ отдѣльныхъ вѣрныхъ мыслей, напр., о вредности міровоззрѣнія, совѣтующаго оставлять массу въ невѣжествѣ и ложныхъ понятіяхъ изъ-за желанія счастья ей (см. главу II: «О возможной пользѣ заблужденія»),—за исключеніемъ такихъ мыслей книга Морли врядъ-ли имѣетъ живой интересъ. Разумѣется, если не считать интереса, естественно связаннаго вообще со всѣми общественными вопросами...

Наводятъ на мысли трактатъ Морли можетъ, но опять-таки постольку, поскольку способствуетъ процессу этого наведенія всякій общественный вопросъ. Мысли-же самого автора не блещутъ ни свѣжестью, ни оригинальностью,—и въ теоріи признаются почти всѣми прогрессивными партіями умѣренно-радикальнаго или, что

одно и тоже, неумѣренно-либеральнаго оттѣнка. Если очистить суть нашего трактата отъ болѣе или менѣе побочныхъ разсужденій, то она очень проста. Съ одной стороны, изволите-ли видѣть, оказывается, что «исторія цивилизаціи есть исторія исчезновенія старыхъ учрежденій и порядковъ жизни для очищенія мѣста другимъ, обладающимъ большими удобствами и болѣе широкими качествами для умноженія и вмѣстѣ удовлетворенія потребностей человѣчества» (стр. 226). А съ другой стороны авторъ сообщаетъ читателямъ, что «компромиссъ, въ виду изложенной выше теоріи общественнаго роста, можетъ быть двухъ родовъ: одинъ законный, другой не законный» (ibid.).

Само собою понятно, что авторъ становится поборникомъ «компромисса законнаго», иначе онъ не былъ-бы авторомъ книги, трактующей о «компромиссѣ». Законный-же компромиссъ это такой, при которомъ человѣкъ держится за существенные пункты своего принципа, но вступаетъ въ сдѣлки съ дѣйствительностію, полагая, что окружающіе его люди не способны воспринять новую идею во всей чистотѣ. Грозя пальцемъ социалистамъ за ихъ «преждевременныя попытки превратить незрѣлыя стремленія въ политическую дѣйствительность и основать новый общественный порядокъ» (стр. 87), авторъ тѣмъ не менѣе, напр., въ принципѣ признаетъ, что «общество можетъ слѣдовать нормальнымъ путемъ только посредствомъ извѣстной прогрессивности переменъ, и что инициатива переменъ этихъ можетъ принадлежать только личностямъ или очень небольшимъ группамъ личностей» (стр. 230), причемъ Морли даже подтверждаетъ, что «человѣкъ носить въ себѣ обязательство» инициативы и что «отъ него и отъ людей подобныхъ ему зависитъ прогрессъ общества» (стр. 231). Къ этому присоединяется та мысль, что нечего сваливать все на плечи эволюціонной теоріи, чурающейся отъ всего, кажущагося ей несвоевременнымъ, а нужно дѣйствовать и проявлять свою волю среди всевозможныхъ историческихъ обстоятельствъ. Это потому, говорить въ своемъ предисловіи, несомнѣнно характеръ компиляціи трактата Морли, г-жа Цебрикова, — что, «отведя должное мѣсто всѣмъ этимъ (историческимъ) влияніямъ, останется еще просторъ и для воли человѣка». Пусть этотъ просторъ не великъ, продолжаетъ г-жа Цебрикова, — и воля, дѣйствующая въ немъ, напоминаетъ муху, летающую на ниткѣ, привязанной школьникомъ; но и здѣсь есть выборъ для мухи — летать или сидѣть неподвижно, пока не утратится способность движенія, отчаянно биться, или жаломъ перетирать нитку» (Предисловіе, стр. 26).

Вотъ и суть всего трактата Морли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

компиляціи этого трактата, предподнесенной читателямъ г-жею Цебриковою въ предисловіи.

По нашему мнѣнію, книга о «Компромиссѣ» напоминаетъ въ сильной степени тѣ дидактическія разсужденія западно-европейской и нашей литературъ о вопросахъ нравственнаго распорядка, которыя занимали когда-то видное мѣсто въ мозгу «сочинителей», а теперь—въ ученическихъ христоматіяхъ.

Несмотря на нѣкоторыя удачныя мѣста, написанныя подъ диктовку самихъ требованій дѣйствительности, трактатъ Морли обреченъ по сущности своей быть лишеннымъ истиннаго научнаго значенія. Это объясняется очень просто. Авторъ хочетъ установить извѣстную теорію для сдѣлокъ съ жизнью, но какую тутъ можно установить теорію, когда богатую разнообразіемъ жизнь нельзя уложить въ рамки условныхъ періодовъ «если... то?»

Нѣтъ не теоріей компромисса достигается прогрессъ, а вотъ чѣмъ. Несите крѣпко знамя общечеловѣческаго счастья, какъ его начинаютъ понимать народныя массы, наталкиваемыя самой жизнью на мысль о возможности лучшаго строя въ лицѣ теоретиковъ трудящихся классовъ; держите это знамя высоко, оберегая его отъ обезцвѣчивающаго вліянія компромисса. Пусть сама неумолимая, кишачая противорѣчіями современная жизнь склонитъ нѣсколько ваше знамя, но не вы сами, строя теоріи компромисса, *скомпрометтируете* ваше знамя, добровольно пригнувши его подъ ярмо безобразно гнетущихъ аномалій. Ужь если вамъ непремѣнно нуженъ компромиссъ, такъ, не беспокойтесь, вы найдете его здѣсь. Но онъ будетъ въ данномъ случаѣ фактически-неизбѣженъ, а не теоретически-оправданъ. Къ чему возводить жизненныя ошибки въ квадратъ? Къ чему рабски склонять свое знамя, когда и безъ того его клонятъ книзу цѣпкія руки современнаго общественнаго строя?

ОРЛЕАНСКАЯ ДѢВА *).

14 февраля 1881 г.

Новость дня, опера г. Чайковского, невольно вызываетъ на слово даже простого слушателя изъ массы публики, — не музыканта, слѣдовательно, не смѣющаго братья судить о музыкальных достоинствахъ произведенія, — простого слушателя, страстнаго поклонника звуковъ, не разбирающаго «школъ», довольнаго тѣмъ, что звуки переносятъ его въ тотъ міръ, въ то чувство, въ то событіе, которые изображаютъ...

Орлеанская Дѣва! Кто, отъ самыхъ раннихъ годовъ, не восхищался этимъ образомъ? Онъ представлялся чудеснымъ, сказочнымъ; когда явилась книга Мишлэ, строгій рассказъ исторіи только подтвердилъ все сказочное, сдѣлалъ еще мигъ подвижницу, ея жизнь, простую, какъ жизнь народа, чистую, какъ жизнь ребенка, убѣжденную, самоотверженную, граждански-великую. *«До этой, вполне достоверной дѣйствительности никогда не могъ достигнуть никакой идеаль... Эта дѣйствительность вызываетъ слезы у молодыхъ и взрослыхъ, у страдалцевъ, у зачерствѣлыхъ... Люди, не стыдитесь этихъ слезъ!»* говоритъ Мишлэ. Иоанна д'Аркъ олицетвореніе лучшаго человѣческаго чувства — любви къ родинѣ, — въ его высшемъ отблескѣ, въ любви-жалости, дающей плоть и кровь отвлеченному понятію, дѣлающей его чѣмъ-то видимымъ, осязательнымъ... *«La patrie qu'il y avait au royaume de France»*... *«Отечество родилось изъ сердца, изъ любви, изъ слезъ и крови, которую эта женщина от-*

*) Эта замѣтка, написанная вслѣдъ за первымъ представленіемъ оперы г. Чайковского, запоздала появленіемъ въ печати потому, что была доставлена въ редакцію „Дѣла“ 20 февраля, когда февральская книжка уже вышла.

дала за насъ», заключаетъ Мишлѣ—и послѣ него сказать больше нечего. Если-бы, почти чрезъ пятьсотъ лѣтъ, и нашлись еще какія-нибудь неизвѣстныя подробности этой исторіи, онѣ не перемѣняютъ ея сущности, также, какъ причисленіе Іоанны д'Аркъ къ лику святыхъ ужь ничего не могло прибавить къ ея чистому сіянію. Но новыя подробности и найтись не могутъ послѣ изысканій Мишлѣ. Образъ Іоанны остается вѣчнымъ, какъ онѣ его представилъ, вѣчнымъ, какъ правда.

Его не разъ воспроизводили поэты и художники. *La patrié qu'il y avait au gouaume de France*... *Любовь-жалость*... Русскій народный языкъ счастливо обладаетъ словомъ, вполне передающимъ чувство Іоанны д'Аркъ, и тѣмъ болѣе была пора русскому художнику принести свой вкладъ, а русскому обществу свое поклоненіе великой памяти...

Невольно приходитъ желаніе припомнить эти воспроизведенія (хотя нѣкоторыя), также невольно оцѣнивая ихъ по *правдѣ* Мишлѣ. Странно, можетъ быть, отъ любви, которую внушаетъ это совершенство, но все кажется, что художники передали его не полно, или просто не такъ. Конная статуя Іоанны въ Руанѣ, на мѣстѣ мученичества—безобразна. Есть другая; она представлена убивающею британца: Іоанна *никогда* не убивала. Статуя работы Маріи Орлеанской удовлетворяетъ только чувству умиленія: это только задумчивая дѣвушка, зажавшая въ скрещенныхъ рукахъ мечъ, на рукояткѣ котораго крестъ; она *только* молится... Въ картинѣ Виллемса, гдѣ англичане взяли и ведутъ ее, она слишкомъ смѣла, чтобъ не сказать, удалая. У Каульбаха она принимаетъ знамя изъ рукъ Богородицы, бросивъ посохъ (или прялку), вскочивъ, внѣ себя, и вмѣстѣ кокетливо изогнувшись,—точно балерина. Одинъ новѣйшій англійскій художникъ изобразилъ ее до пояса, въ шлемѣ, съ знаменемъ на плечѣ; она прекрасна, но ея взглядъ дикій, ея губы сжаты злобно, волосы разметаны; это безумная, это фанатичка, вѣрящая въ шабашъ, безчеловѣчная,—конечно, англичанину и чрезъ пятьсотъ лѣтъ еще можетъ померещиться такая Іоанна... Изъ многихъ ея изображеній нѣтъ ни одного особенно прославленнаго. Заключать-ли по этому, что всѣ они болѣе или менѣе неудачны?.. Можетъ быть, если художники представляли не ту Іоанну, какая она *была*, а ту, чтó имъ самимъ *воображалась*, или, даже слѣдуя нѣкоторымъ указаніямъ исторіи, желали *по своему* ее дополнить и украсить. «*Дѣйствительность, превосходящая всякій идеалъ*» отплачивала за эти попытки тѣмъ, что не поддавалась даже простому копированію...

Какъ-будто въ подтвержденіе, что тутъ необходима и воз-

можно *только правда*, лучшее воспроизведеніе образа Іоанны д'Аркъ—есть портретъ съ живого лица. Карлъ Брюлловъ, уиравя въ Римѣ, задумалъ написать всю семью Титтони, своихъ послѣднихъ друзей. Въ семьѣ была молодая дѣвушка. Прихотли художника, случайность, или гениальная догадка, но Брюлловъ написалъ Джульетту Титтони—Іоанной д'Аркъ, и ближе всѣхъ подошелъ къ правдѣ, рассказанной Мишлѣ... можетъ быть, именно потому ближе, что не измышлялъ недостижимаго идеала, а только понялъ готовую дѣйствительность. Дѣвушка написана въ латахъ, до колѣнъ; безъ шлема; гладкіе и короткіе волосы распущены до плечъ. За нею видна голова боевого коня, котораго она ведетъ въ поводу. Портретъ не конченъ, но и того, что есть, довольно. Дѣвушка не красавица, но кто ее видѣлъ, тотъ не забудетъ; что-то особенно стройное во всемъ общемъ очеркѣ, тихое, кроткое, но неотразимое, рѣшительное; что-то необыкновенно-спокойное, пронизательно-строгое въ прямомъ, ясномъ взглядѣ,—но это не холодность: она добра, ласкова и жалостлива; она причастна всякому горю, она знаетъ всякую земную черноту, но она безгрѣшна; она сейчасъ засмѣется, веселое дитя, но она *все* разсудитъ; ей семнадцать лѣтъ, она пуглива, но она надежный защитникъ. Она убѣждена. Это—сила и, прежде всего, чистота. Это—Іоанна д'Аркъ...

Но, только одинъ неконченный портретъ! Это слишкомъ мало. Точно будто, въ самомъ дѣлѣ, *излишнее* совершенство дѣйствительности вредитъ ея передачѣ и отсюда—неудовлетворенность и недовольство...

Скульптура и живопись бѣднѣе средствами, нежели слово; онѣ даютъ только одну какую-нибудь минуту, какое-нибудь одно положеніе; слово можетъ не только *показать*, но и объяснить, и доказать. Очень странно (тѣмъ не менѣе вѣрно), что, хотя почти во всѣхъ литературахъ есть что-нибудь посвященное памяти Іоанны д'Аркъ, но, принимая книгу Мишлѣ, какъ точку зрѣнія и опоры въ оцѣнкѣ этихъ произведеній,—изъ нихъ нѣтъ ни одного достойнаго своего предмета. Главнѣйшія легко прослѣдить.

Первый помянулъ Іоанну Шекспиръ въ своей хроникѣ «Генрихъ VI». Врагъ остался врагомъ, иначе и быть не могло: время было грубое, національное чувство сильно и пристрастно; если-бы гений Шекспира и разгадалъ Іоанну д'Аркъ, то, во всякомъ случаѣ, передъ своимъ обществомъ не могъ-бы говорить о ней сочувственно... Іоанна всегда предвидѣла свою участь: «свои не защитятъ, чужіе убьютъ». Понятно, что и слишкомъ черезъ сто лѣтъ *чужой* не пощадилъ ее. Но что-бы еще спустя

два вѣка послѣ этого *чужого*, въ обществѣ развитомъ и рукоплещущемъ явился *свой* мыслитель и поэтъ и наругался хуже *дикаря*-врага—этого, конечно, она не могла предвидѣть!... Однако, такъ случилось. Французскіе переводчики Шекспира, изъ уваженія къ Іоаннѣ, выпускаютъ въ «Генрихъ VI» сцены, гдѣ она является. Изъ уваженія къ Франціи—нечего называть оскорбителемъ...

Именно *это* оскорбленіе не было-ли одной изъ *причинъ* поэмы Шиллера? Благородный образъ Іоанны долженъ былъ всегда быть ему близокъ; оскорбленный, онъ сталъ святъ. Чѣмъ грязнѣе была клевета, тѣмъ онъ возносился выше. Іоанна стала дорога Шиллеру до идеализаціи, до восторженной любви къ ней самой; можетъ быть, именно для того, чтобъ отдалить всякій помыслъ любви нечистой, Шиллеръ вложилъ такъ много любви въ свое произведеніе. Исторія Іоанны тогда еще не была разработана; онъ зналъ ее поверхностно—подвигъ да смерть,—но ему не было дѣла до исторіи: онъ писалъ свою мечту... Увлеченный, онъ не прозрѣлъ, что *эта* дѣйствительность выше всякихъ мечтаній; онъ ошибся... Послѣ книги Мишлэ, можно и должно признать ошибку Шиллера, тѣмъ болѣе важною, что ошибки гения увлекательны и опасны: въ литературѣ, даже въ понятіяхъ общества, образъ Іоанны д'Аркъ закрѣпился не историческій, а тотъ, что создалъ Шиллеръ, и передается такъ, будто по преданію. Онъ невѣренъ; сравнительно съ историческимъ образомъ—онъ даже не прекрасенъ, потому-что его нѣжность и туманность уменьшаютъ его высокое значеніе... Если такъ ошибся гений, то куда зашли его копировщики!...

Необходимо припомнить поэму Шиллера и ея основную идею. Сила побѣдъ дана небомъ Іоаннѣ только подъ условіемъ:

Надѣть должна ты латы боевыя,
Въ желѣзо грудь младую саковать;
Страшись надеждъ, не знай любви земныя;
Въначальныхъ свѣчъ тебѣ не зажигать;
Не быть тебѣ душой семья родныя;
Цвѣтущаго младенца не ласкать...

И—одинъ разъ замѣшаны сверхъестественныя силы—должны являться и искушенія. У Іоанны добрый, преданный женихъ; она уходитъ, куда зоветъ небо. Въ нее влюбляется «красавецъ»—Дюнуа—она отвергаетъ. Наконецъ, злой духъ посылаетъ привлекательнаго врага, Ліонеля; она любитъ и *за это* гибнетъ. Ея нравственныя силы развиты до того, что она «завидуетъ» Агнесъ Сорель, признаетъ ее «чистою», а себя грѣшницей, съ «отращеніемъ» прикасается къ своему знамени, не возражаетъ

на обвиненіи отца, что отдалась злomu духу, *«не беретъ креста»*— и ее *выгоняютъ* съ ея высшаго торжества, съ реймскаго коронованія. Правда, за нее вступается громъ небесный, но непонятное для всѣхъ, мистически-понятно для нея одной. Она скитается по лѣсамъ, ее берутъ въ плѣвъ, съ нея чудесами спадаютъ оковы; наконецъ, она умираетъ на полѣ битвы. Шиллеръ самъ зналъ, что писалъ сказку, но онъ такъ любилъ *свою* Іоанну, что его сердце и эстетическое чувство возмущались предъ ужасомъ и отвратительными подробностями костра...

Но не прелестнѣе-ли реальная, историческая Іоанна? Набожная дѣвочка, молясь цѣлый день, свывается съ своими мученицами Екатериной и Маргаритой, какъ съ подругами. Ей нечего приказывать о «чистотѣ»: она такъ чиста, что даже вообразить не можетъ, какъ могло-бы ей придти въ голову—согрѣшить? Не мистически-вдохновенная, а просто—вѣрующая, не изъ-за славы, а изъ *жалости* къ родной землѣ, не восторженной пророчицей, порывно, а терпѣливо, какъ работница-крестьянка на работу—идетъ она на свое дѣло, бьется и добивается среди самыхъ прозаическихъ препятствій. Ей точно навязываютъ жениха, чтобъ ее «образумить»; она просто, скромно, но смѣло и обстоятельно отказываетъ ему «передъ судомъ».—О «красавцѣ» Дюнуа есть преданіе, что онъ считалъ ее святою, берегъ, какъ сестру, любилъ, какъ товарища. Любилъ-ли онъ ее, какъ женщину—неизвѣстно; да и къ чему это? Не выше-ли тоже простое преданіе, что, старикомъ мирно умирая въ своей постели, «красавецъ»-Дюнуа вспоминалъ Жанну, какъ святую, сестру и товарища?—Послѣ Реймса, точно, она хотѣла уйти домой, въ семью, говоря, что ей «такъ приказано», что она «кончила свое дѣло». Ее удержали, умолили остаться. Она уступила и—*стосковалась*... Именно *это*, русское народное слово, опять вѣрнѣе всякаго другого слова выражаетъ состояніе души честной дочери народа среди лгущей знати, среди почета, своекорыстія, интригъ, разврата... среди крови, къ которой она начала привыкать. Она дѣбалась вспыльчива и рѣзка съ непокорными солдатами, беспощадна къ беспорядочнымъ женщинамъ. Война и святость—понятія противоположныя. Она сошла съ своей точки опоры, не могла этого не чувствовать, металась и—*стосковалась*... «*Она должна была пострадать, для того, чтобъ это высшее искупленіе отогнало всякую сомнительную тѣнь отъ ея лучезарнаго вѣнца*», говорить Мишле...

Лѣтъ десять назадъ, Жюль Барбье посвятилъ «памяти своего друга Понсара» пятиактную драму «Jeanne d'Arc». Ее, вѣрнѣе, можно-бы назвать хроникой: это сценическое переложеніе книги

Мишлэ, до мелочей, чуть не до анекдотовъ. Барбье было видимо жаль разстаться даже съ малѣйшими подробностями. Онъ позволяетъ себѣ только дорисовывать аксессуары, не измѣняя ничего ни въ положеніи, ни въ характерѣ Іоанны. Онъ ее полюбилъ и понялъ, но у него не достало таланта. Его драма можетъ и должна очень нравиться подросткамъ, возрасту благородному, любящему и литературно-невзыскательному; на взрослого читателя она производитъ впечатлѣніе *единственно* потому только, что это — исторія Іоанны д'Аркъ, «*вызывающая слезы у всѣхъ*». Какъ литературное произведеніе, она длинна, скучна, писана плохими стихами, часто напыщенными... отъ избытка чувства. Ради памяти Іоанны, рука неподнимается осудить драму. Она, просто, забыта... Въ примѣчаніи, Барбье указываетъ на варианты, приложенные къ драмѣ для того, чтобы она «*на подобіе древнихъ трагедій, могла быть вставлена въ прекрасную музыку Гуно*». Отрывки оперы Гуно вставлялись въ драму Барбье, или Гуно написалъ нарочно *только* нѣсколько музыкальных нумеровъ къ этой драмѣ—мы не знаемъ положительно. Если *отрывки оперы*, то изъ словъ Барбье можно заключить, что либретто Гуно сходно съ драмой Барбье, слѣдовательно, вѣрно разсказу Мишлэ.

Это очень важно. На массу, болѣе нежели чтеніе, дѣйствуетъ сценическое представленіе, и еще болѣе—сценическая музыка,—опера. Звуки, захватывая нервы, напрягаютъ внимательность зрителя, усиливаютъ его впечатлительность, будто называютъ по имени тѣ, чтѣ, за видимыми образами, носится въ его душѣ, туманное, неопредѣленное, только слагающееся, — тѣ, чтѣ онъ только чувствуетъ и чему не находитъ словъ. Сценическая музыка дополняетъ слово, даже разъясняетъ его значеніе, заставляетъ слушателя понимать обширнѣе, сочувствовать жарче; она просвѣтляетъ, проводя человѣка отъ ощущенія до высшаго сознанія. Въ ея власти слухъ, зрѣніе и мысль массы; ея средства—обстановка, красота звуковъ и интересъ сюжета. Только при соединеніи всѣхъ этихъ условій, она можетъ достигать своей цѣли; истины, въ наше время уже азбучныя. Но странно, что, настаивая на роскоши обстановки, на совершенствѣ исполненія своей музыки, безъ сомнѣнія, увѣренные въ ея достоинствахъ, композиторы почти всегда очевидно равнодушны къ своимъ либретто. Надѣются-ли они звуками восполнить тѣ, чего не даетъ драма и ея изложеніе? Но часто драма не даетъ ровно ничего. Не стоитъ пересчитывать, но очень нетрудно припомнить, что есть либретто совсѣмъ недѣльные, что большинство — посредственность, и изъ нихъ драматичны только тѣ, которыя

передѣланы изъ сценическихъ представлений (и то, если еще не особенно искажены), — и что только очень немногіе оригинальныя либретто: «Норма» Феличе Романи, «Гугеноты» Сьриба, «Юдиовъ» Сьрова—вполнѣ прекрасны по идеѣ, стиху и характеристикамъ дѣйствующихъ лицъ. Это точно—драмы, которыя не «смотрятся и слушаются», а переживаются.

Сьровъ, въ предисловіи къ своей «Роиндѣ», разъяснилъ значеніе либретто и его слово—законъ. Этотъ законъ ни къ чему такъ непримѣнимъ, какъ къ темѣ на жизнь Іоанны д'Аркъ. Эта великая правда до того поразительна и драматична, такъ полно обставлена, такъ опредѣлена во всѣхъ лицахъ, характерахъ и положеніяхъ, что композитору остается только выбирать изъ нея моменты, полюбить ее и писать. Не удивительно, что многіе композиторы брали эту тему, но удивительно, что изъ всѣхъ ихъ оперъ нѣтъ ни одной знаменитой. Есть опера Бальфа; старинная Караффа «Jeanne d'Arc, opéra comique (?)» есть недавнія оперы Гуно, Дюпрé и Мермé, всѣ три на французскій текстъ, писаны французами, представлены въ Парижѣ, и о нихъ не слышно. Есть нѣмецкая «Іоанна д'Аркъ», барона Пудумгенена, либретто по Шиллеру; есть «Giovanna d'Arco» Верди, слова Темистокле Сдлера,—ужь вовсе забытыя... Есть, можетъ быть, еще...

Настоящая Іоанна какъ-будто не нравится композиторамъ. Какъ изъ ея жизни Караффа устроилъ «комическое» представленіе—мы незнаемъ. Глумленіе бываетъ всякое. Гораздо любопытнѣе, когда, сочувствуя Іоаннѣ, композиторы и ихъ либреттисты считаютъ своимъ долгомъ ее украсить, сдѣлать «интереснѣе», экзальтированной, визионеркой, воинственной, влюбленной, и тому подобное, все больше по Шиллеру. Образецъ нечѣпости въ этомъ родѣ—либретто Сдлера, для Верди. Тамъ, королю свыше повелѣно положить свой мечъ подъ очарованнымъ дубомъ въ окрестностяхъ Домреми; граждане Домреми предупреждаютъ его величество, что около дуба живутъ демоны, которые выпускаютъ живыми только тѣхъ, кто отдаетъ имъ душу. Король все-таки идетъ. Пастушка Іоанна имѣетъ привычку ночевать подъ этимъ дубомъ. Надъ нею поютъ ангелы и демоны, а отецъ ея, Джакомо, подозрѣвая нѣчто нехорошее, ходитъ подсматривать за нею. Хотя онъ слышитъ и видитъ собственными глазами, что дочь только беретъ шлемъ и мечъ короля и, усердно молясь, призываетъ короля на битву съ врагами, — но заключаетъ, что она «изъ безумной любви къ королю, отдалась демону» и идетъ прямо къ Тальботу, съ предложеніемъ выдать ему побѣдительницу — колдунью. — «Я французъ,— говоритъ онъ: но честь мнѣ дороже отечества; король Карлъ покрылъ позоромъ мои сѣдины;

я хочу сражаться въ вашихъ рядахъ и отомстить ему». — Иоанна, между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, влюбилась въ короля, онъ въ нее и, вслѣдъ за нѣжнымъ объясненіемъ, демоны поютъ свою побѣду. Затѣмъ, маршъ, вся сцена коронаціи по Шиллеру, и гнѣвный отецъ, и проклятія, и громовые удары, отъ которыхъ всѣ разбѣгаются. Родитель беретъ Иоанну и ведетъ ее къ англичанамъ, даже самъ сторожить ее въ тюрьмѣ. Тамъ она убѣждаетъ его, что невинна, хватается его мечъ, бѣжитъ въ битву, спасаетъ короля и ее, по Шиллеру, приносятъ смертельно раненую. Финалъ; въ немъ участвуютъ ангелы и демоны...

Тутъ нѣтъ *исторіи*, тутъ нѣтъ *Иоанны д'Аркъ*, — но что-жъ искать ихъ у Сдлера, когда ихъ нѣтъ и у Шиллера? Тутъ нѣтъ здраваго смысла, но когда-то говорили, что въ оперѣ можно обойтись безъ него...

Сдѣлаемъ, какъ говорятъ дѣти, — *такъ-нарочно* уступимъ этому дикому мнѣнію. Допустимъ, что можно написать вздоръ въ родѣ *«Трубадура»*, пересказать романъ Дюма въ *«Травіатъ»*, исказить В. Скотта въ *Лучи*, поднять руку на самого Шекспира и заставить Гамлета распѣвать *«Быть или не быть»*, — допустимъ все это, скрѣпя сердце, *такъ-нарочно*, на минуту. — *«Даммермурская невеста»*, *«Гамлетъ»* — созданія фантазіи. Они не жили на землѣ. Подъ ними нѣтъ твердой, гранитной почвы исторіи. Смѣлость страшная — прикасаться къ нимъ, но созданія фантазіи могутъ быть поняты такъ или иначе, смотря по степени способностей понимающаго. Иоанна д'Аркъ не можетъ и не должна быть понята иначе, какъ такую, какою жила на землѣ и является въ исторіи. Исторія опредѣляетъ каждый ея шагъ — и не только ея, но и всѣхъ, кто окружалъ ее, ихъ положенія, характеры, до мелочей обстановки, называетъ по имени всѣхъ, до безвѣстныхъ ея подругъ-крестьянокъ. Слѣдовательно, для художника, поэта, композитора — обязательно это знать, изучить, помнить и руководиться этимъ, не измышляя: одинъ разъ на всегда сказано, что *«фантазія не достигнетъ»*. Если Ж. Барбье неудалось его рабское списыванье, такъ это, просто, дѣло таланта...

Вотъ почему, съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что г. Чайковскій пишетъ оперу *«Орлеанская Дѣва»*, ждалось чего-то особеннаго. Ждалось не одной только новинки, интересовала именно тема. Большинство знаетъ Иоанну легендарную, но она мила всѣмъ — ее хотѣли видѣть; тѣ, кто знаетъ ее историческую, ждали еще нетерпѣливѣе. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, прошелъ слухъ, будто опера составлена по Шиллеру. Этому не вѣрилось. Наше время слишкомъ положительно. Искусство во всемъ ищетъ

правды, и, вдругъ, изъ цѣлой области искусства, изъ оперы—изгонится правда? Почему, когда (даже въ этой самой области) въ музыкѣ предписывается реализмъ до звукоподражанія, до разрывчивости, до диссонансовъ, — въ драмѣ допустится отсутствіе не только правды, но даже смысла? Невозможно, чтобы замѣчательный композиторъ удовлетворился, даже не легендой, какъ Вагнеръ, а сентиментальной сказкой; чтобы, послѣ появленія подробной исторической разработки, которую знать онъ обязанъ,—онъ рѣшился еще разъ вывести на сцену любовную небывальщину, унижая значеніе серьезнаго событія; чтобы, ограничась этой бѣдностью вымысла, узостью рамки, гдѣ нѣтъ именно того, что составляетъ душу Іоанны и ея подвига, нѣтъ народа и *любви-жалости* къ народу, — композиторъ самъ себя добровольно заковалъ въ рутину оперныхъ нѣжностей и воинственныхъ фразъ, самъ у себя отнялъ роскошный, неисчерпаемый источникъ вдохновенія свѣжаго, свѣтлаго, благороднаго... Невозможно! Этому не вѣрилось. Предполагалось еще болѣе: есть историческій романъ, есть историческая драма; въ рукахъ г. Чайковскаго нововведеніе; не задумалъ-ли онъ создать *историческую оперу*—не представленіе съ подкладкой извѣстныхъ событій и съ участіемъ извѣстныхъ лицъ (какъ это дѣлалось ужъ не однажды), а полное и серьезное воспроизведеніе эпохи и судьбы самаго поэтическаго лица, какое являлось въ человѣчествѣ?

Либретто, появившееся за нѣсколько дней до перваго представленія, подтвердило слухи... «*Большинство сценъ заимствовано изъ драмы Шиллера—Жуковскаго*», сказано въ программѣ.

Что-жъ рассказывать оперу г. Чайковскаго?.. Темнаго XV вѣка, народа, *жалости* въ ней нѣтъ и слѣда. Она еще бѣднѣе шиллеровской драмы. У Шиллера, небесаамъ еще есть за что покарать Іоанну: она любитъ врага, посланнаго злымъ духомъ; у г. Чайковскаго бургундскій рыцарь Ліонель не только не врагъ, но еще раскаявшійся грѣшникъ, что, какъ извѣстно, лучше праведника. Слѣдуя Шиллеру, гдѣ она сватаетъ Іоаннѣ Дюнуа, Агнеса могла-бы посватать ей въ женихи и Ліонеля. Г. Чайковскій сдѣлалъ короче и проще: бросилъ Іоанну въ его объятія и «*послѣ долгаго молчанія*» заставилъ обоихъ пѣть, что теперь всѣ бѣды миновали и все обстоитъ благополучно... послѣ отцовскаго проклятія и реймскихъ небесныхъ громовъ...

Возможно-ли вообразить Іоанну д'Аркъ въ чьихъ-нибудь объятіяхъ? На это не отважились даже Верди и Темистокле Сдлера: у нихъ король только преклоняетъ колѣна... Въ наше время трудящихся, серьезныхъ женщинъ, историческая Іоанна д'Аркъ

становится все болѣе понятна. Это не сбереженіе чистоты по мистическому контракту, заключенному съ небесами; это, просто, недосугъ любить, когда одолѣла забота, это—уваженіе къ собственному достоинству, естественное отвращеніе скромной дѣвушки, среди буйства и разврата; это—невозможность гражданки забываться въ эгоистическомъ чувствѣ, когда кругомъ льется дорогая кровь и жалость щемитъ душу. Тутъ, безъ всякихъ ангельскихъ напоминаній, любовь не пойдетъ на умъ. Предъ г. Чайковскимъ стояла такая удивительная задача — и онъ добровольно отъ нея отказался!

За то—еще разъ нѣтъ Іоанны д'Аркъ... Повторнемъ: мы говоримъ не о музыкѣ. Музыка г. Чайковскаго, можетъ-быть, выразила то, что онъ желалъ ею выразить, но не то, что, по справедливости, ожидалось и должно было явиться. Іоанны д'Аркъ, трогательной дѣвочки, доброй, умной, отважной, вдохновенной спасительницы отечества, самоотверженной гражданки-мученицы—нѣтъ передъ нами... А нѣтъ, такъ пусть тамъ поется и играется что угодно.

Ея нѣтъ, и нигдѣ, въ искусствѣ и поэзіи ни у кого ея нѣтъ... Но вѣдь это не предопредѣленіе; она должна явиться когда-нибудь. Должна, воплощенная во всей прелести, во всемъ величіи, отъ младенческой вѣры въ «Царицу небесную», до благородной «тоски», среди торжества и крови; явиться съ своимъ бѣлымъ знаменемъ, когда на ея призывъ поднимается лагерь, ржать кони и гремѣть трубы, явиться въ бѣломъ саванѣ, когда, сивозъ дымъ костра, кто-то (изъ «жалости» тоже!) показываетъ ей крестъ, и она, перепуганная, просвѣтленная, кричитъ свое послѣднее слово: «Христосъ»!...

Она должна явиться. Задача все еще стоитъ и должна быть исполнена...

В. Крестовскій.
(псевдонимъ).

ВОИДСКАЯ ПОВИНСОСТЬ ВЪ МАЛОАРХАНГЕЛЬСКОМЪ УЪЗДЪ. (1874—1879 гг.).

Всесторонне изслѣдовать воинскую повинность—значить сдѣлать очень много. Съ одной стороны—при отбываніи ея выясняются самыя различныя явленія народной жизни, съ другой—сама повинность составляетъ весьма крупный факторъ этой жизни и оказываетъ на нее серьезное вліяніе. Я не имѣю, однако, претензіи брать на себя этотъ огромный трудъ, и полагаю даже, что въ настоящее время, всего 6 лѣтъ по введеніи реформы, едва-ли возможно основательно оцѣнить ея значеніе. Вся цѣль настоящей статьи—поспособствовать собранію того матеріала, при помощи котораго будущій изслѣдователь получить возможность произнести свое окончательное сужденіе.

Матеріалъ, которымъ я пользовался при своей работѣ—официальные отчеты въ ихъ первоначальномъ сыромъ видѣ. Несмотря на нѣкоторыя неточности, которыя иногда мнѣ попадались, я полагаю, что этому сырому матеріалу все-таки можно болѣе довѣрять, чѣмъ вполне выглаженнымъ, приведеннымъ «въ порядокъ» отчетамъ, официально публикуемымъ или хоть просто представляемымъ «къ высшему начальству», такъ-какъ въ этихъ послѣднихъ случаяхъ внѣшняя правильность, безукоризненное совпаденіе цифръ и пр. достигаются не новой провѣркой, а гораздо болѣе простымъ способомъ, отъ котораго цифры отнюдь не выигрываютъ въ точности. Для того-же, чтобы читатели могли судить о степени приближенія моихъ цифръ къ дѣйствительнымъ числамъ, я укажу на всѣ слабыя стороны бывшихъ у меня матеріаловъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что число лицъ, значущихся по всѣмъ призывнымъ спискамъ, у меня нигдѣ не совпало (какъ-бы слѣдовало) съ суммою лицъ, принятыхъ въ войска, освобожденныхъ отъ службы, получившихъ отсрочку и зачисленныхъ въ ополченіе, т. е. съ суммою своихъ составныхъ частей. Такъ, напр., въ 1875 г. по всѣмъ призывнымъ и дополнительнымъ спискамъ числилось (за вычетомъ исключенныхъ изъ списковъ) 1,624 чел. Сумма-же составныхъ частей, на которыя распредѣлилась эта цифра, равняется только 1,617 чел. Въ 1878 г. по спискамъ числилось 1,822 чел., а сумма составныхъ частей достигаетъ 1,876 чел. и т. д. То-же несопаденіе замѣчается и въ количествѣ лицъ, подвергавшихся осмотру. Въ 1874 г., напр., подъ этой рубрикой проставлено 487 чел., а между тѣмъ, складывая въ отдѣльности суммы лицъ, несомнѣнно перебивавшихъ на осмотръ, мы получаемъ 496 чел. Въ 1876 г. вмѣсто 700 чел. получаемъ 716 и т. д. Числа, подвергавшихся осмотру за 1877, 1878, 1879 годы, я вовсе не имѣлъ и потому долженъ былъ ихъ вычислить самостоятельно; основанія, которыми я руководился при вычисленіи, будутъ указаны въ свое время. Наконецъ, я не имѣлъ свѣдѣній о расходахъ по исполненію повинности за 1877 г. и медицинскихъ отчетовъ за 1875 и 1876 годы. Послѣ этихъ объясненій, полагаю, читатель можетъ оцѣнить, не преувеличивая и не уменьшая, степень точности цифръ, съ которыми встрѣтится въ статьѣ.

Малоархангельскій уѣздъ (орловской губ.) принадлежитъ къ числу мѣстностей почти исключительно земледѣльческихъ; фабрикъ здѣсь не имѣется вовсе; изъ заводовъ есть винокуренные, крахмальные и одинъ писчебумажный. По качеству земли—относится къ черноземной полосѣ. Сбытъ хлѣба вполне удобный (главн. обр. на Ригу). Двѣ желѣзныя дороги проходятъ у самыхъ границъ уѣзда. Распредѣленіе земель таково (цифры 1879 г.) *):

Помѣщики владѣютъ	105,864 дес.
Крестьяне вр.-обяз. владѣютъ	38,127 »
» государств. »	107,983 »
» собствен. »	45,311 »
Лица другихъ сословій »	21,959 »

Это распредѣленіе, судя по земскимъ отчетамъ, за разсматриваемые 6 лѣтъ не претерпѣло никакихъ измѣненій. Высшій (указный) надѣлъ при освобожденіи былъ опредѣленъ въ 3 дес. Въ

*) См. Журн. Малоар. Земск. Собр.

дѣйствительности надѣлъ—1—1 1/2 дес. Населеніе уѣзда—сплошь великорусское. Уѣздный городъ Малоархангельскъ (2,000 душъ)—центръ чисто-административный и промышленнаго значенія не имѣеть. Общій характеръ промышленности уѣзда достаточно видѣнъ ужъ изъ того, что по земскимъ раскладамъ (1879 г.) весь доходъ фабричныхъ, торговыхъ и промысловыхъ заведеній исчисленъ всего въ 86,141 р.; доходъ-же отъ земель исчисляется въ 957,732 р. Занятія жителей, перечисляемые въ призывныхъ спискахъ, рисуютъ промышленность уѣзда еще болѣе ярко. Въ г. Малоархангельскѣ за 1880 г. по занятіямъ значится:

Торговцевъ.	31 чел.
Столяръ.	1 »
Кузнецовъ.	3 »
Сапожникъ	1 »
Портной	1 »
Чернорабочихъ	2 »
Въ услуженіи	5 »
Хлѣбопашцевъ	4 »
«Ничѣмъ не занятъ»	1 »
Неозначено	12 »

За 1879 г.:

Торговцевъ.	23 чел.
Фельдшеръ.	1 »
Плотникъ	1 »
Сапожникъ.	1 »
Чернорабочихъ	12 »
Хлѣбопашцевъ	9 »
Неозначено	13 »

Въ уѣздѣ, т. е. по волостямъ, за 1879 г. изъ 1,364 чело-
вѣкъ показано:

Хлѣбопашцевъ.	1,341 чел.
Сапожниковъ	7 »
Портныхъ	6 »
Кузнецовъ	3 »
Рѣзчикъ	1 »
Ружейникъ	1 »
Слесарь	1 »
Столяръ	1 »
Приказчикъ.	1 »
Работникъ	1 »
Шорникъ	1 »

Въ общей сложности увъдъ можно характеризовать, какъ мѣстность земледѣльческую, отъ природы надѣленную довольно щедро, въ социальномъ-же отношеніи не представляющую по крайней мѣрѣ ничего выдающагося-дурного сравнительно съ остальной Россіей. Наоборотъ—во многомъ положенію малоархангельскаго увъда другія мѣстности могутъ искренне позавидовать.

Для того, чтобы показать, насколько участвуетъ увъдъ въ отбываніи общей тягости, я приведу цифры 1879 года. Общее число рекрутъ, определенное Высочайшимъ указомъ, составляло по всей Россіи 218,000 чел. На долю орловской губ. по разверсткѣ досталось 4,458 чел., въ томъ числѣ на малоархангельскій увъдъ—421 чел. Такимъ образомъ увъдъ долженъ былъ поставить 0,39% всего числа новобранцевъ, требуемыхъ правительствомъ отъ Россіи, и 9,4% новобранцевъ отъ губерніи. Насколько увъдъ способенъ удовлетворять запросу показываетъ слѣдующая таблица:

Таблица I.

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч е л о в ѣ к ѣ.					
Числилось по спискамъ:						
а) Призывной. . .	1,645	1,560	1,533	1,653	1,722	1,491
б) Дополн. Б *) . .	—	66	112	126	133	154
Исключено изъ означенныхъ списковъ . .	—	4	28	32	33	17
Итого. . .	1,645	1,622	1,617	1,747	1,822	1,628
Требовалось по разверсткѣ.						
	353	411	448	522	485	421
% требуемыхъ къ имѣвшимся по спискамъ.						
	21%	25%	26%	29%	26%	25%

Въ поясненіе таблицы я напомню читателямъ, что въ призывные списки, ежегодно представляемые увъдными по воинской повинности присутствіями, вносятся всѣ, достигшіе за предшествующій годъ 20-лѣтняго возраста. Эти списки, чрезъ губернскаго присутствія доставляются въ министерство военное и внутреннихъ дѣлъ, служатъ основаніемъ для разверстки нужнаго

*) Списки А и В не приняты въ расчетъ, для сокращенія мѣста, ибо по А числилось всего 1 (1874 г.), а по В—2 чел. (1877 г.). Дополнительно-же слѣти съ первымъ призывнымъ.

правительству контингента по губерніямъ, а затѣмъ (губернскими присутствіями) по уѣздамъ. Въ теченіи времени, пока все это сдѣлается, многія лица, разумѣется, изъ списковъ выбудутъ, за смертію и пр., или прибавятся по дополнительнымъ спискамъ, такъ-что, приступая къ исполненію повинности, уѣздныя присутствія должны исправлять списки (рубрика—«исключены»). Что касается списка Б, то сюда вносятся всѣ лица, получившія въ предшествовавшіе годы отсрочку.

Изъ таблицы читатель можетъ видѣть, что уѣздъ поставляетъ на службу ежегодно лишь около 25% своей молодежи, по возрасту подлежащей призыву. Даже въ военный 1877 годъ % поднялся лишь до 29%. Говоря другими словами, уѣздъ при необходимости можетъ удовлетворить запросу втрое и вчетверо большому. Это благоприятное отношеніе, однако, въ значительной степени измѣняется, если принять во вниманіе другія условія: малый ростъ и физическіе недостатки новобранцевъ, допускаемые закономъ изъятія отъ повинности, а также недопускаемое закономъ самовольное уклоненіе и пр. Нижеслѣдующая таблица поясняетъ это.

Таблица II.

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч е л о в ѣ к ѣ.					
По спискамъ . . .	1,645	1,622	1,617	1,747	1,822	1,628
Освобождено отъ службы:						
а) по недостаточному росту	4	—	7	—	13	47
б) по тѣлеснымъ недостаткамъ	25	27	18	28	33	12
с) по 50 ст.	1	—	—	2	1	5
д) по 58 ст.	9	—	—	—	—	—
Итого	39	27	25	30	47	64
Зачетн. квитанцій	2	2	1	4	4	1
Отсрочка дана:						
а) по имущ. положенію	1	—	1	—	—	—
б) на оконч. образов.	2	4	1	1	4	—
с) вслѣдствіе находяденія во флотѣ	—	—	—	—	—	—
д) по невозможности	36	65	110	10	84	100
е) для излеченія	26	23	10	82	60	38

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч	е	л	о	в	ѣ
	к	ѣ	т	ь	р	ъ.
г) вслѣдствіе нахожденія подъ судомъ	2	—	—	—	—	—
Итого	67	92	122	93	148	138
Назначено къ переосвидѣтельствванію	—	1	—	—	1	—
Отправлено на испытаніе	15	12	19	2	—	20
Неявилось	20	20	17	47	50	31
Всего вышло.	143	154	184	176	250	254
Остается въ спискахъ 1,502	1,468	1,433	1,571	1,572	1,374	
По разверсткѣ требуется	355	407	448	522	485	421
% молодежи, требуемой на службу	23%	28%	31%	33%	30%	30%

Такимъ образомъ, вслѣдствіе всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, обычный % поставляемыхъ новобранцевъ возрастаетъ съ 25 до 30%, и въ такой-же степени ослабляется способность уѣзда удовлетворять запросу. Но дѣло и этимъ еще, въ сущности, не кончается. Наибольшій вычетъ изъ призывныхъ списковъ производятъ *льготные*. Какъ извѣстно, льготные I-го разряда не могутъ быть зачислены на службу иначе, какъ по особому Высочайшему разрѣшенію, что въ обыкновенное время равняется ихъ полному исключенію изъ списковъ. Между тѣмъ, какъ читатели могутъ видѣть изъ таблицы IX (см. далѣе), число перворазрядныхъ очень значительно (отъ 25 до 28% всѣхъ призывныхъ списковъ). Подводя окончательные итоги, получимъ:

Таблица III.

	Г о д ы.					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч	е	л	о	в	ѣ
	к	ѣ	т	ь	р	ъ.
Въ спискахъ значилось.	1,502	1,468	1,433	1,571	1,572	1,374
Льготные I-го разряда.	459	436	405	412	479	373
Остается.	1,043	1,032	1,028	1,159	1,093	1,001
Требовалось.	355	407	448	522	485	421
%	34%	39%	43%	45%	44%	42%

Т. е., что при обычныхъ условіяхъ уѣздъ отдаетъ только 34—45% всего числа безусловно обязанныхъ идти на службу, и, стало-быть, при надобности легко можетъ поставить, безъ всякихъ чрезвычайныхъ мѣръ, вдвое большее число новобранцевъ. Нельзя, разумѣется, не признать такого положенія, съ военной точки зрѣнія, въ высшей степени благопріятнымъ.

Чрезвычайно интересныя данныя открываетъ воинская повинность по вопросу о народномъ здравіи. Мы сейчасъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ, но сперва покончимъ съ менѣе важными пунктами таблицы II. Прежде всего я напому читателямъ, что ст. 50 говоритъ объ освобожденіи отъ службы одного изъ двухъ братьевъ, одновременно требующихся къ призыву; ст. 58—объ освобожденіи отъ службы, по негодности въ строю, лицъ, имѣющихъ право по образованію на сокращенные сроки службы. Число ихъ, какъ видно изъ таблицы, ничтожно. Далѣе мы замѣчаемъ постоянно нѣкоторое количество зачетныхъ квитанцій, которыя, конечно, разыскиваются по всѣмъ закоулкамъ и покупаются иногда за громадные деньги (2,000 и даже 8,000 руб., при нарицательной стоимости въ 485 р.). Количество находящихся подъ судомъ, а также имѣющихъ необходимость въ отсрочкѣ для устройства имущественныхъ дѣлъ—постоянно незначительно, и не имѣетъ никакого опредѣленнаго движенія. Совершенно иное представляетъ число *невявившихся* по призыву. Процентъ невявившихся за 6 лѣтъ обнаруживалъ такія колебанія:

1874 г.	1,21%	общ. числа призыва.
1875 »	1,23%	» » »
1876 »	1,05%	» » »
1877 »	2,69%	» » »
1878 »	2,74%	» » »
1879 »	1,90%	» » »

Общая тенденція цифръ, достаточно ясная уже и теперь, открывается вполне при вычисленіи % по двухлѣтіямъ, тогда невявившіеся составятъ:

1874—1875 гг.	1,28%	всего призыва.
1876—1877 »	1,90%	» »
1878—1879 »	2,05%	» »

Возрастаніе правильное и въ весьма сильной прогрессіи. Причины неявки, конечно, могутъ быть различны: иногда человекъ можетъ даже не знать о своемъ призывѣ; иногда не можетъ явиться по болѣзни и пр., иногда просто уклоняется отъ службы. Нужно сказать, что въ законѣ относительно явки къ призыву—существуетъ нѣкоторая недомолвка. Всякій обязанъ

явиться къ осмотру, это прямо предусматрѣно 214 ст.; но въ законѣ только косвенно указана обязанность явиться по призыву (ст. 136) и никакихъ взысканій за неявку не опредѣляется. Законъ даже прямо предусматриваетъ возможность неявки къ жеребьевкѣ, и допускаетъ въ трехъ случаяхъ вынужденіе жеребья другими лицами. Быть можетъ, вслѣдствіе этого легкаго отношенія къ явкѣ по призыву, самое посѣщеніе обыкновенно производится вовсе неудовлетворительнымъ образомъ. По 134 ст. уѣздныя, городскія и окружныя присутствія обязаны только «сдѣлать распоряженіе» о вызовѣ въ участокъ лицъ, подлежащихъ призыву. Обыкновенно «распоряженіе» состоитъ въ томъ, что о призывѣ оповѣщается на сходѣ. Понятно, что очень многіе крестьяне, при такомъ порядкѣ, могутъ даже не знать о вызовѣ ихъ. Въ малоархангельскомъ уѣздномъ присутствіи практикуется вызовъ всѣхъ подлежащихъ призыву повѣстками, но законъ вовсе не обязываетъ дѣлать этого, и нужно думать, что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ присутствія не разсылаютъ повѣстокъ, значительная часть неявившихся относится къ первой категоріи. Что касается числа уклоняющихся преднамѣренно, то опредѣлить его очень трудно. Въ спискахъ А, гдѣ обозначены зачисленные на службу безъ жеребья въ наказаніе за уклоненіе—мы находимъ 2 челов. Всего-же принятыхъ изъ числа неявившихся за прошлые годы—показано:

1874 г.	никого.
1875 »	1 челов.
1876 »	2 »
1877 »	8 »
1878 »	50 »
1879 »	10 »
<hr/>	
Итого.	71 челов.

Между тѣмъ, общее число неявившихся за всѣ 6 лѣтъ составляетъ 185 человѣкъ. Позволительно предположить, стало-быть, что остальные 112 чел. просто уклоняются отъ службы, и до сихъ поръ остаются нерозысканными.

Это постоянное возрастаніе % неявившихся и остающихся нерозысканными уже вынудило малоархангельское уѣздное присутствіе обратиться въ 1879 г. съ соответственными указаціями въ военное министерство. По слухамъ, присутствіе приписывало это явленіе совершенной недѣятельности администраціи въ розыскиваніи уклоняющихся отъ отбыванія повинности, и предлагало мѣры къ болѣе правильной организаціи этого дѣла.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію физическаго здоровья нашихъ новобранцевъ. Табл. II прежде всего указываетъ возрастаніе числа забракованныхъ по недостаточному росту (менѣе 2 арш. 2½ вершка).

Фактъ уменьшенія роста населенія за промежутокъ 6 лѣтъ представляется самъ-по-себѣ совершенно невѣроятнымъ. Но тѣмъ не менѣе цифры довольно ясно констатируютъ его. Ростъ рекрутъ, принятыхъ на службу, и число забракованныхъ показаны въ слѣдующей таблицѣ:

Таблица IV.

	Г О Д Ы.					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
Мѣра:	Ч е л о в ѣ к ѣ.					
2 ар. 2½ вершк.	1	5	6	12	9	3
» 3 »	35	51	40	48	42	51
» 4 »	73	82	120	128	86	105
» 5 »	124	103	126	145	158	138
» 6 »	78	102	93	127	125	79
» 7 »	29	46	44	43	50	37
» 8 »	12	17	16	12	11	3
» 9 »	1	1	2	3	4	4
Итого.	353	407	447	518	485	420
Средній ростъ въ верш- кахъ	5,08	5,12	5,03	5,01	5,16	4,91
Забракованныхъ за мел- кій ростъ.	4	—	7	—	13	47

Сопоставляя двѣ послѣднія рубрики и принимая ростъ забракованныхъ въ 2 арш. 2 вершка, мы получаемъ дѣйствительно весьма странную картину; средній ростъ новобранцевъ тогда составитъ:

1874 г.	5,0 в.
1875 »	5,12 »
1876 »	4,7 »
1877 »	5,0 »
1878 »	5,0 »
1879 »	4,6 »

Для выясненія общей тенденціи цифръ вычислимъ средній ростъ по двухлѣтіямъ, и тогда получаемъ:

1874—1875 гг.	5,09 вер.
1876—1877 >	4,88 >
1878—1879 >	4,66 >

Несомнѣнно,—если только цифры не представляютъ случайнаго совпаденія, что при маломъ срокѣ наблюденія очень возможно, что фактъ такого быстраго уменьшенія роста имѣеть крайне тревожный характеръ.

Состояніе здоровья въ населеніи малоархангельскаго уѣзда во всякомъ случаѣ очень незавидно и представляетъ даже опасные признаки постояннаго ухудшенія. Уже изъ таблицы II можно видѣть, что число забракованныхъ (по малому росту и тѣлеснымъ недостаткамъ), при почти одинаковомъ контингентѣ новобранцевъ, поднимается съ 39 (1874 г.) до 64 (1879 г.). Такое-же возрастаніе представляетъ цифра получившихъ отсрочку, причемъ, какъ читатели могутъ видѣть, возрастаніе обуславливается исключительно увеличеніемъ числа физически-слабыхъ конскриптовъ (невозможалость, т. е. задержанное развитіе, и болѣзни, хотя и подающія надежду на излеченіе). За 6 лѣтъ число ихъ возрасло почти вдвое (съ 76 на 138). Эти цифры, однако, указываютъ намъ фактъ въ очень неточномъ и преувеличенномъ видѣ. Для того, чтобы получить возможно правильное о немъ понятіе, нужно сопоставить число лицъ, бывшихъ на медицинскомъ осмотрѣ съ суммою лицъ, здоровье которыхъ болѣе или менѣе плохо.

Таблица V.

	Г	о	д	ы:		
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
· Освобождены отъ службы:	Ч	е	л	о	в	ѣ
	к	ъ.				
а) По недост. росту	4	—	7	—	13	47
б) Тѣлесн. недостат.	25	27	18	28	33	12
в) 53 ст.	9	—	—	—	—	—
Получ. отсрочку *):						
а) По невозможалости	34	65	110	10	84	100
б) Для излеченія	26	23	10	82	60	38

*) Получившіе отсрочку, т. е. по доп. списку Б, включены мною безъ переслѣдованія, хотя въ эту рублику входятъ не только отсроченные за данный годъ,

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
Освобождены отъ службы:	Ч е л о в ѣ к љ.					
с) Для испытанія въ больницѣ	15	12	19	2	—	20
d) Для переислѣдованія.	—	1	—	—	1	—
Освобождены отъ зачис- ленія въ ополченіе. .	21	16	4	53	50	23
Признано годныхъ только для нестроевой службы	17	7	15	17	14	10
Итого. . .	151	151	183	192	255	250
Было на осмотрѣ. . .	487	607	700	880	934	828
% негодныхъ, боль- ныхъ и слабыхъ. . .	31,0%	24,8%	26,1%	21,7%	27,3%	30,2%

Въ эту таблицу включены мною отправленные на испытаніе, потому-что эти люди во всякомъ случаѣ способны возбудить сомнѣніе въ своемъ здоровьи. Нестроевыхъ я включилъ потому, что они всегда отличаются физическими недостатками (недостатокъ или сведеніе пальца, искривленіе лопатки, мѣшающее носить ранецъ, шишка на лбу, мѣшающая носить киверъ, плохое дыханіе, сердцебіеніе и пр.). Сумму всѣхъ негодныхъ или не вполне годныхъ къ службѣ я сравнивалъ съ числомъ подвергавшихся осмотру. Какъ извѣстно, едва $\frac{1}{3}$ часть, или половина всѣхъ призывныхъ доходить до осмотра. Необходимо сказать, что за 1877, 1878, 1879 годы, число бывшихъ на осмотрѣ мною вычислено, такъ-какъ официальныхъ цифръ я не имѣлъ. Я включалъ въ эту рубрику: 1) весь списокъ Б, 2) принятыхъ въ теченіи года, 3) принятыхъ по призыву, 4) забракованныхъ, 5) получившихъ отсрочку (исключая неявившихся) и, наконецъ, 6) забракованныхъ въ ополченіе.

Разсматривая таблицу (V), мы замѣчаемъ, что процентъ негодныхъ и слабыхъ постоянно возрастаетъ, если не считать 1874 г. Военный 1877 годъ составляетъ кажущееся исключеніе, но едва ли возможно сомнѣваться, что пониженіе % въ этомъ году зависѣло исключительно отъ меньшей строгости осмотра. Годъ

но и переотсроченные за прошлый. Я не считалъ нужнымъ выполнить страшно кропотливый трудъ и разыскать, кто именно получилъ отсрочку вторичную, такъ-какъ неточность въ моихъ цифрахъ получается лишь для 1874 г., а остальные годы всѣ включаютъ количество слабосильныхъ и пр. за одинаковый періодъ времени, т. е. за два года. Притомъ-же списокъ Б во всякомъ случаѣ весь бываетъ на осмотрѣ.

войны, когда правительство затребовало съ уѣзда небывало крупный контингент новобранцевъ, конечно, заставилъ быть очень снисходительнымъ въ приѣмѣ. Такъ, напр., число получившихъ отсрочку по невозможности вдругъ падаетъ до 10 (вмѣсто 110 и 84). Въ больницу на излеченіе, наоборотъ, отправлена громадная цифра 82 человѣка! Безъ сомнѣнія въ другой годъ добрая половина ихъ была-бы прямо забракowana. На испытаніе отправлено всего 2 человѣка (вмѣсто обычныхъ 15 — 20): очевидно, ко всякой претензіи на болѣзнь относились строго. На самомъ дѣлѣ 1877 годъ, по качеству новобранцевъ, долженъ былъ быть самый плохой, что видно изъ огромнаго числа забракovanýchъ вовсе на службу и въ ополченіе (это такія рубрики, гдѣ никакая снисходительность не поможетъ, какъ увидитъ читатель ниже). Несомнѣнно, что годъ, выставившій столько калѣкъ, былъ очень плохимъ по здоровью новобранцевъ *).

5 — 6 лѣтъ для жизни цѣлой мѣстности—періодъ крайне небольшой, и если даже въ теченіи этого времени въ состояніи здоровья жителей можно подмѣтити правильное ухудшеніе—это значить, что условія жизни населенія остро-ненормальны. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что первый призывъ—это цвѣтъ молодежи. Что должно думать о здоровьи народа, когда двадцатилѣтніе юноши даютъ 24, 26, 27, 30% калѣкъ, больныхъ и слабыхъ.

Количество вообще больныхъ и слабыхъ мы опредѣлили по сравненію съ числомъ лицъ, подвергавшихся осмотру, и это приѣмъ вполне резонный. Но число калѣкъ, совершенно никуда не годныхъ, нужно опредѣлить по сравненію съ призывными списками, такъ-какъ эти никуда не годные калѣки выкидываются изъ призывныхъ списковъ всѣ: сперва при осмотрѣ строевыхъ и нестроевыхъ, потомъ при зачисленіи остальныхъ въ ополченіе. При этой послѣдней процедурѣ общаго медицинскаго осмотра не бываетъ, но лица, заявляющія, что они не могутъ нести службы даже въ ополченіи, осматриваются; а такъ-какъ въ ополченіе принимаютъ крайне снисходительно, даже съ такими болѣзнями, какъ грыжа, то заявленія бываютъ только со стороны безусловныхъ калѣкъ и разслабленныхъ. Стало-быть, рассматривая нижеслѣдующую таблицу, мы можемъ быть увѣрены, что нашъ % никуда не годныхъ очень близокъ къ дѣйствительному, но все-таки нѣсколько ниже его.

*) Между прочимъ стоитъ обратить вниманіе, что призывы 1876 — 1877 года охватываютъ поколѣніе, родившееся сейчасъ послѣ крымской кампаніи, когда по наборамъ и въ ополченіе отъ семейной жизни было оторвано свыше 3.000.000 человѣкъ изъ самой здоровой части народонаселенія.

Таблица VI.

	Г о д ы.					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
Ч е л о в ѣ к ѣ.						
Призывные списки	1,645	1,622	1,617	1,747	1,823	1,628
Освобождено отъ службы по тѣлеснымъ недостаткамъ	25	27	18	28	33	12
Освобождено отъ ополченія	21	16	4	53	50	23
Итого негодныхъ	46	43	22	81	83	35
%	2,8%	2,6%	1,3%	4,7%	4,5%	2,1%
% по двухлѣтіямъ	2,7%		3,1%		3,4%	

Такимъ образомъ % постоянно возрастаетъ, и это обстоятельство указываетъ на ухудшеніе здоровья болѣе убѣдительно и и болѣе вѣрно, чѣмъ какія-бы то ни было предъидущія цифры, такъ какъ въ бравовкѣ по этимъ рубрикамъ почти теряетъ силу большая или меньшая снисходительность приѣмщиковъ. Для того, чтобы познакомить читателя съ тѣмъ, что представляютъ изъ себя эти 3,4% малоархангельской 20-лѣтней молодежи, я приведу медицинскіе отчеты за послѣдніе 3 года.

Таблица VII.

Забракованы изъ призывовъ по слѣд. тѣлесн. недостаткамъ:	Г о д ы.		
	1874	1878	1879
Ч е л о в ѣ к ѣ.			
1) Золотушное худосочіе	4	2	1
2) Болѣзненное ожиреніе	1	—	—
3) Опухоли, мѣшающія движенію членовъ	4	3	—
4) Рубцы, препятствующіе движенію	2	—	—
5) Парши	—	2	—
6) Неправильное образованіе черепа	1	—	—
7) Слепота	—	4	—
8) Значительная слабость зрѣнія	1	4	—
9) Косоглазіе	2	—	—
10) Гноетеченіе изъ ушей	—	8	1
11) Нѣмота и глухонѣмота	1	—	—
12) Недостатокъ зубовъ (не менѣе 10 въ двухъ и 8 въ одной челюсти)	3	—	—
13) Рахитическая грудь и пр.	—	2	—
14) Хрон. кат. дых. горл., эмфидема, астма	—	3	—
15) Грыжи	1	3	5

Забракованы изъ призывовъ по слѣд. телѣсн. недостаткамъ:	Г о д ы.		
	1874	1878	1879
	Человѣкъ.		
16) Затверденіе яичка	—	—	1
17) Искривленіе позвоночника	1	2	1
18) Потеря плеча, предплечія, кисти	1	—	—
19) Атрофія конечностей	1	—	1
20) Недостатокъ пальцевъ	3	—	2
21) Сведеніе пальцевъ ноги	1	—	—
22) Уродливость кисти, мѣшающая дѣйствию.	2	—	—
Всего	29 *)	33	12

Таблица VIII.

Освобождено отъ зачисленія въ опол- ченіе по слѣд. причин.:	Г о д ы.		
	1877	1878	1879
	Человѣкъ.		
1) Потеря ноги, руки, пальца и пр.	6	—	1
2) Сведеніе локтя, пальцевъ, спины	4	1	2
3) Сиѳил. язвы, потеря носа и пр.	2	6	1
4) Искривленіе позвоночника	8	6	3
5) Слабоуміе, идиотизмъ	6	3	1
6) Слабосиліе	—	—	2
7) Трясеніе тѣла	1	—	—
8) Хрон. кат. дых. горла	—	5	2
9) Нѣмота	3	—	3
10) Слепота	12	11	2
11) Глухота	8	4	3
12) Задержаніе яичка	—	—	1
13) Брюшная водянка	—	—	1
14) Бѣлая опухоль колѣна	—	—	1
15) Падучая	1	8	—
16) Бугорчатка	—	1	—
17) Параличъ	2	1	—
18) Костоѣда	—	2	—
Итого	53	48	23

Бъ сожалѣнію, цифры слишкомъ недостаточны для того, чтобы по нимъ опредѣлить преобладающія болѣзни. Тѣмъ менѣе возможно прослѣдить какое-нибудь опредѣленное движеніе тѣхъ или другихъ видовъ тѣлесныхъ недостатковъ.

*) По отчетамъ—28.

Достоинно замѣчанія, что при всѣхъ признакахъ ухудшенія расы малоархангельскаго населенія, — земская медицина уѣзда находится далеко не въ плохомъ состоянїи, по крайней мѣрѣ сравнительно, напр., съ московской губ. Въ самомъ дѣлѣ, уѣздъ раздѣляется на 4 медицинскіе участка, по три волости въ каждомъ. Каждый участокъ имѣетъ врача и больницу — въ городскомъ участкѣ на 30 кроватей, въ остальныхъ по 12 кроватей. Весь медицинскій персоналъ уѣзда состоитъ изъ 4 врачей, 7 фельдшеровъ, 3 акушеровъ, 2 помощницъ акушерки, 2 ученицъ, 6 учениковъ, 1 оспопрививателя. Въ 1879 году медицинская часть обошлась земству въ 12,500 рублей, что составляетъ 16% всего земскаго расхода. Далеко не каждый уѣздъ можетъ похвалиться такимъ состояніемъ своей медицины.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію другихъ данныхъ, отрывающихся при отбыванїи воинской повинности. Много свѣта могли-бы бросить призывные списки на рабочую силу крестьянской семьи, если-бы они составлялись болѣе тщательно, и если-бы законъ не игнорировалъ семьи, какъ хозяйственной единицы. Законъ — въ даруемыхъ имъ льготахъ — признаетъ исключительно кровную семью. Братья, поживившись и передѣлившись, могутъ составлять нѣсколько семей, совершенно отдѣльныхъ, но законъ ихъ все-таки разсматриваетъ, какъ одно цѣлое. Благодаря этому, при существующемъ несоотвѣтствїи между семьей кровной и семьей хозяйственной, — льготы утрачиваютъ большую часть своего значенія и мало предохраняютъ крестьянство отъ раззоренія. Положимъ, напр., что старикъ-отецъ имѣетъ трехъ сыновей, двое изъ которыхъ отдѣлились, и съ отцемъ даже не имѣютъ сношеній, а третій живетъ въ семьѣ отца и содержитъ его своимъ трудомъ. По закону этотъ сынъ не пользуется никакой льготой, хотя по фактическому положенію хозяйственныхъ отношеній онъ долженъ-бы имѣть льготу перваго разряда. Или, напр., такой случай. Крестьянка выходитъ замужъ за вдовца, имѣющаго 3 сыновей, приживаетъ съ нимъ еще сына, а затѣмъ мужъ умираетъ. По народнымъ взглядамъ и нравамъ эта крестьянка имѣетъ поддержку только отъ одного собственнаго сына, трое же пасынковъ считаютъ ее не только чужой, но даже обыкновенно ненавидятъ. А между тѣмъ законъ разсматриваетъ ея единственнаго сына, какъ одного изъ 4 сыновей, и льготы ему не даетъ (см. цирк. М. В. Д. 1874 г. за №№ 30 и 32).

Какъ ни тяжело отзывается иной разъ на судьбѣ родителей такая точка зрѣнїя, ее все-таки можно понять и даже, пожалуй, одобрить: иначе, конечно, льгота будетъ премїей за семейный раздѣлъ и, пожалуй, некого будетъ брать на службу. Но

нельзя не обратить вниманія на пунктъ 3 цир. М. В. Д. 1874 г. № 32, гдѣ говорится: «одиночки, семейство которыхъ состоитъ только изъ жены и малолѣтнихъ дѣтей, не должны пользоваться льготой по семейному положенію». Почему не должны? На кого же въ такомъ случаѣ остаются жена и малолѣтки, и развѣ судьба этихъ будущихъ гражданъ своей земли не заслуживаетъ по крайней мѣрѣ такого-же вниманія, какъ обезпеченіе старости отца и матери. Для общества далеко не все равно—выйдутъ-ли изъ этихъ заброшенныхъ дѣтей честные обезпеченные работники, или бездомные пролетаріи, а пожалуй, и какіе-нибудь проходимцы. Признаемся, отъ насъ совершенно ускользають мотивы такого суроваго и несправедливаго изъятія отъ льготы людей, которые, можетъ быть, наиболѣе ея заслуживають и наиболѣе въ ней нуждаются.

Благодаря общей точкѣ зрѣнія закона, списки льготныхъ показываютъ намъ только нѣкоторую часть одиночныхъ хозяйствъ. Въ призывныхъ-же спискахъ мы находимъ не полное перечисленіе каждой семьи, а только тѣхъ ея членовъ, взаимное соотношеніе которыхъ даетъ или не даетъ призываемому право на льготу. Это необходимо имѣть въ виду, разсматривая таблицу. Воспользуются - же призывными списками я совершенно не счелъ возможнымъ.

Таблица IX.

	Г	о	д	ы.		
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч е л о в ѣ к ѣ .					
Призывы (за вычетомъ исключенныхъ) . . .	1,645	1,555	1,514	1,621	1,689	1,474
Льготные (по 45 ст.):						
I разряда	459	436	405	412	479	373
II разряда.	299	261	286	291	352	272
III разряда.	123	148	101	136	126	154
Итого	881	845	729	839	957	799
Сумма льготныхъ I и II раз.	758	597	691	703	831	645
% льготныхъ I раз. къ призыву	27,8%	28,0%	26,7%	25,1%	28,3%	25,3%
% льготныхъ I и II раз. къ призыву	46,0%	38,3%	45,6%	43,3%	49,2%	43,8%

Для пониманія этой таблицы необходимо вспомнить, что льгота I разряда дается единственному въ семьѣ работнику (сынѣ, братѣ, внуку) или единственному сыну при отцѣ, годномъ къ труду; льгота II разряда дается работнику-сыну при работникѣ-отцѣ, если въ семьѣ есть еще сыновья, неспособные къ труду. Рабочимъ же возрастомъ законъ считаетъ 18—55 лѣтъ. III разрядъ для насъ значенія не имѣетъ. Такимъ образомъ сумма льготныхъ первыхъ двухъ разрядовъ равна числу семей, официально признанныхъ слабыми (при одномъ, много двухъ работникахъ). Такихъ семей, какъ видно изъ таблицы, постоянно бываетъ очень много—38%—49%, т. е. иногда почти наполовину. На самомъ дѣлѣ число слабыхъ хозяйствъ еще болѣе, такъ-какъ законъ зачастую признаетъ за одну семью то, что на дѣлѣ составляетъ 2—3 совершенно отдѣльныхъ хозяйствъ.

О значеніи льготныхъ въ военномъ отношеніи я уже упомянулъ раньше.

По происхожденію и вѣроисповѣданію всѣ лица призывныхъ списковъ—русскіе и православные. За 6 лѣтъ въ числѣ новобранцевъ попался только 1 еврей. Единовѣрцы и православные въ отчетахъ значатся подъ одной рубрикой; другихъ сектантовъ не показано, хотя въ уѣздѣ и есть, напр., скопцы.

Количество женатыхъ по призывнымъ спискамъ и приемнымъ росписямъ постоянно довольно велико. Такъ по спискамъ 1879 года значится:

Холостыхъ. Женатыхъ. Неозн.

Въ волостяхъ:

Крестьянъ . . . 853 челов. 511 челов. — челов.

Въ городѣ:

Купцовъ . . . 3 » — » — »

Мѣщанъ . . . 40 » 8 » 13 »

Всего . . . 893 челов. 519 челов. 13 челов.

Въ общей сложности число женатыхъ составляетъ свыше 36% всѣхъ лицъ двадцатилѣтняго возраста, причемъ раннія женитьбы замѣчаются только между крестьянами. Что цифры, относящіяся къ городу, не случайны, показываетъ 1880 годъ. Здѣсь по городу въ призывныхъ спискахъ значится опять 4 женатыхъ, 47 холостыхъ и 10 непоказано. Замѣчательно, что по различнымъ волостямъ количество раннихъ браковъ въ высшей степени неодинаково, и находится въ довольно правильномъ соотношеніи съ грамотностью. Быть можетъ, количество

равнихъ браковъ также, какъ и развитіе грамотности, прямо пропорціональны благосостоянію волостей. Не имѣя, однако, возможности обстоятельно разсмотрѣть экономическій бытъ волостей, я воздержусь отъ всякихъ объясненій, и просто приведу цифры.

Таблица X.

	Жена- тыхъ.	Холо- стыхъ.	Гра- мот.	Негра- мот.
<i>Волости:</i>				
1) Куракинская . . .	92	27	33	86
2) Малоархангельская .	72	54	20	106
3) Сквартинская . . .	50	60	19	91
4) Дросковская . . .	55	64	17	102
5) Ивановская . . .	26	83	16	93
6) Колпенская . . .	23	73	15	81
7) Черемухоплотская .	74	45	8	105
8) Покровская . . .	27	77	8	96
9) Фошненская . . .	27	92	5	104
10) Дровосъченская . .	16	92	5	103
11) Корсунская . . .	15	76	3	88
12) Смирновская . . .	34	110	2	122

Приемные росписи показываютъ намъ весьма любопытное явленіе:

Таблица XI.

	Г	о	д	ы:		
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч е л о в ѣ к ѣ .					
Принято новобранцевъ .	353	407	447	518	480	420
Женатыхъ изъ нихъ . .	159	163	166	176	145	115
Процентъ женатыхъ . .	45%	40%	36%	33%	30%	27%

То есть, количество браковъ въ 20-тигѣтнемъ возрастѣ быстро и правильно уменьшается. Это, безъ сомнѣнія, всецѣло зависитъ отъ дѣйствія общей воинской повинности, заставляющей каждаго благоразумнаго крестьянина выждать сперва жеребьевки, прежде чѣмъ жениться. При этомъ, конечно, каждый остороженъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше имѣетъ шансовъ избавиться отъ службы. Льготнымъ жениться легче, безльготнымъ

труднѣе. Этимъ объясняется разница въ процентѣ женатыхъ по призывнымъ спискамъ и приѣмнымъ росписямъ.

Степень образованія въ малоархангельскомъ уѣздѣ представляется вообще очень невысокою. За всѣ 6 лѣтъ мы находимъ въ призывныхъ спискахъ едва двухъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Трудно, впрочемъ, дѣлать какія-нибудь выводы по отношенію къ привилегированнымъ сословіямъ, такъ-какъ число лицъ этихъ сословій слишкомъ незначительно въ призывныхъ спискахъ. Можно замѣтить значительную разницу въ грамотности города и уѣзда. Въ г. Малоархангельскѣ значилось:

	1879 г.	1880 г.
Грамотныхъ . . .	29 чел. . .	28 чел.
Неграмотныхъ . .	20 » . . .	21 »
Непоказано . . .	13 » . . .	12 »
Всего . . .	62 чел. . .	61 чел.

Т. е. грамотные составляютъ въ городѣ около 60%. Въ 12-ти волостяхъ уѣзда за 1879 годъ грамотныхъ по спискамъ было 151 на 1,364 призывныхъ, что составитъ 11%. Для сокращенія мѣста я не стану слѣдить изъ году въ годъ за количествомъ грамотныхъ, потому-что приѣмные росписи достаточно характеризуютъ движеніе этой цифры. Принятые на службу по образованію распределяются такимъ образомъ:

Таблица XII.

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
По 56 ст. *).						
1 пунктъ.	—	—	—	—	—	—
2 »	—	1	—	—	—	—
3 »	4	4	—	2	—	1
4 »	7	—	3	3	3	—
Грамотныхъ. . . .	42	66	62	39	64	44
Неграмотныхъ . . .	300	336	383	474	418	375
Всего	353	407	447	518	485	420

*) 56 ст. исчисляеть льготы по образованію; пунктъ 1-й—бюджетіе университетъ и т. д.

	Г о д ы:					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
% грамотныхъ	15%	17%	14%	8%	13%	10%
% грамотныхъ по трехлѣтіямъ	15,6%			10,9%		

Процентъ 8—17% можно было-бы признать еще не особенно низкимъ, но дурно то, что онъ не только не увеличивается, но даже уменьшается; средній проц. за первое трехлѣтіе составляетъ 15,6%, а за послѣднее 10,9%.

Въ связи съ этимъ не безынтересно бросить взглядъ на положеніе въ увѣдѣ школьнаго дѣла. По отчетамъ управы число школъ постоянно увеличивается, также какъ и число учащихся:

	Школъ.	Учащихся.
1875 г.	45	2,937 об. п.
1876 >	51	2,984 >
1878 >	54	3,337 >
1879 >	57	3,409 >

Въ числѣ школъ—двѣ (въ Дроскобѣ и Вепринцѣ) образцовыя, содержимыя на счетъ М. Н. П. Въ числѣ учителей значилось:

	1878 г.	1879 г.
Изъ мѣстныхъ священниковъ	33 ч.	25 ч.
Свѣтскихъ	40 >	43 >
Женщинъ	4 >	4 >
Итого	77 ч.	72 ч.

Израсходовано на дѣло народнаго образованія:

	1878 г.	1879 г.
Отъ М. Н. П.	1,346 р.	1,167 р.
Отъ сельск. общ.	8,018 >	5,892 >
Отъ земства (по смѣтѣ).	3,200 >	3,200 >
Итого	12,564 р.	10,259 р.

Отчеты управъ опредѣляютъ расходъ земства на народное образованіе—въ 4,385 р. (1878 г.) и 4,479 (1879 г.). Какъ ни трудно привести въ ясность земскія суммы несомнѣнно, однако, что каждая сельская школа обходилась ежегодно не болѣе 150—200 рублей (включая и жалованье учителю). Общая сумма

земскаго расхода—75,000 р. (1879 г.), а стало быть расходъ на народное образованіе составитъ—5,9% *).

Распределенія новобранцевъ по сословіямъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Таблица XIII.

	Г о д ы.					
	1874	1875	1876	1877	1878	1879
	Ч	е	л	о	в	ѣ
	к	ъ.				
Дворянъ	2	—	1	1	2	1
Лицъ, состоящихъ на государственной службѣ .	1	1	—	—	—	—
Почетныхъ гражданъ . .	—	—	1	8	3	6
Прочихъ лицъ, не внесенныхъ въ 10-ю перепись .	2	7	4	—	1	—
Купцовъ	7	4	—	2	2	—
Мѣщанъ	9	12	13	21	24	12
Крестьянъ	332	370	349	474	452	401
Прочихъ лицъ, внесенныхъ въ 10-ю перепись .	—	13	79	12	1	—
Всего	353	407	447	518	485	420

Отсюда видно, что главную массу (свыше 90%) новобранцевъ составляетъ крестьянство; на долю привилегированныхъ сословій выпадаетъ менѣе 3%.

Въ заключеніе статьи мнѣ слѣдовало-бы разсмотрѣть еще вопросъ, весьма важный, а именно: во сколько обходятся правительству и народу зачисляемые на службу контингенты. Къ сожалѣнію, я могу въ этомъ отношеніи привести лишь очень немногія данныя, сгруппированныя въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Таблица XIV.

	Г о д ы.			
	1875	1876	1878	1879
Отъ казны :				
1) Содержаніе .	149 р.	165 р.	162 р.	190 р.
2) Канцелярія .	411 ,	448 ,	500 ,	421 ,
Отъ земства . .	1,100 ,	1,046 ,	1,300 ,	1,400 ,
Всего	1,660 р.	1,659 р.	1,962 р.	2,011 р.

*) Всѣ цифры взяты изъ журн. Малоарх. у. з. собр. 1876—1879 гг.

Эти суммы (собственно земскія), составляютъ расходъ по отбыванію не только воинской, но также конской повинности, такъ-что по нимъ нельзя опредѣлить, во сколько обходится приѣмка одного новобранца. Немалую часть расходовъ по отбыванію повинности должно составить также и то, что теряетъ населеніе, отрываясь отъ работы во время призывовъ. Не имѣя данныхъ для вычисленія этой суммы, я могу только сказать, что малоархангельскій уѣздъ раздѣляется на четыре призывныхъ участка, съ максимальнымъ разстояніемъ въ 12—15 верстъ, и что по каждому участку призывъ продолжается не болѣе двухъ дней.

И. Е.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Журналъ безъ всякаго направленія.—Возможенъ-ли такой журналъ? — Заявленіе редакціи „Полярной Звѣзды“.—Наши читатели и ихъ требованія.—Первая книжка новаго журнала.—„Импровизаторъ“—„нелѣпость“ въ прозѣ, Д. Лигошенко.—„Изъ дальнихъ гѣтъ“. Т. Цассекъ.—Переводный романъ Токаля.—„Вольнодумцы“, графа Салиаса. — Новый романъ г. Всеволода Крестовскаго „Египетская тьма“ или „Жидъ идетъ“.—Продолженіе „Египетской тьмы“, мною составленное.—Образчики газетной публицистики.

I.

Среди новыхъ журналовъ, появившихся въ настоящемъ году нашелся и такой, который, по словамъ издателя, будетъ издаваться безъ всякаго направленія «въ смыслѣ политическихъ убѣжденій». Журналъ этотъ—«Полярная Звѣзда», а редакторъ-издатель его—графъ Салиасъ-Турнемиръ, не безъизвѣстный, какъ авторъ «Пугачевцевъ» и какъ неудачный редакторъ «С.-П. Вѣдомостей» послѣ В. Корша, когда отъ послѣдняго газета была отнята и передана владѣльцу банкирской конторы, г. Баймакову, пріобрѣтшему въ скоромъ времени извѣстность въ качествѣ банкрота и несостоятельнаго должника, послѣ чего газета изъ рукъ бывшаго банкира перешла, какъ извѣстно, къ господину Комарову.

Редакторская дѣятельность почтеннаго графа при издательствѣ Баймакова была, впрочемъ, не продолжительна. Онъ вскорѣ отказался, испытавъ трудности этого дѣла. Что-же касается вообще до направленія, отъ котораго отрецивается теперь редакторъ «Полярной Звѣзды», то оно, во время его редакторства газеты, довольно опредѣленно выразилось въ нѣсколькихъ курьезныхъ фельетонахъ, подавшихъ поводъ въ то время къ общему смѣху и обличеніямъ. «Пантелѣй Цѣлитель», предлагавшій «суковатую палку», какъ универсальное средство, особенно претерпѣлъ тогда въ прессѣ. Тутъ необходимо замѣтить читателю, что все

это было давно, когда тонъ газетъ не возвышался еще до патетическаго тона новѣйшихъ временъ и потому домашнее средство въ видѣ «суковатыя палки» казалось людямъ, не предвидѣвшимъ будущихъ средствъ, нѣсколько радикальнымъ. Впослѣдствіи явились другія пѣсни, посыпались изъ газетъ другія средства, и при господствующемъ направленіи, откровенномъ, можно сказать, до безстыдства, «суковатая палка», по сравненію съ лекарствами, предлагавшимися и предлагаемыми современными газетными цѣлителями, — является такимъ невиннымъ средствомъ, что теперь добродушнаго цѣлителя, который рѣшился-бы предложить въ качествѣ средства «суковатую палку» — новѣйшіе цѣлители-публицисты мало-мало, что обвинили-бы врагомъ отечества и ужъ во всякомъ случаѣ отлучили-бы его отъ званія «истинно-русскаго патріота».

Какъ вспомнишь, какой шумъ подняли тогда по поводу «Пантелѣя Цѣлителя» тѣ самые литераторы, которые въ скоромъ времени пустились во всѣ тяжкія откровеннаго направленія, да какъ посравнишь наивные и искренніе фельетоны, подавшіе поводъ къ шуму, съ тѣми, безстыдству которыхъ никто даже и не удивляется, — то право дѣлается стыдно передъ прежнимъ «цѣлителемъ» и отъ души готовъ простить ему всякія прегрѣшенія вольныя и невольныя, и даже самую «палку суковатую».

Появленіе новаго журнала, да еще съ торжественнымъ обѣщаніемъ быть безъ всякаго направленія, само-собою возбуждаетъ вопросы: зачѣмъ «Полярная Звѣзда» появилась на журнальномъ небосклонѣ? Какой «пробѣлъ», какъ выражаются обыкновенно въ такихъ случаяхъ, думаетъ журналъ восполнить? И можно-ли, въ сущности, журналу быть безъ направленія?... Одно подобное заявленіе журналиста свидѣтельствуетъ о нѣкоторой наивности, не говоря уже объ абсолютной невозможности исполненія въ концѣ концовъ такого обѣщанія.

Какъ не мыслимъ на свѣтѣ человѣкъ, который-бы въ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ не выражалъ тяготѣнія къ тому или къ другому міросозерцанію, къ той или другой общественной идеѣ, хотя-бы даже и безсознательно, точно такъ невозможенъ и журналъ, въ которомъ-бы не проявились тѣ или другія симпатіи. Есть, конечно, масса людей, особенно въ странахъ политически не развитыхъ, какъ есть и много журналовъ, которые, вслѣдствіе политической неразвитости или по другимъ какимъ-либо причинамъ, мнѣняютъ свои убѣжденія очень часто и про такихъ говорятъ обыкновенно, что они «безъ опредѣленнаго направленія», тѣмъ не менѣе это выраженіе еще не уничтожаетъ существованія даже у такъ-называемыхъ «переметныхъ сумъ» извѣстныхъ

симпатій и антипатій.—Спросите у каждаго мужика: какъ онъ думаетъ о своемъ волостномъ писарѣ и, если вы заслуживаете отвреченности, то, повѣрьте, получите отвѣтъ, выражающій тотъ или другой взглядъ на дѣятельность писаря, и въ этомъ взглядѣ невольнo скажется «направленіе», хотя, быть-можетъ, и въ зачаточномъ состояніи... Всякій изъ насъ непремѣнно поступаетъ въ силу какихъ-нибудь побужденій, и совокупность ихъ обуславливаетъ то или другое направленіе, какъ въ смыслѣ нравственныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій...

Между тѣмъ «Полярная Звѣзда», объясняя пробѣлъ, который она хочетъ восполнить, спѣшитъ отрестититься, какъ отъ нечистой силы, отъ направленія въ смыслѣ политическихъ убѣжденій. «Подобнаго направленія у «Полярной Звѣзды», говоримъ это смѣло, не будетъ никакого, а если оно и будетъ сквозить, то будетъ едва уловимо».

Слѣдовательно, будетъ, хотя и едва уловимое, и такимъ образомъ первая половина заявленія противорѣчитъ второй. Отрещиваясь отъ политическихъ убѣжденій и обѣщая вести журналъ «безъ всякаго стремленія ни въ правую, ни въ лѣвую сторону», журналъ на вопросъ о цѣли своего появленія отвѣчаетъ, что «Полярная Звѣзда» будетъ «чисто, въ полномъ смыслѣ этого слова, литературно-историческимъ журналомъ. Пробѣлъ, который «Полярная Звѣзда» собой закроетъ, мѣсто, которое она займетъ, можно опредѣлить такъ: она станетъ между толстыми ежемѣсячниками и тонкими специально-историческими журналами».

Какъ страусъ, зарывшій свою голову въ песокъ, воображаетъ, что спрятался отъ охотника, такъ точно и новый журналъ, объясняя свое географическое, такъ-сказать, положеніе, наивно думаетъ, что такое положеніе спасетъ его отъ направленія. Почтенный издатель жестоко ошибается. Отдѣлъ беллетристики и исторіи не избавитъ его отъ «нечистой силы», и духъ будетъ сквозить «уловимо»... Если-же онъ окончательно рѣшится сдѣлать журналъ свой сагъ-де-вояжемъ, куда будетъ складывать безъ разбора все, что ни принесутъ съ улицы, тогда, быть можетъ, онъ и поддержитъ отчасти свое обѣщаніе «неуловимости направленія», но за то заранѣе ему можно предречь неуспѣхъ. Какъ ни мало мы развиты въ смыслѣ политическихъ убѣжденій, тѣмъ не менѣе въ настоящее время публика не довольствуется уже альманахами въ родѣ тѣхъ, которые издавались въ 20-хъ годахъ, а требуетъ отъ журнала извѣстнаго отклика на вопросы, занимающіе ее. Правда, она, наша публика, очень забывчива и прощаетъ нерѣдко русскому органу то, чего-бы не простилъ европейскій читатель; правда и то, что она не выказываетъ еще

особой требовательности по отношенію къ продуктамъ печати (достаточно припомнить успѣхъ нѣкоторыхъ «наиболѣе распространенныхъ» газетъ) и вкусы ея не достаточно опредѣленны, все это такъ, тѣмъ не менѣе журналомъ или газетой «сагъ-вожемъ» ее не удовлетворишь; она все-таки переросла альманахи и если хочетъ имѣть сагъ-вожъ для чтенія, то выписываетъ иллюстрированныя изданія. Къ журналу и газетѣ она предъявляетъ иныя требованія. Повторяю опять, требованія (по крайней мѣрѣ большинства читателей), быть можетъ, и не таковы, каковы у европейскаго читателя, но надо вѣдь принять съ другой стороны въ соображеніе, что читающая публика, во-первыхъ, понимаетъ, что наша печать не «седьмая часть свѣта», а, во-вторыхъ, надо-же читать какую-нибудь газету... И часто бранять, но читаютъ. Часто и направленіе несимпатично, а выписываютъ, такъ-какъ хотя продуктовъ ежедневной печати и много, а выборъ все-таки очень невеликъ. И, наконецъ, тутъ дѣло касается и кармана. Подписаться на газету, которая возмнитъ себя «седьмой частью свѣта», рискованно и относительно перерыва чтенія, и относительно опасности вовсе остаться безъ него, такъ ужъ лучше — думаетъ читатель — я выпишу газету, одну изъ наиболѣе распространенныхъ: у нея и средствъ много, и новостей много, и корреспонденты, бесѣдующіе съ великими міра сего, и гарантій болѣе насчетъ перерыва чтенія... Такъ нерѣдко разсуждаетъ русскій читатель, и особенно винить его, конечно, не за что... Однако, даже и нашъ, повидимому «равнодушный», читатель иногда возмущается. Примѣры бывали. Что-же касается до требовательности къ направленію журнала, то въ ней мы имѣли случай убѣдиться послѣ смерти издателя нашего журнала, когда отъ многихъ подписчиковъ получались запросы насчетъ того, будетъ-ли журналъ издаваться въ томъ-же направленіи.

Эти вопросы кое-что да означаютъ...

Такимъ образомъ, если журналъ хочетъ въ самомъ дѣлѣ заполнить какой-нибудь «пробѣлъ» и имѣть читателей—необходимо ему открыть, насколько дозволяютъ условія, свои карты, а не обѣщать «неуловимости» духа.

Возвращаясь къ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды», надо признать, что по внѣшности она представляетъ собой довольно опрятную и красивую книжку въ двадцать листовъ, съ картинкой на обложкѣ, рисованной, разумѣется, М. Микѣшинымъ. У насъ вѣдь два спеціалиста по части виньетокъ: г. Микѣшинъ и г. Карзинъ. Первый производитъ—аллегоріи въ возвышенномъ родѣ; второй—войну, артиллерию и фантастическихъ дамъ...

Виньетка на новомъ журналѣ изображаетъ статую музы Полимнии со свиткомъ въ рукѣ, прислонившуюся къ чему-то, похожему на перекладину... Вдали, въ туманѣ, мѣдный всадникъ на конѣ, бушующія волны и абрисы церквей... Въ небѣ сіяетъ полярная звѣзда. Какой смыслъ этой аллегоріи,—про то знаютъ Господь Богъ и господа Салиасъ и Микѣшинъ...

Что касается до внутренней сущности новаго журнала, то надо сознаться, что въ первой книжкѣ редація не открыла картъ своихъ и «политическую неувѣренность», по обѣщанію своему, еще сохранила. Въ журналѣ нѣтъ статей по текущимъ вопросамъ; внутреннее и политическое обозрѣніе редація, по собственному признанію, считаетъ балластомъ, нигдѣмъ непрочитываемымъ и неразрѣзываемымъ, а въ доказательство ссылается на примѣръ автора «Калейдоскопа», г. Вадима, который никогда не читаетъ ни внутреннихъ, ни политическихъ обозрѣній въ журналахъ. Изгнавъ никуда негодный, по мнѣнію редакціи, «балластъ», относящійся къ злобѣ дня, редація вмѣсто того наполнила первую свою книжку едва-ли не сплошнымъ балластомъ. Мудрый Эдипъ едва-ли отыщетъ ключъ къ разгадкѣ—во имя чего появился конгломератъ статей, составляющій содержаніе первой книжки «Полярной Звѣзды», въ которой есть и монографія о Гизо по извѣстной книгѣ его дочери, г-жи Виттъ (*Monsieur Guizot dans sa famille et avec ses amis*), и опять Элиза Гизо со статьей, какъ поясняетъ редація, еще нигдѣ не напечатанной «О милосердіи и его необходимости въ жизни женщины», и «Государевы пѣвчіе дѣянія», г. Разумовскаго, и «Законы о печати и диффамация» г. Расвынскаго, и «Импровизаторъ» Дм. Литошенки, и переводъ романа Юкая!! Что обозначаетъ сей винегретъ изъ Гизо, «Государевыхъ пѣвчихъ дѣяковъ» и «Законовъ о печати»? Тщетно задаю я себѣ этотъ вопросъ, и вовсе не въ смыслѣ предъявленія какихъ-нибудь требованій по части «направленія», а просто въ смыслѣ требованій удобочитаемости, но отвѣтить не могу. Скажите на милость, кому нужно подробное знакомство съ частною жизнью хорошо уже извѣстнаго русскому читателю доктринара Гизо? Кому можетъ быть интересно мнѣніе Элизы Гизо о милосердіи? Этотъ вопросъ, конечно, никто не разрѣшитъ, даже самъ редакторъ, заявляющій объ изгнаніи балласта и не нашедшій ничего, кромѣ балласта.—Я не безъ намѣренія выдѣлилъ изъ этого непонятнаго сочетанія невозможныхъ статей статью г-жи Пассекъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» и начало новаго романа самого издателя «Вольнодумцы». Эти вещи выдѣляются изъ общей кучи журнальнаго хлама, но какъ одна ласточка не дѣлаетъ весны, точно такъ и одна, другая

удобочитаемая вещь не объясняютъ цѣли журнала... И романы гр. Салиаса, и воспоминанія Т. Пассекъ могли-бы печататься въ другихъ журналахъ...

Если подборъ статей въ первой книгѣ обнаруживаетъ отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о журнальной дѣятельности, то помѣщеніе, на примѣръ, такой беллетристической вещи, какъ «Импровизаторъ» г. Дм. Литошеники рекомендуетъ литературный вкусъ редакціи съ очень невыгодной стороны. Такой невообразимой пошлости какъ «Импровизаторъ» давно не встрѣчалось въ нашихъ журналахъ, вообще довольно терпимыхъ при выборѣ беллетристическихъ вещей, вслѣдствіе оскуднѣнія порядочныхъ произведеній «изящной словесности».

Дабы читатель не обвинилъ меня въ голословномъ обвиненіи, я расскажу ему содержаніе этой «нелѣпости въ прозѣ», тѣмъ болѣе, что «нелѣпость» такъ забавна, что можетъ вызвать улыбку. А улыбка, по нынѣшнимъ временамъ, все таки утѣшеніе.

Композиторъ Гинцбургъ, молодой человекъ, сидѣлъ въ спокойномъ креслѣ и думалъ думу, скрестивши, какъ водится, «руки на широкой груди». О чемъ думалъ онъ думу, авторъ въ началѣ не открываетъ, но что дума была изъ думъ тяжелыхъ, — видно, во-первыхъ, изъ того, что весь мракъ свинцовыхъ тучъ неба «сосредоточился въ тоскливомъ взглядѣ Гинцбурга», а, во-вторыхъ, и изъ того, что въ теченіи двухъ часовъ онъ сидѣлъ неподвижно и только разъ, въ теченіи этихъ двухъ часовъ, всего одинъ разъ «онъ какъ-будто бессознательно двинулся, налилъ изъ стоящей передъ ними бутылки стаканъ вина и почти залпомъ выпилъ его». Затѣмъ, онъ снова заявилъ, по словамъ автора, намѣреніе «застыть», но почталіонъ мѣшаетъ этому, «самоувѣренно» входитъ и подаетъ письмо.

Что было въ письмѣ—неизвѣстно, но, очевидно, что-нибудь ужасное, такъ-какъ послѣ прочтенія письма «сперва упала сигара, которую курилъ онъ, за нею упала рука, которою держалась сигара; за рукою упалъ-бы и самъ Гинцбургъ, если-бъ онъ не сидѣлъ въ большомъ спокойномъ креслѣ».

Не желая дальше мистифицировать читателя, я скажу, отчего чуть не упалъ Гинцбургъ, если-бъ не сидѣлъ въ креслѣ. Онъ получилъ письмо, въ которомъ она извѣщала о выходѣ замужъ за какого-то графа. Въ этомъ Гинцбурга удостовѣряетъ и какая-то дѣвушка 15 лѣтъ, которая, несмотря на свои молодые годы, утѣшая Гинцбурга въ коварствѣ другой, обнимаетъ Гинцбурга, «жжетъ его щеки и губы своимъ прерывистымъ дыханіемъ», грудь ея страстно трепещетъ, и она шепчетъ нѣжнымъ,

едва слышнымъ голосомъ: «милый мой!.. Забудь ее. Она не стоитъ тебя!»

Композиторъ ничего этого не слышитъ и ничего этого не чувствуетъ, такъ погруженъ онъ въ свою любовь къ другой и только «поцѣлуй, какъ пламя (это въ пятнадцать-то лѣтъ!) выводитъ Гинцбурга изъ тяжелаго раздумья» и заставляетъ его холодно проститься съ дѣвицей, обнаружившей въ 15 лѣтъ такіа пламенные чувства, и дать ей мирный поцѣлуй «въ лобъ», въ видѣ утѣшенія.

У него мысли теперь самыя «жестокія», и онъ идетъ туда, гдѣ она празднуетъ помолвку. Само собою разумѣется, что во время его шествія была престоковая буря на улицѣ. Деревья ломались, трубы валились съ крышъ, а «железные кровли (можете себѣ представить!) съ какимъ-то отчаяннымъ свистомъ и визгомъ несутся по улицѣ». Но и такой бури мало было бездарному подражателю талантливаго Марлинскаго. «Раздается трескъ и столѣтнее дерево валится на его глазахъ».

Но онъ безучастенъ ко всему и, очевидно, не боясь, что железная кровля можетъ причинить ему непріятности, а ужасный дождь во всякомъ случаѣ испортить его костюмъ, все-таки продолжаетъ свое шествіе и, «какъ тѣнь, вышедшая изъ могилы, медленно движется по улицамъ». «Первобытный хаосъ царитъ надъ міромъ, буря реветъ и бушуетъ. Но какое ему дѣло до этой бури?» о которой, къ слову сказать, по несчастію еще не было сообщено въ газетахъ, и потому надо эту ужасную бурю оставить на полной отвѣтственности автора или мѣстнаго исправника, если только послѣдній не донесъ о ней въ свое время по начальству.

Читатель догадается, что прямо изъ-подъ бури г. Гинцбургъ очутился въ чертогѣ, гдѣ великолѣпный оркестръ гремитъ тушъ, а шампанское не разносится въ бокалахъ, а льется рѣкой. Всѣ поздравляютъ жениха и невѣсту, но «одинъ человѣкъ не принимаетъ участія въ задравныхъ тостахъ»—вы угадываете кто. Онъ мраченъ и думы его мрачны. Но такъ-какъ онъ, Гинцбургъ, былъ «геніальный импровизаторъ», то его попросили сыграть. Онъ заигралъ, и полились волшебные звуки... Это были такіе звуки... такіе звуки, куда до нихъ гг. Ауэру, Пякели и Краснокутскому... Въ нихъ были «и проклятія, и стоны человѣка, летящаго въ бездну», и опять проклятія... И вдругъ звуки прервались. Бѣдный г. Гинцбургъ медленно поднимается со стула, «выпрямившись во весь ростъ, поражаетъ красотой своего лица и стройностью стана... и на мгновеніе замираетъ въ этой позѣ».

Затѣмъ... тррахъ... скрипка летитъ въ дребезги... Невѣста съ мольбой протягиваетъ къ Гинцбургу руки, но онъ съ «безумнымъ пламенемъ въ очахъ» стоитъ среди зала уже съ револьверомъ. Раздаются два выстрѣла: одинъ поражаетъ красавицу-невѣсту; другой—красавца-скрипача...

Вѣроятно, по недосмотру публики, присутствовавшей при этомъ происшествіи, «взоры умирающихъ встрѣчаются и... сколько любви безконечно нѣжной, всепрощающей любви, видитъ онъ вдругъ въ голубыхъ глазахъ красавицы».

— Зачѣмъ-же? Зачѣмъ? шепчутъ блѣдныя губы импровизатора.

Такой-же вопросъ можно задать почтенному автору и также графу Салиасу.

«Зачѣмъ-же, зачѣмъ» вы, г. Литошенко, написали такую сугубую нелѣпость, а вы, графъ Салиасъ, преподнесли ее публикѣ? Или потому, что въ ней совсѣмъ неудовимъ ни человѣческій смыслъ, ни проблескъ таланта!?.—

Воспоминанія г-жи Пассекъ, какъ оказывается, еще не исчерпаны изданною ею не такъ давно книгой: «Изъ дальнихъ лѣтъ». Подъ тѣмъ-же самымъ заглавіемъ почтенная писательница помѣстила въ первой книжкѣ «Полярной Звѣзды» новый отрывокъ изъ воспоминаній. Какъ въ прежнихъ трудахъ, такъ и въ нынѣ предлагаемыхъ публикѣ, вниманіе читателей, конечно, сосредоточивается, главнѣйшимъ образомъ, на двухъ лицахъ, фигурирующихъ подъ именами «Саши» и «Ники», хотя, разумѣется, читатель и не найдетъ, несмотря на тщательное, по видимому, припоминаніе всѣхъ мелочей, касающихся «Саши»,— даже и намекъ на вѣрный внутренній портретъ гениальнаго человѣка, котораго г-жа Пассекъ, связанная съ нимъ узами родства, близко знала въ дѣтствѣ и молодости. Въ мемуарахъ почтенной писательницы найдется матеріалъ для будущаго біографа—только, но и этотъ вкладъ—не малая, конечно, заслуга. Требовать отъ г-жи Пассекъ большаго не приходится; она даетъ что можетъ, и за то спасибо. Біографъ, настоящій біографъ, такого лица, какъ лицо, которымъ занимается въ своихъ мемуарахъ г-жа Пассекъ, долженъ обладать не только большимъ талантомъ, чтобы дать намъ хорошую біографію гениальнаго человѣка, но и громаднымъ образованіемъ и знаніемъ всѣхъ новыхъ вѣяній западно-европейской философской мысли, которыя обусловили развитіе и литературную дѣятельность одного изъ замѣчательныхъ писателей. Такая біографія еще въ будущемъ.

Въ напечатанномъ новомъ отрывкѣ изъ воспоминаній, продолженіе которыхъ будетъ слѣдовать, авторъ, какъ и свойствен-

но старымъ рассказчикамъ, замѣтно повторяется. То, что г-жа Пассекъ рассказываетъ въ напечатанномъ отрывкѣ, извѣстно очень хорошо лицамъ, читавшимъ о томъ-же изъ настоящаго источника. Для лицъ-же, незнакомыхъ съ источникомъ, мемуары г-жи Пассекъ, конечно, интересны, тѣмъ болѣе, что въ нихъ она часто приводитъ цитаты, принадлежащія тѣмъ самымъ лицамъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ воспоминаніяхъ, или-же пересказываетъ своими словами то, о чемъ рассказываетъ, и не такимъ, конечно, языкомъ, какъ г-жа Пассекъ—подлинный источникъ. Остается только жалѣть, что приходится довольствоваться пересказомъ, предлагаемымъ подъ видомъ воспоминаній, вмѣсто блестящаго, необыкновенно умнаго и живого рассказа.

Какъ на образчикъ выбора историческихъ романовъ, необходимо указать на переводъ венгерскаго романа Юкая «Въ Странѣ Снѣговъ». Авторъ несомнѣнно обладаетъ талантомъ, но одинъ талантъ нисколько не спасаетъ отъ курьезовъ, которыми наполненъ этотъ якобы историческій романъ. Дѣйствіе его происходитъ въ Россіи, во времена царствованія Александра Павловича; не смотря на то, что нѣкоторый общій тонъ положенія схваченъ приблизительно вѣрно, всѣ шесть напечатанныхъ главъ романа ясно обнаруживаютъ полное незнакомство автора ни съ нашимъ бытомъ, ни съ нашими нравами и незнакомство это дѣлаетъ то, что романъ Юкая изобилуетъ такими невѣроятными и нелѣпыми подробностями, причѣмъ русскіе такъ мало похожи на русскихъ, что, не смотря на талантъ венгерскаго романиста, quasi-историческій романъ «Въ Странѣ Снѣговъ» весьма напоминаетъ извѣстныя записки о Россіи Дюма-отца и бульварныя произведенія во вкусъ Монтепена. Въ шести главахъ столько «невѣроятностей», что перечислить ихъ просто невозможно. Тутъ фигурируютъ и шпіонъ баронъ Гальбанъ, общающій достать графу Аракчееву какую-то «зеленую книгу», содержащую подробный списокъ заговорщиковъ, и всемогущая пѣвица Зинаида Ильмериненъ, стрѣляющая въ оленя на Большой Садовой, и князь Иванъ Гедиминъ, глава заговорщиковъ, и графъ Аракчеевъ постоянно носящій брилліантовую звѣзду, и полковникъ Пестель, и Пушкинъ, но всѣ эти лица лишены всякаго историческаго правдоподобія. Завязка романа заключается въ томъ, что Аракчеевъ поручаетъ барону Гальбану, шпіону, красавцу, умѣющему пѣвнать сердца женщинъ... однимъ словомъ, злодѣю во всѣхъ статьяхъ, добыть «зеленую книгу». Баронъ Гальбанъ соглашается и съ этой цѣлью отправляется къ Зинаидѣ Ильмериненъ, гдѣ будто бы находится сборный пунктъ заговорщиковъ-декабристовъ. Чтобы показать образчикъ знакомства почтеннаго романиста съ

русскими нравами и манеру его кисти, приведу отрывокъ изъ описанія оргіи у Зинаиды Ильмериненъ, которая, по словамъ автора, финляндка (Зинаида-то) и чуть-ли не душа заговора. Она возвращается прямо изъ театра въ свой дворецъ слѣдующимъ образомъ: «По улицѣ при свѣтѣ факеловъ двигались золоченные сани, передокъ которыхъ представлялъ изъ себя верхнюю часть шеи и голову лебеда, блестящія золотомъ. Зинаида, закутанная въ соболью шубу, вся засыпанная букетами цвѣтовъ и цвѣтами, съ горделивой улыбкой позволяла вести себя такой запряжкѣ, какой не имѣли короли, ни даже обожаемый народомъ императоръ Александръ. Восемь молодыхъ людей изъ высшей аристократіи везли эту богиню»...

Правда, у насъ и по сю пору впрягаются вмѣсто лошадей въ кареты актрисъ и пѣвицъ разные шелопаи, но все-таки «золотой лебедь» ужъ черезчуръ... Оказывается, что «лебедь» былъ выдуманной шпиона Гальбана, желавшаго познакомиться съ Зинаидой и проникнуть къ ней на балъ, гдѣ онъ рассчитывалъ накрыть заговорщиковъ. Балъ былъ, конечно, въ родѣ «золотого лебеда»... Великолѣпіе, описуемое только въ романахъ. Но за шпиономъ наблюдали и поймали его въ ловушку... Пушкинъ толкнулъ его въ объятія огненной цыганки «Дьяволки», и Дьяволка увлекла шпиона сперва въ какой-то необыкновенный садъ, а потомъ черезъ потайную дверь она ввела своего возлюбленнаго въ «маленькій кабинетъ, прелестно отдѣланный, предназначенный для влюбленной четы». Все это было, конечно, по словамъ автора, устроено съ цѣлью усыпить бдительность шпиона. Но шпионъ не увывалъ. Онъ влилъ въ шампанское порошокъ, усыпилъ цыганку и пошелъ розыскивать тайныя комнаты дворца, гдѣ долженъ былъ происходить военный совѣтъ... Но такъ-какъ баронъ былъ въ первый разъ въ этомъ лабиринтѣ, то и придумалъ фортель, о которомъ такъ повѣствуетъ Юкай съ серьезнымъ видомъ:

«Пѣвица, по возвращеніи изъ оперы, осталась въ нарядѣ Семирамиды. Кромѣ короны на головѣ, ея прекрасные волосы были переплетены нитями мелкаго жемчуга. Гальбанъ въ то время, когда помогалъ царицѣ выйти изъ саней, а затѣмъ снималъ съ нея шубу, очень ловко оборвалъ одну изъ нитокъ жемчуга, вплетенныхъ въ ея волосы. Конечно, ея густые волосы удержать въ себѣ нѣкоторое время мелкій жемчугъ, но невозможно допустить, чтобы онъ иногда не выпалъ-бы изъ ея волосъ.

Этотъ жемчугъ долженъ былъ указывать путь Зинаиды цѣлый вечеръ и путь не подлежащій никакому сомнѣнію. Въ зимнемъ саду Гальбанъ нашелъ одно зернышко. Затѣмъ другое было

найдено въ залѣ. Въ корридорѣ онъ замѣтилъ блескъ третьяго и, наконецъ, четвертое лежало какъ разъ передъ отлично скрытой потайной дверью.

— Навѣрное, именно за этой дверью или играютъ въ рулетку или происходитъ тайное собраніе).

Подобную чепуху, какъ видитъ читатель, редакція новаго журнала преподноситъ своимъ читателямъ подъ видомъ историческаго романа! Положимъ, романъ Юкая, при всемъ своемъ историческомъ неправдоподобіи и при всей своей бульварной манерѣ, нисколько не уступитъ нѣкоторымъ отечественнымъ, тоже якобы «историческимъ» романамъ, а по талантовости многие даже и превзойдетъ,—но все это, полагаю, едва-ли можетъ служить смягчающимъ обстоятельствомъ для редакціи, которая въ самомъ дѣлѣ нашла въ «Странѣ Снѣговъ» нѣчто историческое. Впрочемъ, редакція, какъ, будто, и сама оцѣнила сказочный элементъ, являющійся главнымъ элементомъ въ романѣ и предпослала такую наивную редакціонную оговорку:

«Печатаая этотъ историческій романъ изъ русской жизни знаменитаго и маститаго венгерскаго беллетриста М. Юкая, редакція считаетъ необходимымъ оговориться... Читатель не долженъ искать въ этомъ произвеніи правды исторической, а еще менѣе бытовой. Авторъ мало знакомъ съ «Страной Снѣговъ», которую рисуетъ».

Тѣмъ не менѣе романъ этотъ—последнее произведеніе маститаго автора—такъ оригиналенъ, въ немъ наши качества являются иногда такимъ для насъ *интереснымъ незнакомцемъ*, написанъ онъ съ такимъ талантомъ, изобилуетъ такими яркими красками и такими забавными промахами, что поневолѣ читается съ особымъ интересомъ... Какъ на примѣръ, мы заранѣе укажемъ на главу, гдѣ описанъ бунтъ на улицахъ Петербурга, вспыхнувшій, такъ-сказать, во имя личности глубоко и суевѣрно чтимой на Руси, личности, которой русскій народъ религиозно поклоняется и которую причелъ къ лику святыхъ своихъ... Кто-бы это могъ быть?! Наполеонъ Бонапарте!!... и авторъ, кажется, искренно вѣрить въ это 14 декабря его собственнаго изобрѣтенія».

Видите-ли: «читатель не долженъ искать правды исторической», а редакція все-таки считаетъ необходимымъ дать историческій романъ, въ которомъ нѣтъ правды!

Чтобы покончить съ «Полярной Звѣздой» слѣдовало-бы сказать о первыхъ главахъ «Вольнодумцевъ»—романа, принадлежащаго перу самого издателя, но я пока воздержусь отъ этого искушенія и подожду окончанія. Пока только замѣчу, что въ

романъ есть двѣ-три недурно написанныя сцены, но вообще написанъ онъ какимъ-то тяжеловѣснымъ языкомъ, вѣроятно для сохраненія историческаго колорита. Но дѣланность этого языка право, ничего не придаетъ «колориту». Кстати тутъ будетъ замѣтить, что графъ Л. Н. Толстой, написавши романъ «Война и Миръ», причинилъ большую непріятность своимъ подражателямъ—«историческимъ» романистамъ, начиная отъ автора «Пугачевцевъ» (все-таки лучшему изъ подражателей), продолжая г. Данилевскимъ и кончая г. Д. Мордовцевымъ—этими двумя неумолимыми романистами-компиляторами, неуставно дарящими публику историческими издѣліями, составленными на основаніи архивныхъ документовъ и монографій «Архива» и «Русской Старины».

II.

«Жидъ идетъ!» Подъ такимъ названіемъ, нѣсколько времени тому назадъ, газеты, сообщающія публикѣ о всѣхъ подобныхъ «великихъ» новостяхъ, обѣщали намъ новый романъ г. Всеволода Крестовскаго (отнюдь не смѣшивать съ высокоталантливой писательницей, пишущей подъ псевдонимомъ В. Крестовскій). Уже одно заглавіе сулило не мало будущихъ восторговъ поклонникамъ автора «Трущобъ» и «Папургова Стада», а равно и почитателямъ газеты, спеціально принявшей на себя миссію стереть съ лица Россіи ненавистнаго ей «жидъ». Въ этихъ двухъ словахъ «Жидъ идетъ!» было столько вразумительности и въ то же время столько, напоминающаго газетныя объявленія въ родѣ «Лучше удавиться, чѣмъ не купить носоваго платка!», — что извѣстный сортъ читателей долженъ былъ ликовать заранѣе. Но—увы! надежды читателей не оправдались или, вѣрнѣе, оправдались только отчасти. Въмѣсто романа «Жидъ идетъ» г. Крестовскій далъ романъ «Египетская Тьма», начало котораго и напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Очень жаль, что авторъ не послѣдовалъ газетнымъ указаніямъ названія романа, право, очень жаль. Вразумительность такого бьющаго прямо въ носъ названія дала-бы роману несравненно болѣе читателей, а то многіе, узнвъ «Египетскую Тьму», пожалуй, подумаютъ, что авторъ описываетъ нѣчто египетское и романа не прочтутъ.

Долженъ-ли я рассказывать его содержаніе? Я полагаю, что долженъ, въ видахъ безпристрастія и гѣмъ болѣе, что пока еще дѣйствіе романа не очень запутано и настоящая путаница будетъ, разумѣется, въ дальнѣйшихъ главахъ... Но прежде скажу слово о тенденціи. Она бьетъ съ первыхъ-же страницъ и составляетъ,

такъ-сказать, переложеніе въ беллетристическую форму публицистическихъ статей «Новаго Времени» о «жидахъ» и ихъ немовѣрныхъ козняхъ и эксплуатаціи, но при этомъ, какъ и слѣдуетъ, въ романѣ «жиды» г. Крестовскаго обнаруживаютъ болѣе ехиднаго коварства и болѣе ужасныхъ стремленій завоевать посредствомъ злата весь міръ отъ Нордъ-Капа до мыса Доброй Надежды включительно, — чѣмъ спеціальныя «жиды» «Новаго Времени», которые все-таки скромнѣй; они только завоевываютъ концессіи и подряды въ пику русскимъ, занимаютъ адвокатскія мѣста (охъ, ужъ эти адвокаты!) притѣсняють россіянъ и по большимъ только праздникамъ — и то не каждый годъ—рѣжутъ христіанскаго ребенка. У романиста, да еще у такого, какъ г. Крестовскій, конечно, кисть размахистѣе и воображеніе болѣе пылко, чѣмъ у публициста, сообразно этому, и «жидъ» г. Крестовскаго много превосходитѣе газетнаго «жида». Читатель, конечно, избавить меня отъ необходимости говорить серьезно по поводу этой исключительной тенденціи. Нашъ журналъ не разъ уже высказывалъ свои взгляды на еврейскій вопросъ, и удивлялся какъ исключительной его постановки, такъ и исключительнымъ обвиненіямъ еврейскаго племени въ эксплуатаціи, приписывая такую постановку отчасти въ обычной манерѣ находить «козловъ отпущенія» въ различныхъ внутреннихъ бѣдахъ, отчасти въ смѣшиваніи евреевъ-дѣльцовъ съ массой нищаго еврейскаго пролетаріата и, наконецъ, въ игнорированіи (если не въ незнакомствѣ) положенія евреевъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, гдѣ «еврейскаго вопроса» давно нѣтъ и гдѣ, однако-же, въ свое время онъ былъ и имѣлъ очень рѣзкую постановку... Оставимъ поэтому на сихъ юдофобовъ при ихъ мнѣніяхъ и перейдемъ къ «Египетской Тъмѣ»...

«И былъ вечеръ, и было утро—день шестой».

Такъ начинается г. Крестовскій описаніе приготовленія къ шабашу, думая, вѣроятно, такимъ языкомъ придать еврейскій колоритъ своему описанію. Точно также, надобно думать, единственно для колорита въ первыхъ главахъ авторъ весьма часто употребляетъ еврейскія слова, дѣлая къ нимъ примѣчанія въ выноскахъ, и пытается, такимъ образомъ, предстать передъ непроницательнымъ читателемъ въ качествѣ романиста, серьезно изучившаго еврейскій бытъ и, пожалуй, даже еврейскій языкъ. Хотя г. Крестовскій и переводилъ «еврейскіе мелодіи», тѣмъ не менѣе онъ, по моему мнѣнію, едва-ли не вотще погнался за двумя зайцами, т. е. за славой добросовѣстнаго изслѣдователя и за прибавленіемъ новыхъ лавровъ къ признанной уже за нимъ репутаціи россійскаго Понсонъ-дю-Терраля. Уснастивъ, во

вредъ чтенію, романъ свой словами, въ родѣ «шаббось-водешъ, гоимъ, балбосты, шупакъ, ойрамъ-хонимъ, шаббось-гой, локшенъ, малохъ-гавемусъ, микве, арбе-канфось, эшеботы...» и т. п.,—г. Крестовскій не увѣритъ знающихъ людей въ своей учености, а тѣ, которыхъ онъ поразитъ «балбостами», навѣрное посѣтуютъ на почтеннаго автора, такъ-какъ имъ всѣ эти авторскіе «балбосты», напускающіе туману, только мѣшаютъ добраться скорѣй до жидовскихъ каверзъ съ христіанскимъ ребенкомъ включительно... «Крови, крови, жажду я!» можетъ воскликнуть—и совершенно резонно—читатель, знакомый съ прежними произведеніями г. Крестовскаго; — «а вы мнѣ колете глаза «балбостами» и «миквами»!» И навѣрное такой читатель пропуститъ страницы, свидѣтельствующія объ учености г. Крестовскаго и, пожалуй, чего добраго, будетъ лишенъ удовольствія прочесть тенденціозную проповѣдь нѣкоего рабби Ионаана (за которымъ едва-ли не скрывается г. Крестовскій или кто-нибудь изъ публицистовъ-юдофобовъ, если не самъ достопочтенный г. Лютостанскій), говорящаго пространно о миссіи евреевъ съ точки зрѣнія Трейчке и его русскихъ единомышленниковъ. Повторяю, очень жаль, что почтенный авторъ напустилъ тумана и, такимъ образомъ, огорчилъ своихъ нетерпѣливыхъ читателей, ожидающихъ не quasi-учености отъ г. Крестовскаго, а ужасовъ и различныхъ неожиданныхъ происшествій во вкусъ «Петербургскихъ трущобъ» и злодѣйствъ и коварства во вкусъ «Панургова стада»...

Однако, все-таки «и былъ вечеръ, и было утро—день шестой», а вмѣстѣ съ тѣмъ въ Украинскѣ готовился въ числѣ прочихъ къ шабашу и мѣстный аристократъ-богачъ рабби Соломонъ Бендавидъ, старикъ, соблюдавшій обычаи старины и всѣми уважаемый, а равно и супруга его Сарра. У этой почтенной пары дѣтей не было, но зато была внучка, осиротѣвшая два года тому назадъ и было ей имя Тамара. Уже по имени вы догадаетесь, что сія дѣвица будетъ героиней и вы, конечно, не ошибетесь... Тамара не сочувствуетъ еврейству и ей душой среди евреевъ; она рвется на волю; авторъ, конечно, не объясняетъ психологически этой нелюбви (къ чему, впрочемъ, тутъ психологія!), увѣренный—и совершенно справедливо!—что читатель повѣритъ ему на-слово, тѣмъ болѣе, что какъ-будто для нѣкоторой уступки психологіи авторъ и говоритъ, что Тамара была въ женской гимназіи и путешествовала за-границей. Дѣдушка и бабушка, конечно, въ ней души не чаютъ и Тамара свободна жить въ Вѣнѣ, а не то въ Парижѣ, но на бѣду свою она любитъ и любитъ нѣкоего христіанина и, разумѣется, рус-

скаго графа Каржоля-де-Нотрека, изящнаго джентльмена съ датской собакой. Графъ, разумѣется, тоже дѣлаетъ видъ, что пылаетъ страстью къ Тамарѣ, но, какъ намекаетъ авторъ, его увлекаютъ не столько прелести и добродѣтели красавицы Тамары, сколько независимое состояніе (отъ отца), которымъ владѣетъ Тамара. Такъ это или не такъ будетъ видно впоследствии, но дѣло въ томъ, что у графа есть и соперникъ—дальній родственникъ дѣдушки Бендавида—гимназистъ Айзикъ Шацкеръ, предназначенный почтеннымъ авторомъ быть «злѣдѣмъ» романа. Юноша Айзикъ коваренъ, какъ бѣсъ, хитеръ, какъ женщина и мстительнъ, какъ Яго. Онъ любитъ Тамару, но любитъ безнадежно и догадывается, во-первыхъ, что Тамара питаетъ нелюбовь къ еврейству и, во-вторыхъ, что Тамара любитъ графа Каржоля-де-Нотрека. Эти подозрѣнія усиливаются послѣ проповѣди рабби Ионаана, фанатика, глаза котораго «горѣли какъ уголья и сухощавое болѣзненно желтое лицо оживлено было до необычайности», когда онъ говорилъ у Бендавида о задачахъ еврейства (прочитавъ предварительно, надо полагать, всѣ статьи г. Кояловича). Своими фанатическими рѣчами онъ возбуждалъ волненіа у Тамары, что не скрывается отъ Айзика. Вдобавокъ Айзикъ подслушиваетъ разговоръ графа съ Тамарой въ саду, ночью на свиданіи, и изъ этого разговора убѣждается, что Тамара, хотя и послѣ колебаній, но рѣшается выйти замужъ за графа и для того перейти въ христіанство. Это дѣло рѣшенное. Въ будущую пятницу она убѣжитъ къ нѣкоей матери Серафимѣ. Когда свиданіе окончилось, Айзикъ, въ качествѣ злѣдѣя, общается Тмарѣ все рассказать кагалу и умоляетъ Тамару не отступать отъ вѣры отцовъ. Такъ-какъ онъ не только злѣдѣй, но и влюбленный, то Тмарѣ ничего не стоитъ успокоить его ревность и стремленіе удержать отъ пагубнаго шага. Она объясняетъ, что въ разговорѣ съ графомъ пошутила и влюбленный Айзикъ, хотя и былъ хитеръ, какъ женщина, а все-таки прелестная Тамара перехитрила его, усыпивъ его подозрѣнія настолько, что смягченный Айзикъ отъ угрозъ перешелъ къ любовнымъ клятвамъ... Усыпивъ такимъ образомъ злѣдѣя, Тамара въ ту-же ночь убѣжала изъ дому...

Такова завязка, обещающая многое... до христіанскаго мальчика включительно, если судить по крайней мѣрѣ по проповѣди почтеннаго рабби Ионаана, дышащей ненавистью ко всему міру, кромѣ еврейскаго. Дабы читатель могъ придти въ ужасъ отъ того, что грозитъ христіанамъ, я приведу отрывки изъ этого profession de foi, вложеннаго въ уста еврейскаго рабби. Вотъ что общается «жидь», этотъ ужасный «жидь»:

— Итакъ, заключилъ свое слово рабби Ионафанъ,—мы, евреи, должны твердо держаться нашей религіозной и общественной обособленности и строго поддерживать чистоту нашей расы, отнюдь не мѣшая ее съ кровію расъ нечистыхъ; и вотъ тогда «Богъ поставитъ тебя превыше всѣхъ народовъ, которые Онъ сотворилъ въ чести, славѣ и великолѣпіи. И возрастете какъ тельцы упитанные, и будете попирать нечестивыхъ, ибо они будутъ прахомъ подъ стопами ногъ вашихъ въ тотъ день, который Я устрою. Помните-же законъ Моисея, равно какъ и правила и уставы». — «Всякое мѣсто, на которое вступитъ стопа ноги нашей, Я отдаю вамъ, какъ Я сказалъ Моисею». Да, господство надъ народомъ вотъ наша задача и цѣль. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: что стали-бы дѣлать мы, если-бы, узко понявъ свою задачу, стремились къ одной лишь Палестинѣ и восстановленію царства Еврейскаго въ ея скромныхъ предѣлахъ? Насъ на землѣ всего только шесть милліоновъ. Представьте себѣ, что всѣ эти шесть милліоновъ, по природѣ своей малоспособные къ земледѣльческому труду, вдругъ очутились-бы на берегахъ Иордана, на этой узкой, бесплодной, сожженной солнцемъ полоскѣ земли,—что они стали-бы тамъ дѣлать и что такое, какую силу они изображали-бы собою? Нѣтъ, сѣть еврейства должна покрыть всѣ обитаемыя страны. Еврей въ Канадѣ, еврей въ Самаркандѣ, еврей въ Новой Зеландіи и еврей въ Эйшишкахъ долженъ быть повсюду одинъ и тотъ-же,—братственный, какъ единоутробный, цѣпкій, какъ репейникъ, взаимно другъ друга поддерживающій, защищающій охраняющій, покрывающій взаимные грѣхи и прорѣхи и стремящійся къ одной и той же завѣтной цѣли. Овладѣвайте биржей и торговлей; арендуйте земли, уголья, дома, заводы и фабрики; овладѣвайте печатью, законодательствомъ; забирайте въ свои руки всяческіе акцизы, откупъ, монополи, желѣзныя дороги, пароходства, акціонерныя компаніи, подряды и поставки; забирайте себѣ судъ, адвокатуру, науку и искусство; словомъ, дѣйствуйте во всѣхъ направленіяхъ и всяческими путями, руководствуясь: *не жемъзомъ, а золотомъ, не мечемъ, а карманомъ!* Вотъ что должно быть нашимъ общимъ, разумнымъ девизомъ. Аминь!»

«—Аминь! Аминь! Да будетъ! восторженно воскликнулъ юный Айзикъ и, схвативъ руку проповѣдника, запечатлѣлъ на ней звонкій поцѣлуй».

«Ужасно! Ужасно! Ужасно!» вотъ все, что можно воскликнуть послѣ такой перспективы! И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ужасно? Что-же будутъ дѣлать тогда всѣ наши Разуваевы и Колупаевы, всѣ наши Губонины, Девизы и иные; что предпри-

мутъ наши лендъ-лорды, фабриканты, пароходныя и желѣзнодорожныя правленія? Куда дѣнется цвѣтъ нашей адвокатуры и магистратуры, если всѣ эти «монополии» заберетъ проклятый «жидъ», а намъ «гоймамъ» не оставитъ ни одной концессіи, ни одного подряда, ни одной «деревни», ни одного банка, ни одного хорошенькаго дѣльца для пользованія?.. Нѣтъ, какъ хотите, а это настоящій государственный заговоръ, противъ русскихъ, владѣющихъ «монополями», открытый во всѣхъ его подробностяхъ, благодаря «балбостамъ» г. Крестовскаго. И если, въ самомъ дѣлѣ, и печать, и законодательство, и администрація нахоятся въ таковой опасности, то слѣдуетъ принять одну изъ тѣхъ энергическихъ мѣръ, на которыя такъ таровато теперь большинство нашихъ газетъ, такъ-какъ вѣдь, при осуществленіи пророчества рабби Ионаана, мы будемъ какими-то парями и намъ, намъ, благороднымъ россіянамъ, грозитъ участь служить «жиду» и заключать съ ними тогда такія же условія, которыя теперь заключаютъ съ мужиками нѣкоторые лендъ-лорды и безчисленные Разуваевы и очутиться въ одинъ прекрасный день въ положеніи безмонопопольныхъ червонныхъ вальтовъ... О, это слишкомъ... Жидъ идетъ... Долой жидъ!..

Я не знаю, какъ поведетъ свое дѣло г. Крестовскій дальше, но съ своей стороны полагаю, что нижеслѣдующее краткое продолженіе «Египетской Тьмы», составленное мною на скорую руку, не слишкомъ отступитъ отъ продолженія настоящаго романа г. Крестовскаго и потому, предлагая вниманію читателя вератцѣ всю «Египетскую Тьму», я надѣюсь избавиться отъ необходимости говорить впоследствии о романѣ г. Крестовскаго, обѣщая сдѣлать это только въ томъ случаѣ, если мой вариантъ слишкомъ ужъ отступитъ отъ подлинника въ главныхъ своихъ основаніяхъ... Мое собственное «продолженіе», какъ увидитъ читатель, будетъ кратко и въ этомъ, конечно, не малое достоинство. Вотъ оно:

ПРОДОЛЖЕНІЕ И ОКОНЧАНІЕ „ЕГИПЕТСКОЙ ТЬМЫ“.

«По темнымъ переулкамъ Украинска бѣжала прелестная Тамара, усypивъ на время бдительность коварнаго Айзика. Однако, спустя пять минутъ онъ внезапно проснулся, бросился въ комнату Тамары и, не найдя въ оной Тамары, свершилъ наскоро «минхе» и пустился въ погоню... Уже онъ настигалъ отступницу, этотъ коварный Айзикъ, заставляя отъ чувства ужаса и страха трепетать Тамару, но въ тотъ самый моментъ, когда Айзикъ ужъ протя-

гивалъ руку, чтобъ схватить бѣглянку, Тамара такъ хорошо прощѣла «Отворите... отворите!», что сторожъ мирной обители, вообразившій, что то поетъ Лавровская, немедля отворилъ ворота и выпустилъ Тамару... Увидавъ-же злодѣя Айзика, сей сторожъ остановилъ его, пригрозивъ крестнымъ знаменіемъ... При видѣ креста, Айзикъ сталъ извиваться и корчиться отъ боли такъ-же, какъ въ «Фаустѣ» Мефистофель. Когда ворота были заперты подъ его носомъ, онъ съ отчаянія заскрежеталъ зубами и, воскликнувъ, «я отомщу», упалъ въ обморокъ, былъ поды утро поднять полицейскимъ урядникомъ и послужилъ темой для слѣдующаго описанія этого происшествія въ украинскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: «Въ ночь съ такого на такое-то число, благодаря энергической дѣятельности полицейскаго урядника Меркулова, у воротъ монастыря найденъ имъ еврей Айзикъ Шацкеръ, находившійся въ безсознательномъ состояніи, вслѣдствіе склонности къ пьянству. По вытрезвленіи въ участкѣ, былъ водворенъ на мѣсто жительства»... Великъ былъ ужасъ еврейскаго кагала, когда въ слѣдующее-же воскресенье назначено было крещеніе вновь обращенной... Бендавидъ рыдалъ и обѣщалъ десять милліоновъ рублей матери Серафимѣ, но Серафима оказалась на высотѣ своего положенія, тѣмъ болѣе, что уже и г. губернаторъ, а равно и супруга его обѣщали быть воспріемниками прелестной Тамары. Тогда Айзикъ задумалъ другой планъ: онъ рѣшилъ украсть изъ монастыря Тамару. Рабби Ионаанъ одобрилъ этотъ планъ, причемъ повелѣлъ Айзику: если украсть дѣву нельзя, то непременно умертвить Тамару, дабы она не досталась графу Каржолу. Темной ночью, Айзикъ съ двумя «шамесами» направился къ обители. Благодаря тому обстоятельству, что привратникъ оказался болѣе сговорчивымъ, чѣмъ мать Серафима, и всего за двадцать-пять рублей досталъ дѣвствену Айзику, — злодѣи пробрались въ монастырь и уже достигали велин, гдѣ пребывала прелестная Тамара, какъ совершенно неожиданно злоумышленниковъ схватили опять-таки четыре полицейскихъ урядника, спрятанные въ засадѣ графомъ Каржолемъ, благодаря любезности г. губернатора. Айзикъ застоналъ отъ ярости и предлагалъ каждому изъ урядниковъ по 100 руб., чтобъ они отпустили его и товарищей, но урядники (дѣло происходило, какъ догадается читатель, въ то время, когда урядники выказывали только подвиги благородства и неустрашимости), съ презрѣніемъ отвергнувъ предложеніе, только сильнѣе скрутили локти Айзика и его товарищей и ввергли злоумышленниковъ въ темницу...

Однако, Айзикъ оттуда вскорѣ вышелъ и поглялся впредь мстить русскимъ и непременно отомстить прелестной Тамарѣ,

которая тѣмъ временемъ, подъ именемъ Василисы, была уже супругою графа Каржоля и уѣхала въ Петербургъ. Счастье ихъ продолжалось, однако, не долго. Графиня вскорѣ увидѣла, что графъ просто мазурикъ, хотя и называлъ себя «охранителемъ», и впала въ грусть... Тѣмъ временемъ Айзикъ, подстрекаемый рабби Ионааномъ, не дремалъ. Найдя въ Украинскѣ самаго жирнаго и цвѣтущаго ребенка, здоровье котораго, несмотря на дурныя климатическія условія, процвѣтало, единственно благодаря заглазному леченію дѣтскаго доктора и профессора Быстрова, онъ рѣшился умертвить его и съѣсть всей компаніей, предварительно выпивъ по рюмкѣ христіанской крови... Ужасъ распространился по всему Украинску и въ столицахъ, когда телеграмма международнаго телеграфнаго агентства принесла извѣстіе объ исчезновеніи пятилѣтняго ребенка. Немедленно-же былъ командированъ на мѣсто происшествія г. Молчановъ отъ «Новаго Времени» и, тотчасъ-же разузнавъ всю подноготную, дополнилъ краткую телеграмму подробностями: «Дѣйствительно, ребенокъ украденъ и съѣденъ. Самъ видѣлъ кости, оставшіяся отъ адскаго пиршества. Одну кость посылаю почтой. Весь городъ въ смятеніи. Обвиняютъ Бендавида. Подозрѣваемый Айзикъ Шацкеръ бѣжалъ въ Парижъ»...

Казалось, всѣ свѣденія были вѣрны и фактъ засвидѣтельствовавъ, однако, Бендавидъ арестованъ не былъ. Рассказывали, что его значительныя сокровища въ это время поуменились. Онъ отрицалъ обвиненіе, увѣрялъ, что ѣлъ поросенка и ожидалъ безстрашно суда. Когда графиня Василиса узнала изъ газетъ объ обвиненіи дѣдушки и бабушки въ ужасныхъ преступленіяхъ, она рѣшилась ѣхать къ нимъ. Графъ охотно ее отпустилъ, такъ-какъ истратилъ уже всѣ ея деньги. Она пріѣхала, но Бендавидъ и Сарра ее въ домъ не пустили и прокляли на вѣки вѣковъ. Несчастливая возвратилась назадъ, но графъ объявилъ ей, что «между ними все кончено» такъ-какъ и приданое ея все кончено. Въ отчаяніи Сарра ѣдетъ за-границу, гдѣ и встрѣчается съ Айзикомъ. Онъ сдѣлался совсѣмъ злодѣемъ и вовлекъ въ свои сѣти несчастную графиню Василису. И они торжественно поклялись оба мстить русскимъ, по завѣту Ионаана, вслѣдствіе чего вернулись въ Петербургъ и открыли гласную кассу ссудъ. Однако, оказалось, что подъ видомъ гласной кассы ссудъ, эти злодѣи замышляли нѣчто другое. Они рѣшили воровать христіанскихъ дѣтей и умерщвлять по одному въ недѣлю. Намѣреніе свое они-бы привели въ исполненіе, если-бы не репортеръ, сообщившій объ этомъ въ видѣ «слуха» во всѣ повременныя изданія. Тотчасъ полиція была на ногахъ, и Айзика и графиню

повезли въ Украинскъ, подозрѣвая ихъ соучастіе въ дѣлѣ сѣденія перваго ребенка. Однако, на судѣ, благодаря адвокатамъ, вопросъ о томъ: былъ-ли сѣденъ ребенокъ или поросенокъ—остался невыясненнымъ. Такъ ловко вели дѣло адвокаты. Ковни ихъ въ концѣ-концовъ были однако открыты, благодаря «истинно-русскому» квартальному надзирателю. «Хотя судъ и оставилъ подсудимыхъ въ подозрѣніи, но злодѣи должны быть наказаны». Такъ писалъ квартальный въ своемъ письмѣ въ редакцію. Однако, дѣло все-таки замяли, хотя Бендавидъ сталъ далеко не такъ богатъ, какъ прежде, но все-таки остался на свободѣ; рабби Ионаанъ сдѣлался предсѣдателемъ правленія, а Айзикъ, послѣ всѣхъ злодѣяній, назначенъ былъ прокуроромъ суда, благодаря протекціи Ионаана. Но что случилось съ прелестной Василисой (Тамарой)? Увы, читатель, въ одинъ прекрасный день она повѣсилась и оставила письмо, въ которомъ просила винить во всемъ г. Крестовскаго. Графъ узналъ объ этомъ письмѣ въ Красноярскѣ, гдѣ жилъ на «покой» послѣ выемки кассы въ обществѣ «взаимнаго вспомошествованія». Прочитавъ въ газетахъ предсмертное письмо, онъ презрительно улыбулся и приказалъ запрягать лошадей»...

Такимъ образомъ «жидъ» восторжествовалъ... Ужасно! Необходимы мѣры и мѣры!

III.

О, сколько мѣръ предлагаетъ и теперь наша ежедневная печать, по поводу печальной катастрофы 1 марта. И какія мѣры! Пробѣгая газеты, иногда кажется, что попалъ въ какой-то бедламъ, до того оригинальны и своеобразны средства нашихъ цѣлителей. Въ такое время, когда, казалось-бы, дѣло порядочной печати, успокоить встревоженное общество и, поскольку позволяютъ обстоятельства переживаемаго положенія, сохранить трезвость мысли,—извѣстная печать напротивъ терроризируетъ общество. Какъ всегда бываетъ во времена потрясеній, особенно громко заговорили тѣ публицисты, которые одни считаютъ себя «истинно-русскими» и «истинными сынами отечества», и они то, эти истинные патріоты, не ограничиваясь общими мѣрами, прибѣгаютъ къ доносамъ, къ инсинуаціямъ на людей, не желающихъ усмотрѣть въ ихъ «мѣрахъ» универсальнаго лекарства. Читатель знаетъ изъ недавнихъ разоблаченій одного «сына отечества» Незлобина другого—г. Цитовича, каковы бываютъ въ нашей прессѣ «сыны» и кто громче всѣхъ кричитъ о своемъ патріо-

тизмъ! Не время теперь касаться этого «пикантнаго» вопроса; не время подробно разбирать эту литературу настоящихъ печальныхъ дней—это время еще впереди; пока можно привести образцы ея безъ всякихъ комментарій. Вотъ, наприимѣръ, «мѣра» предложенная «С.-П. Вѣдомостями»:

«Оцѣпить Петербургъ—дѣло трехъ полковъ и трехъ часовъ времени, конфисковать дома безпечныхъ и тѣмъ самымъ преступныхъ домовладѣльцевъ, начиная съ дома графа Менгдена, уже потому необходимо, что это и вполне справедливо. Конфисковали же дома въ Варшавѣ, и притомъ за выстрѣлъ только въ генерала, почему-же въ Петербургѣ не конфисковать домовъ, дѣлающихся притонами цареубійцъ. При осмотрѣ домовъ домовладѣльцами, о всѣхъ живущихъ въ нихъ, за которыхъ домовладѣлецъ не можетъ отвѣчать — сообщать полици. Мѣры эти приложить со всею строгостью, составивъ для рѣшенія дѣла комиссію изъ самихъ же домовладѣльцевъ, при содѣйствіи городской думы—и можно смѣло ручаться, что въ нѣсколько дней Петербургъ будетъ очищенъ отъ убійцъ. За вновь прибывающими тогда уже будетъ легко наблюдать. Это будетъ *terror*. Но *члмъ-нибудъ* надо-же вызвать массу изъ ея равнодушнаго, пассивнаго состоянія».

Предлагая конфискацію «немедленную, бессердечную, безотвѣтную», «С.-П. Вѣдомости» варьируютъ свою тему такъ:

«Въ лицѣ 15,000 домовладѣльцевъ Петербурга, — проектируетъ газета,—общество выставитъ сразу своихъ, въ этомъ случаѣ естественныхъ, представителей, которые отвѣтятъ своимъ имуществомъ за пособничество крамолѣ, за небрежность, представителей, которые будутъ раззорены, если поймутъ свои обязанности такъ, какъ до сихъ поръ понимала ихъ петербургская полиція. Наши домовладѣльцы получаютъ *права*, за непользование которыми и будутъ подлежать отвѣтственности. Пора, наконецъ, взяться за умъ!

«Но для того, чтобы привлечь домовладѣльцевъ къ отвѣтственности, необходимъ немедленный осмотръ Петербурга и передача въ руки полици всѣхъ неблагонадежныхъ и неопредѣленныхъ людей. Ничего нѣтъ страннаго, ничего не только невыполнимаго, но даже труднаго въ оцѣпленіи Петербурга и въ общей повальной ревизіи».

А вотъ «мѣра» г. Львова, опубликованная «Московскими Вѣдомостями»:

«Положеніе дѣйствительно ужасное; но пусть успокоится почтенная нѣмецкая газета и повѣритъ, что пока существуетъ русское дворянство, что бы ни случилось, врагамъ Россіи не удастся

воспользоваться плодами нашихъ горестей и несчастій; пусть убѣдится, что положеніе нашего молодого Монарха и всего государства хотя и серьезно, но не такъ опасно, какъ кажется Европѣ, ибо стоитъ только Русскому Императору переѣхать изъ минированнаго космополитическаго Петербурга въ свою чисто-русскую древнюю столицу, хотя-бы на время, пока не повернуть къверху дномъ городъ и неразъяжутъ главныхъ разбойниковъ шайки, тогда Императоръ Александръ III, подъ охраной не войскъ и полиціи, а всего своего народа, будетъ такъ-же безопасенъ въ Кремлѣ своей Первопрестольной Столицы, какъ былъ во время оно безопасенъ царь Петръ въ стѣнахъ Троицкой Лавры. Отсюда Онъ сможетъ, какъ тотъ великій монархъ, справиться съ врагою и со всѣми врагами, какъ внутренними, такъ и внѣшними».

Вотъ, наконецъ, и миѣніе «Руси», издателя котораго, разумеется, нельзя смѣшивать со всѣми «отцами отечества». Тѣмъ не менѣе однако, и Русь предлагаетъ нѣчто въ родѣ системы всеобщаго шпионства, какъ читатель увидитъ изъ нижеслѣдующаго предложенія:

«Долженъ весь городъ, въ помощь и въ дополненіе существующихъ отъ полиціи дѣленій, совокупиться въ мелкіе мірскіе участки — по полсотнѣ, а то и четверть ста домовъ, на примѣръ! Станутъ въ головѣ добрые, богобоязненные, всѣмъ вѣдомые люди въ каждомъ участкѣ изъ домовладѣльцевъ и изъ обывателей,—кого общество уволитъ, тотъ еще внесетъ за себя на устройство общаго дѣла; могутъ приглашать въ помощь, коли надо, новыхъ изъ своихъ знакомыхъ или сосѣдняго участка. Обывательскій совѣтъ каждаго участка—долженъ всѣхъ живущихъ знать въ лицо или черезъ третьихъ лицъ, общихъ знакомыхъ. Въ мірскомъ участкѣ какъ въ міру: не укроется никто. Только круговая порука да мірской приговоръ свидѣтельствуютъ за лицо; а прописка паспорта въ канцеляріи—народу лишь стѣсненіе, а вору—фальшивый видъ. Все боящееся свѣта, все нуждающееся въ утайкѣ, все неимущее должнаго свидѣтельства о себѣ, тотчасъ и обличится. О чловѣкѣ угадываютъ, что онъ за птица, глядя по тому: кто именно свидѣтельствуетъ о немъ. Такъ у насъ на Руси, при мірскомъ управленіи и круговой порукѣ—искони было, такъ и сейчасъ ведется въ селахъ-ли, деревняхъ, даже въ старинныхъ городахъ съ исконнымъ стариннымъ населеніемъ»...

Мысль о конфискаціи домовъ, впрочемъ (надо отдать справедливость!) была впервые высказана «Новымъ Временемъ», но развитіе этой мысли дѣло газеты г. Комарова. Она ежедневно

тубить «походъ» и ежедневно предлагаетъ «конфисковать» чулки не всѣхъ гражданъ. Однако не всѣ-же, точно повыскачили изъ Бедлама. Приводимъ образчикъ и болѣе спокойнаго тона въ прессѣ. По поводу «мѣръ» «С.-П. Вѣдомостей» «Страна» замѣчаетъ, что эти «мѣра представляетъ собою, безспорно, одну изъ самыхъ крупныхъ несообразностей, какія только могутъ зародиться въ головахъ, выведенныхъ изъ равновѣсія. Но нельзя поручиться, что завтра-же не будетъ кѣмъ-нибудь предложено нѣчто еще болѣе «радикальное», такъ-сказать, въ смыслѣ реакціоннаго безумія.

«Какъ только вступать въ область полнаго отрицанія и начала собственности, и правъ личности, продолжаетъ газета, — въ область произвола, руководимаго одной фантазією «пресѣченія», то уже не можетъ быть никакой удержки, никакого предѣла. Не вѣрнѣе-ли будетъ вовсе не вступать въ эту область, не дѣлать ни единого шага въ сторону реакціонныхъ химеръ. Паника есть слабость, а не сила».

Но развѣ возможно остановить какими-нибудь соображеніями головы, «выведенныя изъ равновѣсія»?.. Въ отвѣтъ прямо посыплются обвиненія въ крамолѣ, и сколько ихъ сыплется теперь на страницахъ газетъ... О, Боже мой, сколько!..

Придетъ время—не за горами-же оно—когда наступитъ кое-какое равновѣсіе, и тогда можно поговорить, а пока пора закончить «Замѣтки» и извиниться передъ читателемъ, что на этотъ разъ я ничего не говорилъ о вещахъ болѣе интересныхъ, чѣмъ произведенія гг. Крестовскаго, Литошенко или «мѣропріятія» газетныхъ публицистовъ. Я собирался поговорить о другихъ вещахъ, но придется отложить бесѣду о нихъ до болѣе удобнаго времени.

Ф. Рѣшимовъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Люди мысли и люди дѣла.

II. Практическія послѣдствія переходныхъ мѣръ „Положенія“ объ освобожденіи крестьянъ.

III. Шестидесятые и восьмидесятые годы.

I.

Первое двадцатипятилѣтіе реформаціоннаго періода нашей общественной жизни завершилось, и онъ перейдетъ на страницы исторіи подъ названіемъ «переходной эпохи»; а насъ, дѣятелей, свидѣтелей и участниковъ этого времени та-же исторія запишетъ подъ именемъ «пожертвованнаго поколѣнія». Да, поколѣніе жертвованное, поглощенное періодомъ умственнаго пробужденія, создавшего массу освободившихся общественныхъ элементовъ, которые не нашли себѣ ни равновѣсія, ни успокоенія, ни дѣла, ни силы, чтобы овладѣть обстоятельствами, среди которыхъ имъ пришлось вращаться.

Анархія мысли чувствовалась за это время каждымъ, она царила въ каждой семьѣ, она царила во всемъ обществѣ, и отдѣльный человѣкъ, чувствовавшій свое безсиліе, искалъ выхода въ «уединеніи». Но «уединеніе» не разрѣшало ничего; сила-же, которая-бы сгруппировала всѣ освободившіеся элементы около одного центра, около одного желанія или одной общей цѣли и дала бы стройность и единство анархіи мысли—такой силы общество изъ себя не выдѣлило. Освободившимся элементамъ мысли нужно дать работу, свободнымъ силамъ—занятіе, и въ общественномъ интересѣ, въ общественной цѣли они найдутъ свое успокоеніе и свое мѣсто. Пока этого не случится, общество не получитъ отвѣта на свой вѣчный и неудовлетворенный вопросъ: «что дѣлать». Напрасно за разрѣшеніемъ практическіхъ вопросовъ общество и отдѣльные люди обращались къ печати. У пе-

чати отвѣта на практическіе вопросы не было, да и не могло быть. Тѣмъ не менѣе, для пожертвованнаго поколѣнія печать служила всегда козлищемъ отпущенія, точно только она одна и есть источникъ живой и мертвой воды. Правда, печать могла бы быть однимъ изъ такихъ источниковъ, но для источника нужно русло, по которому-бы онъ могъ течь, но когда такого русла нѣтъ, источникъ не течетъ; онъ останавливается или со-всѣмъ изсыкаетъ.

То, что къ нашей не свободной, однопредметной, а подчасъ и развращенной печати предъявлялись невозможныя требованія, объясняется просто тѣмъ, что нашему общественному сознанию неизвѣстна еще идея, которая въ новѣйшихъ государствахъ вошла уже какъ принципъ въ ихъ политическія учрежденія и выражается выдѣленіемъ власти законодательной изъ власти исполнительной. Законъ есть ни что иное какъ формула ясно сознаваемой идеи общаго блага, а исполнительные органы—руки этой идеи. Такъ какъ эта простая мысль далеко еще не вошла у насъ въ общее сознание, то на каждомъ шагу и встрѣчалась масса недоразумѣній, въ особенности въ тѣхъ требованіяхъ, которыя предъявлялись къ печати по поводу практическихъ разрѣшеній.

Я помню такой случай. Въ Никольскѣ я нанималъ квартиру въ домѣ купца. Хозяинъ мой былъ купецъ «неважный», скорѣе лавочникъ, чѣмъ купецъ, и торговалъ пряниками, леденцами и т. п. Онъ былъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, жаденъ до денегъ и мечталъ о томъ, какъ-бы разбогатѣть. Между множествомъ плановъ обогащенія, которые онъ составилъ,—а одинъ изъ нихъ, между прочимъ, заключался въ томъ, чтобы поступить для развѣски чая къ Корещенко и его обвѣсить,—былъ и слѣдующій планъ: разъ хозяинъ приходитъ ко мнѣ и съ таинственнымъ видомъ, полушопотомъ начинаетъ рѣчь о томъ, что у насъ не умѣютъ варить леденцовъ и потому, нѣтъ-ли у меня такой книжечки, въ которой-бы объяснялось, какъ варить леденцы, чтобы они не расплывались. Такой книжечки у меня не нашлось.

Потомъ мнѣ случалось встрѣчать много людей, которые смотрѣли на печать такимъ-же образомъ.

Но люди дѣла не знаютъ вотъ чего. Они не знаютъ, что каждое дѣло бываетъ сначала мыслью и что для каждой умной мысли должны быть такія-же умныя руки. Чѣмъ громаднѣе была идея, вызвавшая извѣстное событіе, тѣмъ геніальнѣе должны быть руки, которыя ее выполняютъ. Руки могутъ быть даже геніальнѣе идеи, которая ихъ вызвала. Александръ Македонскій,

Юлій Цезарь, Петръ-Великій, Наполеонъ—все это были геніальныя руки геніальныхъ идей. Геніальный общественный дѣятель и геніальный историческій человѣкъ всегда только руки; идеи-же творятся не отдѣльными люди, а общей, иногда наслѣдственно изъ поколѣнія въ поколѣніе растущей думой и за тѣмъ, когда мысль созрѣетъ, являются люди для ея выполненія. Иногда нужно много времени, чтобъ свершились роды мысли и чтобы у идеи явились ея руки. Чтобы примкнуть къ Европѣ и отойти отъ Азіи, Россія ждала Петра-Великаго почти восемьсотъ лѣтъ. Еще во времена Іоанна Грознаго, Башкинъ думалъ, что имѣть холоповъ «не хорошо» и только черезъ чetyреста лѣтъ послѣ первыхъ сомнѣній Башкина свершилось освобожденіе крестьянъ.

Средства, которыя употребить идея при своемъ воплощеніи въ дѣло, могутъ быть различными и зависятъ отъ множества обстоятельствъ, которыя опять не во власти тѣхъ, кто ими распоряжается, а сложились раньше. У одной и той-же идеи могутъ быть разныя средства и разныя руки. Есть въ исторіи человѣчества два одинаковыхъ по идеѣ событія, но какими различными средствами они были осуществлены: — первая французская революція, и американская война за независимость. И французы и американцы стремились къ одному и тому-же. Обѣ страны дѣлали революцію, обѣ создавали республику, но развѣ Робеспьеръ, Дантонъ, Марать тоже, что Вашингтонъ, Гамильтонъ, Франклинъ. Италія и Германія создавали себѣ одинаково національное единство, но развѣ Кавуръ то-же, что Бисмаркъ.

Поэтому, какъ поступить народъ во всякомъ данномъ случаѣ, зависитъ отъ множества причинъ, которыми опредѣляется его бытъ, условія его положенія, его характеръ и даже темпераментъ. Темпераментъ и умственные средства народа играютъ при этомъ очень важную роль и можно считать установившимся— и дальше этого намъ пока идти незначѣмъ,—что извѣстный бытовой укладъ формируетъ народное сознаніе, а не сознаніе формируетъ бытъ. Въ этой истинѣ убѣждаетъ вся наша исторія. Нужно было сложиться сначала крѣпостничеству со всѣми его послѣдствіями, чтобы явилась, наконецъ, идея освобожденія. Но какъ только послѣдствія крѣпостничества вызвали эту идею, крѣпостное право должно было исчезнуть. Въ сущности, въ уничтоженіи крѣпостнаго права выразилось практическое осуществленіе той идеи, что всякая великая реформа заключается не во введеніи чего-нибудь новаго, а въ уничтоженіи чего-нибудь стараго. Наше освобожденіе было только уничтоженіемъ тѣхъ путъ, которыя мѣшали свободному развитію народныхъ экономиче-

скихъ силъ. Но «пожертвованное поколѣніе», которому выпала счастливая доля явиться руками великой освободительной идеи, оказалось ниже своей задачи. Въ этомъ убѣждаютъ факты разнообразныхъ неустройствъ, которые обнаружались уже вполнѣ. Искать виноватыхъ тутъ не зачѣмъ, ибо причина лежитъ не въ виновности или въ невинности людей, а въ томъ, что идея освобожденія была ясна лишь въ ея общихъ чертахъ, а подробности многихъ отдѣльныхъ мыслей даже и не могли быть установлены. Для того, чтобы созналась необходимость ввести поправки, очередь которыхъ теперь наступила, нужно было, чтобы цѣлое поколѣніе убѣдилось, что задачу освобожденія оно выполнило не такъ и ее не закончило.

II.

Въ началѣ всѣмъ было ясно, что крестьянъ нужно освободить. Съ этой идеей были согласны даже тѣ, отъ кого можно было менѣе всего ждать согласія. Освободительная идея пересилила всѣ остальные и освобожденіе свершилось среди всеобщаго ликованія. Но за общимъ ликованіемъ стояла еще вся та старая Россія, Россія дореформенная, которая и изобразила собою очень неискусныя руки великой идеи. Одни были неискусны по неумѣлости, другіе по непониманію и такъ-какъ масса частныхъ и чисто-практическихъ задачъ, для исполненія которыхъ требовались руки, не были ни опредѣлены, ни выяснены, то освободительный энтузіазмъ и гуманная сторона новой идеи оказались слабѣе тѣхъ отживавшихъ интересовъ, которые и создали возникшую затѣмъ реакцію.

Нашъ крестьянскій вопросъ — вопросъ настолько великій и всеобъемлющій, онъ заключаетъ въ себѣ такую массу подробностей, влечетъ за собою такую массу общественныхъ послѣдствій, что изъ всѣхъ родовъ человѣческой мысли это можетъ быть самые трудные роды. Люди практики и руки освободительной идеи, какъ я уже сказалъ, не стояли на своей высотѣ и, конечно, только въ этомъ причина, что они отнеслись такимъ образомъ ко всѣмъ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя должны были возникнуть изъ первоначальной идеи. А она могла сулить все. Въ свое тысячелѣтнее существованіе Россія слишкомъ наболѣла неустройствами, чтобы не возбудить энтузіастическихъ порывовъ и даже крайнихъ мечтаній о томъ счастьи, которое можетъ создать реформа, и о томъ обновленіи, которое можетъ насъ ждать и которое, какъ казалось многимъ, вполнѣ въ нашихъ рукахъ и вполнѣ отъ насъ зависитъ.

Очень можетъ быть, что реакція имѣла-бы нѣсколько иной характеръ, была бы короче, не выразилась-бы въ такой рѣзкой экономической формѣ, если-бы экономическая сторона дѣла была поставлена иначе. Но когда писалось Положеніе, авторамъ его пришлось выдержать очень сильную борьбу мнѣній и «Положеніе», при обсужденіи котораго присутствовала лишь часть лицъ, заинтересованныхъ освобожденіемъ, только и могло явиться такимъ, какимъ оно явилось. Вотъ, что изъ этого возникло.

Крестьяне не были сдѣланы сразу свободными земледѣльцами, чтобы не потрясти слишкомъ рѣзко весь экономическій бытъ помѣстнаго сословія. Поэтому установлено промежуточное, полукрѣпостное состояніе и крестьяне сдѣланы временно-обязанными съ тѣмъ, чтобы они мало-по-малу выкупили при посредствѣ правительства землю, которая ихъ кормила. Временно-обязанными были сдѣланы крестьяне сразу и всѣ безъ исключенія, актомъ правительства; а чтобы крестьянинъ изъ временно-обязаннаго могъ сдѣлаться собственникомъ, — это предоставлено доброй волѣ помѣщика. Хочетъ помѣщикъ, онъ согласится на выкупъ и уступитъ крестьянамъ землю, а если не хочетъ, то крестьяне и не имѣютъ права требовать, чтобы имъ была предоставлена земля. Срока для прекращенія обязательныхъ отношеній никакого не установлено и крестьяне, освобожденные, такъ сказать, въ идеѣ, въ дѣйствительности могутъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ находиться въ зависимости. Такихъ крестьянъ въ настоящее время считается еще шестая часть и выкупная операція чѣмъ дальше, тѣмъ идетъ все медленнѣе и медленнѣе.

Все это такъ и должно было быть. Прежде всего согласились на выкупъ тѣ изъ помѣщиковъ, которые были наиболѣе способны понять идею освобожденія и явились ея честными руками. Такихъ было немного. Затѣмъ выпустили крестьянъ тѣ, которые отлично поняли, насколько имъ выгодно отдѣлаться отъ крестьянъ, снабдивъ ихъ четвертью нормальнаго надѣла и безъ выкупа. Наконецъ, стали свободными тѣ крестьяне, у которыхъ нашлись собственные средства для выкупа безъ содѣйствія правительства; наибольшая-же масса крестьянъ изъ временно-обязанныхъ сохранилась у тѣхъ крупныхъ собственниковъ, которые не гонятся за выкупомъ и которымъ поэтому выгоднѣе имѣть дѣло съ крестьянами временно-обязанными. А положеніе такихъ помѣщиковъ очень выгодно.

Согласно «Положенію» крестьяне отбываютъ въ пользу такихъ помѣщиковъ, или оброкъ, или барщину. Оброкъ этотъ помѣщикъ имѣетъ, между прочимъ, право требовать за полгода. Помѣщикъ имѣетъ право передать свои права и всякому другому лицу, т. е.

арендатору или управляющему, который, конечно, не будетъ имѣть особенныхъ причинъ беречь крестьянъ. Сверхъ повинности крестьяне обязаны платить помѣщику за дрова, если они ихъ получаютъ отъ него, за рыбныя ловли, за мельницы, и вообще за всякія оброчныя статьи, если статьи эти не входятъ въ ихъ надѣль; наконецъ, крестьяне платятъ и за земли, находящіяся подъ ихъ строеніями, если земли эти находятся внѣ мірскаго надѣла. Въ имѣніяхъ оброчныхъ, или на смѣшанной повинности, т. е. платящихъ оброкъ и отбывающихъ сверхъ того работы, вся повинность высчитывается въ уставной грамотѣ на деньги, а въ барщинныхъ имѣніяхъ опредѣляется рабочими днями. Кромѣ того, повинность опредѣляется въ уставной грамотѣ и на деньги для того, чтобы крестьяне знали, сколько имъ придется платить при переходѣ съ барщинной повинности на оброкъ. Оброкъ съ крестьянъ назначается по количеству земли, какое они получаютъ въ пользованіе. По Положенію всѣ губерніи раздѣлены на три полосы—нечерноземную, черноземную и степную. По общему правилу оброкъ, который будутъ платить крестьяне, не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ больше того, какой они платили до освобожденія. Впрочемъ, оброкъ можетъ быть и пониженъ, и повышенъ. Оброкъ понижается по просьбѣ крестьянъ и въ Положеніи подробно указаны обстоятельства, при которыхъ можетъ послѣдовать это пониженіе. Оброкъ можетъ быть увеличенъ, или не болѣе 1 рубля съ души, или болѣе 1 рубля.

Не болѣе 1 рубля съ души оброкъ можетъ быть увеличенъ губернскимъ присутствіемъ, если крестьяне надѣлены особенно цѣнными поемными лугами, если имѣніе находится не дальше 5 верстъ отъ города, въ которомъ по крайней мѣрѣ 20 тысячъ жителей, или значительная торговая пристань представляетъ для крестьянъ особенно выгодные промыслы, если подобная выгодная пристань находится въ самомъ селеніи, если крестьяне при незначительномъ поземельномъ надѣлѣ обезпечиваются въ средствахъ жизни предоставленною имъ рыбною ловлею, наконецъ, если помѣщикъ докажетъ, что крестьянамъ предоставлены такія выгоды и удобства, которыя могутъ служить основаніемъ къ возвышенію оброка.

Оброкъ болѣе рубля съ души можетъ быть увеличенъ въ имѣніяхъ, находящихся не далѣе 25 верстъ отъ столицъ и занятыхъ дачами, въ тѣхъ богатыхъ промышленныхъ селеніяхъ, гдѣ сами крестьяне производятъ или обширную торговлю, или фабричную промышленность, или пользуются, кромѣ поземельныхъ угодій, значительными оброчными статьями, напримѣръ, торговыми и базарными площадями, или рыбными ловлями, при-

носящими значительный доходъ и, наконецъ, въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ особенно цѣнные поемные луга составляютъ значительную и притомъ главную по цѣнности своей часть крестьянскаго надѣла. Увеличенный оброкъ долженъ быть соразмѣренъ съ дѣйствительными средствами крестьянъ и съ выгодами, которыми они пользуются и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть больше того, который они платили въ прежнее время. Помѣщику предоставлено право требовать уплаты оброка за полгода впередъ. Чтобы обезпечить правильное поступленіе оброка и чтобы крестьяне не уклонялись отъ платежей, Положеніемъ установлено взыскивать оброкъ помѣщику съ тою-же строгостью, какъ и государственные податные сборы и преимущественно передъ всѣми другими слѣдующими съ крестьянъ платежами. Недоплатки взыскиваются съ наложеніемъ пени, а для взысканія оброка установленъ цѣлый рядъ мѣръ, начинающихся «побужденіями» и кончающихся продажей части крестьянскаго имущества и даже отобраніемъ надѣла.

Барщина, замѣняющая въ нѣкоторыхъ случаяхъ оброкъ, весьма подробно разъяснена Положеніемъ. Рабочіе дни раздѣляются на лѣтніе и зимніе, мужскіе дни—на конные и пѣшіе. (ст. 192 М. П.). Три пятыхъ всѣхъ рабочихъ дней отбываются крестьянами въ теченіи лѣтняго полугодія и двѣ пятыхъ въ теченіи зимняго (ст. 193 М. П.). Всѣ рабочіе дни каждого полугодія распредѣляются поровну на всѣ недѣли полугодія. Остаточные по расчету дни помѣщикъ можетъ распредѣлить по своему усмотрѣнію между недѣлями этого-же полугодія, назначая однако на каждую недѣлю не болѣе, какъ по одному добавочному дню (ст. 194 М. П.). Помѣщикъ назначаетъ самъ, какіе дни беретъ себѣ въ недѣли, но въ одинъ день онъ не можетъ требовать болѣе, чѣмъ одну третью часть всѣхъ рабочихъ, слѣдующихъ со всего общества на цѣлую недѣлю (ст. 197 М. П.). Женскіе дни требуются тѣмъ-же порядкомъ, какъ и мужскіе (ст. 198 М. П.). Замѣнять мужскіе дни женскими и женскіе мужскими можно только по добровольному соглашенію между помѣщикомъ и крестьянами (ст. 200 М. П.). Нарядъ на работы производится сельскимъ старостою, который обязанъ исполнять своевременно всѣ законныя требованія помѣщика. Недовольные могутъ жаловаться на старосту, если, по ихъ мнѣнію, нарядъ сдѣланъ неправильно, но должны повиноваться его распоряженіямъ (ст. 206 М. П.). На работы къ помѣщику наряжаются мужчины отъ 18 до 55 лѣтъ, а женщины отъ 17 до 50 лѣтъ (ст. 208 М. П.). Крестьяне должны являться на работу въ исправномъ видѣ, съ исправными орудіями и въ назначенное

время. Помѣщикъ имѣетъ право не принять въ работу крестьянъ, которые пришли въ неисправномъ видѣ, съ негодными орудіями, или опоздали на работу, а рабочій день зачестъ въ недоимку за обществомъ или за хозяйномъ участіемъ (ст. 210 М. П.). Женщины на сносяхъ и шесть недѣль послѣ родовъ увольняются отъ работъ и слѣдующіе со двора женскіе рабочіе дни отработываются другою работницею, если такая имѣется во дворѣ (ст. 213 М. П.). Для работъ, которыя не показаны въ урочномъ положеніи, назначаются часы въ лѣтнее полугодіе не болѣе 12, а въ зимнее 9 часовъ въ день. Отдыхъ не включается въ это число (ст. 216 и 217 М. П.). Если крестьяне живутъ въ шести верстахъ отъ селенія, въ которомъ должны отработать урокъ, то изъ урока не вычитается время на проходъ. Если крестьяне живутъ далѣе, чѣмъ въ шести верстахъ отъ мѣста работы, то на проходъ туда и обратно на каждую версту свыше шести полагается полчаса и соразмѣрно этому уменьшается дневной урокъ. Если-же крестьяне живутъ въ 12 верстахъ, то отъ нихъ могутъ быть требуемы только безурочные работы (ст. 221 М. П.). Во время работъ за крестьянами наблюдаетъ лицо, поставленное помѣщикомъ, но сельскій староста, или вмѣсто его кто-либо другой по его назначенію, долженъ быть всегда на лицо (ст. 225 М. П.).

Этотъ порядокъ барщинныхъ отношеній по Положенію можетъ быть и измѣненъ; но въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, крестьяне, какъ цѣлыми обществами, такъ и отдѣльными дворами или тяглами, могутъ переходить на оброкъ только съ согласія помѣщика, а послѣ двухъ лѣтъ и безъ согласія, но должны объявить о своемъ желаніи за годъ впередъ, а при самомъ переходѣ внести оброкъ за полгода впередъ. Если $\frac{4}{5}$ крестьянъ сельскаго общества перейдутъ на оброкъ, а одна пятая останется на барщинѣ, то помѣщикъ можетъ перевести на оброкъ этихъ послѣднихъ, не спрашивая ихъ согласія, но передъ этимъ онъ долженъ уволить ихъ на полгода отъ барщины (М. П. ст. 236, 237, 238 и 239).

Этими экономическими отношеніями, установленными Положеніемъ между крестьянами и помѣщикомъ, опредѣлились и ихъ взаимныя юридическія или политическія отношенія. Помѣщикамъ, по мнѣнію составителей Положенія, нельзя было не дать извѣстной власти надъ крестьянами, потому-что, понявъ свободу, какъ-бы имъ хотѣлось ее понять, крестьяне могли-бы поставить помѣщиковъ въ очень затруднительное денежное положеніе. Поэтому помѣщику предоставлены надъ временно-обязанными крестьянами вотчинная полиція и попечительство. Сель-

скій староста зависить вполне отъ помѣщика, несмотря на то, что онъ выборный отъ крестьянъ и помѣщикъ, имѣетъ право требовать смѣны старосты, если онъ не исполняетъ исправно свою обязанность. Чтобъ полнѣе оградить помѣщиковъ, Положеніе предоставляетъ имъ право контролировать мірскіе приговоры и ни одинъ приговоръ не можетъ вступить въ свою силу прежде, чѣмъ онъ не будетъ сообщенъ помѣщику. Наконецъ, крестьяне обязаны ограждать помѣщика и его домашнихъ и являться къ нему на помощь даже и безъ призыва. При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ временно-обязанныхъ крестьянъ къ помѣщикамъ весьма понятно, что съ одной стороны помѣщики вовсе не имѣютъ особенной причины слѣзть съ окончательнымъ выкупомъ крестьянъ, а съ другой—крестьяне желали-бы, больше чѣмъ когда-нибудь, освободиться теперь отъ своихъ временно-обязанныхъ отношеній и изъ временно-обязанныхъ превратиться въ независимыхъ хозяевъ.

III.

Не нужно было и двадцатилѣтняго опыта, чтобы увидѣть нѣкоторыя изъ очевидныхъ неудобствъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Такъ, статья Положенія, допускающая увеличеніе оброка, напоминала прежніе дореформенные порядки и противорѣчила новому принципу. Если крестьянинъ обязанъ былъ только выкупить свою землю, то выкупъ, конечно, могъ сдѣлаться лишь на основаніи цѣнъ, существовавшихъ во время самаго освобожденія. А между тѣмъ каждое новое улучшеніе въ положеніи крестьянъ является поводомъ къ увеличенію платежа въ пользу помѣщика, такъ-что крестьянину чистый рискъ предпринимать улучшеніе въ своемъ хозяйствѣ. Мы не знаемъ, какъ пользовались помѣщики своимъ правомъ, но несомнѣнно, что теоретически всякое улучшеніе положенія крестьянина являлось извѣстной преміей въ пользу помѣщика.

Еще очевиднѣе неудобства въ отношеніяхъ, возникавшихъ вслѣдствіе временно-сохраненной барщины. Можетъ быть, въ дѣйствительной жизни они не выражались особенно рѣзко, но въ томъ видѣ, какъ они формулировались Положеніемъ, они напоминаютъ сѣдую старину и помѣщичій быть въ его чистомъ видѣ.

Но есть болѣе трудныя стороны того-же вопроса, разрѣшить которыя, повидимому, вовсе не трудно ни въ основной ихъ идеѣ, ни съ точки зрѣнія принципа справедливости. На зато тѣмъ

большая трудность является съ практической стороны и вотъ тутъ-то и требуются необыкновенно умныя и умѣлыя руки. Практическіе люди понимаютъ очень хорошо трудность своего положенія, но, такъ-какъ они сами ничего не могутъ придумать, то, чувствуя свою безпомощность, они чаще всего обрушиваются на печать. Только этимъ и можно объяснить многія изъ тѣхъ обвиненій, которыя вьзводятся на печать. Лучшіе изъ практическихъ людей отлично понимаютъ современную безурядицу въ экономическомъ положеніи деревни и съ точки зрѣнія принципа справедливости они-бы и готовы измѣнить многое, но не знаютъ, какъ. Въ этомъ случаѣ печать своими назойливыми повтореніями одного и того-же точно упрекаетъ ихъ неумѣлостію и возбуждаетъ въ нихъ досадливое чувство. Между земскими дѣятелями, очень искренно преданными интересамъ народа, есть многіе, которые только потому и не читаютъ журналовъ, а въ газетахъ читаютъ только внѣшнія политическія новости, да официальные сообщенія, что ни газеты, ни журналы не даютъ имъ рецептовъ, какъ варить леденцы. Возлагая такія требованія на печать, они оказываютъ ей честь, на которую она не имѣетъ права рассчитывать. Печать вовсе не руки идей и не ея задача сочинять рецепты. Это задача практическихъ дѣятелей и, если они не умѣютъ пользоваться матеріаломъ, который даетъ имъ печать, рисующая положеніе вещей, то должны пенять на самихъ себя. Печать не исполнительная и не законодательная власть. Она ни администраторъ, ни практическій дѣятель. Она не создаетъ пракческаго положенія вещей, а отражая жизнь во всѣхъ ея положеніяхъ, худыхъ и хорошихъ,—разоблачая зло и изобличая злоупотребленія, даетъ только матеріалъ, изъ котораго сама не можетъ сдѣлать никакого пракческаго употребленія. Это вовсе не ея дѣло.

Матеріалъ, который собрался такимъ образомъ въ печати за послѣднія двадцать лѣтъ—матеріалъ очень богатый. Одною его частью практическіе люди могли-бы воспользоваться уже и теперь. Такъ, едвали оказалось-бы труднымъ покончить съ тѣми невыгодными отношеніями, въ которыя ставитъ крестьянъ къ помѣщикамъ барщина или оброкъ. Конечно, не отъ избытка крестьяннинъ дѣлается недоимщикомъ. Согласно Положенію съ барщины на оброкъ могутъ переходить только такіе крестьяне, за которыми не числится ни помѣщичьихъ, ни казенныхъ недоимокъ. Значитъ, только болѣе богатые, а не бѣдные. Значитъ, право перехода и полной независимости предоставлено не тому, кому больше всего нужно поправить свое положеніе, т. е. бѣднымъ, оно предоставлено только зажиточнымъ, которые, пожа-

луй, въ немъ совсѣмъ и не нуждаются. Предоставленіе помѣщику права передавать свою власть надъ крестьянами другому лицу, арендатору или управляющему, отдаетъ нерѣдко крестьянъ въ руки такимъ людямъ, какъ извѣстный управляющій графа Бобринскаго или г. Пашкова.

Вотъ что пишутъ въ «Недѣлю» объ управляющемъ послѣдняго. Заводскіе крестьяне г. Пашкова, а ихъ нѣсколько тысячъ, были надѣлены землею по $\frac{3}{8}$ десятины на душу. Понятно, что у крестьянъ недостаетъ ни пашень, ни луговъ, ни сѣнокосовъ, ни выгоновъ и они ихъ арендуютъ у заводской конторы. Англичанинъ, управляющій заводомъ, сдаетъ землю только тѣмъ изъ крестьянъ, которые отбываютъ заводскія работы. Не работающимъ на заводахъ земли не даютъ. Каждая десятина обходится мужику дороже 1 р. 80 к. Какъ выгодно для крестьянъ сосѣдство заводовъ Пашкова и зависимость отъ нихъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго. Крестьяне перевозятъ на заводъ мѣдную руду за 250 верстъ по 15 к. съ пуда, въ то время, какъ за разстояніе въ 225 верстъ при волной цѣнѣ платится 25 к. При взвѣшиваніи руды сани ставятся вошки въ 9 пудовъ и всѣхъ этотъ скидывается съ платы, тогда какъ самыя лучшія сани вѣсятъ не больше $4\frac{1}{2}$ пудовъ, а большинство отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 пудовъ. Корреспондентъ говоритъ, что управляющій г. Пашкова урываетъ подобными расчетами отъ крестьянъ не менѣе 10 тысячъ рублей. Если-бы въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ это былъ даже и единственной фактъ, то и его вполне достаточно, чтобы пожелать измѣнить поводы къ подобнымъ отношеніямъ.

Покончить собственно съ юридическими отношеніями крестьянъ къ помѣщикамъ для того, чтобы поставить земледѣльца въ полную независимость и освободить его отъ барщины и оброка со всѣми ихъ послѣдствіями, не можетъ представить никакихъ затрудненій: юридическія несправедливости уничтожаются юридическими средствами. То, что въ этихъ отношеніяхъ несправедливо, настолько вошло въ общее сознаніе, настолько обсуживалось въ печати и даже на земскихъ собраніяхъ, что уничтожить зло не представится никакихъ затрудненій.

Но есть вопросъ болѣе коренной и сложный, вопросъ скорѣе культурный, чѣмъ юридическій, вопросъ, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ общаго уровня умственныхъ средствъ, которыми располагаетъ нашъ народъ и наши интеллигентные люди. Это вопросъ о землѣ, о ея производительности и о тѣхъ платежахъ, которые она должна выносить.

Въ теченіи этихъ двадцати лѣтъ въ земельныхъ отношеніяхъ

свершилось много перемѣнъ вслѣдствіе причинъ, которыхъ при освобожденіи крестьянъ или не существовало, или ихъ нельзя было предусмотрѣть. Мы укажемъ на одну изъ такихъ причинъ, совершенно достаточную, чтобы выяснитъ характеръ вопроса, на который указываемъ. Разсчетъ оброка и выкупныхъ платежей былъ сдѣланъ при составленіи Положенія на основаніи цѣнъ, тогда существовавшихъ, и съ нѣкоторой прибавкой за личную свободу крестьянъ, такъ-что въ извѣстной мѣрѣ оцѣнка была выше дѣйствительной стоимости земли. Губерніи были раздѣлены на три полосы—нечерноземную, черноземную и степную; для первыхъ двухъ опредѣленъ высшій и низшій размѣръ надѣла, а для степной—такъ-называемый указной и оброки были назначены различныя. Самый большій оброкъ за высшій или указной надѣлъ былъ назначенъ для имѣній, находящихся не далѣе 25 верстъ отъ Петербурга, или 12 р. съ души. Для всѣхъ прочихъ имѣній петербургской губерніи, для губерній московской, ярославской, для нѣкоторыхъ уѣздовъ владимірской и нижегородской губерній назначено по 10 р. съ души. Для остальныхъ губерній назначены оброки въ 9 и въ 8 р.

Ужъ изъ этого дѣленія видно, что въ основаніе его принята не сельско-хозяйственная промышленность, а другіе занятія крестьянъ и, слѣдовательно, въ пользу помѣщиковъ идетъ не рента съ земли, а обложенъ личный трудъ крестьянъ. Наивысшимъ оброкомъ обложена какъ-разъ наиболѣе промышленныя мѣстности, гдѣ земля давала всегда наименьшій доходъ, т. е. окрестности Петербурга и губерніи петербургская, московская, ярославская, владимірская и нижегородская. Что въ пользу помѣщиковъ обложенъ былъ преимущественно личный трудъ, видно изъ статей 173, 174, 175, 177 Мѣстнаго Положенія, по которымъ оброкъ можетъ быть увеличиваемъ по мѣрѣ того, какъ развиваются крестьянскіе промыслы и вообще промышленность неземледѣльческая. Это основаніе для разчета оброковъ непременно должно было привести къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя такъ ярко обнаружены г. Янсономъ въ его «земледѣльческой статистикѣ». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьянамъ приходится платить въ пять разъ больше того, что имъ даетъ земля.

Но кромѣ этихъ послѣдствій, вызванныхъ самимъ основаніемъ, принятымъ для разчета платежей, явились послѣдствія, которыхъ никто тогда и не могъ предвидѣть, а если-бы и предвидѣлъ, то противъ нихъ и нельзя было-бы принять никакихъ мѣръ. Когда составлялись разсчеты Положенія, было только три желѣзныя дороги: московская, нижегородская, да варшавская.

Южный хлѣбородный край, гдѣ не было ни одной дороги, попалъ въ среднюю и въ низшую оцѣнку, ужъ конечно, только потому, что, вслѣдствіе недостатка дорогъ и затруднительнаго вывоза хлѣба, доходность имѣній была менѣе, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ удобными путями сообщенія. Проведеніе желѣзныхъ дорогъ произвело полнѣйшую революцію во всѣхъ цѣнахъ. Все, что могло подняться въ цѣнѣ, поднялось; что прежде не имѣло сбыта, нашло его, и въ концѣ-концовъ центръ тяжести вышнихъ цѣнъ за земли перешелъ въ тѣ мѣстности, гдѣ земля дѣйствительно давала наибольшее количество продуктовъ; а цѣны за земли въ мѣстностяхъ съ худшей землей и не въ чисто-земледѣльческихъ упали. Переимѣны въ цѣнахъ земли повліяли и на самый успѣхъ выкупной операціи; въ началѣ оцѣнка казалась помѣщикамъ настолько выгодной, что они не видѣли причины дорожить землей, а выкупными свидѣтельствами хотѣли воспользоваться для неземледѣльческихъ предпріятій и оборотовъ. Но по мѣрѣ того, какъ въ цѣнахъ начиналась путаница и онѣ стали уклоняться отъ установленныхъ нормъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ цѣны значительно поднялись, помѣщики не считали уже для себя выгоднымъ выпускать крестьянъ на выкупъ, а требовали значительныхъ доплатъ противъ первоначальной оцѣнки. Понятно, что крестьянинъ подобной цѣны дать не въ состояніи по той простой причинѣ, что у него нѣтъ денегъ. И вотъ, выкупная операція годъ отъ году стала болѣе задерживаться.

Чтобы крестьяне могли выкупиться, имъ необходимо оказать поддержку. Поддержка эта, конечно, не можетъ представляться чѣмъ-то неразрѣшимо труднымъ, точно также, какъ и переоцѣнка оброковъ и опредѣленіе платежей соответственно производительности земли и платежнымъ силамъ крестьянъ. Обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ могутъ быть покончены тоже чисто-юридическими мѣрами и сразу, подобно тому, какъ они были окончены въ сѣверозападныхъ и югозападныхъ губерніяхъ. Въ этихъ губерніяхъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ были опредѣлены нѣсколько иначе, чѣмъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, выкупъ установленъ обязательный, барщина уничтожена сразу, а оброкъ вносился крестьянами въ казначейство, такъ - что вотчинныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами не было. Предполагая обязательный выкупъ, нельзя разумѣется брать за основаніе тѣхъ высокихъ цѣнъ на земли, которыя явились послѣ 19 февраля 1861 года. Эта мѣра была-бы только мѣрой справедливости даже по одному тому, что нельзя-же на болѣе обѣдѣвшаго плательщика наложить высшій оброкъ, когда онъ не въ состояніи платить даже прежняго. Это была-бы мѣра не только госу-

дарственной справедливости, но и государственного интереса. Исполненіе ея едва-ли могло-бы встрѣтить какое-нибудь затрудненіе, ибо, если-бы ее предложить на голосованіе всей Россіи, то, конечно, она разрѣшилась-бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы говоримъ. Общественное сознаніе въ этомъ отношеніи уже со зрѣло.

Но есть еще одна сторона земельного вопроса, которая въ одной своей части достаточно уяснилась теоретически, а въ другой представляется въ извѣстной степени спорною. Это вопросъ объ увеличеніи производительности земледѣльческаго труда. Онъ вызвалъ два мнѣнія. Одни думаютъ, что производительность земледѣльца можетъ увеличиться только большими надѣлами, другіе-же — что этого слѣдуетъ достигнуть интенсивностью труда. Это дѣленіе мнѣній вполнѣ опредѣляется точкою зрѣнія ихъ сторонниковъ. Интенсивнаго хозяйства требуютъ тѣ, кто не желаетъ какихъ-либо перемѣнъ въ *statu quo*, установленномъ Положеніемъ, а сторону переселеній держатъ тѣ, которые исходятъ изъ болѣе критической оцѣнки положенія народа и придаютъ аграрнымъ отношеніямъ основную государственную важность.

Конечно, если-бы интенсивное хозяйство было такъ легко достижимо, какъ думаютъ его сторонники, то не потребовались-бы никакіе сельско-хозяйственные сѣзды, ни тѣ разнообразныя мѣры поощренія, которыя принимались и принимаются у насъ до сихъ поръ и пока не привели еще ровно ни къ чему. Мы знаемъ, что въ окрестностяхъ Дрездена семья изъ 8 душъ прокармливается полудесятиною земли, а въ Китаѣ—одной или двумя грядями. Но такъ-какъ ни мнѣ, ни вамъ и никому другому не превратить русскаго крестьянина въ саксонца или въ китайца, то вопросъ объ интенсивномъ хозяйствѣ можно считать пока оконченнымъ, даже несмотря на авторитетъ кн. Васильчикова.

Вопросъ объ интенсивномъ хозяйствѣ вовсе не вопросъ о сельскохозяйственныхъ знаніяхъ, онъ зависитъ отъ такихъ условій, противъ которыхъ нѣтъ средствъ ни въ одномъ курсѣ сельскаго хозяйства и которыхъ-бы не побѣдилъ самъ Таръ. Въ сущности это вопросъ о той пропорціи земель, которая прежде всего требуется для возможности не только введенія интенсивнаго, но и какого хотите хозяйства. На окружныхъ сельскохозяйственныхъ сѣздахъ поднимался почти повсюду вопросъ о луговодствѣ и объ искусственномъ удобреніи. Слѣдовательно, ясно, что даже люди, наименѣе склонные относиться правильно къ нашему аграрному вопросу, видѣли его коренную сущность въ недостаткѣ корма для скота и въ недостаточномъ количествѣ сѣнокосовъ и

луговъ. Недостатокъ сѣнокосовъ и луговъ есть самое большое мѣсто нашего крестьянскаго земледѣлія. Отъ недостатка ихъ у насъ невозможно скотоводство, отъ недостатка ихъ у крестьянина недостаетъ удобренія; наконецъ, отъ недостатка ихъ крестьянскій скотъ къ веснѣ отъ безкормицы еле волочить ноги и едва способенъ работать на пашнѣ. По среднему расчету, на одну десятину пашни должно приходиться около трехъ десятинъ сѣнокосовъ, у насъ-же повсюду и вездѣ сѣнокосовъ гораздо меньше, чѣмъ пахатныхъ земель. Какое-же тутъ можетъ быть интенсивное хозяйство, когда прежде всего крестьянинъ не имѣетъ необходимаго количества удобренія и не можетъ располагать нужной ему животной силой для обработки пашни.

Чтобы поднять у себя интенсивное хозяйство, Европа принимала очень энергичныя «просвѣтительныя» мѣры, и ни одна изъ нихъ также не привела ни къ чему, какъ и у насъ. То, что мы дѣлали для сельскохозяйственнаго просвѣщенія крестьянина, было только повтореніемъ того, что было придумано Европой раньше. Мы учреждали у себя и сельскохозяйственныя школы, и агрономическіе институты, но ни ученымъ земледѣльцамъ, ни ученымъ агрономамъ дѣлать было нечего и все-таки лучшіе управляющіе были у насъ изъ иностранцевъ. Мы учреждали и сельскохозяйственныя сѣзды, и сельскохозяйственныя выставки, и сельскохозяйственныя общества, наконецъ, въ послѣднее время были свидѣтелями неудачныхъ окружныхъ сѣздовъ, которые должны были окончателно убѣдить, что мужика не сдѣлаешь интенсивнымъ сельскимъ хозяиномъ и русская земля не сдѣлается урожайнѣе по шучьему велѣнью. Конечно, если допустить, что аграрныя отношенія неизмѣнимы, то выхода придется искать въ интенсивномъ хозяйствѣ; но вѣдь и вопросъ весь въ томъ, дѣйствительно-ли аграрныя отношенія должны быть неизмѣнны и крестьянинъ долженъ застыть на-вѣки на томъ мѣстѣ, на которомъ его застало освобожденіе и при всякихъ, даже при измѣнившихся условіяхъ его положенія, какъ-бы они не были худы и несправедливы, долженъ остаться при нихъ.

Люди другого мнѣнія думаютъ, что улучшеніе сельскаго хозяйства и улучшеніе быта легче всего достигнуть чисто-аграрными мѣрами. Основаніемъ для этого мнѣнія служатъ неоспоримые факты, достаточно уже выясненные и правительственными изслѣдованіями, и изслѣдованіями частныхъ статистиковъ. Жалобы на недостатокъ надѣловъ не прекратятся предложеніями окружныхъ сѣздовъ ввести сельскохозяйственныя улучшенія и бесплодными lamentаціями, что нашъ мужикъ плохой хозяинъ. Самое-же главное, что всѣ эти сѣтованія не убѣдятъ земледѣльца

и не увѣрять его хоть-бы въ томъ, что отношеніе между его лугами и пашнями правильно, и что нищенскій надѣлъ, который достался во многихъ мѣстахъ крестьянину, для него достаточенъ. А если улучшеніе сельскаго хозяйства и усиленіе производительности сельскаго труда не можетъ быть достигнуто мѣрами интенсивнаго хозяйства, то ясно, что оно должно быть достигнуто другими мѣрами, болѣе сподручными, выполнимыми, а слѣдовательно, и болѣе практичными.

Собственно тотъ двадцатипятилѣтній періодъ, который уже и мы, современники, обозвали «переходной эпохой» изображалъ собою борьбу новыхъ элементовъ «пожертвованнаго поколѣнія», «кающихся дворянъ», «разночинца» разныхъ видовъ и народныхъ стремленій къ лучшему съ элементами «старой Россіи» и помѣстными началами быта. Компромиссъ вполне не состоялся, для равновѣсія силъ не нашлось устойчивой точки, и всѣ послѣдствія, которыя пришлось испытать на себѣ и обществу, и народу въ этотъ двадцатипятилѣтній періодъ—только результатъ тѣхъ столкновеній, при которыхъ «старая Россія» и помѣстный служилый элементъ оказались болѣе сильными.

IV.

Есть у англичанъ писатель, принадлежащій какъ и большинство англійскихъ писателей къ консервативнымъ мыслителямъ. Поэтому-то о немъ мы и хотимъ напомнить читателю. Писатель этотъ говоритъ, что сущность всякаго прогресса заключается въ перемѣнахъ, а всякая перемѣна зависитъ отъ критической мысли. Чѣмъ сильнѣе, глубже и шире критическая мысль, тѣмъ благотворнѣе ея послѣдствія. Но наивысшая плодотворность послѣдствій достигается тогда, когда критика обнимаетъ наибольшую массу производительныхъ идей и когда во главѣ ея стоитъ правительство. Бываютъ періоды, когда великія идеи, явившись какъ-бы внезапно, заражаютъ самыхъ обыкновенныхъ людей и возбуждаютъ въ нихъ возвышенныя мысли и небывалыя, возвышенныя чувства. Такой эпохой была для Германіи—реформація, для Англій—царствованіе Елизаветы. Открытіе Америки и реформаціонное движеніе въ религіозныхъ понятіяхъ дали такой толчекъ европейской мысли, другого примѣра котораго исторія не представляетъ. Критика еще не была безусловно свободной, но она была все-таки свободнѣе, чѣмъ когда-либо. И вотъ въ Англій развиваются съ необыкновенной силою поэзія, наука, архитектура; энергическая возвышенная мысль пользуется

уваженіемъ, а вслѣдствіе этого увеличивается и число энергичныхъ возвышенныхъ мыслителей. Всѣ люди, обладающіе подобной способностью, заражаютъ своимъ примѣромъ и становятся образцами для подражанія. Возвышенныя идеи носятся въ воздухѣ, всякій стремится думать возвышенно, самостоятельность въ мысли и поведеніи считается достоинствомъ, способность стать въ независимыя отношенія къ обычаю—признакомъ ума, и, такимъ образомъ, оригинальность занимаетъ мѣсто прежней одноформенности и оригинальные люди стремятся довольно свободно въ направленіи ихъ общественныхъ цѣлей. Въ такіе моменты въ жизни народовъ является всегда рядъ замѣчательныхъ личностей, гениальныхъ поэтовъ, гениальныхъ мыслителей, оригинальныхъ творцовъ въ области искусства и замѣчательныхъ государственныхъ людей.

Но критическая мысль, овладѣвающая обществомъ, можетъ не всегда касаться общихъ производительныхъ идей; иногда она затрогиваетъ лишь нѣкоторые частные вопросы. Такъ критика можетъ быть производительной въ вопросахъ чистаго искусства, не касаясь другихъ вопросовъ жизни. Подобные моменты бывали и въ древней исторіи, и въ средней исторіи Европы. Гомеръ, несмотря на всю гениальность своего художественнаго творчества, все-таки не критикъ въ истинно-прогрессивномъ значеніи этого слова. Рафаэль, Бенвенуто Челлини, Микель Анджело и цѣлый рядъ средневѣковыхъ и послѣдующихъ живописцевъ, архитекторовъ, музыкантовъ имѣли неоспоримо громадное вліяніе на движеніе искусства и на развитіе художественныхъ понятій Европы; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ они мало содѣйствовали развитію мысли и не помогли образованію самостоятельныхъ и оригинальныхъ людей.

Типъ подобныхъ людей, если обстоятельства благоприятствуютъ его появленію, если онъ можетъ получить у націи особенное предпочтеніе и сдѣлаться постояннымъ, является главной прогрессивной силой. Сущность всѣхъ прогрессивныхъ эпохъ заключается именно въ появленіи подобныхъ людей и въ томъ преобладаніи, какое они обнаруживали надъ людьми умственно несамостоятельными. Но чтобы критическая мысль всѣхъ подобныхъ людей могла выразиться въ практическихъ перемѣнахъ, необходимо, чтобы она овладѣла и правительствомъ.

Это мнѣніе англійскаго писателя подтверждается вполне русской исторіей. Наиболее яркимъ примѣромъ значенія критической мысли въ дѣлѣ преобразованій служить, конечно, Петръ-Великій. Въ немъ критическая мысль нашла себѣ лучшаго представителя въ тогдашней Россіи и въ его-же рукахъ сосредоточива-

лись и всё средства для перемѣнъ. Но его критическая дѣятельность обнимала только одну область, и ей приходилось вращаться не въ слишкомъ большой массѣ вопросовъ и жизненныхъ явленій. Можно сказать, что онъ скорѣе всего подготавливалъ средства и возможности для послѣдующаго развитія критической мысли. Окно, которое прорубилъ Петръ-Великій въ Европу, пропустило къ намъ столько свѣту и создало, наконецъ, такую солидарность съ интересами цивилизованнаго человѣчества, что маленькая, темная до-петровская Россія развилась въ 90 миллионное государство и, въ своей борьбѣ за международное существованіе и чтобы сохранить свою національную самостоятельность, должна была развить въ себѣ массу новыхъ силъ.

Послѣ-петровскія политическія обстоятельства были не особенно благоприятны для развитія внутреннихъ силъ Россіи, и всякое столкновеніе съ Европой постоянно убѣждало насъ, насколько внутреннія формы жизни несоотвѣтствовали той потребности въ ростѣ силъ, какая была необходима, чтобы въ борьбѣ за свое національное существованіе мы могли-бы вынести конкуренцію съ Европой. Крымская война послужила послѣднимъ пробнымъ камнемъ этой борьбы, и наше малосиліе подтвердилось вполне фактами столкновенія съ Европой. Въ военномъ отношеніи мы должны были уступить сравнительно очень ничтожнымъ силамъ; если-бы мы захотѣли конкурировать съ Европой и открыли-бы свои таможи, все наше внутреннее производство было-бы подавлено европейскими болѣе дешевыми и лучшими фабрикатами; если-бы мы вздумали соперничествовать съ Европой въ области знанія и умственнаго развитія, она точно также подавила-бы насъ. Нѣтъ ни одной сѣры человѣческой дѣятельности, въ которой-бы мы могли выставить массу силъ, способныхъ выдержать напоръ Европы. Даже какъ хлѣбная житница мы уже вытѣснены съ европейскихъ рынковъ, благодаря только тому, что въ то время, какъ Европа и особенно Америка развивали свои силы съ необыкновенной быстротой, мы до сихъ поръ шли черепашьимъ шагомъ. Въ этомъ отношеніи надъ нами повторился, но въ иной области, мальтусовъ законъ, ибо въ то время, какъ цивилизованный міръ развивалъ свои силы въ геометрической прогрессіи, мы развивали ихъ въ арифметической.

Шестидесятые года явились моментомъ необыкновеннаго подъема нашего духа, небывалаго напряженія нашихъ умственныхъ силъ и небывалаго еще развитія критической мысли, во главѣ которой стало само правительство, для котораго совершенно было ясно, что для борьбы Россіи за свое международ-

ное государственное существованіе, ей необходимо открыть новыя возможности для развитія внутреннихъ силъ. Можно именно сказать, что во время шестидесятихъ годовъ, когда возвышенныя идеи носились у насъ въ воздухѣ, всякій стремился думать въ направленіи общаго блага, блага Россіи, блага народа и только въ этомъ, возвышенномъ направленіи мысли на народное и государственное благо всякій видѣлъ свое достоинство и признакъ умственной силы. Тогда всѣ или думали, или старались думать въ этомъ направленіи. Ничего нѣтъ мудренаго, что шестидесятые года выставили массу замѣчательныхъ личностей, преимущественно въ области того коренного вопроса, который выдвинулся на первое мѣсто, въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ.

Но критическая мысль не удовлетворилась только этимъ главнымъ вопросомъ или, точнѣе, она отнеслась послѣдовательно также и ко всѣмъ соприкосновеннымъ съ нимъ побочнымъ вопросамъ. Вотъ почему не было въ то время ни одной области вѣденія, куда-бы не заглянула критическая мысль и не было ни одного общественнаго явленія, котораго-бы она не коснулась. Земля и небо, рай и адъ, выражаясь фигурально,—вопросы личнаго счастья, вопросы счастья общественнаго, изба мужика, домъ вельможи, — все было осмотрѣно и изслѣдовано критическою мыслью; не осталось на землѣ ни одного уголка, куда-бы она не заглянула, не исключая даже и острова Утопіи. Разобраны были всѣ общественныя теоріи всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ, политическія формы государствъ древняго и новаго міра; провѣрены средства, которыми создавалось благо и благополучіе націй—и все это было взвѣшено, изслѣдовано, обсуждено и предложено, какъ матеріалъ для мышленія русскому обществу, желавшему начать жизнь на новыхъ началахъ, наиболѣе способныхъ служить развитію общественныхъ, производительныхъ и умственныхъ силъ. Однимъ словомъ, задача критической мысли шестидесятихъ годовъ заключалась въ томъ, чтобы опредѣлить, при какихъ условіяхъ развитіе силъ можетъ идти наиболѣе успѣшно и при какихъ условіяхъ можетъ развиваться наивысшее личное и общее благо. Другого, болѣе напряженнаго состоянія критической мысли въ исторіи Россіи никогда не бывало, да и не повторится. Въ исторіи міра есть только два событія, которыя допускаютъ между собою параллель по грандіозности напряженія силъ и по послѣдующимъ событіямъ. Формы, въ которыхъ выразилось развитіе этихъ силъ и внѣшній ихъ характеръ неодинаковы, но по своему внутреннему содержанію они имѣютъ одинаковое значеніе. Во Франціи напоръ критической мысли выразился въ 1789 году страшнымъ

взрывомъ, крайнимъ возбужденіемъ страстей и небывалымъ въ исторіи терроромъ. Мы оказались счастливиѣе французомъ, хотя умственная революція, которую мы пережили въ шестидесятихъ годахъ, была не меньше умственной революціи, которую переживала Франція съ половины XVIII вѣка. О размѣрѣ этой умственной революціи, нами пережитой, теперь довольно трудно судить, но если-бъ кто-нибудь изъ современниковъ и былъ въ состояніи сравнить русское общество и жизнь всей внутренней Россіи до освобожденія крестьянъ съ тѣмъ, что общество и Россія теперь, если-бы эти двѣ разныя Россіи можно было нарисовать въ видѣ картинъ и положить на столъ рядомъ, то оказалась-бы въ понятіяхъ, въ воззрѣніяхъ, въ учрежденіяхъ и во всемъ складѣ жизни этихъ двухъ періодовъ, пожалуй, еще большая разница, чѣмъ между до-петровской и послѣ-петровской Россіей. Въ этомъ смыслѣ наша «переходная эпоха» есть величайшая эпоха государственной, общественной, народной и политической жизни Россіи, какой еще никогда не видала русская исторія, а «пожертвованное поколѣніе» можетъ сказать съ гордостью, что оно вынесло на своихъ плечахъ величайшую борьбу, работая для блага своей родины и положивъ первый камень въ основаніе этой работы для общаго блага.

Эпоха восьмидесятихъ годовъ, которую мы будемъ переживать, будетъ опять эпохою новыхъ людей, новыхъ порывовъ критической мысли, новыхъ отминовъ въ задержкахъ, мѣшавшихъ развитію силъ. Но у этой эпохи не будетъ уже ни того блеска и энтузіазма, ни той свѣжести чувства, мысли и порывовъ, которые сообщили яркій цвѣтъ шестидесятымъ годамъ. Умственное наслѣдіе, которое они передали теперешнему времени, на столько уже велико, что область критической мысли стала неизмѣримо уже, а, слѣдовательно, будетъ меньше и критическая работа. Эпоха восьмидесятихъ годовъ будетъ не столько эпохой идей, сколько эпохой практическихъ дѣлъ, и этимъ она будетъ отличаться главнѣйше отъ шестидесятихъ годовъ. Но и для практическихъ дѣлъ наступающій періодъ будетъ легче періода предъидущаго. Легче онъ будетъ потому, что причины теперешняго положенія Россіи, какъ экономическаго, такъ и умственнаго, выяснились и опредѣлились въ своихъ главныхъ чертахъ, слѣдовательно, отвѣтъ на вопросъ—что дѣлать, уже не представляетъ затрудненія для практическихъ людей и для людей власти. Какъ періодъ, непосредственно слѣдующій за шестидесятыми годами, восьмидесятые года будутъ ихъ продолженіемъ, ибо самой логикой факта они призваны завершить то, что не кончилось тогда, продолжать задачу развитія силъ, предоставить дѣло свободнымъ

элементамъ мысли и накопившимся свободнымъ силамъ, ищущимъ выхода и, наконецъ, тѣмъ новымъ силамъ, которыя до сихъ поръ не призывались къ дѣлу.

Если благо народа и благо всѣхъ есть цѣль нашей общественной дѣятельности, то ясно, что народъ есть уже самъ по себѣ извѣстный умственный элементъ и въ тоже время гражданская государственная сила. Но именно относительно этой его правоспособности въ нашемъ обществѣ не установилось еще точнаго мнѣнія, и народъ обыкновенно противопоставляется интеллигенціи, какъ нѣчто неинтеллигентное, вѣчно нуждающееся въ наблюденіи и руководствѣ. Относительно умственной правоспособности народа у насъ существуетъ даже большее разнорѣчіе, чѣмъ въ вопросѣ, какими мѣрами увеличить производительность народнаго земледѣлія,—интенсивнымъ-ли хозяйствомъ, или аграрными перемѣнами. Вопросъ о способности народа еще недавно обсуждался «Земствомъ», газетой которой-бы слѣдовало лучше знать все то, что относится непосредственно къ земскимъ интересамъ. Земская газета полагаетъ, что всѣ земскіе дѣла пойдутъ гораздо лучше, когда будетъ данъ большій доступъ въ земское самоуправленіе интеллигенціи. Мы не отрицаемъ, что доступъ для интеллигенціи долженъ быть облегченъ кореннымъ измѣненіемъ условій допущенія къ общественнымъ дѣламъ и установленіемъ ценза интеллектуальнаго. Но вопросъ именно и заключается въ томъ, чтобы установить признаки интеллектуальности и опредѣлить, что такое интеллигентный цензъ. Вся русская исторія достаточно убѣждаетъ въ томъ, что все то, что мы привыкли называть интеллигенціей, не всегда стояло на высотѣ своей задачи и не всегда взвѣшивало вѣрнымъ образомъ интересы государства и всей страны. Интеллектуальность заключается, конечно, не въ внѣшнихъ признакахъ образованія и, вѣроятно, сама газета «Земство» согласится, что на мнѣніяхъ, которыя высказывались на земскихъ и дворянскихъ собраніяхъ даже нынѣшней зимы, не всегда лежала печать интеллигентности. Въ одномъ изъ предъидущихъ внутреннихъ обозрѣній уже говорилось, насколько новыя условія жизни требуютъ новыхъ силъ, насколько дѣйствующія силы недостаточны для всѣхъ русскихъ дѣлъ просто по одному своему численному составу, и насколько всякій цензъ, будетъ-ли онъ сословный или интеллектуальный, въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его почтенная «Земская Газета», т. е. въ смыслѣ внѣшнихъ признаковъ образованія, еще не создаетъ гарантіи дѣйствительной интеллигентности. Газетѣ «Земство» прекрасно возразило «Новое Время», и это возраженіе мы приведемъ здѣсь цѣликомъ.

«Въ самомъ дѣлѣ: какіе-нибудь посадскіе люди или чернососные крестьяне XVII вѣка, говорятъ «Н. В.»,—развѣ они сильнѣй были по части бухгалтерскихъ тонкостей и канцелярскихъ хитросплетеній, чѣмъ нынѣшніе крестьяне? А вѣдь умѣли-же они разбираться въ такихъ сложныхъ и трудныхъ задачахъ, которыя предлагались на обсужденіе земскихъ соборовъ при Михаилѣ Федоровичѣ, напримѣръ, или при Алексѣѣ Михайловичѣ! И теперь, кому доводилось ближе присматриваться къ народу, къ его мірской дѣятельности, поражаются необыкновенною находчивостью крестьянъ въ самыхъ трудныхъ вопросахъ, возникающихъ при разверсткѣ платежей и повинностей, при распредѣленіи земельныхъ угодій между членами общины и т. п. Почему-же передъ земскими хитросплетеніями пасуетъ крестьянскій разумъ, вѣками изощрившійся въ правильномъ и, главное, справедливомъ распредѣленіи общественныхъ тягостей? Отвѣта нужно искать не въ «темнотѣ» крестьянина, не тамъ, гдѣ ищетъ его «Земство», а въ самой постановкѣ, какую приняло у насъ земское дѣло. Въ канцеляріи крестьянскій разумъ дѣйствительно теряется, какъ теряется въ ней всякая живая, свѣжая мысль. Въ канцеляріи крестьянинъ чувствуетъ себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ и боится обронить слово, чтобы не досталось отъ «начальства». Никакая интеллигенція тутъ не поможетъ ему. Не даромъ крестьянинъ окрестилъ земство мѣткимъ прозвищемъ «господчины». Онъ дѣйствительно въ земствѣ не равный съ равными, не полный совѣтникъ, а крѣпостной своего начальства, засѣдающаго тутъ-же и имѣющаго полную возможность покарать его, если-бы онъ осмѣлился свое сужденіе имѣть. А тутъ еще «двойныя бухгалтеріи», да всякія хитросплетенія, съ помощью которыхъ начальство сваливаетъ на мужицкую спину земскія тягости! Гдѣ ужъ тутъ мужику держаться на своихъ ногахъ? Толькобы оставили въ покоѣ... Такое положеніе дѣла, естественно, закрываетъ для крестьянъ поприще земской дѣятельности и открываетъ доступъ въ земство, главнымъ образомъ, для всѣхъ такъ-называемыхъ дѣльцовъ, которые и орудуютъ земскимъ дѣломъ. Но это совершенно особый вопросъ, возникшій, главнымъ образомъ, по милости той-же интеллигенціи, хотя и владѣющей цензомъ. Устранить зло, отсюда происходящее, можетъ только устраненіе причинъ, его вызвавшихъ; эти причины такъ многосторонни, что безъ преувеличенія можно сказать: онѣ проникаютъ весь теперешній строй земскихъ учреждений и даже не однихъ земскихъ, но и всѣхъ другихъ, стоящихъ рядомъ съ ними. Достаточно указать, напримѣръ, что изъ земства исходятъ и въ тѣсной связи съ нимъ стоятъ пресловутыя «присутствія по крестьян-

скимъ дѣламъ», члены которыхъ, въ качествѣ полновластнаго начальства надъ крестьянами, проводятъ въ земство, съ помощью крестьянскихъ избирательныхъ собраній, кого имъ вздумается и, состоя обыкновенно гласными земства, держатъ въ своихъ рукахъ крестьянскіе голоса на земскихъ собраніяхъ. А это не единственное явленіе нашего теперешняго мѣстнаго управленія. Вотъ гдѣ надо искать разгадку земскихъ недуговъ, а вовсе не въ «темнотѣ» крестьянства, какъ пытаются увѣрить насъ поклонники «интеллигентности».

Въ заключеніе мы приведемъ государственный актъ, которому нельзя не придать весьма серьезнаго государственнаго значенія въ разрѣшеніи вопроса, о которомъ мы говорили. Высочайшимъ Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 1-го марта, повелѣно привести къ присягѣ на вѣрность и крестьянъ наравнѣ со всѣми остальными подданными. Этимъ актомъ крестьянство ставится юридически отвѣтственнымъ въ служеніи государственнымъ интересамъ и государственнымъ пользамъ и наравнѣ съ остальными сословіями призывается къ охраненію интересовъ отечества.

Н. Ш.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Англійскія затрудненія и ирландскія дѣла.

I.

Трудное время приходится переживать Англїи въ настоящую минуту. Она выдерживаетъ цѣлый рядъ кризисовъ на различныхъ концахъ своихъ обширныхъ владѣній и эти кризисы ложатся двойною тяжестью, такъ-какъ вызываютъ съ одной стороны весьма значительныя матеріальныя жертвы, а съ другой наносятъ серьезный ущербъ и нравственному престижу Англїи.

Послѣ афганистанскихъ дѣлъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тянется война въ Трансваалѣ съ ея бесплоднымъ кровопролитіемъ и перемежающимися пораженіями британскихъ войскъ. Послѣднее извѣстіе, принесенное телеграфомъ, сообщаетъ о дѣлѣ, имѣвшемъ характеръ настоящей катастрофы. Боэры не только побили англичанъ, но и убили генерала сэра Джорджа Коллея, что можетъ отодвинуть и затруднить заключеніе желаннаго мира.

Въ то-же время ашантии точно также какъ и боэры грозятъ новымъ возстаніемъ и сами зулусы далеко не спокойны.

Впрочемъ, какъ не серьезны эти внѣшнія затрудненія, они не могутъ сравниться съ тѣми, которыя волнуютъ Великобританію внутри страны. Мы говоримъ объ ирландскомъ вопросѣ. Вотъ уже въ пятый разъ, въ теченіи столѣтія, какъ положеніе Ирландїи обостряется до крайности, наводитъ ужасъ на все соединенное королевство и приводятъ въ смятеніе правительственныя сферы.

Дѣло идетъ не о временной неурядицѣ, обусловленной проходящими обстоятельствами и могущей прекратиться съ ихъ минованіемъ. Дѣло идетъ о глубокомъ, неисцѣлимомъ недугѣ, гложущемъ тѣло неумолимаго побѣдителя и всѣ усмиряющіе билли Гладстона не въ силахъ избавить отъ него.

Англичанамъ это не безызвѣстно. Они знаютъ, что иллюзіи въ этомъ отношеніи невозможны. Отсюда и истекаетъ ихъ гнѣвъ или, вѣрнѣе, бѣшенство, по отношенію къ родственному острову, а также и тѣ потоки клеветы, которые изливаются ежедневно, наводняя собою англійскую печать и проникая затѣмъ въ иностранную, а въ особенности въ органъ французскаго оппортунизма.

Даже тогда, когда ирландская агитація не выступала еще за предѣлы британскаго парламента и не носила настоящаго грознаго характера, даже и тогда не было достаточно оскорбительнаго выраженія для такъ-называемыхъ ирландскихъ обструкціонистовъ. Каждый респектабельный либераль смотрѣлъ на нихъ съ непобѣдимымъ недоувѣріемъ и только въ средѣ одной группы закоренѣлыхъ радикаловъ можно было встрѣтить нѣкоторое и довольно робкое сочувствіе къ этимъ непримиримымъ. Поэтому большая часть публики, привыкшая составлять себѣ мнѣніе по газетнымъ сплетнямъ и клубнымъ толкамъ, давно пришла къ самымъ страннымъ понятіямъ по этому поводу. Въ глазахъ этой публики «обструкціонистъ», говоря словами англійскаго писателя г. Рейда, «есть новая разновидность парламентской гориллы, болѣе склонная къ перерѣзанію горла или потопленію кораблей, чѣмъ къ представленію разумныхъ предложеній въ парламентѣ».

По какому праву такого рода люди засѣдаютъ въ парламентѣ? Вотъ вопросъ, который задавалъ себѣ каждый. По всеобщему мнѣнію они способны лишь опозорить всякій законодательный корпусъ, а тѣмъ болѣе тотъ, который хвалился нѣкогда своимъ джентльменствомъ предъ всѣми прочими собраніями цѣлаго міра.

Нѣсколько дней тому назадъ шайка этихъ гориллъ появилась въ Парижѣ. Въ главѣ ея стоялъ одинъ изъ имъ подобныхъ, признаваемый вожакомъ, знаменитый Парнелль.

Множество любопытныхъ собралось поглазѣть на странствующій звѣринецъ. Hotel Brighton, гдѣ онъ водворился, былъ немедленно осажденъ репортерами отъ „Triboulet“, „Figaro“, „Gaulois“ и въ то-же время отъ „Rappel'a“ „Mot d'Ordre'a“, „Citoyen'a“.

Странное дѣло, эти ужасные обструкціонисты, несмотря на усы и старанія, прилагаемыя къ тому, чтобы не походить на англичанъ, весьма мало отличались какъ по манерамъ, такъ и по внѣшнему виду отъ джентльменовъ, которыхъ приходилось встрѣчать въ великобританскихъ салонахъ.

Уже при первомъ взглядѣ становилось очевиднымъ, что всякія опасенія за личную безопасность были-бы вполне лишены

основанія. Всѣ безъ исключенія весьма вѣжливо отвѣчали на предложенные имъ вопросы.

Парнелль возбуждалъ особенно острое любопытство. Нашли, что у него благородная и для гориллъ довольно красивая наружность. Онъ высокъ, строенъ, хотя и коренастъ. Выраженіе лица спокойное и серьезное. По временамъ онъ улыбается, какъ улыбаются благовоспитанные люди; взгляды его разсѣянъ, а когда онъ останавливается на чемъ-нибудь, черный съ волокой зрачокъ расширяется и получаетъ какой-то стальной отблескъ. Держится онъ непринужденно и просто. Голосъ чистъ, выражается свободно. Слушая его, чувствуется, что онъ долженъ быть замѣчательнымъ debater'омъ. Чѣмъ страстнѣе разгорается споръ, тѣмъ спокойнѣе держитъ себя Парнелль. Можно представить себѣ, какъ должно дѣйствовать это спокойствіе на пламенно-краснорѣчиваго Гладстона. Парнелль еще молодъ, ему не болѣе тридцати-пяти лѣтъ. Онъ по прямой линіи исходитъ отъ послѣдняго ирландскаго канцлера казначейства (министра финансовъ) Джона Парнелля. Когда Питтъ предложилъ «актъ воссоединенія», лишившій Ирландію законодательной автономіи и упразднившій ирландскій парламентъ, онъ встрѣтилъ горячаго противника въ Джонѣ Парнеллѣ. Но золото, лившееся рѣкой, съ цѣлью купить голоса его сотоварищей на предложеніе ему титула англійскаго лорда, не могло повліять на эту честную душу. Такимъ образомъ его внукъ получилъ право сказать, что патріотизмъ присущъ и его расѣ и его семейству.

Что касается другихъ сторонъ характера Парнелля, то его можно назвать скорѣе американцемъ, чѣмъ ирландцемъ. Дѣдъ его со стороны матери былъ извѣстный американскій адмиралъ Карлъ Стюартъ, прозванный «железнымъ человѣкомъ». Когда Парнелль-отецъ встрѣтился съ дѣвицею Стюартъ во время путешествія своего по Соединеннымъ Штатамъ, она блистала красотою и умомъ. Въ настоящее время г-жа Парнелль—вдова и живетъ въ Америкѣ въ своемъ обширномъ помѣстьѣ. Кромѣ сына у нея двѣ дочери Фанни и Анна,—обѣ личности замѣчательныя. Первая изъ нихъ—американская поэтесса; вторая стоитъ во главѣ лиги ирландскихъ женщинъ. Парнелль воспитывался въ Англии, въ Оксфордскомъ университетѣ. По окончаніи курса онъ совершилъ обязательную поѣздку на континентъ и долгое время жилъ въ Парижѣ, пока, наконецъ, голосъ родины не призвалъ его въ Ирландію.

Вначалѣ ничто не обличало въ немъ дѣятеля и будущаго главу партіи. Живя въ обширномъ помѣстьѣ своемъ Авендолѣ,

онъ занимался положительными науками и механикой, посвящая этимъ занятіямъ досуги, оставшіеся отъ исполненія обязанностей шерифа и спорта, его преобладающей страсти въ то время. Страстный охотникъ, любитель лошадей, собакъ, неутомимый и отличный наѣздникъ—вотъ единственные качества, которыми отличался Парнелль въ ту пору своей жизни.

Въ 1873 г. онъ сдѣлался депутатомъ. Графство Мэть избрало его своимъ представителемъ въ палатѣ общинъ. Въ настоящую минуту онъ представитель Коркского графства. Вскорѣ его вліяніе достигло такихъ размѣровъ, что его безъ колебанія признали вождемъ гомерулеровъ въ палатѣ общинъ. Тѣмъ не менѣе Парнелль не владѣетъ блестящими свойствами какого-нибудь О'Коннеля. Онъ не отличается пламеннымъ воображеніемъ. Это не кельтъ, а спокойный и холодный англо-саксонецъ. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается тайна его вліянія на ирландцевъ: они нашли въ немъ то, чего недоставало имъ самимъ. Ихъ туманный и мечтательный умъ подчинился положительному, практическому уму Парнелля, непрестанно направлявшему ихъ къ дѣйствительности.

Что имѣетъ онъ въ виду? Въ его энергіи и преданности дѣлу освобожденія родины не сомнѣвается даже никто изъ его противниковъ. Но какимъ путемъ, какими средствами надѣется онъ достигнуть рѣшенія такой трудной задачи? Во время своего путешествія онъ не разъ высказывался объ этомъ, такъ-какъ цѣль этого путешествія заключалась въ разъясненіи иностранной печати истиннаго положенія ирландскихъ дѣлъ, въ опроверженіи клеветы и нечѣпости, которыми ежедневно наполняли столбцы газетъ и которыя вводили въ заблужденіе общественное мнѣніе.

II.

Чѣмъ собственно недовольна Ирландія? читаемъ въ этихъ газетахъ, которыя, впрочемъ, представляютъ вѣрный сколокъ съ англійскихъ. Ирландія жалуется на то, что была завоевана. Но это старая исторія и въ Европѣ нѣтъ ни одной націи, которой не пришлось-бы испытать того-же самаго. Порывшись повнимательнѣе въ исторіи, можно было-бы, сверхъ того, доказывать,—какъ то сдѣлалъ въ одной изъ остроумнѣйшихъ рѣчей своихъ Дизраэли,—что ирландцы не могутъ считать себя завоеванной расой и, что во всякомъ случаѣ англичане болѣе завоеваны, чѣмъ они.

Нѣтъ, говорятъ другіе, главная и истинная причина недо-

вольства не въ фактѣ завоеванія; эта причина лежитъ въ религиозномъ вопросѣ. Но и здѣсь пришлось-бы для признанія вѣрности этой причины взглянуть на исторію крайне-одностороннимъ образомъ. Тѣмъ, кто указалъ-бы на исключительные законы, направленные противъ ирландцевъ, можно было-бы напомнить рѣзню 1641 г., во время которой болѣе тридцати тысячъ протестантовъ-англичанъ погубило отъ руки возставшихъ, во имя папы и короля, ирландцевъ. Можно-бы также напомнить о поддержкѣ, оказанной ирландцами Карлу I и Якову II. Развѣ ирландскіе католики не были постоянной опорой Стюартовъ въ борьбѣ этихъ послѣднихъ въ пользу возстановленія абсолютной монархіи и уничтоженія англійскихъ вольностей? Развѣ во время этой борьбы Ирландія не была для Англій своего рода Вандеи? Что касается исключительныхъ законовъ, то они были отмѣнены уже въ 1793 г. Около того-же времени Питтъ отпустилъ Ирландіи значительную субсидію для основанія Могнуотской семинаріи. Позднѣе, въ силу «catholic relief act», покойный лордъ Дерби, въ то время еще мистеръ Стэнлей, установилъ въ Ирландіи систему національныхъ школъ. Въ Дублинѣ былъ учрежденъ учебный совѣтъ для споспѣшествованія и наблюденія за первоначальнымъ обученіемъ. Начальниковъ заведеній пригласили присоединиться къ совѣту и подчиниться нѣкоторымъ формальностямъ, взаменъ чего они получали-бы ежегодную субсидію. Но главнымъ образомъ имѣлось въ виду, что школы должны быть нѣкоторымъ образомъ свѣтскими. Школы примкнули во множествѣ къ учебному совѣту, получили субсидію и въ самомъ непродолжительномъ времени нарушили главное условіе во всѣхъ трехъ главныхъ провинціяхъ. Напрасно протестанты заявляли о своемъ неудовольствіи по поводу того, что школы, получавшіе средства отъ государства въ сущности были школами вполне и исключительно католическими; правительство не приняло никакихъ мѣръ и въ настоящую минуту въ Ирландіи насчитываютъ тысячи школъ, получающихъ только-что указанныя субсидіи и имѣющихъ до милліона воспитанниковъ, причемъ обученіе производится совершенно въ духѣ инвортантской доктрины.

Послѣ того насъ не можетъ удивлять скандалъ, поднятый въ іюнѣ 1880 года однимъ изъ ирландскихъ депутатовъ, противъ только-что назначеннаго тогда французскаго посланника Шальмель-Лакура. Ирландецъ-депутатъ, носящій имя О'Доннелла, упрекнулъ Шальмель-Лакура за то, что въ бытность его префектомъ въ Ліонѣ, онъ причинилъ убытокъ нѣкоторымъ монастырямъ, допустивъ разграбленіе ихъ народомъ. Въ доказатель-

ство справедливости обвиненія приводилось и то обстоятельство, что потерпѣвшіе монастырскіе общины вчинили искъ противъ Шальмель-Лакура. Увѣрили даже, что новый французскій посланникъ довелъ свою ненависть къ монахамъ до такой степени, что воскликнулъ: «Этихъ людей слѣдуетъ разстрѣливать!» Всѣ эти обвиненія были весьма важно и серьезно изложены съ трибуны, а когда палата общинъ выразила желаніе не останавливаться на подобныхъ вещахъ, одинъ изъ старыхъ ирландскихъ патріотовъ, Сюлливанъ, вскочилъ съ своего мѣста и съ чисто-юношескимъ жаромъ воскликнулъ: «Это деспотизмъ! Это цезаризмъ!»

Но мы имѣемъ и еще болѣе яркіе факты. Вотъ, напримѣръ, какъ отнеслись ирландцы,—эти друзья Франціи и апостолы революціи,—къ приснопамятному кризису 16 мая, отъ котораго зависѣла будущность республики и свободы во Франціи. Въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ 1870 г. «Dublin Review» помѣстила статью, озаглавленную: «Призывъ къ Франціи маршала Макъ-Магона».

Въ статьѣ, между прочимъ, находятъ, что «въ такую серьезную минуту французы должны оказать поддержку маршалу Макъ-Магону, что вполне будетъ согласоваться съ правомъ и справедливостью. Тѣ, кто поступилъ-бы иначе, должны быть признаны, выражаясь словами Монталамберга, сказанными по другому поводу,—плохими католиками и еще болѣе плохими сынами Франціи».

Можно-ли по крайней-мѣрѣ надѣяться, что движеніе, руководимое Парнеллемъ успѣло освободиться отъ клерикальнаго вліянія? Это было-бы крупнымъ успѣхомъ. Впрочемъ, повидимому, оно такъ и есть, если принять въ соображеніе рассказъ о свиданіи Рошфора съ коркскимъ депутатомъ, помѣщенный въ «Jntansigeant». Еще болѣе подтверждается фактъ разрыва съ клерикалами недавнимъ письмомъ архіепископа дублинскаго. Изобразивъ страданія Ирландіи, архіепископъ прибавляетъ: «Но еще болѣе ужасное и унизительное бѣдствіе грозитъ въ настоящую минуту нашему народу. Это новое бѣдствіе заключается въ исканіи союза съ безбожниками и нечестивцами, повергшими собственную родину въ пучину всевозможныхъ золъ и поклявшихся разрушить основы какой-бы то ни было религіи». «Неужели-же католическая Ирландія», продолжаетъ негодующій духовный сановникъ, «потерпитъ такой недостойный образъ дѣйствій? Неужели отступится она отъ священныхъ традицій, доставившихъ ей чрезъ цѣлыя вѣка преслѣдованій уваженіе всего христіанскаго міра? Будемъ молить Господа, чтобы онъ въ милосердіи своемъ не попустилъ этого».

Парнелль помѣшалъ разъяснить недоразумѣніе. Онъ объяснилъ, что свиданіе съ Рошфоромъ обусловлено было тѣмъ, что Рошфоръ явился къ нему первый. Онъ-же, Парнелль, принялъ содѣйствіе этого журналиста, какъ вообще не отказывался отъ поддержки со стороны и другихъ представителей печати. «Мы не радикалы и не безбожники, прибавляетъ Парнелль,—но мы желаемъ заинтересовать въ дѣлѣ Ирландіи всѣ вліятельные голоса, могущіе возбудить сочувствіе къ этому дѣлу въ благородномъ французскомъ народѣ».

Кто-то выразилъ Парнеллю удивленіе по тому поводу, что ему не пришло на мысль посѣтить архіепископа парижскаго, извѣстнаго своими ирландскими симпатіями. «Напротивъ, отвѣчаетъ Парнелль, я уже думалъ объ этомъ и не уѣду изъ Парижа, не посѣтивъ монсеньора Гибера». Порицаніе, выраженное его дѣйствіемъ дублинскимъ архіепископомъ, нисколько не смущаетъ знаменитаго агитатора. «Начиная съ 1672 г., замѣчаетъ онъ,—дублинскіе архіепископы относились постоянно враждебно къ ирландскому дѣлу. Такова традиція дублинскаго архіепископства. Назначаемые англійскимъ правительствомъ, тщательно избирающемъ ихъ, эти католическіе духовные сановники раздѣляютъ по отношенію къ намъ предрасудки и предубѣжденія англиканской оффиціальной церкви». Далѣе вождь гомерулеровъ продолжаетъ: «За исключеніемъ-же дублинскаго архіепископа въ цѣлой Ирландіи не найдется ни одного епископа, который въ глубинѣ души не былъ-бы вполне преданъ нашему дѣлу. Я скажу даже, не опасаясь быть опровергнутымъ, что если архіепископъ дублинскій противъ насъ, то, напротивъ, все дублинское духовенство не раздѣляетъ въ этомъ случаѣ его мнѣнія».

Это завѣреніе вполне вѣрно. Указанія на пререканія, возникшія между Парнеллемъ и двумя тремя ирландскими священниками, не могутъ имѣть значенія, такъ-какъ въ этихъ случаяхъ дѣло шло о личномъ соперничествѣ. Надо было слышать рѣчь его преподобія отца Шееби, произнесенную въ Коркѣ, на банкетѣ въ честь Парнелля и въ отвѣтъ на тостъ за процвѣтаніе лиги. Почтенный ораторъ, «нѣсколько знакомый съ исторіей ирландскаго народа, въ качествѣ пастыря этого народа, внесъ свою скромную лепту въ дѣло людей 1867 года». По его «глубокому убѣжденію», ирландцы не имѣли-бы въ 1880 г. Парнелля, «если-бы не существовали его предшественники 1867 года». Эти слова были покрыты восторженными рукоплесканіями. Говоря о «скромной лептѣ», ирландское духовенство дѣйствительно выказываетъ чрезмѣрную скромность. На самомъ дѣлѣ

оно простираетъ свое усердіе въ служеніи ирландской земельной лигѣ даже за предѣлы возможнаго. Такъ, напримѣръ, никогда не замѣчалось такого обилія чудесъ какъ въ настоящее время. Въ прошедшемъ году уже было видѣніе въ Кнокъ. Послѣ того въ графствѣ Майо замѣчено было новое видѣніе въ кнокморской часовнѣ. Сотни людей утверждаютъ, что видѣли надъ алтаремъ, во время богослуженія, челоуѣка, въ которомъ всѣ признали Христа. Онъ былъ прекрасенъ собою, съ длинной бородой и густыми вьющимися волосами. Онъ обошелъ вокругъ совершавшаго богослуженіе, пристально посматрѣлъ на него и поклонился ему. Не менѣе изумительные рассказы ежедневно появляются на столбцахъ ирландскихъ газетъ, со всевозможными подробностями. Этого рода рассказы можно встрѣтить даже въ такихъ передовыхъ изданіяхъ какъ дублинская «Nation» и во многихъ другихъ. Итакъ, вотъ каковы люди, представительницей которыхъ является пресловутая «земельная лига» и которые грозно возстаютъ противъ свободной Англіи, подъ предводительствомъ Парнелля. Неправда-ли, что необходимо имѣть значительную дозу нахальства съ одной и легковѣрія съ другой стороны, чтобы послѣ всего этого говорить объ «Jrisch idias» (ирландскихъ идеяхъ) и изображать этихъ запоздалыхъ вандейцевъ чуть-ли не социалистами?

Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе дѣлъ въ Ирландіи весьма сложно и единственнымъ средствомъ для вѣрнаго сужденія о немъ представляется намъ знакомство съ ходомъ ея историческаго развитія. Такъ-какъ подробное разсмотрѣніе здѣсь, очевидно, невозможно, то мы постараемся напомнить исторію Ирландіи, по крайней-мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ ея.

III.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ирландцы далеко не безъ основанія видятъ первоначальную причину своихъ бѣдствій въ завоеваніи. Положимъ, что, какъ мы упоминали ранѣе, всѣ европейскія націи не разъ подвергались завоеваніямъ прежде чѣмъ пришли къ настоящему своему положенію. Но вездѣ, за исключеніемъ Ирландіи, за покореніемъ слѣдовало сліяніе расъ и, такимъ образомъ, мало-по-малу заглаживалась несправедливость. Въ Ирландіи-же, наоборотъ, время лишь увеличивало связанныя съ завоеваніемъ насилія. Въ теченіи столѣтій, преступленія и споліація ежедневно росли и пропасть, раздѣлявшая побѣжденных отъ побѣдителей, становилась все глубже и глубже.

Этотъ историческій феноменъ, дающій ключъ къ нынѣшнему положенію дѣлъ, можетъ быть прослѣженъ съ первыхъ дней завоеванія Ирландіи. Ирландская цивилизація слишкомъ превосходила уровень цивилизаціи побѣдителей, чтобы исчезнуть предъ лицомъ ихъ, но въ то-же время она не была настолько сильна, чтобы подчинить ихъ, какъ то случилось нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ въ Испаніи и Галліи, подвергшихся могучему вліянію римскаго господства. Уже съ самаго начала обѣ расы пошли разными путями. Рядомъ съ феодальнымъ строемъ суровыхъ завоевателей, пришедшихъ съ сосѣдняго острова, кельтское населеніе сохраняло преданія своей національной цивилизаціи. Безпрестанно повторявшіяся насилія англійскихъ владѣльцевъ, по отношенію къ ихъ вассаламъ, скрѣпили кровью враждебное отношеніе между обѣими расами. Однако, вражда сдѣлалась безповоротной лишь въ тотъ день, когда усложнилась религіознымъ вопросомъ, начавшимъ раздирать Европу въ XVI столѣтіи. Гейнрихъ VIII пожелалъ обратить въ свою новую вѣру своихъ ирландскихъ подданныхъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ надѣялся на поддержку со стороны высшаго духовенства и онъ не ошибся. Это духовенство, мало-по-малу, преобразовалось со времени завоеванія. Когда англичане ввели въ Ирландію феодальную систему, они надѣлили духовенство обширными земельными владѣніями и воспользовались имъ для цѣлей собственнаго господства. Разбогатѣвшее высшее духовенство образовало тогда въ Ирландіи, какъ и въ остальной Европѣ, политическую корпорацію. Оно оказывало поддержку притѣснителямъ родины и кончило тѣмъ, что утратило свой національный характеръ. Поэтому-то, позднѣе, они съ покорностью повиновались Генриху XVIII, который приказалъ имъ признать главенство свое въ дѣлѣ вѣры. Такимъ-то путемъ основалась ирландская господствующая церковь. Непокорные епископы лишались епископскихъ владѣній, которыя и дѣлились между англійскими владѣльцами. Въ одномъ эдиктѣ королевы Елизаветы говорится о замѣщеніи вакантныхъ епископствъ «опытными людьми военнаго званія», до тѣхъ поръ, «пока мечъ не расчиститъ путь закону».

Между тѣмъ, католическая церковь, покинутая своими главами реорганизовалась и снова становилась національной, такъ что результатомъ всѣхъ преслѣдованій было утвержденіе ирландцевъ въ вѣрѣ отцевъ и сліяніе во едино религіознаго и патриотическаго чувства.

Послѣ этого можно-ли удивляться, что при видѣ междуусобицы, раздиравшей Англію, Ирландія вовлечена была въ борьбу надеждой на возвращеніе себѣ независимости и забывая пре-

слѣдованія Іакова I-го, увидѣла въ Карлѣ I-мъ лишь внука католички Маріи Стюартъ? Англичанамъ не на кого пенять.

Побѣжденная Ирландія въ изнеможеніи упала къ ногамъ Кромвелля, который придавилъ ее желѣзной рукой своей. Насиліями онъ превзошелъ, какъ извѣстно, всѣхъ предшественниковъ своихъ. Система конфискаціи имущества была примѣнена имъ въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ то дѣлалось прежде, послѣ каждаго пораженія несчастной страны. Ея земли дѣлились между кромвеллевскими солдатами, на глазахъ прежнихъ владѣльцевъ. Споліація и сопровождавшая ее рѣзня не уступали ужасамъ и насиліямъ германскаго вторженія во Францію и саксонскаго и датскаго въ Англіи, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ, что все это происходило только 200 лѣтъ тому назадъ, а слѣдовательно, съ различными утонченностями болѣе цивилизованнаго строя. Собственность была потрясена въ Ирландіи до основанія въ ту минуту, какъ въ остальной Европѣ она уже цѣлыя столѣтія была окончательно утверждена. Въ этомъ слѣдуетъ видѣть одну изъ главнѣйшихъ причинъ ирландскихъ бѣдствій. Ни рѣзня, ни конфискаціи не уничтожили ирландскаго населенія, но они исключили ирландцевъ изъ пользованія землей и обратили ихъ въ фермеровъ или поденщиковъ. Въ настоящее время не въ одномъ ирландскомъ граствѣ можно встрѣтить людей, воздѣлывающихъ въ качествѣ фермеровъ ту землю, которая была собственностью ихъ предковъ, лишившихся ея, вслѣдствіе конфискаціи. Эти, лишенные своихъ владѣній собственники, бережно охраняютъ документъ на владѣніе, не переставая рассчитывать на возвращеніе потеряннаго имущества.

Господствующая церковь и споліація земель, — таковы были два главныя орудія англійскаго господства въ Ирландіи. Эти-то орудія Ирландія пыталась вырвать изъ рукъ безжалостнаго завоевателя. Изъ-за нихъ-то велась непрестанная и ужасная борьба. Потрясенное на минуту непрочными успѣхами Іакова II, зданіе англійскаго господства вскорѣ вслѣдъ затѣмъ было упрочено рѣшающей побѣдой при Бойнѣ, одержанной Вильгельмомъ III и кровавыми репрессаліями послѣдовавшими за нею. Исключительные законы, — это ненавистнѣйшее орудіе деспотизма когда-либо изобрѣтенное человѣческимъ умомъ, — достаточно извѣстны. Преслѣдованіе направлено было при помощи этихъ законовъ на религію, на національныя учрежденія, на промышленность. Ирландскіе католики обращены были въ какихъ-то паріевъ. Вытѣсненные изъ парламента, изъ судебного вѣдомства, изъ гражданскихъ и военныхъ должностей, лишенные избирательнаго права, они силою вещей потеряли возможность воспитывать дѣ-

тей своихъ сообразно со своими религіозными вѣрованіями. Несмотря на то, что большинство населенія въ Ирландіи исповѣдуетъ католицизмъ, учебныя заведенія имѣли исключительно протестанскій характеръ, до такой степени, что никто не могъ открыть школы, не имѣя на то разрѣшенія англиканскаго епископа. Такое варварское законодательство имѣло нѣкоторый смыслъ на другой день по окончаніи борьбы между Іаковомъ II и Вильгельмомъ III; но затѣмъ, когда протестанская ганноверская династія была уже внѣ всякой опасности, а послѣдніе потомки Стюартовъ угасали въ изгнаніи, тогда исчезъ всякій поводъ и оправданіе подобнаго режима, столь противнаго принципамъ терпимости, провозглашеннымъ XVIII столѣтіемъ, а также и столь несовмѣстимаго съ интересами самой Англіи, такъ-какъ онъ поддерживалъ пламя такихъ страстей, о потушеніи которыхъ должна-бы забыться благоразумная политика.

Послѣ всего этого кто-же осмѣлится упрекнуть ирландскій народъ за то, что онъ остался чуждымъ великому освободительно-религіозному движенію, которое проникало духомъ своимъ этотъ вѣкъ. Католическая религія была клеймомъ, которымъ отмѣчались побѣжденные и предлогомъ для ихъ вящаго утѣсненія. При такихъ условіяхъ какой-же истинный патріотъ отрেকся-бы отъ вѣры, которую сами нагличане сдѣлали національнымъ символомъ.

Доказательствомъ того, что таковъ именно характеръ религіознаго вѣрованія въ Ирландіи, служитъ отношеніе ирландцевъ къ великой французской революціи, которую они привѣтствовали съ восторгомъ, между тѣмъ какъ въ Англіи и въ Шотландіи встрѣтили это событіе съ отвращеніемъ. Уже 14-го іюля 1792 года годовщина взятія Бастиліи праздновалась съ большею торжественностью въ моголюдномъ Бэльфестѣ. Зала, въ которой приготовленъ былъ юбилейный банкетъ, украшалась четырьмя знаменами: ирландскимъ, французскимъ, сѣвероамериканскимъ и польскимъ. Англійское знамя, само собою разумѣется, блистало своимъ отсутствіемъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что около того-же времени значительное количество протестантовъ англійскаго и шотландскаго происхожденія стало на сторону утѣсненныхъ и нерѣдко во главѣ ихъ. Въ особенности пресвитеріанцы присоединяются къ прежнимъ врагамъ своимъ и начинаютъ дѣйствовать сообща съ ирландцами, такъ-какъ давленіе господствующей церкви пробудило въ нихъ старые республиканскіе инстинкты. Въ средѣ новыхъ союзниковъ ирландцы находятъ себѣ вождей. Эмметъ—диссентеръ; лордъ Эдвардъ Фицджеральдъ—протестантъ и его имя есть

одно изъ самыхъ славныхъ именъ въ рядахъ завоевателей Ирландіи.

Долгое пребываніе во Франціи сильно повліяло на него. Новыя идеи съ неотразимою силою овладѣли пламеннымъ и великодушнымъ по натурѣ человѣкомъ. Онъ упивался братствомъ и равенствомъ, сблизился со многими выдающимися людьми того времени и просилъ называть его не иначе, какъ гражданиномъ Фицджеральдомъ. По возвращеніи на родину онъ посвѣшилъ устроить сношенія между вожаками общества соединенныхъ ирландцевъ и агентомъ тогдашняго французскаго правительства. Вскорѣ послѣ того онъ былъ признанъ вождемъ инсurreкціи, какъ вслѣдствіе знатнаго происхожденія, такъ и въ силу популярности, личныхъ качествъ и военныхъ способностей. Затѣмъ вернулся во Францію, чтобы продолжать начатыя переговоры. Рѣшено было предпринять экспедицію и генералу Готу поручено было начальствованіе надъ десантомъ. Этой экспедиціи не удалось, однако-же, увидать и береговъ Ирландіи, такъ-какъ страшная буря разсѣяла ее. Послѣдовавшая затѣмъ экспедиція прибыла на мѣсто дѣйствія слишкомъ поздно. Послѣ цѣлаго ряда блестящихъ успѣховъ, инсurreкція была подавлена и принуждена была уступить предъ несоразмѣрно-превосходными силами. Вожаки погибли или бѣжали; инсurreкціонное войско потеряло мужество.

Слѣдствіемъ этого пораженія было исчезновеніе послѣдней тѣни независимости несчастной Ирландіи. До тѣхъ поръ, по какому-то странному противорѣчію, несмотря на тяжелый религіозный и соціальный гнетъ, Ирландія пользовалась, однако-же, нѣкоторой политической свободой. Дублинскій парламентъ не только не былъ уничтоженъ, но прерогативы его были даже расширены въ 1782 году, до такой степени, что онъ получилъ дѣйствительную законодательную автономію. Правда, что вслѣдствіе существовавшей избирательной системы, составъ обѣихъ палатъ ирландскаго парламента (безъ согласія которыхъ никакая важная или незначительная реформа не могла осуществиться), былъ весьма однообразенъ, такъ-какъ представители принадлежали исключительно къ привилегированному сословію и официальной церкви. Поэтому всякое стремленіе къ реформамъ терпѣло крушеніе, разбиваясь объ узкій и деспотическій духъ протестантскаго большинства въ дублинскомъ парламентѣ. Какъ-бы то ни было, англійское правительство рѣшилось уничтожить и эту тѣнь свободы. «Актъ воссоединенія» (Unions Act), упраздняя ирландскій парламентъ, окончательно присоединялъ Ирландію въ 1800 году.

Положеніе страны не имѣнилось отъ этого. Но уничтоженіе парламента показалось ирландцамъ въиномъ пораженія и униженія. Съ той поры каждый агитаторъ, стремившійся къ возстановленію законодательной автономіи Ирландіи и отмѣнѣ «Unions Act'a», постоянно находилъ партію энергическихъ сторонниковъ, готовыхъ за нимъ слѣдовать. «Home rule» составляетъ лозунгъ этой партіи въ настоящее время, точно также какъ прежде лозунгомъ ирландцевъ было знаменитое «gereal».

IV.

Изъ этого краткаго очерка мы могли видѣть какъ возникли и развились элементы, изъ которыхъ сложился ирландскій вопросъ. Ихъ три: законодательная автономія, эмансипація католиковъ и поземельная реформа.

По увѣренію Питта, эмансипація католиковъ должна была немедленно послѣдовать за уничтоженіемъ дублинскаго парламента. Это было обѣщаннымъ вознагражденіемъ, а между тѣмъ до 1821 г. ровно ничего не было сдѣлано. Въ 1821 году Плукеттъ, которому Питтъ передалъ свои послѣднія политическія инструкціи, представилъ проектъ relief bill'я, которымъ католики признавались правоспособными для занятія всякихъ общественныхъ должностей, за исключеніемъ поста великаго канцлера Англіи и лорда-лейтенанта Ирландіи. Впрочемъ, этотъ билль не прошелъ. Принятый палатой общинъ, онъ былъ отвергнутъ палатой лордовъ. Наконецъ, въ 1829 году О'Коннелль завоевалъ своимъ соотечественникамъ политическую равноправность, цѣною долгихъ усилій. Тридцать лѣтъ спустя, по предложенію Гладстона, была вотирована отмѣна господства англиканской церкви (disestablishment). Съ этой поры эмансипація ирландскихъ католиковъ можетъ считаться совершившимся фактомъ.

Оставались невыполненными двѣ остальные задачи: законодательная автономія и преобразование поземельныхъ отношеній. Относительно первой ирландскій вопросъ не подвинулся ни на одинъ шагъ со временъ Unions act'a. Самое робкое предложеніе приводитъ въ неистовство не только благородныхъ лордовъ, но и представителей палаты общинъ. Потому-то и Парнелль соблюдаетъ благоразумную сдержанность, чтобы направить всѣ свои усилія на аграрную реформу, безотлагательность которой доказана фактически и признается всѣми либеральными умами, не одержимыми ненавистью къ Ирландіи. Взглянемъ-же на положеніе дѣлъ съ этой спеціальной точки зрѣнія, возвращаясь къ фактамъ на томъ пунктѣ, на которомъ ихъ оставили.

Мы указали выше какъ при помощи дѣлаго ряда конфискацій и поголовныхъ избіеній Англіи удалось окончательно овладѣть Ирландіей въ XVIII столѣтіи; какъ затѣмъ въ дополненіе къ этой политикѣ завоеватели приложили всѣ свои старанія къ тому, чтобы раззорить или задержать развитіе промышленности и торговли въ завоеванной странѣ до такой степени, что въ теченіе почти дѣлаго вѣка въ Ирландіи запрещено было учрежденіе акціонерныхъ банковъ. Ирландцы низведены были до степени сельскихъ пролетаріевъ, индійскихъ парій или спартанскихъ илотовъ.

Ирландскія бѣдствія имѣли естественнымъ слѣдствіемъ уменьшеніе населенія. Такимъ образомъ уцѣлѣвшіе должны были испытать нѣкоторое облегченіе. Дѣйствительно, оно такъ и было вначалѣ. Пока населеніе было рѣдко, ирландцы еще кое-какъ могли существовать, воздѣлывая землю, которая принадлежала имъ нѣкогда. Но условія не замедлили измѣниться. Культура картофеля показала въ высшей степени благодѣтельнымъ нововведеніемъ. Картофель давалъ въ Ирландіи обильные урожаи и явился значительнымъ подспорьемъ питательныхъ средствъ. Но, къ несчастью, и само населеніе возросло вмѣстѣ съ приращеніемъ въ этихъ средствахъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія оно не превышало 1.800,000 жителей. Менѣе чѣмъ въ 60 лѣтъ оно достигло, благодаря введенію культуры картофеля, до цифры въ 6.800,000.

Вслѣдствіе столь быстрого роста населенія, конкуренція не замедлила проявить свои пагубныя послѣдствія. Собственники, какъ и слѣдовало ожидать, безпощадно воспользовались своими преимуществами и повысили арендную плату. Если арендаторъ отказывался, на его мѣсто являлась сотня конкурентовъ. Обычай годовыхъ договоровъ существовалъ съ давнихъ поръ. Арендаторъ никогда не пожелалъ-бы принимать иного рода обязательства или связывать себя на болѣе долгій срокъ съ эксплуатировавшимъ его ландъ-лордомъ. Онъ льстилъ себя надеждой внушать хотя нѣкоторую умѣренность своему ландъ-лорду, грозя ему безпрестанной переменной арендаторовъ. Вслѣдствіе усиленія конкуренціи владѣльцу, напротивъ, стала представлять выгоды именно система ежегодныхъ условій, которая получила новое развитіе въ ущербъ арендатору, лишённому всякой гарантіи и предоставленному во власть самыхъ сумасбродныхъ требованій своего помѣщика. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что арендаторъ долженъ былъ платить задатки, а порой и дѣлать необходимыя постройки, заводить скотъ и доставать кормъ, имѣя въ перспективѣ, что по окончаніи года, ландъ-лордъ предложитъ ему на выборъ: или пла-

тить повышенную аренду, или убираться прочь, безъ всякихъ вознагражденій. Въ случаѣ неисправнаго платежа, владѣлецъ могъ не только прогнать арендатора изъ имъ-же выстроенной фермы, но и продать все его имущество. И дѣйствительно, продавали все—съ послѣдней кровати до дверныхъ наличниковъ и подпольныхъ балокъ.

Война съ Франціей принесла временное улучшение въ положеніи ирландскаго земледѣлія. Дублинскій парламентъ сильно поощрялъ вывозъ и, напротивъ, запрещалъ ввозъ хлѣбнаго зерна. Въ результатъ явилось повышение цѣнъ, чему содѣйствовалъ англійскій спросъ во все время войны, а это, въ свою очередь, повело къ превращенію въ пашню значительнаго количества пастбищъ и къ возникновенію новаго и многочисленнаго класса такъ-называемыхъ коттеджеровъ (Cottagers). Эта двойная перемена не оказала, однако-же, рѣшающаго дѣйствія на общее положеніе сельскихъ рабочихъ. Обычная заработная плата ихъ равнялась 60 сантимамъ въ день. За вычетомъ воскресеній, праздничныхъ, а также и ненастныхъ дней они работали 270 дней въ году. Но изъ этихъ дней приходилось отдать шестьдесятъ на покрытіе платы за наемъ коттеджа, а другіе шестьдесятъ за пастбище для коровы. Оставалось, слѣдовательно, не болѣе 94 франковъ на годъ.

При рациональной обработкѣ, коттеджеръ могъ-бы, конечно, увеличить свои доходы съ арендуемаго клочка земли, простиравшагося отъ одного до полутора акра, но въ виду годового условія и грозящаго по окончаніи срока увеличенія арендной платы, сопровождавшаго каждое приращеніе въ продуктахъ,—ирландскій крестьянинъ довольствовался тѣмъ, что засѣвалъ свое поле картофелемъ и былъ радъ, если его родилось вволю. По заключеніи мира 1815 года цѣны упали и положеніе земледѣлія снова сдѣлалось до крайности невѣрнымъ. Двѣ трети городского и пять шестыхъ сельскаго населенія обречены были на нищество. Эта ужасающая нужда народила страшныя болѣзни. Тифъ похищалъ множество жертвъ. Наконецъ, видъ умирающихъ безъ крова, голодныхъ и холодныхъ, на минуту возбудилъ жалость въ англичанахъ. Стали танцовать въ пользу голодающихъ, тратили милліоны на балные наряды, чтобы раздать бѣднягамъ какую-нибудь сотню тысячъ франковъ. Собрали также нѣкоторую сумму по подпискѣ. Заткнули нѣсколько голодныхъ ртовъ и доставили занятіе нѣкоторымъ нуждавшимся въ работѣ. Этимъ дѣло и ограничилось, а затѣмъ возложили упованіе на болѣе обильную жатву въ будущемъ году. Дѣйствительно, слѣдующій годъ былъ урожайный.

1847 годъ отмѣченъ страшной голодовкой, но по крайней мѣрѣ эти бѣдствія заставили англійское правительство признать несправедливость законодательства, касавшагося Ирландіи и приступить къ его преобразованію. Результатомъ этой дѣятельности явились три важныя мѣры.

Первая—законъ 1850 г. о наслѣдствахъ, обременныхъ долгами. Былъ учрежденъ специальный судъ—*encumbered estates court*, который долженъ былъ завѣдывать продажей и дробленіемъ большихъ имѣній. При этомъ имѣлось въ виду избавить страну отъ раззорившихся семействъ, какъ отъ наиболѣе жестокихъ, вслѣдствіе требованій кредиторовъ и уничтожить мало-помалу обширныя владѣнія, эти своего рода латифундіи Ирландіи, принадлежавшія какому-нибудь владѣльцамъ, которые только по имени могли считаться ирландцами, на самомъ же дѣлѣ по своимъ мнѣніямъ и вкусамъ были чистые англичане. При помощи дробленія и продажи такихъ имѣній желали содѣйствовать развитію средней и мелкой собственности.

Вторая мѣра заключалась въ отмѣнѣ господства англиканской церкви (*disestablishment*), о чемъ мы говорили уже ранѣе. Англиканская церковь, теряя свой оффиціальныи характеръ, избавляла ирландцевъ отъ обязанности содержать ненавистную имъ церковь. Въ то-же время и часть имущества ей принадлежавшаго должна была продаваться, причемъ тѣ 10,000 арендаторовъ, которые снимали земли въ этихъ владѣніяхъ, получали право приобрѣтенія этихъ земель въ полную собственность преимущественно предъ остальными покупателями.

Наконецъ, въ 1870 г. былъ изданъ *Irish land act*, законъ, вдохновителемъ котораго былъ Брайтъ. Этимъ закономъ имѣлось въ виду положить конецъ праву владѣльца сгонять по произволу фермера, когда ему вздумается и заставлять его дѣлать всѣ сельскохозяйственныя затраты. Въ протестантской части Ирландіи это было сдѣлано уже ранѣе. Въ Ульстерѣ помѣщикъ не имѣлъ права сгонять фермера, пока этотъ послѣдній выплачивалъ условленную арендную плату. За фермеромъ признавалось дѣйствительное право на ферму *tenant right* а также и право обратной уступки этого права. При отказѣ арендаторъ получалъ вознагражденіе. Арендная плата могла быть увеличиваема лишь въ извѣстные сроки и при извѣстныхъ условіяхъ. Это преобразование распространялось закономъ 1870 г. на всю Ирландію.

Подобныя мѣры показались многимъ слишкомъ смѣлыми и только давленіе непреодолимой необходимости принудило британскій парламентъ къ этимъ уступкамъ въ пользу ненавистнаго

населенія и въ ущербъ интересамъ родственниковъ и друзей наиболѣе вліятельныхъ и уважаемыхъ англійскихъ семействъ.

По крайней мѣрѣ надѣялись, что эти мѣры вполнѣ достаточны для изцѣленія Ирландіи и съ довѣріемъ стали ожидать отъ нихъ благихъ послѣдствій.

Какъ-же велико было изумленіе когда уже въ началѣ 1879 г. пришлось замѣтить всѣ признаки положенія не менѣе опаснаго, чѣмъ въ 1821 и 1847 годахъ.

Въ 1877 и 1878 гг. урожай былъ изъ самыхъ плохихъ. Въ 1879 г. онъ былъ еще хуже. Дефицитъ дошелъ до 500 милліоновъ франковъ. Въ другихъ странахъ, гдѣ существуетъ значительное скопленіе капитала въ различныхъ его видахъ, такое положеніе вещей еще могло быть сносимымъ. Англии, Франціи, Бельгіи пришлось выдержать и не такіе дефициты и кризисы. Но для Ирландіи бремя оказалось выше силъ. Старыя раны несчастной страны, считавшіяся зажившими или по крайней мѣрѣ заживающими, открылись и разразился новый кризисъ—аграрный, политическій и социальный. Этотъ кризисъ продолжается и до настоящаго дня и ничто не указываетъ на его близкій конецъ.

Ирландскій вопросъ снова былъ подвергнутъ изученію. И правительство, и публицистика основательно занялись имъ. Цѣлыя изслѣдованія, со множествомъ полезныхъ указаній и статистическихъ подробностей стали появляться въ формѣ газетныхъ статей или брошюръ.

Комитетъ одного лондонскаго общества рѣшилъ произвести изслѣдованіе положенія Ирландіи и поручилъ это дѣло извѣстному своею опытностью Джемсу Туку (Tuke), который уже былъ посланъ туда съ подобнымъ-же порученіемъ въ 1847 г. отъ общества друзей (Society of friends).

Изъ всѣхъ получившихся новыхъ данныхъ видно, что условія, въ которыхъ приходится существовать ирландскому населенію не подверглись никакому значительному измѣненію, сравнительно съ 1847 годомъ. Вся ирландская территорія дѣлится между 17,000 собственниками на 5,411,000 жителей при 16.000,000 десятинахъ. Эти цифры сами по себѣ уже достаточно краснорѣчивы.

Въ Англии насчитываютъ 1 собственника на 130 жителей, въ Ирландіи ихъ оказывается 1 на 315. Поэтому можно судить какъ слабо и ограничено было вліяніе законовъ объ имѣніяхъ, принадлежавшихъ протестантской церкви въ Ирландіи, а также и тѣхъ, которые касались ипотечныхъ имѣній. Изъ числа ирландскихъ собственниковъ имѣется 452, владѣющихъ каждый 5,000 десятинъ; 135 помѣщиковъ, владѣющихъ каждый 10,000 десятинъ; 90 владѣющихъ по 20,000 десятинъ, 14—по 50,000 деся-

тинъ и, наконецъ, 3—съ 100,000 десятинъ каждый и 1 ландъ-лордъ, а именно маркизъ Лансдоунъ, владѣющій 170,000 десятинъ. Сверхъ того, нѣкоторые общества, а именно лондонскія корпораціи суконщиковъ, рыбныхъ торговцевъ и торговцевъ мелкими желѣзными и мѣдными товарами владѣютъ въ Ирландіи 6.500,000 десятинъ, между тѣмъ какъ на 5.000,000 ирландскихъ жителей не приходится ни одной десятины. А между тѣмъ въ силу Encumbered Estates Act (закона объ обремененныхъ долгами имѣніяхъ), съ 1849 года продано было земель болѣе чѣмъ на милліардъ, но большая часть этихъ земель приобрѣтена была шотландцами, англичанами или-же городскими ремесленниками, которые вслѣдствіе привычки къ строгой бережливости, а также и къ отдаванію денегъ въ ростъ, успѣвали сколачивать капиталаецъ, достаточный для покупки какихъ-нибудь 20—30 гекторовъ земли. О земледѣліи они не пеклись и оставались ему чуждыми, стараясь лишь извлечь возможно болѣе дохода изъ своей земли, причѣмъ оказывались самыми хищными и жестокими изъ помѣщиковъ. Нѣкоторое число ирландскихъ крестьянъ, хотя и приобрѣло кое-какіе клочки, но такъ-какъ законъ 1849 г. не былъ пополненъ учрежденіемъ земельныхъ банковъ, то нерѣдко случалось, что собственникъ оказывался несостоятельнымъ. Итакъ, ирландскій крестьянинъ-собственникъ есть чистѣйшій миѣъ. Крестьянинъ въ Ирландіи долженъ довольствоваться положеніемъ фермера (такихъ насчитывается отъ 7 до 800,000 семействъ) или-же опуститься до степени наемщика и батрака.

О положеніи ирландскаго фермера нельзя судить по другимъ странамъ. Въ другихъ мѣстахъ разстояніе между фермеромъ и собственникомъ средняго достатка мало значительно. Въ Ирландіи оно огромно и различіе между ними крайне рѣзко. Одинъ располагаетъ всѣми благами цивилизаціи и пріостекающимъ отсюда комфортомъ, другой—живетъ въ состояніи близкомъ къ варварству и глубокой нуждѣ. Каждое имѣніе дѣлится на двѣ отдѣльныя части. Собственно имѣніе—и прилежащія къ нему земли, распредѣленныя между болѣе или менѣе многочисленными арендаторами.

Имѣніе включаетъ замокъ и англійскій паркъ, въ которомъ пасутся превосходныя короткорогія коровы и овцы улучшенной породы. Есть парки, обнимающіе до болѣе тысячи десятинъ. Замокъ представляетъ современную обыкновенно двухэтажную красивую постройку, возвышающуюся невдалекѣ отъ развалинъ стараго замка, густо обвитыхъ плющемъ. У богатыхъ помѣщиковъ дома бываютъ стараго архитектурнаго стиля. Высокія и строгія галлерей ведутъ въ цѣлыя ряды роскошно убранныхъ

комнатъ. Повсюду ковры. Библиотеки наполнены рѣдкими изданіями. Далѣе коллекціи картинъ и множество цѣнныхъ предметовъ. Въ жилыхъ комнатахъ возвышаются колоссальныхъ размѣровъ кровати, на которыя взбираются по обтянутымъ бархатомъ ступенямъ. Умывальники поражаютъ своими размѣрами. Къ нимъ проведены цѣлые потоки холодной и горячей воды, однимъ словомъ, все указываетъ на утонченную заботу о собственномъ тѣлѣ. Въ протестантскихъ семействахъ, составляющихъ 93 сотыхъ всѣхъ владѣльческихъ семействъ въ Ирландіи, хозяинъ дома начинаетъ день чтеніемъ вслухъ библіи и молитвъ. Грохотъ чудовищнаго китайскаго гонга возвѣщаетъ о часѣ обѣда, лѣнча, завтрака. Къ обѣду, даже въ отсутствіи постороннихъ, мужчины облакаются во фраки и бѣлые галстуки, а дамы въ платья съ вырѣзанными лифами, декольте.

Впрочемъ, большая часть землевладѣльцевъ отсутствуетъ. Насчитываютъ 1,440 такихъ, которые даже никогда и не появлялись въ своихъ имѣніяхъ. Число живущихъ въ своихъ имѣніяхъ или по близости отъ нихъ опредѣляютъ въ 3,500. Такимъ образомъ изъ 300 милліоновъ франковъ, составляющихъ цифру общаго дохода землевладѣльцевъ, только незначительная часть остается въ странѣ. Остальное растрачивается въ Англіи и за границей.

Перейдемъ-же теперь за предѣлы парковъ и посмотримъ на прилежающія земли и ихъ хозяйство. «Вотъ уже четырнадцать лѣтъ какъ я объѣзжаю Ирландію, пишетъ профессоръ Балдуинъ и вотъ типъ культуры, который пришлось мнѣ наблюдать въ милліонахъ случаевъ: небольшое поле, засѣянное картофелемъ, небольшое поле съ овощами и маленькое пастбище». Соедините эти клочки въ одно цѣлое и получается то, что называется въ Ирландіи маленькой фермой. Такихъ фермъ имѣется около 300,000, съ годовой арендной платой въ сто или двѣсти франковъ. На такихъ фермахъ можно видѣть обыкновенно домикъ, состоящій изъ двухъ комнатъ: первая служитъ въ одно и то-же время кухней, столовой и мастерской. Вторая служитъ спальней. Ирландскія женщины стараются содержать свои жилища съ возможно-большой опрятностью. Нужда царитъ въ нихъ постоянно. Если картофель уродился, борозъ, составляющій традиціонную принадлежность ирландскаго семейства, будетъ откормленъ, аренда уплочена, семья сыта. Въ нѣкоторыхъ, наиболѣе плодородныхъ мѣстностяхъ можно порой встрѣтить поля, засѣянные пшеницей, ячменемъ, овсомъ или льномъ. Но жатва крайне невѣрна. Пшеница никогда не вырѣвается ранѣе сентября, а иногда и октября. Овесъ убираютъ иногда въ ноябрѣ. Однимъ

словомъ, жатва наступаетъ въ Ирландіи позднѣе, чѣмъ въ Россіи. Если конецъ лѣта и начало осени дождливы, то жатва сильно страдаетъ, и при очень значительной степени сырости картофель гниетъ и Ирландія становится лицомъ къ лицу съ голодомъ и его ужасами.

Джемсъ Тукъ даетъ поражающую картину жилищъ и вообще положенія семействъ земледѣльцевъ въ графствѣ Коннаутскомъ и Донебольскомъ. Онъ приводитъ примѣръ курныхъ хижинъ, наполненныхъ дымомъ, весь инвентарь которыхъ заключается въ чемъ-то похожемъ на кровать, покрытую соломой. Не замѣтно ни стула, ни стола. Кровать и скамья составляютъ всю домашнюю утварь. Кто не находитъ мѣста на кровати, тотъ помещается на полу.

Въ одной мѣстности Тукъ встрѣтилъ женщину съ дочерью, которыя обратили свою хижину въ груды камней, чтобы найти скрывавшагося въ ней, по ихъ мнѣнію, колдуна. Онѣ сняли сперва крышу, а затѣмъ разобрали и стѣны, отыскивая его. Затѣмъ онѣ пріютились среди этихъ развалинъ. У нихъ не осталось ровно ничего, онѣ спали на землѣ и, если-бы не сосѣди, не имѣли-бы ни щепки, чтобы развести огонь.

V.

Такия страданія не могли не вызвать сильнаго волненія въ умахъ, какъ въ Ирландіи, такъ и въ самой Англіи. Это волненіе было еще усилено совпаденіемъ съ общими выборами. Тогда Гладстонъ протянулъ руку ирландскимъ избирателямъ, которые, довѣряя его слову, начали безпощадную борьбу противъ торійской партіи. На другой день послѣ битвы гомерулеры напомнили правительству объ его обѣщаніяхъ и потребовали справедливаго вознагражденія за оказанную ими услугу. Поставленный въ необходимость что нибудь сдѣлать, гладстоновскій кабинетъ наивно предположилъ, что можно заткнуть глотку гомерулерамъ биллемъ объ избирательной равноправности ирландцевъ. Однако, ему пришлось уже на первыхъ порахъ замѣтить свою ошибку. Послѣ продолжительнаго обсужденія придумали «билль о вознагражденіи». Сущность этого билля состояла въ томъ, что собственникъ не могъ вступить обратно во владѣніе своей землей, отданной въ аренду фермеру даже въ случаѣ неплатежа аренды до 31-го декабря 1881 г., безъ уплаты этому послѣднему вознагражденія, максимумъ котораго могъ простираться до суммы семи арендныхъ годовыхъ платежей. И это

только за «безпокойство» (disturbance), не считая вознагражденія по общему праву за всякое произведенное на арендуемой землѣ улучшеніе, постройки, удобреніе и т. п., за которые фермеръ имѣетъ право требовать вознагражденія.

Этотъ билль былъ найденъ слишкомъ радикальнымъ и нарушающимъ право собственниковъ. На самомъ дѣлѣ онъ заслуживалъ болѣе серьезнаго упрека.

Нужда въ Ирландіи свирѣпствовала съ особенною силою въ южныхъ графствахъ, такъ-какъ эти послѣднія имѣютъ мало плодородную почву, вообще отличаются бѣдностью, а за послѣдніе годы имъ пришлось еще страдать отъ послѣдовательныхъ неурожаевъ. Наиболѣе пострадавшіе округа были номинальнымъ образомъ классифицированы и новый законъ долженъ былъ примѣняться только къ попавшимъ въ эту классификацію мѣстностямъ. Подъ видомъ справедливости, въ подобномъ оппортунистскомъ законодательствѣ было, безъ сомнѣнія, много аномальнаго, несправедливаго и даже опаснаго. Новому закону были поставлены предѣлы, указанъ столбъ, далѣе котораго онъ не могъ идти. Касаясь одной фермы, онъ исключалъ другую, стоящую съ ней рядомъ. За подобную систему, стремящуюся предусматривать всѣ могущіе представиться частные случаи, можно дѣйствительно упрекнуть человѣка такого полета, какъ Гладстонъ. Онъ не только этого не понялъ и не старался выйти изъ колеи партикуляризма, но, напротивъ, завязъ въ ней окончательно. Послѣ нѣкоторыхъ измѣненій, въ палатѣ общинъ, билль его былъ принятъ, но провалился въ палатѣ лордовъ и былъ погребенъ въ архивѣ. А между тѣмъ была возможность пособить горю. Вспомнимъ только, что было сдѣлано во Франціи послѣ бѣдствій 1870 года. Въ Ирландіи, въ виду ея исключительнаго и ужаснаго положенія, можно было предложить билль, отмѣняющій всѣ земледѣльческія обязательства на годъ или болѣе. Сверхъ того, можно было-бы установить основанія для вознагражденія, которое фермеры могли-бы потребовать, чрезъ посредство судовъ, за претерпѣнные убытки, на основаніи необходимыхъ документовъ. Признанные справедливыми вознагражденія, могли-бы быть оплачены срочными облигаціями государственнаго казначейства, а коль скоро итогъ этихъ вознагражденій сдѣлался извѣстенъ, можно-бы покрыть эту статью средствами Соединеннаго Королевства, такъ-какъ Ирландія, очевидно, не въ силахъ принять на себя одну всѣ эти издержки. Все это, конечно, палліативъ, но его было-бы достаточно на первый случай и чтобы успокоить умы, въ ожиданіи принятія болѣе радикальныхъ мѣръ. Впрочемъ, едва-ли Гладстону не при-

ходили въ голову соображенія этого рода. Но дѣло въ томъ, что поступать, какъ мы только-что указали, значило-бы создавать весьма неудобный прецедентъ, которымъ могли-бы воспользоваться и англійскіе фермеры въ неурожайные годы. Кромѣ того, пришлось-бы повысить налоги въ Англiи, это повлекло-бы за собою непопулярность премьера, которая не замедлила-бы проявиться на выборахъ, общихъ и частныхъ, а Гладстонъ во-все не желаетъ причинять неудовольствіе избирателямъ, благодаря которымъ онъ держится у кормила.

VI.

А между тѣмъ положеніе ирландскихъ фермеровъ становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Начались выдворенія. Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ было начато болѣе шести тысячъ преслѣдованій и около двухъ тысячъ изъ нихъ имѣли слѣдствіемъ выдвореніе при содѣйствіи полиціи. Какъ ни плохъ былъ гладстоновскій билль, его отверженіе довело всеобщее раздраженіе до высочайшей степени. Ирландія поняла, что ей нечего надѣяться на англійское правительство и приходится дѣйствовать самой. Средства къ тому были у нея въ рукахъ. Ни для кого не было тайной, что гомерулеры располагали организаціей, основательно задуманной и приводимой къ осуществленію съ замѣчательною настойчивостью и послѣдовательностью. Изъ какихъ элементовъ она состояла? Какими располагала силами? Какой имѣла планъ дѣйствія? И какого свойства движеніе подготавливалось въ Ирландіи? Вотъ вопросы, которые задавалъ себѣ каждый съ возрастающимъ безпокойствомъ. Всѣ соглашались лишь въ одномъ, а именно въ томъ, что будущее преисполнено опасностей. Министры заявляли это въ парламентъ, а тонъ многочисленныхъ митинговъ становился все грознѣе и грознѣе. Ежедневно получаемыя извѣстія, повидимому, оправдывали предсказаніе, сдѣланное Парнеллемъ, что «пожаръ, зажженный въ маѣ на лугахъ графства Майо, распространится и охватитъ всѣ ирландскія графства». Сообщали, что въ средѣ американскихъ эмигрантовъ замѣчалась усиленная дѣятельность, что эмиссары ихъ разъѣзжали по Ирландіи. Говорили уже объ ужасающихъ покушеніяхъ. Положеніе дѣлъ болѣе чѣмъ когда-либо внушало опасенія. Оно было несравненно серьезнѣе чѣмъ въ 1848 и 1866 г.

Неудавшаяся инсurreкція Смита О'Бріэна была эпизодомъ, не имѣвшимъ серьезнаго значенія. Населеніе не приняло въ ту пору никакого участія въ этой дерзкой выходкѣ адвокатовъ и

поэтовъ. И въ этомъ движеніи принимали участіе выдающіеся люди, каковы, напримѣръ, Карлъ Гаванъ, Дуффи и д'Арей Магъ Гее, сдѣлавшіеся впоследствии министрами въ Австраліи и Канадѣ. Но движеніе, вызванное ораторами и журналистами «Молодой Ирландіи», не имѣло никакого социалистическаго характера.

Въ 1866 г. движеніе было уже болѣе серьезно. Около этого времени началъ развиваться фенианизмъ, которому приписываютъ значительное вліяніе и на нынѣшнее движеніе въ Ирландіи. Поэтому стоитъ остановиться на минуту на этомъ явленіи. Какъ извѣстно, эмиграція выставилась наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для исцѣленія Ирландіи отъ угнетавшихъ ее золъ. Казалось-бы, что эмиграція должна повести къ умиротворенію страстей, изъясъвъ изъ страны безпокойныхъ людей и обезпечивъ оставшимся болѣе высокую заработную плату. Но вышло иначе: эмиграція содѣйствовала, напротивъ, пробужденію страстей. Сотни тысячъ бѣжавшихъ въ Америку ирландцевъ не забыли родины. Какъ только имъ удавалось сколотить кое-какія средства, они выписывали семью, которая не могла слѣдовать за ними ранѣе, далѣе они отсылали часть сбереженій оставшимся на родинѣ нуждающимся друзьямъ, роднымъ. До 600 милліоновъ было послано въ Ирландію колоніей, основанной въ Америкѣ ирландской эмиграціей. Такимъ путемъ установилось сообщеніе съ далекой, лежавшей за моремъ страной, казавшейся обѣтованной землей, въ которой должны прекращаться всякія страданія. Очевидцы передаютъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ въ Ирландіи первыми извѣстіями о гражданской войнѣ, вспыхнувшей въ Сѣверной Америкѣ лѣтомъ 1861 г. Эта борьба нашла откликъ на островѣ, обыкновенно столь равнодушномъ ко всѣмъ внѣшнимъ политическимъ событіямъ. Въ глухомъ захолустьѣ, въ бѣднѣйшей хижинѣ, волновались по поводу войны между сѣверомъ и югомъ. И это по очень простой причинѣ. Почти не было семейства, одинъ изъ членовъ котораго не находился-бы въ Америкѣ, а ирландцы-эмигранты въ ту минуту становились въ ряды арміи своего второго отечества.

Образовавъ особые ирландскіе полки, во главѣ которыхъ стояли ирландцы-же командиры, они шли въ битву, осѣняемые старымъ ирландскимъ знаменемъ, съ изображеніемъ золотой арфы на зеленомъ полѣ. Но по мѣрѣ того какъ борьба затягивалась, а ирландскіе солдаты пріобрѣтали военный закалъ и навыкъ, а также и дѣлали денежныя сбереженія, у нихъ начала являться мысль о завоеваніи Ирландіи и присоединеніи ея къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки. Вскорѣ нашлись и

иниціативные люди, способные воплотить эту мысль и подготовить ея осуществленіе. Они-то и положили начало феніанству, т. е. обширному заговору, грозному по своимъ средствамъ и численности своихъ участниковъ.

Но когда пробилъ часъ дѣйствія вмѣсто цѣлой арміи, которая должна была устремиться въ Ирландію, нашлась только небольшая кучка преданныхъ и пылавшихъ любовью къ родинѣ людей. Потому-то феніанизмъ никогда не могъ принять размѣровъ даже обыкновенной инсurreкціи, столь часто повторявшейся въ Ирландіи. Тѣмъ не менѣе феніямъ удалось поднять мужество и поддержать надежду на лучшее будущее у своихъ соотечественниковъ въ Ирландіи. Къ тому-же они располагали могучимъ рычагомъ, которымъ не могли похвалиться до тѣхъ поръ ирландскія инсurreкціи, а именно деньгами. Благодаря значительнымъ денежнымъ средствамъ получилась возможность ввезти оружіе и боевые снаряды въ большомъ количествѣ. Наконецъ, феніи сдѣлались грозной силой вслѣдствіе того, что въ нихъ соединилось конспираторское искусство, приобретаемое и развиваемое подъ гнетомъ рабства, съ личной энергіей, отвагой и увѣренностью, приобретенными на вольномъ воздухѣ американской жизни. Неудача ихъ постигшая не уменьшала сочувствія къ нимъ со стороны ирландскаго народа. Англійское правительство приравняло ихъ къ самымъ гнуснымъ преступникамъ и обращалось съ ними самымъ жестокимъ образомъ. Многие изъ нихъ сошли съ ума, вслѣдствіе истязаній, испытанныхъ ими въ тюрьмахъ. Когда факты этого рода были сообщены въ палатѣ общинъ, ихъ встрѣтили взрывомъ тупоумнаго хохота. Но въ Ирландіи эти факты произвели глубокое, неизгладимое впечатленіе. Феніи сдѣлались мучениками. Они явились на родину, чтобы даровать ей ечастье и потому подверглись преслѣдованіямъ со стороны англичанъ. И до настоящей минуты феніи въ глазахъ ирландцевъ являются представителями не только старой, національной вражды, но и аграрнаго переворота, потому-что Феніи избрали лозунгомъ насильственное рѣшеніе вопроса о собственности, и именно раздѣлъ земель между ирландцами.

Самый дѣятельный престаивитель феніанства въ настоящую минуту Михаилъ Дэвиттъ. Говоря о немъ недавно, Парнелль воскликнулъ съ глубокимъ волненіемъ: «Какой человекъ! Я преклоняюсь предъ нимъ. И Дэвиттъ—каторжникъ въ настоящую минуту! А между тѣмъ онъ не виновенъ. Онъ могъ-бы сказать какъ О'Мари: я измѣнникъ? Но вѣдь не Англія, а Ирландія моя родина. По отношенію-же къ Ирландіи я не измѣнникъ!»—Дэвиттъ человекъ лѣтъ 35. Онъ средняго роста, съ довольно рѣзкими

чертами лица и безрукій. Изъ Ирландіи онъ уѣхалъ еще ребенкомъ, такъ-какъ семейство его было согнано съ земли, за неплатежъ аренды. 9-ти лѣтъ молодой Дэвиттъ поступилъ въ одну изъ Манчестерскихъ мануфактуръ, гдѣ и лишился руки, которая была раздроблена машиной, а затѣмъ ампутирована. 15-ти лѣтъ онъ былъ уже бухгалтеромъ. Въ самой ранней молодости онъ примкнулъ къ феніямъ и принималъ дѣйтельное участіе въ ихъ движеніяхъ въ 1867 году, а въ 1870 г. былъ арестованъ въ Лондонѣ вмѣстѣ съ Джономъ Вильсономъ, везшимъ къ нему ящики съ оружіемъ.

Дэвиттъ и Вильсонъ были признаны виновными въ государственной измѣнѣ и приговорены первый къ 15-ти, а второй къ семи годамъ каторги, «penale servitude», т. е. къ высшему послѣ смертной казни наказанію въ Англии. Онъ пробылъ, однако, на каторгѣ только семь лѣтъ, былъ освобожденъ въ 1877 г. и отданъ подъ «высшій полицейскій надзоръ», который могъ засадить его вновь въ тюрьму, когда вздумается. Въ ожиданіи этой пріятной минуты Дэвиттъ началъ читать лекціи, затѣмъ онъ отправился въ Америку, гдѣ содѣйствовалъ пробужденію дремавшаго феніанства и помогъ Парнеллю основать аграрную лигу, the land league. Только 21 декабря прошлаго года Дэвиттъ вернулся изъ Америки, чтобы предложить свое сотрудничество «лигѣ» и вручить ей значительную сумму денегъ, собранную имъ въ Америкѣ. Гладстону не нравилось возвращеніе Дэвитта и вскорѣ онъ былъ арестованъ въ Дублинѣ, а затѣмъ, въ силу своего положенія поднадзорнаго, снова отправленъ на каторгу. Въ Портлендѣ, гдѣ его помѣстили, до сихъ поръ еще его не заставляли работать на ряду съ прочими заключенными, избавили отъ ношенія арестантскаго платья и не обстригли волосъ, какъ то обыкновенно дѣлается. Онъ можетъ читать книги, какія угодно, но ему запрещено читать газеты.

VII.

Если феніи доставляютъ движенію матеріальную поддержку, то аграрная лига есть единственное орудіе дѣйствія. Ее можно назвать ассоціаціей фермеровъ, или, вѣрнѣе, крестьянской лигой. Въ составъ ея не входятъ крупные фермеры, а исключительно только мелкіе. Крупные-же почти всѣ люди, обдѣлывающіе весьма выгодныя дѣла и избѣгающіе вмѣшательства въ агитацію.

Воинствующіе члены лиги всѣ крестьяне, т. е. мелкіе арендаторы, обрабатывающіе отъ одного до десяти гектаровъ; боль-

шею-же частью отъ двухъ до четырехъ гект. Эта крестьянская лига есть ничто иное какъ земледѣльческій Trades Union со специально принаровленнымъ къ ея цѣлямъ регламентомъ. Аграрная лига, въ которой принимаютъ участіе всѣ безъ исключенія мелкіе фермеры, должна роковымъ образомъ и не сегодня-завтра привести къ конфискаціи всей крупной земельной собственности въ Ирландіи, если не легальнымъ, то фактическимъ путемъ.

Самое существованіе лиги легально, такъ-какъ въ Англіи допускаются всякаго рода сообщества даже такія, цѣль которыхъ не легальна, лишь-бы только эти сообщества заявили, что будутъ дѣйствовать пропагандой и убѣжденіемъ, а не насиліемъ. Поводомъ къ основанію лиги послужило желаніе содѣйствовать законному сопротивленію мелкихъ фермеровъ противъ требованій и тиранин ландъ-лордовъ. Къ несчастію, правосудіе стоитъ страшно дорого въ Англіи.

Нельзя не отдать справедливости ирландскому крестьянину. Среди ужасающей нужды и лишеній онъ умѣлъ сохранить достаточно нравственной силы для того, чтобы не гнуть шеи подъ тяжестью рабства и сплотиться во имя общей бѣды и сопротивленія, такъ-сказать, глинянаго горшка желѣзному. Но по мѣрѣ того какъ лига росла, стало расти и ея значеніе и теперь она можетъ быть названа могучей политической партіей, во главѣ которой безповоротно стоятъ социалисты и гомерулеры.

Организація лиги, а также и способъ дѣйствія достаточно извѣстны публикѣ. Пока ландъ-лордъ не тревожитъ и не сгоняетъ неисправнаго плательщика, все обстоитъ благополучно и лига не вмѣшивается; но какъ только владѣлецъ начинаетъ принимать какія-либо мѣры противъ своего фермера, этотъ послѣдній обращается къ лигѣ, т. е. къ представителю ближайшей изъ ея вѣтвей.

Ландъ-лордъ сперва получаетъ анонимное письмо съ предостереженіемъ, а затѣмъ уже являются къ нему люди въ маскаx и сопротивляются выдворенію или другимъ мѣрамъ. Если побѣда остается за ландъ-лордомъ, то лига объявляетъ, что никто изъ прочихъ фермеровъ не долженъ арендовать свободную ферму, откуда былъ выдворенъ арендаторъ. Далѣе, въ случаѣ неповиновенія обрѣзываютъ уши овцамъ ослушника, отрубаютъ хвостъ его коровѣ и т. п. Наконецъ, иногда убиваютъ или отравляютъ и его самого.

Какъ извѣстно, было убито и два ландъ-лорда, лордъ Лейтримъ и лордъ Монтморрисъ. Первый изъ нихъ поплатился жизнью за то, что соблазнилъ и бросилъ затѣмъ молодую дѣвушку. Это былъ уже тридцатый его подвигъ этого рода; причина

смерти второго такого - же свойства. Трупы этих почтенных людей послужили поводомъ и предлогомъ къ агитаціи, направленной противъ лиги. Составился комитетъ, было много шума и толковъ. Особенно рьяно взялись за дѣло протестантскіе пасторы. Обращались за содѣйствіемъ къ англійскимъ офицерамъ и войскамъ, набрали даже шайку людей сомнительнаго поведенія, но все кончилось ничѣмъ. Расчетъ на антагонизмъ двухъ вѣроисповѣданій оказался ошибочнымъ, такъ-какъ Парнелля со восторгомъ привѣтствовали въ Ульстерѣ и протестанты.

Мы не приводимъ многочисленныхъ и порою до крайности любопытныхъ и характерныхъ эпизодовъ ирландской аграрной войны. Всѣ они извѣстны читающей публикѣ, а нѣкоторые, какъ на примѣръ исторія съ пресловутымъ Бойкоттомъ, подало поводъ къ созданію неологизма и глаголъ *бойкоттировать* займетъ видное мѣсто со временемъ въ англійскомъ лексиконѣ.

VIII.

Работая надъ рѣшеніемъ ирландскаго вопроса, кабинетъ Гладстонъ-Форстера придумалъ и другую мѣру для ослабленія «лиги». Рѣшено было начать преслѣдованіе противъ вожаковъ ея, причѣмъ рассчитывали на устрашеніе лиги, а также и ея дезорганизацію, вслѣдствіе потери руководителей. Четырнадцать изъ нихъ получили приглашеніе явиться въ судъ; изъ нихъ пять членовъ парламента: Парнелль, Биггеръ, (депутатъ отъ Каванскаго графства и адъютантъ Парнелля), Джонъ Диллонъ (хирургъ и депутатъ отъ графа Типперари), Сюллаванъ (отъ Вестмета, типографщикъ, книжный торговецъ и издатель. Онъ въ то-же время главный редакторъ и собственникъ трехъ газетъ: «Nation» «Молодой Ирландіи» и «Недѣльныхъ Новостей»). Наконецъ, Томасъ Секстонъ, журналистъ и вѣрный послѣдователь Парнелля.

Правительство выставило противъ лигистовъ девятнадцать пунктовъ грозныхъ обвиненій. Главный изъ нихъ заключается въ «злоумышленномъ стремленіи къ раззоренію значительнаго числа честныхъ и вѣрнопопданныхъ слугъ госпожи нашей королевы». Далѣе они обвиняются въ поощреніи согнанныхъ съ участковъ арендаторовъ къ насильственному возвращенію на эти земли, а также въ запрещеніи являться на аукционы, гдѣ продается имущество несостоятельныхъ арендаторовъ. Наконецъ, самое ужасное обвиненіе—это подстрекательство къ исклю-

ченію изъ общества, какъ «проваженныхъ», всѣхъ тѣхъ арендаторовъ, которые взяли въ аренду участки выдворенныхъ фермеровъ.

Несмотря на это, всѣ съ изумленіемъ спрашивали, на основаніи какого-же закона можетъ быть начато преслѣдованіе. Правительство нашлось и въ этомъ случаѣ. Оно откопало старый законъ о конспираціяхъ (Conspiracy Law), отміну котораго, въ свое время, утверждала большая часть нынѣшнихъ его представителей. На это указалъ Парнелль, замѣчая, что «вмѣсто того, чтобы поставить ирландскихъ арендаторовъ въ одинаковое съ англійскими рабочими печальное положеніе, министры примѣнили къ нимъ законъ, который сами отвергли въ 1871 г. Они рѣшили теперь преслѣдовать ирландскихъ фермеровъ за ихъ попытку оградить свои интересы, организуясь по образцу англійскихъ Trades Unions и другихъ рабочихъ союзовъ». Аграрная лига вполне подходитъ подъ рубрику такъ-называемыхъ союзовъ сопротивленія. Но правительство предвидѣло эти возраженія и приняло свои мѣры, а главное, озаботилось порученіемъ дѣла суду королевской скамьи.

Однако, несмотря на все, лигисты были оправданы и можно сказать, что ни одно правительство не получало еще подобнаго камуфлета. Оно вознаградило себя арестомъ Дэвитта и отправкой его въ прежнее мѣсто заключенія. Этотъ фактъ ничего не прибавитъ къ либеральной репутаціи Гладстона и главнымъ послѣдствіемъ его явился скандалъ въ палатѣ общинъ, котораго не видывали вотъ уже цѣлые двѣсти лѣтъ. Мы говоримъ о выведеніи ирландскихъ депутатовъ и о той бурѣ, которая разразилась въ палатѣ, вслѣдствіе запроса Парнелля объ арестъ Дэвитта. Легендарное засѣданіе началось въ понедѣльникъ, въ 4 часа, продолжалось весь вечеръ, дагѣе, весь вторникъ—днемъ и ночью и окончилось только въ среду въ 10 часовъ утра. Деспотическое поведеніе Гладстона на этомъ засѣданіи заслужило ему эпитеты «измѣнника» и «тирана». Такъ называли его во время засѣданія. На слѣдующій день множество публики собралось на засѣданіе палаты общинъ. Любопытство привлекло туда и многихъ членовъ палаты лордовъ, Грэнвилля, Спенсера, Каируса, герцога Кембриджскаго и проч. Уже съ самаго начала засѣданія публика была удалена. Въ средѣ ирландскихъ депутатовъ замѣтно было сильное раздраженіе и гнѣвъ, напоминавшій времена Кромвелля. Парнелль поднялся съ своего мѣста и обратился къ Верноку д'Аркуру съ запросомъ по поводу арестованія Дэвитта. Отвѣтъ на этотъ запросъ былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій со стороны торіевъ и умѣренныхъ виговъ. Глад-

стонъ вмѣшался, въ свою очередь, и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Диллонъ потребовалъ лишенія его слова.

Извѣстно, что президентъ англійской палаты не имѣетъ колокольчика, а также, что у него нѣтъ подъ рукою шляпы, чтобы надѣть ее въ случаѣ беспорядка и тѣмъ прекратить засѣданіе. Это замѣняется слѣдующимъ правиломъ: въ палатѣ никогда не должно быть двухъ «стоящихъ» лицъ; поѣтому когда Спикеръ поднимается съ креселъ и «становится на ноги» (on his legs), какъ говорятъ англичане, ораторъ, говорившій въ ту минуту и потому вставшій съ своего мѣста, немедленно долженъ сѣсть, а палата должна выслушать то, что имѣетъ ей сообщить ея президентъ. Если затѣмъ ораторъ не садится, спикеръ дѣлаетъ ему предварительное предостереженіе, если онъ упорствуетъ—президентъ «называетъ его по имени». Право называть депутата по имени принадлежитъ исключительно президенту. Произнесеніе имени оратора имѣетъ въ англійскомъ парламентѣ то-же значеніе, какъ призывъ къ порядку или заявленіе порицанія въ другихъ законодательныхъ корпусахъ. За этой мѣрой всегда слѣдуетъ исключеніе.

Итакъ, Гладстонъ быстро сѣлъ, но Диллонъ, желая, вѣроятно, протестовать противъ безпримѣрнаго поступка его въ предъидущемъ засѣданіи, названнаго радикалами парламентскимъ Coup d'Etat,—продолжалъ стоять со скрещенными на груди руками и противъ самаго спикера, тоже стоявшаго въ ту минуту. Гладстонъ требуетъ заявленія порицанія со включеніемъ на остальное время засѣданія, тогда спикеръ теряется и «называетъ по имени» Диллона, забывая о предварительномъ предостереженіи. Депутатъ заявляетъ, въ свою очередь, что уступить лишь вооруженной силѣ. Эта послѣдняя дѣйствительно является на сцену въ лицѣ «sergeant at arms» и въ сопровожденіи восьми комиссіонеровъ палаты, Диллона выводятъ, а вслѣдъ затѣмъ то-же самое производятъ съ Парнеллемъ и тридцатью тремя гоме-рулерами. Давно уже англійскій парламентъ не видалъ ничего подобнаго, а именно съ 1648 года, т. е. со временъ Кромвелля и знаменитаго ареста 145-ти представителей Долгаго-Парламента, произведеннаго полковникомъ Прайдомъ.

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ непокорныхъ не забылъ предѣловъ приличія. Каждый изъ нихъ отвѣчалъ спикеру вѣжливымъ отказомъ повиноваться. Затѣмъ при первомъ прикосновеніи sergeant at arms'a къ плечу, депутатъ удалялся, такъ-какъ фактъ насилія уже былъ тѣмъ констатированъ. Глава-же изгнанныхъ депутатовъ довелъ свою лю-

безность до того, что, удаляясь, вѣжливо и почтительно поклонился спикеру, согласно требованіямъ этикета.

IX.

Разъ ступивъ на путь произвола и обузданія, правительство, какъ въ томъ всё увѣрены, будетъ продолжать идти по этому направленію, къ великому удовольствію торіевъ и огорченію радикаловъ, сторонниковъ нынѣшняго кабинета. Во все время пресловутаго засѣданія, а также и на предшествовавшихъ засѣданіяхъ торіи смѣялись сдержаннымъ смѣхомъ, пожимали плечами и вообще выказывали удовольствіе при видѣ того, какъ кабинетъ дѣлался смѣшнымъ и ненавистнымъ. Они удостоили даже Гладстона преувеличенно-громкихъ рукоплесканій, въ то время какъ друзья и сторонники его хранили знаменательное молчаніе. Знаменитый принудительный билль вполнѣ на руку торіямъ. Въ силу этого билля лордъ-лейтенантъ Ирландіи имѣетъ право отнѣнить права habeas corpus'a въ тѣхъ графствахъ и округахъ, которые были имъ предварительно объявлены стоящими виѣ закона. Онъ имѣетъ право арестовывать, заключать въ тюрьму и держать въ заключеніи во все время дѣйствія билля, т. е. до 1-го сентября 1882 г.,—лицъ, подозрѣваемыхъ въ участіи въ заговорѣ или преступныхъ дѣйствіяхъ противъ государства. Законъ имѣетъ силу начиная съ 1-го октября прошлаго года.

Послѣ всего этого неудивительно, что лордъ Биконсфильдъ отправился съ поздравленіемъ къ Гладстону. Безъ сомнѣнія, торійское правительство не могло-бы изобрѣсть ничего болѣе энергичнаго и даже едва-ли пошло-бы такъ далеко, если-бы было у кормила.

Однимъ изъ ближайшихъ слѣдствій форстеровскаго билля будетъ арестованіе всѣхъ вожаковъ аграрной лиги, съ которыми не удалось справиться при помощи судовъ. Этотъ способъ весьма удобенъ и доступенъ всякому правительству, даже китайскому императору. Парнелль и его друзья отправятся туда, куда уже водворили Дэвитта. Они къ этому готовы. А затѣмъ не успѣютъ ихъ арестовать, какъ они будутъ замѣнены новыми вождями и снова начнется та-же исторія, а Гладстонъ ни на шагъ не подвинется впередъ. «Правительство можетъ бросить въ тюрьму десятки, сотни лицъ, говорилъ недавно Парнелль на одномъ митингѣ,—но оно не можетъ посадить въ тюрьму всю ирландскую націю». Вотъ почему вожди аграрнаго движенія спокойно и довѣрчиво ждутъ событій. Въ настоящее время ихъ дѣло зависитъ не отъ единицъ и не отъ группъ. Организациія ирланд-

скихъ крестьянъ вполнѣ закончена. Она имѣетъ свои развитія повсюду. Борьба завязалась на всѣхъ пунктахъ. Каждое поле, отданное въ аренду за чрезмѣрную плату, тѣмъ самымъ есть уже поле сраженія. Всякая ферма, изъ которой былъ выброшенъ арендаторъ, становится укрѣпленной позиціей. «Это война, но война социальная», пишетъ специальный корреспондентъ «Daily News», посланный редакціей этой газеты на мѣсто дѣйствія. Отвѣчая на клеветы, весьма распространенныя по поводу Ирландіи, тотъ-же корреспондентъ замѣчаетъ: «Путешественники ничѣмъ не рискуютъ. И днемъ и ночью иностранецъ можетъ идти повсюду безъ оружія и ему не грозитъ опасность быть ограбленнымъ». «Не ландълордовъ желаютъ убить ирландцы, прибавляетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «нѣтъ, они желаютъ уничтожить ту чрезмѣрно-высокую премію, которую наложивъ на нихъ владѣльцы за право воздѣлывать ихъ землю. Арендная плата растетъ и растетъ, отнимая у ирландца возможность питаться хотя-бы варенымъ картофелемъ».

«Зачѣмъ стрѣлять въ ландълордовъ! говорилъ также недавно Скулливанъ.— Не въ нихъ, а въ чудовищныя ренты слѣдуетъ мѣтить».

Такова идея ирландскаго крестьянина. «Онъ жаждетъ не мести. Онъ голоденъ и ищетъ хлѣба». Итакъ, это дѣло не секты, а цѣлаго народа. Напрасно также стараются возбудить старинную религіозную вражду. Тотъ-же Диллонъ говорилъ недавно въ отвѣтъ на обвиненіи лиги въ клерикальности: «Земельная лига, говорилъ онъ,—не дѣлаетъ различія между вѣроисповѣданіями или вѣрованіями. Она стремится къ огражденію земледѣльца, не освѣдомляясь о томъ, предъ какимъ алтаремъ онъ преклоняетъ колѣна и какой придерживается религіи». Въ послѣднемъ манифестѣ своемъ Парнелль подтверждалъ то-же самое и, сверхъ того, приводилъ соображенія, имѣющія весьма важное политическое значеніе, а именно: онъ указывалъ на роковую общность интересовъ ирландскихъ крестьянъ, съ интересами рабочей массы въ Англіи и Шотландіи. Послѣ того, множество митинговъ во всѣхъ англійскихъ мануфактурныхъ и промышленныхъ центрахъ подтвердили эту солидарность. Итакъ, аграрная лига будетъ содѣйствовать преобразованію не одной только Ирландіи, но и самой Англіи. На развалинахъ старыхъ и немощныхъ партій, образуется подъ ея импульсомъ новая партія великихъ политическихъ и социальныхъ преобразованій.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИЖКИ.

- Горе побѣжденнымъ. Романъ въ трехъ частяхъ. (Окончаніе второй части). *А. Шабельскаго.*
Въ новомъ свѣтѣ по старому *С. С. Шашкова.*
Сельская община. Романъ. (Главы I—XIII) *Уйда.*
Обреченная. Стихотвореніе. *А. П. Барыковой.*
Новый. (Изъ хроники южно-русскаго села). *И. Н. Потапенко.*
Жанъ-Жакъ Руссо. (Окончаніе) *Л. Мечникова.*
Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Глава XIII) *Рафаэля Джіованіоли.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Новые типы „забитыхъ людей“ .
(Статья вторая). *Ф. Б—а.*
Экономика и политика *Н. Русанова.*
Новыя книги.
Орлеанская Дѣва *В. Крестовскаго.*
(Псевдонимъ).
Воинская повинность въ малоархангельскомъ уѣздѣ (1874—1879 гг.) *И. К.*
Журнальныя замѣтки *Ф. Рѣшимова.*
Внутреннее обозрѣніе *Н. Ш.*
Политическая и общественная хроника *Ж—ка.*
-

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„СИБИРЬ“

НА 1881 ГОДЪ.

Газета будетъ издаваться по той-же программѣ и выходить въ тѣ-же сроки (по воскресеньямъ).

Подписная цѣна съ пересылкою и доставкою на годъ 7 р., на полгода 4 р., на одинъ мѣсяць 75 к. Подписка принимается въ Иркутскѣ, въ типографіи Н. Н. Синицына, по Харлампіевской улицѣ, д. № 92. Подписчики, приславшіе вмѣсто семи шесть рублей, а также и не выславшіе вовсе денегъ, благоволятъ дослатъ деньги. Тутъ-же принимаются и объявленія; цѣна за объявленія та-же, что и въ прошломъ году; но книжные магазины, а также лица, предлагающія услуги личнаго труда, платятъ за объявленія половинную цѣну; большія объявленія, равно отчеты банковъ, протоколы городскихъ управленій и проч. принимаются по особому соглашенію.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ИДИОТИЗМЪ И ТУПОУМІЕ,

Соч. УИЛЬЯМА АЙРЛЭНДА.

Перев. съ англійскаго, съ рисунками, генеалогическими таблицами и съ предисловіемъ проф. И. П. Мержеевского. Ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 р.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продаются слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человѣка и половой подборъ. Чарльса Дарвина. Перев. съ англ., подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Валласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмек. Изданіе четвертое. 1878 г. съ приложеніемъ „Военной гигиены“ д-ра Вейнмана. Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 руб.; съ перес. 3 р. 50 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Спра. Перев. съ французскаго, подъ редакціею А. Н. Моритеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологии. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Цѣна 1 р.; съ пер. 1 р. 20 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 к.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Циммермана, составл. по дѣлописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Перев. съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ биографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Однимъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмек. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Девяносто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Биографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Инполита Ньюво. Перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Дж. Ст. Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Юг. Шерра: „Историческіе женскіе типы“. Изданіе второе. Цѣна 1 руб.; съ перес. 1 руб. 25 к.

Автобиографія Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 руб. 20 коп.; съ перес. 1 р. 50 к.

Витѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лѣтнева, изданный безъ предварительной цензуры. Цѣна 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Лунзы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Цѣна 50 к.; съ перес. 70 к.

Сочиненія Ф. М. Толстаго. (Повѣсти и разсказы), съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. Драма въ пяти дѣйствіяхъ Н. Потѣхина. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, разсказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Цѣна 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „Дѣло“ уступается 20% съ номинальныхъ цѣнъ (стоимость книги безъ пересылки.)

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1881 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція считаетъ себя отвѣтственной за исправную и своевременную
высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, ко-
торые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „Дѣло“.

Безъ пересылки и доставки	15 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	16 „ — .
Съ пересылкою иногороднымъ	17 „ —
„ за-границу, во всѣ госу- дарства, не исключая Сербіи, Румыніи и Болгаріи	19 „ —

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. казначеевъ.

Издатели: насл. Г. Е. БЛАГОСВѢТЛОВА. Редакторъ Н. ШЕЛГУНОВЪ.

100

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.
Please return promptly.

ST
CANCELLED
STUDY
CHARGE

Widener Library

3 2044 079 302 477